

Енѐ Гергей

История папства

От автора

Окончательный результат последнего конклава, происходившего осенью 1978 г., поразил не только католическое общественное мнение, но и привлек к себе внимание всех, причастных к мировой политике. Избрание краковского кардинала папой римским, естественно, явилось сенсацией и для венгерских католиков, да, можно сказать, для всего общественного мнения в нашей стране. Правда, появление на папском престоле папы-неитальянца предсказывалось специалистами уже в течение нескольких десятилетий и все же, когда это произошло, то было воспринято как неожиданность.

Избрание папой поляка Кароля Войтылы, принявшего имя Иоанна Павла II, свидетельствовало не только об особом внимании Ватикана к его родине, но и об интересе к Венгрии и другим странам Восточной Европы, где распространен католицизм. Это подтвердилось уже осенью 1980 г., когда впервые после войны делегация Ватикана на высшем уровне во главе с кардиналом государственным секретарем Казароли нанесла визит в нашу страну.

Все вышесказанное само по себе уже делает понятным и оправданным, что мы стремимся в какой-то мере удовлетворить возросший в нашей стране естественный интерес к папству. Нынешние положительные связи между Ватиканом и нашей родиной, отрегулированные отношения между отечественной католической церковью и государством создали возможность для появления данной книги, доступной для широкого круга читателей, написанной непредвзято, учитывающей достижения науки о двухтысячелетней истории папства.

Работа над созданием такой книги не обещала быть легкой. Ведь речь идет о теме, в оценке которой авторы сильно расходятся. Шкала оценок здесь самая широкая: от марксистских позиций до дилетантских точек зрения. А в лагере христианских авторов отличаются друг от друга не только католические и протестантские взгляды, но и внутри католицизма — традиционалистские и модернистские направления.

Односторонние взгляды и представления о папстве возникли и утвердились на основе взглядов буржуазной историографии, которая видела в папстве исключительно закоснелого защитника средневекового феодализма и отсталых идей. Поддерживала такого рода взгляды и предвзятая протестантская историография; да и историки, принадлежащие к православным церквям, не способствовали выработке более объективных взглядов на папство. В противовес всему этому исследования католических историков носили ярко выраженный апологетический характер.

В ходе работы нам пришлось не только находить надежные ориентиры в море известных и менее известных фактов, но и стремиться к тому, чтобы, избегая недостатков крайних точек зрения, придерживаться истины и, не оскорбляя ничьих убеждений, следовать за течением истории.

Литературу, служившую источником для написания данной книги, мы черпали в первую очередь в Венской Национальной библиотеке, а также в отечественных публичных библиотеках (в основном, в Университетской); богатые возможности предоставили и церковные книжные собрания. Архивные изыскания не входили в намерения автора: ведь жанр книги не требовал да и не позволял этого.

В ходе освоения и переработки материала нам, как кажется, удалось достичь нужной объективности, теоретического, принципиального и профессионального соответствия написанного требованиям, предъявляемым к такого рода исследованиям. Это могло осуществиться только благодаря

бескорыстной и очень компетентной помощи рецензентов и редакторов книги, а также моих наставников и друзей — специалистов по истории религии и церкви — академика Ласло Жигмонда и известного историка Густава Гёче, которые помогли мне не только предоставлением богатого фактического материала, но и передачей своего авторского опыта.

Надеюсь, что эта книга не отдалит, а приблизит друг к другу верующих и неверующих читателей и станет, таким образом, пусть скромным, но искренним вкладом в диалог, служащий нашим общим целям.

Автор

Будапешт, 1981 г.

Папство — что это такое?

Христианство столь значительно для современного человека не только потому, что это — мировая религия, но и потому, что в течение двух тысяч лет оно играло огромную роль в истории культуры, было органически связано с мировой историей. Эта связь всегда была для христианства существенной и вместе с тем чреватой всевозможными проблемами.

Христианство никогда не хотело быть бесплотной, спиритуалистической религией, которая не играет роли в истории, в формировании человеческого общества, а предлагает лишь спасение, бегство от истории, уход от общества. Так что история христианства, христианской (в частности, католической) церкви и папства тесно переплелась с мировым историческим процессом.

* * *

Прежде чем приступить к историческому исследованию, есть смысл уточнить официальную церковную точку зрения на понятия «папа» и «папство».

Термин «папа» по-гречески означает «отец». В первые века христианства это название применялось для всех епископов, а первоначально — для всех священников, пользовавшихся правом благословения. Имеются свидетельства того, что в VI веке некоторые епископы еще назывались «папами». Но начиная с VII века титул «папа» давался уже исключительно римскому епископу: это отражало процесс формирования учения католической (западной) церкви о примате (верховенстве) римского епископа.

Согласно этому учению, папа является наследником Святого Петра в римском епископате и в силу этого обладает верховенством в церкви. Власть папы — это высшая и юридически полная власть над всей церковью, независимая от какой бы то ни было человеческой власти и распространяющаяся не только на вопросы веры и нравственности, но и на все управление церковью. Выдающийся венгерский юрист-теолог, кардинал и глава венгерской церкви Юстиниан Шереди так сформулировал положение о законодательной, судебной и наставнической власти папы:

«Римский папа, как зримый глава Храма Христова, милостью Божьей осуществляет высшую, полную, единую и непосредственную юрисдикцию над всеми частями Святой матери-церкви и над всеми ее членами во всех религиозных, моральных, дисциплинарных вопросах и в делах управления церковью...»

Что же составляет конкретное содержание верховенства (примата) папской власти?

Папа осуществляет верховную законодательную власть в церкви: папа (и вселенский собор) имеет право издавать законы, обязательные для всей церкви или для ее части, толковать их, изменять или отменять их действие. Законы, издававшиеся соборами и папами по вопросам церковной

дисциплины, назывались канонами. Их объединяли в специальные канонические сборники — кодексы канонического права. Уже Халкидонский собор (451) выпустил такой сборник. Средневековое каноническое право было кодифицировано в неоднократно переиздававшемся «Corpus Juris Canonici» («Свод юридических канонов»). Наиболее часто используемым его вариантом было, пожалуй, лейпцигское издание 1876–1884 годов. Свод законов, вступивший в силу 19 мая 1918 года, составила папская кодификационная комиссия, созданная в 1904 году папой Пием X под руководством кардинала Гаспарри и выпустившая его под названием «Codex Juris Canonici» («Кодекс канонического права»). 27 мая 1917 года папа Бенедикт XV освятил его и опубликовал. В последний раз сборник законов католической церкви был издан между двумя мировыми войнами при активном участии в его подготовке Юстиниана Шереди в 9 томах под названием «Источник канонического права» («Codicis Juris Canonici Fontes», Рим, 1923–1929 годы, т. 1–7 — ред. П. Гаспарри, т. 8–9 — ред. Шереди)[1].

Папе принадлежит верховная каноническая, апостольская власть в церкви. В вопросах веры и морали папа следит за чистотой вероучения, то есть отвергает псевдоучения, руководит распространением веры (миссионерской деятельностью), созывает вселенские соборы католической церкви [2], ведет их заседания (лично или посредством уполномоченных им лиц), утверждает их решения, переносит или распускает соборы.

Предмет вероучения — откровения Божьи, хранительницей которых является вся церковь. Церковь сообщает эти откровения на торжественных или обычных богослужениях. Торжественным богослужением называют те редкие службы, на которых церковь оглашает какой-то догмат веры. Это может происходить либо на вселенском соборе, либо путем провозглашения его папой *ex cathedra* (с кафедры, с амвона). Догматы соборов (а после I Ватиканского собора, с 1870 года, оглашаемые папой *ex cathedra*) по вопросам веры и морали объявляются как действительные для всей церкви и непогрешимые (*infallibitas*), то есть они не могут быть ошибочными.

Папа наделен высшей судебной властью в церкви. Любое судебное дело может быть подано ему как первой инстанции. Единственно ему подсудны кардиналы, нунции и епископы, обвиняемые в уголовных преступлениях. Папа разрешает дела в 3-й инстанции по апелляциям в церковных процессах. Запрещается обращаться к светскому суду с обжалованием приговора, вынесенного папой.

Папе принадлежит высшая исполнительная власть в церкви: он учреждает, изменяет и ликвидирует епископства; назначает, утверждает в должности, переводит и смещает епископов; заполняет вакансии, распоряжается на высшем уровне церковным имуществом, осуществляет право посвящения в блаженные и святые.

Внутрицерковные функции папы наиболее четко изложены в книге французского автора Жозефа де Местра «О папе» (Париж, 1819). В ней он утверждает, что папа — гарант всеобщности (универсальности) и единства католической церкви. Поскольку папа — залог единства церкви, то и папская власть — суверенна. Через папу действуют в полную силу и части церкви. Единовластие папы необходимо для соблюдения законности и для поддержания порядка внутри церкви. Римская церковь единовластна и не терпит ни демократии, ни аристократии. Без папы нет даже вселенского собора. И следовательно, единовластие папы как форме правления, воплощающей в себе все, сопутствует непогрешимости.

Святой Франциск де Саль считал: «Церковь и папа — одно целое». Де Местр пишет, что без папы нет истинного христианства. «Папа необходим, он — единственный и исключительный отец христианства. Он обладатель обетованного, без него исчезает единство, а значит, и церковь» (Ж. де Местр. О папе. Пешт, 1867. С. 360). Природа папской власти — духовная, она исходит от Бога, потому что всякая суверенность божественна. Папский суверенитет был источником власти европейских христианских монархов; поэтому де Местр считает, что папа стоит выше светской власти.

Власть папы, означающая его верховенство над вселенской церковью, дополняется еще и следующими видами рациональной власти, а точнее, они ей сопутствуют: каждый из пап является одновременно епископом города Рима, архиепископом римской Церковной области, кардиналом Италии, патриархом Запада. Эти его функции исторически сложились именно в таком порядке и связаны были с римским епископатом, а потом привели ко вселенскому верховенству. Папа управляет римской Церковной областью как епископ, носящий титул Наместника Христа (Vicarius Urbis).

Вселенское верховенство папы над церковью и его региональные церковные функции в ходе истории — от образования Церковного государства (Patrimonium Sancti Petri) вплоть до 1870 года, до его ликвидации — органически связаны с функцией светского монарха (суверена) Папского государства. Управление Церковным государством в качестве ненаследуемой монархии с течением времени менялось, но природа его всегда оставалась монархической и абсолютистской.

Реорганизованное в духе Латеранских соглашений (1929) Папское государство-город Ватикан, — только символ светской власти и независимости пап. (Городом Ватикан папа управляет через своего заместителя по общим вопросам.)

«Tu es Petrus»[3] (Образование епископальной церкви в I–III веках)

Начало истории христианской церкви туманно. Научные поиски направлены здесь на новый критический анализ источников, чтобы доказать историчность христианства, раскрыть социальные причины его возникновения и проследить этапы его формирования в церковь, включая и длительный период превращения римского епископа в папу.

Процесс образования папства восходит к периоду отмирания древней церкви. Об истории римских епископов мы можем говорить лишь с момента возникновения епископальной церкви и института епископата как такового. Поэтому, чтобы понять историческую необходимость папства, нам следует схематично обрисовать историю католической церкви.

Возникновение христианства и древняя церковь

Согласно официальному учению христианских церквей, христианство и церковь возникли в Палестине в период правления императоров Августа (31 год до н. э. — 14 год н. э.) и Тиберия (14–37 годы н. э.). Палестина, которая в силу своего географического положения почти постоянно находилась под иноземным владычеством, являлась с 586 года н. э. политическим придатком то Египта, то месопотамских государств, то Римской империи. Населявшие Палестину еврейские племена никогда не теряли надежды вернуть свою независимость. Они ждали Мессию, Божественного посланника, который принесет им освобождение, спасение от рабства, неволи. Идея прихода Мессии пустила глубокие корни в их сознании, приспособившись к историческим обстоятельствам.

Римский полководец Помпей в 63 году до н. э. занял Иерусалим и присоединил Палестину к провинции Сирия. В период правления союзника Рима, выходца из Эдома — Ирода, давно теплившаяся в кругах еврейского народа идея Мессии получила широкое распространение, можно сказать, стала экзальтированной мечтой. В этих условиях и появился на сцене основатель и проповедник идей христианства — Иисус из Назарета. Основные догмы новой веры были заключены в Никейском символе веры [4]. Подробно же новое вероучение содержится в четырех канонических евангелиях. Три первых родственных (синоптических) друг другу евангелия — от Матфея, Марка и Луки — возникли после 70 года н. э., а четвертое — от Иоанна было написано в конце I века, но лишь в конце II века эти евангелия стали основополагающими. (Слово «евангелие» (euangelion) означало у греческих классиков, например у Гомера, награду принесшему добрую, благую весть. В Новом завете евангелием, благой вестью, называли учение о Христе и само его учение, равно как и распространение его.)

В наши дни большинство исследователей считает Иисуса исторически существовавшим лицом. В формировании церковных догм и организационных принципов церкви большая роль принадлежит четвертому евангелию — от Иоанна — (а не трем синоптическим) и посланиям, приписываемым апостолу Павлу, впервые изложившим и апокалипсически пропагандировавшим учение Христа. Монархический принцип в строении Христовой церкви католическая теология развивала, ссылаясь в основном на Евангелие от Матфея. Согласно Матфею, Иисус, находясь с учениками в окрестностях Цезареи, на берегу Иордана, сказал Симону: «И Я говорю тебе: ты — Петр [5], и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее; и дам тебе ключи Царства Небесного: и что свяжешь на земле, то будет связано на небесах, и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах» (Матф., 16:18–19). С конца средневековья паломник, вступающий на землю Рима, видит горделивую надпись по-латыни на куполе, созданном Микеланджело в храме, воздвигнутом над могилой Петра: «Tu es Petrus et super hanc petram aedificabo ecclesiam meam, et tibi dabo claves regni coelorum»[6].

Согласно христианскому учению, церковь — это зримое общество, состоящее из людей, объединяющая сила которого кроется в авторитете. Этот авторитет и есть тот камень (Петр), который является основой церкви. Из принципа авторитета следует, что воплощение авторитета — одновременно и глава церкви. Но что же символизируют ключи от небес? Ключ — это символ права и власти. Ключ от дома (от церкви) дан тому, чей это дом. Авторитет, хранящий ключ, — это Петр и его преемники, папы. Что означает власть разрешающая и связующая? Это доказательство монархической наместнической власти Петра. В древнееврейской духовной литературе и вообще у восточных народов «разрешать и связывать» было общепринятым в юриспруденции выражением для обозначения законодательства, вынесения приговора, административных распоряжений, официальных толкований законов и обоснования административных действий. Одним словом, это означало решение на основе авторитета. Элементы иерархической церкви можно обнаружить и в Евангелии от Луки, и в Деяниях святых апостолов. Петр стал центральной фигурой потому, что был человеком компромиссов и объявил себя носителем груза (Деян., 15:5—31).

В противовес авторитету Петра мы, однако, читаем в Евангелии от Иоанна о неоднократных колебаниях Петра (Ин. 18:25–27; 19:26; 21:15–24), потому что Иоанн считал себя лучшим и самым верным учеником Христа. Иисус передал всем своим апостолам (и их преемникам, епископам)

апостольскую миссию и право управления церковью. Тогда зачем понадобилось первенство Петра? По мнению Святого Киприана, епископа карфагенского (ум. в 258 году), это было необходимо для того, чтобы и при коллегиальности сохранилось и было подчеркнуто единство церкви. Петр как апостол был равен остальным, но ему была дана внутри церкви особая, конституционная по природе власть, и, как таковая, она имела наследственный характер. Примат папства, исторически формировавшийся принцип авторитета и его практического воплощения имел первоочередной функцией сохранение единства управления и вероучения церкви.

Основная, упомянутая выше догма католической церкви и по сей день — учение об апостольстве. В то же время можно доказать, что легенды о 12 апостолах появились только в первой половине II века. (Образ апостольской коллегии, символизирующий 12 родовых колен Израиля, появляется в срединной группе посланий Павла.) Очевидно, апостольская конструкция возникла, когда уже на деле образовалась епископальная церковь, и этот факт узаконен ее апостольским происхождением.

При реконструировании главных путей исторического развития церкви нам нужно исходить из того, что христианство географически возникло в Палестине в первой половине I века. Члены образовавшейся в Иерусалиме христианской общины были исключительно евреями, которые оставались в тесной связи с остальными евреями и сами соблюдали законы Моисея. По своему социальному составу самые ранние общины иерусалимских и иудейских христиан были из бедных слоев верующих. Следствием социального положения христиан, а также угнетения Иудеи римлянами было то, что древние христиане ненавидели богачей и представлявший их власть Рим. Улучшение своего положения они ожидали от прихода Мессии, который должен был низвергнуть Римскую империю.

Вера в скорое наступление конца света и враждебность по отношению к властям и богатым привели к тому, что первые христиане обращали свое имущество в деньги и жили в имущественной общности. Социальное положение первых христианских общин обусловило их внутренний демократизм. Среди них не было духовных и светских чинов, не было чиновников и каждый мог заниматься проповедничеством и пророчеством на общей культового характера трапезе — агапе. Независимые друг от друга и в основном изолированные, христианские общины не могли быть едины и в смысле вероучения. Решающее влияние на формирование их веры оказывала социальная среда и политическая обстановка, в которых они функционировали.

Уже в период иудейской войны (66–70 гг.) и еще больше после нее христиане оказались связанными с иудейской диаспорой за пределами Палестины. Подавление восстания Иудеи и уничтожение Иерусалима в 70 году разбросало по свету иудео-христианские общины Палестины. Беженцы искали и нашли приют прежде всего в восточных провинциях империи. К этому времени большое число евреев уже жило за пределами Палестины, в первую очередь в торговых центрах, в больших городах, таких, как Дамаск, Антиохия, Александрия, Афины, Коринф, в городах на побережье Малой Азии, а также и в самом Риме. На место воинственного мессианства, связанного с еврейским движением за независимость, вследствие поражения вооруженных восстаний пришло разочарование; выходом из кризиса были уход, бегство от действительности в область мечтаний. Вожденное царство свободы и благоденствия постепенно переместилось в потусторонний мир.

Христианству за рубежами Палестины, если оно не желало выродиться в незначительную иудейскую секту, нужно было порвать с иудаистскими корнями. Это и был первый разрыв

(разрешение). Но перемены давались нелегко. Большинство иудео-христиан (которые по традиции считали своими вождями Петра и большинство апостолов) неодобрительно отнеслось к отклонению миссии в сторону языческого (главным образом — эллинистического) мира. Поэтому они считали обязательным исполнение Моисеева закона и язычниками, принявшими христианство. Дальнейшее распространение христианства, таким образом, натолкнулось на сопротивление евреев. В то же время все большее число неиудеев (язычников) присоединялось к христианам. Это благоприятствовало развитию того направления в христианстве, которое связано с именем апостола Павла (так называемый паулинизм), считавшего ненужным и даже вредным соблюдение закона Моисея как евреями, так и язычниками, перешедшими в христианство.

Проблема отношения к иудаизму отразилась в легенде о так называемом апостольском соборе, состоявшемся якобы в 49 году н. э. в Иерусалиме. На соборе, согласно легенде, председательствовал сам Петр. Созыв собора был обусловлен спором, возникшим в Антиохии; нужно было принять решение: обязаны ли крещеные язычники соблюдать иудейский закон. Совет апостолов, то есть орган коллегиального руководства церкви, решил: нет! Значение Иерусалимского собора важно не только в силу этого решения, но и в силу того, что он показал руководящую роль Петра, его претензию на верховенство. Но собор как коллегиальный руководящий орган принял свое решение вместе с Петром, ведь тогда еще не сформировалась иерархическая церковь.

Второе восстание в Иудее (116–117 гг.) ускорило отделение иудео-христианства от паулинизма. Иудео-христиане оказались в меньшинстве. Последний толчок к разрыву дало восстание Бар-Кохбы, вспыхнувшее в 132 году и потопленное в крови в 135 году. Последовавшие за ним преследования заставили крещеных отказаться от всякой общности с иудеями. «Такой поворот оказался решающим: он позволил христианству, вышедшему из рамок народно-племенной религии, оказывать влияние на все народы всей империи»[7].

Формирование епископальной церкви

Эмансипация христианства от иудаизма благодаря контакту с эллинизмом сделала его универсальным для всей империи. (Например, в империи и Библия получила вначале распространение на греческом языке.) С завоеваниями Римской империи ускорилось проникновение в нее восточных (гностических) религий, которое во II веке, то есть с распространением христианства, достигло своего апогея. Стержневой мыслью мистических религий, как и христианства, было трансцендентальное ощущение искупления и свободы (то есть на «том свете»). Эти мистические религии обеспечивали идеологические рамки социальным волнениям в провинциях.

Центрами дальнейшего распространения христианства во второй половине I столетия были уже эллинистические общины. Первой древней церковью, состоявшей из греков, была община в Антиохии. А христианско-античную культуру выпестовала являвшаяся последним бастионом восточно-античной философии египетская Александрия, которая одновременно обеспечила завоевательную силу все более латинизировавшегося христианства. То, что христианство перешло из еврейского гетто в эллино-римский мир, символически отражает тот факт, что после крушения в 70 году Иерусалима почетное первенство перенимает христианская община столицы империи — Рима. Но первым посредником-передатчиком возникшего на Востоке христианства в Италию и западный мир был не Рим, а латинизированная провинция Африки — Карфаген.

Однако наряду с эллинизмом решающую роль для христианства сыграл и Рим. В учении апостола Павла синтетически слились три исторических элемента: иудейская склонность к пророчествам, греческий интеллектуализм, а затем и римская цивилизация, обеспечившая уже в мировом масштабе организационные условия для расцвета христианства. Историческое значение христианства, которое представлял Павел, состояло в том, что и в движении, и в идеологии на передний план выдвинулась мысль, которую апостол Павел сформулировал в Послании к галатам так: «Нет уже Иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе» (Гал. 3:28).

Критика враждебного отношения к богатым и власть имущим в ранних христианских общинах встречается уже у апостола Павла, однако во II веке она стала значительно видоизменяться в связи с тем, что Спасение отодвинулось в далекое будущее. Превращение христианства в массовое движение было связано также с изменением социального состава общин, с присоединением к христианству все большего числа зажиточных и знатных свободных граждан. Стремление к новой религии всеобщности (универсальности) проявляется не только географически, но и социально. Это обстоятельство требовало от христианства всеобщего и одновременного удовлетворения прямо противоположных требований угнетенных и угнетателей. Такую двойственность и удовлетворяла идеология и политика паулинистского течения. Согласно апостолу Павлу, власть исходит от Бога. «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены», — читаем в его Послании к римлянам (Рим. 13:1). Двойственность видна, например, и в том, что по христианскому закону свободный и раб равны перед Богом, но все же раб должен смириться со своей судьбой, потому что таково веление Бога, нельзя противиться власти.

По мере того как блекли инстинктивные революционные и общинные традиции древних общин, из паулинистского направления рождалась церковь и постепенно возникала иерархическая церковная организация. Ее формирование позволило победоносно вышедшему из внутренней борьбы, заключившему компромисс с существующей властью и окончательно порвавшему связь с иудейскими корнями реалистическому паулинизму объединить учение и ритуалы этого направления. В древней церкви верующие не думали о создании каких-то твердых организационных рамок, потому что ожидали весьма скорого конца света. Когда эти ожидания отпали, общине нужно было настраиваться на долгую перспективу. А это сделало необходимым укрепление организационных рамок, выполнение определенных функций, отделение духовенства от «простых смертных». Создателями связи между распространителями вероучения и церковными приходами стали странствующие проповедники, или апостолы. Священники приходов, жившие при общинах, так называемые пророки, выполняли культовые обряды и постоянно проповедовали. Внутри приходов пресвитеры (старики) на иудейский религиозный манер пользовались уважением прежде всего по возрасту; их мнение было важным, но не решающим. Верующие для ведения дел общины избирали чиновников. Диакон (слуга) вначале действительно был слугой, прислуживал при трапезе (агапе) за столом. Из этой функции и образовалась должность диакона, обязанностью которого было услужение, помощь епископу. Когда требования общности имущества в приходе ослабли, а затем были и совсем отменены, сохранилась общая касса, общая казна, где хранились подарки и пожертвования приходу. Хранителей казны и общего имущества называли епископами

(смотрителями). Так что епископ поначалу был явно хозяйственником, казначеем прихода. В это время авторитет у диакона и епископа был только как у выборных чиновников, а вот пресвитеры, пророки и апостолы пользовались и властью, и почетом.

Каждый член ранней христианской общины имел право проповедовать, обучать, быть целителем. В процессе преобразования движения и общин значение апостолов, пророков и целителей уменьшилось или изменилось. В соответствии с новым положением среди них установился свой иерархический порядок; по отношению к этой иерархии остальные были просто верующими (непосвященными), мирянами.

Но это было еще не полное отделение верующих от толкователей учения — ведь именно от духовенства апостол Павел требовал, чтобы они вели добропорядочную семейную жизнь. В первом послании к Тимофею мы можем прочесть строки, относящиеся к выбору епископа: «Но епископ должен быть непорочен, одной жены муж, трезв, целомудрен, благочинен (честен), страннолюбив, учителен» (1 Тим. 3:2). Там же о диаконе сказано: «Диакон должен быть муж одной жены, хорошо управляющий детьми и домом своим» (1 Тим. 3:12). Таким образом, строгое указание Павла было направлено только против многоженства, в нем ничего не говорилось о безбрачии, которое считалось скорее нежелательным для духовенства.

Выборные руководители христианских общин в интересах распространения веры и в целях подготовки соглашения с властями все сильнее «закручивали организационные гайки» и укрепляли дисциплину. Начиная с конца I века демократическую организацию древней церкви шаг за шагом вытесняло несмещаемое правление пресвитеров и епископов, которые учили, что свой авторитет они унаследовали от первых апостолов. С середины II века главным чином христианской общины и абсолютным авторитетом становится уже епископ, которого и дальше избирает формирующийся клир (духовенство) вместе с простыми прихожанами. Епископ становится высшим вероучителем и руководителем общины (хотя раньше он не был ни тем, ни другим). Он получает право судить и верующих, и пресвитеров. Реорганизация общин, разделение их на духовенство и просто верующих делает понятным, почему христианство, руководимое священниками, профессиональными грамотеями и толкователями текстов, стало сначала движением городским и интеллектуальным. (В провинции христианство не могло еще победить; там сохранилась еще старая религия, деревенская (paganus), отсюда и название язычников, в частности в венгерском языке: «поганые».)

С середины II века наступил новый этап централизации. К этому времени отдельные соседние общины вступили в тесный контакт друг с другом. Как правило, епископы городских, более богатых общин становятся предводителями и других окружающих общин. Процесс, очевидно, тесно связан с хозяйственной функцией епископа: экономический руководитель прихода становится и его абсолютным руководителем. Образующиеся в основном в городах епископаты показывают также, что в античном мире христианство было религией в первую очередь городского, промышленного населения. Во второй половине II века христианство по сравнению с предшествующим периодом, когда оно состояло из конкурирующих между собой и независимых друг от друга общин, превратилось в широкую сеть взаимосвязанных церквей. У общин отдельных регионов появились общие руководители в лице находившихся в городах епископов. Подчиненное епископу духовенство (клир) сложилось из пресвитеров и диаконов.

За этим организационным развитием внутри христианства скрывались социальные и

идеологические перемены. В социальном составе церкви все большую роль приобретают те самые богатые и знатные, против которых еще век назад провозглашалась беспощадная борьба. С присоединением богачей увеличилась общинная собственность, а также и власть тех, кто ею управлял. Переплетению богатств с духовной властью способствовало, наконец, и то, что во многих случаях епископы изначально и сами были богатыми людьми. Идеологическую основу исторически складывавшейся епископской власти сконструировали уже позднее в организуемой церкви:

епископская власть в создаваемых в это время евангелиях восходила через легендарных апостолов к самому Иисусу Христу. Так во второй половине II века закончился первый и наиболее важный период развития христианства: образовался институт епископата, а вместе с ним и церковь.

Процесс централизации внутри христианства протекал не одновременно. Вероятно, епископское направление сложилось раньше не в Риме, а на Востоке, в Малой Азии. Во второй половине II века христианское движение состояло из сети дисциплинированных местных церквей, которыми руководили связанные друг с другом епископы. Эта сеть стремилась быть единой в отношении догматов веры и организационных принципов; тем самым христианство оказалось способным противостоять кризису империи.

Епископальная организация впервые сделала возможным общее соглашение о канонизации христианского вероучения. В молодой церкви было неизбежным возникновение множества лжеучений (ересей) в форме отклонений от традиций или от вновь появлявшихся идейных, теоретических и организационных положений. Вообще рождение ереси показывает, что к началу II века уже было от чего отклоняться, то есть было вероучение, претендующее на общее признание, которое признавалось несколькими церквами, но не было признано другими. (Пока не было единой организованной церкви, каждый приход считал правильным свое учение.) Борьба различных направлений, взаимно обвинявших друг друга в лжеучении и расколе (схизме), за единую церковь была выражением политических устремлений к единой империи.

В молодой церкви было, конечно, много теологических и организационных вопросов, подлежавших решению. Единство в церкви и общую борьбу с лжеучениями обеспечивали регулярно созывавшиеся со II века соборы. Они активно функционировали главным образом в восточных церквях. На этих соборах в спорах о Боге появлялись и значительные теологи — отцы церкви. На них съезжались обычно епископы нескольких провинций, чтобы обсудить спорные вопросы и найти единый способ их решения (собор провинций). В этом еще отражалось отсутствие понятия единой церкви и единого (вселенского) собора, иначе говоря, в форме собора продолжало жить коллегиальное (демократическое) управление церковью через равноправных епископов.

В III веке власть и авторитет епископов достаточно укрепились. К направляющей литургической роли, а также к функции обучения вере добавился и круг обязанностей по официальному сохранению вероучения и объяснению единоверия. Официальным теологом института епископов стал Урений, а правоведом его — Тертуллиан (160–230). Истоки института епископов как коллегиального органа восходят к апостолам, которые по канонам вероучения получили свою власть от Иисуса Христа. Но в этой конструкции еще не было речи о примате римского или какого-то другого епископа, о его верховенстве над остальными.

Епископ Рима

Что нам конкретно известно о формировании римского епископата и его ранней истории? Первым

епископом Рима, согласно католическому учению, был сам Святой Петр, но основание римской церкви он должен был разделить с Павлом. Исторически, по-видимому, Павел в противоположность Петру был римским гражданином и прибыл в Рим в 61 году. О Петре же мы знаем, что он проповедовал в Антиохии, а оттуда приехал в Рим, но, несомненно, после Павла. Легенда о римской встрече Петра и Павла, об их совместных деяниях и мученичестве является символом объединения христианских направлений.

С римскими деяниями Петра связана прекрасная легенда «*Quo vadis?*»[8]. Спасаясь от преследований Нерона, Петр по совету своих почитателей хотел оставить Рим. Темной ночью он отправился из своего потайного убежища в сторону Аппиевой дороги. У городских ворот на *Via Appia* [9] он встретился с Иисусом, который шел в город с крестом на плече. «*Domine* [10], *quo vadis?*» — спросил он у Христа, пораженный. На это Иисус ответил: «Я пришел в Рим, чтобы снова оказаться распятым на кресте». Петр понял смысл этих слов и, устыдившись, отвернулся. На этом месте воздвигнута знаменитая капелла «*Quo vadis*».

В 64 году жертвами преследования христиан, которое устроил Нерон сразу после пожара Рима, по-видимому, пали оба апостола, однако ясными и однозначными сведениями об их судьбе мы не располагаем. Несмотря на все противоречия, несомненно, что Петр никогда не мог быть епископом Рима — ведь в 60-х годах еще не сложилась епископальная церковь. Однако значительная часть исторической литературы считает вероятным, что Петр тоже прибыл в Рим и вместе с Павлом пал жертвой преследований (у нас нет оснований оставлять без внимания послание Климента, согласно которому Петр погиб в 64 году в Риме).

Для доказательства и понимания складывающегося примата и учительского верховенства римских епископов, обозначенных в их посланиях о вере, совершенно не обязателен факт римского епископства Петра. Другой вопрос, что легенды, возникшие вокруг Петра для подтверждения примата римского епископа, сами по себе стали силой, формирующей историю. Если мы станем всецело связывать это главенство, первенство с личностью Петра, то тогда было бы логично на основе доказуемых деяний его в Антиохии, а также деятельности по организации церкви рассматривать именно этот город лидером христианства. Рим же еще до возникновения легенд возвысился над Антиохией, став центром западного христианства, ибо Рим был тогда центром мира, экономическим и политическим центром империи. И первенство (примат) римского епископа в рамках всей церкви обуславливалось руководящей политической ролью Рима.

О римских епископах первых трех столетий мы мало что знаем, за исключением их имен, которые сохранены в так называемых папских каталогах. О первых папах нам известно скорее по легендам, сохранившимся в созданной лишь позднее «*Liber Pontificalis*» — «Книге первосвященников».

Длительное время существовало представление, что первые три века существования папства были эпохой апостолов, периодом церкви катакомб и временем мученичества. Согласно каталогам, от Петра до папы Мильтиада (314 год) было 32 римских епископа. Двое из них кончили свою жизнь в ссылке, остальные же 30 приняли мученическую смерть. В действительности же о большинстве из них мы вообще не знаем, кто они были и как умерли. Из того, что римские епископы первых веков в соответствии с римскими законами были изолированы от публичной государственной и общественной жизни, еще не следует, что они были осуждены на смерть. В основном у ранних католических авторов можно прочесть, что своим стремительным распространением в империи

христианство обязано преследованиям христиан и жертвам II–III веков.

И действительно, в духе римских законов, как только христиане выделились из иудаизма (который был признанной в империи религией), христианство сразу стало запретной религией, которую, как опасное для государства нововведение, официально преследовали. Противостояние вызвало то обстоятельство, что христиане отвергали жертву, официально приносимую богам, как это признавали и делали новые религии, просочившиеся в империю. Противоречия обернулись преследованиями тогда, когда культ императора стал всеобщим, против чего открыто выступало христианство, отвергавшее почести, приносимые императору как богу, считая это идолопоклонством.

Начавшееся в 64 году при Нероне преследование христиан, вероятно, не было всеобщим, а ограничивалось Римом и не затронуло массы людей. Те, кто отказывался от веры и приносил жертвы богам, получали от властей свидетельства об этом (либеллии). На протяжении двух веков (II и III) распространения христианства преследования христиан также не носили всеобщего характера. Римский император Домициан (81–96) действительно выступал против христиан, и Евсевий квалифицировал это как гонения на христиан. Известная переписка императора Траяна (98–117) с наместником Плинием о методах борьбы, применявшихся по отношению к христианам, показывает, что император склонялся скорее к ограничению возможностей выдвигать обвинения против христиан, поскольку он давал указание административным органам оставлять без внимания анонимные доносы на них. Марк Аврелий (161–168) также стремился умерить и как-то регулировать преследования христиан на местах (например, в Галлии).

Вероятно, Климент был первым римским епископом (90–97), который вмешивался во внутренние дела другой церкви. Провозглашенный Павлом в коринфской церкви в конце I века раскол наступил, и епископ обратился к Риму с тем, чтобы призвать к порядку верующих. Римский епископ в своем письме выразил согласие со своим коллегой и поддержал его. Во II веке римская община уже была сильной и многочисленной и притягивала к себе другие церкви. В отношении епископа Эвариста (97–105) известно, что он был избран всеми членами римской церковной общины. Вообще в первые века епископов избирал народ совместно с формирующимся клиром. Епископом мог быть избран любой из присутствующих верующих. (Важно также, что нельзя было избрать епископом лицо, принадлежащее к другой церкви. Позднее избираемыми могли быть только епископы клира, соответственно кто-то из епископов метропольной провинции.) В первые века избранными оказывались простые попы (священники) или диаконы. Только начиная с IV века становится системой, что на вакантное место епископа избирался, как правило, архидиакон, бывший до того помощником епископа, он и становился его преемником. Это одновременно означало укрепление иерархии и появление определенного элемента преемственности по наследованию. О епископе Александре (105–115) известно, что он происходил из аристократической римской семьи. А это уже признак того, что шел процесс социального расслоения римской католической общины.

На время избрания епископа Пия I (140–155) приходится первый раскол римской церкви. Связано это было с тем, что при выборах голоса разделились между двумя кандидатами и получивший большинство голосов Пий выступил в защиту официального учения против своего соперника, представлявшего лжеучение. Несмотря на то что в то время большинство епископов выходило из уже располагавших авторитетом пресвитеров, не всегда было ясно, который из них представляет

истинное учение. Так, например, об епископе Элевтерии (174–189?) сохранилось мнение, что, даже будучи епископом, он делал послабления еретичеству.

В III веке в источниках уже с большей определенностью сообщается об отдельных римских епископах, хотя их хронология по-прежнему остается неточной. Подвизавшийся при римском императоре Септимие Севере (193–211) епископ Виктор (189–199) уже проявлял себя как более или менее самостоятельный церковный правитель. В это время римская церковь за счет вступления в нее знатных и богатых людей заметно обогатилась. Диаконы распределяли милостыню среди бедных христиан; руководителем диаконов был архидиакон. Не случайно, что до избрания Виктора епископом он сам тоже был архидиаконом. Римский епископ Виктор резко выступил против восточных церквей в споре о пасхе. В Риме и на Западе пятницу, следовавшую за 14 нисана (апреля), отмечали как великую пятницу — смерть Иисуса на кресте, а в воскресенье (пасху) праздновали его воскресение. На Востоке же 14 нисана, на какой бы день недели оно ни падало, отмечалась смерть Христа, а спустя два дня — его воскресение. Виктор, по-видимому, в 196 году собрал в Риме собор с участием 14 итальянских епископов. На нем кодифицировали западный обычай празднования пасхи, распространив его на всю церковь. Однако несколько малоазийских епископов не приняли его, и Эфесский собор решил сохранить старый обычай. Папа за это отлучил малоазийских епископов от церкви. Приговор показался очень строгим, и некоторые западные епископы, в частности Иринея, не согласились с ним, в связи с чем папа вынужден был уступить. Этот эпизод уже свидетельствовал о стремлении папской власти проводить свою волю и в вопросах догматики.

Епископство Зефирина (199–217?) заслуживает упоминания в связи с тем, что, согласно отдельным источникам, еретики выставили в противовес ему некоего священника Наталия в качестве антипапы. Преемником Зефирина стал его правая рука — архидиакон Каликст (217–222). Это уже говорило о том, что наследование епископской власти внутри духовенства все решительнее приходило на смену свободным выборам. Оппозиция в ответ на это поставила антипапу в лице Ипполита. Вероятно, в римском приходе сложились к тому времени две партии и каждая из них отдельно выбирала своего епископа.

Первое достаточно длительное «пустование» (*sede vacante*) римского церковного престола имело место в связи с преследованиями христиан в эпоху императора Деция (249–251). Жертвой этих преследований пал и епископ Фабиан (236–250), после чего в течение года не могли выбрать нового епископа. Император Деций в интересах укрепления государственной языческой религии хотел принудить к отказу от веры всех христиан. Преследования 250 года действительно охватили широкие народные массы, и в числе многочисленных мучеников гонений многие, в том числе и епископы, стали вероотступниками.

В период епископства Стефана I (254–257) в африканских церквях развернулся спор о том, следует ли заново крестить тех еретиков и вероотступников, кто желает вновь вернуться в истинную веру, или нет. Очевидно, большое число таких случаев понудило римского епископа своей позицией облегчить возврат бывших вероотступников в лоно церкви; поэтому он решил не настаивать на повторном крещении. Письмо Стефана, направленное им карфагенскому епископу по этому вопросу, являло собой, по существу, указание, весьма решительное по форме, что лишний раз свидетельствовало о складывающемся верховенстве римского епископа в принципиальных вопросах веры.

В середине III века римская церковь вступила в период расцвета; об этом говорят следующие данные: приблизительно на 30 000 простых верующих клир насчитывал в своих рядах 46 пресвитеров, 7 диаконов, 7 поддиаконов, 42 алтарных служки, 52 начетчика, изгоняющих дьявола, и привратника. Римский городской клир находился в строгом иерархическом подчинении (в соответствии с вышеприведенным порядком) епископу, стоявшему во главе церкви. Внутри самого клира также прослеживалась иерархическая дистанция между высшими священнослужителями и более многочисленным отрядом низшего духовенства.

В последней трети III века церковь переживала свой расцвет, власть ее усиливалась. Заботясь о единстве империи, император Диоклетиан (284–305) не мог терпеть «государство в государстве»; поэтому он стремился сломить церковь. Гонения на церковь при Диоклетиане были самыми кровавыми и, можно сказать, широкомасштабными и привели к казням нескольких тысяч христиан и к появлению еще большего числа вероотступников. Бывший в это время епископом Марцеллин (296–304) вынужден был вести борьбу и с государством, и с восточной по происхождению манихейской ересью [11]. В сложных перипетиях этой борьбы, по свидетельству ряда источников, папа оказался слабее: желая избежать мученичества, он якобы принес императору в жертву веру, сам став вероотступником. Гонения и преследования против церкви при Диоклетиане организационно подорвали римскую церковь, поэтому в течение четырех лет в ней не смогли избрать нового епископа.

В III веке Римской империи стала угрожать опасность развала. Этот кризис императорская власть в конце концов еще раз преодолела посредством новой, открыто диктаторской формы правления — домината (неограниченной монархии). Создание домината связывается с именем Диоклетиана. Император считал себя богом, требуя почестей, полагающихся богу. В то же время любые народные движения он подавлял силой, топя их в крови. Сначала Диоклетиан расправился с радикальной манихейской христианской сектой, потом стал стремиться к уничтожению всего христианства. Однако это ему уже не удалось, более того, христианство вынесло гонения и вышло морально окрепшим из этой борьбы.

Сила христианства, наряду с вышесказанным, заключалась еще в том, что, как религия, оно с самого начала отделилось от государства и образовало свою самостоятельную организацию — церковь. Это сделало возможным взаимодействие между политической властью (государством) и церковью, становящейся религиозной властью. Свою структуру и иерархию внутри клира церковь строила по образцу Римской империи (то есть монархически). Церковь формировалась в рамках централизованной мировой империи: примером для ее организации была государственная структура. Так, епископства следовали принципу административных единиц. Города — центры государственной администрации — стали центрами церковной жизни, резиденциями епископов. Их ранг зависел от фактической роли соответствующего города. Центрами древнего христианства были созданные апостолами пять церквей: Иерусалим, Антиохия, Эфес, Александрия и Рим.

К концу III века христианство стало силой, формирующей мировую историю. На Западе в результате полной государственной несостоятельности церковь становится начиная с первых десятилетий IV века хранительницей и продолжательницей античной культуры. Приход христианства к власти, его победа над греческим и римским духом означали и победу Востока. Но это было всего лишь частью того процесса, который переместил на Восток также экономический и

политический центр империи.

Формирование папства. Между Византией и варварами (IV–VIII века)

Развитие раннехристианской церкви в епископальную церковь иерархического характера создало возможность образования центральной, возвышающейся над остальными епископами власти, формирования папства. Однако для реализации этой внутренне присущей церкви тенденции, обеспечения верховной власти одного епископа требовалось изменить отношения между церковью и государственной властью. Папская верховная власть внутри церкви могла быть сформирована лишь под внешним воздействием, по образцу и при содействии централизованной римской рабовладельческой государственной власти.

Поворот, предпринятый императором Константином

Важным моментом пересечения взаимных интересов христианской церкви и римской рабовладельческой государственной власти следует считать заявление, принятое в Никомедии 30 апреля 311 года, в котором Галерий (305–311), август (император) восточной половины империи, от имени двух своих соправителей отменил приказы, предусматривающие преследование христиан. Уступчивость императора, ранее преследовавшего христиан, объясняется не религиозными, а политическими причинами. Император был вынужден признать, что преследования не достигли своих целей. Так как среди христиан «довольно многие придерживаются своих решений... то мы полагаем, что в отношении их следует проявить готовность к прощению, чтобы они фактически становились христианами и могли объединяться в общины», — говорится в заявлении. Таким образом, высшая политическая власть поняла, что для прекращения сопротивления христиан вместо преследований более целесообразно проявить веротерпимость.

Из борьбы претендентов на императорский трон, в результате которой император Диоклетиан в 305 году отрекся от власти, победителем вышел Константин (305–337). Он понял, какие возможности скрываются в формирующейся церковной организации, и в противоположность своим предшественникам избрал путь компромисса с христианством. У христиан этот компромисс вызвал понимание. Стремившийся к автократической власти и восстановлению единства империи Константин 28 октября 312 года одержал у Мульвийского моста через Тибр победу над своим соправителем в западной части империи Максенцием. Из известной легенды о том, что во время битвы на небе появилось знамение в виде креста, предвещавшего победу, явствует, что Константин уже сражался против соправителя-язычника под знаком получившего признание христианства и что с помощью христианства он хотел консолидировать автократическую власть. Действительно, крест и монограмма Христа были начертаны на знаменах войска Константина, под этими знаменами он стал единоличным правителем империи: новую религию он рассматривал как силу, сплачивающую общество.

В феврале 313 года император Константин признал христианство уже и официально. Об этом нам известно из решения императорской конференции в Милане, которое сохранилось не в форме постановления (эдикта), а в виде описания (рескрипта), составленного в двух экземплярах. Два экземпляра предназначались для двух августов: западной части империи — Константина и восточной части империи — Лициния (308–323). Следовательно, веротерпимость проявлялась уже не только Константином: 13 июня 313 года Лициний подобным же образом продемонстрировал терпимость на Востоке, в Никомедии, хотя он не был и никогда не стал христианином. В миланском

рескрипте оба августа констатировали: «...отменяются все постановления, которые содержались в наших рескриптах, ранее направленных к нашим подданным по делам христиан и оказавшихся полностью неблагоприятными... ныне все это утрачивает свою силу, и любой, кто желает следовать правилам религии христиан, отныне может свободно и беспрепятственно, без утеснений и беспокойства исповедовать эту религию... Этим же христианам мы предоставили право свободного и безусловного отправления религиозных обрядов... Подобным же образом мы разрешаем и другим пользоваться ради спокойствия нашего времени правом открытого и свободного отправления религиозных обрядов, чтобы каждый имел возможность свободно избрать и почитать, что ему угодно». Император ради политического спокойствия и единства общества, империи выразил свое положительное отношение к веротерпимости, к полному равноправию между отдельными религиями и вероисповеданиями.

Кроме того, в эдикте упоминались прочие меры, обеспечивающие свободу исповедания христианства. В первую очередь повелевалось: те места, где обычно собирались христиане, то есть церкви, здания, принадлежащие казне или частным лицам, чьими владениями стало это имущество во время преследований, «должны быть возвращены безвозмездно христианам и без требования возместить стоимость покупки...». Это положение уже болезненно затрагивало тех же христиан, которые во времена преследований купили имущество, принадлежавшее христианам, так как их деньги, затраченные на покупку, оказались потерянными. Тот, кто под видом подарков получил конфискованное имущество христиан, должен был его вернуть без всякой компенсации. Император не исключал возможности возмещения убытков, но для этого пострадавшим нужно было обратиться к императору со специальным прошением. Важной оговоркой в эдикте следует считать то, что христианское имущество нужно было возвращать не отдельным лицам, например епископам, а христианским общинам, к тому же при содействии государственных властей. В эдикте, кроме того, указывалось, что наряду с возвращением культовых сооружений (церквей) христианским общинам, приходам должно передаваться прочее юридически принадлежавшее им имущество в соответствии с вышеупомянутым положением. В таких случаях возмещение ущерба ставилось в зависимость от милости императора.

Императоры осуществляли легализацию христианских общин и восстановление их имущества при поддержке государства. «Во всех делах ты обязан, — читаем в рескрипте, адресованном императорским чиновникам, — наиболее действенным образом оказывать помощь вышеупомянутым общинам христиан, чтобы наше постановление было выполнено как можно быстрее и общественному спокойствию... в этом деле способствовало бы».

Полученный в результате компромисса выигрыш поразил своей неожиданностью и саму христианскую церковь: из преследуемого меньшинства она внезапно стала почти всемогущественной и возвысилась благодаря Константину в первостепенное учреждение государства. Этот процесс охватывал два этапа: рескрипт Константина 313 года об освобождении христианства и предоставлении ему равноправия был лишь прологом к фактическому повороту, в ходе которого христианская церковь довольно быстро оказалась в привилегированном положении, а затем превратилась в автократическую, государственную церковь. Христианство, приобретавшее характер государственной религии, становилось идеологическим базисом рабовладельческого общества, органической частью государства.

Вот наиболее важные этапы этого процесса. В первую очередь император предоставил христианскому клиру официальные государственные льготы и привилегии. В законе от 21 октября 313 года указывалось, что «тех, кого называют клириками, освободить от любых тягот».

Христианское духовенство быстро превратилось в пользующийся иммунитетом и обособившийся от мирян корпус. Помимо предоставления духовенству личного иммунитета император вывел из-под ведения казны и имущество церкви, освободил уже существовавшие церковные землевладения от государственных налогов, предоставил право наследования имущества не находящимся в супружестве церковным лицам.

Значительные суммы из государственной казны были направлены в распоряжение епископов на организационные нужды церкви, на строительство церквей. Начиная с 321 года стало возможным открыто, на законном основании передавать в дар церкви и епископств наследство. Эдиктом 321 года император объявил воскресенье еженедельным праздничным днем. В то же время было признано законным освобождение рабов перед лицом церкви. Император установил для священнослужителей государственное жалованье. Начиная с 333 года епископы получили право быть судьями и по целому ряду гражданских дел.

Благодаря предоставленным привилегиям быстро возросло общественное влияние церкви и духовенства. В результате своей церковной политики Константин привлек на свою сторону христианское население империи Лициния — не христианского соправителя. В 323 году Константин в битве при Хризополе одержал победу на Лицинием и объединил Римскую империю. Он установил династическую монархию для своей семьи и предопределил правление своих преемников на основе христианства. Тем самым христианство вступило на широкий путь последующих завоеваний. Начиная с IV века оно пронизывает все стороны общественной и государственной жизни. В новых исторических условиях возникают также благоприятные возможности для превращения римского епископа в папу. И римским епископам удалось воспользоваться ими.

Когда Константин предоставил свободу церкви, римским епископом был Мильтиад (311–314), пресвитер африканского происхождения. Мы почти ничего о нем не знаем. Император не считался с ним. Во все время своего правления он не проявлял особого внимания к формировавшемуся уже тогда внутри церкви приоритету римских епископов, отводя им второстепенную роль. Всех епископов он считал равными руководителями церкви, и свое собственное главенство ставил выше всех. Однако он следил за тем, чтобы епископ Рима жил в условиях, соответствующих рангу столицы. Поэтому Константин подарил епископу Мильтиаду фамильный дворец, принадлежавший его жене, Фаусте, и стоявший на Латеранском холме. Этот дворец вплоть до XIV века был резиденцией римских пап. Там же Константин построил первый в Риме собор, позже названный Латеранским собором Сан Джованни.

В 325 году император начал строительство в Ватикане над могилой апостола Петра собора Святого Петра. Этот собор вплоть до времен Юлия II (1503–1513) был центром христианства.

Христианская церковь заплатила за свою свободу и за союз с властью большую цену: ей пришлось пойти на службу властям империи, в связи с чем императоры стали вмешиваться в церковные и религиозные вопросы. В результате смыкания государства и христианства возникла общность их судеб. Благодаря этому с помощью государства возросло могущество церкви, но за это власть неоднократно брала верх над церковью. В христианской империи император стал наследником

Христа. Как впервые это сформулировал Константин, в обязанности императора стала входить защита церкви и веры. Однако Константин еще не считал себя первосвященником, а лишь «епископом по внешним делам» церкви, поэтому использовал звание *episcopus extraneus* или *episcopus in externis*.

Избавленная от гонений церковь с готовностью взяла на себя роль государственной церкви. Она заняла свое место в самом государстве, а не рядом с ним: превратилась в часть государственной организации, благословляя власть императора и побуждая к этому своих верующих.

Однако отношения между государством и церковью превратились в болезненную точку христианства из-за внутренних противоречий между ними. Ведь церковь не желала подчиняться никакой светской власти. Она ни при каких условиях не могла отказаться от притязаний на то, чтобы ее считали обетованной землей совершенного мира. Разделение духовной и светской власти никогда не считалось партнерством, ведь в конечном счете светская власть должна была бы раствориться в духовной (церковной) власти.

По замыслу Константина идейной и моральной основой государства должна являться вселенская (кафолическая) церковь и ее учение. Церковь же рассматривала свое учение как совершенную, вечную доктрину, независимую от всего мирского, обладая которой церковь искала — и обычно находила — соответствующую светскую власть.

Уже первые взаимоотношения между государством и церковью не были безоблачными, и императору первому пришлось разочароваться в них. Ведь, когда христианство стало играть роль государственной религии, оно отнюдь не было единым. Внутренний раздор в церкви даже с точки зрения государственных интересов был небезразличен для Константина и его преемников. Поэтому они стремились любой ценой восстановить единство церкви. В интересах этого император, притязавший лишь на звание «епископ по внешним делам», распространил власть на всю церковь. Наилучшим средством для необходимого вмешательства оказался вселенский собор.

Когда христианская церковь стала имперской церковью, руководство ею осуществлялось еще на коллегиальной основе, соборами, состоящими из равных по званию епископов.

Однако уже тогда внутри церковного синклита, состоящего из равных по званию епископов, возникло и стало развиваться стремление к иерархическому принципу в руководстве церковью. Оно победило благодаря помощи Константина, когда он низвел собор, фактически руководящий орган церкви, до роли совещательного, консультативного собрания.

Каким образом произошло первое вмешательство имперской верховной власти с целью создания церковного единства? На Западе папа Мильтиад боролся с донатистской ересью. В октябре 313 года в Латеранском дворце, подаренном папе императором, проходил собор, на котором при участии 3 галльских и 15 итальянских епископов был осужден донатизм, а сам Донат отлучен от церкви. По-видимому, это не составило особого труда, ибо император взял это дело в свои руки. В 314 году в Арле он созвал собор епископов Западной Европы, где донатизм был вновь осужден, однако с самой ересью покончить не удалось.

Ересь, возникшая в Северной Африке и связанная с именем карфагенского епископа Доната (313–360), восходила к учению апостола Иоанна и признавала лишь невидимую церковь «чистых», находящихся в состоянии благодати. Поэтому она выступила против верующих, против официальной церкви, довольствующейся минимальными требованиями к верующим и

обеспечивающей себе господствующие позиции путем благословения римского рабовладельческого строя.

Таким образом, донатистское еретическое движение являлось идеологическим выражением социальных и национальных волнений коренного берберо-пунического земледельческого населения, направленных против римских землевладельцев. (Донатистское движение и церковь вопреки беспощадным преследованиям существовали вплоть до V века, лишь вандалы уничтожили их.)

На Востоке наиболее значительной ересью в эпоху Константина было арианство, которое распространилось из Александрии и Антиохии. Арий (около 260–336) учился в Антиохии, а в Александрии был простым священником. С его выступления началась длившаяся столетиями дискуссия вокруг уяснения учения о Троице.

В учении о Святой Троице, говорящем о том, что Бог един в трех лицах, обнаруживаются остатки политеизма, как и элементы коллегиальности. Арий и его сторонники последовательно проводили в жизнь монархические тенденции, быстро завоевывавшие позиции внутри восточной церкви, а также иерархическую теорию, означавшую субординацию снизу доверху. Согласно Арию, Сын — творение Бога-Отца не единосущен с ним, следовательно, он не Бог, а лишь божественное создание. Из этого логически следует отрицание божественного материнства Марии, равно как и отрицание Спасения, что угрожало основам христианской религиозной системы.

Различные еретические движения были связаны с теми или иными экономическими и культурными центрами империи. Их соперничество вело к укреплению определенного центра. Партикулярные властные устремления, находившие в них свое выражение, угрожали единству империи. В то же время еретические движения по своей природе носили также социальный характер. Враждебность угнетенных народов по отношению к власти и к Риму в области религии проявилась в виде противостояния по отношению к господствующей церковной концепции. Христианство стремилось к гомогенизации античной культуры, а культурное наследие отдельных регионов способствовало возникновению еретических учений, противостоявших универсальной христианской культуре. В конечном счете еретические учения являлись необходимыми спутниками процесса формирования христианского учения, представляя собой тупики в ходе поиска единого пути. Во многих случаях в еретических учениях — теперь уже на почве христианства, внутри христианства — проявлялись продолжавшие существовать прежние языческие религиозные элементы, которые затем или включались в учение, объявленное ортодоксальным, или окончательно отмирали.

Таким образом, можно понять, почему император в еретических учениях усматривал угрозу государству и существующему общественному строю. Арианская ересь, охватившая весь Восток, побудила императора Константина созвать в городке Никее, находящемся неподалеку от восточной столицы империи — Никомедии, первый экуменический (вселенский) собор нового типа, на котором присутствовали епископы церквей со всей империи. Он был созван в 325 году при папе Сильвестре I (314–335). На собор прибыло около 250 епископов, в том числе 17 арианцев. Участниками собора были почти исключительно восточные епископы, западные церкви представляли всего 5 епископов, среди них нунции — посланцы папы. Собор открыл сам император, который внимательно следил за его ходом, правда, председательство было передано Кордовскому (Испания) епископу Осию. Руководителем арианской партии и идеологом (разработчиком) арианства был никомедийский епископ Евсевий, в то время как его главным противником являлся представитель ортодоксального

вероисповедания Афанасий из Александрии. (О ходе собора повествует апологетический историограф церковной политики Константина кесарийский епископ Евсевий в III томе своего труда «Vita Constantini» — «Жизнь Константина».)

В речи при открытии собора Константин определил задачи, стоящие перед епископами: «...я считаю страшнее любой войны и ужасной битвы внутренний раздор в собрании Бога и печальней, чем внешние войны... Когда... я услышал о ваших раздорах, я не посчитал эту весть второстепенным по важности делом, а, пожелав поспособствовать в нахождении средства врачевания, немедленно созвал вас... Вы должны здесь сейчас изложить причины раздора между вами, чтобы тем самым развязать узлы распри с помощью мирных законов. Ибо только так вы поступили бы в угоду Бога, стоящего над всем, и достаточно отблагодарили бы и меня, вашего покорного слугу». Император был недоволен существующими в церкви разногласиями, ибо, предоставив ей свободу, он считал, что она будет полностью единой. С другой стороны, он считал себя коллегой епископов и под этим предлогом требовал и для себя церковных прав.

Говоря о дискуссиях на соборе, Евсевий указывает, что после завершения обвинений двух противостоящих партий император с помощью Осия попытался сблизить противников. Константин был склонен к компромиссу, но большинство епископов не согласилось с этим. Направление, называвшее себя кафолическим, приняло основной догмат, защитником которого выступал Афанасий: вторая ипостась Святой Троицы — Бог-Сын единосущен с Богом-Отцом. Однако приверженцы Ария придерживались мнения, что Иисус — лишь человек, творение Божие. Кафолики, по предложению Осия, для выражения единосущности приняли слово «омоусиос». Тогда Евсевий внес компромиссное предложение: он предложил для обозначения природы Сына применять слово «омиусиос», что означает «подобосущный», подобный по существу. Однако император принял сторону кафоликов, и собор отлучил Ария, Евсевия и арианцев от церкви, что лишь подлило масла в огонь. На Востоке арианство сохранялось еще на протяжении нескольких веков.

Затем первый вселенский собор принял еще 20 канонов (правил, соборных постановлений), в частности им был определен порядок празднования Пасхи. Большинство канонов было посвящено организационным вопросам. На соборе Константин установил деление церкви в соответствии с существующим административным делением провинций империи. Начиная с того времени церковная организация следует светской административной системе, сложившейся при Диоклетиане. (Диоклетиан вместо старых крупных провинций создал сто небольших провинций. Десять — двенадцать провинций образовывали один диоцез, во главе которого стоял викарий.) В результате административных изменений и экономического развития уже в III веке многие церковные центры так называемого апостольского устройства потеряли свое значение. Их место заняли столицы провинций, метрополии, епископы которых (*episcopus metropolitae*) стали руководителями епископов соответствующих провинций, а позднее высшей властью над ними (митрополитами). На Востоке этот вид управления метрополией утвердился, митрополиты получали все большие права над своими епископами. Провинциальные соборы, созываемые митрополитами, уже не были коллегиально руководимыми форумами, а являлись совещательными и исполнительными органами при митрополите. Здесь скорее реализовалась доминирующая роль материнских церквей по отношению к дочерним церквам (в большинстве случаев образованных ими). На Западе сложившаяся система

митрополий (из которых позднее образовались архиепископства) с гораздо большим трудом и позднее, чем на Востоке, смогла вытеснить соборное управление. На Востоке митрополит возглавлял епархию, на Западе — церковную организацию провинции. В Африке (где митрополита называют примасом) во главе провинции всегда стоял наиболее пожилой епископ, который оставался *primus inter pares* [12].

В соответствии с шестым каноном Никейского собора Александрия, Антиохия и остальные епархии на своих территориях обладают теми же правами, что и римский епископ. Тем самым собор объединил в систему митрополий епископские церкви, считавшиеся прежде — за исключением Рима — равноправными. Согласно этому решению, епископы-митрополиты Рима, Александрии и Антиохии возвысились над остальными митрополитами, и тем самым было положено начало образованию патриархата, возвышающегося над митрополитами провинций. Седьмой канон Никейского собора обеспечил почетное первенство Иерусалима, но без юрисдикций управления другими митрополитами. Сложившиеся таким образом патриархаты соответствовали той или иной крупной региональной имперской единице: Александрия получила верховенство над эллинистическим Египтом; Антиохия — над Востоком, Киликией и Кипром, а Рим — над латинским Западом, включая и Северную Африку. (Балканы и Греция, явившиеся причиной дальнейших продолжительных споров, не образовали отдельный патриархат, ибо влияние Рима распространилось до Фракии, Иллирии.) Епископы христианской церкви, ставшей, подобно империи, вселенской, объявили о непогрешимости своих решений в вопросах веры и морали. Решения собора были снабжены оговорками *anathema sit*, что означало, что отклонения или возражения против решений собора влекли за собой отлучение (анафему) от церкви. Первые восемь проведенных на Востоке вселенских соборов созывали императоры. Папа римский не принимал в них участия, а лишь направлял туда своего представителя. На заседаниях собора председательствовал император или его доверенные лица. Решения собора утверждал император, и они провозглашались имперскими законами.

Следовательно, благодаря Константину, произошел второй крупный поворот в истории христианства: преследуемая церковь превратилась в свободно существующую и расширяющую свое влияние организацию, которая тесно переплелась с имперскими учреждениями. Эту связь утвердил Никейский собор, решения которого были обнародованы как имперский закон.

Нетерпимая церковь

(IV век)

Эпоха Константина совпала с ускорением упадка, с уменьшением значения Италии и Рима. Уже Диоклетиан разделил Италию на провинции: Северную Италию (центр — Милан, затем Равенна), Центральную Италию (центр — Рим) и Южную Италию (центр — Неаполь). Под власть римского епископа-митрополита подпадали лишь центральные и прилегающие к Риму южные провинции. Вместо старой языческой столицы — Рима Константин начал строительство новой, христианской столицы для христианской империи. В результате на берегу Босфора, на месте незначительного поселения Византии в 330 году была освящена новая столица, Новый Рим — Константинополь.

Обращают на себя внимание судьбоносные изменения, которые произошли в результате быстрого возвышения Константинополя и постепенного упадка Рима. В позднеримскую эпоху все более важную экономическую, политическую, а главное — культурную роль начинают играть Малая Азия

и северное побережье Африки. При Константине политический и духовный центр империи окончательно сместился на Восток. Центрами христианской культуры стали Константинополь и Александрия.

Эти процессы, а также перемещение императоров в Византию, а затем переезд западноримских императоров в Равенну сыграли решающую роль в образовании папства: римский епископ освободился от непосредственного присутствия государственной власти, от ее постоянной опеки, которая воспрепятствовала бы усилению папской власти. Рим в IV веке почти с безразличием взирал на все более возрастающие претензии императора и константинопольских епископов, на их вмешательство в церковные дела. Против влияния императора в первую очередь возражал не папа, а ревниво охраняющая свою самостоятельность и опирающаяся на сказочные богатства церковь Александрии, одновременно являвшаяся ведущим центром христианской теологии.

И сопротивление, оказываемое в то время Западом, исходило прежде всего не от епископа Рима: с протестом против императорского произвола выступал, например, уже упоминавшийся Осий и в еще большей степени легендарный епископ Милана Святой Амвросий (340–397).

Константин оказывал поддержку христианству еще в рамках религиозной терпимости. Однако уже его преемники начали преследование нехристианских, традиционных религий (Констанций II в 341 и в 346 годах принял законы, преследующие язычество), хотя западная часть империи едва ли что-либо слышала о христианстве. При императоре Констанции (337–361) христианство фактически стало государственной религией. В те времена император уже называл себя главой церкви, епископом над епископами. Однако это не имело отношения к Риму и к никейскому символу веры. К концу епископства Евсевия из Никомедии Константин уже увлекся арианством, а когда в 350 году Констанций вновь объединил в своих руках империю, он хотел распространить арианство на всю Западную Европу. На соборах, созванных императором в 353 году в Арле и в 355 году в Милане, он заставил и западных епископов принять арианство, сформулированное Евсевием. Когда папа Либерий (352–366) выступил с протестом против этого, император отправил его в ссылку. Либерий смог вернуться в Рим только после того, как отказался от никейского символа веры. Таким образом, временно единство церкви было восстановлено под знаком арианства.

С 361 года император Юлиан Отступник (361–363) возвратился к политике религиозной терпимости и позволил развиваться различным христианским течениям (с целью способствовать дальнейшему ослаблению христианской церкви, раздираемой на фракции, что позволило бы восстановить традиционную веру). Однако политика Юлиана лишь разрушила арианское единство и привела к укреплению кафолицизма. За полтора года правления языческого императора попытка реставрации прежнего культа потерпела неудачу. Причину неудач, вероятно, следует искать в том, что в то время как Юлиан, продолжая придерживаться прежних традиционных взглядов, с целью достижения единства империи хотел объединить различные воззрения и религии в эклектическую (синкретическую) систему, христианство представляло собой синтез, основанный на коренных изменениях, соответствующих новому единству и представлявших собой фактический разрыв с прошлым, — и в этом заключалась его большая притягательная сила.

После поворота, осуществленного Константином, в Риме при избрании папы власти и сенат все в большей мере оттесняли простых верующих. Круг лиц, имевших право избирать папу и быть избранными, все в большей степени ограничивался высшим клиром: претендентами на епископскую

власть стали пресвитеры, архиidiaконы и диаконы. Низший клир и народ лишь поддерживали избрание одобрительными возгласами. Избранного освящали елеем и миром епископы провинций. В результате этого акта рукоположения (consecratio) он получал епископское достоинство, самое высокое в церковной иерархической системе. После рукоположения происходила торжественная интронизация в епархиальном соборе. Разница между процедурой рукоположения в епископы и вводом в епископские обязанности состояла в том, что в интронизации принимали участие и миряне. Епископ в соборе садился на трон, отсюда и появилось выражение возвести на папский трон, престол.

С середины IV века до нас впервые доходят сведения о том, что между партиями, образованными для возведения своего кандидата на трон римского епископа, разыгрывались кровавые уличные бои. Папа Дамас (366–384) был диаконом у своего предшественника. Однако против него выступил диакон Урсиний; в ходе боев, разгоревшихся между двумя противоборствующими партиями, не щадили даже церквей, даже в них совершались убийства. Императору Валентиниану I (364–375), а также римскому городскому префекту пришлось вмешаться для восстановления порядка и для защиты Дамаса, признанного ими законным папой. Однако вмешательство властей нарушило самостоятельность римской церкви. Императору Грациану (367–383) пришлось принять к сведению и подтвердить решение собора 378 года о праве римской церкви свободно избирать папу. Император Грациан подтвердил митрополитство (судебную власть) римского епископа над епископами Запада. Его преемники императоры Феодосий (379–395) и Валентиниан II (375–392) в последующих законах признали и гарантировали наставническую верховную власть римского епископа в церкви.

После своего официального признания христианская церковь, выступавшая с требованиями универсальности и целостности, довольно рано стала нетерпимой по отношению к нарушителям единства. Император Феодосий вместе со своими соправителями Грацианом и Валентинианом II в эдикте от 27 февраля 380 года, направленном жителям Константинополя, предписывал в законном порядке всем народам империи придерживаться христианского кафолического (вселенского) вероисповедания, ортодоксальной веры: «Мы повелеваем, чтобы все народы, которые находятся под нашим милостивым управлением, жили в той религии, которую, по преданию, апостол Святой Петр передал народу Рима и которая с тех пор и до наших дней живет несломленная. Это то вероисповедание, которое папа Дамас и епископ Александрии Петр, муж апостольской святости, считают правильным, — читаем в эдикте. — Следовательно, каждый должен верить в соответствии с апостольским вероисповеданием и евангельским учением в единую божественную суть одного ранга Отца, Сына и Святого Духа, в Святую Троицу.

Повелеваем, что те, кто следует этому вероисповеданию, могут носить имя «кафолического христианина», остальные же... пусть носят позорное имя, соответствующее своему еретическому вероучению, их общины не могут называться еkkлезиями (церквами); пока мы предаем их Божьей каре, но впоследствии... мы сами позаботимся об их наказании». Эдикт представлял собой уже типичный пример религиозной нетерпимости. Христианство стало не только установленной законом государственной религией, но таковой считалось только кафолическое христианство, проповедовавшее никейский символ веры. Постановление заслуживает внимания еще и потому, что в нем прослеживается стремление, возведенное в ранг императорского закона, вывести происхождение епископа Рима, наставнической власти папы Дамасия от Святого Петра, подтвердить

апостолический характер должности епископов.

Но из этого также следует, что не только римский, но и александрийский епископ является хранителем апостольской и евангельской веры. Этот эдикт уже однозначно квалифицирует вероисповедания, отклонившиеся от никейского символа веры, как ереси и, как таковым, не гарантирует им привилегий, положенных христианству.

Благодаря государственной власти стало общепризнанным фактом, что первостепенной функцией римского епископа внутри церкви является сохранение единства церкви. Это вначале проявилось в виде наставничества в отношении сохранения чистоты и единства католического вероучения и его аутентичного дальнейшего развития. Примат римского епископа еще не означал вселенской церковно-административной власти, потому что при тогдашнем уровне централизации в системе формирующегося патриархата патриархи осуществляли юрисдикцию над церковью в своих провинциях.

Императоры Грациан и Феодосий в 381 году, а затем в 383 году запретили подданным возвращаться в языческую веру, а также переходить в иудаизм (иудейскую веру). 8 ноября 392 года Феодосий вместе со своими соправителями-цезарями вынес постановление, согласно которому лица, отправляющие языческие культы, невзирая на их положение в обществе, «за нарушение закона о вере лишаются дома и земельного владения, где они поклоняются языческим суевериям». Конфискованные здания и земельные владения изымались в императорскую казну. Превращение христианства в обязательную государственную религию повлекло за собой преследование нехристианских культов со стороны государства. В силу того, что христианство заняло господствующее положение, языческие религии попали в положение преследуемых, в котором прежде находилось христианство.

Император Феодосий в 381 году созвал епископов восточной части империи на вселенский собор в Константинополе, на котором было восстановлено единство церкви на основе католицизма (Никейского символа веры) и отвергнуто арианство. Во вселенском соборе принимало участие 150 ортодоксальных и 36 арианских епископов, но ни папа, ни епископы Запада на соборе не присутствовали. Собор по настоянию Феодосия осудил арианство и дополнил Никейский символ веры учением о Святом Духе.

В других канонах собора 381 года было уделено внимание вопросам организации церкви. Третий канон гласил, что епископ Константинополя, который до этого подчинялся митрополиту фракийского города Гераклея, соответственно с принципом размещения по чести занимает место непосредственно после епископа Рима. Согласно этому канону епископ Нового Рима по рангу опередил Антиохию и Александрию. Повышение Константинополя в церковном ранге в то время еще не было направлено непосредственно против Рима, а было следствием развернувшегося на Востоке соперничества и привело к нарушению главным образом прав и самостоятельности Александрийской церкви. Понятно, что против этого постановления наиболее решительно протестовали на соборе представители Александрии. Борьба вокруг места на иерархической лестнице приняла также теологические формы: теперь Константинополь стал крепостью ортодоксии, а Антиохия и Александрия — оплотами арианства.

Другие каноны Константинопольского собора 381 года стабилизировали систему патриархата. В соответствии с административным делением Востока (на Востоке было пять диоцезов) было

образовано пять «Архимитрополий» с центрами в Фессалонике, Гераклее, Цезарее, Эфесе и Константинополе. Одновременно были установлены и территориальные границы указанных единиц. Тогда же Константинополь был возвышен в ранг патриархата и в первую очередь попытался распространить свою юрисдикцию на Балканы и Грецию.

Возвышение Константинопольского патриарха отражало реальное политическое положение. Однако папа распознал скрытую в этом опасность для примата Рима и впоследствии не был склонен признать за 3-м канонем экуменический характер. Вопреки устремлениям церковной политики императора и византийского патриарха папа Дамас уже в 382 году на Римском соборе сформулировал постулат, согласно которому во главе церкви стоят епископы тех трех городов, которые когда-то были полем деятельности Петра: Рим — потому что Петр был первым епископом города; Александрия — потому что ученик Петра Марк был там епископом; Антиохия — как первое епископское местопребывание Петра. Дамас, говоря о решениях Римского собора, впервые в истории назвал Рим Апостольским Престолом. Реальность власти за этой папской оценкой в то время уже не стояла, но за притязаниями Византии — безусловно. Но если эти притязания на примат Византии опирались на государственную власть, подчинившую церковь и показавшую себя преходящей, то претензии на главенство пап были независимы от государства и в преддверии эпохи феодализма основывались на землевладениях, преобразуемых в Папское государство. Церковные землевладения оказались решающим условием в формировании папства не только потому, что обеспечивали материальную независимость римскому епископству, но и потому, что в феодализируемом обществе право собственности на землю сопровождалось также осуществлением административной (государственно-властной) функции на конкретной территории, а в данном случае даже противодействием центральной, политической верховной власти.

После признания христианства (313 г.) стало быстро расти количество верующих (в том числе и богатых), а одновременно и количество пожертвований, получению, использованию и приумножению которых в противоположность восточным церквям, занятым религиозными спорами, реалистическая римская церковь уделяла особое внимание. О существовании земельных владений, принадлежащих римской церкви, можно найти свидетельства уже в IV веке. Да и сам Константин I делал большие пожертвования церкви. Благодаря щедрым дарам богатейших аристократических семей сенаторов и всадников (которые следовали примеру императора) земельные владения римской церкви возрастали. В начале V века церковь заполучила в свои руки владения языческих храмов и святых мест. Наряду с частными дарами и наследованием по завещаниям имущество церкви возрастало также за счет частной собственности скончавшихся священников, автоматически переходящей к церкви. Константин ввел также правило, ставшее нормой и вошедшее в средневековое обычное право: к церкви переходило отчуждаемое по каким-либо причинам имущество, а также собственность осужденных, родные которых умерли. Рассматривая происхождение создаваемого таким образом церковного имущества, можно сделать вывод, что оно было не феодальным, а античным по своей сути. От имени общины епископ осуществлял право на владения, которые было запрещено делить или продавать. Природа церковного землевладения, таким образом, постепенно приобретала феодальный характер.

Авторитет пап по мере снижения политической значимости Рима не падал, а скорее, наоборот, возрастал. Римские епископы, опираясь на свое возрастающее экономическое могущество,

приобретали в западном мире религиозно-нравственный авторитет. В ходе распространения веры и в борьбе за ее чистоту постепенно упрочивался авторитет самого папы. Во времена папы Дамаса отец церкви Святой Иероним (347–420?) перевел Библию на латинский язык — официальный язык западной церкви. Этот перевод известен под названием Вульгата. (Святой Иероним перевел Ветхий завет на латинский с древнееврейского, Новый завет и отдельные книги Ветхого завета — с греческого. Это было важно потому, что на Римском соборе 382 года был установлен порядок канонических текстов, уточнено, что канонически относятся к Священному писанию.) Борьба с еретическими учениями обусловила необходимость разработки и фиксации апостольского вероучения, то есть установления обязательных правил веры (*regula fidei*). Это же предусматривал и канон о Священном писании. Факт стабилизации правил веры подчеркивал Тридентский собор. Провозглашение идеологического и организационного единства означало создание церковного универсализма.

После смерти Феодосия (в 395 году) Римская империя была окончательно разделена на две части: на восточную и западную. Начиная с того времени Восточная Римская империя (Византия) на протяжении более чем тысячелетия существовала как совершенно самостоятельное историческое образование, в то время как Западная империя в эпоху переселения народов в результате нападения варваров распалась и на ее месте постепенно возникли христианские германские феодальные государства. В результате деления империи на две части на Востоке сложилась цезарепапистская греческая восточная церковь, в то время как в западной латинской церкви постепенно формировалась папская верховная власть, которая стала идейно-идеологическим, а затем во многих случаях и политическим представителем христианского универсализма, распространившим свое влияние на раздробленные церкви и государства.

Папство в Западной Римской империи

(V век)

После смерти Феодосия Западная империя пребывала в условиях постоянных нападений со стороны вестготов, гуннов, а затем и германцев. В результате усиливающегося социального и идеологического кризиса античного рабовладельческого общества, расстроенных экономических и политических отношений церковь все более превращалась в единственный прочный центр. Общий распад, несмотря на его негативное воздействие, в конечном счете позволил созреть внешним условиям для создания папской верховной власти.

В сложном процессе формирования примата папы исходным пунктом явилась верховная власть патриарха в лице римского епископа над Западом. Но примат патриарха в основном одинаково складывался во всех патриархатах. Однако лишь в римском и византийском центрах была сделана попытка добиться универсальности авторитета патриарха. (Остальные патриархи скорее представляли сепаратистские устремления.) В те времена примат римского епископа относительно авторитета и принципов веры уже никто не подвергал сомнению, это узаконили и восточные императоры. Но в Риме, исходя из юрисдикционной власти западного патриарха над его епископами, примат патриарха рассматривали как абсолютную церковно-управленческую и судебную верховную власть относительно вселенской церкви. Однако против этого протестовали не только византийский, но и другие патриархи.

Прямая юрисдикционная власть римского патриарха и в латинском мире ограничивалась лишь

Центральной Италией. Его влияние в эллинистической Южной Италии, Африке и Испании было уже слабее и едва ощущалось в Северной Италии и Галлии. Успешно выступали против Рима, отстаивая свою автономию, Карфаген, Арль и Милан.

Таким образом, фактическое соперничество за верховную власть над всей церковью развернулось лишь между Византией и Римом.

Константинополь подчеркивал свое верховенство, ссылаясь на реальную политическую власть, Рим же в большей степени выдвигал на первый план аргументы религиозно-библейского характера. С конца IV века все чаще говорилось об апостольском характере римской церкви, о главенстве Петра. Основанное на этом тезисе почетное первенство в равной степени признавали как Восток, так и Запад, но не как источник верховной административной власти в церкви. На значение идейных мотивов притязаний на власть указывает то, что Константинополь наряду с преимуществом реальной власти был вынужден также опираться на легенду об апостоличности. Согласно этой легенде древнюю византийскую церковь еще до Петра создал апостол Андрей Первозванный, брат Петра. Следовательно, Константинополь как церковный центр не только одного ранга с Римом, но и древнее его.

С конца IV века и на протяжении всего V века папы все решительнее выступали за утверждение примата Рима. В то время они направляли основные усилия скорее на детальную теоретическую разработку принципа примата, чем на практическую его реализацию. Однако формирование этих идей привело к росту самосознания пап, и им нужно было лишь выждать, когда наступит благоприятный исторический момент.

Что же конкретно свидетельствует о дальнейшем развитии принципа папства? Со времен папы Сириция (384–399) сохранился первый папский декреталий (от 385 года). До того времени папы в своих посланиях применяли стиль частного письма. Папа Сириций был первым, кто в папской переписке использовал официальный язык императорских документов. Впервые у него появилась и фраза о том, что римский епископ обязан заботиться не только о своей (римской) церкви, но и обо всех церквях.

Иннокентий I (401–417) был сыном своего предшественника, папы Анастасия. (Папа, следовательно, был женатым или вдовцом.) По мнению Иннокентия, местный собор имеет лишь совещательный характер, его решения лишь тогда обладают силой, когда их утвердит папа. (Коллегиальное руководство уже тогда стало и на Западе фактом истории.) Во времена Иннокентия I ускорилось разрушение Западной Римской империи. Это не только позволило папе использовать политические средства для защиты своего столичного города, но и сделало это необходимым. Аларих и вестготы в 410 году трое суток грабили Рим, и папа Иннокентий отправился в новую столицу западного императора, Равенну, умолять его оказать помощь.

Иннокентий, как защитник истинной веры, еще больше укрепил авторитет папы в борьбе с наиболее значительной тогда ересью — пелагианством. Пелагий [13] в 400 и 401 годах выступил в Риме, а затем в Северной Африке. В центр своего учения он поставил человека, точнее, связь между человеком и Богом, между человеком и Божественной благодатью. (Следует напомнить, что еще донатизм говорил о «чистых», которые находятся в состоянии благодати.) Подобно западному дуализму локальные еретические направления в центр своих учений помещали уяснение связи между человеком и Богом. Средневековые еретические движения, да и Реформация в последующем

также вращались вокруг этих проблем. Согласно Пелагию, наследственного греха не существует, для достижения спасения достаточна свободная воля человека даже без божественной благодати, ибо благодать — это внутренняя склонность человеческой природы к добру. Эта мысль, продолженная *ad absurdum* [14], приводит к выводу, что нет необходимости в Спасении, равно как и в церкви, осуществляющей в этом посредническую роль. Против пелагианства в первую очередь выступил Святой Августин.

Крупнейшая фигура латинской патристики Святой Августин с 396 года был епископом г. Гиппона в Северной Африке. Много боролся против манихейцев, донатистов и, главным образом, против пелагианцев. Выдающимися достижениями древнехристианской теологии являются главные его произведения «*De Trinitate*» («О Святой Троице») и «*De civitate Dei*» («О граде Божием»). Философия истории, разработанная Августином в последнем произведении, легла в основу концепций о государстве и церкви в эпоху раннего средневековья.

Августин выступал союзником Рима и Иннокентия I в спорах с пелагианцами и развил католическое учение о предопределении и благодати. Когда Иннокентий отлучил Пелагия и его последователей от церкви, Августин отозвался об этом так: «*Causa finita est*» [15]. (На основе этой фразы впоследствии был сформулирован тезис о безапелляционности папского решения.) Однако донатистскому и пелагианскому расколу положили конец не Августин и не папа римский, а вандалы, захватившие Северную Африку (в 430 году), и арабские завоевания, которые уничтожили здешнюю христианскую культуру.

С Иннокентия I и до Льва I не было выдающихся римских епископов: как правило, правившие краткое время папы во всем стремились выслужиться перед Византией. Папа Зосима (417–418) из-за своих неумелых действий в споре с пелагианцами и из-за уступок, сделанных еретикам, стал первым папой, которого церковь не чтит в своих литургиях. После его смерти новый раскол привел к ослаблению римской церкви. Партия диаконов избрала папой архидиакона Евлалия, однако большинство пресвитеров избрало папой священника по имени Бонифаций. Обе партии обратились за помощью к императору. Император, чтобы предотвратить подобные раздоры, сформулировал первое официальное светское постановление, регулирующее избрание папы: если выборы не закончились однозначной победой одного из претендентов, то ни одного из кандидатов нельзя считать папой, а следует продолжать выборы до тех пор, пока не будет найдена общая кандидатура. Однако даже императоры не смогли осуществить это постановление.

Во второй половине V века были сделаны попытки подавить движения, объявленные церковью еретическими, с помощью государственных постановлений. 30 мая 428 года эдикт, изданный императорами Феодосием II (408–450) и Валентинианом III (425–455), был в первую очередь направлен против последователей манихейских по своему происхождению и возникших в связи с учением о Святой Троице ересей. «Безумство еретиков должно быть подавлено таким образом: прежде всего нужно отнять у них те приходы, которые они захватили у истинно верующих и держат в своих руках, и эти приходы следует незамедлительно передать вселенской церкви».

Императорский рескрипт, предписывающий преследовать еретиков, стремился в первую очередь воспрепятствовать культовой деятельности еретического направления путем отнятия церквей, недопущения их создания и избрания еретического клира. Интересно, что император в своих действиях против разных видов ереси делал различия в зависимости от их общественного

радикализма. Еретиков лишали гражданских прав: они не могли нести военную службу, не имели права делать и получать подарки, составлять завещания. Им было также запрещено принудительно обращать своих рабов в еретическую веру или в ней удерживать. Государство обрушило на последователей еретических вероучений такие кары, какие испытало ранее само христианство, а затем и язычество.

Однако императорские постановления не смогли воспрепятствовать ни появлению ересей, ни теологическим спорам. С начала 400-х годов на протяжении трех столетий на Востоке бушевали так называемые христологические дискуссии. Кроме вопроса об уяснении понятия Святой Троицы, ереси стали возникать вокруг умозрительных постулатов о сути Христа, о его природе и воле. (На Востоке в центре теологического спора была внутренняя связь Богочеловека, а не Бога и человека. В длительных спорах выясняли, что же следует понимать под превращением Бога в человека и под Спасением.)

Согласно ортодоксальному учению в лице Христа (в Логосе) самым тесным образом соединены две природы — божественная и человеческая, объединенные без слияния и разделения.

Возникшие на почве ортодоксального вероучения ереси можно разбить на три направления:

1. Несторианское направление, появившееся в начале V века. Согласно мнению Константинопольского патриарха Нестория, в Христе наличествуют два природных начала — человеческое и божественное, которые присутствуют в нем раздельно, обособленно друг от друга.
2. Реакцией на несторианство было монофизитство, которое утверждало, что природа Христа одна — божественная, таким образом, человеческая природа Христа оказалась поглощенной божественной, слилась с ней. В то время как несторианство подобно арианству подчеркивало человеческую суть Христа, монофизитство отвергало возможность трансформации Логоса в человеке, следовательно, отрицало и Спасение.
3. Последней фазой христологических споров стало возникновение в VII веке более слабого варианта монофизитства — монофелитства, последователи которого признавали, что Христос имеет две природы, но одну волю, богочеловеческую волю и энергию.

При папе Целестине (422–432) в 431 году собрался Вселенский собор в Эфесе, чтобы осудить несторианство. Эта ересь не была популярной среди верующих, ибо отрицала божественную суть материнства Марии и, таким образом, нарушала сложившееся на Востоке восторженное почитание Марии.

На соборе присутствовало 160 епископов. Среди них находился Александрийский епископ Кирилл, главный противник Нестория, защитник ортодоксальной веры. Посланцы папы прибыли на собор с некоторым запозданием. Собор принял учение Кирилла о двух природах Христа и об их отношении друг к другу.

Однако так называемое эфесское вероучение, излагающее этот постулат, было принято лишь в 433 году.

Первой по своему историческому значению фигурой папства, заслуживающей быть отмеченной, был папа Лев I (440–461), который укрепил и временно распространил папскую власть на всю церковь за исключением греческого Востока.

Был составлен каталог, в который занесли имена 44 римских епископов от Петра до Льва I. Но они были скорее лишь первыми среди равных епископов, в то время как Лев уже действительно был

папой, который считал себя, ссылаясь на Петра, стоящим над всеми епископами. Свой авторитет он поднял в результате обширной переписки и укрепления письменных контактов с епископами.

Император Валентиниан III своим эдиктом утвердил примат папы. В период правления Льва I апостолическая церковь развилась в авторитарную церковь.

Папа Лев I противопоставил политически обоснованному первенству Константинопольского патриарха осознанно мотивированный религиозный примат. У него мы впервые встречаемся с характеристикой папы как заместника Петра.

Этим Лев I обосновывал законность власти папы над вселенской церковью. Культ Петра во время понтификата Льва расширился в Италии, чему в значительной степени содействовало семейство императора Западной Римской империи, имевшее резиденцию в Равенне.

Глубокое преклонение матери императора Пладицы и ее сестры Евдоксии перед Святым Петром сыграло немалую роль в легитимизации этого культа.

Папа Лев I успешно действовал также и в защите ортодоксального учения. В Италии он в полном смысле слова истребил пелагианцев. (Император Валентиниан III по предложению папы специальным постановлением лишил их гражданских прав и изгнал из страны.) Епископ Рима успешно вмешивался и в христологические бои, бушевавшие на Востоке. Тогда уже самым опасным противником ортодоксального учения было монофизитство, развившееся как реакция на несторианство и созданное благодаря византийскому архимандриту Евтихию. Для решения спора император Восточной Римской империи Феодосий II в 449 году созвал в Эфесе имперский собор, принявший, однако, монофизитство, которому оказал поддержку и император.

После смерти Феодосия II папа Лев I при новом императоре Маркиане (450–457) добился созыва нового вселенского собора, который состоялся в 451 году в Халкидоне. На этом самом многочисленном соборе древности (присутствовало 350 епископов) председательствовали чиновники императора, в то время как легаты папы были оттеснены на задний план. На решающем 6-м заседании появилась и сама императорская чета. Соборные отцы отвергли монофизитство и утвердили поддерживаемое и папой Львом I никейское вероучение (Никейский символ веры). Это, несомненно, и на Востоке подняло авторитет папы, сохранявшего чистоту кафолического учения. Однако ни авторитет императора, ни авторитет папы не были настолько высоки, чтобы все церкви Востока приняли халкидонскую формулу веры.

Собор в Халкидоне одновременно с восстановлением единства вероучения сделал новый шаг навстречу размежеванию восточной и западной церквей. Император добился того, что 28-й канон собора провозглашал: Константинополю на Востоке положено занимать первое место, его епископ по рангу и авторитету стоит наравне с Римом. Таким образом, ранги Константинополя и Рима стали равными. Собор передал под юрисдикцию Константинопольского патриарха церкви провинций Понта, Азии и Фракии. Со времен Халкидонского вселенского собора 451 года можно говорить об окончательно сложившихся пяти патриархатах: в Восточной Римской империи — Константинополь, которому были подчинены Антиохия, Александрия и Иерусалим, а на Западе — равнозначный с ним Рим. Звание патриарха в Риме впервые применил папа Лев I, а в Константинополе — Акакий. Из соперничества глав церквей обеих столиц Иерусалим, Антиохия и Александрия были окончательно исключены в результате арабских завоеваний. Новый шаг в направлении организационной и административной унификации христианской церкви привел к тому, что патриаршие церкви

оказались подчиненными двум центрам, римскому и константинопольскому. Иерархическое равенство Константинопольского и Римского патриархов, верховная церковно-административная власть, осуществленная в восточной церкви, представляли уже серьезную угрозу развивавшемуся в то время универсализму папства.

Равнозначность и обособление Рима и Византии отражали реальное политическое и церковно-политическое положение. В основе углубления противоречий между ними лежали и идеологические обстоятельства.

Монофизитской концепции, укоренившейся на Востоке, соответствовало организационное слияние государства (человеческое) и церкви (божественное) в цезарепапизме (политическое монофизитство).

На Западе отношения между государством и церковью складывались совсем по-иному. Здесь католическое учение о двух природах Христа — божественной и человеческой, пребывающих в единстве, обуславливающих друг друга, но не смешивающихся между собой, — последовательно вело к дуалистической теории. Религия и политика, не смешивающиеся в государственной жизни, но и неотделимые друг от друга, создают единство. Этот западный дуализм стал основой средневековой теории о государстве.

Секрет формирования папской власти к середине V века следует искать в первую очередь в экономическом положении Святого Престола, в его имущественном состоянии, в огромных вкладах и пожертвованиях. Уже в Италии V века папа был самым крупным землевладельцем, и его землевладения (и вне Италии) в последующие века продолжали увеличиваться. Титулы пап (*auctoritas, potestas*), говорящие и о его светской власти, тоже начали применять с V века.

Примат римского папы осуществлялся вопреки решению собора в Халкидоне (в 451 году), присвоившему епископу Константинополя те же ранг и достоинство, которые прежде принадлежали лишь епископу Рима. В Восточной церкви примат византийского патриарха складывался в рамках цезарепапизма. В связи с тем что византийский патриарх получил верховную власть над церковью Востока, он мог быть лишь придворным епископом византийского императора.

Между тем римский папа, усвоив бюрократические и иерархические структуры императорской администрации, главным образом во времена Льва I, нередко уже приписывал себе prerogatives императорской власти. В процессе соперничества папы и византийского патриарха даже при кажущемся равноправии византийское преимущество выглядело бесспорным. Однако в действительности патриарх в Византии не смел и помыслить о светской власти, могущей сложиться наряду с императорской, самое большое, на что он мог рассчитывать, так это на усиление политического влияния на императора, однако император даже в церковных делах подчинял его себе. В то же время в Риме папа на развалинах Западной Римской империи, будучи (частным) владельцем значительной части принадлежащих ей территорий, потенциально мог претендовать и на светскую власть.

Начиная с середины V века еще добрых три века римским папам и в голову не приходило ставить под сомнение императорскую верховную власть над Италией и Римом. В то же время об изменении их политической роли однозначно свидетельствовало то обстоятельство, что Лев I был первым папой, который назначил постоянного представителя (апокрисария) при дворе византийского императора, тем самым придав политический характер связям с императором.

Византия, занятая вопросами собственной обороны, могла оказать Италии, попавшей в круговорот великого переселения народов, лишь незначительную помощь. Тем самым римский епископ все более становился фактическим защитником города Рима и Италии. Так, в частности, с именем папы Льва I связывают спасение Италии от гуннов. Согласно легенде, когда в 452 году в Северной Италии свирепствовали полчища Аттилы, папа во главе блестящей делегации и с богатыми подарками выехал навстречу Аттиле в Мантую. В результате переговоров «устрашенные» папой гунны не стали в то время продвигаться далее на юг. (Это событие великолепно запечатлено на полотне Рафаэля, находящемся в Ватикане.) Папа вел успешные переговоры и с вандалами. В 455 году он с помощью подарков добился того, что громившие Рим вандалы по крайней мере не уничтожили жителей.

Столетием позже папа Григорий I уже пришел к пониманию того, что западная церковь и папство могут сохраниться лишь в том случае, если приспособятся к складывающемуся феодальному миру и порвут с Римской империей, античным миром. Обращение германцев-язычников и ариан в католичество — стремление, выходящее за пределы империи, и папа Лев I был еще далек от этого. Несмотря на видимый и повсеместный распад, его мир был еще ограничен Римской империей, и он мыслил лишь в рамках этих понятий, выражая папский примат, принципиальное осуществление которого подготовило политическую независимость римских епископов.

Папство во времена господства готов и византийской реставрации

(VI век)

В 476 году с изгнанием последнего императора Западной Римской империи Ромула Августула произошло и формальное падение Римской империи. Арианские готские короли Северной Италии выступали преемниками римских императоров. Во время господства готов Италия снова расцвела. Несмотря на то что на Западе уже не было императора, на историю папства еще на протяжении целого столетия определяющее влияние оказывали не формирующиеся германские государства, а Восточная империя.

У преемников папы Льва I не было возможности реализовать примат папы. Верховная власть папы являлась конечным результатом процесса, который был производным от постоянных внутрицерковных и влияющих на них внешнеполитических отношений. Папы на протяжении многих лет лишь ценой полного подчинения политической воле Византии и частично готов могли обеспечить себе относительную независимость в религиозных делах. Эту относительную независимость в религиозных делах показывает дискуссия вокруг так называемого энотикона.

Император Зенон (476–481) пытался обеспечить единство Византийской империи с помощью эдикта о религии (Энотикона), изданного в 482 году. Это созданное патриархом Акакием вероучение было направлено на достижение компромисса между кафоликами и монофизитами. Однако результат оказался совершенно противоположным: ни одна сторона не приняла его. Папа Феликс III (483–492), выступив в защиту кафолической (ортодоксальной) веры, в 484 году отлучил Акакия от церкви; Акакий же в свою очередь предал анафеме папу. Последствием этого стал первый церковный раскол (схизма) между Востоком и Западом, длившийся до 519 года.

В обстановке политической подчиненности пап благоприятные условия для укрепления концепции о роли папы сложились благодаря дружественной политике готского короля Теодориха (493–526) по отношению к Риму. А в лице папы Геласия I (492–496) римскую епископскую кафедру занял первый значительный теолог, который оказался способным сформулировать этот постулат. Геласий, будучи

еще архидиаконом при двух своих предшественниках, уже оказывал значительное влияние на ход событий. Он последовательно отвергал претензии Византии на первенство и, в противовес ей, оказывал поддержку Александрии и Антиохии в сохранении ими прежних позиций.

Геласий I, опираясь на положения трактата Святого Августина «О граде Божием», четко отделил и разграничил сферы церковной и светской власти. Теория о двух властях, нашедшая широкий отклик в средние века, восходит через Геласия I к Августину. Геласий I так сформулировал в своем письме императору Анастасию (491–518) принцип дуализма светской и церковной власти: «Славный император, существует два таких учреждения, которые в первую очередь управляют этим миром: первое — освященный авторитет высших иерархов, а другое — королевская власть. Бремя, которое несут священники, тяжелое, поскольку им приходится давать отчет перед судом Бога также и за деяния королей, властвующих над людьми». В религиозных вопросах император подчиняется верховному иерарху, а в мирских делах клир подчинен императору. Христос, истинный *rex et pontifex* [16], разделил власть между королями и епископами. Следовательно, и те и другие участвуют во власти Христовой, которая в равной степени включает в себя и светскую и духовную.

Сформулированный во времена Льва I скорее лишь теологически дуализм последовательно реализовывался папой Геласием I и в церковной политике. Его точка зрения о разделении двух властей и о взаимоотношениях между ними была общепринятой вплоть до XI века.

Во времена Геласия I папство уже рассматривало себя источником любого права и стержнем истинного учения. Решения соборов обязывали папу быть верным догматам как гаранта и охранителя их, но с точки зрения юрисдикции он уже пользуется полной свободой (*primatus jurisdictionis*). Геласий I поднял этот принцип на такую высоту, что папа мог вершить суд над каждой церковью, но в отношении его никто не был вправе этого делать. Через несколько лет после этого в связи с судебным процессом над папой Симмахом (498–514) мы уже встречаем окончательную формулу: «*papa a nemine iudicatur*» («над папой никто не вправе вершить суд»). По сути дела, при Геласии I завершилось формирование принципа о примате папы, теперь оставалось реализовать его на деле.

В начале VI столетия увидел свет первый индекс папы, также связанный с именем Геласия I (автором индекса был уже не он). Это был список книг древней (языческой) литературы, которые можно или нельзя было читать христианам. (*Deere turn Gelasianum de libris recipiendis et non recipiendis*).

После Геласия папский престол снова занимают незначительные личности. Даже сам папа Анастасий II (496–498) попал под подозрение в еретичестве. После него борьбу между собой с переменным успехом вели папы и антипапы: в Риме одерживала верх то партия сторонников Византии, то проготская партия. В результате таких неурядиц на Римском синоде епископов в 499 году было принято решение о первом церковном упорядочении выборов папы. Было высказано мнение, что для избрания папы необходимо большинство голосов, и одновременно сделана попытка ограничить влияние избирателей-мирян. После того как при папе Гормизде (514–523) было достигнуто церковное единство с Востоком, папа Иоанн I (523–526) поехал в Византию и там короновал императора Юстиниана I (это был первый случай в истории, когда коронование совершил папа). Однако коронование императора не повысило авторитет папы. Теодорих и его преемники считали пап служащими империи и то и дело включали их в состав посольств, направляемых в

Византию.

Время правления Бонифация II (530–532), гота по происхождению, было отмечено введением в действие существующего и ныне летосчисления. В основу его легли расчеты нижнедунайского монаха Дионисия Малого. Начали считать не от года начала преследования Диоклетианом христиан, а от года рождения Христа. Это летосчисление было установлено на 784 году после основания Рима. Однако папы свои письма, постановления датировали годом правления византийского императора.

Со времени выборов папы Иоанна II (533–535) до нас впервые доходят сведения о симонии, преследовавшейся более поздними церковными реформаторскими движениями. Под понятием симонии история церкви понимает торговлю духовными ценностями, более точно — покупку и продажу различных церковных должностей, постов за деньги. (Согласно Библии, чародей Симон из Самарии предлагал деньги Святому Петру и Святому Иоанну за то, чтобы они разделили с ним их чудодейственную власть. Отсюда и название — «симония».) Кандидат в папы Меркурий, используя церковные богатства, с успехом подкупил выборщиков, чтобы получить большинство голосов. Именно поэтому в 533 году римский сенат запретил симоническое вмешательство в выборы пап, а нарушителей подверг тяжелым наказаниям. Меркурий после его избрания на папский престол впервые в истории папства сменил свое имя, назвавшись Иоанном, ибо имя языческого бога было не очень совместимо с его новыми функциями. Вообще же изменение имени при вступлении на папский престол стало обычным явлением лишь в позднее средневековье.

Правивший в 524–565 годах император Юстиниан I стремился восстановить единство империи и с этой целью осуществил полный цезарепапизм. Его полководец Велизарий в конце 536 года занял Рим. Почти 20 лет длившаяся готская война привела к уничтожению правления остготов в Италии и к реставрации византийской монархии. Но если при готском короле Теодорихе папы пользовались относительной свободой, то абсолютная имперская власть полностью подчинила их. Юстиниан в многогранном церковном законодательстве отрегулировал положение церкви. В 544 году он выступил против еретиков. А в своем дополнительном законе от 18 марта 545 года он вновь подтвердил решения первых четырех вселенских соборов. Этот же закон провозгласил, что «папа более старшего Рима является самым первым среди всех священнослужителей, а святейший епископ Нового Рима, то есть Константинополя, занимает второе место после апостольского престола старшего Рима, но в то же время впереди престолов всех остальных иерархов». Однако наряду с укреплением почетного первенства римских пап Юстиниан своей реставрационной политикой достиг того, что папа вновь оказался не более чем в роли патриарха Запада в одной из частей имперской церкви. Имперская верховная власть признавала верховенство папы, реализуемое лишь в догматах внутри имперской церкви, но не в управлении церковью.

Юстиниан успешно ограничил властные устремления пап, нанеся удар по их экономическим основам. Он передал под непосредственную власть Византии Южную Италию и Сицилию, таким образом наложив руку и на доход от тамошних богатых папских владений. Фактически власть римского папы сохранилась лишь в римском герцогстве. В Риме пап сменял и предлагал к избранию Велизарий. Он изгнал папу Сильверия (536–537), союзника готов, и тот умер в изгнании. На папский престол попадали безусловно послушные Византии священники, которые до того, как правило, служили в столице апокрисариями. Эти папы полностью находились во власти цезарепапизма; император даже по вопросу догматов умудрялся навязывать им свою волю.

При папе Вигилии (537–555) Юстиниан созвал в 553 году II Константинопольский вселенский собор, на котором присутствовало 164 епископа, главным образом восточных, совещание вел Константинопольский патриарх. Собор принял так называемые «Три главы» — несколько ослабленный вариант несторианства, — тем самым нарушив ортодоксальный символ веры. Император вынудил Вигилия в конце концов утвердить решения собора.

Подчиненность папства Византии достигла своего апогея при папе Пелагии I (556–561). Изгнав папу Вигилия, император рекомендовал на папский престол Пелагия, служившего апокрисарием. После того как он поклялся принять «Три главы», византийское войско доставило его в Рим. Для того чтобы увековечить эту подчиненность, император, после смерти Пелагия, постановил, что в будущем папу, избранного римским клиром и народом, можно посвящать лишь после утверждения императором. Иоанн III (561–574) был первым папой, избрание которого утвердил император.

Юстиниан, пытаясь восстановить единство империи и церкви, в результате оказался виновником их окончательного распада и падения. Непрерывные войны истощили Италию, большая часть полуострова была разорена и обезлюдела. Когда-то гордый Рим опустился до уровня провинциального города. Население его уменьшилось до 30–40 тысяч жителей. В водовороте готской войны окончательно исчез античный мир. В 568 году лангобарды создали новое королевство в Италии. Оставшиеся под управлением Византийской империи итальянские территории образовали одну провинцию, которой управлял экзарх Равенны. В нее входило также римское герцогство с городом Римом, которое, однако, было отделено от равеннских территорий кольцом лангобардских герцогств. Это обособление также способствовало тому, что в римском герцогстве и в Риме епископ города во все большей степени овладевал светской властью. В 579 году лангобарды разграбили Рим. Оставленный и забытый там папа Пелагий II (579–590) напрасно обращался за помощью к императору Византии.

Папа Григорий I Великий (590–604) и его преемники

В эпоху великого переселения народов Рим остался в одиночестве. По праву морального авторитета папа превратился в светского правителя над Римом и центральной частью Италии. Папа Лев I теоретически, а затем папа Григорий I практически своей экономической и церковно-организационной политикой подготовили путь, который в средние века привел к развитию светского образа правления и к универсальной политической власти пап. Обычно Григория I считают последним папой древнего мира и первым папой средневековья. Его понтификат находится на переломе христианского древнего мира и христианского средневековья.

И на личности Григория, и на его образе правления лежит печать этой двойственности и переходности. Родина папы — еще Римская империя, его избрание утвердил византийский император. Григорий усматривал будущее церкви и пап в окатоличивании германского западного мира и в приспособлении к феодальному обществу. Он прагматически провозгласил лозунг «разрешение и связывание», то есть отход от древнего, рабовладельческого общества и новая связь с феодальным обществом, но осуществилось это лишь в эпоху Карла Великого. Во всех начинаниях папы Григория I превалируют практические и моральные устои церковной политики и духовного пастырства. Именно он стал прообразом более поздних пап-монахов.

Григорий I происходил из старинной богатой семьи римского сенатора. Он владел обширными поместьями в окрестностях Рима и в Сицилии. В светской карьере достиг должности префекта

города Рима (самый высокий государственный пост). Но неожиданно ушел в монастырь, который он сам устроил для себя в своем римском доме (так называемый монастырь Андрея). В сицилийских фамильных владениях он основал еще семь монастырей. Пелагий II рукоположил его в диаконы, и на протяжении многих лет он был в Византии апокрисарием. Здесь у него была возможность овладеть политическим мастерством, познакомиться с отношениями, сложившимися в империи. С 585 года до избрания папой он вновь живет монахом.

С именем Григория связана легенда о знаменитом Замке Святого ангела. Согласно легенде, в 590 году в Риме свирепствовала чума. Под руководством пользующегося большим авторитетом Григория уже трое суток длилось публичное церковное покаяние во избавление от чумы. Когда на третий день церковное шествие проходило мимо мавзолея императора Адриана, над куполом мавзолея появился архангел Михаил, вкладывавший меч в ножны в знак того, что гнев Божий прошел. И чума прекратилась. В память об этом на крыше мавзолея установили громадную статую ангела, а мавзолей стал называться Замком Святого ангела (построенный в 136 году императором Адрианом мавзолей со времен Аврелия использовался скорее как военное укрепление. Когда папы стали владетелями Рима и крепость попала в их руки, она часто впоследствии служила для них самих убежищем).

Папы VI века, предшественники Григория, не смогли реализовать примат римского Святого престола на Востоке, как, впрочем, и на Западе тоже. Казалось, что верховенство над церковью окончательно получит Константинопольский патриарх, поддерживаемый императором. Патриарх Иоанн Постник уже с 587 года начал называть себя вселенским епископом (*episcopus oecumenicus*), против чего безрезультатно протестовал папа Пелагий II. Патриарха Иоанна с одобрения собора и императора уже официально с 595 года титуловали вселенским патриархом (этот титул с тех пор присвоили Константинопольские патриархи). Таким образом, получил законное признание тот факт, что на имперскую церковь распространяется юрисдикция византийского патриарха. Правда, это означало еще лишь имперский патриархат, но потенциально это право могло превратиться также в верховенствующую над вселенской церковью власть. Патриарх Александрии в противовес верховенствующей роли Византии предложил Григорию принять титул «вселенского папы». Однако вопреки этому Григорий начал использовать гордо приниженное звание *servus servorum Dei* (слуга слуг Божьих).

Так, в истории папства при Григории впервые сознательно вводится концепция служения вселенской церкви, согласно которой руководство церковью, управление ею — наиважнейшее служение Богу. Сформулированное затем Григорием и осуществляемое им служение во имя любви оказалось отлично приспособленным политическим (церковно-политическим) средством для противопоставления требованию покаяющегося на политико-властных аргументах примата византийского императора и его придворного иерарха.

Папа Григорий при практической реализации верховной власти, в ходе разнообразной экономической и церковно-административной деятельности опирался на хорошо развитую, централизованную бюрократию. Он укрепил папский чиновничий аппарат, так называемую курию. К концу VI века папы уже управляли мощной римской церковью, на них также лежали обязанности гражданского правосудия в Риме. В юрисдикции Григория как патриарха Запада находилась также главнейшая судебная власть над западными церквами. В конце концов управление разрозненными,

крупными по размерам церковными поместьями, формирующимся *patrimonium Sancti Petri* (наследством Святого Петра), оказалось в руках пап. (Понятие «патримониум Санкти Петри» объясняется следующим образом: имущество, подаренное папе или каким-либо другим образом попавшее в его владение, передавалось, дарилось Петру, первому епископу, но не данному папе, который является лишь его преемником и как таковой управляет этим имуществом.)

Для выполнения все усложняющихся задач по управлению церковью, церковно-политических и складывающихся политических функций (главы государства) требовалась армия знающих чиновников. Папские учреждения организовывались по образцу императорского управления, вероятно, с времен Дамаса I. Существовало две группы папских чиновников, образовавших две самостоятельные организации.

1. Писари (нотарии) работали в папских центральных учреждениях (курии). Курия состояла из 7 отделений, занимавшихся определенным кругом задач. Во главе того или иного отделения, подразделения стояли руководители — нотариусы-регионарии. Начальник ведомства, охватывающего отделы писарей, назывался *примицерий нотариорум*, т. е. главный писарь.

2. Служащими вне курии являлись папские эмиссары (или дефензоры). Разбитые тоже на семь отделений, они работали под руководством дефензоров-регионариев; все семь отделений подчинялись *примицерии-дефензоруму*, т. е. главному эмиссару. В то время эти чиновники, как правило, набирались из представителей наиболее низкого по положению римского клира.

Эту чиновничью организацию дополнял византийский посол (*апокрисарий*), занимавший самый важный пост в папской внешней политике. Содержание армии чиновников обеспечивалось благодаря доходам с папских латифундий, также управляемых чиновниками. Работа папской администрации и церковного управления регулировалась различными кодексами законов, например сборником *Canones apostolici* (Апостольских правил), составленным уже упоминавшимся Дионисием Малым, а также кодексом *Liber diuini*, созданным еще, вероятно, при Григории I.

Во времена понтификата Григория римские иерархи начали превращаться в замкнутую касту, аристократический орден, обладающий исключительным правом избрания папы. Первоначально римского епископа избирали так же, как и любых других: клир (городское духовенство), соседние епископы и народ избирали епископа совместно. В V веке римская городская аристократия и высшая церковная иерархия фактически оттеснили народ от выборов, у него осталось лишь право выразить одобрение. С конца V века право избрания папы начали регламентировать. По мере укрепления власти пап сужался круг лиц, которые могли подать свой голос на выборах. Выборщиками все чаще становились лишь те, кто владел экономической и политической властью, — формирующееся дворянство и высшее духовенство, кардиналы.

Кардиналами (происходит от слова *cardo*, что означает угол двери — в переносном значении основу, то, на чем что-либо покоится) вначале называли римских клириков, постоянно служивших в главных римских церквях (закрепленных за ними — *inkardinalt*) и помогавших папе в церковном управлении. Так называли священников 25 главнейших римских церквей (имевших название); позднее — уже лишь первого из священников каждой такой церкви. (Кардиналами называли также священников, которые стояли во главе крупнейших епископских соборов, например, помимо Рима, — в Милане, Равенне, или некоторых немецких кафедральных соборов.) Однако в общем это название вплоть до XI века ограничивалось римской церковью.

Начиная с VI века было 7 региональных кардиналов-диаконов, позднее их число увеличилось до 12, затем к ним присоединили 6 палатинских кардиналов-диаконов. Последние в качестве преемников старых пресвитеров образовывали совет папы. Для обсуждения более важных дел, а позже для замещения папы при исполнении богослужений 7 епископов из провинций, окружавших Рим, также включались в кардинальский корпус. Их называли кардиналами-епископами.

Во времена вторжения варваров, когда Италию рвали на куски готы, гунны, вандалы и лангобарды, папы превратились в фактических руководителей итальянской аристократии (формирующихся феодальных владельцев поместий). После краха римской центральной власти функции управления государственной властью в городах взяли на себя епископы, а в провинции — крупные землевладельцы (*dominus*). Постепенно из античного землевладения складывалось феодальное владение и натуральное хозяйство. Защиту от лангобардов владельцы доменов организовывали за счет местных сил. В Риме и в окрестностях города действительную власть осуществлял самый крупный собственник — папа. С середины VI века здесь уже больше не избирали консулов, а затем был распущен и сенат. Сформировавшаяся из сенаторских семей, владельцев доменов (крупных землевладельцев), аристократия передала политическое управление избираемому ею и в большинстве случаев вышедшему из ее среды папе (который одновременно поддерживал ее и против Византии).

Когда после смерти императора Юстиниана I (565) власть Византии в Италии потерпела крах под ударами варваров, главным образом лангобардов, в Риме и Центральной Италии возник вакуум политической власти. Императоры уже не были способны защищать Рим и Италию, а лангобарды еще не обладали достаточной силой, чтобы завоевать страну. В этом вакууме власти и в обстановке политической неразберихи возросла, основанная на экономическом и религиозно-моральном фундаменте, политическая власть пап; на рубеже античной эпохи и средневековья, между Византией и германцами они превратились в политических руководителей Италии.

В 592 году лангобарды вновь разрушили Рим. Папа Григорий I, не получив помощи от экзарха, с 584 года пребывавшего в своей резиденции в Равенне, сам сделал попытку устранить опасность со стороны лангобардов. Григорий I в 593 году провел успешные переговоры с лангобардами и, уплатив большую сумму денег, заключил с ними перемирие. Однако политика папы, которая стала более самостоятельной, натолкнулась на сопротивление Византии (и Равенны), в результате началась новая война между византийцами и лангобардами. После поражения византийцев в 598 году, при новом посредничестве папы, наступило перемирие. Эти события показывают, что во времена понтификата Григория I впервые проявилось стремление папы к политической самостоятельности западной церкви, к установлению правления, независимого от воли светских государей. Григорий I в письме византийскому императору Маврикию уже говорил об Италии, страдающей от лангобардов, как о своей стране. Папа стремился к тому, чтобы стать полновластным правителем Италии, поэтому он пошел на конфликт с экзархом. Император все еще считал себя авторитарным правителем Италии, а папа, хотя открыто и не отрицал верховенство императора, в действительности в глазах населения Италии и лангобардов уже занял место императора.

Такая роль папства стала возможной лишь потому, что в эту бурную и неопределенную эпоху папы смогли сосредоточить в своих руках, централизовать и организовать те громадные землевладения, которые были поручены отдельными землевладельцами церкви потому, что те считали

выгодным отдать под защиту церкви себя и свои владения, став вассалами церкви, папы. Так как папы стали владеть землей, вступили с людьми во взаимозависимые отношения и получили в свое распоряжение огромные запасы хлеба и продовольствия, они смогли распространить свое влияние на итальянскую аристократию.

К концу VI века, главным образом благодаря вышеуказанным процессам, папа стал самым крупным сюзереном Италии. Патримониум Петра в то время представлял собой еще не цельную территорию, а разрозненные владения, простирающиеся от Сицилии до Адриатического моря. Как указывает де Местр, в конце VI века папа Григорий I имел 23 владения в Италии, на островах, в Иллирии, Далмации и в других местах (де Местр. О папе. Пешт, 1867. С. 159). Ядро единого государства образовали в первую очередь расчлененные владения, расположенные на территории Рима, Романьи и Пентаполя [17]. Их территория к концу VI века достигала почти 85 тысяч квадратных миль, а ежегодные доходы превысили 6 миллионов золотых марок. Однако значительная часть папских владений в Италии была отнята или опустошена лангобардами. После лангобардских завоеваний Северная Италия и в церковном, и в политическом отношении оказалась оторванной от Рима. Григорий, опираясь на собственность своей семьи, восполнил ущерб, причиненный доходам папства, за счет владений, находившихся в Сицилии, Далмации, Иллирии, Галлии и Северной Африке. Обладая опытом управления крупными имениями, Григорий целесообразно организовал производство в названных владениях.

Во главе отдельных поместий он поставил в качестве управляющих своих хорошо подготовленных римских священников, за которыми установил строгий контроль. В результате реорганизации управления Патримониумом Петра и владениями Григорий временно положил конец некомпетентному вмешательству епископов и светских собственников данных территорий. В эпоху феодализма и «управление» владениями станет добычей феодальной аристократии.

Доходы и продукция, получаемая от хорошо организованных богатых владений, дали возможность папе проявлять благотворительность, заботиться об Италии и Риме. Вместо государственного попечительства бедных появилась диакония — церковная служба милосердия. Григорий создал экономическую мощь папства и тем самым обосновал свои претензии на светскую власть. Он заложил также фундамент будущего Папского государства. Папская служба милосердия способствовала тому, что папа приобрел в римской городской администрации решающее влияние и принял на себя исполнение значительной части государственных функций. Это нашло свое выражение также в том, что при Григории население Рима впервые избрало папу первосвященником (Pontifex Maximus). В результате административно-организационной деятельности Григория были заложены основы Церковного государства и создана база перехода к политическому универсализму. Понтификат Григория одновременно с завершением строительства религиозного универсализма на Западе заложил экономические, государственно-властные основы политического универсализма. Для того чтобы поднять значение римско-католической церкви как вселенской, были проведены в жизнь реформы в области литургии. С именем Григория связано обновление мессы (Sacramentarium Gregorianum) и церковных песнопений, создание в Риме школы пения (schola cantorum), заложены основы григорианской церковной музыки.

Но в еще большей степени развитию идей церковного, религиозного универсализма способствовало монашество, которое внедрял и которому оказывал помощь в Западной Европе папа Григорий.

Понтификат Григория называют началом средневековья и потому, что он первым понял значение монашества, которое могло быть непосредственно направляемо и использовано папами в реализации папского примата над местными (партикулярными) церковными интересами, а также в деле распространения христианства, в миссионерстве. Григорий не только был увлечен монашескими идеалами, но и сам внедрял их в жизнь.

Возникшее в Египте монашество до VI века считалось чисто восточным явлением. Европейская форма монашества возникла как протест против сделки церкви с господствующим классом, против обмирщения ее. Первый монастырь был создан Бенедиктом Нурсийским в 529 году в Монте-Кассино. В Италии, ставшей на путь феодализма, монашество объединялось в орден, по форме напоминавший объединение военизированных крестьян, находившихся на самообеспечении. Составленный Бенедиктом для монастыря устав предусматривал принятие обетов: самообеспечение, проживание в одном месте, совместная работа (земледелие и ремесла) в монастыре, а также совместная молитва, безбрачие, отказ от имущества и повиновение. Этот устав был умеренным по сравнению с фанатизмом восточного монашества, его безграничной аскезой. Последователи Бенедикта, бенедиктинцы, наряду с требованием «Ora et labora!» («Молись и трудись!») включили в свой жизненный распорядок также умственную работу; они создавали в монастырях школы, библиотеки, мастерские-скриптории, в которых переписывались книги. Именно Григорий внедрил эту форму монашества в церкви, поставив перед монашеством новую цель — обращение язычников в христианство.

Аскет, ненавидевший греков всей душой римлянина, а античную культуру — из чувства религиозного фанатизма, папа Григорий в наибольшей мере способствовал реализации верховной власти папства именно тем, что поддержал и поставил на службу своим планам институт монашества. Получившее поддержку со стороны папы, оно превратилось в передовой отряд формирующейся феодальной государственной и общественной организации. Григорий способствовал также и идеологическому вооружению монахов и духовенства для миссионерской работы. В результате своей проповеднической деятельности и литературной работы папа-монах перевел на латинский язык возникшие на Востоке или под воздействием Востока теологические труды. В первую очередь он занялся популяризацией учения Августина, в результате средневековье ознакомилось с трудами Августина не из первоисточников, а через Григория. Благодаря произведениям, приписываемым Григорию, стали популярны и получили широкое распространение в средние века понятные для простого человека представления об ангелах и чертах, о рае и аде, легенды же о самых абсурдных чудесах превратились в силу, формирующую сознание.

Наиболее значительным в деятельности Григория с точки зрения будущего церкви и папства следует считать то, что он провозгласил программу обращения в католичество германских народов с помощью монахов. К этому его побуждало стремление освободиться от тяжелой опеки со стороны восточных императоров и византийского патриарха путем расширения сферы собственного влияния в Западной Европе в результате усиления широкомасштабной миссионерской деятельности. Различные германские королевства, возникшие на западе империи, большей частью были арианскими и противостояли католическому Риму, исповедовавшему Никейский символ веры. Обращение их в католическую веру — по крайней мере в принципе — делало возможным привлечь их на сторону Рима в качестве союзников.

Среди германских народов лишь франки оставались язычниками, так как они избегали и арианства. Поэтому римские миссионеры обратили свое внимание в их сторону. Король Хлодвиг I уже после победы над алеманнами (496 год) вместе со своим народом принял христианство, тем самым открыв путь сотрудничеству между франками и римской церковью. Проживавшие на территории Галлии епископы и католическое коренное население именно поэтому оказывали им поддержку.

Превращавшееся в числе первых в феодальное государство, франкское королевство, теперь уже по религиозным причинам, получило возможность, используя защиту и имя католической церкви, распространить свое влияние на Испанию и Германию. Поэтому различные германские королевства были заинтересованы в том, чтобы заручиться поддержкой со стороны епископов; но и существование римской церкви зависело от того, насколько ей удастся укрепить свое влияние в новых феодальных государственных формированиях.

В конце 500-х годов стали католиками также и вторгшиеся в Испанию готы. И наконец, в 596 году папа Григорий послал в Британию 40 монахов-миссионеров, которые с помощью Кентского королевского двора начали обращать в христианство население страны. Результаты миссионерской деятельности в еще большей степени повысили авторитет пап. Однако включение все новых и новых народов, феодальных королевств в западную церковную организацию представляло собой реальную опасность того, что различные германские народы создадут национальные церкви, которые станут независимыми от папства. Подобный процесс имел место в галльской церкви, ставшей в VII–VIII веках независимой от пап и подчинявшейся франкским королям. Папа Григорий понимал опасность партикуляризма и пытался остановить эту тенденцию с помощью созданной им централизованной церковной администрации, однако, как это видно из событий последующего столетия, без особого успеха.

VII век и первая половина VIII показали, что папа Григорий I со своими церковно-административными устремлениями далеко опередил свое время; еще не созрели условия для реализации того идеала, которым он руководствовался. Целый ряд последующих пап не в состоянии был продолжать дело христианизации германцев и в еще меньшей степени мог освободиться из-под влияния обретшей новые силы византийской сверхдержавы. Папы VII века, ничем не отличившиеся, оказались между двумя жерновами: между цезарепапистской Византией и франко-лангобардским давлением. Они менялись в зависимости от того, кто одерживал верх в Риме — то политические силы, верные Византии, то тянувшие к лангобардам. Увеличилось число пап, взошедших на престол из монашеской среды (бенедиктинцев или бежавших с Востока сирийско-греческих монахов), и если папой становился кто-то из них, то наибольшие шансы были у апокрисария. Находившиеся на престоле один-два года папы в быстро изменяющихся властных ситуациях вовсе и не помышляли о выходе из состава империи, а оставались под главенством византийской державы, под сенью ее и, надеясь на ее поддержку, стремились утвердить свой примат в вопросах, связанных с догмами веры. Папа Гонорий (625–638) был втянут в последний раунд яростных христологических дискуссий, которые вращались вокруг проблемы о том, имеет ли Иисус Христос одну или две воли. Папа был явно неподготовлен для таких теологических сражений. Константинопольский патриарх Сергий пытался заполнить на свою сторону по-прежнему сильную на Востоке партию монофизитов с помощью компромиссной формулы, согласно которой в Иисусе Христе хотя и есть две природы — божественная и человеческая, но существует лишь одна божественная воля (монофелитство). Папа

Гонорий необдуманно принял эту концепцию, и теперь, ссылаясь на него, император Ираклий (610–641) возвел ее в закон на территории всей империи.

Однако император Константин IV (668–685) при согласии папы Агафона (678–681) созвал собор для нового обсуждения этого вопроса. В Константинопольском вселенском соборе 680–681 годов приняло участие 174 епископа; возглавил собор сам император. Вождем монофелитов в то время был патриарх Антиохии (в чем явно усматриваются его сепаратистские устремления). Собор на основании точки зрения Агафона отклонил монофелитство, подтвердил Халкидонский символ веры и предал анафеме уже скончавшегося папу Гонория, сделавшего уступку этому течению. Эти решения утвердил и папа Лев II (682–683). Папы не осмелились противодействовать воле императора, охраняющего политическое и религиозное единство империи, и в вопросе о догматах веры они также следовали за изменениями, происходящими в концепции политической власти.

Во второй половине VII века в Италии произошло новое, последнее усиление греческого влияния. Византийская государственная машина рассматривала римского папу лишь как государственного и церковного чиновника. Это видно хотя бы из того, что при папе Бенедикте II (684–685) византийский император Константин IV окончательно возложил на Равеннского экзарха утверждение избрания папы. Папу-чиновника он подчинил чиновнику.

Освободиться от этого не слишком почетного положения папы попытались лишь в начале VIII века, что стало возможным частично в результате нового ослабления византийского влияния в Италии, частично благодаря появлению государства франков, укреплению франкской церкви. Последним папой, которого император как обычного чиновника вызвал в Византию, был папа Константин I (708–715). Начиная с этого момента, который может считаться символическим, ускорился отрыв папства от Византии, а заключение союза с франками образовало новое направление в политике папства.

Папство в раннем Средневековье (VIII–XI века)

Римская рабовладельческая империя распалась, и на территории античного мира возникли многочисленные государства варваров, которые по мере слияния завоевателей с населением Рима и формирования феодального общества преобразовывались в феодальные государства (королевства). Католическая церковь обеспечивала непрерывность этого процесса, и она стала основной организующей силой нового общества. Монахи-бенедиктинцы с крестом и плугом (*cruce et arato*) шли к варварам, чтобы обратить их в христианскую веру, но их словам придавал вес меч франкского феодального государства.

Первые монахи-миссионеры появились в Британии по поручению папы Григория I. В результате их успешной деятельности английская церковь полностью подчинилась папе (позднее и сама Англия стала платить папе ленный налог). Монахи английской и ирландской церковью при поддержке франков и папства продолжали вести на континенте миссионерскую деятельность. Руководителя миссии, монаха Виллиброрда, папа назначил архиепископом Утрехта. Но на развернувшуюся деятельность германских миссионеров решающее влияние оказало католическое франкское королевство, чьи завоевания были тесно переплетены с деятельностью миссионеров.

Создание союза с франками (VIII век)

В первой половине VIII века папству еще приходилось маневрировать между иконоборческой византийской империей и лангобардами-арианами. Папа Константин, находясь в Византии,

обнаружил там полный политический разлад, для преодоления которого император Лев III (717–741), стремившийся к дальнейшей секуляризации государственной жизни, предпринял реорганизацию государственного управления. Под влиянием епископов-иконоборцев из Малой Азии он выступил в 727 году против почитания икон. Папа Григорий II (715–731) отвергал иконоборчество, однако он не хотел доводить это расхождение до разрыва.

За противоречиями стояла проблема изображения Христа как человека. Согласно ортодоксальной концепции, Христос был реальной личностью и, как такового, его можно было изображать в культовых произведениях искусства. А согласно утверждениям иконоборцев, Христос был только Бог, а не реальный человек, поэтому его и нельзя изображать, рисовать в человеческой ипостаси (монофизитство).

Как всегда, за новой теоретической дискуссией также скрывались политико-властные противоречия между Востоком и Западом. Император-иконоборец, действуя в духе своих реформ, обложил большими налогами богатые папские владения. Григорий II резко протестовал против нового бремени; имперские чиновники, присланные для наложения штрафов, были жестоко избиты римлянами. В эти критические времена у папы наряду с римскими аристократами появились и другие неожиданные союзники: это были его прежние противники, соседи Рима лангобардские герцоги, владетели Сполето и Беневенто, взявшие папу под свою защиту против экзарха и лангобардского короля.

Последний возникший с Византией конфликт побудил папу вновь укреплять связи с западным миром. Григорий II уже сознательно искал выход из создавшегося положения в германском миссионерстве, которое опиралось на вооруженные силы складывающейся империи франков. Однако Карл Мартелл (717–741), майордом, фактически правивший вместо франкских королей, с подозрением наблюдал за миссионерской деятельностью в Тюрингии и Баварии Уинфрида (Бонифация), который действовал здесь на основании поручения папы, полученного в 719 году. Отрицательного отношения франков к миссионерству не смогло поколебать даже рекомендательное письмо Григория II, которое он дал епископу Бонифацию для вручения Карлу Мартеллу, ибо майордом сам стремился к верховенству над церквами на завоеванных территориях и над франкской церковью. Папа Григорий III (731–741), пытаясь противостоять этому, послал в 732 году Бонифацию, апостола Германии, архиепископский паллий [18] и поручил ему организацию епископств.

Однако положение папы становилось все более неустойчивым под перекрестным огнем враждебной политики Византии и лангобардских завоевателей, стремящихся к гегемонии в Италии. Конфликт с Византией, возникший по поводу отношения к иконам, привел к тому, что император Лев III отказался признавать вселенский примат папы на территории Восточной империи, понимаемой в узком смысле слова; он также препятствовал тому, чтобы папа распространял свое влияние на Востоке даже в вопросе о догматах. Это сопровождалось и более серьезными последствиями, заключавшимися в том, что император изъял из-под власти папы провинции Сицилию, Бруттиум, Калабрию и Иллирию и передал их в подчинение Константинопольского патриарха. Культура этих территорий, литургия в церквах этих провинций уже с VII века постепенно становилась все в большей степени греческой, и теперь, после перехода их под юрисдикцию Византии, этот процесс завершился. Такая реорганизация нанесла папству огромный материальный ущерб, лишив его — самых доходных земель Патримониума (годовой доход от них составлял около 3,5 центнера золота),

и заставила искать новую ориентацию.

Второй противник папства, лангобардский король, сторонник арианства, напротив, стремился к объединению Италии. Лангобарды заняли Северную Италию, принадлежавшую Византии, и летом 739 года появились перед воротами Рима. Папе Григорию III не оставалось ничего другого, как направить посольство к Карлу Мартеллу с просьбой, чтобы франки оказали ему вооруженную защиту от лангобардов. Но в это время франки, сражаясь против вторгшихся в Галлию арабов, не могли обойтись без военной силы бывших с ними в союзе лангобардов, поэтому Карл Мартелл уклонился от выполнения просьбы папы. И это было связано с реальной политикой франков, а не с их враждебным отношением к церкви. Ведь франкское государство в то же время способствовало расширению связей между франкской церковью и папством. Франкская империя стремилась унифицировать христианство, ибо она усматривала в нем залог своего единства. При содействии британских миссионеров римско-католическая, латинская, литургия постепенно заменила во всей империи галльский обряд.

Папой Захарием (741–752) окончательно завершилась византийская эпоха папства. Этот папа был греком по происхождению и последним из пап, который о своем избрании доложил в Константинополь для утверждения. Утверждение пап Византией, то есть существование папства в рамках империи, в принципе обеспечивало его универсальный характер и препятствовало тому, чтобы папа не превратился в одного из митрополитов провинциальной Италии. При папе Захарии, однако, лангобарды ликвидировали в Италии господство Византии и пытались объединить полуостров в едином арианском феодальном государстве. Сам папа, убедившись, что ему пока неоткуда ждать помощи, сделал попытку сосуществовать с лангобардами. Модус вивенди, сложившийся между лангобардским королевским двором в Павии и римскими папами, не смог превратиться в более тесный союз именно потому, что при установлении феодального политического единства Италии в рамках лангобардского королевства папа стал бы лишь руководителем этой национальной церкви.

Для устранения этой опасности папа налаживал все более и более тесные связи с франкской церковью. Сын Карла Мартелла, Пипин Короткий (741–768), уже дал согласие на то, что папа сделает Бонифация архиепископом Майнца, ибо Пипин хотел завоевать германцев с помощью папы. Понимание ситуации побудило папу Захария в 751 году способствовать заключению последнего короля из династии Меровингов в монастырь и согласиться с венчанием на королевский трон Пипина, имевшего фактическую власть в стране, Пипин получил от папы узаконение своей власти и, воспользовавшись ею, поднялся над племенными и национальными отношениями. Христианская монархия правившего по милости Божьей Пипина и его семьи стала наследственной. Теперь папа вправе был ожидать от франкского короля вооруженной поддержки.

В 751 году лангобарды захватили Равеннский экзархат. Не подлежало сомнению, что после Равенны наступит очередь Рима. Новый папа, Стефан II (752–757), организовал в Риме крестный ход. В дни, когда Рим оказался беззащитным, при папском дворе возник план: обратиться к франкам с просьбой о вооруженном вмешательстве. Втайне начался обмен послами между Стефаном II и Пипином. Стефан II в своих письмах с просьбами о помощи вновь и вновь напоминал франкскому королю, что королевскую власть тот смог получить и укрепить лишь с помощью папы. Пипин колебался потому, что лангобарды были ему нужны в борьбе против арабов, не говоря уж о той внутренней оппозиции,

которая считала новую итальянскую политику короля неверной. Будучи в стесненном положении, папа, чтобы добиться решения, сам отправился к франкам. Стефан II был первым папой, который зимой 753/754 г. переправился через Альпы. В январе 754 года он встретился с королем вблизи Понтиона. Пипин принял папу с византийскими церемониями: он бросился перед ним на землю, а затем, как конюший, взял лошадь папы под уздцы, сопровождая гостя.

Однако в церкви папа без всяких церемоний опустился на колени перед франкским королем и не вставал до тех пор, пока Пипин не пообещал ему оказать помощь против лангобардов. В соответствии с соглашением, которое означало союз между папством и феодальной монархией, Пипин и его преемники обещали защищать «права Петра»: отвоевать экзархат и восстановить положение, существовавшее до 680 года.

Почему Пипин взял на себя защиту папства, находящегося в далекой Италии? Скорее всего, руководствуясь реальными политическими интересами, а не из-за религиозного фанатизма. Папа же в 754 году вновь помазал Пипина и его сыновей на королевство и, опираясь на авторитет церкви, освятил, узаконил власть семьи. Таким образом, остальные ветви Каролингов были лишены права наследования. Папа помог укрепить центральную королевскую власть, противостоящую франкской феодальной аристократии. Одновременно папа присвоил франкскому королю титул «патриций Рима» (который ранее давался лишь наместнику византийского императора в Равенне). Пипин, будучи римским патрицием, становился защитником римской церкви.

Но Стефану II пришлось еще 7 месяцев ждать на франкской земле, пока Пипину удалось убедить феодальную аристократию принять план войны против лангобардов. Когда же наконец в 754 году в Керси было достигнуто соглашение, франкский король в дарственном письме дал обещание восстановить Патримониум Петра.

Пипин не только принял титул защитника римской церкви, но и действительно взял на себя обязанность ее защищать. В 754 и 756 годах он предпринял успешный военный поход против лангобардов. Захваченные у них территории: Римское герцогство (в более узком смысле Патримониум), Романью (экзархат) с 22 городами и Пентаполь — он подарил папе. Пипин переписал и включил в реестр все населенные пункты и города, переданные папе («Петру»), и ключи от них возложил на могилу Святого Петра. Благодаря «Пипинову дару» не только расширились владения папы, но и практически был положен конец византийскому влиянию. Однако Пентаполь фактически тогда еще не подпал под власть папы.

Так, с помощью франкского феодального государства в 756 году уже фактически родилось Папское государство, Патримониум Святого Петра, светским властелином которого являлся римский епископ. Пипин преподнес дар в качестве римского патриция, звание это ему было присвоено папой, и тем самым он стал чуть ли не сюзереном папы. (Это звание раньше носил равеннский экзарх.)

Следовательно, папа с помощью франков создал Папское государство, в то же время Пипин при содействии папы образовал первую в Европе наследственную феодальную христианскую монархию.

Однако Папское государство в период раннего феодализма еще не могло считаться суверенным государством. Юридически оно все еще находилось в рамках Римской империи. Территория Церковного государства, за исключением Патримониума Петра, до XV века не имела постоянных границ, а все время претерпевала изменения. Она состояла из многих больших или меньших по размерам владений, в том числе и наследственных, которые были подарены папе, а затем в

отдельных случаях отобраны или отвоеваны у него (как, например, Пентаполь). Справедливо и то, что территориальные претензии отдельных пап и территории, действительно принадлежавшие им, не всегда совпадали друг с другом. Формирующееся Папское государство вначале не располагало основными важными атрибутами государственности, так, в первую очередь оно не имело вооруженных сил. Его положение можно сравнить с теми герцогствами, которые в процессе формирования феодального общества стали самостоятельными за счет центральной власти, при этом они не порывали полностью с метрополией.

Государственная власть папы опиралась не на юридические, а на теологические постулаты, основанные на Библии. Это достигалось в первую очередь путем непосредственных ссылок на князя апостолов Петра. Как папа стал светским князем, так и первого апостола превратили в князя апостолов. Культ Петра, формирование которого прослеживается в VII веке, стал настоящим политическим капиталом в руках папы. Папа просил политической помощи у франкского короля не от своего имени, а от имени Святого Петра, и франкский король передал вышеупомянутые владения не папе, а Петру.

Папская курия приняла дар франков так, будто все это было возвращением (реституция) того, что папы когда-то получили во владение от Григория I. Будто эти территории после их освобождения возвратились к своему первому владельцу, Святому Петру. Росту самосознания папы способствовал постулат, согласно которому в условиях завоеваний и феодальной расчлененности гарантом универсального христианского духа является папа, который в складывающемся западном христианском мире выступает хранителем единства и порядка. В VIII веке Святой Петр и его наместник на земле, папа, представлялся как глава разрываемой на части христианской эйкумены, Imperium Christianum (Христианской империи), как символ ее сплоченности.

Для идеологического обоснования суверенности Папского государства и подтверждения верховной власти папы появился фальшивый документ о так называемом «Константиновом даре». Этот документ возник явно в стенах папской курии, понимавшей его идеологическое значение, во времена папы Стефана II или его брата Павла I (757–767). Согласно ему, император Константин в благодарность за то, что папа Сильвестр I поспособствовал ему в исцелении от проказы, якобы предоставил Сильвестру и всем его преемникам примат (главенство) над четырьмя восточными патриархами, а также императорские регалии, то есть политическое верховенство над всей западной частью Римской империи. Однако, сохранив церковный примат, папа будто бы не принял императорские регалии, и теперь в связи с прекращением императорской власти она переходит к папе. Дарственная грамота, которая появилась во второй половине VIII века, когда она была нужна в качестве юридического обоснования задним числом создания Папского государства, с начала IX века оказалась включенной в церковный юридический сборник. Бесспорно, эта грамота оказала влияние на реставрацию западной империи, а затем на протяжении веков — на взаимоотношения между папством и империей, между церковной и светской властью. Документ считали достоверным до XV века. Правда, уже первые немецкие императоры поговаривали о подделке, но научно это доказали лишь Николай Кузанский (1401–1464) и Лоренцо Валла (1407–1457).

Пипин обеспечил папству в Италии свободу рук, и папство постаралось воспользоваться этим. Как только угроза со стороны соседей исчезла, папство тут же начало мечтать о власти над миром. Авторитет Стефана II благодаря Пипину настолько возрос, что папа предпринял попытку в только

что возникшем государстве сделать свою власть наследственной. Ему удалось достичь того, что в качестве его преемника на папский престол был избран его брат Павел. Но уже после Павла I возникла новая общественно-политическая сила: вооруженное феодальное дворянство Рима и Римской области, которое затем на протяжении трех веков подчиняло своей власти папство.

До этого времени римская аристократия была опорой пап в устремлениях, направленных на достижение независимости от Византии и лангобардов. С образованием Папского государства светская знать оценила новую ситуацию как возможность взять в свои руки и политическую власть. Но ей пришлось разочароваться, ибо на высшую политическую власть притязал сам папа, рассматривавший римскую знать, аристократию лишь как своих вассальных подданных, своих чиновников. Права папы как сюзерена были реализованы с помощью франков.

Соперничество с римской аристократией вспыхнуло после смерти Павла I (767). Герцог Неви Тото, предводитель знати Кампаньи, вооруженным путем вмешался в папские выборы. Папой был избран его брат Константин, который к тому времени еще был светским лицом. Церковная оппозиционная партия обратилась за помощью к лангобардам. Во время уличных боев в Риме лангобарды убили Тото, а Константина, страшно обезображенного, свергли с папского престола. На его место избрали своего кандидата, монаха по имени Филипп, который, однако, также не был признан папой. В конце концов обуздать анархию формировавшихся в соответствии со своей политической ориентацией партий (франки, лангобарды, византийцы) временно удалось Стефану III (768–772) с помощью франков. В 769 году состоялся Латеранский собор, на который явилось 13 франкских епископов, тем самым демонстрируя, что за спиной законного папы стоит великая франкская держава (и церковь). Во время проведения собора Филипп добровольно отказался от папского престола, а Константин был низложен и осужден. Принцип «Никто не вправе вершить суд над первым престолом» был обойден таким образом, что Константина заранее объявили незаконным папой, оказавшимся на папском престоле не в результате выборов, а посредством узурпации. Собор принял принципиально важные решения относительно регламента папских выборов: в выборах папы впредь не могли участвовать миряне, было оговорено, что правом избрания пользуются лишь лица духовного звания; светские лица не могут быть избраны папой, в папы можно избирать исключительно кардиналов-священников или кардиналов-диаконов; канонически избранного папу народ Рима утверждает своим устным одобрением. Время показало, что это правило также осталось простой формальностью; избрание папы определялось складывавшимся на данный момент соотношением сил.

Как только папство освободилось от ставшей стеснительной опеки византийского государства, оно сразу же попало под защиту франкской феодальной государственной власти. Закономерность и необходимость этого подтвердило развитие событий в Италии. Ведь в Италии уже на протяжении веков не существовало центральной политической власти. Во время образования феодального общества городская и провинциальная знать соединяла экономическую власть с военной. Несмотря на то что римская церковь была самым крупным землевладельцем и более богатой, чем местные представители земельной знати, у Папского государства отсутствовали собственные вооруженные силы. Таким образом, папы находились в зависимости от римской и провинциальной знати, от феодальных властелинов. Сами папы были выходцами из этой среды, из нее же они набирали своих чиновников и членов кардинальского корпуса. Так как держава, защищающая папу, находилась далеко, то папа не мог существовать и действовать вопреки знати и без нее.

Последующие папы, Стефан III (IV) и Адриан I (772–795), стремились к тому, чтобы (после легализации единоличной власти Карла Великого) вновь противопоставить франков лангобардскому союзу. Превращению Карла Великого в самодержавного правителя способствовало то, что ему удалось заполучить королевство лангобардов. Варвары еще дважды опустошали Рим, пока Карл Великий в 774 году окончательно не занял королевство лангобардов и как король Италии и патриций Рима не укрепил Пипинов дар. Небольшие лангобардские герцогства он присоединил к Папскому государству, а на подвижных границах франкской империи организовал так называемые маркграфства, из их среды вскоре и в Италии появились крупные феодалы. Таким образом, франки-завоеватели, объединившись с местным правящим классом, усилили партикулярную феодальную знать, противостоящую папству.

Адриан I во время своего длительного понтификата укрепил суверенитет Папского государства, опираясь на державу франков. Карл и папа в 781 году упорядочили взаимоотношения Церковного государства с франкским королевством. Король вновь подтвердил верховную власть папы над Римским герцогством, над Романьей (бывшим экзархатом) и над Пентаполем. Однако он не удовлетворил чрезмерные территориальные претензии папы. Так, он не уступил ему лангобардские герцогства Сполето и Тоскану, предоставив ему возможность лишь получать с них определенные доходы. В то же время папа получил определенные владения на территориях Сабини, Калабрии, Беневенто и Неаполя. Упорядочение отношений означало дальнейший шаг вперед на пути превращения Папского государства в суверенное. Начиная с 781 года папа датирует свои грамоты уже не годом правления византийского императора, а годом своего понтификата. Суверенность подчеркивается и тем, что Адриан I оказался первым папой, который в 784–786 годах начал чеканить свои деньги — серебряный динар с весьма светской круговой надписью на нем: «Victoria domini nostri»[19].

Папа Адриан, несомненно, был реалистом в политике. Он рано понял, что Карл в отличие от Пипина не удовлетворится бескорыстной защитой церкви, а пожелает подчинить папство своей власти. Когда Карл в Италии ограничил самостоятельные властные устремления папы и вновь вступил в союз с лангобардами, папа, используя происшедший в Византии поворот в политике, попытался урегулировать свои отношения на Востоке. С восшествием на престол императрицы Ирины в Византии временно одержал верх политический курс, направленный на установление единства церкви. Под знаком этого в 787 году состоялся II Никейский вселенский собор. В соборе приняло участие 245 епископов, председательствовал на нем Константинопольский патриарх, с большим почетом были приняты папские послы. Это был Седьмой вселенский собор. Собор клеймил иконоборчество и в соответствии с ортодоксальным учением восстановил почитание икон (но не культ). Новое объединение восточной и западной церквей (на довольно непродолжительное время) произошло благодаря содействию византийской императрицы и римского папы. Из этого процесса Карл и франкская великая держава были исключены, будто они и не существовали, и Запад был представлен единственно папой.

Гнев франкского короля был вызван не ревностью к церкви, а опасениями за свои державные интересы. Ведь только недавно завоеванные лангобардские герцогства в Италии при поддержке Византии и папства могли успешно выступить против франкских завоеваний. Король Карл извлек из этого урок и поставил папу на место. В первую очередь он окончательно отделил и изолировал

папство от Византии и приковал к франкской империи. В 787 году папа получил от Карла земли, соседствующие с герцогством Тоскана, а также имения и города, принадлежавшие Беневенто. Карл также пообещал, что возвратит папе оставшиеся под греческим господством южноитальянские области, ранее принадлежавшие церкви (Неаполь и Калабрию), в случае овладения ими.

Что касается церковно-политического разрыва, то в этом вопросе Карл выступил против II Никейского собора и в своем послании («*Libri Carolina*») вступил в дискуссию с его решениями. Он не вынуждал папу Адриана отречься от решений II Никейского собора, но потребовал, чтобы на созываемом Карлом в 794 году во Франкфурте соборе бывшей Западной империи папа обеспечил представительство своими послами. На этом соборе председательствовал король; на нем были осуждены решения восточного собора, с чем выразили согласие и папские легаты. Папе был преподан урок: дела христианского сообщества вершат уже не папа и Византия, а Карл при содействии папы.

Папа Адриан скончался в то время, когда рушились его мечты о папском суверенитете. Об избрании его преемника Льва III (795–816) Карл был извещен посольством. Начиная с Павла I, таким образом в качестве простого акта вежливости патриция ставили в известность о результатах выборов. В свое время Византия, а также экзарх требовали, чтобы к ним обращались с просьбой об утверждении еще до посвящения. Однако Лев не только вместе с римскими избирателями дал клятву верности франкскому королю, но и одновременно признавал Карла своим сюзереном. Лев прекратил датировать свои грамоты только годом своего понтификата и стал проставлять также год правления Карла.

Следует учитывать, что папы в Италии для противостояния вновь появившимся арабским (сарацинским) завоевателям и все заметнее нагнетающей феодальной аристократии нуждались еще более, чем прежде, в вооруженной защите со стороны франков. Но это можно было обеспечить лишь за счет полного политического подчинения франкскому королю.

В 799 году, во времена понтификата папы Льва, мы встречаемся с новым явлением: под руководством племянника папы Адриана (скончавшегося предшественника Льва) против папы, избранного в соответствии с канонами, подняла мятеж византийская партия. Против папы Льва, как выяснилось, не без основания, был выдвинут целый ряд обвинений (клятвopреступление, предательство, нарушение брака и т. д.). Во время церковного шествия на Льва III было совершено нападение, с него было сорвано одеяние иерарха, его стащили с осла и заключили в монастырь. Льву удалось, обманув бдительность стражей, спуститься по веревочной лестнице и бежать сначала в Сполето, а оттуда к своему господину — Карлу. Эти события интересны во многих отношениях: прежде всего — мятеж был поднят против избранного на законном основании и уже правящего папы, таким образом, была нарушена неприкосновенность папы. Достоинo внимания и то, что здесь открыто проявилась и позднее отчетливо просматриваемая неустойчивость, нашедшая выражение в чередовании пап, противостоящих друг другу в силу своих политических ориентации. За понтификатом провизантийского Адриана последовала откровенно профранкская позиция Льва. И наконец, на сцене появляется папский племянник, представляющий сторонников предшествовавшего папы и проводящий политику, направленную против его преемника.

Папство под сенью франкской империи (IX век)

В IX веке цементом, связывающим между собой феодальные государства, образованные на

территории бывшей Западной Римской империи, было католическое религиозное единство. Наряду с универсализмом религиозного характера возникла также потребность политической солидарности в государственных рамках франкской империи, в которой нашла свое воплощение идея христианской империи, обновленной Карлом Великим. Союз с папой обеспечивал Карлу и его преемникам поддержку со стороны епископов и церкви. Самой мощной силой, сплачивающей складывающуюся феодальную государственность, была базирующаяся на идеологическом (религиозном) универсализме и также феодализирующаяся церковная организация. Новая связь между церковью и государством, между христианской религией и феодальной властью была закреплена в результате коронации императора, состоявшейся на рождество 800 года.

Сотрудничество церкви и папы было также необходимо для узаконения франкского политического универсализма в виде империи, как в свое время для королевства Пипина. Именно поэтому Карл вначале восстановил в правах главы церкви привезенного им с собой в Рим папу Льва. Как только это 23 декабря свершилось, сразу же последовало восстановление института империй. Согласно летописи «Жизнь Карла Великого» («Vita Caroli Magni»), 25 декабря 800 года, в праздник рождества, Карл как раз находился в соборе Святого Петра пред могилой Петра, погруженный в молитву, когда в присутствии собравшегося народа к нему неожиданно подошел папа Лев и под торжествующие возгласы народа (Laudes!) короновал Карла, провозгласив его императором.

И на этот раз церемония совершалась сугубо по-византийски (там, начиная с 450 года, императора короновал патриарх). Согласно описаниям франкского придворного историографа Эйнхарда, Карл якобы был не расположен принимать императорское звание: «...как он сам позже утверждал, в тот день он не пришел бы в церковь, какой бы торжественный праздник тогда ни был, если бы заранее знал намерения папы». Однако в действительности в этой ситуации лукавил скорее новый император, чем оказавшийся в его подчинении папа. Речь может идти о хорошо подготовленном сценарии, в котором нашли выражение конкретные политические намерения обеих сторон. О согласии свидетельствует и тот факт, что в память об этом великом событии император велел отчеканить памятный динар, на котором были выбиты его и папы имена. Карл же и его окружение представили это дело так, будто коронация все же неприятно затронула франкского короля, вероятно потому, что в связи с коронацией, осуществленной папой, могла возникнуть видимость того, что папа даровал Карлу императорскую корону и может, следовательно, считать себя источником императорской власти. Несомненно, что папа — просили его об этом или нет — своим участием в коронации хотел воспрепятствовать тому, чтобы образовалась императорская держава, независимая от церкви. Однако сама по себе такая мысль была бы абсурдом. Сам Карл даже не обратил внимания на претензии, возникшие из участия папы в короновании, эти вопросы лишь позднее стали идеологическим фактором. Акт коронации скорее символизировал реальность: феодальное государство не могло обойтись без идеологической поддержки церкви и ее просветительской деятельности. Карл Великий, хотя и протестовал против какой-либо зависимости от папы, тем не менее и сам нуждался в церковной поддержке для укрепления своего государства. Тем более верно это в отношении папы, для которого обеспечение поддержки со стороны императора было жизненно важным.

С тех пор как папа возложил корону императора на голову Карла Великого, произошло переплетение папских и императорских учреждений. В принципе неоднократно заявлялось, что

право политического управления христианским миром принадлежит императору, а право религиозного правления этим миром — папе, но в результате слияния клира с феодальным господствующим классом религиозные и политические дела оказались неразрывно переплетены. Император, будучи правителем Италии (об этом свидетельствует обладание ломбардской железной короной), в связи с наличием там папских владений, считал и папу одним из своих вассалов. Папа в свою очередь, основываясь на праве, в соответствии с которым только он может короновать императора, претендовал на сюзеренное верховенство над императором. Эти претензии всегда осуществлялись в той мере, в какой позволяли соотношения властей. В IX–XI веках, как правило, существовала гегемония императора (светской власти), а с конца XI века и до начала XIV века — гегемония папы (церкви).

При Каролингах папство вновь было оттеснено на задний план: платой за защиту стало подчинение. Карл был не только политическим, но и церковным и культурным руководителем империи. В одних руках он для сплочения империи соединил светскую и церковную власть. Император создавал епископства, созывал соборы, направлял теологические дискуссии, включал духовенство в государственную организацию. Так, Карл издал религиозных декретов больше, чем светских. Император обращался с папой лишь как с патриархом франкской империи. Эта система во многих отношениях была похожа на цезарепапизм, но в принципе сохраняла дуализм.

Легитимной задачей нового императора была защита папства, церкви. В результате коронавания, совершенного папой, император стал обладателем церковных и религиозных привилегий, а папа получил от императора вооруженную защиту своей безопасности. Взаимоотношения папской и императорской власти менялись в зависимости от условий времени.

В раннем средневековье для обращения германцев в христианство было недостаточно духовной (церковной) власти, решающим фактором для этого было вооруженное насилие, его обеспечивала военная мощь императора. Из этого следует, что на первом этапе, в эпоху раннего феодализма, первенство оказалось за имперской властью. Во времена имперской гегемонии германские народы были охвачены целостной структурой христианского государства. Но для того, чтобы обеспечить прочность этой структуры, наличие вооруженной силы уже было недостаточно: для этого требовалась духовная сила, монополизированная папой. В конечном счете эта двойственность была характерна для всего средневековья и привела к соперничеству двух видов власти. Религиозное освящение завоевательных войн, которое найдет свое полное выражение в крестовых походах, послужит подтверждением этого.

Возрождение Западной империи открыло новый этап и в истории папства. Роль церкви стала решающей в феодальном государстве, где она использовалась и для выполнения административных задач. Для церкви наибольшее преимущество нового положения проявилось в том, что в силу необходимости она стала материально независимой соучастницей власти. Интегрированность церкви в новое государство, политическая власть и богатство высшего духовенства в то же время привели к усилению светскости церкви, к возвышению политики над религией.

Авторитет духовенства, представляющего часть феодального господствующего класса, не в последнюю очередь покоился и на монополии культуры. Церковь выросла в мощное воспитывающее и дисциплинирующее учреждение. Она сформировалась в иерархическую организацию, подобную централизованной государственной организации. С созданием феодального общественного и

государственного строя и церковь приобрела феодальный характер. Архиепископы, епископы и настоятели монастырей давали вассальную клятву правителю, тем самым попадая к нему в зависимое положение. Короли сами назначали епископов (светская инвеститура). Иерархи — крупные землевладельцы — становились феодальными сюзеренами, равными по рангу герцогам и графам.

Вторым источником власти церкви, помимо того, что она своим учением поддерживала феодальный строй, было то, что из-за общей неграмотности представители правящей знати вынуждены были использовать церковников, так как только они знали латинский язык. И церковь взяла на себя выполнение общественно-административных, государственно-властных функций. Церковь стала посредником в передаче и в увековечении античной культуры, в первую очередь через монашеские ордена, путем копирования античных книг (литературы кодексов). В монастырях наряду с переписыванием кодексов велась производственная деятельность. Монахи со знанием дела занимались обработкой земли и промышленным трудом. Монастырская промышленность явилась продолжателем промышленной техники Рима. В монастырях формировалась монастырская архитектура, были созданы романский и готический стили.

Вследствие экономических особенностей феодального общества, для которого было характерно натуральное хозяйство, самообеспечение, франкская империя была неспособной воспрепятствовать проявлению партикулярных сил. После того как церковь стала наиважнейшим интегрирующим элементом франкской империи, уже при первом преемнике Карла — Людовике Благочестивом имперская власть оказалась зависимой от ставших могущественными франкских епископов. (Франкская церковь располагала одной третью всех землевладений.) Это сказалось и на отношениях между папой и императором. Избранный папой Стефан IV (816–817) был возведен на папский престол без утверждения императором. Последовавший за ним Пасхалий I (817–824) также не обратился к императору за утверждением. Более того, в 817 году между Людовиком Благочестивым и папой было достигнуто соглашение (*Pactum Ludovicianum*), по которому император не только подтвердил статус Папского государства, но и отказался от юрисдикции, осуществлявшейся над ним Карлом, а также от вмешательства в выборы пап. Вновь был временно восстановлен суверенитет светского государства папы, однако император Лотарь I восстановил положение, существовавшее при Карле Великом, возобновив имперский суверенитет над папским престолом. Папа Евгений II (824–827) в соглашении, заключенном с императором Лотарем в 824 году (*Constitutio Romana*), вынужден был признать преимущественные права императора при избрании папы и в Церковном государстве. В соответствии с соглашением перед избранием папы римляне обязывались давать клятву следующего содержания: «Я... клянусь всемогущим Богом, и всеми четырьмя святыми Евангелиями, и крестом Нашего Господа Иисуса Христа (давая клятву, руку клали на крест и на Библию), а также мощами первого апостола Святого Петра, что с сего дня и навечно буду верен нашим господам императорам Людовику и Лотарю... что без обмана и зловредности буду существовать и не соглашусь на то, чтобы избрание на римскую епископскую кафедру проводилось по-иному, чем это происходит законно и согласно канонам, и тот, кого избрали папой, не должен быть с моего согласия посвящен до тех пор, пока он не даст клятву в присутствии послов императора и народа, как это добровольно делал папа Евгений...» Эмиссары императора осуществляли волю светской власти не только при избрании папы, они фактически имели власть и над Церковным

государством. Да и назначаемые папой чиновники (*duces*) зависели от эмиссаров императора, которые в свою очередь ежегодно в своих докладах отчитывались перед императором.

Строгое подчинение папства светской власти не было длительным и прекратилось в связи с ослаблением власти императора. После Лотаря в империи наступила анархия. Центральная власть стала формальной, фактическая власть перешла в руки крупных землевладельцев-епископов и графов, которые полученные от императора бенефиции (вассальные владения) сделали наследственными. Верденский мир 843 года означал уже раздел империи (обособление Франции и Германии). После Верденского мира для развития Западной Европы характерны два важных момента: первый — феодальная анархия, территориальная раздробленность и формирование отдельных территориально-политических государственных образований; второй — дальнейшее утверждение идеи христианского универсализма, единственным представителем которого оставалось папство.

Во время понтификата Григория IV (827–844) с неожиданной быстротой начался распад империи Каролингов. Это могло бы привести к самостоятельности папы и его государства. Однако вскоре выяснилось, что если вооруженная мощь императора не будет стоять за папством, то оно превратится в игрушку партикулярных сил.

В середине IX века Италия тоже откололась от франков. Став независимыми князьями, бывшие франкские маркграфы Фриули, Сполето, Тосканы, лангобардские герцоги бросились рвать друг у друга территории прежнего лангобардского королевства. А в Южной Италии лангобардские герцогства Беневенто и Салерно воевали за еще существовавшие византийские территории (Калабрию, Апулию, Неаполь). В 827 году в Сицилии появились новые завоеватели, арабы (сарацины), представлявшие все более усиливающуюся опасность для всего полуострова. В центре полуострова находилось Папское государство, которое, в свою очередь, попало под власть римских аристократических семей, восстановивших сенат, звание патриция. Римские аристократические партии, соперничая друг с другом за утверждение своей власти над папством, стремились получить внешнюю поддержку.

При избрании папы Сергия II (844–847) произошли столкновения между аристократической и общенародной партиями Рима. Чтобы избежать двойных выборов, император Лотарь I вновь приказал посвящать в папы только в присутствии послов императора и с его разрешения. Однако теперь его распоряжение претворить в жизнь оказалось невозможным. При папе Сергии в 846 году сарацины продвинулись по Тибру до самого Рима, разрушив находившиеся за аврелиевскими стенами соборы Святого Петра и Святого Павла. (Первым из пап стал жить в Ватикане Симмах (498–514); обустроить папскую резиденцию, находившуюся на Ватиканском холме, начали папы Адриан I и Лев III при помощи Карла Великого.) Папа Лев IV (847–855), опираясь на материальную помощь христианских правителей, с успехом вел борьбу с арабами; он возвел крепостные укрепления вокруг Ватикана. Эта часть города стала называться в честь его Леониной, городом Льва. Однако папы, за исключением непродолжительного времени, вплоть до переселения в Авиньон, жили в Латеранском дворце, именно здесь была их резиденция. Латеранский дворец находился от Ватикана относительно далеко, но это не было препятствием. При избрании папы Бенедикта III (855–858) римляне поддерживали его, а эмиссары императора — антипапу, Анастасия, который был ярким приверженцем предшествовавшего папы, Льва IV. В борьбе партий вновь противостояли друг

другу сторонники бывшего папы и нового папы.

После этой сумятицы папский престол занял единственный выдающийся папа IX–X веков Николай I (858–867), который, возвратившись к идеям Льва I, Дамаса и Григория I, вновь выступил в качестве независимого правителя. Это нашло отражение и во внешних атрибутах. Согласно историческим исследованиям, именно он первым стал носить папскую корону. Папы с VII века носили белого цвета шлемовидный колпак. Начиная с Николая I нижняя часть головного убора стала обрамляться обручевидной короной, украшенной драгоценными камнями. Ее в начале XIV века переделали в тиару.

Папа Николай, преследуя далеко идущие цели, называл себя наместником Христа на земле (*Vicarius Christi*), власть которого исходит непосредственно от Бога. Его авторитет — это авторитет Бога, и на него возложена высочайшая поучающая власть, а раз так, то ему принадлежит верховная судебная и законодательная власть. Поэтому суждения и постановления папы равны по значению каноническим законам. Соборы служат лишь для обсуждения распоряжений папы. Николай I считал себя королем и священником (*rex et sacerdos*), передавшим светскую власть и вооруженные силы императору.

Руководствуясь такими принципами, папа вмешивался в брачные дела франкской императорской семьи и выступал против партикулярных церковных сил.

Папа Николай I начал борьбу против самостоятельности складывавшихся в то время и нарушавших папский универсализм государственных и провинциальных церквей. Опираясь на местных епископов, папа стремился использовать центральную церковно-административную власть в отношении набирающих силу митрополитов. Так, он успешно лишил власти архиепископов Равеннского и Реймского, противопоставивших себя Риму. (На Западе в те времена происходило преобразование митрополитской организации в архиепископства.)

Для обоснования и юридического формулирования властных претензий средневекового папства был использован так называемый Лжеисидоров сборник (декреталии) — собрание большей частью подложных папских писем и документов. Вероятно, он был сфабрикован между 847 и 852 годами на территории Реймского архиепископства, а составителем его был некто, скрывавшийся под псевдонимом Исидор Меркатор. Сборник состоял из трех частей: 1) 60 папских писем от Климентия I (90–99?) до папы Мильтиада (311–314), «написанных» в эпоху раннего христианства. Все они без исключения сфабрикованы; 2) подделка, повествующая о так называемом «Константиновом даре», а также галльская переработка одного испанского сборника решений соборов; 3) папские декреты от Сильвестра I (314–335) до Григория I (590–604); 48 из них — безусловные подделки. Составление сборника подложных документов преследовало цель подтвердить верховную власть папы над епископами. Конкретная цель сборника — оказание поддержки сопротивлению местных епископов, выступавших против власти Реймского архиепископа. Папы сразу же увидели скрывающиеся в нем возможности. Папа Николай I, естественно, подчеркнул истинность вышеназванных документов. Для придания подделке достоверности ее автором объявили Исидора Севильского (умер в 633 году), который пользовался действительно высоким авторитетом. Фальшивую суть Лжеисидоровых декреталий в XV веке с полной несомненностью доказали кардинал Николай Кузанский (1401–1464) и другие. Но до того времени этот сборник уже оказал реальное воздействие на развитие средневековой церковной и политической жизни.

При Николае I произошел новый церковный разрыв с Востоком. Дискуссии между Византией и

Римом формально носили теологический характер. Патриарх Фотий резко критиковал литургию западной церкви, celibat (безбрачие духовенства) и западное толкование догмата о Святой Троице. В 867 году на Константинопольском соборе было объявлено о низложении папы. Однако подлинной причиной дискуссий были острые противоречия между Византией и Римом в вопросе о власти на Балканах, теперь уже из-за Болгарии: болгарский царь Борис обратился в христианскую веру в соответствии с византийским обрядом, но, чтобы вывести свое царство из-под влияния византийских властей, он сблизился с латинской церковью, пытаясь использовать церковное верховенство Рима в качестве противовеса Византии.

Единство было достигнуто лишь ценою отступления Рима. При Адриане II (867–872) VIII вселенский (и в то же время последний всеправославный) собор, который состоялся в 870 году в Константинополе, отверг учение Фотия, а самого патриарха проклял и временно восстановил церковную общность с Римом. Но в то же время на соборе было объявлено решение, согласно которому церковь Болгарии относится к Константинопольскому патриархату.

Папы второй половины IX века использовали ослабление франкской империи для того, чтобы возвысить свою власть над властью императора, по крайней мере в принципе. На Западе церковь тогда уже заставила признать принцип, согласно которому только папа может короновать кого-либо в императоры. Хотя со времен Карла Великого существовала практика, в соответствии с которой император мог сам объявить своего сына соимператором, Лотарь I порвал с этим обычаем, и его сына короновал папа. При распаде имперской власти уже не император выдвигал понравившегося ему кандидата в папы, а папа короновал понравившегося ему кандидата в императоры. Так впервые произошло в 875 году, когда после смерти императора Людовика II из нескольких кандидатов папа Иоанн VIII (872–882) выбрал Карла Лысого. Новый император из чувства благодарности даже формально отказался от юрисдикции над папством и Римом. Папе Иоанну временно удалось восстановить суверенитет римского Святого престола.

В деятельности папы Иоанна VIII значительное внимание было уделено борьбе против арабов. Согласно Фульдской хронике, Иоанн VIII был отравлен своими римскими противниками 15 декабря 882 года. Таким образом, он стал первым в бесславной веренице пап средневековья, который сошел с престола Святого Петра не по причине естественной смерти, а как жертва насилия. Убийство папы Иоанна VIII явилось символической увертюрой к «мрачному веку» папства.

Подъем папства с помощью германо-римских императоров (X век)

С конца IX века и вплоть до середины X века (с 882 по 963 год, то есть до вмешательства Оттона I) римский престол занимали 24 папы, которых историография католической церкви обобщенно назвала «плохими папами». Но папы были плохими не как личности, таковы были обстоятельства для папства. Империя распалась, практически прекратила существование. В Италии вновь возник политический вакуум. Византия уже не могла, а создаваемые новые феодальные государства еще не могли вовлечь папство в сферу своего влияния и в обмен на это защитить его. Но если прежде при вакууме власти папство укреплялось, то теперь это привело к его упадку. Заметно укрепились местные феодальные силы, в первую очередь аристократические партии Сполето и Тосканы, расположенные по соседству с Римом. Они захватывали папские владения и в соответствии со своими партийными интересами избирали или смещали, возвышали или убивали пап. Все крупные должности папской бюрократии (занимаемые чиновниками или высшим духовенством) со времен

правления папы Сергия III (904–911) захватили давние враги Святого престола — аристократия. Итальянское королевство не могло обеспечить защиту папства, ибо итальянские короли с местопребыванием в Павии обладали не большей властью, чем герцоги и маркграфы. Они приезжали в окруженный со всех сторон врагами Рим только для того, чтобы короноваться в императоры и тем самым возвыситься над своими соперниками. Церковная дисциплина ослабла, папский двор стал местом распутства, убийств и интриг, церковный сан оказался предметом купли-продажи. Светская власть пап, становившаяся все более номинальной, вновь ограничилась лишь двумя римскими провинциями. Общий разброд усилился также в связи с тем, что в первой половине X века в Северной Италии появились мадьяры, совершавшие набеги на римские города, а затем в конце века на юге — еще более опасные завоеватели — норманны.

В IX–X веках Италия представляла собой самую раздробленную в политическом отношении страну на континенте, и эта политическая раздробленность на протяжении тысячелетия служила фоном, на котором действовал глава вселенской церкви и ее центр, закрепляя эту раздробленность. Несомненно, что кризисной точкой была эпоха феодальной монархии, называемая по ее главному герою эпохой Формоза.

Формоз был кардиналом-епископом Порто и на протяжении десятилетий являлся главным советником при папах и одновременно руководителем архиерейской курии. Формоз был близок к возвысившейся на фоне других итальянских аристократических семей семье герцогов Сполето. Нескрываемое стремление стать папой привело его к конфликту с уже упомянутым папой Иоанном VIII, который на одном соборе лишил Формоза церковного сана и отправил в изгнание. По всей вероятности, сторонники епископа из Порто не были безвинными в убийстве папы Иоанна VIII. Новый папа Марин I (882–884) полностью реабилитировал Формоза, вернул ему кардинальский титул и епископство в Порто, и тот снова приобрел влияние в Риме. Краткий понтификат Марина достоин упоминания потому, что Марин был первым папой, который, являясь епископом Церейского епископства в Этрурии, перешел на римскую епископскую кафедру, что запрещалось церковными законами.

В 880—890-х годах папы находились под перекрестным огнем маркграфа фриульского Беренгара и герцога сполетского Гвидо, соперничавших между собой. Папа Стефан V (IV) (885–891) был креатурой герцогов Сполето; после его смерти Формоз наконец вступил на столь желанный папский престол, который он занимал с 891 по 896 год. Стремясь освободиться от рабской зависимости от сполетских герцогов, Формоз (кстати, не только честолюбец, но и умный, образованный дипломат) вступил в союз с германским королем Арнульфом. Тем самым он навлек на себя неукротимую ненависть главы сполетанской партии, вдовы скончавшегося Гвидо Агильтруды. (Агильтуда — первая роковая женщина в истории средневекового папства.) Однако Формоз скончался в 896 году, и таким образом сполетанцы вернули в Риме власть себе. Новый папа Стефан VI (896–897) унижился до такой степени, что стал постыдным орудием мести Агильтруды.

С именем Стефана VI связано осуждение извлеченного из могилы его предшественника, Формоза, на так называемом «трупном соборе». В 896 или 897 году в одной из римских церквей состоялось заседание собора, и над трупом скончавшегося за 8–9 месяцев до того Формоза был вынесен приговор. Труп одетого в полное епископское облачение Формоза посадили на папский трон, будто живого. Затем против него был организован настоящий судебный процесс: с обвинителями,

защитником, судебными речами. Самое серьезное обвинение, предъявленное ему, состояло в следующем: смена епископской кафедры в Порто на римскую, хотя подобный прецедент уже существовал. Однако осуждение Формоза показалось недостаточным для жаждавших мести сполетанцев, труп бывшего папы подвергли поруганию: с него сорвали одежду высшего иерарха и переодели в светское платье в знак того, что он исторгнут из священнического сословия. Затем из-за якобы ложной клятвы у него отрубили три пальца на правой руке (которыми он совершал благословение).

Обезображенный и оскверненный труп Формоза вытащили из церкви и как закошенного злодея закопали в землю, однако папе Стефану и этого показалось мало, труп был выкопан из земли и сброшен в Тибр.

Отвратительный спектакль «трупного собора» драматично отражает то унижительное положение, в котором оказалось руководство католической церкви. Стефан VI, так расправившийся со своим предшественником, тоже не смог избежать своей судьбы: уже в 897 году против него вспыхнул мятеж, его схватили, свергли с папского престола и задушили в тюрьме. С 897 по 903 год на папском престоле побывало шесть пап, почти все они умерли насильственной смертью.

Более умеренным, чем во времена Формоза, периодом этого мрачного века были годы господства так называемой «порнократии», правившей Римом. Местные властители Италии с помощью родственных связей старались стабилизировать, упрочить свое положение. Наилучшим средством для этого оказались видные члены семей по женской линии. В их орбиту вовлекались и папы, не способные устоять перед женщинами. В первой половине X века жаждущие власти женщины из некоторых римских аристократических семей сажали своих фаворитов на папский престол, что затем обусловило создание легенды о папессе Иоанне.

В самом начале X века власть в Риме захватило в свои руки семейство бывшего папского казначея, а затем консула по имени Теофилакт. Во времена правления папы Сергия III (904–911) эта семья, главным образом благодаря своим красивейшим женщинам, имела большое влияние на папский престол. Жена Теофилакта Теодора, а также две ее дочери, Марозия и Теодора Младшая, — предшественницы Лукреции Борджа, но из эпохи средневековья. Нарушая все правила приличия, они вели распутный образ жизни. Не без основания история называет этот период папства «порнократией» или «правлением шлюх». Эти богатые и влиятельные, жаждущие власти и созданные для власти женщины сажали на папский престол своих друзей, любовников, родственников. Не понравившихся им пап они без всяких проволочек свергали, убирали с дороги.

Теодора Старшая, в частности, сделала папой Иоанном X (914–928) архиепископа Равеннского. Папа Иоанн X был скорее деятельным воином-политиком, чем первосвященником, он лично руководил военными действиями против сарацин и во время битвы сам возглавлял войска. Марозия находилась в любовной связи с папой Сергием III. После него она стала женой могущественного сполетского маркграфа, а после его смерти вышла замуж за тосканского маркграфа. Она приняла римский титул патриция и сенатора, и вся полнота власти в городе оказалась в ее руках. Ставшего на ее пути папу Иоанна X она велела убить, а затем после двух пап, которых постигла та же участь, что и Иоанна X, возвела на папский престол под именем Иоанна XI (931–935) восемнадцатилетнего сына, родившегося от внебрачной связи с Сергием III. Вскоре Марозия вышла замуж в третий раз, теперь уже за итальянского короля. К тому времени уже стал взрослым ее сын от первого брака

Альберих, который изгнал и заточил в тюрьму свою мать, нового отчима и папу, а сам захватил власть в Риме. На протяжении последующих двадцати лет назначаемые им папы не могли ни в политическом, ни в общественном аспекте проявить свою волю, но он не ограничивал их церковно-административную власть. В соответствии с завещанием, после смерти его последней креатуры Агапия (946–955) папой был избран родной сын Альбериха, едва достигший 18 лет Октавиан, который правил под именем Иоанна XII (940–955). Таким образом, в одном папе объединилась светская и церковная власть над Римом.

Именно из-за эпохи «порнократии» в истории папства возникла и была сохранена для нас хронистами легенда о папессе Иоанне. Согласно легенде, в промежутке между правлением Льва IV и Бенедикта III на папском троне якобы сидела аморальная женщина. Однако это, несомненно, было невозможно, ведь Лев IV был папой с 6 октября 847 по 17 июля 855 года, а его преемник Бенедикт III правил с 6 октября 855 по 17 июля 858 года. Сомнительно, чтобы во время менее чем трехмесячного перерыва между их понтификатами кто-либо мог бы узурпировать папский престол. Легенда о папессе явно находится во взаимосвязи с вышеизложенным моральным кризисом. Первая запись легенды о папессе относится к 1083 году (обнаруживается у Марина Скота), а от него она распространилась на период средневековья (упоминание об этом имеется также у Давида Блонделя).

Согласно этим источникам, женщина-папа под именем Иоанн VIII правила с 855 по 857 год. Девушка по имени Иоанна воспитывалась в Майнце. По своему происхождению она была сестрой одного английского монаха, который занимался в Германии миссионерством. Затем она жила и училась в Энгельсхайме, где, в частности, изучала и теологию. В Фульдском аббатстве, куда она ходила (в мужской одежде) учиться, девушка познакомилась с монахом также английского происхождения и страстно влюбилась в него. Они оба бежали, обошли Францию, Италию и наконец обосновались в Афинах. Здесь они якобы жили 10 лет, Иоанна продолжала изучать философию. Но ее молодой любовник внезапно скончался. После этого Иоанна направилась в Рим, где под именем Иоанн Анжелик получила разрешение Святого престола на открытие школы, в которой преподавала семь свободных искусств [20]. Она быстро стала популярной и благодаря своим глубоким знаниям в области теологии и религиозности в 855 году стала кардиналом, а после смерти Льва IV была избрана римлянами папой. Она якобы два года правила, ко всеобщему удовлетворению, однако в возрасте 32 лет вновь занялась поисками любовника, которого и нашла в лице придворного капеллана.

Но в конце концов обнаружилось, что она женщина, ибо от этой связи она забеременела. Как-то во время процессии папесса ехала на коне из Колизея в Латеранский дворец, у нее внезапно начались родовые схватки, она упала с коня и тут же на месте родила ребенка (называется даже конкретное место этого происшествя — перед амфитеатром Домициана и собором Святого Климента).

Согласно другому варианту легенды, в результате божьей кары Иоанна и ее ребенок тут же умерли. Как гласит более вульгарная версия, Иоанна истекла кровью, а новорожденного убили участвовавшие в процессии священнослужители, после чего обоих предали земле, чтобы избежать скандала. Над могилой якобы воздвигли часовню, а позже и статую, изображающую фигуру полной женщины с младенцем. Статуя действительно существовала: статуя Юноны, изваянная в Римскую эпоху. С тех пор религиозные процессии всегда избегали эту улицу.

Из анархии X века папству помогла выйти возвышающаяся германо-римская имперская власть. К

этому времени в Западной Европе уже сложились феодализм и феодальные государства. Во второй половине X века германскому королю Оттону I Великому (936–973) удалось, опираясь на зависимых от него представителей высшего духовенства, преодолеть феодальную анархию, инспирируемую герцогами, и укрепить центральную государственную власть. Высшее духовенство оказывало ему помощь потому, что получало от короля крупные вассальные владения и взамен вассальной клятвы ожидало от государства защиты своих владений от посягательств светских властителей. Но германского короля избирали герцоги, и его титул не был наследственным. Для того чтобы укрепить свою власть, королю необходимо было стать императором, а путь к этому шел через церковь, Рим и Италию.

Германский король мог бы и впредь властвовать над феодальной анархией и подпавшим под его влияние высшим духовенством лишь в том случае, если и глава церкви, папа, окажется под его влиянием. Однако для этого было необходимо ввести в рамки местную итальянскую феодальную анархию. Этим устремлениям короля пошел навстречу и сам папа, чтобы от далекого императора получить защиту против местных феодалов. В середине X века папа находился в таком же стесненном положении, как и во время вторжения франков. Существовала угроза нападения со стороны итальянского короля Беренгара II. Папа Иоанн XII обратился за вооруженной помощью в борьбе против итальянского короля к германскому королю Оттону I.

Оттон после быстрого завоевания Северной Италии в 962 году вступил в Рим, где был коронован папой в качестве римского императора. Оттонова грамота о привилегиях для римской церкви (*Ottonianum*), основываясь на Каролинговой дарственной грамоте, регулировала отношения между папой и ожившей империей. Вначале в грамоте перечисляются те территории, которые являются частями Панского государства или же на которые распространяется папская юрисдикция (Римское герцогство, Равеннский экзархат, Романья и Пентаполь). Дарственная грамота признавала Сицилию и Южную Италию вассалами папы. Император гарантировал папе поступление налогов из герцогств Тоскана и Сполето, но сохранил за собой верховную власть над ними. (В пакте папа выдвинул претензии на Венецию, Истрию, а также на Корсику.) Оттон в соответствии с грамотой Лотаря (*Lotharianum*) от 824 года обеспечил за собой преимущественные права над Римом и Папским государством. Избранного папу не могли интронизировать до тех пор, пока император не утвердит результаты выборов, а сам папа не принесет присягу на верность императору. Были возобновлены также имперские торжественные ритуалы.

Оттон на время освободил папу от влияния аристократии, но одновременно вынудил его подчиниться своей власти. Совершился почти такой же процесс, как и при Карле Великом. Вопреки своему обещанию Оттон так и не вернул папе отнятые у того в ходе борьбы противоборствующих партий в начале X века, а теперь отвоеванные императором области Романья и Пентаполья. Этими территориями папам удалось вновь овладеть лишь в XI веке.

Идея политического универсализма в ограниченных рамках вновь появилась и обрела смысл с 962 года в германо-римской империи, которую лишь намного позднее назвали «Священной Римской империей германской нации» (*Heiliges Romisches Reich Deutscher Nation*). Вновь созданная империя не предпринимала попыток подчинить своей реальной власти существовавший в то время христианский мир. Титул императора, обусловивший его первенство среди христианских правителей, означал и его политическое господство над Италией, и прежде всего его обязанность

защищать римскую церковь.

В X–XII веках Германская империя (во времена правления саксонских королей) осуществляла верховенство в Европе в тесном союзе с церковью. «Немцев также завоевывали, обращая их в христианство», — метко пишет Ранке (Ранке Л. Римские папы в последние четыре столетия, т. I, с. 18). Завоевания наряду с Италией распространялись на Восток, шла христианизация славян и венгров. Руководителями складывающейся таким образом новой Христианской республики были император и папа: император как защитник церкви пользовался первенством над христианскими государями, а папа осуществлял духовную власть, и в его права входило коронование императора. Однако Христианская республика (*Respublica Christiana*) существовала лишь теоретически. Итальянские феодальные государства (находившиеся в союзе с папой или враждовавшие с ним) оказались еще довольно сильными для того, чтобы сделать чужеземную (немецкую) власть в Риме неустойчивой. Как только Оттон удалился из Рима, пришлось бежать и папе. Даже более того, в 963 году сам папа, приверженец германского императора, испугавшись власти своего мецената, искал союза с прежними своими врагами против германского императора. В 963 году Оттону пришлось во второй раз войти в Рим, он низложил папу Иоанна XII и организовал формальный процесс против него. По желанию императора новым папой стал светский чиновник, римлянин, который назвался Львом VIII (963–965). Однако римляне подняли против него бунт еще тогда, когда император находился в пределах города. Бунт был подавлен, но, как только императорское войско ушло, пришлось бежать и Льву. Участники бунта были рассеяны Иоанном XII и его сторонниками, которые в 964 году легко вновь захватили Рим и снова признали Иоанна достойным папского звания. Теперь они организовали судебный процесс против папы Льва и его приверженцев. Однако расправа приняла чересчур большие размеры, и Иоанн XII до конца своей жизни страшился мести императора. (Этот папа умер в 964 году от апоплексического удара, который якобы настиг его во время прелюбодеяния, что современники восприняли как Божью кару.) Римляне вместо Иоанна избрали папой Бенедикта V, но летом 964 года вновь вернувшийся с войском император Оттон низложил Бенедикта V и отправил его в изгнание в далекий Гамбург. Император, естественно, привез с собой своего протеже, Льва VIII, и посадил его на папский престол. Эти смуты свидетельствуют о том, что удаленная Германская империя не служила надежной защитой для пап в их борьбе против местных феодальных партий.

Однако нельзя не отметить один из результатов действий императорских войск. Когда в 965 году скончался Лев VIII, римляне направили в Саксонию к императору свою делегацию, чтобы тот назвал своего кандидата. Намеченный императором Иоанн XIII (965–972) благодаря этому получил большинство голосов, таким образом, избрание было каноническим.

Император Оттон II (972–983) не очень занимался Италией, ибо дома его донимали свои противники. Это способствовало тому, что в Риме вновь к власти пришла партия аристократов. Почти полвека семейство Кресченциев распоряжалось папским престолом. Сын уже упоминавшейся выше Теодоры Младшей, Кресченций, велел заточить в Замок Святого Ангела и убить выдвинутого императором папу Бенедикта VI (973–974). Папу Бонифация VII из рода Кресченциев (973–984) войска императора в свою очередь изгнали из Рима, и Бонифаций, захватив церковные ценности, бежал, не останавливаясь до самой Византии. Вновь папство на протяжении многих десятилетий оказалось между молотом и наковальней, воюющими между собой германским императором и

римской аристократией. В 983 году в Германии скончался Оттон II, и на троне оказался 3-летний Оттон III. Воспользовавшись этим, Кресченций путем убийства новых пап восстановили свою власть.

Положение изменилось лишь тогда, когда в 996 году Оттон III взял власть в свои руки и вновь навел порядок в Риме. Оттон, как только получил церковный сан его дальний родственник — немецкий епископ, возвел его на папский престол. Григорий V (996–999) был первым немцем, ставшим папой, за которым последовал затем целый ряд его соотечественников. Уверовавшая в поддержку Византии римская аристократия, возглавляемая Кресченцием, не хотела мириться с немецким господством. Папа, ставленник Оттона, был вновь изгнан, и на папский престол возведен антипапа. Но за это император страшно отомстил. В 998 году Кресченций был обезглавлен на крыше Замка Святого Ангела, антипапа (Иоанн XVI) — низложен, изувечен и, привязанный к спине осла, изгнан из города. Оттон III не возобновил Оттонианум (Оттоновы привилегии) для пап, а полностью подчинил их своей власти. Он сделал попытку ликвидировать также власть крупных феодалов, но с небольшим успехом. Оттон возвел на папский престол под именем Сильвестра II своего приближенного, учителя и друга, француза Герберта, архиепископа Реймского, занимавшего папский престол с 999 по 1003 год. Здесь прослеживается аналогия: император Оттон мнил себя новым Константином, во время правления которого папой был Сильвестр I. Император Оттон III и папа Сильвестр II мечтали о Христианской республике, и это воодушевляло их на реставрацию империи. Однако в 1002 году бунт римской аристократии побудил к бегству молодого императора-мечтателя и папу: их власть была еще недостаточной, чтобы держать в узде римлян.

Когда произошло образование венгерской государственности, Оттон III и папа Сильвестр II предполагали осуществить идею христианского универсализма, в соответствии с которой в 1000 году Святой Иштван получил из рук Сильвестра корону. Характерно, что Иштван испрашивал корону не у Византии, хотя венгерскую церковь организовали латинские и греческие миссионеры. Присылка короны была также символическим актом, означавшим независимость страны: тем самым папа признавал Иштвана суверенным христианским монархом, в семье которого власть передается по наследству. Одновременно это символизировало божественное происхождение власти. Иштван в свою очередь даровал свою страну Святому Петру (поэтому позже, например, Григорий VII и Иннокентий III выдвигали требования вассальной субординации) и получил титул апостолического посла (отсюда апостолический титул венгерских королей). В более поздние времена венгерские короли в противостоянии сверхдержаве, Германской империи, пытались опираться на пап.

После смерти Оттона III (1002) род Кресченциев восстановил свое господство в Риме. В первой половине XI века вновь последовала череда пап, которые в гораздо большей степени зависели от аристократических партий, чем от германских императоров. Вначале всю полноту власти в Риме осуществлял сын казненного Кресченция, Иоанн, который, будучи патрицием, и назначал пап. После смерти Иоанна, наступившей в 1012 году, власть перешла к противной партии, к потомкам семейства Теодоры-Марозии, к дому графов тусколомских. Граф Аль-берих посадил на папский трон своего брата под именем Бенедикта VIII (1012–1024). Папу Бенедикта следует упомянуть в связи с тем, что лишь с него стало обычаем — в настоящее время это уже закономерное явление — менять при избрании в папы имя, до этого такие случаи были редки. Тусколомские графы жили мирно с далеким германским императором. Короля Генриха II (1002–1024) папа Бенедикт VIII в 1014 году короновал

в Риме в императоры. Генрих был довольно щедр в Германии по отношению к высшему духовенству, но именно поэтому он был столь упорным в отстаивании своего права назначать епископов. Стоит также упомянуть о том, что Генрих в согласии с папой в 1022 году в связи с проводимым в Павии собором высказался за строгое наказание женатых священников и нарушителей celibата хотели покарать, исключив их из духовного сословия.

Последовавшего за Генрихом II Конрада II (1024–1039), который был коронован в Риме императором в 1027 году, Италия не очень интересовала. В Риме власть над папами он уступил аристократам. В 1024 году тосканская партия даже посадила на папский престол мирянина, брата скончавшегося папы. Иоанн XIX (1024–1032) за один день прошел все ступени церковной иерархии. Этот папа стал одиозной фигурой в связи с тем, что он за крупные суммы открыто занимался продажей епископских должностей. После смерти Иоанна папой вновь стал представитель тусколомских графов: молодой человек 18 лет, получивший имя Бенедикт IX. При нем симония расцвела в такой степени, что сам папа продал тиару и трон за довольно крупную сумму денег, предложенную покупателем, протопресвитером по имени Джованни Грациано, который под именем Григория IV (1045–1046) вступил на престол Святого Петра. Купленное папство неожиданно было поддержано теми, кто как раз и выступал противниками симонии, ибо новый папа этим актом хотел освободить папский престол от юнца Бенедикта, который вел позорную, развратную жизнь. Однако с куплей-продажей папского престола ни император, ни римские партии не были согласны. Вновь усилившаяся партия Кресченциев уже в противовес Бенедикту IX выдвинула антипапу в лице Сильвестра III. Таким образом, в 1046 году одновременно было трое пап: Бенедикт IX, Григорий IV и Сильвестр III.

Папы — реформаторы церкви (XI век)

Наконец Генрихи, императоры, происходившие из баварской (франконской) Салической династии, с помощью немецкого духовенства и церковного движения за реформы сломали власть римской аристократии. При Генрихе III (1039–1056) власть германских императоров достигла своего пика. Вновь временно пересеклись интересы императора и папы. Чтобы удержать в повиновении разбогатевшее высшее немецкое духовенство, императоры использовали папство. Поэтому Генрих III еще более решительно выступил в поддержку церковного движения за реформу, которая была направлена на ликвидацию анархии внутри церкви и на упрочение централизованного управления. Именно потому, что император сажал на папский престол своих приверженцев и через них мог держать в руках папство, оно превратилось в опору имперской власти. Поэтому восстановление авторитета папы, который тем самым мог воспрепятствовать устремлениям окрепших немецких епископов к самостоятельности, было в интересах императора.

Исходя из этого, Генрих взял под свое покровительство движение за реформу церкви, направленное на освобождение церкви от деспотизма светской знати и на укрепление прав папы как главы церкви. Партия реформ, опираясь на императора, также стремилась как можно быстрее преодолеть анархию, господствующую в Риме. Генрих III отправился в Италию и в 1046 году созвал собор в Сутри под Римом. Здесь были низложены папы Сильвестр III и Григорий VI, а затем на следующем, римском, соборе объявили низложенным вновь заявившего свои права на престол папу Бенедикта IX.

Император предложил в качестве кандидата на папский престол угодного ему епископа Бамбергского. Климент II (1046–1047) тотчас же короновал Генриха III в императоры, и тем самым

вновь торжественно был скреплен союз между папой и императором.

В середине XI века во главе церкви был целый ряд немецких пап, которые пользовались доверием императора и настойчиво проводили умеренную реформу церкви. Император уменьшил влияние римских династий на папство, но и не открыл путь чересчур широким реформам. Генрих III понимал, что чрезмерное укрепление папской власти не отвечает его интересам, ибо папа также может восстать против императора. Однако это был объективный процесс: экономические и политические условия светско-державных устремлений папства формировались в рамках феодальных отношений, в условиях все возрастающих церковных землевладений, что, следовательно, находило отражение и в политической консолидации. В то же время королевские владения все более сокращались, и это вело к ослаблению центральной власти.

Развернувшееся в первой половине XI века церковное (монастырское) движение за реформы нельзя считать непосредственным предшественником григорианского папства, но несомненно, что движение за реформы политически и идеологически подготовило почву внутри и вне церкви для папства нового типа, стремящегося к светской власти и достигшего своей цели при Григории VII.

Начало движения за реформу церкви восходит к X веку, и истоки его прослеживаются в бенедиктинских монастырях Бургундии, а также Лотарингии. Реформаторские тенденции были направлены на решение в первую очередь внутренних церковно-политических проблем. Монастыри зависели от епископов и светских феодалов, которые из опекунов монахов стали их угнетателями. К светским властям монахи непосредственно обращаться не могли, поэтому во время частых имущественных судебных процессов представителем монастыря выступал его светский господин, действовавший в соответствии со своими собственными интересами. Если же землевладелец-феодал сам основывал монастырь, то он обладал правом облагать монастырь налогом и назначать его настоятеля. Проявляющаяся во всем обществе секуляризация привела и к падению нравов среди монахов, в монастырях распространилось распутство, обжорство и пьянство.

Борьба монахов за реформы была направлена на то, чтобы освободиться от притеснений местных феодальных властей. В этом они нашли великолепных союзников в лице папства и империи. Лотарингская ветвь движения за реформу возникла в монастырях, созданных и руководимых главным образом представителями знати. Их целью было обновление правил Святого Бенедикта, восстановление первоначальной дисциплины, морали и усердия. Бенедиктинский монастырь Клуни (в Бургундии), основателем которого в 910 году был герцог Аквитанский, а возглавил монастырь в качестве первого настоятеля граф, — пошел и того дальше: наряду с восстановлением строгой дисциплины его монахи выдвинули перед собой также цель добиться независимости от светских сюзеренов. Поэтому монастыри объединились в конгрегацию, центральное руководство которой было в руках главного настоятеля аббатства Клуни. Стоявший во главе монастыря-матери главный настоятель (аббат) считал себя сюзереном по отношению к монастырям, объединенным в конгрегацию, а конгрегация непосредственно попадала под защиту папы. Клунийский аббат властвовал над монашеским воинством как король и военачальник. Причина его успеха таилась в том, что он стал выразителем устремлений эпохи, требований ликвидации феодальной анархии. (В конгрегацию в конце XII века уже входило около 2000 монастырей.)

В монастырском движении за реформы одержала верх идея Григория I спасти весь мир для царства Божьего. Григорий хотел путем углубления религиозности, подавления светскости клира,

углубления религиозной жизни мирян обновить не только папство, церковь, но и мирян и все общество.

Идеи монастырского движения за реформы немецкие папы, назначенные императором, принесли с собой в Рим, где вскоре выковали из них идеологическое оружие для вселенского господства пап — как раз против императора. Сторонники реформ, объединившиеся вокруг папы, распространили на всю церковь принцип, согласно которому монастырями может распоряжаться исключительно папа. Это поставило вопрос о так называемой светской инвеституре. Символическое действие по введению в должность епископа (инвестиция), вручение перстня и посоха (что называлось инвеститурой) христианские государи Европы обычно проводили сами под тем предлогом, что церковные владения — это вассальные владения, сюзеренами которых являются они. (Перстень символизировал собой обручение епископа с верующими, а посох — власть над епархией.) Согласно концепции реформаторов, право инвеституры, а также право распоряжаться церковными владениями в высшей инстанции принадлежит папе. Эти устремления совпали с намерениями пап, ибо планируемые реформы, повышая авторитет пап и расширяя сферу их влияния, явились бы серьезным шагом на пути к осуществлению церковного универсализма. Имперская власть, считая, что ей удастся удержать в своих руках папство, выступающее за реформы, также поощряла движение за реформы. Но скоро Генрих III, а тем более его сын Генрих IV поняли, вынуждены были понять, что, поддерживая церковь, они лишаются основ своей власти. Позднее выяснилось, что и немецкая высшая духовная иерархия, ревниво оберегающая свои богатства и свою самостоятельность, вовсе не желает поддерживать реформаторские устремления, ослабляющие и их власть, и в разворачивающейся борьбе с папой они стали сторонниками императора.

На судьбу немецких пап, связанных с движением за реформы, трагический отпечаток наложила их преждевременная и нередко насильственная смерть. Уже упоминавшийся Климент II, понтификат которого длился всего лишь год, пал жертвой горячки; последовавший за ним бывший епископ Бриксенский Дамас II в 1048 году после нескольких недель понтификата был отравлен. Тогда Генрих III решил послать в Рим на папский престол лионского архиепископа Галинара, но тот решительно отклонил предложенную «смертельную» почетную должность. В конце концов на папский престол взошел дальний родственник императора Лев IX (1049–1054). Будучи папой, он решительно поддерживал церковную реформу и императора.

Папа Лев IX происходил из семьи эльзасских графов и принес в Рим дух лотарингских реформ. Из его лотарингского окружения вышел генеральный штаб будущей григорианской церкви. Папа Лев ликвидировал локальный характер Римской курии. Он собрал вокруг себя духовных руководителей движения за церковную реформу в Европе и использовал их в коллегии кардиналов как противовес местной аристократии. Так, в частности, он сделал кардиналом Фридриха Лотарингского, бывшего прежде каноником в Лувене (он стал преемником папы под именем Стефана IX); монах Гильдебранд стал кардиналом; будучи секретарем изгнанного Григория VI, он в Кельне познакомился с лотарингской идеей. Впоследствии Гильдебранд был избран папой под именем Григория VII. Одним из главных теоретиков церковной реформы, правой рукой папы Льва был кардинал Гумберт де Сильва Кандида; и, наконец, Удо, начальник папской канцелярии, также попал в Рим, будучи членом лотарингского окружения. Лев IX окончательно включил в состав Папского государства герцогство Беневенто, а затем его преемник Виктор II (1055–1057) присоединил к Церковному государству и

герцогство Сполето.

Во время понтификата Льва IX произошел окончательный разрыв Рима с восточногреческой церковью. Предшествующие события, непосредственно связанные с расколом, развивались следующим образом: с целью изучения причин некоторых взаимных обид по поручению папы в Византию направился Гумберт де Сильва Кандида для ведения переговоров с патриархом Кируларием. Однако они не смогли достичь соглашения по формальным спорным вопросам, поэтому 16 июля 1054 года папский легат кардинал Гумберт положил на главный алтарь Айя Софии декрет, содержащий анафему византийцам. Патриарх в ответ на это на соборе отлучил папу от церкви. Церковно-политической причиной окончательного разрыва являлось то, что патриарх считал себя вселенским патриархом и не признавал верховенства папы над греческой церковью. За окончательным отделением кроются более глубокие исторические причины: различие путей феодального развития Византии и Западной Европы, их отдаление друг от друга. Со времен раскола пограничная линия между римско-католической и восточногреческой церквями протянулась в Европе по восточным окраинам Польши и Венгрии.

Пока папство не порвало окончательно с восточногреческим христианством, внутри вселенской христианской церкви — хотя в довольно узких пределах — существовало два центра: в западной латинской (католической) церкви носителем верховной власти был римский папа; в восточной церкви греческого обряда — Константинопольский патриарх. После разделения церквей это состояние также прекратилось, хотя в принципе римские папы никогда не отказывались от своей юрисдикции над восточной церковью. Единство католической церкви на основе единых догматов и форм управления в то время упрочилось. Хранителем и представителем единства был папа римский. Император Генрих III скончался в 1056 году, новым германским императором стал малолетний Генрих IV. Ослабление императорской власти при регентстве императрицы Агнесс позволило папам окончательно сбросить опеку светской власти. Когда в 1057 году папой избрали кардинала Фридриха под именем Стефана IX (1057–1058), то имперский дом был поставлен в известность об этом лишь позже. В канонических выборах императору предоставлялось лишь право последующего согласия. Папа Стефан IX назначил кардиналом-епископом Остии Петра Дамиани, одного из идейных вождей романской эпохи. Духовность романской эпохи усвоила мировоззрение Григория I, который хотел оставаться «знающим, но незнающим». Герой романской эпохи — монах, мастер формирования душ. Перед приматом теологии должна преклоняться любая наука. Вождями практических теологов типа Григория были Петр Дамиани и сам Гильдебранд.

Наряду с теологическим обоснованием церковного движения за реформы и политики реформированного папства в первую очередь были нужны правовые аргументы. Для всех руководителей клонийского движения политической доктриной являлась теория двух властей, выдвинутая папой Геласием. До середины XI века папы придерживались того мнения, что это движение может начаться при поддержке светской власти. До сего времени церковная концепция считала совместимым каноническое избрание с правом короля или какой-либо другой светской власти на инвеституру. Ведь в раннем средневековье под каноническим избранием понимали ритуал, когда назначенного королем или другим патроном епископа (или аббата) в последующем утверждал клир и народ; в современной понимании слова епископа (аббата) не избирали (*eligere*), а утверждали (*probare*). Светский патрон преступал каноны лишь в том случае, если, несмотря на протест народа и

духовенства, назначал своего кандидата епископом. (Практически так же было и при избрании папы.) Преобразование этого принципа под воздействием клюнийской реформы началось в середине XI века. Идеалом вдохновителей клюнийской реформы было духовенство монашеского типа, не вступающее в брак (поэтому они боролись за celibat), они также выступали за избрание высших духовных лиц, не допуская влияния со стороны светской власти (поэтому они выступали против симонии и светской инвеституры). Реорганизация церкви в монастырском духе была возможна лишь сверху, при поддержке, оказываемой из Рима.

Идеологической подготовке к зреющему между папой и императором конфликту послужила книга кардинала Гумберта «Против симонистов» («*Adversus simoniacos*») (т. I–III, 1057–1058), содержащая правовые формулировки нового толкования канонических выборов. Согласно Гумберту, канонические выборы состоят из трех частей: 1) первыми избирает духовенство, его право — выдвижение кандидатуры, после духовенства в выборах участвует народ; 2) митрополит утверждает результаты выборов, после чего следует посвящение епископами округа нового епископа во время богослужения; 3) когда все это выполняется в соответствии с ритуалом, политическая власть утверждает результаты. В действительности в то время все происходило как раз в обратном порядке. Согласно же концепции Гумберта, никто, следовательно и князья, не обладает правом инвеституры. Передача церковных должностей и относящихся к ним владений, а также символическое вручение перстня и посоха — исключительно церковный акт, и это могут выполнять лишь посвящающие епископы.

Эта книга послужила основанием для издания Статута 1059 года о порядке избрания папы. Предыстория этого события такова: в противовес Бенедикту X (1058–1059), который был ставленником римской аристократии, возглавляемой тусколомскими графами, по предложению кардиналов Петра Дамиани и Гильдебранда в Сиене папой был избран кандидат императорского двора флорентийский епископ Гебхард, получивший имя Николая II. Это был первый случай, когда выборы проводились действительно без участия представителей светской власти, под руководством кардиналов-епископов. Признаком изменений являлось то, что кардинал-архидиакон Гильдебранд уже короновал Николая II как короля. С тех пор стало правилом возлагать при коронации на голову папы тиару. В 1059 году Николай II вступил в Рим, после того как Бенедикт был низложен на соборе в Сутри. Фактическое руководство курией при папе Николае II находилось в руках кардинала Гумберта.

В 1058 году Латеранский собор, собравшийся в апреле в дни поста, принял решение — наряду с запрещением симонии и светской инвеституры — придать по инициативе кардиналов Гумберта и Гильдебранда вселенский характер церемонии, воследовавшей при избрании Николая II. Декрет, начинавшийся словами «*In nomine Domini*»[21], с некоторыми изменениями в основном действует и ныне. С целью устранения помех, симонистских вмешательств при избрании папы собор постановил следующее: «Мы решили и повелели!.. 3. Что в случае кончины первосвященника вселенской римской церкви дела прежде всего обсуждают с превеликим тщанием кардиналы-епископы, привлекая духовных лиц в сане кардинала, а затем, наконец, прочие духовные чины, а также народ содействуют новым выборам».

Следовательно, кардиналы-епископы принимали решение относительно личности папы в своем кругу и вместе с остальными кардиналами избирали своего кандидата. Затем остальное духовенство

и народ одобряли эту акцию. «4. Но чтобы головы ни при каких обстоятельствах не затуманивала болезнь торгашества (симония), при избрании папы направляющими должны быть мужи церкви, а остальные обязаны следовать за ними». Согласно этому, симонию, как они считали, можно устранить в результате исключения светского элемента. Папа, избранный не канонически, не мог быть посвящен. «5. Но избрание производится среди лиц, принадлежащих к церкви (то есть из числа римлян), если это находят возможным, если же там не находят, то разрешается брать из других мест». 7. Избрание папы по возможности должно происходить в Риме, однако, если это наталкивается на трудности, то избрание можно проводить в другом месте. 8. Если после канонического избрания обстоятельства не позволяют провести интронизацию папы в Риме, то, несмотря на это, папа вступает в свои права начиная с момента избрания. С этого времени он осуществляет верховную власть. 9. Тех, кого, нарушив эти положения, незаконно изберут папой и рукоположат в этот сан, постигнет отлучение от церкви и анафема.

Декретом Николая II от 1059 года, отражавшим устремления церкви к независимости, было положено начало фактическому оттеснению светской власти от выборов папы и передаче решения этого вопроса в руки церковной аристократии, в руки корпуса кардиналов. Новая регламентация не содержит упоминания и об императоре, явно с целью исключить императора из процесса избрания папы. Немцы не обратили внимание на это нарушение, но при возникшей с их стороны угрозе выступления Николай II заключил с бывшими врагами пап, норманнами, союз, направленный против императора. Роберт Гюискар, сын норманнского герцога Танкреда, в 1046 году вступил в Южную Италию. Он постепенно прибрал к своим рукам бывшие греческие провинции (Калабрию, Апулию). В свое время еще Оттон I признал главенство папы над этими территориями (это и было причиной бывшего до того времени противостояния между норманнами и Римом). В 1059 году папа, учитывая реальное положение, отдал эти занятые территории Роберту в лен, легализовав тем самым завоевания норманнов. Взамен же он ждал — и получил — вооруженную защиту от посягательств со стороны императора. Папа также установил ленные отношения и с норманнским герцогом Ришаром, владельцем Капуи.

После смерти Николая II римская партия реформ уже стремилась довести дело до разрыва с императором. Гильдебранд в результате быстро проведенных выборов папы хотел упредить вмешательство императора. Папой стал избранный кардиналами Александр II (1061–1063), против которого выступил выдвинутый римской аристократией и поддержанный Генрихом IV антипапа Гонорий II (1061–1072). Параллельные выборы пап стали причиной кровавых уличных боев между сторонниками различных партий в Риме; это напоминало события предшествующего века. В основном соотношение сил было равным, и лишь смерть Гонория положила конец раздорам. Александра II и Гильдебранда поддерживали также воины норманнского герцога Ришара из Капуи. В конце понтификата Александра II власть фактически была уже в руках Гильдебранда.

Понтификат Александра II знаменовал победу партии реформ. Папа Александр завоевал большое доверие, еще будучи главой миланской партии. В его лице на папский трон взошел руководитель городского народного движения, недовольного церковными отношениями. За этим поразительным поворотом скрываются результаты развития итальянских городов X–XI веков.

В X веке произошло разделение труда между деревней и городом, между промышленностью и сельским хозяйством, в городах вновь оживилось товарное производство, начала развиваться

торговля. В формировании городов значительную роль также сыграла церковь. Светские феодалы жили за пределами городов, церковное же право предписывало, чтобы местопребыванием епископа был город. Присутствие епископа придавало городу авторитет и защиту, город, таким образом, становился экономическим и административным центром церковных владений.

Опираясь на свою экономическую власть, города во второй половине X века впервые сделали попытку освободиться от власти своих феодалов-сюзеренов (церковных и светских) вначале в Северной Италии. Органом формирующегося самоуправления стала коммуна. Движение коммун переплелось с ересью, что придало идеологическую окраску мышлению этого периода, реализуемого в религиозных рамках и освящающего борьбу формирующейся буржуазии за свободу. Горожане были знакомы с властью феодалов в первую очередь через епископов (ибо епископ был их феодальным господином), таким образом, их ненависть была обращена и на епископа. В этом объяснение того, что антифеодальная борьба европейской буржуазии проявилась в религиозной форме, в виде еретических движений, и на протяжении столетий, развиваясь в рамках религиозного мышления, до конца сохраняла антиклерикальный характер.

Возникшее в городах Северной Италии так называемое патарское движение (один из кварталов Милана — «блошиный» рынок — назывался Патария, а его жителей называли патариями) было одновременно и первым актом пробы сил в борьбе между папой и императором. Папы в лице архиепископа Милана имели сильного соперника, ведь Милан был итальянским центром имперской церкви, где сказывалось богатое, но и аристократическое культурное наследие амброзианских традиций (в миланский капитул принимали лишь членов аристократических семей). Симонистские махинации миланского духовенства и несоблюдение священниками celibата явились причиной нападков на них со стороны церковной партии реформ. После смерти Генриха III в 1056 году жители ломбардских городов — Милана, Лоди, Павии — начали вооруженную борьбу против богатого и имеющего внебрачные связи духовенства, требуя восстановления демократизма раннехристианской церкви. Социальное недовольство, направленное против феодального высшего духовенства, подпитывалось также за счет враждебных чувств, испытываемых к чужеземным завоевателям, к германскому императору, стоявшему за миланским архиепископом. Патарии вскоре установили связь с церковным движением за реформы, а также с папской курией. Так как миланский архиепископ Видо попал на архиепископскую кафедру благодаря императорской инвеституре, то следовавшие один за другим папы не признавали его законным главой миланской епархии. Таким образом, народное движение в Милане получило неожиданную поддержку со стороны Рима. Реформистское духовенство ловко лишило движение социальной остроты и поставило его на службу централистским целям. Инициатором союза между курией и руководителями патариев был Гильдебранд. «Казусом белли»[22] к борьбе за инвеституру, которая велась на протяжении последующих десятилетий, послужило так называемое дело архиепископа Видо. Духовенство вело борьбу против императорской власти с помощью лотарингских реформистов, патариев и норманнов. Император не нашел в римской аристократии и в североитальянском высшем духовенстве верных союзников в борьбе с римской курией.

Возвышение папства: христианство в Средние века (XII–XIII века)

После окончательного разрыва с восточной православной церковью в католической церкви было достигнуто догматическое единство; длительное время народные ереси, направленные против

церковной иерархии, основывались на различных течениях, отклонившихся от официальной церковной доктрины. Укрепление единства церкви — это не религиозный вопрос, а церковно-административная проблема. Гарантом единства католической церкви стал римский папа. Ссылаясь на высшую власть учения, обусловленного догматами, папа хотел обеспечить также исключительность своего верховенства и в церковно-административной области. Целью его было создание централизованного абсолютистского церковного правления, которому препятствовала государственно-церковная партикулярная раздробленность европейских феодальных государств, укрепившихся к XI веку, их отрыв от центрального (римского) управления.

Стало очевидным, что правители отдельных государств стремятся укрепить свою власть, опираясь на свои усиливающиеся национальные церкви, следовательно, они не были заинтересованы в дальнейшем упрочении центральной церковной власти. Распадение на национальные церкви в то же время таило в себе опасность того, что эти церкви — подобно восточным — станут самостоятельными и в догматических вопросах, что вело к ликвидации универсализма христианства. Таким образом, папы, стремясь к верховенству, не руководствовались лишь желанием добиться этой ограниченной цели, когда требовали для себя права назначения (инвеституры) высшего духовенства, что прежде было прерогативой светской власти, правителей. Высшее духовенство попадало при этом в зависимость от собственных светских правителей и тем самым вынуждено было обслуживать церковно-административные и церковно-политические цели государства. Этому можно было воспрепятствовать лишь путем соблюдения вселенских церковных интересов, воплощенных в папской верховной власти в результате централизованного управления. Тем самым обеспечивалось единство церкви.

Распространение церковно-административной верховной власти папы вовнутрь (внутри церкви) означало, что национальные церкви подчиняются Риму, иерархи церкви зависят от папы, таким образом, реализуется принцип церковного универсализма. Осуществление примата наружу, в отношении к светской власти, означало, что единство церкви можно защитить лишь путем борьбы с партикулярными интересами светских государств; первейшим средством для достижения этой цели была передача Риму права назначать высших чинов церкви. Однако григорианское папство довело идею до логического конца: попыталось распространить примат папы и на область политики. Примат Святого престола в области догматов уже на протяжении многих веков никто не подвергал сомнению. И в церковной иерархической администрации, хотя и не без сопротивления, верховенство папы было принято. Григорий VII и его преемники путем переосмысления прежнего дуализма в органичном единстве с церковным универсализмом, а также под руководством папы хотели осуществить и политический универсализм. Для реализации этой концепции во главе христианского сообщества должен находиться папа, который занимает и место императора.

Внутренние закономерности феодального общества открывали широкие возможности для осуществления теократии. В период раннего феодализма (IX–XI века) ведущую роль в христианском сообществе играла власть императора; наряду с уже приведенными причинами сопутствующим фактором было то обстоятельство, что отдельные феодальные государства еще не упрочили своего положения, христианство еще не проникло в глубину общества, властвуя лишь на его поверхности. В этой ситуации был реализован примат светской, вооруженной власти.

Положение изменилось в период зрелого феодализма (XII–XIV века). Имперская власть над

государствами, в которых укреплялся феодализм, оказалась неосуществимой, политический универсализм нельзя было реализовать с помощью государственно-властных средств, опираясь на одну империю (и лишь в рамках Германно-римской империи). Произошли изменения и внутренней структуры общества, развитие феодальных отношений привело к укреплению центральной королевской власти. В этот период все сферы общества оказываются пронизаны христианством, религия превращается в органическую часть общества. Универсальная имперская власть оказалась слабее партикулярных сил, в то же время церковь, а внутри ее религиозный и административно-церковный универсализм папства укрепился и почти достиг абсолюта. Начиная с середины средних веков папство в своем развитии превратилось в единственную универсальную власть, и это позволило предпринять попытку добиться также политического универсализма. Политическая верховная власть, реализованная папой, была достигнута не с помощью государственно-властных средств (с помощью оружия), а в идеологической и политической сфере, но при одновременной опоре на крепнущее суверенное Папское государство.

Понтификат Григория VII и борьба за инвеституру (1073–1122)

После смерти кардинала Гумберта фактическая власть принадлежала Гильдебранду, ставшему в 1059 году из субдиакона архидиаконом. Гильдебранд, будучи молодым священником, поступил на службу к Григорию VI. В качестве секретаря папы находился вместе с ним в изгнании в Кельне. После смерти Григория, последовавшей в 1054 году, удалился в клюнийский монастырь, откуда его вызвал в Рим папа Лев IX. Несмотря на то что Гильдебранд не принадлежал к кардинальскому корпусу пресвитеров, он, как руководитель кардиналов-диаконов, уже при папе Александре II обладал решающим словом в курии. Прошедший клюнийскую школу, возвысившийся из монахов и достигший высшего церковного сана, Гильдебранд был умным и расчетливым политиком, но одновременно твердым как сталь и фанатичным человеком. Он не был разборчив в средствах. Многие из кардиналов-епископов таили злобу на него, видя в нем злого духа пап. Никто в курии не сомневался, что Гильдебранд обладает наибольшими шансами стать кандидатом реформистской партии, возглавлявшейся Гумбертом и Петром Дамиани.

Когда в 1073 году кардинал Гильдебранд, будучи кардиналом-иеродиаконом, доставил в Латеранский собор мертвое тело Александра II, присутствовавший в соборе народ начал стихийно восклицать: «Гильдебранда в папы» — тем самым избрав его папой.

Не ожидая окончания обязательного трехдневного поста, Гильдебранд буквально потребовал избрать себя папой, чтобы избежать сопротивления со стороны кардиналов. В этом смысле его избрание не было каноническим, ведь с 1059 года это было исключительным правом кардиналов. Гильдебранду удалось, поставив кардиналов перед свершившимся фактом, затем заставить их канонически подтвердить его избрание. Второй целью такого захвата власти было стремление поставить и германского короля перед свершившимся фактом. Гильдебранд даже не отправил ему донесения о происшедшем избрании, что каждый его предшественник считал своей обязанностью. Однако король Генрих IV не сразу поднял брошенную ему из Рима перчатку: он был занят борьбой со своими внутренними врагами, с восставшими саксонцами, стремясь их усмирить, и поэтому вскоре объявил, что принимает и утверждает избрание Гильдебранда.

Гильдебранд при выборе имени — Григорий VII — ни в малейшей степени не пытался почтить память Григория VI, скончавшегося в изгнании в Кельне, секретарем которого он был, а взял себе

имя в честь папы Григория I Великого. Продолжатель дела Григория I — средневековый монах — осуществил на папском престоле программу утверждения универсальной вселенской власти, имя которой папство. Григорий VII, следуя своей исторической концепции, опирался на идеи Святого Августина, Григория I и Николая I, но пошел гораздо дальше их, захваченный идеей вселенской империи, управляемой папой. Целью Григория стало осуществление «Civitas Dei» («Страны Бога»), создание такой христианской вселенской империи, где правление над князьями и народами возложено на папу, но где и государство сотрудничает с церковью, а папа и император действуют вместе при главенстве папы.

Примат папства при Григории VII был реализован во всех отношениях. С его понтификатом завершился длительный исторический период развития католической церкви. Одновременно он заложил основы для осуществления мировластных целей наиболее выдающихся пап средневековья — Иннокентия III и Бонифация VIII. Григорий VII в период своего правления распространил принцип верховной власти пап и на политическую жизнь. Это практически означало, что папа считает себя главой христианского универсума, которому обязаны повиноваться и светские князья. В концепции григорианского папства место имперской идеи Карла Великого заняла вселенская (церковная и светская) верховная власть папы. Программа понтификата Григория VII была изложена в документе под названием «Диктат папы» («Dictatus papae»), составленном, по всей вероятности, в 1075 году. В сущности, это была Великая хартия папства. Прежде достоверность сборника решений об авторитете папы ставилась под сомнение, в настоящее время считается, что автором сборника был Григорий VII. 27 основных положений «Диктата папы» излагают следующие мысли:

1. Только римская церковь была основана самим Господом.
2. Только римский папа вправе называться вселенским.
3. Одному папе принадлежит право назначения и смещения епископов.
4. Легат папы на соборе по своему положению стоит выше любого епископа, даже если он имеет более низкое звание; ему также принадлежит право перевода епископов.
5. Папа может выносить решение о смещении и отсутствующих лиц.
6. С отлученными папой от церкви лицами запрещено даже находиться в одном доме.
7. Одному папе можно в соответствии с потребностями времени издавать новые законы, образовывать новые епископства, капитулы преобразовывать в аббатства и наоборот, делить богатые епископства и объединять бедные.
8. Один папа может носить императорские регалии.
9. Все князья должны целовать ногу только у папы.
10. Только имя папы упоминают в церквях.
11. Во всем мире лишь он удостоен имени папы.
12. Папа вправе низлагать императоров.
13. Папа вправе, если существует необходимость, переводить епископов с одной епископской кафедры на другую.
14. По своему усмотрению папа может переместить клирика из одной церкви в другую.
15. Тот, кого папа посвятил в сан, может быть главой любой церкви, на него не может быть возложено выполнение более низкой должности. Того, кого папа посвятил в сан, другой епископ не вправе рукоположить в более высокий сан.

16. Без распоряжения папы нельзя созывать вселенский собор.
 17. Не опираясь на авторитет папы, никакой капитул и никакая книга не могут считаться каноническими.
 18. Никто не вправе изменить решения папы, пока он сам не внесет в него соответствующие изменения.
 19. Никто не имеет права судить папу.
 20. Никто не вправе осмелиться судить лицо, обратившееся с апелляцией к Апостольскому Престолу.
 21. Наиболее важные дела каждой церкви следует представлять на рассмотрение папы.
 22. Римская церковь еще никогда не ошибалась, она, согласно свидетельству Писания, вечно будет непогрешимой.
 23. Римский папа, если он был избран в соответствии с канонами, с учетом заслуг Святого Петра, несомненно, станет святым, как это подтвердил епископ Павии Святой Эннодий, и с ним в этом были согласны многие святые отцы, это можно найти в декретах Святого Симмаха.
 24. По приказу и в соответствии с полномочиями папы обвинения могут быть выдвинуты и духовными лицами более низкого сана.
 25. Папа может смещать или возвращать на свою должность епископа без созыва собора.
 26. Нельзя считать католиком того, у кого нет единства с римской церковью.
 27. Папа может освободить подданных от присяги верности лицу, совершившему грех.
- «Диктат папы» на основании «Лжеисидоровых декреталий» не только провозглашает, что папа обладает вселенской юрисдикцией и непогрешимостью, но и имеет право созыва собора, посвящения епископов и низложения их. Григорий VII вначале постарался заполучить неограниченную власть в церковном правлении. Последовавшие один за другим соборы приняли строгие постановления, направленные против симонии и против браков священников. Введение целибата, безбрачия священников, ставило перед собой цель прервать общность интересов, существовавшую между клиром и светским обществом. Безбрачие священников — это не так называемый приказ божественного изъявления, а церковный закон. Из евангелий нам известны всего лишь советы о соблюдении девственности, но там не говорится о запрете духовным лицам вступать в брак. С первой церковной регламентацией мы встречаемся на Эльвирском соборе (около 300 г.): 33-й канон под угрозой исключения из духовного сословия запрещает епископам, священникам и диаконам жить вместе со своими женами. Здесь речь идет не о запрете брака, а о запрете семейной жизни. В период укрепления церковной иерархии, например на Никейском соборе, во вселенской церкви еще не удалось принять решения о целибате. На Востоке это положение сохранилось без изменений, в латинской церкви папы Лев I и Григорий I придали решению Эльвирского собора законную силу, распространив его на всю церковь. Однако в эпоху переселения народов, а затем в период раннего средневековья претворить в жизнь это решение не удалось, и браки духовенства стали обычным явлением. Григорий VII и движение за реформы восстановили принцип целибата, стремясь осуществить его и в практической деятельности феодальной церкви. Большинство соборов, проведенных в XI–XII веках, уже высказались за отмену браков для лиц духовного сословия. Второй Латеранский вселенский собор в 1139 году провозгласил, что носители высокого сана (епископ, священник) не могут вступать в брак. Об этом вновь было заявлено на Тридентском вселенском

соборе, который объявил целибат догматом. Несмотря на то что на протяжении всей истории церкви целибат подвергался массивной критике, решение о целибате включено и в ныне действующий церковный кодекс законов.

Согласно церковной концепции, между священником, находящимся в состоянии безбрачия, и Богом не стоит семья, таким образом, он может полностью посвятить себя служению Богу, его не связывают интересы семьи. Наряду с этим принятию закона о безбрачии священнослужителей в средние века, безусловно, способствовали существовавшие церковно-организационные и экономически-властные интересы. Догмат обязательного безбрачия вызвал внутри церкви большое сопротивление, ибо в большинстве мест священники вступали в супружеские связи. В 1074 году на Парижском соборе решения папы были объявлены недействительными. Констанцкий епископ Отто прямо призывал своих священников жениться. Григорий VII направил в европейские страны полномочных папских легатов для проведения в жизнь своего решения о целибате.

Генрих, оказавшийся в стесненных обстоятельствах из-за восстания саксонцев, некоторое время не решался действовать, так как нуждался в моральной поддержке папы. Его поведение изменилось, когда папа решил оспорить у императора право на инвеституру и ему удалось одолеть внутреннюю оппозицию. Столкновение между папой и императором было неизбежным, ведь, согласно сути концепции Григория VII, папство должно быть независимым от светской власти. Примат папы может быть осуществлен только в том случае, если при назначении епископов он осуществит свою волю (инвеституру) и тем самым воспрепятствует симонии. Таким образом, в результате введения целибата церковью решался не только вопрос сохранения церковного имущества, но и достижения независимости церкви от светской власти.

Согласно «Диктату папы» Бог возложил на папу сохранение божественного порядка на земле. Поэтому папа вправе выносить суждение обо всем, но никто не может совершать суд над ним, его суждение неизменяемо и непогрешимо. Папа должен покарать того, кто вступает в конфликт с христианским миропорядком. Особо следует следить за правителями, за князьями. Если король не соответствует своему предназначению, то есть следует не за Богом и церковью, а руководствуется собственной славой, то он теряет право на власть. Папа, обладая всей полнотой власти наказывать и миловать, может низлагать светских правителей или вновь давать им власть. Именно на этот основополагающий постулат Григорий VII ссылаясь в борьбе с Генрихом, и в его руках такие методы борьбы, как проклятие, отлучение королей от церкви, освобождение их подданных от присяги, превратились в эффективное средство. Если прежде империя властвовала над папством (цезарепапизм), то в Христианской республике ведущая роль переходит к церкви, к папам (церковная государственность), чтобы в соответствии с Божьими законами обустроить империю (теократия).

По замыслу Григория VII, короли должны находиться в зависимости от Святого престола. Однако ленная присяга относилась лишь к норманнским герцогам, хорватскому и арагонскому королям, которые действительно были вассалами «апостолического князя». Курия же хотела распространить требования вассальной верности также на Сардинию и Корсику, а затем и на всю Тоскану. Однако выдвинутые на различных юридических основаниях требования вассальной верности Англии, Франции, Венгрии папе реализовать не удалось. В то время как прежние папы в борьбе между венгерскими королями и германскими императорами стояли на стороне императора, выступление

Григория против императорской власти привело к изменениям и в этой области. Так, например, когда возникли распри из-за венгерского королевского трона между Соломоном и Гезой, папа вмешался в этот спор, выступив на стороне Гезы, а император — на стороне Соломона. Однако Григорий VII ссылаясь на свои сюзеренные права не только в отношениях с Генрихом IV, но и со всеми христианскими государями. Так, когда Григорий, ссылаясь на «Диктат папы», осудил Соломона, давшего вассальную клятву императору, указав, что тот не имел права поступать так, ибо Венгрия является собственностью Святого Петра, то и Геза стал более сдержанным по отношению к папе. (Корона досталась Соломону, поэтому в 1075 году Геза был коронован короной, полученной от византийского императора Михаила Дуки.)

Свои сюзеренные права на Венгрию папа реализовать не смог. Ведь, чтобы противостоять германскому императору, папа нуждался в поддержке независимой Венгрии. Поэтому Григорий, например, не ограничил право короля Ласло I, позднее причисленного к лику святых, назначать иерархов и регулировать церковно-организационные вопросы (светская инвеститура). Более того, для обеспечения поддержки со стороны короля папа в 1083 году на Римском соборе канонизировал короля Иштвана, князя Имре и епископа Геллерта.

Несомненно, что устремления Григория VII представляли собой угрозу самостоятельности светских государей. Папа противопоставил себя не только германскому королю, но и другим, например французскому королю Филиппу I. Но если во Франции отказались поддерживать римскую верховную власть и стали на сторону своего короля, то в Германии феодалы, боровшиеся с центральной властью, вошли в союз, направленный против короля. Генриху уже пришлось сражаться не с папой за власть над немецкой церковью, а за свои собственные права как главы государства. Григорий хорошо рассчитал время проведения своих реформ: король Генрих IV еще не был коронован как император и мог получить корону лишь из рук папы. С другой стороны, папа старался использовать также распри, существовавшие между норманнами, саксонцами и императором.

Открытая борьба между папством и императорской властью вспыхнула в результате опубликования декретов Латеранского собора 1075 года. В них предписывалось, что церковные должности, полученные путем симонии, ликвидируются. Папа Григорий обратился к народам, призвав их не повиноваться епископам, которые терпят на должностях священников, пребывающих в браке (*concupinatus*). Таким образом, собор возбудил верующих против духовенства, использующего симонию и пребывающего в браке. Одновременно папа на соборе 1075 года запретил и светскую инвеституру. «Если кто-либо получит из рук какого-либо светского лица епископство или аббатское достоинство, — говорится в решении, — тот ни в коем случае не может быть причислен к епископам, и ему не положено отдавать никаких почестей как епископу и как аббату. Кроме того, мы отнимаем у него милость Святого Петра и запрещаем входить в церковь, пока он, образумившись, не оставит свою должность, полученную греховным путем тщеславия, честолюбия и неповиновения, что является не чем иным, как грехом идолопоклонства. Если кто-либо из императоров, королей, князей или представителей каких-либо светских (мирских) властей или лиц назначит епископа или осмелится предоставить церковную должность, тот не уйдет от соответствующего наказания». В том, что священник не может принять назначение на церковную должность от мирянина (государя или феодала-сюзерена), Генрих усмотрел опасность для своей собственной власти, ведь таким образом из

его рук ускользало право распоряжаться церковными вассальными владениями и он терял влияние на церковную иерархию, на которую ему приходилось опираться в ходе борьбы со светскими феодалами. Вот почему теперь император резко выступил против папы.

Генрих — вопреки своему прежнему обещанию — сам занимался назначением на высшие церковные должности, в том числе и в Италии. Из-за этого папа в 1075 году пригрозил ему отлучением. Однако ультиматум привел к результатам, прямо противоположным ожидаемым: он не только не запугал Генриха и верных ему епископов, которые и так были недовольны из-за целибата, а даже подбил их выступить против притязаний папы. Высшее духовенство было верной опорой Генриха, ибо теперь видело угрозу своей независимости скорее со стороны папы, чем короля. Власть епископа нуждалась в союзе с королем. В то же время союзниками номер один у папы стали светские феодалы, восставшие против Генриха. Генрих IV и его епископы в январе 1076 года в Вормсе созвали имперский собор, и здесь германские епископы — под руководством достойного противника Гильдебранда Гуго Кандида — отказались принести присягу на верность папе.

В феврале 1076 года Григорий VII на соборе в Латеранской базилике выслушал послов императора. После этого он отстранил от должности порвавших с ним епископов, объявил Генриха отлученным от церкви, лишил его итальянского и германского королевств, а его подданных освободил от присяги и повиновения ему.

«Святой Петр, князь апостолов, преклонись ко мне ухом своим, молно выслушать твоего слугу... — таково было начало вердикта Григория, содержащего анафему королю, — во имя чести церкви твоей и в защиту ее, опираясь на могущество твое и авторитет, я запрещаю королю Генриху, сыну императора Генриха, который с неслыханным высокомерием напал на церковь твою, править Германией и всей Италией, и запрещаю каждому, кто бы то ни был, служить ему как королю. И тот, кто хочет нанести ущерб чести церкви, заслуживает того, чтобы и самому потерять престол, который, как он считает, принадлежит ему. И поскольку он, будучи христианином, не желает повиниться... что грозит отлучением, а моими увещаниями пренебрегает, то, желая вызвать в церкви раскол, сам себя отторгнул от нее; я же, твой наместник, предаю его анафеме и, доверяясь тебе, отлучаю его от церкви, чтобы народы знали и подтверждали: ты есть Петр, и Бог сущий воздвиг церковь сына своего на каменной скале, и врата ада не имеют над ней силы». На это последовал ответ Генриха: «Сойди с престола Святого Петра». На пасху 1076 года епископ Утрехта отлучил папу Григория от церкви.

Отлучение короля было совершенно новым явлением в истории, и это усиливало опасность того, что папа, освободив подданных монарха от ленной присяги, лишит церковной святости королевскую власть, весь строй. В марте 1076 года Григорий VII в специальном письме обратился к германским феодалам, в котором развеял все возможные сомнения относительно правомерности отлучения короля от церкви, и вновь призвал их выступить против Генриха. Явно в результате этого летом 1076 года феодалы сплотились против Генриха и начали борьбу с ним в Саксонии.

Оппозиция Генриху IV формировалась под руководством родственника короля швабского герцога Рудольфа. Саксонские и южнонемецкие герцоги использовали кризис для того, чтобы освободиться от Генриха, применявшего абсолютистские методы правления. Однако значительная часть епископов держала сторону Генриха. Мятежные феодалы вызвали Григория на рейхстаг, назначенный на начало февраля 1077 года в Аугсбурге, чтобы там провести суд над королем. Генрих понял, что ему

удастся спасти свой трон только в том случае, если он опередит события и получит от папы отпущение грехов. Поэтому в конце 1076 года он вместе с женой, ребенком и своими епископами переправился через Альпы. В это время Григорий готовился к поездке в Германию, чтобы на заседании рейхстага принять участие в переговорах с курфюрстами. Генриху удалось воспрепятствовать этому, разыграв спектакль «хождения в Каноссу».

В январе 1077 года Григорий находился в неприступной горной крепости, Каноссе, принадлежавшей тосканской маркграфине Матильде. Столько раз упоминавшаяся историографами, поэтами и драматургами сцена трехдневного стояния Генриха в одежде кающегося грешника перед крепостными воротами означала в действительности победу униженного короля над папой: Генрих, без оружия, с женой и ребенком, в сопровождении нескольких епископов появился у стен крепости. После трехдневного покаяния, которое, вопреки общему мнению, Генрих совершал вовсе не босиком и в рубище, а в одежде кающегося грешника, накинутой поверх королевского одеяния, папа, главным образом по настоянию аббата из Клюни Гуго и Матильды, вынужден был отпустить грехи Генриху и ввести короля вместе с его епископами в церковь (28 января 1077 года). Григорий действительно не мог не признать соответствующее канонам покаяние и отказать королю в отпущении грехов. Возвращение Генриха в лоно церкви означало и то, что он вернул себе свое королевское достоинство. Против папы обратилось его же собственное оружие, из которого Генрих выковал свое счастье. Григорий в Каноссе потерпел поражение.

Однако германские герцоги не стали ждать папу, их не заботило происшедшее в Каноссе. В марте 1077 года они избрали нового короля в лице швабского герцога Рудольфа. Рудольф обещал сохранить выборный характер королевской власти и не делать ее наследственной. Сепаратистские силы Германии сплотились вокруг идеи выборной королевской власти против Генриха, отстаивавшего абсолютизм. Возвращенный в лоно церкви Генрих, не слишком заботясь о клятве в Каноссе, сразу же привлек на свою сторону ломбардских епископов, быстро преодолев Альпы, возвратился домой и начал борьбу с Рудольфом. Генрих в Каноссе вновь получил свободу рук, чтобы расправиться с внутренней оппозицией. Общество в Германии и Италии раскололось на две партии: на партию папы и партию императора. Население городов в Германии поддерживало Генриха, ожидая, что он сможет обуздать феодалов. В Италии же поддерживали Григория против немцев. Высшее германское духовенство разделилось в зависимости от того, кого больше боялись: короля или папы. А герцоги, графы меняли свои позиции в зависимости от того, где они могли получить больше владений. Борьба между двумя лагерями проходила с переменным успехом. Вначале папа Григорий не определял своей позиции и не поддерживал ни одну из сторон, ибо он был заинтересован в ослаблении королевской власти. Но когда в 1080 году стало ясно, что победа за Генрихом, папа вновь вмешался. На соборе, собравшемся в пост, была окончательно запрещена светская инвеститура. После того как Генрих не утвердил этого решения, он вновь был отлучен от церкви. Папа, извлекая урок из Каноссы, признал Рудольфа законным королем и направил ему корону с надписью «*Petra dedit Petro, Petrus diadema Rudolfo*» («Скала дала Петру, Петр — корону Рудольфу»). Генрих с приближенными к нему епископами созвал в Бриксене собор, на котором Григорий VII был вновь низложен и отлучен от церкви. Новым папой Климентом III (1080–1110) был избран равеннский архиепископ Вибер, руководитель ломбардских епископов, выступавших против Григория.

Германский король встретил неожиданно мощную поддержку среди епископов Ломбардии, которые, как и германские епископы, не без причины опасались того, что григорианское папство низведет их до уровня своих заурядных служителей. В то же время самый крупный светский князь Северной Италии вновь был на стороне папы. Главной опорой Григория VII и его преемников в Италии была тосканская маркграфиня Матильда (родственница Генриха), независимости которой угрожала императорская власть. Матильда поддерживала папство, помогая ему деньгами, войском и, наконец, уступив Тоскану. Тоскана в то время составляла почти $\frac{1}{4}$ часть всей Италии (Модена, Реджо, Феррара, Мантуя, Брешиа и Парма). Эти владения отец Матильды получил как вассальные от императора. Матильда и Григорий создали свою партию, и, как утверждают многие авторы, их связь носила не только политический характер.

В ходе вооруженной борьбы в 1080 году антикороль Рудольф был смертельно ранен и вскоре скончался. Генрих снова обратил свой взор в сторону Италии. В течение 1081–1083 годов германский король предпринял несколько походов на Рим, но папе удавалось успешно обороняться, опираясь главным образом на вооруженные силы Матильды. В конце концов в 1084 году в руки короля попал и Рим. Григорий с несколькими своими верными приверженцами бежал в Замок Святого Ангела. Противника короля-победителя вновь низложили, а антипапу торжественно возвели на папский престол, и из его рук Генрих принял императорскую корону. Наконец в конце мая 1084 года Роберт Гюискар, не очень проворный норманнский вассал папы Григория, освободил Замок Святого Ангела (норманны для укрепления своих позиций в Южной Италии хотели использовать папство). Генрих и антипапа вынуждены были оставить Рим. В ходе беспощадных боев свирепые норманнские воины подвергли и Рим разграблению. Гнев римлян обратился против призвавшего норманнов Григория, который вместе со своими спасителями бежал из города. Больше он уже не смог туда вернуться и 25 мая 1085 года скончался в изгнании, в Салерно, среди норманнов.

Создатель великодержавных позиций средневекового папства закончил жизнь изгнанником, по-видимому, с горьким сознанием того, что дело всей его жизни полностью погибло. Действительно, практически реализовать григорианскую теорию папства, сформулированную в «Диктате папы», оказалось невозможным и в более поздние времена. Так, например, требование Григория об объявлении прижизненной святости папы, точнее, почитание папы святым еще при жизни не перешло в каноническое право. Непогрешимость папы (*infallibilitas*) в новое время была почти забыта, и лишь в XIX веке это положение стало догматом. Несмотря на трагическую судьбу Григория, он оказал судьбоносное влияние на христианство и церковь. Он сформулировал и наиболее последовательно представлял теократические требования: создать мир по образцу духовной державы. Не в последнюю очередь христианство именно этим обязано своему сохранению и расцвету: с этим требованием христианство выступало на протяжении истории, наиболее успешно как раз в средние века.

Вряд ли можно отказать Григорию в большом уме — ведь он без обычных светских средств власти, в первую очередь без армии, играл роль завоевателя мира, заставлял склоняться перед собой сидящих на тронах, бросил вызов императору, считавшему себя властителем христианского мира.

К образу действия и политике Григория в истории церкви можно относиться с симпатией или с осуждением, но несомненно, что его фанатичный и негибкий понтификат не только восстановил авторитет папства, но и заложил фундамент политической власти пап на последующие два века.

Начиная с 1947 года григорианская реформа пристально изучается историками церкви.

Гильдебранд был монахом маленького роста и невзрачного вида, но в его неказистом теле обитал необычайной силы дух. Он чувствовал себя харизматиком и, выполняя свое предназначение, был не слишком разборчив в средствах. Даже современники воспринимали его со смешанным чувством страха и удивления или даже с ненавистью. Петр Дамиани назвал фанатичного монаха, попавшего на папский престол, Святым Сатаной, сравнение не слишком подходящее, но меткое. Оно вновь всплыло во времена еретических движений и Реформации для характеристики папы, но без определения «святой».

Согласно мнению отдельных категоричных историков, история папства начинается лишь в христианское средневековье, и о папстве в современном понимании мы можем говорить лишь начиная с понтификата Григория VII. Эта концепция явно исходит из того, что папская верховная власть, как результат длительного исторического развития, действительно стала цельной во всех отношениях при Григории VII, хотя возвыситься над императором папа смог лишь во времена преемников Григория VII.

После смерти Григория VII император Генрих оказался на вершине триумфа. В Рим возвратился антипапа Климент III. Григорианские епископы, бежавшие к норманнам, лишь в 1088 году смогли избрать папой под именем Урбана II (1088–1099) епископа из Остии. Урбан был по происхождению француз и из приора Клуни стал самым близким и доверенным сотрудником Григория. Однако в противоположность своему предшественнику он избегал всего, из-за чего благодаря своей непримиримости потерпел поражение Григорий. Император Генрих стремился соединить своих южноитальянских противников с североитальянскими приверженцами папства, примером чему может служить тот факт, что он женил едва достигшего 17-летнего возраста сына баварского герцога Вельфа на 43-летней тосканской маркграфине Матильде, главной опоре папства.

В 1090 году Генрих IV вновь совершил поход в Италию, однако в 1092 году потерпел поражение от войска Матильды. В 1093 году против императора восстал и его старший сын Конрад, которого архиепископ Миланский короновал королем Италии. В результате переговоров в Кремоне в 1095 году папа привлек на свою сторону Ломбардию и итальянского короля. Позиции Генриха в Северной Италии оказались окончательно подорванными, когда папа вновь активизировал движение патариев, направив его против германцев. В результате в 1097 году Генрих навсегда покинул Италию.

Несмотря на то что в то время большинство кардиналов поддерживало антипапу Климента, Урбану удалось заставить признать себя главой вселенской церкви. При поддержке норманнов в 1093 году он возвратился в Рим. Папа Урбан был первым, кто в противовес угрожающей власти германского императора и норманнских герцогов увидел и нашел опору в возвышающейся французской монархии. Уже в 1094 году он отправился во Францию. Во время этого путешествия в 1095 году он провел многолюдный собор в Пьяченце, на котором предал анафеме антипапу Климента.

Собор, созванный 28 ноября 1095 года в Клермоне (Франция), явился важным событием в истории папства. Именно здесь папа Урбан провозгласил первый крестовый поход. Из идеи григорианского папства следовало, что папа считает себя также главным лицом в деле дальнейшего распространения христианства. Не случайно Григорий VII в свое время выдвинул идею крестовой войны против неверных, это произошло после того, как в 1071 году Иерусалим, которым владела Византия, попал в руки турок-сельджуков (Григорию в осуществлении этого плана воспрепятствовала борьба за

инвестиру).

Поскольку в Европе в связи с формированием феодализма все народы стали христианскими, то завоевания, связанные с христианской миссией, должны были обратиться в сторону новых территорий. Но это означало борьбу с внутренними и внешними врагами христианства.

Внутренними врагами явились принимавшие все более широкие масштабы еретические движения, против которых папы вели настоящие войны на истребление. Внешними врагами были арабские и турецкие завоеватели. Папа Урбан, опираясь на Францию, осуществил идею Григория. В Клермоне он призвал христианских государей и народы отвоевать Палестину, освободить Святую землю от неверных. Формальной причиной было восстановление безопасности паломников, стремящихся на Святую землю. Однако причины возвращения святых мест в действительности были намного прозаичнее. Наиболее заинтересованными в этом с материальной точки зрения были торговые города Италии, которые за большие деньги брались оснастить войско и перевезти его по морю. В ходе завоеваний они намеревались создать новые торговые базы. Турецкая экспансия угрожала восточным торговым интересам Венеции, Генуи, Пизы, занимавшимся посреднической торговлей.

Однако многократно повторявшиеся в период средневековья крестовые походы были обусловлены также еще одной, более общей социальной причиной. В конечном счете завоевательские походы служили отдушиной, разрядкой внутреннего социального напряжения, существовавшего в феодальном обществе. Напряженность в обществе была наиболее высокой во Франции, в которой феодализм получил наибольшее развитие. Вот почему именно отсюда началось движение крестоносцев, которое отвлекало для участия в завоевательных войнах недовольные крестьянские массы и безземельных вооруженных рыцарей, вело к успокоению самых воинственных элементов общества. Папа также предоставил привилегии участникам священной войны, привилегии, символизируемые крестом, нашитым на левое плечо. Носящие крест получали полное прощение грехов. Отпущение греха не означает его прощение, так как истинное прощение греха может даровать лишь Господь Бог при посредстве церкви. Таким образом, отпущение греха выполняет лишь функцию смягчения или отмены временного наказания, полагающегося за грех. Полное же прощение освобождает от всех временных наказаний, то есть полностью отменяет все временные наказания.

Личность и имущество крестоносцев, отправляющихся в поход, были неприкосновенными и находились под защитой Божьего мира (*Treuga Dei*). («*Treuga Dei*» на Клермонском соборе ставило целью обеспечение внутреннего мира общества посредством запрещения вооруженной борьбы между крестоносцами начиная с пятницы и по вечер воскресенья этой же недели.)

По призыву папы Урбана первыми в поход отправились фанатичные французские крестьяне под предводительством одного монаха. Армия крестоносцев уже вскоре превратилась в сброд, выражающий свою социальную неудовлетворенность в еврейских погромах. На Балканах войско рассеялось, и, после того как византийцы быстро переправили этих «крестоносцев» на вражескую территорию, турки учинили им безжалостную резню.

Настоящий крестовый поход возглавили французские рыцари. В результате первого крестового похода рыцари в 1099 году заняли Иерусалим и перебили мусульманское население, невзирая на пол и возраст. Решающая причина первых военных успехов рыцарей-крестоносцев кроется в их методе боевых действий. В то время туркам была еще неведома стремительная, осуществляемая в

сомкнутом строю атака закованного в броню конного войска рыцарей, которое чуть ли не втаптывало в землю противостоящую пехоту и легкую конницу. Рыцари образовали Иерусалимское королевство, а затем в результате дальнейших завоеваний в Палестине и Сирии — новые графства и княжества. Военные завоевания сопровождалась переносом на эти земли феодальных порядков, в том числе и созданием католической церковной иерархии. Эти территории до турецкого завоевания находились под протекторатом Византии. Несмотря на то что турки угрожали и Византии, греческая империя опасалась новых завоевателей — крестоносцев — не меньше, чем нехристиан.

Больше всех от этих походов выиграли итальянские купцы, чьи расчеты оправдались. Торговые пути на Восток стали более надежными, строились новые поселения. Купцы находились под защитой крестоносцев, полувоенное государство которых создало своеобразные организации, так называемые рыцарские ордена. Для ухода за больными рыцарями — членами орденов, защиты пилигримов и осуществления церковных функций сложились военные монашеские ордена. Членами орденов тамплиеров, иоаннитов и немецкого (тевтонского) рыцарского ордена были рыцари, давшие монашеский обет.

Первый рыцарский орден, орден тамплиеров, образовали в Иерусалиме в 1118 году восемь французских рыцарей (название их ордена происходит от слова «temple» — «храм», в связи с тем что иерусалимский король отдал им часть храма Соломона). Устав быстро увеличивавшегося ордена был разработан в 1128 году цистерцианским аббатом Бернаром Клервоским. Рыцари помимо трех монашеских обетов (воздержания, бедности, послушания) давали четвертый обет: своим жизненным предназначением считать охрану святых мест и вооруженную защиту паломников. Их форменная одежда представляла собой заимствованный у цистерцианцев белый плащ с красным крестом. Папа Иннокентий II в булле, начинавшейся словами «Omne datum optimum», утвердил рыцарский орден тамплиеров, изъял его из юрисдикции епископов и поставил в непосредственную зависимость лишь от папы. Во главе рыцарского ордена стоял избираемый главным капитулом ордена гроссмейстер, который, опираясь на капитул, почти абсолютистски руководил орденом. В рыцарских орденах было три вида членства: полноправные рыцари — дворяне (собственно говоря, вся власть внутри ордена, а также и имущество принадлежали им), священники и, наконец, братья-помощники.

Рыцарский орден представлял собой элитарную организацию, аристократическую по своему характеру (например, уставом было оговорено, что члены ордена могут охотиться лишь на львов).

В результате продолжительных и неоднократных крестовых войн рыцарский орден тамплиеров превратился в организацию, возглавлявшую крестовые походы и направлявшую деятельность крестоносцев на Святой земле. Членам ордена была предоставлена папская привилегия, заключавшаяся в том, что тамплиеры имели доступ к огромным суммам денег, которые по разным каналам, но главным образом в виде установленных папой налогов на христианское население поступали на ведение крестовых войн. Для осуществления финансовых операций тамплиеры уже давно использовали банкирские дома в Италии, а вскоре и сами начали заниматься чисто банковской деятельностью. Интересы тамплиеров распространялись и на торговлю. Таким образом, рыцарский орден, образованный для вооруженной защиты Святой земли, менее чем за сто лет превратился в первого банкира пап и королей.

Орден иоаннитов, или Рыцарский орден госпитальеров, возник в 1120 году в Иерусалиме. Назван по иерусалимскому госпиталю Святого Иоанна, где члены ордена ухаживали за больными. Создан он

был в 1099 году как монашеский орден и позднее (в 1120 году) преобразован в рыцарский орден. Иоанниты помимо тройственного обета приняли четвертый — уход за больными. Их устав сходен с уставом тамплиеров, он был утвержден папами Евгением III и Луцием II. Они носили плащи черного или красного цвета с белым крестом. Позже иоанниты стали фактически вооруженными защитниками Святой земли и вплоть до падения Акки (1291) упорно сражались с турками.

Эти два рыцарских ордена были организованы и руководимы французами. Включение Германоримской империи в крестовые походы привело к созданию Немецкого рыцарского ордена [23] (германские рыцари не хотели отставать от французов). Немецкий рыцарский орден сформировался в 1198 году из германских рыцарей, сражавшихся в Святой земле; они воспользовались уставом тамплиеров. Члены ордена носили на своих белых плащах черный крест. Центр тяжести их деятельности вскоре был перенесен в Европу.

В начале века борьба между папой и императором за инвеституру вспыхнула с новой силой. Папа в 1102 году на Латеранском соборе возобновил запрет на светскую инвеституру. Нарушившего этот запрет императора Генриха и его окружение папа отлучил от церкви. Поражение Генриха IV было ускорено тем, что папе вновь удалось восстановить против императора его собственных сыновей. Но так как Рим находился в руках антипапы, то папа Пасхалий II (1099–1118) уехал во Францию. Установлению хороших отношений с французами способствовало то, что король Филипп I отказался от инвеституры перстнем и пастырским посохом, не потеряв при этом решающего влияния на избрание высших чинов церкви. В 1107 году в Сен-Дени французский король и папа заключили союз, который на столетие обеспечил папам благосклонность со стороны Франции.

В схватках пап и антипап венгерские короли также занимали позиции то на стороне одного, то на стороне другого. Король Ласло I вначале оказывал поддержку законным папам, Виктору III и Урбану II, ибо и он противостоял императору. Однако после смерти Соломона император и венгерский король помирились, и Ласло стал на сторону антипапы. Поэтому он выступил против Урбана. Венгерский король Кальман-книжник — поскольку император поддержал боровшегося против него герцога Альмоша — примкнул к Урбану. В 1106 году на соборе в североитальянском городе Гуасталле Кальман через своих послов отказался от инвеституры. Фактической причиной его уступчивости являлось то, что удержать только недавно завоеванную им Хорватию можно было лишь с помощью католической церкви — ведь папа до последнего времени предъявлял ленные права на Хорватию и Далмацию. Теперь же он признал верховенство венгерского короля. Окончательно от назначения высших представителей духовенства отказался король Иштван III в 1169 году, он также отказался от предоставления светским лицам церковных бенифициев: король был вынужден опираться на высших церковных сановников и папу в борьбе против власти византийского императора Мануила — вот откуда его уступчивость.

Последний акт борьбы за инвеституру пришелся на время правления германского короля Генриха V. Генрих V, будучи практичным политиком, приступил к упорядочению отношений с папой с целью восстановления мира. Возможность этого возникла благодаря тому, что в Риме временно возобладала новая концепция. Папа Пасхалий II относился к тому новому монашескому движению, которое в противоположность идеям григорианской церкви, стремившейся к власти и политическому верховенству, вновь обратило внимание на углубление религиозной жизни, внутренней жизни человека, его души. Это была реакция на иерархические крайности, допускавшиеся такими папами,

как, например, Григорий; в дальнейшем это движение обрело своего вождя в лице Бернара Клервоского. Под влиянием идей этого движения путем дальнейшего совершенствования устава бенедиктинцев в XII веке возникли и новые монашеские ордена, такие, как дающие обет молчания картезианцы, занимающиеся виноградарством и садоводством цистерцианцы, посвятившие себя научной работе монахи-августинцы и монахи-премонстранты (или белые каноники), следовавшие жизненным идеалам Святого Августина. Ключийские реформистские идеи продолжали развивать схоластик Ансельм Кентерберийский (1033–1109) и впавший в мистику Бернар Клервоский (1091–1153). Бернар был настоятелем цистерцианского аббатства в Клерво. Аббатство начало борьбу с проявлениями рационализма, в первую очередь с Пьером Абеляром (1079–1142). Представители идей церковного реформистского движения провозглашали примат церкви над государством, проводили в жизнь примат теологии над светскими науками.

Примирению со светской властью способствовало и то, что в соответствии с каноническим правом были разработаны условия разделения церковных должностей и принадлежавших королю церковных благ. Церковники называли полученные от короля блага регалиями. Папа из-за отсутствия должного политического опыта полагал, что епископы в интересах церковной инвеституры способны отказаться от своих регалий. Лучше знавший своих епископов Генрих V в тайном договоре, заключенном в феврале 1111 года в Сутри, естественно, пошел на сделку и в обмен на регалии отказался от права на инвеституру. Договоренность должна была быть скреплена отставкой антипапы и торжественной коронацией императора. Однако коронации императора не произошло. Когда в церкви папа огласил предварительное соглашение о возвращении регалий, среди епископов вспыхнуло такое возмущение, что папа вынужден был отступить. Разумеется, тогда и король не пожелал отказаться от инвеституры. Чтобы навязать духовенству свою волю, Генрих прибегнул к насилию. Он велел схватить папу и весь его двор. Двухмесячное заключение сломило сопротивление папы, и он в соответствии с соглашением, подписанным в Понте Маммоло 11 апреля 1111 года, отказался от инвеституры. Полный отказ от григорианских устремлений натолкнулся на сопротивление григорианской партии. Существовала также сильная оппозиция во Франции и Бургундии: на соборе во Вьенне папу Пасхалия заклеили еретиком из-за его отступления. Под давлением со всех сторон папа не мог поступить иначе как взять обратно привилегию, предоставленную им в 1116 году императору.

Победа Генриха V над папством также оказалась лишь временной; окончательным победителем в борьбе стал Рим. Вновь принесла ему успех хорошо зарекомендовавшая себя тактика: для борьбы с германским королем, стремившимся к укреплению своей власти, папы подстрекали внутреннюю оппозицию и, опираясь на недовольных, сами выступали против короля. Усиливающиеся позиции папства уже не могло поколебать то, что Генриху удалось-таки заполучить в свои руки владения скончавшейся в 1115 году Матильды, на которые претендовало папство. В то же время Генрих V для борьбы с папой активизировал старого союзника императоров — римскую аристократию. В 1117 году папа Пасхалий был вынужден бежать из Рима, вскоре архиепископ Брагский короновал в Вечном городе Генриха в императоры.

Папа Пасхалий II, которого до II Ватиканского собора история католической церкви замалчивала, предложил христианству действительно совсем новую историческую альтернативу, чем триумфализм, достигший столетием позднее при Иннокентии III своей кульминационной точки.

Пасхалий II понимал коренные причины общественных бед и внутрицерковных проблем, отражающих их. Он считал недостойной приверженность к власти и богатству, признавал губительным корыстолюбие, проявлявшееся и в кругах церковных деятелей. Однако концепция папы, усматривавшего призвание бедной церкви в том, чтобы находиться на службе всего человечества, была провалена церковной олигархией. Представляемая им концепция вскоре была реализована в движении за бедность и, умиротворенная нищенствующими монашескими орденами, поставлена на службу торжествующей церкви.

Император в борьбе с Геласием II, бенедиктинским монахом, ставшим папой (1118–1119), оказывал поддержку антипапе Григорию VIII (1118–1121), ставленнику римской аристократической партии, возглавляемой Франгепанами. И вновь лишь Франция предоставила убежище Геласию. Однако Генрих V понял, что с папой, пользующимся французской поддержкой, необходимо достичь согласия, прежде чем тот полностью попадет в руки новой великой державы. Время этому наступило при понтификате папы Каликста II (1119–1124).

Папа Каликст — в отличие от своих предшественников — не был монахом и на папский престол вошел, будучи архиепископом Вьенским. Приверженцам папы в 1121 году удалось схватить в Сутри антипапу и заключить его в монастырь. Генрих V оставил своего ставленника на произвол судьбы, и, следовательно, препятствия к согласию были устранены. После длительных переговоров 23 сентября 1122 года был подписан Вормсский конкордат, который отделил церковную инвеституру от светской.

Соглашение состояло из двух частей, из императорской и папской грамот. Императорская грамота содержала следующие положения: «1. Я, Генрих, Милостью Божьей верховный император римлян, преисполненный любви к Богу, Святой римской церкви и папе Каликсту, а также ради спасения души, ради Бога и святых апостолов Бога: Петра и Павла, а также во благо Святой католической церкви отказываюсь от инвеституры со вручением перстня и посоха и разрешаю в каждой церкви моей страны и моей империи совершать каноническое избрание и свободное посвящение». Согласно второму пункту, император возвращает папе отобранные им во время борьбы за инвеституру владения и суверенные права, а также (пункт 3) вообще все церковные блага и имущество; в пункте 4 он обещает примириться с папой и с церковью. Пункт 5 гласит о вооруженной защите папы: «5. Во всех делах, в которых Святая римская церковь попросит о моей помощи, я окажу верную помощь...» Первый пункт папской грамоты провозглашает: «Я, епископ Каликст, слуга слуг Бога, тебе, любимому нашему сыну, Генриху... дозволяю, чтобы избрание тех епископов и аббатов тевтонского королевства, которые находятся во владениях твоего королевства, производилось в твоём присутствии, без симонии или насилия, и если возникает какой-либо спор, то на основании совета или суждения архиепископа и епископов провинций ты даешь свое согласие более влиятельной стороне. А избранный получает от тебя регалии (без всяких требований) в виде скипетра и исполняет все связанное с этим в соответствии с правом».

Таким образом, согласно этому соглашению (конкордату), император уступал папе право вручения перстня и посоха, то есть право возведения в церковное достоинство, в то время как вручение нового символа, скипетра, то есть утверждение канонически избранного епископа (аббата) в ленном пользовании церковными (монастырскими) землями, и в дальнейшем являлось прерогативой императора. В ответ на уступки императора грамота папы предоставила императору не только право

светской инвеституры с вручением скипетра, но и позволила проводить избрание епископа в присутствии императора (или его представителя). Дальнейшие ограничения означали, что император в Италии и Бургундии не мог участвовать в избрании епископа. В то же время в Германии новый епископ получал от императора владения, соотносящиеся с саном епископа, после избрания, но еще до посвящения. В соответствии с пунктом 2, однако, в остальных странах империи инвеститура с вручением скипетра производилась после посвящения (в течение шести месяцев); таким образом, посвященному епископу император вряд ли мог отказать в утверждении. С формальной точки зрения церковь достигла того, чего хотела: обеспечения канонического избрания и осуществления инвеституры. С точки зрения же содержания на германской территории император также мог осуществлять свою волю при назначении на должность высших священнослужителей.

Ни одна из сторон не считала вормский компромисс окончательным. Со стороны папы это нашло выражение в том, что, в то время как Генрих в соответствии с императорской грамотой сделал уступки князю апостолов, т. е. преемнику Святого Петра (следовательно, не одному папе, а и всем его преемникам), Каликст сделал уступку лишь лично императору Генриху V, желая ограничить действие этой уступки временем его правления. Так, на первом Латеранском соборе в 1123 году текст конкордата был зачитан, но не утвержден! В то же время германский рейхстаг утвердил его, придав ему силу закона. Латеранский вселенский собор 1123 года (по счету 9-й) был первым западным, созванным и руководимым папой вселенским собором. Юридическая неопределенность, возникшая в отношениях с собором и длившаяся со времени правления Карла Великого три века, завершилась тем, что папа одержал верх над императорской властью, обеспечив себе независимость от нее.

Но курия полную победу над Германией отпраздновала не в Вормсе, а со смертью Генриха V, скончавшегося в 1125 году, когда прекратилась Салическая (Франконская) династия. Тогда же победил партикуляризм и с ним принцип свободного избрания короля. Вместе с Генрихом сошла в могилу и старая Германская империя. За время полувекового правления его наследников в Германии также обеспечивалась верховная власть папы. Лотарь III (1125–1137) был избран германским королем в присутствии легатов папы и с утверждением папой. В то время как в Англии и Франции центральная власть укреплялась, в Германии происходил обратный процесс. После Вормского конкордата ускорился распад империи на самостоятельные княжества.

Каковы же наиболее глубокие причины, стоявшие за борьбой между папой и императором? Во времена феодальной раздробленности и особенно в условиях натурального хозяйства в сознании людей присутствовал известный элемент интеграции, определенная изначальная мысль о единстве. Империя не могла надежно реализовать требование об интеграции, она оказалась не способной ни политически, ни организационно осуществить это. Первоначальной фазе интеграции лучше соответствовала церковь, располагавшая соответствующей идеологией и организацией. Основой первоначальной фазы интеграции могла служить уже давно ставшая общей для Западной Европы религия — католицизм. Вопрос о «разделении труда» внутри этой кооперации и сотрудничества стал причиной борьбы между папой и императором.

После успешного завершения сражений вокруг инвеституры папы предприняли попытку создать *Respublica Christiana* (Христианскую республику) под верховенством Рима. Христианская мировая империя — в соответствии с представлениями Григория VII и его преемников — должна была

включать в себя все человечество. Ядро ее образовывало объединение христианских народов. А для расширения империи служили завоевательные походы (крестовые) и миссионерская деятельность церкви (через монашеские ордена). Основой единства выступала общая вера, общий духовный вождь, папа. Врагами империи считались те, кто стоит вне вселенской церкви: язычники и еретики. Ключиное движение за реформы и победа в борьбе за инвеституру укрепили властные позиции папства. Внешними атрибутами роста и полноты власти были: имя «папа» и звание Vicarius Christi (Наместник Христа), принадлежавшие только римскому епископу. Интронизация папы была связана с его коронацией (вначале лишь однорядной тиарой). Григорианские священники старались ввести во всей латинской церкви римскую литургию. Центральные распоряжения осуществлялись с помощью посылаемых в провинции папских легатов, облеченных чрезвычайными полномочиями. Папы все более решительно вмешивались в административные дела церкви. Бесчисленные монастырские исключительные права (exemptio) повышали авторитет папы. Архиепископы одну за другой теряли свои привилегии, и папы присваивали их себе. При получении архиепископского паллия иерархи церкви в Риме давали клятву верности папе. Защита Святого Петра постепенно стала означать и установление определенных ленных отношений.

Продолжала совершенствоваться папская курия. В папских буллах начиная с 1100 года вместо прежнего обозначения Ecclesia Romana (Римская церковь) стали употреблять Curia Romana (Римская курия). Курия состояла из двух учреждений: из папской канцелярии, во главе с канцлером-кардиналом, и выделившейся из нее, но действующей еще в ее рамках фискальной палаты (Camera thesauraria), которая занималась хозяйственными делами Святого престола, а затем управляла и Папским государством. Административным центром Папского государства был Латеранский дворец. Территория Папского государства делилась на административные единицы, провинции, во главе которых стоял назначаемый папой ректор. Начиная с XII века учреждения курии развивались ускоренными темпами.

С 1059 года папы уже совещались в первую очередь не с местными соборами, а с кардиналами. Таким образом, папское церковное управление наряду с аппаратом курии могло также опираться и на совещательный орган, объединявший кардиналов (Сенат, а затем Консисторию). В начале XII века прекратил свою деятельность институт кардиналов-субдиаконов (низший кардинальский чин). Внутри кардинальского корпуса также сложилась иерархия, которая подразделялась на три части. Высшими по рангу были 7 субурбиканских кардиналов-епископов (субурбиканскими епископствами назывались епископства, лежащие в непосредственной близости к Риму: Веллетри, Порто, Албано, Сабина, Фраскати, Палестрина, Остия). За ними следовали в те времена 25, а затем — 28 кардиналов-пресвитеров, которые стояли во главе имеющих определенные названия римских церквей. К самой низшей категории кардинальского корпуса относились кардиналы-диаконы, называемые также палатинскими диаконами; они действовали в церковной администрации и в службе милосердия; во главе их стоял архидиакон. Однако развитие папского абсолютизма в XII–XIII веках оттеснило кардинальский корпус на задний план.

Борьба пап против норманнов и римлян (Первая половина XII века)

После завершения борьбы за инвеституру папство стало первой властью в Европе. О своем избрании королями Лотарь III Саксонский и Конрад III Швабский (1138–1152) доложили папе и тем самым как бы получили утверждение, узаконение своей власти. Эта власть нуждалась в поддержке папы.

Несмотря на то что князя избрали королем члена швабской герцогской семьи Конрада Гогенштауфена, наиболее влиятельным герцогом был вовсе не он, а Генрих Вельф, владевший Саксонией, Баварией и Центральной Италией. Отсюда берет начало борьба между Гогенштауфенами и Вельфами за королевскую власть, вновь давшая хороший повод папам для вмешательства. В Италии членов имперской партии называли гибеллинами, а членов папской партии — гвельфами.

В первой половине XII века положение папства как внутри церкви, так и в Европе того времени упрочилось. Авторитет григорианской реформистской церкви, вышедшей победительницей из борьбы за инвеституру, был высок. О духовной победе церкви свидетельствовало то, что Бернар Клервоский со своим духовным оружием господствовал над культурной жизнью почти всей Европы. Это была наиболее клерикальная эпоха средневековья. Светское владение пап, Церковное государство, также сильно увеличилось. Однако усилению внутригосударственной власти в первой половине века препятствовала партийная борьба между крупными аристократическими родами, которая в середине века перешла в демократическое республиканское движение.

В Италии в середине XII века города в результате своего развития (главным образом в Ломбардии) завоевывали все большую самостоятельность в борьбе с феодалами и их епископами; они создавали самоуправление, городские советы. В Риме из-за папы и латифундистской аристократии это движение вначале не имело возможности развиваться; здесь стремление к городскому самоуправлению, будучи деформированным, проявилось в возрождении аристократической партии. Первые руководители этого движения вышли из дворянского чиновничества Папского государства. Во главе противоборствующих аристократических партий стояли Франгепаны и Пьерлеоны. В партийную борьбу были привнесены противоречия, существовавшие во властных отношениях германского императора, норманнского и французского королей, и это привело к длившимся десятилетиями сражениям между папами и антипапами. Конрад III проявил нейтралитет в отношении пап, однако со злорадством наблюдал, как над Римом одерживали верх норманны, римская аристократия, а затем Арнольд Брешианский.

В Южной Италии политическое положение складывалось неблагоприятно для папства. С целью осуществления своих сюзеренных прав папы стремились воспрепятствовать формированию крупного и единого норманнского государства. Однако в начале XII века норманны, опираясь на прочные позиции в Сицилии, приступили к фактическому захвату папских владений в Южной Италии и к созданию своего государства. Поэтому ставленник Франгепанов папа Гонорий II (1124–1130) начал войну против норманнского герцога Рожера II, владевшего Сицилией. В ходе боев папа попал в плен к норманнам, и из-за отсутствия вооруженной силы, а также поддержки со стороны императора он не смог воспрепятствовать созданию единого норманнского государства, опирающегося на Сицилию.

Укреплению норманнского государства в значительной степени способствовало то, что в Риме григорианское папство оказалось во временном кризисе. Город стал ареной новых партийных боев. После смерти Гонория II партия Франгепанов избрала папой Иннокентия II (1130–1143), а другая, противостоящая ей аристократическая партия Пьерлеонов — выходца из своей семьи Анаклета II (1130–1138). Норманны поняли, что из этого раскола они могут извлечь выгоду. В обмен на вооруженную поддержку Анаклет II в Беневентском соглашении сделал герцога Рожера II королем Сицилии, Калабрии и Апулии, а норманнское королевство признало сюзеренные права папы. В то же

время Иннокентий II получил поддержку со стороны германского короля Лотаря III, за что папа в 1133 году короновал его в императоры. Затем в течение десяти лет шла борьба между императором и норманнским королем, в которой североитальянские торговые города принимали участие на стороне папы и императора (так как южные торговые города являлись их конкурентами). В 1137 году скончался поддерживавший папу император Лотарь III, и Роже вновь одержал верх. Иннокентий же попал в плен к норманнам; после смерти антипапы он был вынужден признать норманнское королевство и благодаря этому смог вернуться в Рим.

Для преодоления раскола Иннокентий II в 1139 году созвал II Латеранский (10-й вселенский) собор. На соборе норманны и их ставленник — папа были преданы анафеме, и, таким образом, было восстановлено единство и осуществлен возврат к григорианским идеям. Однако покой был недолгим, Рим вновь и вновь восставал против правления пап.

Во время понтификата ученика Абеяра Целестина II (1143–1144), взошедшего на папский престол после Иннокентия II, возникло так называемое «Предсказание о папах», характеризующее будущих пап одним-двумя предложениями. Согласно преданию, эти предсказания принадлежат некоему Маол-Маодхогу, по другим сведениям — О'Моргайру, архиепископу Армайскому (1129–1148).

Ирландский архиепископ отказался от своего поста и под влиянием своего друга Бернара Клервоского вступил в монашеский орден. Под его именем и увидело свет произведение под названием «*Prophetia de Romanis Pontificibus*» («Предсказание о папах»), содержащее 111 кратких характеристик типа сентенций о будущих папах с 1143 года и до конца света. Согласно этому труду после Целестина II последуют еще 110 пап, и при последнем, Петре II, наступит Страшный суд.

Целестин II в соответствии с каталогом был 166-м папой. Если к этому числу прибавить предсказанное число 110, то всего будет 276 пап. В настоящее время правит 265-й папа.

Поддерживавший тесные отношения с норманнами папа Луций II (1144–1145) был из партии Франгепанов. Во время его понтификата римская аристократия и народ реставрировали республику, вновь избрали Сенат и поставили во главе города консула в звании патриция. Они изгнали папского правителя и объявили город независимым. Папство временно вновь очутилось в условиях, в которых оно пребывало в эпоху раннего средневековья. Папа Луций бежал в Капитолий, спасаясь от Пьерлеонов, напавших на Франгепанов, и был убит брошенным в голову камнем. Цистерцианский монах, ставший папой Евгением III (1145–1153), ученик Бернара Клервоского, бежал от римлян в Витербо и сделал его своей резиденцией. Организованные в XII веке коммуны, объединившись с еретическим движением, освободили большинство итальянских городов от непосредственной власти феодалов. Демократические движения вскоре привели к созданию коммуны и в Риме. Во главе антипапского движения обедневших дворян и горожан встал ученик Абеяра, монах ордена августинцев Арнольд Брешианский, который сочетал идеи городского самоуправления с древними еретическими учениями, требовавшими восстановления первоначальной бедности церкви. Арнольд провозгласил, что церковь должна отказаться от своих владений и политической власти.

Весной 1147 года Евгений III бежал во Францию. Папство предприняло попытку возместить ущерб, нанесенный его авторитету, организовав большой крестовый поход, превосходящий все прежние. Организация и агитация была возложена на самого выдающегося оратора того времени — Бернара Клервоского. Возглавил второй крестовый поход (1147–1149) германский король Конрад III, в нем принимал участие и французский король Людовик VII. Однако военное предприятие,

осуществленное двумя самыми крупными державами Европы той эпохи, окончилось полной неудачей. Войска крестоносцев были разгромлены еще на подступах к Иерусалиму. Неблагодарный папа использовал отсутствие государей для того, чтобы укрепить свое влияние как в империи, так и во Франции.

В 1148 году Евгений III возвратился в Италию и теперь с помощью норманнов попытался завоевать Рим, где власть уже полностью находилась в руках Арнольда Брешианского. Папа проклял Арнольда, но ни оружие норманнов, ни церковное проклятие не привели к успеху. Римская республика воспрепятствовала и тому, чтобы возвратившегося из Святой земли Конрада папа короновал в императоры. Это был первый случай, когда германский король не получил императорскую корону.

Борьба пап с Фридрихом Барбароссой (Вторая половина XII века)

Для оказания нажима на изгнанных Римской республикой пап и с целью оттеснения норманнского королевства, которое становилось все более могущественным на итальянском полуострове, первый настоящий Гогенштауфен, Фридрих I (Барбаросса, или Рыжебородый), вмешался в дальнейшую судьбу папства. Вновь укрепляющаяся имперская власть спасает папу, оказавшегося в стесненном положении, но тем самым инспирирует против себя новую «столетнюю войну».

Борьба пап и императоров из династии Гогенштауфенов представляла собой уже чисто политическую схватку за гегемонию в Европе. За папой стояла духовная власть и ломбардские города, в то время как вокруг императора сплотилась почти вся Германская империя, включая и епископов. Фридриха I в Германии уже поддерживала новая, светски мыслящая, верная императору церковная иерархия, ведущей фигурой которой был рейхсканцлер — граф Дассельский Райнольд, архиепископ Кельна. Целью нового императора было освободить свое государство от опеки со стороны папы и вновь придать ему значение мировой державы, причем папе была уготована роль лишь первого епископа империи.

Гогенштауфены хотели заложить основы своего господства в Италии. Фридрих I обратил свой взор не только на богатые итальянские города, на Ломбардию, Тоскану, его манили переживавшие в то время расцвет Сардиния, Корсика и Сицилия. Свои державные претензии он обосновывал римским правом. Эту эпоху обычно называют эпохой ренессанса римского права. Опираясь на эту юридическую основу, он выступил в защиту государственного суверенитета против папского абсолютизма. Формальное в общем разделение церковных и светских дел давало возможность монархам устранять вмешательство церкви и папы в светские дела. К концу эпохи средневековья, в 1303 году, французский король Филипп Красивый с гордостью подчеркивал, что в качестве судьи он признает над собой лишь Бога.

Консолидация феодальной анархии препятствовала развитию итальянской городской буржуазии, а также ее экономической деятельности. Несмотря на то что раздробленность привела к созданию в XIV веке городов-государств и, таким образом, временно были обеспечены соответствующие рамки для экономического и политического развития, в Италии, однако, тоже проявлялись стремления к большему сплочению и единству. Часть горожан, жаждущих мира и спокойствия, думала, что если император сделает Италию центром своей империи, то это создаст и им благоприятные условия. Такому мнению противостояло более реально мыслящее, но усиливающее партикуляризм направление, которое видело в империи феодального завоевателя. Они понимали, что Фридрих хочет

вновь завоевать Италию, ставшую самостоятельной после завершения борьбы за инвеституру, с тем чтобы укрепить свое положение против Вельфов. Ему нужны были деньги богатых итальянских городов, но по отношению к буржуазии он выступал защитником феодального строя. Сторонники независимости усматривали в городском самоуправлении средство сопротивления. Они нашли неожиданную поддержку у папства, заинтересованного в увековечивании раздробленности. Таким образом, новый этап борьбы между папой и императором в Италии вылился в гражданскую войну между гвельфами и гибеллинами.

Поводом для вмешательства Фридриха в итальянские дела послужил договор, заключенный им с папой Евгением III в 1153 году в Констанце. В нем Барбаросса обязался не заключать мира с норманнами без участия папы, сокрушить Римскую республику и вновь отдать город в руки папы. За это Евгений III не только пообещал ему императорскую корону, но и свою поддержку в борьбе против Вельфов.

В 1154 году взошел на престол первый и до сего времени единственный папа английского происхождения — Адриан IV (1154–1159). (Николай Брейкспир, прежде чем стать кардиналом-епископом Альбано, был настоятелем августинского монастыря под Авиньоном.) В Риме все еще правил Сенат и Арнольд Брешианский. За оскорбление, нанесенное одному из его кардиналов, Адриан наложил на Рим интердикт. Впервые за всю историю в Вечном городе прекратилось отправление богослужений. Глубину кризиса характеризует тот факт, что население, недовольное новым конфликтом между республикой и церковью, изгнало Арнольда и его сторонников из руководства Рима. Однако это событие объяснялось не столько интердиктом, сколько, пожалуй, появлением Фридриха в Италии. В 1154 году Фридрих I перешел через Альпы, чтобы в соответствии с Констанцским соглашением короноваться имперской короной. Однако император с войском пришел в Рим как завоеватель. В течение 1154–1155 годов он завоевал всю Ломбардию за исключением Милана, и в 1155 году в Павии на его голову была возложена ломбардская железная корона.

В июне 1155 года в Сутри произошла личная встреча между Адрианом IV и императором, которая уже обозначила приближение нового конфликта. В Сутри Фридрих отказался исполнить полагающуюся в соответствии с протоколом так называемую шталмейстерскую службу папе, так как усмотрел в этом вассальную подчиненность. В течение двух дней его удалось убедить в том, что начиная с эпохи Каролингов этот обычай не что иное, как пустая формальность. Неприятный инцидент римский Сенат попытался использовать для привлечения на свою сторону короля: Фридриху предложили императорскую корону за 5000 фунтов золота. Однако германский король значительно выше оценивал императорскую власть, освященную церковью, чем корону, полученную от народа Рима. Его войско без сопротивления заняло Вечный город, и в соборе Святого Петра состоялась торжественная церемония императорской коронации. Тем самым Фридрих принял на себя звание защитника папы, в чем действительно нуждался Адриан, против норманнов и римлян.

Однако общность интересов у нового императора и папы проявилась лишь в отношении Арнольда Брешианского и народного движения, против которых они выступали вместе. Арнольда люди императора схватили еще в 1155 году, и по приказу папы он был сожжен, а прах его брошен в Тибр. Против норманнского королевства Фридрих не был склонен выступать, несмотря на настояние папы. Император со своим войском быстро вернулся в Германию, но и папа не мог оставаться в Риме, он

примкнул к уходящему войску.

Разочаровавшись в императоре, папа попытался действовать самостоятельно. Осенью 1155 года войско папы совершило вооруженное нападение на владения норманнского короля Вильгельма. Весной 1156 года Вильгельм уничтожил союзников папы, но Адриан и часть его кардиналов застряли в Беневенто (кстати, считавшемся папским владением). В результате начавшихся переговоров был заключен мир между папой и норманнами. В июньском 1156 года Беневентском конкордате, заключенном на 30 лет, папа признавал норманнское королевство Вильгельма (которое включало в себя наряду с Сицилией также Апулию, Капую, Неаполь, Палермо и Амальфи, практически всю Южную Италию). В то же время норманнский король признал папу своим сюзереном и обязался платить ему налог в размере 1000 золотых. Он гарантировал папские привилегии в церковных делах Сицилии и Южной Италии и, наконец, обещал ему вооруженную защиту против императора и римлян.

Император, естественно, посчитал Беневентский конкордат нарушением Констанцкого соглашения, что давало ему новый повод для завоевания Италии. В 1156 году Адриан IV с помощью норманнов возвратился в Рим. Папа привел в порядок расстроенную администрацию Папского государства и заключил компромисс с населением Рима. Император же, стремившийся к созданию, по существу, абсолютистского бюрократического государства, все решительнее выступал против устремлений папы Адриана, направленных на централизацию церковной власти. Повод для войны предоставил Фридрих Райнольд фон Дассель, когда он «в искаженном виде» изложил папское послание, адресованное в 1157 году безансонскому имперскому собранию. Примененное папой слово «бенефиций» он трактовал в смысле «вассал», в соответствии с чем папа мог бы предъявлять сюзеренные права по отношению к императору и империи. Столкновение между церковным и имперским абсолютизмом стало неизбежным.

Император мог рассчитывать подчинить папу, только словив сопротивление итальянских городов — ведь на итальянской земле после борьбы за инвеституру политическая власть оказалась в руках городов. Города успешно ассимилировали феодалов. Для ликвидации автономии городов Фридрих поставил во главе ломбардских городов имперских префектов, обложил города большими налогами, которые намеревался собирать с помощью оружия. Сопротивление горожан было сломлено Фридрихом во время кампании 1157–1162 годов. Однако насильственный эксперимент по созданию здесь современного чиновничьего государства не сулил большого успеха.

Сразу же после смерти Адриана Фридрих воспользовался случаем, чтобы вызвать смятение в Риме. В результате вмешательства в выборы папы он добился того, что кардиналы разделились на две партии. Большинство кардиналов, выступавших противниками императора, избрало папой под именем Александра III кардинала-канцлера Бандинелли, который оказался непримиримым врагом императора. Меньшинство, составлявшее партию императора, избрало папой под именем Виктора IV (1159–1164) кардинала Монтичелло. Германские епископы признали законным папой Виктора, в то время как большинство церкви стояло на стороне Александра. Вначале военное счастье благоволило императору: в 1162 году он до основания разрушил последний центр сопротивления — Милан; Фридрих завоевал Северную и Центральную Италию. Норманны и не собирались защищать папу. В конце концов Александр III бежал во Францию, где находился три года. Фридрих с помощью своего канцлера интронизировал еще трех антипап (Пасхалия III, Каликста III и Иннокентия III), которые

противостояли Александру III.

Римляне уже после смерти антипапы Виктора IV обратились к Александру III с просьбой возвратиться в Рим. В ноябре 1165 года Александр вернулся в свой престольный город. Однако его покой длился недолго. Фридрих Барбаросса уже осенью 1166 года предпринял новый поход в Италию и летом следующего года захватил и город Льва (Леонину). Александр бежал к норманнам в Беневенто. В Риме прошла торжественная интронизация антипапы, который после этого вновь короновал императора. Теперь войску Фридриха урон причинил не противник, а малярия. Император скрытно, в чужой одежде, бежал через враждебную Северную Италию, через Альпы в Германию.

В то время борьба между папой и императором распространилась уже на всю Италию, страна превратилась в арену сражения между итальянскими городами и германскими завоевателями. Имперское чиновничье государство в Ломбардии было заранее обречено на неудачу, оно потерпело крах, столкнувшись с автономией городов. Господство чужеземцев в соединении с феодальным произволом подняло всю Италию на борьбу с императором. Против налогового пресса имперской системы и насилий чиновников восстали в первую очередь ломбардские города. Эти североитальянские города, возглавляемые Миланом, создали в 1167 году Ломбардскую лигу. Членами лиги в момент ее создания были 16 городов. Так как император угрожал и результатам борьбы за инвеституру, то в лице Александра III он нашел не только своего непримиримого противника, но и ревностного сторонника освободительной борьбы городов. Напрасно император выдвигал антипапу, города держали сторону Александра.

Император в 1176 году организовал новый поход против Ломбардской лиги и папы. 29 мая 1176 года вблизи Милана, под Леньяно, произошло решающее сражение между горожанами и войсками императора. Битва завершилась поражением феодального рыцарского войска; это был первый, но далеко не последний случай в средние века, когда горожане побеждали феодалов. Планы Фридриха, мечтавшего о мировом господстве, оказались опрокинутыми не благодаря сопротивлению папы, а благодаря политическому и военному сопротивлению городов.

Александр III заключил с императором сепаратный мир. В соответствии с мирным договором, подписанным сначала в Ананьи, а через год в Венеции, Фридрих признавал Александра III законным папой, а антипапам и их сторонникам выплатил компенсацию. Александр также добился того, что император отказался от назначения своего префекта в Риме, тем самым и от прав на Патримониум Святого Петра. Папа — за исключением наследства Матильды — вновь получал свои прежние владения. Император признавал вселенскую власть папы, а папа признавал законную власть Фридриха и его наследников. Таким образом, папство во второй раз вышло победителем из борьбы с императором.

Воины императора доставили папу в Рим, где в 1179 году на III Латеранском соборе он торжественно отпраздновал свою победу над антипапами. Первый из 27 принятых на соборе канонов гласил, что в будущем для избрания папы необходимо большинство в две трети голосов от общего количества присутствовавших кардиналов. Этот канон действует и в настоящее время, но устанавливает большинство в две трети плюс один голос. Среди прочих декретов собора важным был декрет о запрещении симонии, конкубината (сожительства), а также накопления церковных благ (*simulatio beneficiorum*). Папские законы, регулировавшие избрание пап, и решения собора на практике не действовали. Об этом свидетельствует тот факт, что от первого, наиболее известного

постановления о порядке избрания пап, декрета 1059 года «In nomine Domini», до 1180 года было наибольшее количество антипап: против 15 считавшихся законными пап боролись 13 антипап.

Тем временем Фридрих I одержал дома победу над своим противником Генрихом Львом и заключил в 1183 году мирное соглашение с ломбардскими городами. Император после Леньяно намеревался заложить фундамент своей власти на полуострове не в Ломбардии, а в Центральной Италии.

Государство папы было охвачено кольцом императорских владений (Сполето, Анкона, Романья, Тоскана), к тому же Южная Италия находилась в руках норманнов, что еще больше изолировало Церковное государство от внешнего мира. Фридрих во времена понтификата бездеятельного папы Луция III (1181–1185) путем династических браков заполучил для своей семьи Сицилию. Фридрих обручил своего сына, будущего Генриха VI, с наследницей сицилийского королевства, Констанцией; бракосочетание состоялось в 1186 году.

Преемники папы Александра III (за 10 лет — 5 пап) были дряхлыми и слабыми и не могли осуществлять политику своих предшественников. Среди них, пожалуй, лишь Климент III (1187–1191) заслуживает упоминания; будучи коренным римским аристократом, он добился того, что город вновь признал главенство папы. Договор между римским Сенатом и папой, заключенный в 1188 году, позволил папам снова занимать престол в Риме. А в соответствии с договором, подписанным с Фридрихом в 1189 году, император подтверждал суверенитет папы над Церковным государством, за исключением наследных земель маркграфини Матильды.

Пока папы и императоры были заняты борьбой между собой и за Сицилию, турки завоевали большую часть Святой земли. В ответ на сокрушительное поражение войск крестоносцев в Палестине в 1187 году по призыву Климента III французский король Филипп, английский престолонаследник герцог Ричард и уже постаревший император Фридрих Барбаросса организовали III крестовый поход (1189–1190). Переживший множество сражений, Фридрих Барбаросса утонул в Малой Азии во время переправы через реку Салеф. С гибелью предводителя была решена и судьба похода.

После этого последнего большого рыцарского крестового похода достаточно серьезных военных походов в Палестину уже не осуществлялось. Значение этих войн не в их продолжительности и не в завоеваниях, а в том, что в результате их христианская культура вошла в соприкосновение с духовной и материальной культурой арабского Востока, и, как позже оказалось, Восток вновь благотворно повлиял на Европу. Крестоносцы, совершавшие походы в Палестину, стали относиться к Востоку скорее с восхищением, чем с враждебностью. Культура и роскошь Византии вызывали у проходивших через нее рыцарских войск чувство изумления и зависти.

После неординарной смерти последнего рыцаря-императора Фридриха Барбароссы на германский престол вступил его сын Генрих VI (1190–1197), которого в 1191 году папа Целестин III (1191–1198) короновал императором. В 1194 году Генрих занял также и сицилийский трон и объединил Сицилию с империей. Таким образом, он стал государем всей Италии, за исключением Папского государства. Генрих переместил центр империи на юг, в Сицилию. Для него Германия приобрела второстепенное значение. Смерть настигла его в молодом возрасте, не дав осуществить задуманный им план создания мировой империи с центром в районе Средиземноморья. Однако тем самым не был решен, а лишь отодвинут почти на два десятилетия вопрос об окончательном сведении счетов между папой и императорской властью, переместившейся в Италию.

Папство на вершине власти: Иннокентий III (1198–1216)

XII и XIII века были вершиной церковно-политической и духовной власти папства. Но высшей точки папская власть достигла в период понтификата Иннокентия III. История церкви однозначно считает Иннокентия III самым выдающимся папой средневековья. Папство достигло вершины власти в результате такого же исторического процесса развития, который в период развитого феодализма привел к укреплению централизованной королевской власти.

Иннокентий III смог стабилизировать свое положение также и потому, что власть императора стала приходить в упадок. В Италии власти императора был фактически положен конец, но его место еще не смогла занять другая феодальная власть. При понтификате Иннокентия III одно время казалось, что мечта Григория VII о мировом господстве папы осуществляется. Примат папства во всех отношениях оказался реализованным; понтификат Иннокентия — действительное подтверждение этого постулата. Он превзошел своих предшественников в области практического осуществления политической власти папства. Как государственный деятель, он оставил далеко позади Григория VII, но вовсе не пользовался славой святого. Своей реалистичной политикой Иннокентий III максимально приблизил к осуществлению идею Григория VII об универсальной теократии.

Вступивший на папский престол в 1198 году Иннокентий III был сыном графа Трайсмундского, отпрыском древнего известного рода Конти (из Ананьи). Он был ученым теологом и юристом. В Париже освоил диалектический метод, а в Болонье получил образование в области римского права. В 1189 году его дядя Климент III возвел 29-летнего графа в сан кардинала. При Целестине III племяннику бывшего папы пришлось покинуть курию. Ему еще не было 38 лет, когда кардиналы в день смерти Целестина III единогласно избрали его папой.

Иннокентий хорошо понимал, что его планы мирового господства смогут осуществиться лишь тогда, когда он станет абсолютным властителем сначала в Риме и в Церковном государстве, а затем и во вселенской церкви. Он исходил из того, что неограниченность свободы церкви — если понимать под этим верховенство папы — зиждется на прочной власти папы над независимым светским государством. Таким образом, создание Папского государства является предварительным условием создания универсальной политической власти, к чему ближе всех в истории папства стоял Иннокентий III.

Прежде всего Иннокентий III реформировал папский двор. Он создал четко работающую, обладающую широким кругозором бюрократическую систему делопроизводства, показав тем самым пример организации современных ему чиновничьих государств. Иннокентия III по праву считают вторым основателем Папского государства. При нем Патримониум Святого Петра стал настоящим государством, абсолютной монархией, где подданные были не кем иным, как чиновниками, и находились под властью единственного монарха, под неограниченной властью папы. Вначале он обеспечил себе твердое положение в Риме. Бывшего в то время городского префекта, представителя императора, он вынудил сложить с себя обязанности главы учреждения, и тот лишь тогда получил обратно свою должность, когда в день коронации папы вручил ему в руки ленную присягу. Иннокентий заставил подать в отставку и сенатора, избранного народом Рима. Вместо него папа назначил послушного сенатора, который также сделал вассальное заявление. Подобным же образом Иннокентий III потребовал вассальной клятвы и от аристократической верхушки Папского государства, чего ему и удалось добиться.

Со смертью Генриха VI в 1197 году рухнуло германское владычество в Италии. Для Иннокентия III это наряду с возвращением провинций, утерянных Церковным государством, означало также возможность территориального расширения своих владений. С успехом используя в этих целях антигерманские чувства итальянцев, Иннокентий восстановил свою власть над Романьей (возвратив себе Равенну), вновь овладел Анконой (Маркой). В результате включения герцогства Сполето (Умбрии) территория Папского государства стала намного компактнее. Иннокентию, наконец, удалось наложить свою руку и на столь долго оспариваемое наследство Матильды. Папа успешно реализовал свои сюзеренные права и в отношении Сицилии и Южной Италии. Влияние его особенно укрепилось при вдовствующей королеве Констанции. Когда в 1198 году королева скончалась, она оставила завещание, согласно которому Иннокентий III стал регентом Сицилии и опекуном малолетнего Фридриха II. Во времена понтификата Иннокентия III папство прочно закрепило за собой наряду с Патримониумом Святого Петра земли Анконы, Сполето и Радикофано (так называемое наследство Матильды). Однако на длительный срок удержать за собой территории Романьи, Болоньи и Пентаполя не смог даже он, хотя и эти территории считались принадлежавшими Церковному государству.

Иннокентий считал себя не только наместником Христа, но и главой христианского мира. Он вмешивался в каждое важное событие своей эпохи, брал на себя роль всемогущего арбитра по сохранению или восстановлению Богом данного строя. Иннокентий III утверждал: во главе каждой отдельной страны стоят короли, но над каждой из них восседает на троне Святой Петр и его наместник — папа, который будучи сюзереном, жалует императорство. Свои устремления такого характера папа легче всего смог реализовать в Германии, где бушевала гражданская война. В 1198 году князья избрали даже двух королей: Филиппа II (Швабского) и Оттона IV (Гогенштауфена). Папа поддержал Оттона, ибо от него получил самые широкие обещания уважать папские привилегии. После убийства Филиппа на арене остался только Оттон, которого папа в 1209 году короновал императором. Но после того как Оттон IV нарушил соглашение, заключенное с папой, Иннокентий в 1210 году отлучил его от церкви. Под влиянием звонких золотых папы князья также низложили Оттона, и его место занял в 1212 году шестнадцатилетний сын Генриха VI, находившийся под опекой папы Фридрих II.

Иннокентий III вмешивался во внутренние дела и других стран. Увенчались успехом его попытки установить ленные связи с Англией. Английский король Иоанн Безземельный, ввязавшийся в бесперспективную войну с французами, для спасения своего трона ждал помощи от папы в борьбе с французами и собственными дворянами. Иннокентий взял на себя эту роль, взамен чего английский король в 1213 году объявил свою страну папским леном и взял на себя обязательство выплачивать налог по 1000 марок в год.

Над распространением ленной власти пап Иннокентий с большим или меньшим успехом трудился повсеместно по всей Европе, но главным образом в Арагоне, Португалии, Дании, Польше, Чехословакии и Венгрии. Иннокентий III не раз вмешивался в борьбу за трон венгерских королей из дома Арпадов. Когда будущий король Андраш II был еще герцогом, папа под угрозой отлучения от церкви обязал его возглавить крестовый поход в Святую землю. Когда король Имре завоевал Сербию, папа поддерживал венгерскую экспансию на Балканах, потому что ожидал от Имре ликвидации тамошних ересей (богомилы [24] и патаренов).

Папа обосновывал свое верховенство над христианской Европой необходимостью концентрации сил христианства для возвращения Святой земли, что было возможно, по его утверждению, осуществить лишь под руководством церкви. Однако IV крестовый поход (1204), инспирированный самым могущественным папой средневековья, был направлен как раз не против язычников, а против отколовшихся христиан. С завоевательных войн постепенно слетала обманчивая идеологическая оболочка. Целью IV крестового похода первоначально было, разумеется, отвоевание Святой земли. Но во времена Иннокентия на передний план вышел также вопрос осуществления унии с греко-восточной церковью. В такой атмосфере нетрудно было обратить войско крестоносцев, стремящихся к грабежу против схизматиков. Закулисной пружиной нового завоевательного авантюрного похода стала Венеция. Богатый торговый город-республика формально еще находился под владичеством Византии. Для Венеции Византия являлась торговым соперником на Средиземном море. Для устранения такого соперника и с целью обеспечения гегемонии Венеции в восточной части Средиземного моря венецианский дож Энрико Дандоло решил повернуть войско крестоносцев, шедшее на Иерусалим, на венгерские города в Далмации (Зара), а затем и против Византии. После длительной осады в 1204 году крестоносцы заняли тысячелетний оплот греческой культуры и в результате трехдневного грабежа и убийств почти полностью уничтожили город. Византийская империя оказалась оттесненной на узкую полосу Малой Азии и зажата между латинскими христианами-рыцарями и турками. Рыцари-грабители создали Латинскую империю, которая на протяжении полувека обеспечивала возможности для систематического ограбления Балкан. Церковь и папа могли быть довольны: новый, латинский, патриарх Константинополя возвратился в лоно католической церкви. А Венеция захватила огромные военные трофеи.

Крестовый поход, направленный против христиан, показал, насколько искаженной в течение века оказалась идея, мотивированная в свое время явно искренними религиозными чувствами. Пожалуй, самым непривлекательным моментом понтификата Иннокентия III следует считать организацию в 1212 году не рыцарями-грабителями, а безумствующими фанатиками крестового похода детей. Это было не чем иным, как крайне жестоким средством избавиться от перенаселенности. Обреченные дети уже по дороге погибали тысячами. Часть детей была погружена на корабли, якобы для перевозки на Святую землю, но организаторы похода отдали их в руки морских пиратов, которые продали их в рабство. Часть устремившегося из Германии в Италию детского войска папе удалось завернуть домой.

Иннокентий III обеспечил папству неограниченную власть в церковной администрации. Это продемонстрировал IV Латеранский вселенский собор (11–30 ноября 1215 года), который стал вершиной и итогом правления Иннокентия. В Латеранский дворец прибыло около 500 епископов, 800 аббатов и представителей государей. Среди участников были также патриархи Иерусалимский и Константинопольский. Совещанием руководил лично сам папа-правовед. Вселенский собор выработал 70 канонов, главным образом о реформе церковной жизни, о вопросах веры, церковного права и церковной дисциплины, о святой мессе и отпущении грехов. Было также принято решение, запрещающее создавать новые монашеские ордена. Принято постановление о борьбе с ересями, распространившимися на Балканах, в Северной Италии и Южной Франции, с богомилами, патаренами, альбигойцами и вальденсами. В 3-м каноне наряду с поддержкой крестовых походов против еретиков были возведены в церковный закон папские распоряжения по созданию

инквизиции. И наконец, собор призвал на борьбу за возвращение Святой земли путем создания союза (унии) между христианами и объявления нового крестового похода.

Борьба против еретиков представляла собой одну из основных задач средневекового папства — ведь они угрожали единству церкви. Еще III Латеранский вселенский собор 1179 года осудил вальденскую и альбигойскую ереси, но крайние меры против них были предприняты лишь при Иннокентии III. Корни средневековых ересей восходят к временам григорианских реформ, когда внутри церкви появились также радикальные ростки движения за реформы, которые были направлены против церковной иерархии. Появившийся в XI веке радикализм еще удавалось успешно подключать к осуществлению программы реформатского папства.

Различные еретические движения приняли массовый характер лишь со второй половины XII века, когда развитие городской буржуазии сделало возможным более решительное выступление против феодалов и церкви. Теперь в ереси, содержание которой изменялось в процессе истории, появился новый элемент: развитие городов, вызвавшее также развитие светских наук, образующих новую питательную почву для более поздних ересей. Руководители еретических сект обычно были выходцами из полуобразованной среды, на них большое влияние оказывал спиритуализм, мистицизм. Они фанатически верили в то, что если они очистят свои души, то непосредственно смогут познать Бога и обрести его милость. Поэтому они не видели необходимости в организованном посредничестве между человеком и Богом — в духовенстве, церкви и в монополизированных ими таинствах, ибо истинно верующий и собственными силами способен получить милость. (Следует отметить, что такие древние западные ереси, как донатизм и пелагианство, возникали по вопросу о милости, благодати, вокруг отношения Бог — человек.)

Таким образом, ереси противопоставили себя учению официальной церкви. Новые течения возникали в рамках феодального общества и были идеологическим отражением буржуазного развития в городах и социальной напряженности в деревне. Поскольку церковь идентифицировалась ими с феодализмом, то социальные движения, боровшиеся с феодализмом, носили и антицерковный характер. Антифеодальные по своему содержанию ереси вылились на Балканах в движение патаренов и богомилов, в Ломбардии — гумилиатов (от лат. *humilis* — униженный, ничтожный, смиренный), а в Южной Франции — катаров и вальденсов. С некоторыми различиями они провозглашали и хотели одного: осуществления совершенной евангелической жизни. Они считали ненужным посредничество церкви для получения божественной благодати, да и сама церковь была им не нужна. Поэтому они ставили под сомнение необходимость существования церковной организации, феодальной церкви, а тем самым и феодального строя. Все чаще в их программах ставился вопрос об изменении общества.

Наиболее значительным массовым движением стало движение катаров, развернувшееся в Южной Франции начиная с 1140-х годов. Источником этого движения была богомильская ересь, окрашенная манихейством, возникшим на Востоке. Эта ересь вначале распространилась на Балканах, отсюда проникла в Южную Францию, а затем в Рейнскую долину, Северную Италию и даже во Фландрию (приверженцев ереси обычно называли альбигойцами, от имени города Альби, который был одним из их центров). Тот факт, что катарская ересь наиболее глубоко проникла в общество в Провансе, подтверждает ее связь с буржуазным развитием общества. Ведь в XII веке Прованс был наиболее цветущей и образованной частью тогдашней Европы. Члены этого движения с 1163 года называли

себя катарями, чистыми. Катары отрицали святые таинства, Святую Троицу, обрекали себя на аскетизм, обязывали членов секты отказываться от брака и от личного имущества. Движение, которое своими истоками восходило к социальной идее раннехристианской церкви, идее бедности, распространялось чрезвычайно быстро. III Латеранский собор (1179) своим 27-м каноном предал анафеме сторонников этой ереси. Всеобщим стало убеждение, что еретиков нужно истреблять огнем и мечом. Папа Иннокентий III объявил против них крестовый поход. Возглавил этот поход, проведенный в период между 1209–1229 годами, граф монфорский Симон, отличавшийся бесчеловечной жестокостью. Несмотря на то что эта истребительная война привела к разгрому Прованса, катары исчезли окончательно лишь в следующем веке.

Вначале независимо от катаров в Южной Франции возникла вальденская ересь. Это было светское движение, возглавляемое богатым лионским торговцем по имени Пьер Вальдо, который раздал свое имущество беднякам и начал проповедовать. Основываясь на Евангелии, он проповедовал апостольскую бедность и призывал следовать за Христом, все более решительно выступая против богатого духовенства. В 1184 году папа Луций III объявил движение Вальдо еретическим. Начиная с этого времени вальденсы все больше смыкались с катарами, они отвергали церковную иерархию, святые таинства, отпущение грехов, десятину, отрицали военную службу, жили строгой нравственной жизнью. После истребления альбигойцев вальденская ересь в XIII веке распространилась почти по всей Европе. Вместо классового строя феодального общества вальденсы осуществляли равноправие в духе раннехристианской церкви. В своих общинах они в качестве единственного закона признавали Библию. Вальденская ересь из городов распространилась и в деревни.

В конце XIII века в Ломбардии возникло движение так называемых гумилиагов, движение наполовину монашеского, наполовину еретико-аскетического характера. Луций III и их объявил еретиками.

Светская власть охотно предложила папской церкви свою вооруженную помощь для расправы с еретиками. Во время понтификата Иннокентия III получило широкое распространение выявление еретиков и осуждение их церковным судом, но с помощью светской власти. В принципе инквизиция всегда существовала в церкви. Первоначально она означала не что иное, как сохранение в чистоте догматов веры и исключение из церкви погрешивших против них. Эта практика была закреплена начиная с XIII века. В связи с тем что в средние века церковь и религия стали общественными факторами, нападки на них расценивались одновременно и как нападки на государство и общественный строй. Правовые и организационные начала средневековой инквизиции были разработаны папой Александром III на соборах 1162 года в Монпелье и 1163 года в Туре и изложены в документе, где было указано, как следует обращаться с еретиками. До средних веков действовал принцип, согласно которому еретиков следовало не истреблять, а убеждать. Начиная с этого времени церковники должны были выступать против еретиков, даже не предъявляя им обвинения в служебном порядке (*ex officio*). Теологи и правоведы разработали принцип о том, что ересь тождественна оскорблению высшей власти (оскорблению величества) и поэтому подлежит наказанию государством. В 1184 году на соборе в Вероне Луций III издал декрет, начинающийся со слов «Ad abolendam», направленный против еретиков. Духовенству вменялось в обязанность не только выдвигать обвинения в ереси в случаях, ставших им известными, но и проводить процесс

расследования (*inquisitio*). Присутствовавший на соборе император Фридрих I возвел церковное проклятие еретикам в имперский закон; тем самым еретики подлежали преследованию и со стороны государства. Светская власть объединилась с церковной инквизицией против общего врага.

Расследование вели церковники, судебные процессы против еретиков организовывала также церковь, но допрос и исполнение приговоров — грязная работа — возлагались на светскую власть.

Впервые в соответствии с кодексом законов от 1197 года короля Арагона Педру II было установлено, что еретиков надлежит сжигать на кострах. А Иннокентий III, подтверждая в 1199 году ранее упомянутый декрет папы Луция, дополнил его словами о том, что ересь в соответствии с римским правом тождественна оскорблению величества и, как таковая, наказуема смертью на костре. Согласно другому объяснению еретика сжигали на костре потому, что первоначально ересь сравнивали с чумой. Ересь — это чума души, смертельный враг истинной веры, и она так же быстро распространяется, как и настоящая чума. Единственным способом остановить чуму и воспрепятствовать дальнейшему заражению считалось сожжение трупов умерших от чумы и принадлежавших им вещей. Поэтому и против ереси это был единственный способ врачевания. В 3-м каноне IV Латеранского вселенского собора постановление Иннокентия было канонизировано, а император Фридрих II в 1224 году сделал его имперским законом.

Папская инквизиция в окончательной форме сложилась в 1200-х годах. При папе Григории IX касающиеся ее законы претерпели дальнейшие изменения, и наконец в 1231 году была издана папская конституция, начинавшаяся словами «*Excommunicamus*». Теперь уже наряду с епископскими инквизициями действовали и папские инквизиторы; проведение инквизиции папа поручил новым нищенствующим орденам. Особенно детально положение об инквизиции было разработано доминиканцами. Развертывание папской инквизиции было ускорено главным образом конституцией Иннокентия IV 1252 года, начинавшейся словами «*Ad extirpande*». В этом документе папа предусмотрел использование при допросах камеры пыток. Создание первого папского суда инквизиции произошло при Николае IV в конце XIII века. Инквизиция была беспощадной. Еретиков — по второе колено — лишали гражданских и политических прав, запрещалось их хоронить, они не имели права на апелляцию и защиту, их имущество подлежало конфискации, а доносивших на них награждали. В этом церковные учреждения действовали сообща со светской властью. В эпоху террора инквизиции, переросшего в массовые преследования, с помощью горевших на площадях городов костров пытались запугать людей и удержать их от любых выступлений против существующего строя.

Возникновение массовых еретических движений отражало также кризис церковного мировоззрения. На помощь пошатнувшемуся авторитету церкви поспешили нищенствующие ордена. Францисканцы (минориты — меньшие братья) и доминиканцы отличались от прежних (монастырских) монашеских орденов тем, что жили не за стенами монастыря и не за счет его владений, ограничиваясь выполнением тихой монастырской работы и совместной молитвой, а взяли на себя задачу публичного обучения и проповеди вне монастырей, существуя на милостыню, собираемую в миру (отсюда и название «нищенствующий орден»). То, что они давали обет бедности, нашло свое выражение также и во внешних атрибутах. Нищенствующие ордена были созданы под воздействием еретических движений (и много переняли у них), но в определенной степени — для их удушения. Высшее духовенство именно поэтому вначале с недоверием наблюдало за ними (этим можно

объяснить то обстоятельство, что на IV Латеранском соборе создание новых орденов было запрещено). Однако папы вскоре поняли, сколь большие возможности таятся в нищенствующих орденах. Облаченные в «еретическую одежду», появлявшиеся в нужных местах, братья могли распространять и защищать среди горожан и бедных масс учение официальной церкви более успешно, чем приспособившиеся к властям богатые монастырские ордена и «белое» духовенство. Средневековая церковь была богатым и влиятельным учреждением, в котором епископские и аббатские звания присваивали представителям феодального дворянства. В то же время важной чертой духовных философских течений являлась идеализация бедности, и наиболее пылким проповедником бедности стал последователь Бернара Клервоского Святой Франциск Ассизский. Жизненным идеалом буржуазных устремлений, противостоящих феодальному обществу, было если и не стремление к бедности, то, несомненно, стремление к простоте, к рационализму. Это проявилось в движениях, проповедовавших бедность: с одной стороны, в еретических движениях, развивавшихся вне церкви; с другой стороны, внутри церкви — в нищенствующих орденах. Франциск Ассизский (1182–1226) был образованным, обладавшим сильными социальными чувствами светским человеком, который ощутил свое призвание в проповеди бедности. Франциск вместе с одиннадцатью своими сподвижниками предстал перед могущественным папой Иннокентием III с просьбой разрешить им проповедь апостолической духовности. Иннокентий III лишь на словах обещал поддержку их устава. (Вероятно, и сам Франциск не хотел создавать орден, подчиняющийся строго определенным правилам.) Развернувший в середине XII века свою деятельность орден миноритов, или францисканцев, занимался пастырской деятельностью, теологическими науками и проповедничеством на понятном для простого народа языке. Устав ордена миноритов (*Ordo Fratres Minorum*), основанного на централистских началах, был утвержден в 1223 году папой Гонорием III.

Борьба против ереси катаров обусловила необходимость создания ордена доминиканцев, или ордена братьев-проповедников. Название позднее объясняли следующим образом: монахи считали себя *Domini canes* — псами Господними. Основателем ордена братьев-проповедников (*Ordo Fratrum Praedicatorum*) был Святой Доминик (около 1170–1221), который был каноником, но, отказавшись от должности, принял обет бедности и посвятил свою жизнь борьбе с еретиками. Иннокентий III еще противился усилению ордена, но следующий папа в 1216 году утвердил его. Теологическая деятельность доминиканцев не в последнюю очередь служила прагматическим целям дискуссии с ересью. Орден разрабатывал для инквизиции не только теологические аргументы, но и хитроумные правовые положения. Папская инквизиция оказалась почти исключительно в руках ордена доминиканцев.

Однако несомненно, что своему расцвету нищенствующие ордена обязаны не только инквизиции и борьбе с еретиками. Нищенствующие монахи были первыми в Европе просветителями: они учили, воспитывали, лечили. Наряду с проводимой ими в народе культурной и социальной деятельностью, что было характерно в первую очередь для францисканцев, мы находим их во главе европейских университетов и учебных кафедр (главным образом доминиканцев).

Под воздействием двух крупных нищенствующих орденов монашество переживало новый ренессанс. Один рыцарь-крестоносец образовал нищенствующий орден кармелитов, который в 1226 году был утвержден папой. Орден сервитов образовался в 1233 году во Флоренции как светское

общество. В 1255 году папа Александр IV утвердил их статус, но лишь с XV века этот орден стал нищенствующим.

Расцветом в XIII веке монашеских орденов и развитием городов объясняется и возникновение средневековых университетов. Самым известным был Парижский университет, устав и автономия которого в 1213 году были признаны Иннокентием III. Вторым по значимости был университет в Болонье, в котором в первую очередь давалось юридическое образование. Наиболее известным преподавателем был камальдульский монах [25] Грациан, которого рассматривают как создателя церковно-правовой науки. Грациан (ум. 1179) был автором сборника канонического права, оказавшего большое влияние на развитие церковного права. Этот сборник под названием «Concordantia discordantium canonum», вероятно, вышел в свет около 1140 года и был усовершенствован трудами выдающихся правоведов церкви на папском престоле, таких, как Александр III, Иннокентий III и Григорий IX.

С «романской» эпохой (X–XIII вв.) связан также расцвет рыцарской культуры. Самая прекрасная рыцарская поэзия возникла в долине Луары и Гаронны. Наиболее значительной фигурой провансальской поэзии трубадуров был герцог Аквитанский Вильгельм IX. Наиболее выдающимися представителями так называемой поэзии миннезингеров («песни восторженной любви») в Германии были Вальтер фон дер Фогельвайде, Вольфрам фон Эшенбах («Парсифаль») и Готтфрид Страсбургский (автор «Тристана и Изольды»).

Но если идеалом рыцарской эпохи был герой с крестом на плаще, то в XIII веке обращения папы, призывающего к крестовому походу, встречались уже с полным безразличием. Широкие проекты IV Латеранского собора не принесли ожидаемых результатов в этой области. Венгерский король Андраш II, французский король Людовик IX, а затем Фридрих II еще возглавили крестовые походы, но без особых успехов. Андраш II принял участие в крестовом походе в Палестину, возглавив войско численностью 15 000 человек. На время своего отсутствия он отдал страну под защиту папы, а управление возложил на архиепископа Эстергомского. Войско было переправлено венецианцами по морю; Андраш в качестве платы за это отказался в их пользу от города Зары. Венгерский крестовый поход в начале 1218 года закончился без результатов.

Последний акт борьбы между папой и императором (Первая половина XIII века)

Наиболее трудной задачей преемников Иннокентия III было осуществление универсальной политической власти пап в борьбе с властью императора Фридриха II, достигшей в это время подъема. Фридрих II (1212–1250) рос под опекой Иннокентия III (Фридрих был внуком Фридриха Барбароссы, наследником Сицилийского королевства и Германо-римской империи). В 1212 году Фридрих был избран германским королем. В следующем году скончался Иннокентий III, и Фридрих II вновь начал войну за Италию. В связи с тем что ему принадлежала Сицилия, которая в то время представляла собой хорошо организованное, богатое светское королевство, его шансы на победу были велики. Он окружил папство с севера и юга. Однако в Германии Фридрих не обладал фактической властью. В Сицилии к XIII веку сложилось развитое хозяйство и торговля. Центром южноитальянского чиновничьего государства была Сицилия, опираясь на которую Фридрих II, последний из средневековых императоров, вновь попытался претворить в жизнь мечту о мировом господстве. Фридрих почти не выезжал из милой его сердцу Сицилии, и Германия представлялась ему далекой и холодной провинцией. Последний император из рода Гогенштауфенов обустроил свой

палермский двор на восточный манер, с восточным комфортом.

Вначале папство проявило уступчивость по отношению к честолюбивым планам Фридриха II. Гонорий III (1216–1227) вступил на папский престол, будучи старым и немощным человеком. Он даже не пытался проявить силу по отношению к юному императору. Таким образом, Фридрих беспрепятственно смог объединить материнское наследство, Сицилийское королевство, с унаследованным от отца Германским королевством. Папу Гонория в гораздо большей степени волновали внутренние дела и ставшие уже навязчивой идеей усилия по организации крестового похода. Гонорий III узаконил образование новых нищенствующих орденов, а с целью организации крестового похода любой ценой искал согласия с Фридрихом. Папа обусловил и коронацию Фридриха в императоры тем, что тот осуществит освобождение Святой земли. Получив в 1220 году корону императора, Фридрих II даже и не подумал заняться крестовым походом, а приступил к укреплению собственных позиций в Италии.

К политике Иннокентия III возвратился его племянник, папа Григорий IX (1227–1241), который стал таким же непримиримым противником Фридриха II, каким в свое время был Александр III по отношению к Фридриху Барбароссе. Иннокентий в 1206 году сделал своего племянника епископом-кардиналом Остии и Веллетри. В момент избрания папой Григорием IX было уже 80 лет. Однако престарелый папа еще 14 лет стоял во главе церкви. Он скончался в возрасте 94 лет; с тех пор он является «чемпионом» по возрасту в каталоге пап. Увеличение числа пожилых иерархов было связано не только с постепенным ростом средней продолжительности жизни, но и с противоречиями политического характера внутри курии: престарелый папа, по всей вероятности, не мог рассчитывать на продолжительный понтификат, таким образом, это рассматривалось как приемлемый компромисс. Однако Григорий IX «сыграл шутку» над кардиналами. Опираясь на нищенствующие ордена, он хотел осуществить идеи Григория VII. Тесная дружба связывала его со Святым Франциском Ассизским и с орденом миноритов. А в 1227 году, не считаясь с протестами «белого» духовенства, папа предоставил доминиканцам привилегию проповедовать повсеместно. Свои властные требования он подкрепил и правовыми аргументами. Связанный с его именем сборник канонов (*Liber Extra*) вплоть до *Corpus Juris Canonici* 1918 года представлял собой ядро церковных законов. Столкновение папы, возвратившегося к концепции великих предшественников, с императором было закономерным и неизбежным явлением. Когда Фридрих II начал, по мнению папы, саботировать и откладывать крестовый поход, то он был в 1227 году отлучен от церкви. Обещанный крестовый поход Фридрих II все же в конце концов осуществил в 1228–1229 годах. Это был довольно странный поход: Фридрих скорее с помощью дипломатических ухищрений добился того, что в 1229 году крестоносцы смогли войти в Иерусалим. Странная гримаса истории: христианский император — освободитель Святой земли был отлучен от церкви. Поэтому патриарх Иерусалима подверг интердикту и саму Святую землю (ведь в соответствии с канонами то место, где находится монарх, преданный анафеме, также подпадает под интердикт).

Во время похода выяснилось, почему папа столь настойчиво требовал отъезда Фридриха из Италии: как только Фридрих оставил Сицилию, папа собрал войско, вторгся на территорию Неаполя и вновь заключил союз с Ломбардской лигой против императора. Однако Фридрих внезапно появился в Италии и с помощью хорошо организованной армии выбил оттуда папские войска, а затем одержал победу над ломбардскими союзниками папы. Папа был вынужден признать власть Фридриха II в

Италии, а император гарантировал суверенитет Папского государства. Но ни одна сторона не соблюдала условий договора. Фридрих стремился восстановить верховенство своих предшественников над Римом, а папа Григорий снова и снова с успехом раздувал среди немецких князей и феодалов недовольство Фридрихом, который находился то в Палермо, то в Неаполе. Из-за нового вторжения войска Фридриха II в Папское государство Григорий IX в 1239 году повторно отлучил императора от церкви. Это положило начало последнему столкновению между папами и Гогенштауфенами. В ответ на анафему Фридрих занял все Папское государство. Григорий IX решил привлечь императора, совершившего на него нападение, к суду вселенского собора. Однако император силой задержал и заключил в тюрьму иерархов, пытавшихся попасть на заседание вселенского Латеранского собора, проведение которого было назначено на Пасху 1241 года. Папа оказался бессильным, и ему пришлось отказаться от проведения собора.

В то время как два руководителя христианского мира тратили энергию на взаимную борьбу, христианская Восточная Европа стала добычей татарских орд. Венгерский король Бела IV ни от императора, ни от папы не получал ничего иного, кроме слов ободрения, хотя оба претендовали на вмешательство в дела Венгрии. Григорий IX использовал любую возможность, чтобы способствовать независимости духовенства в Венгрии для противопоставления его власти короля. Королевский декрет, изданный в 1231 году, о продлении действия Золотой буллы 1222 года означал победу церковников над мирянами. Декрет наряду с мерами, предусматривающими защиту церковных владений, отдавал в руки церкви значительную часть правосудия, которое прежде принадлежало государству. Источники противоречий между государством (королем) и церковью носили также экономический характер: находившиеся под защитой короля мусульманские и еврейские купцы — в первую очередь благодаря получению королевской монополии на торговлю солью — играли важную роль в обеспечении экономических и финансовых источников королевской власти. В то же время церковь, расширяя по всей Европе, в том числе и в Венгрии, финансовую и торговую деятельность, стремилась устранить своего опасного конкурента.

В решении спора в пользу церкви основную роль сыграл папа. Григорий IX направил папским легатом в Венгрию с целью обратить в христианскую веру мусульман и евреев Пренестейского епископа Якоба. Поскольку король Андраш II не был склонен к дальнейшим уступкам, папа Григорий IX в 1232 году наложил на Венгрию церковный запрет (интердикт), который ввел в действие 25 февраля 1232 года Эстергомский архиепископ Роберт. Весьма опасный для королевской власти шаг вынудил Андраша отступить. В так называемом Береговском соглашении от 20 августа 1233 года, которое король был вынужден заключить с папским легатом, церковь освобождалась от контроля государства, более того, в определенной степени государство даже подчинялось церкви. Так, наряду с укреплением своих привилегий в области правосудия, духовенство освобождалось от уплаты налогов в государственную казну; евреям и мусульманам запрещалось служить в общественных учреждениях, осуществлять хозяйственную деятельность, их обязывали также носить различительный знак. Место конкурентов, чья деятельность стала невозможной, заняли представители церкви: торговля солью полностью стала их монополией. «Береговское соглашение» показывает, что влияние папы и власть церкви в Венгрии во времена Андраша II были таковы, что страна в определенной степени попала в зависимое положение от папы.

Венгерский король Бела IV, находясь в Загребе, известил папу Григория IX о разрушениях,

причиненных татарами, о поражении в битве под Мухом. Престарелый папа оплакал Венгрию, сравнил борьбу с татарами с крестовыми походами в Святой земле и через доминиканцев призвал немецкие земли к крестовому походу. Однако конкретной помощи Беле IV он не предоставил, ибо папство было занято борьбой с Фридрихом II. После татарского нашествия в споре между Белой IV и Фридрихом II о ленных отношениях папа принял сторону Бела. (После битвы под Мухом Бела все же принес присягу Фридриху в том, что станет его вассалом, если Фридрих окажет ему помощь войском. Но так как эта помощь не была оказана, то Бела обратился к папе с просьбой отменить вассальную присягу.)

При избрании преемника Григория IX впервые в истории папства был применен так называемый конклав (от лат. *cum clave* — запертые на ключ). В 1241 году коллегия кардиналов сократилась в общей сложности до 12 человек, двое из них были у императора в плену, присутствовавшие 10 кардиналов разделились на две партии, одна — проимператорская, а вторая — антиимператорская, партия курии. Вследствие этого ни одна сторона не могла обеспечить своему кандидату необходимое большинство в две трети. Поскольку выборы затягивались, кардиналы были заперты в одну из комнат Латеранского дворца, чтобы таким образом ускорить решение. Лишь под воздействием грубых угроз была достигнута договоренность об избрании престарелого кардинала-епископа Сабины, который под именем Целестина IV продержался на престоле Святого Петра всего две недели.

Кардиналы, чтобы избежать насилия со стороны римлян, собрались на новые выборы в Ананьи. Лишь через два года, в июле 1243 года, произошло избрание гентуэзского кардинала Синибальда Фиески, гибеллина по убеждениям; папой он стал под именем Иннокентия IV.

Однако Иннокентий IV (1243–1254) принес разочарование императорской партии, ибо, став папой, он продолжил политику Иннокентия III и Григория IX. В 1244 году, спасаясь от императора, он неожиданно бежал во Францию. В 1245 году в Лионе он созвал новый вселенский собор. Папа жил в лионском монастыре Сент-Жюст, а заседания собора проводил в лионском кафедральном соборе. Основным вопросом, которым занимался собор, был суд над императором, закончившийся 17 июля 1245 года преданием Фридриха II анафеме и лишением его престола. Довольно плохо посещаемый собор принял еще 22 решения: например, о переговорах с восточной церковью по вопросу о воссоединении, об организации крестового похода против татар. (В качестве интересной детали можно отметить, что в соответствии с решением собора папа получил право дарить новым кардиналам шляпу красного цвета.)

После закрытия Лионского собора папа призвал всех своих союзников на борьбу против императора. В 1246 году в Германии в противовес Фридриху были избраны один за другим два антикороля. И в Италии вспыхнули новые столкновения между гвельфами и гибеллинами. Фридриху все же удалось сохранить трон, но в 1250 году перед решающей битвой он неожиданно скончался. Архиепископ Палермский совершил в Апулии отпущение грехов отлученному от церкви императору, лежавшему на смертном одре.

После смерти Фридриха II позиции папы вновь укрепились. Основной целью возвратившегося в 1251 году в Италию папы было полное вытеснение германского влияния из Южной Италии. После смерти императора Фридриха Германия и Италия оказались на самой низкой точке феодальной анархии. Значение политической власти императора и внутри империи постепенно фактически было

сведено на нет; в Италии германское владычество рухнуло. Италия и папа стали независимыми от германского влияния; власть перешла частично к папе, частично к создаваемым городам-государствам и, наконец, в руки королей Сицилии и Неаполя.

Последний император из династии Гогенштауфенов Конрад IV умер в 1254 году во время итальянского похода. Немцы не признали королем его малолетнего сына. В период с 1254 по 1273 год, во времена "великого междуцарствия", в империи не было признанного главы, короли и антикороли сражались друг с другом. Империя распалась на почти полностью самостоятельные земли, императорская власть оказалась уничтоженной. В распаде Германо-римской империи важную роль сыграла папская политика. Папы использовали авторитет церкви для того, чтобы в интересах ослабления императорской власти усилить партикуляристские устремления. Все это было связано с политической концепцией, направленной на то, чтобы воспрепятствовать объединению Италии, осуществляемому императором, ибо политически единая Италия подорвала бы основы власти папства, самостоятельности Церковного государства. С падением Гогенштауфенов в Южной и Центральной Италии прекратилось германское влияние, однако эта последняя победа папства явилась пирровой победой. Место одного-единственного императора, выступавшего против папы, занял теперь целый ряд феодальных государств, и среди них наиболее могущественное — Франция. В этих государствах в течение XIV века сложились сословия и укрепилась сословная монархия.

Внимание пап и в конце XIII века было обращено на страны, лежащие за пределами Италии. Рим оказывал серьезную поддержку восточным завоеваниям Немецкого рыцарского ордена, осевшего в Пруссии. В то же время отчасти в результате распрей между рыцарскими орденами тамплиеров и иоаннитов, а в первую очередь в результате освободительной борьбы балканских народов византийский император, заключивший союз с Генуей против Венеции, в 1261 году восстановил свою власть на территории Латинской империи. Внутри церкви папы на стороне нищенствующих орденов вмешивались в дискуссии — в первую очередь в Парижском университете — о понятии "бедность". За различием взглядов стоял антагонизм между богатым высшим духовенством и нищенствующими орденами.

В Южной Италии из борьбы за наследство Гогенштауфенов победителем вышел один из членов французской королевской семьи, провансальский граф Карл Анжуйский. В 1266 году он стал королем Сицилии и Неаполя. Заполучить трон ему удалось при поддержке папы Климента IV (1265-1268), который сам был из Прованса. Под тем предлогом, что папа является главным сюзереном Сицилии, он подарил Анжуйской династии Сицилию и Южную Италию. Карл был сыном французского короля Людовика VIII и братом Людовика IX (Святого), с 1246 года он - граф Анжуйский и Мена, а после того как женился на провансальской графине Беатрис, получил во владение также и богатое графство Прованс. Будучи избран благодаря Святому престолу, Карл Анжуйский в 1265 году как "защитник церкви" стал королем Сицилии. В 1266 году папа в Латеранском соборе возвел Карла Анжуйского в королевское достоинство. Таким образом было создано королевство Анжуйское обеих Сицилии, которое включало в себя, помимо Сицилии, также всю Южную Италию. Отсюда берет начало французский период истории папства.

Ход истории не смогло изменить и то обстоятельство, что подросший сын Конрада IV Конрадин в 1267 году вступил в Италию, чтобы отвоевать владения своих предков. Карл Анжуйский, который организовал в Сицилии абсолютистское правление по французскому образцу, в 1268 году разбил

войско Конрадина. Последний Гогенштауфен был обезглавлен в Неаполе. Падение Гогенштауфенов не улучшило положения пап: призыв Анжуйских и их вмешательство в политическую жизнь Италии означали для пап появление еще более опасного врага, чем были Гогенштауфены. Анжуйская династия явно хотела повернуть высшее руководство церкви в сторону Франции. Так, например, они создали в коллегии кардиналов свою партию.

Несмотря на то что папы, казалось бы, победоносно завершили столетнюю борьбу с Гогенштауфенами, эта победа оказалась призрачной. Авторитет пап был подорван еретическими движениями, а в XIII веке против них повернулась и наука. Папство, не имея возможности опереться на империю, попало под власть новой ведущей европейской державы - Франции, ставшей централизованной сословной монархией.

Путь пап в Авиньон (Вторая половина XIII века)

В связи с упрочением в Южной Италии господства династии Анжу исчезла опасность того, что германские императоры вновь предпримут попытки объединить Италию. Целью же Карла Анжуйского, взошедшего на престол в качестве вассала папы, было создание средиземноморской империи путем завоевания Балкан и византийской империи и присоединения к ним владений в Южной Франции, Сицилии и Неаполя. Это, в свою очередь, могло бы привести к политическому объединению Италии, что априори входило в противоречие с интересами пап. Поэтому вторая половина XIII века была заполнена борьбой между династией Анжу и папами.

После смерти папы Климента IV более двух лет папы не было, ибо партия сторонников императора в курии и Анжуйская партия не могли достичь согласия. 29 ноября 1268 года в Витербо собрались 10 итальянских и 7 французских кардиналов для избрания папы. В течение полтора лет они так и не смогли договориться о новом папе, ни один кандидат не смог получить необходимого большинства в две трети голосов. Тогда вмешался испанский король Филипп III (который выступал в качестве покровителя папства в борьбе с императором): по его приказу комендант города Витербо запер кардиналов в том помещении, где проходили выборы, и снабжал их лишь самым необходимым питанием. Королевское вмешательство оказало воздействие, и 1 сентября 1271 года они избрали нового папу. Однако избранный кардинал-диакон из Льежа Тебальдо Висконти на выборах не присутствовал, как раз в это время он возвращался из паломничества в Палестину. Избранный папа стал Григорием X (1271–1276), программа которого предусматривала укрепление церковной дисциплины, осуществление унии с греками и освобождение Святой земли.

Папская программа получила благословение на II Лионском вселенском соборе, состоявшемся в мае 1274 года. В соборе приняло участие около 500 епископов и 1000 прелатов, кроме того, на нем присутствовали также представители Византийского императора. На соборе состоялось заключение унии между восточной и западной церквями: греки приняли филиокве [26] и примат папы. Уния, однако, осталась лишь на бумаге, ибо за ней стояли не церковные, а лишь чисто политические интересы. Византийский император, заключая унию, надеялся на то, что папство и латинское христианство окажут ему вооруженную помощь в борьбе с турками. Само духовенство и верующие греко-восточной церкви решительно отклонили даже мысль об унии, ибо это был не компромисс равноправных сторон, а полное подчинение Риму. Вселенский собор постановил в течение шести лет расходовать церковную десятину только на цели нового крестового похода.

7 июля 1274 года Григорий X своим декретом «Ubi periculum» ввел положение об избрании папы на

конклаве, утвержденное позднее II Лионским вселенским собором. Это должно было воспрепятствовать слишком продолжительным выборам пап, а также исключить при этом гласность. В декрете предписывалось также, что кардиналы после трехдневного траура должны немедленно собраться на конклав, туда, где скончался предшествующий папа. Вновь подтверждалось, что для действительного избрания необходимо большинство в две трети. Однако еще длительное время при избрании папы не придерживались правила о полной изоляции кардиналов-выборщиков от внешнего мира.

На Лионском соборе присутствовали также послы нового германского короля Рудольфа Габсбурга (1273–1291). Анархия в Германии, в которой до этого времени был заинтересован папа, надоела самому Святому престолу. Папа заставил князей избрать нового короля; так на германский королевский трон попал швейцарский граф, обладавший скромными владениями. За действиями папы скрывалось намерение создать противовес уже реальным угрозам со стороны Анжу и в еще большей степени — великой французской державе. К этому времени Карл Анжуйский распространил свою власть почти на весь итальянский полуостров, в том числе и на Тоскану. Поскольку после пап французского происхождения папой был избран итальянец (Григорий X происходил из итальянской семьи Висконти), курия предприняла усилия по восстановлению Германской империи, чтобы освободиться от влияния Анжу.

Папа подтвердил королевские права Рудольфа, но Габсбург вовсе не хотел играть ту роль, которая была предназначена ему папой: он не стал защитником папы от французов, Рудольфа Габсбурга не интересовал Рим, не прельщало императорство (в 1274 году он отказался и от императорских прав над Римом). Он позволил папе вновь овладеть Романьей, а в Ломбардии и Тоскане дал возможность одержать верх князьям — сторонникам папы. Габсбурги основывали свою власть уже не на владениях в Италии, а на собственных фамильных владениях. Они понимали, что титул императора и короля, которому подчиняются князья, стал пустой формальностью, королевская власть простирается лишь до пределов, ограниченных собственными владениями короля. Поэтому Рудольф хотел господствовать не над князьями, а вместо них: то есть отвоевать у них как можно больше владений или как-то приобрести их. Ни в планах Габсбургов, ни в планах последовавших за ними чешского, а затем люксембургского королевского домов не фигурировала идея о вселенской светской державе, существующей рядом с папством. Папство после столетней борьбы с Гогенштауфенами оказалось еще на век во власти династических устремлений Анжу и французской короны.

После Григория X последовали папы, роль которых была незначительна. В 1276 году всего лишь полгода правивший Иннокентий V был первым доминиканцем на папском престоле. Тусколумский кардинал-епископ Педро Джулиани назвал себя Иоанном XXI (1276–1277), хотя в каталоге пап никто не фигурировал под именем Иоанна XX. Вождем оппозиции ему в коллегии кардиналов был кардинал Орсини. Иоанна XXI постиг несчастный конец: 20 мая 1277 года обрушившийся потолок в папском дворце схоронил его под собой. При последовавшем за ним папе из рода Орсини, получившем имя Николая III (1277–1280), власть захватила в свои руки возглавляемая им римская аристократическая партия. Папа издал декрет, согласно которому в будущем сенаторами Рима могут становиться лишь римские граждане (то есть аристократы, пользующиеся правами граждан Рима). Этот титул не мог быть пожалован королям, чужеземным князьям. Благодаря договору,

заключенному с Рудольфом Габсбургом, Папское государство расширилось за счет новых городов Романьи. Папа вмешивался в дискуссии среди францисканцев о трактовке понятия бедности. В 1279 году в послании, начинавшемся словами «Exiit qui seminat», он осудил чрезмерные требования миноритов, проповедников абсолютной бедности.

В избрании папы Мартина IV (1281–1285) участвовало всего семь кардиналов. При нем был положен конец унии с греческой церковью, о которой столь торжественно говорилось раньше. (Мартин также ошибочно называл себя IV, ибо под этим именем до него лишь один Мартин был папой. Фигурирующие в каталоге двое пап по имени Марин были ошибочно прочитаны как Мартин.) Мартин IV был верным прислужником Карла Анжуйского; он не осознавал того, какие опасности таятся во французской гегемонии. Когда планы честолюбивого Карла оказались разрушенными в результате «сицилийской вечерни» (31 марта 1282 года население Сицилии взбунтовалось против засилья анжуйских властей и перебило французских чиновников. Эту массовую резню называли «сицилийской вечерней»), папа помог спасти французское господство в Неаполе.

Таким образом, папство упустило подходящий момент для приобретения Сицилии. При последующих папах ситуацию в Южной Италии по-прежнему осложняла возобновившаяся борьба между партиями, представляющими римскую аристократию и богатых горожан, во главе которых в то время находились соперничающие между собой роды Орсини и Колонна. В лице вступившего на престол в 1288 году Николая IV (1288–1292) преемником Святого Петра впервые стал францисканский монах (генерал ордена). Николай IV был папой из рода Колоннов и на папском престоле оставался монахом-миноритом. В качестве папы он активно помогал ордену в его миссионерской деятельности, вначале на Балканах, а затем и в Азии, в Китае. Власть коллегии кардиналов продолжала укрепляться благодаря тому, что половина доходов римских церквей отчислялась коллегии. Однако при понтификате Николая IV пали последние крепости, находившиеся в руках христиан в Палестине и Сирии: в 1289 году — Триполи, а в 1291 году — Акка. Рыцари-иоанниты в 1310 году отступили под ударами турок на Родос.

Поступавшие с Востока плохие известия побудили папу к дипломатической деятельности. Однако теперь уже кредит доверия папы иссяк. Папские доходы (десятина и прочие налоги, собираемые под предлогом крестовых походов) оказались израсходованными на борьбу за Сицилию, а также на политические цели пап в отношении Византии и, не в последнюю очередь, для приобретения Венгрии. В Венгрии папы после королей из вымирающей династии Арпадов поддерживали притязания на трон Анжуйского дома. На венгерский трон претендовали сын неаполитанского короля Карла II Анжуйского, Карл Мартелл, а также последний король из династии Арпадов Андраш III; папы поддерживали Карла Мартелла.

В условиях неразберихи в Италии король Арагона взял на себя инициативу и, ссылаясь на родственные связи с Гогенштауфенами, в 1296 году завоевал Сицилию. Тем самым власть Анжу ограничилась только Апеннинским полуостровом, и центром их королевства стал Неаполь. В этой ситуации Италия, Рим, да и само церковное руководство раскололись на две партии. Партия Орсини выступала в поддержку папы и, верная политике гвельфов, требовала объединения Сицилии и Неаполя, она поддерживала Анжу, но при соблюдении суверенных прав папы. Партия же императора во главе с Колонна, проводила политику гибеллинов, выступала сторонницей Арагонской династии против Анжу.

После смерти Николая IV почти два года длилась вакансия папского престола (*sede vacante*). Ни одна партия собравшихся в Перудже кардиналов не могла получить необходимого большинства в две трети голосов. На церковь, обремененную политическими противоречиями, все сильнее давили мистические и апокалипсические ожидания, охватившие буквально все слои общества. Мистицизм и движение за бедность, нашедшее выражение в еретических движениях, а позднее в нищенствующих орденах, достигли и папского престола. Общество после папы-дипломата и папы-юриста ожидало от ангельского папы разрешения кризиса в церкви и в миру.

Глава кардиналов, сторонников анжуйской партии, Орсини летом 1294 года подбросил в конклаве мысль о том, что святой отшельник Пьетро дель Мурроне, являясь аполитичной личностью, станет идеальным компромиссным решением вопроса. В то же время каждая из обеих партий надеялась на то, что именно ей удастся держать в руках монаха-отшельника. Чтобы склонить к этой авантюрной идее отшельника, жившего в полном одиночестве среди известняков в Аbruцких горах, его посетили Карл II Анжуйский и сын его Карл Мартелл. В конце концов вопрос был решен в результате соглашения, достигнутого между королем, кардиналом-деканом и отшельником. Пьетро дель Мурроне под именем Целестина V был возведен на папский престол (1294). Однако из-за отсутствия общественных и политических знаний он оказался совершенно неспособным выполнять свою роль — ведь он располагал лишь минимальным теологическим образованием. После избрания его папой выяснилось, что папа, резиденция которого находилась на неаполитанской территории (в Аквиле, а затем в Неаполе), стал безвольной фигурой в руках Анжу. Наиболее важным итогом его папства, даже важнее той неразберихи, которая возникла в управлении церковью, явилось то, что по совету короля Анжуйского в коллегию кардиналов было введено 12 новых кардиналов, среди которых было семь французов, четверо из Нижней Италии, а также отшельник, с которым Пьетро дель Мурроне находился вместе в Аbruцках. Таким образом, в коллегии кардиналов образовалась французская партия большинства.

Престарелый отшельник все больше приходил в ужас от навалившихся на него трудностей и от огромности необдуманно взятой на себя задачи. Опасаясь за свое духовное спасение, он принял решение добровольно отказаться от почетного сана. Весьма вероятно, что на эту мысль навел простого и наивного человека хитроумный кардинал Бенедетто Каэтани. Когда Целестин принял решение добровольно отказаться от сана, кардиналу Каэтани уже было нетрудно подыскать необходимую формулу канонического права. Таким образом, святой папа 10 декабря 1294 года официально объявил о своей отставке, облачился в свою одежду отшельника и, счастливый, поспешил возвратиться в горы.

Собравшись в рождественские дни 1294 года, кардиналы подавляющим большинством избрали папой главного советника ушедшего в отставку папы — кардинала Каэтани, взявшего имя Бонифация VIII (1294–1303). Новый папа своим избранием был обязан неаполитанской партии, партии Орсини, и во время всего своего понтификата ему пришлось вести непрерывную борьбу с Колонна и их сторонниками. Бонифаций VIII был ярко выраженным папой-правоведом, абсолютной противоположностью своего предшественника.

В конце XIII — начале XIV века независимости пап угрожали в первую очередь уже не неаполитанские Анжу, а ставшая ведущей великой державой на континенте Франция. Последним значительным папой, боровшимся против французской гегемонии, и одновременно последним

представителем григорианского папства был Бонифаций VIII. Бонифаций VIII был иерархом, созданным для власти, но он проявил себя сухим, холодным и бесчеловечным высшим пастырем. Безмерно он любил две вещи: деньги и своих родственников. Понтификат Бонифация предвораля собой уже последующую эпоху пап, при которых получили свое развитие куриальное финансовое хозяйство и nepoтизм [27]. После вступления на престол Бонифаций VIII в 1295 году сделал своего племянника Франческо Каэтани кардиналом. Формированию такого явления, как nepoтизм, в первую очередь способствовала не родственная любовь, а простые политические и экономические причины. Ведь папство, не являясь наследственной монархией, не располагало, как светские правящие династии, общностью связей, базирующихся также и на относительно широкой, родственной основе. В то же время папе, как единовластному правителю, также были нужны надежные сотрудники как в сфере управления церковью, так и в сфере управления Папским государством. В связи с тем что руководство административными органами все чаще попадало в руки кардиналов, каждый папа старался укрепить коллегия кардиналов своими доверенными людьми. Естественно, что вступивший на престол папа набирал своих сотрудников из кровных родственников. Так случалось, и уже довольно рано, что кардиналами становились племянник или племянники (nepoты) папы, с последующим включением их в органы управления церкви (кардинал- nepoт, личный секретарь). Таким образом, папа подкреплял свою семью с помощью огромного состояния и политического влияния. Это было одной из форм создания династии, где первейшей задачей было не обеспечение преемственности, а приумножение имущества семьи. В результате распространения nepoтизма кардиналы, назначенные бывшим папой, после его смерти создавали в коллегии кардиналов партия под руководством nepoты, с тем чтобы из своей среды избрать нового папу. Противостоящая же им сторона, сплотившись вокруг более раннего nepoты, выдвигала собственного кандидата. В зависимости от соотношения сил обеих партий обычно происходило компромиссное избрание. Редко удавалось, чтобы сторонники партии скончавшегося папы одерживали победу в конклаве. Поэтому историю папства вообще-то характеризует то, что следующие друг за другом папы являлись противоположностями друг другу в идейном и политическом, а часто и в чисто человеческом отношении. Так на длительный отрезок времени происходило нивелирование противоречий.

Другим спутником nepoтизма было формирование так называемых династий поставщиков пап, которые в Италии, и в том числе в Папском государстве, вели борьбу друг с другом за политическую власть. Новый папа Бонифаций VIII вначале привел в порядок расстроенные дела Святого престола. Он навел жесткий и строгий порядок и на ключевые посты посадил членов семьи Каэтани. Тем самым он сделал своими смертельными врагами другую, обладавшую огромным влиянием аристократическую семью — Колонна. Распря дошла до того, что папа в 1297 году отлучил двух кардиналов, Пьетро Колонна и Джакомо Колонна, от церкви с конфискацией их имущества.

Оба кардинала нашли убежище от папы и поддержку во Франции. История с семейством Колонна была лишь предлогом для столкновения между папой и французским королем Филиппом IV Красивым (1285–1314). Действительной же причиной было противостояние французской монархии папскому абсолютизму. Прославившийся своей красотой, Филипп IV был первым действительно галликанским правителем. Филипп создал абсолютистскую монархию, в которой государственные интересы преобладали надо всем. Филиппу IV удалось подчинить себе не только региональную

власть светских феодалов, но и французскую церковь: он сам принимал решения об обложении налогами духовенства, сам назначал епископов и накладывал руку на доходы, получаемые от незаполненных вакансий. Когда Филипп конфисковал для войны с англичанами церковную десятину (вопреки запрету IV Латеранского собора по этому вопросу), папа Бонифаций VIII, побуждаемый клиром, выступил с протестом против незаконного налогообложения церкви. В 1296 году Бонифаций в булле «Clericos laicos» запретил гражданским чиновникам под угрозой отлучения собирать военный налог с духовенства. Однако Филипп Красивый уже не утерпел вмешательства в управление делами своей страны. В ответ на действия папы он запретил вывоз из Франции благородных металлов (денег), что, в свою очередь, чувствительно отразилось на доходах папы, ибо сделало невозможным деятельность папских сборщиков налогов. Папа был вынужден отступить.

Бонифаций VIII с большим успехом вмешивался в дела Венгрии. После смерти последнего короля из дома Арпадов (1301) папа по-прежнему поддерживал притязания неаполитанского Анжу на венгерский трон. Когда венгерские сословия избрали королем чеха Венцеля (1301–1305), а не сына Карла Мартелла — Карла Роберта, Бонифаций VIII наложил интердикт на Венгрию. Но в конце концов победителем в борьбе за трон вышел Карл Роберт Анжуйский (1308–1342). 31 мая 1303 года Бонифаций VIII на открытом заседании совета кардиналов (консистории) провозгласил Карла Роберта законным правителем Венгрии. В 1307 году папа для укрепления трона Карла Роберта направил легатом в Венгрию кардинала Гентилиса. Папа и по отношению к Альбрехту Австрийскому (1293–1308) смог реализовать папские прерогативы над имперской церковью и в обмен на это признал Альбрехта законным германским королем.

Бонифаций стремился восстановить авторитет папства и в Италии. Однако воспоминания об ангельском папе трудно было предать забвению. Бонифаций настолько боялся памяти о Пьетро дель Мурроне, что отдал приказ разыскать отшельника и доставить его в Рим. Но Пьетро предпочел бежать и скрылся в лесах Апулии, где жил в условиях, полных приключений, затем он попытался по морю перебраться в другую страну. Однако в конце концов он попал в руки папы, который велел заключить своего отказавшегося от престола предшественника в мощную крепость Фумоне. Вскоре смерть освободила отшельника со столь несчастливой судьбой от выпавших на его долю испытаний.

Возвышению авторитета папы и увеличению его доходов, получаемых от паломников, способствовал впервые провозглашенный папой в 1300 году Святой год. Святой год, начало которому было положено изданием буллы «Antiquorum habet fide» (22 февраля 1300 года), привлек в Рим огромное число паломников, которые получили полное отпущение грехов. Другой целью Святого года было стремление заключить движение флагеллантов (самобичующихся) и другие анархические движения пилигримов в соответствующие церковные рамки, дисциплинировать их. Тем самым были сделаны попытки лишить их социального содержания. Бонифаций VIII постановил отмечать Святой год каждые сто лет — с началом нового века. Позже празднование юбилейных (святых) годов он постановил отмечать через более короткие сроки, чтобы увеличить количество юбилеев и чтобы каждое поколение могло участвовать в церковных торжествах.

Бонифаций VIII поднял величие папского двора также и тем, что вызвал в Рим выдающегося живописца периода треченто [28] — Джотто; кроме того, создал римский университет Сапиенца, который, однако, был закрыт в авиньонский период. И наконец, Бонифаций, будучи церковным правоведом, создал нечто вечное: в 1298 году он дополнил кодекс законов Григория IX так

называемым сборником законов «Liber sextus».

В самом начале XIV века вновь обострился спор между папой и французским королем. Бонифаций в противовес экономической и политической власти французского короля — подобно Григорию VII — выдвинул идейные обоснования власти и авторитета церкви. На созванном в Латеранском дворце соборе 18 ноября 1302 года он обнародовал в присутствии высших иерархов широко известную буллу «Unam Sanctam». В булле папа, опираясь на теологические и юридические аргументы, обосновал теорию о неограниченной папской власти, а единство между папой и церковью выдвинул в качестве догмата. «Настоятельное слово нашей веры побуждает нас верить в единую, святую, католическую и в то же время апостолическую церковь и придерживаться этой веры; и мы твердо верим в это и признаем, что вне этого нет Спасения, нет покаяния...» — говорится в булле. Затем следует определение церкви как мистического тела Христа и формулировка принципа «одна овчарня — один пастырь». «Но слова Евангелия учат нас и тому, что внутри этой церкви и в ее владении имеется два меча: меч духовной власти и меч светской власти. Ибо когда апостолы говорят: «Вот, здесь два меча» (Лук. 22:38) — то есть в церкви, — то на эти слова апостолов Господь не сказал, что много, а сказал им: довольно. И наверняка тот, кто отрицает, что во власти Петра находится и светский меч, неправильно трактует следующие слова Господа: «Вложи меч в ножны» (Ин. 18:11). Следовательно, оба меча — и духовный и материальный — находятся во власти церкви. Но вот последний нужно применять в защиту церкви, а первым владеет сама церковь; то есть духовным владеют священники, а материальным — короли и, конечно, воины, но лишь тогда, когда священники это одобряют или разрешают; ибо второй меч должен быть под первым, и светская власть должна подчиняться духовной власти. Ибо таким образом Апостол возглашает: «Нет власти не от Бога, существующие же власти от Бога установлены» (Рим. 13:1)... Ибо истина свидетельствует о том, что духовная власть имеет право надзирать за порядком мирской власти, и если она не окажется хорошей, то духовная власть должна вершить суд над мирской. Здесь находит свое подтверждение пророчество Иеремии о церкви и о церковной власти: «И вот, Я поставил тебя ныне укрепленным городом и железным столбом...» и т. д. (Иер. 1:18). Если, следовательно, мирская власть вступит на неверный путь, то судить ее будет духовная власть; если духовная власть, стоящая на низшей ступени (попадает на неверный путь. — Авт.), то суд над ней вершит ее вышестоящая власть; но если согрешит высшая духовная власть, то в отношении ее вершить суд может уже только Бог, а не человек, ибо и Апостол приводит следующее доказательство: «Но духовный судит о всем, а о нем судить никто не может» (1-е Кор. 2:15)...» Заключительные слова буллы гласили: «Мы торжественно заявляем, утверждаем и провозглашаем, что подчинение римскому папе есть для каждого человеческого существа обязательно необходимое условие его Спасения».

Булла «Unam Sanctam» — квинтэссенция папского абсолютизма и непосредственно была направлена против французского короля Филиппа. Согласно Бонифацию и у папы, и у короля есть мечи, но король свой меч получает благодаря папе, и он может им владеть, благословляемый церковью и ради церкви. Власть папы подобна солнцу, в то время как королевская власть подобна луне, которая получает свой свет от солнца. Булла стала общеизвестна и в заключительном предложении, взятом у Фомы Аквинского, провозглашала, что человек может лишь в том случае обрести Спасение, если он признает власть папы. «Вне папской церкви нет Спасения» — этот принцип стал новым убедительным формулированием примата папы.

Французский король вопреки точке зрения папы подчеркнул, что королевская власть исходит непосредственно от Бога и не признает над собой никакой другой власти, кроме Бога. Филипп перешел в контрнаступление и решил призвать папу на вселенский собор. В ответ на это Бонифаций готовился предать короля анафеме. За день до назначенного оглашения проклятия (8 сентября 1303 года) канцлер короля Филиппа — Гильом Ногаре с помощью римских аристократов, возглавляемых Счиаррой Колонна, совершили нападение на папу, который в это время находился в своем родном городе Ананья. Произошла короткая, но кровавая вооруженная стычка с окружением папы в его дворце, в ходе которой погиб викарий архиепископа Эстергомского Гергей, находившийся в то время в составе венгерского посольства при папском дворе. Ногаре захватил папу и, как утверждают, избил пожилого человека. Однако римляне, возглавляемые Орсини, освободили папу из французского плена, после чего Бонифаций проклял покушавшихся и их короля. Он торжественно въехал в Рим, где через несколько недель — по мнению одних, в результате пережитых волнений, а по мнению других, будучи отравлен своими врагами — скончался. (Исторические романы выдвигают версию, согласно которой Бонифаций не смог перенести оскорблений и после покушения сошел с ума. Он умер с помраченным рассудком, изрыгая ругательства и не приняв причастия. Из-за этого Бонифация на начавшемся против него во Франции суде посмертно обвинили в ереси.)

Из схватки французской монархии и папства победителем вышел король, будто заранее предначертан путь прогресса. Наиболее значительный, выдающийся учитель католической церкви, систематизатор учений о папском абсолютизме потерпел тяжелое политическое поражение. Эта политическая неудача положила конец великодержавным устремлениям григорианского папства. Папы последующих столетий осуществляли примат уже с помощью других средств.

В политическом отношении Бонифаций VIII действительно потерпел поражение от французского короля, но идеи папы продолжали искушать. Король Филипп предпринимал попытки по их развенчанию. Так, через несколько лет после смерти Бонифация, в 1306 году, он заставил начать процесс по канонизации Пьетро дель Мурроне. Затем в 1313 году был причислен к лику святых авиньонский папа Целестин V, а против Бонифация VIII задним числом начат судебный процесс. (Согласно обвинению, Бонифаций якобы приказал убить в тюрьме Пьетро дель Мурроне.) Но и таким образом оказалось нелегко очернить память о великом противнике. Гибеллин Данте, который по политическим мотивам также ненавидел Бонифация VIII, в «Божественной комедии» изобразил этого папу в главе «Ад», песнь 19, в числе наказанных за симонию.

Данте Алигьери (1265–1321) и его «Божественная комедия» выступают межевым знаком между средневековьем и новым временем. Будучи человеком эпохи перелома, он стремился к синтезу, универсализму. Развивавшийся готический стиль достигал этого своими соборами с рвущимися вверх, в небо куполами; внешнее противопоставлялось внутреннему, земное — небесному. На этой двойственности основывались и великие систематизации. В поэзии — Данте, а в философии — Святой Фома Аквинский (1225–1274) с помощью разума хотели установить мост между Небом и Землей, между знанием и верой. (Такой же синтезирующий универсализм проявляется и у папы Бонифация VIII.)

Наиболее выдающимся философом христианского средневековья, основателем схоластики был Фома Аквинский. Фома Аквинский происходил из графской семьи. В Неаполе, где началась его учеба в школе, он вступил в доминиканский орден. Дальнейшее образование он продолжил в Париже

и Кельне. Его учителем был один из первых зачинателей научно-естественного образования, Альберт Великий, немец по происхождению. Папа вызвал Фому Аквинского из Парижа в Рим, где тот находился при папском дворе около десяти лет, затем с 1268 по 1272 год вновь занимался преподавательской деятельностью в Парижском университете. Наиболее значительными трудами Фомы Аквинского являются комментарии к произведениям Аристотеля, «Сумма против язычников» и состоящая из трех томов «Сумма теологии», в которой Фома Аквинский дает синтез христианской религии и философии. В 1274 году во время следования на II Лионский собор его настигла смерть. (Согласно историческим сплетням, и его отравил Карл Анжуйский.)

Именно тогда западный мир — при посредничестве арабов, через Авиценну, Аверроэса — познакомился с Аристотелем. Благодаря этому оказалось возможным возвыситься над августинизмом, основанным на философии Платона. Систематизаторские, логические способности Фомы отшлифовывались в процессе чтения им Аристотеля. В конечном счете Фоме Аквинскому в истории церкви отведена такая же роль, какую в свое время играл Августин. Святой Августин, находясь на рубеже между древностью и средневековьем, в едином всеобъемлющем синтезе обосновал завершение прошедшего античного периода и сформулировал новое, средневековое христианское мировоззрение. Фома Аквинский в свою очередь подводит итог средневековью и создает возможность для развития идей новой эпохи. Не случайно на его идеях будет основываться современный католицизм XIX–XX веков.

Фома Аквинский рассматривал объективные законы природы как имманентное проявление божественного провидения. Божественная благодать не разрушает естественные законы, равно как не разрушает и законы общества, политики. Тем самым становится возможным рассматривать политику как явление, развивающееся по собственным законам. Политическая, социальная общность у Фомы Аквинского представляет собой органичное единство, внутренней движущей силой которого является государственная власть. Эта власть ставит все на службу имманентной цели, на службу общества (*bonum commune*). У Фомы Аквинского в каждом органичном общественном строе каждый член имеет свое специальное, но органичное место и свою функцию. В равной степени это относится к аристократу, горожанину, королю и крестьянину. Эта концепция формулирует один из основных постулатов сословности. Осуществляющие государственную власть приходят к власти по поручению народа. В этом уже можно обнаружить зачатки народовластия. В конечном счете каждую государственную форму можно считать хорошей, если она соответствует *bonum commune*, но Фома Аквинский приходит к выводу, что божественным законам больше всего соответствует монархический строй. Таким образом, философская система томизма воспринимается как теоретическая проекция *Respublica Christiana* (Христианской республики).

Томизм пытался преодолеть несомненный кризис церковного мировоззрения, стараясь согласовать новые научные достижения с основными теологическими истинами. Томизм хотел осовременить религию, подчеркивая первичность разума, опыта по отношению к мистическому, стараясь подтвердить существование Бога с помощью логических аргументов. Широкомасштабный эксперимент, направленный на объединение веры и знания, действительно помог отодвинуть кризис церковного мировоззрения, но не смог окончательно ликвидировать его.

В начале XIV века, в период средневековья и распада феодального общества, переехавшие в Авиньон папы потеряли ставшее анахроническим политическое верховенство, но сохранили примат

во внутрицерковных делах и во внешних делах общества. Для обеспечения строя была создана инквизиция, а монашеские ордена превратились в средство церковного абсолютистского правления, и, наконец, схоластика послужила идейному обоснованию церковного универсализма.

Путь пап от Авиньона до Констанца. Папство в период позднего Средневековья (XIV–XV века) В связи с разложением средневекового общества папству пришлось отказаться от политического и идеологического универсализма над христианским миром. В рамках развивавшихся сословных монархий родился носитель национальной идеи — буржуазия, экономическое развитие которой дало о себе знать во всем обществе, а также в сфере идеологии и общественного сознания.

На заре новой эпохи папство, находившееся в подчинении у французской политики, также обуржуазивается. Григорианское папство реализовывало внутрицерковный абсолютизм путем подчинения себе светской власти. Авиньонские же папы 1305–1377 годов соединили идею папства-чиновника с папством-банкиром. Источником их светской власти станет не политическая, а экономико-финансовая деятельность, которая не знает ни государственных, ни даже идейно-идеологических границ, ни тем паче религиозно-моральных препон.

После Авиньона, означавшего не плен, а защиту, папство, вовсе не желающее порвать с эпохой средневековья, теряет свой универсальный характер и внутри церкви, более того — свою абсолютную власть. Папа как церковный монарх вынужден действовать в соответствии с законами сословного общества, подобно светским правителям. Возможность временно осуществить внутрицерковную сословность предоставил Великий западный церковный раскол, когда в духе конциляризма, возникшего из соединения народовластия и принципа сословности, собрание вселенской церкви было поставлено над папой.

Авиньонские папы на службе французского короля

После смерти Бонифация VIII в Риме вновь вспыхнула борьба между семействами Орсини и Колонна. Новый папа Бенедикт XI (1303–1304), бывший до восшествия на престол доминиканским монахом, не смог сохранить равновесие в условиях борьбы различных интересов. Он снял с Филиппа IV анафему и окончательно примкнул к Франции. Римляне, по всей вероятности, были не в восторге от нового поворота и, подстрекаемые Орсини, изгнали папу, который перенес свою резиденцию в Перуджу.

В то время как светская власть папства приходила в упадок, сан пап, его внешние атрибуты стали еще более значительными, чем прежде. Бонифация VIII в свое время — в соответствии с теорией о двух мечях — короновали уже двойной короной. В 1305 году первого авиньонского папу, Климента V, впервые короновали тройной короной, то есть тиарой. Каждый папа заказывал себе новую корону, а мог — и несколько. Тиара не стала предметом культа. Когда папа служил мессу, он возлагал на голову не тиару, а митру. Ведь он служил мессу как епископ Рима.

Значение тиары согласно одной из ходовых версий:

- первая корона — *Ecclesia militans* (воинствующая земная церковь),
- вторая корона — *Ecclesia purgans* (кающаяся церковь),
- третья корона — *Ecclesia triumphans* (торжествующая, небесная церковь).

Целиком же тиара символизирует церковь, над которой властвует папа.

Согласно другой трактовке, до открытия Америки тиара символизировала мировое господство папы над тремя континентами — Европой, Азией и Африкой.

Оказаться в «вавилонском плену» принудил пап не Филипп IV (как интерпретировала часть современников семидесятилетнее пребывание римских пап в Авиньоне). Как раз наоборот, папство само нашло себе приют под охранительным крылом французской великой державы, чтобы под ее защитой еще больше укрепить свою абсолютистскую верховную власть внутри церкви.

В 1305 году по желанию французского короля папой был избран кардинал, архиепископ Бордоский, взявший имя Климента V (1305–1314). Он происходил из мелкодворянской гасконской семьи. Новый папа, сославшись на анархию, царившую в Церковном государстве и в Риме, отклонил просьбу кардиналов приехать в Рим для интронизации. Он предпочел пригласить кардиналов в Лион. Папа Климент V так никогда и не увидел Италию; с 1309 года он окончательно переместил папскую курию в Авиньон. Авиньон в то время представлял собой небольшой город на реке Рона на юге Франции, в котором находилась резиденция местного епископа. Вместе с графством Авиньон он относился к владениям Германо-римской империи, переданным императором в лен неаполитанскому королю. Но так как неаполитанский король одновременно был и вассалом папы, то, таким образом, Авиньон оказался подходящим местом для папской курии, ибо формально он не был частью французского королевства.

Климент V, будучи по характеру ипохондрик и беспредельным nepотистом, открыто и однозначно стал на сторону французского короля, полностью привязав политически папство к французскому двору. В соответствии с этим и в коллегии кардиналов он обеспечил французское преимущество. В 1305 году папа назначил десять новых кардиналов, девять из которых были французами, а четверо из них приходились ему племянниками! В 1306 году он реабилитировал также двух отлученных и изгнанных Бонифацием VIII кардиналов из семейства Колонна, восстановив их в прежних должностях. Первого авиньонского папу не особенно интересовала низвергнутая в анархию Италия. Климент V назначил неаполитанского короля Роберта, внука Карла I Анжуйского, наместником Италии и Церковного государства, тем самым присвоив себе также часть прав, принадлежавших императору. Пожалуй, именно в то время отесненная на территорию Неаполя династия Анжу была наиболее близка к тому, чтобы объединить Италию под своей юрисдикцией.

Климент V устраивал французов не только потому, что окончательно перенес свою резиденцию в Авиньон, но и тем, что он в соответствии с желанием Филиппа урегулировал также конфликт, обострившийся во времена Бонифация VIII. Он полностью отменил буллу «Clericos laicos» и на десять лет передал королю церковную десятину. Он не выступил с возражениями и по поводу того, что Филипп Красивый конфисковал в королевскую казну доходы от вакантных бенефиций. За реабилитацией Колонна последовал процесс против Бонифация VIII. Филипп IV настоял на том, что скончавшегося папу задним числом обвинили в ереси и убийстве. Климент V не смог, да и не захотел воспрепятствовать возбуждению этого судебного процесса, разрушающего также авторитет папства. Однако большинство кардиналов не было склонно поддерживать процесс, так что король не достиг своей цели. Удалось лишь на основании папской буллы «Rex glorie», изданной в 1311 году, реабилитировать канцлера Ногаре и других соучастников покушения на Бонифация VIII (следовательно, и их поручителя-короля).

Неблаговидную помощь оказал папа Климент V Филиппу Красивому в уничтожении рыцарского ордена тамплиеров. В 1307 году по приказу короля французские рыцари-тамплиеры были

арестованы и заключены в тюрьму, а их руководителей заточили в тюрьму крепости Тампль, которую когда-то построили сами тамплиеры. Инквизиционный процесс, длившийся почти семь лет, сопровождался пытками и допросами. По настоянию короля папа Климент V призвал и других государей распустить рыцарский орден тамплиеров.

Почему же все-таки была проведена акция против тамплиеров? Центром ордена, после того как рыцари оказались вытесненными со Святой земли, с 1291 года стал Кипр, а затем с 1310 года — Франция, точнее, Париж. Между тем орден благодаря банковским операциям и торговой деятельности приобрел огромные богатства; тамплиеры были кредиторами номер один королей и пап. В то же время они умело конспирировали свою банковскую сеть. На Востоке они, очевидно, переняли определенные культовые ритуалы, обряды посвящений, не характерные для христианских религий. (Позже эти обряды ожили в тайных ритуалах франкмасонских лож.) Орден приобрел не только финансовое, но и политическое влияние. Он успешно противостоял абсолютистской власти Филиппа IV. Вот почему король стремился заполучить в свои руки имущество рыцарей, а также ликвидировать их политическое влияние.

В 1307 году тамплиеры предстали перед инквизицией по обвинению в богохульстве, ереси и разврате (содомия и гомосексуализм). Законы того времени рассматривали гомосексуализм наказуемым деянием. Однако обвинения, по всей вероятности, не были в достаточной степени обоснованы, в еще меньшей степени инквизиция могла располагать доказательствами вины. Инквизиция бросила в тюрьмы около 15 000 французских рыцарей-тамплиеров и значительную часть из них уничтожила. Для уничтожения тамплиеров светская власть нуждалась в помощи со стороны папы. Именно поэтому Климент V созвал в октябре 1311 года Вьеннский вселенский собор. Собор, подчинившись вооруженной силе французского короля, объявил в марте 1312 года о роспуске рыцарского ордена тамплиеров, а обвинения признал обоснованными. В булле «*Vox clamantis*», в которой сообщалось о принятом решении, папа передавал имущество ордена рыцарскому ордену иоаннитов. Однако на самом деле имущество поделили между собой французский король и герцоги.

После церковного осуждения уже не существовало никаких препятствий для казни иерархической верхушки тамплиеров. 18 марта 1314 года в Париже были сожжены на костре гроссмейстер ордена Жак де Молэ и его ближайшие сподвижники. Эта трагедия, красочно описанная Дрюоном, еще долго лежала тяжким грузом на папстве. Возшедший на костер гроссмейстер проклял папу Климента, короля Филиппа и канцлера Ногаре, заявив, что все они будут призваны на суд Божий. Еще до конца 1314 года все трое действительно последовали за своими жертвами в могилу.

Изменение направления крестовых походов и начало турецких завоеваний в бассейне Средиземноморья привело к изменению также и положения рыцарских орденов, расселившихся на Святой земле. Среди них лишь иоанниты продолжали вооруженную борьбу против турок, но и они, обосновавшись в 1291 году на Кипре, были вынуждены после падения его осесть на острове Родос; постепенно рыцарский орден иоаннитов превратился в средиземноморскую державу. Когда в 1530 году турки захватили Родос, рыцари отступили на Мальту. (Здесь позднее они фигурировали под именем Мальтийского рыцарского ордена. Во время занятия острова французами Наполеон распустил орден. Впоследствии папа Лев XIII восстановил Мальтийский рыцарский орден.)

Венгерский король Андраш II разместил вытесненный со Святой земли Немецкий рыцарский орден

в Барцашаге. Но когда рыцари выступили против короля, Андраш изгнал их из страны.

Начиная с 1235 года они постепенно завоевывали Пруссию и оттуда повели завоевательные походы против русских и польских земель. Католический Немецкий рыцарский орден стремился завоевать поляков-католиков; религиозные цели здесь явно отступили перед немецкими завоевательными устремлениями. В 1525 году гроссмейстер Альберт Бранденбургский сложил свой сан и стал протестантом. Он создал из Пруссии самостоятельное княжество. В 1801 году в соответствии с Люневильским мирным договором имущество ордена было секуляризовано. Начиная с того времени гроссмейстером всегда становился австрийский эрцгерцог. В 1834 году Габсбурги преобразовали орден и переместили его центр в Вену.

Бесславный Вьеннский собор призвал временно помирившихся между собой французского и английского королей начать новый крестовый поход. Для целей похода папа предоставил в их распоряжение церковную десятину сроком на шесть лет. Из похода, естественно, ничего не получилось. На соборе значительное место заняла так называемая дискуссия о бедности, развернувшаяся со всей остротой внутри францисканского ордена и становившаяся все более острой; эта дискуссия постепенно распространилась на всю церковь. Собор выступил против невероятных требований миноритов и в вопросе о следовании бедности предложил избрать средний путь.

Вселенские соборы в Западной Европе в XII–XIII веках, следовавшие один за другим, созывались самим папой; эти соборы обычно вел лично папа. С точки зрения их теологического и канонического значения по своему уровню они оказались намного ниже восточных соборов античного периода. На западных соборах обсуждались второстепенные вопросы церковно-политического характера и вопросы управления церковью; на их деятельность наложил свою печать папский абсолютизм. Они выполняли лишь роль консультативного органа и являлись орудиями пап в борьбе против императоров и королей. Хотя открыто это и не было высказано, но фактически и однозначно до Вьеннского собора включительно действовал сформулированный Григорием VII в его «Диктате» принцип, согласно которому папа стоит над собором.

Переезд папства в Авиньон и односторонняя политическая зависимость от французского короля привели и к изменению отношений между Святым престолом и Германо-римской империей. В первом десятилетии XIV века экспансия Габсбургов в Италии провалилась из-за развернувшейся борьбы швейцарских кантонов за свободу. Когда в 1308 году был убит Альбрехт Габсбург, Филипп Красивый ждал от Климента V, что тот в борьбе за императорскую корону поддержит кандидата французского короля Карла Валуа, выступавшего против германских притязаний. Однако германские князья в 1308 году избрали германским королем члена люксембургской графской семьи Генриха, в связи с чем на протяжении последующего столетия императорскую корону наследовали члены семьи люксембургских графов. Основной базой люксембургских королей были Чехия и Силезия; кроме того, Сигизмунд заполучил и венгерский трон. Против них выступила другая, соперничавшая династия — Виттельсбахи, одному из представителей которой, Людвигу Баварскому, в середине XIV века удалось короноваться императором.

Однако пока одержали верх люксембургцы. Генрих VII (1308–1313) осенью 1310 года прибыл в Рим, чтобы там короноваться в императоры. Гибеллины во главе с Данте в несущем мир императоре видели создателя единой Италии. По их мнению, императорская власть полностью независима от папы и исходит непосредственно от Бога. По-видимому, Генрих не разделял эту точку зрения, ибо в

1312 году в Латеранском соборе его короновали в императоры трое кардиналов, делегированных папой. После этого император повернул оружие против неаполитанских Анжу, но тогда папа однозначно занял сторону Анжу. Конец конфликту положила смерть императора.

После смерти Климента V выборы нового папы затянулись более чем на два года. Кардиналов, собравшихся в 1314 году на конклав для избрания папы, терроризировали nepоты Климента и вооруженные люди короля. Кардиналы, чтобы не участвовать в выборах, в буквальном смысле слова бежали с конклава. В это самое время при правлении «проклятых королей», вступивших на престол после Филиппа Красивого (его детей: Людовика X и Филиппа V, или Длинного), центральная государственная власть зашаталась. Вследствие этого обострились политические противоречия среди кардиналов. Но в конце концов Филипп V, будучи еще наследником престола, заставил кардиналов избрать нового папу.

Как приукрашенно об этом написано в исторических романах, Филипп хитростью заманил кардиналов на конклав и запер их там. В годовщину смерти Людовика X в церкви лионского Якобинского монастыря была проведена траурная месса. На церемонию прибыло 23 кардинала, и люди регента замуровали ворота церкви. Затем через небольшое отверстие выпускали лишь лиц, не имеющих отношения к конклаву. Среди оставшихся на конклаве 23 кардиналов было 15 французов, разделившихся на две партии: гасконскую, возглавляемую nepотами Климента V, и противостоящую ей провансальскую. Среди остальных 8 кардиналов было 7 итальянцев и 1 испанец. Пятеро из них были сторонниками кардинала Каэтани, в то время как им противостояли два кардинала из рода Колонна и один кардинал Орсини (причем они ненавидели друг друга). Французы и испанцы равным образом хотели избрать папу из числа своих сторонников, но ни одна сторона не могла добиться нужного большинства в две трети. В конце концов удалось достичь компромисса благодаря новой хитрости. Достигший к тому времени семидесяти двух лет кардинал Жак Дюэз уже давно — тратя на это невероятные суммы денег — добивался того, чтобы попасть на папский престол. Теперь, как он считал, его час пробил. На заседаниях конклава он притворялся все более больным и дряхлым. Через своего слугу он распространил слух о том, что он при смерти и, будучи прикован к «больничной кровати», почти не принимает пищи. Кардиналы, основываясь на прежнем опыте, посчитали, что, избрав папой престарелого кардинала, они достигнут компромисса, ведь после его избрания они освободятся от конклава, а папский престол через некоторое время вновь окажется пустым. Такой расчет во многих случаях оправдывался, однако на сей раз они основательно просчитались. Прибывший на последний тур голосования на носилках, Дюэз был избран папой; он принял свое избрание, назвав себя Иоанном XXII. К великому изумлению участвовавших в голосовании кардиналов, он тут же бойко встал с носилок и быстро подошел к окну, чтобы подать знак страже об окончании конклава. И к великой досаде кардиналов, Иоанн XXII восседал на папском троне еще 18 лет!

Папа Иоанн XXII был сыном сапожного мастера из города Кагора; он обладал блестящими юридическими и теологическими знаниями, был великолепным оратором; он являлся и каноником города Альби. В 1289 году он приехал в Неаполь, где вначале подвизался в качестве доверенного лица, секретаря у короля Карла II Анжуйского (Хромого), позже стал его канцлером. С 1300 года был епископом Фрежюса, а с 1310-го — Авиньона; в 1311 году он — секретарь Вьеннского собора. Здесь он выступал против судебного процесса над Бонифацием VIII, но поддержал Филиппа в борьбе

с тамплиерами. И наконец, в 1312 году был назначен кардиналом-епископом в Порто.

Папа Иоанн XXII (1316–1334) до своего избрания считался сторонником Анжуйской династии, однако, став папой, он успешно балансировал между неаполитанскими Анжу и французским королем. Папа, будучи выходцем из мелкобуржуазной семьи, проявил себя на троне прежде всего гениальным организатором и финансистом, у которого еще во времена его кардинальства были тесные связи с ломбардским банкирским домом Толмео. Несомненно одно: Иоанн XXII — наиболее значительный авиньонский папа, который был фактическим создателем папского фискального дела и куриального правления. Из-за антиимперской позиции и банкирских наклонностей папы Данте написал о нем следующее: «три зверя гнездятся в его сердце: разврат, беспощадность и скупость». Иоанн XXII за деньги делал все: отпускал грехи, давал благословение и назначал на доходные должности.

Создание папской бюрократии

Централизованный церковно-административный аппарат средневекового папства сложился во времена авиньонских пап. Реорганизация курии и создание органов по руководству экономикой и финансами связаны в первую очередь с именем папы Иоанна XXII. Эта государственно-административная система (которая была администрацией без государства) частично отражала влияние французских централизаторских усилий, но частично и сама служила примером управления абсолютистскими монархиями в новое время.

Административный аппарат пап в средние века состоял из двух частей: из канцелярии, включающей все учреждения и чиновников, и из тайного совета пап, консистории. Членами консистории являлись непосредственные приближенные пап, кардиналы. В средние века такое разделение власти между чиновниками и политическими советниками имело место и в светском государственном аппарате.

Во времена папского абсолютизма наиболее важную роль играла исполнительная власть, канцелярия, которая вела текущие дела в соответствии с указаниями папы и была основательно осведомлена о делах и личностях. Вначале из единой чиновничьей системы, созданной Григорием I, выделили Пенитенциарий. Пенитенциарий ведал делами, относящимися к церковно-судебной власти папы. Сперва сам папа устанавливал покаяния, связанные с получением отпущения грехов. Впервые с термином «Poenitentiarium Papae» («Папский Пенитенциарий») мы встречаемся в 1193 году. «Сакра Пенитенциария Апостолика» занималась рассмотрением таких преступлений (грехов), отпущение которых не могли дать епископы (например, освобождение от клятвы, снятие отлучения и др.).

Вторым органом судебной власти папы была «Сакра Романа Рота» («Святая Римская империя»), которая также была создана папой Иоанном XXII в 1331 году. «Сакра Романа Рота» выполняла функцию верховного апелляционного суда папы. (Сюда можно было обращаться как в конечную инстанцию с апелляцией против приговора, вынесенного епископами, архиепископами.)

Еще позднее (со времен контрреформации) появилась «Супремус Трибуналис Сигнатура», которая занималась светскими судебными делами Церковного государства. В общем, папы осуществляли свою судебную власть над вселенской церковью и Папским государством через три юридических ведомства — Пенитенциарий, Роту и Сигнатуру, объединенные в Трибунал (Верховный суд).

Внутри канцелярии в XIV веке была создана «Датария Апостолика» — ведомство, занимавшееся куриальными персональными делами, своего рода отдел кадров. Практически «Датария» проводила работу по формированию структур, организации папских учреждений и по проверке

делопроизводства. Папа Сикст V окончательно отделил «Датарию» от канцелярии. Создание «Датарии» и Трибунала уже привело к ослаблению прежнего монопольного положения папской канцелярии, так как они взяли на себя некоторые функции, ранее выполнявшиеся канцелярией. Вначале канцелярия занималась также и финансовыми делами папы. В рамках ее была создана «Камера Тесаурариа» (казначейство), первые упоминания о которой датируются 1277 годом. В качестве самостоятельного ведомства министерство финансов Церковного государства было сформировано в 1331 году папой Иоанном XXII; положение о нем было изложено в булле «Ratio juris». (В ней оно называется «Камера Апостолика».) Во главе «Камеры» стоял так называемый камерленго, который с тех пор во время вакансий папского трона берет на себя руководство курией. При организации папского фискального дела Иоанн XXII, следуя по стопам Климента V, создал целую систему налогов и папских доходов. После того как практически перестало существовать Церковное государство, пришлось искать новые материальные источники, чтобы покрыть расходы на содержание разбухшего чиновничьего аппарата папства, на участие его в мировой политике и на войны. Эта проблема была решена в Авиньоне Иоанном XXII в результате создания новой системы папского финансового хозяйства.

Денежные доходы пап в этот период можно разбить на три основные группы:

Первая — ценз Святого Петра. Эта группа доходов представляет собой суммы, поступавшие от католической церкви в папскую казну. Сюда относится рента, выплачиваемая непосредственно подчинявшимися папе монастырями монашеских орденов. В авиньонский период эти суммы превратились в наиболее важные материальные источники, которые через так называемые папские резервации поступали в куриальную казну. Система папских резерваций (сохранение папами за собой права назначения на должность) развилась к началу XIV века. Папы получали все большую власть при назначении на епископские должности и при раздаче других выгодных бенефиций. Юридическая система, сложившаяся главным образом при Бонифации VIII и Иоанне XXII, канонически поддерживала требование, согласно которому получение каждой церковной доходной должности, годовой доход которой превышал 200 золотых флоринов, подпадало под юрисдикцию папы. Тем самым папы добились того, что огромные суммы попадали в папскую казну в качестве платы за назначение.

В Авиньоне раздача церковных бенефиций стала почти исключительно прерогативой папы. Доход от освободившихся, но еще не заполненных церковных бенефиций принадлежал папе. Его называли «фруктус интеркаларес» («добавочный доход»). И наконец, одним из видов доходов курии стала так называемая «сполия» (наследство церковного лица, должность которого введена папским ведомством).

Ко второй группе относятся не только доходы, поступающие от церковников, а главным образом налоги. Динарий Святого Петра [29] был наиболее распространенным видом налога, выплачиваемым папе. В некоторых странах, таких, как Англия, Шотландия, Польша и Венгрия, этот налог собирали с каждого дома ежегодно. Направлявшиеся в Рим пилигримы также платили «динарий Петра» в казну Святого престола. Сюда относятся также дары, преподносимые паломниками, которые — особенно в Святой год, юбилейное празднование которого берет начало с 1300 года и вошло в традицию, — составляли высокие суммы; налоги, предназначавшиеся якобы на организацию крестовых походов, а также десятина (эти деньги позднее открыто предназначались на содержание папского двора);

различного рода таксы, которые устанавливались для оплаты за различные папские документы; доход от прокуратур (сбор, уплачиваемый в случаях проведения папского расследования); наконец, специальный папский налог, называвшийся «субсидией».

Налогообложением руководила Камера Апостолика, которая являлась самым крупным и самым совершенным финансовым учреждением той эпохи. Папы располагали также собственным аппаратом налоговщиков, но обычно собирать налоги поручали крупным банкирским домам Сиенны и Флоренции. (Это был более надежный метод: отдавая определенный вид налога в аренду, папа получал из банка деньги единой суммой или же ему предоставлялся срочный кредит.) Тесная связь между папством и итальянскими банкирскими домами особенно укрепилась во времена понтификата Иоанна XXII. Камера Апостолика работала с банками по безналичному расчету!

К третьей группе относились доходы пап, поступавшие от Церковного государства. Таковыми были доходы от церковных владений, доходы церковных финансовых учреждений, доход от продажи должностей, собранные в Церковном государстве налоги и, наконец, вассальные налоги, получаемые от королевства Сицилии и Неаполя.

Во времена Иоанна XXII годовой доход папы составлял 250 000 золотых гульденов, и, таким образом, папа считался одним из наиболее богатых князей той эпохи. Эти огромные суммы часто можно было собрать лишь с помощью такого оружия, как церковное проклятие. Так, например, 23 апреля 1365 года папа Урбан V одновременно отлучил от церкви 96 архиепископов, епископов и настоятелей монастырей за то, что они не уплатили требуемой мзды. Папская фискальная деятельность встречала сопротивление не только внутри церкви, но в еще большей степени вызывала антипатию в некоторых европейских государствах; во многих местах это сопровождалось глубокой ненавистью со стороны населения.

Характерно, что правители государств вначале не чинили препятствий папскому фиску и сбору налогов, ибо их интересы в области сбора налогов соприкасались. Правители старались перенять налоговую систему, доведенную папами до совершенства; в этом вопросе в первую очередь с протестом выступили монашеские ордена. Несомненно, что финансовые манипуляции пап, приобретение курией светских, мирских черт в значительной степени способствовали формированию антипапского авангарда Реформации, особенно в Англии и Германии, страдавших от папских налогов. Такого рода финансовое хозяйствование в Италии, в Церковном государстве явно препятствовало действительному экономическому развитию. (Так, Папское государство в середине XIX века было самым отсталым государством в Европе.)

Чтобы ознакомиться с созданной и укрепившейся в Авиньоне папской бюрократией, следует осветить ее отношения с неадминистративной частью церковного управления. Сложившаяся в середине XIV века ведомственная организация раздвинула рамки папской канцелярии. Стала актуальной проблема: отделить в курии церковно-политический аппарат, принимающий фактические решения, от администрации.

В авиньонский период консистория кардиналов превратилась в главный орган церковной администрации пап. Консисторией называлось совещание кардиналов под председательством папы, которое рассматривало наиболее важные церковно-политические вопросы. Совещание могло носить открытый и тайный характер. Когда соборы стали проводить редко — как раз в авиньонский период, а также после Тридентского собора, — кардинальская консистория в церковной администрации

заняла место вселенского собора.

Количество кардиналов постоянно менялось. Во времена авиньонских пап их число обычно колебалось в пределах 30 человек. (Тогда французы были в абсолютном большинстве, так, например, в 1350 году лишь два кардинала были не французами.) Окончательным ударом по папской канцелярии явилось создание Тайной Консистории кардиналов, которая затем в период Великого западного раскола и в соборный период (конец XIV века — первая половина XV века) превратилась в один из главных форумов папской и международной политики. В дальнейшем функция папской канцелярии уменьшилась после выделения Камеры Апостолики. Консистория кардиналов постепенно отбирала у канцелярии и прочих учреждений все больше и больше власти. Канцелярия и Рота продолжали существовать в качестве самостоятельных учреждений, но потеряли прежнее политическое значение. Они деградировали и превратились в чисто административные учреждения. Папа Иоанн XXII распространил nepотизм и на курию. Внедрение nepотизма было связано с изменявшейся ролью кардинальской коллегии. Для того чтобы в консистории могла реализоваться воля папы, наиболее подходящим средством было включение родственников папы в коллегия. Опорой Иоанна XXII в период его правления были его родственники. Кардиналом-архиепископом Авиньона он назначил сына одной из своих сестер; кардиналом-канцлером был сын брата папы (непот). Кроме них, еще трое его племянников получили кардинальскую шапку. Ходили слухи, что один из них — кардинал Бертран де Пуже — был родным сыном папы. Сам папа Иоанн вел умеренный и простой образ жизни и даже в дряхлом возрасте сохранил светлый ум и прочно держал в своих руках все дела. Он способствовал расцвету Авиньона, который по своей пышности соперничал с любым княжеским двором. Дрюон пишет, что в городе пришлось открыть новые публичные дома и расширить границы квартала проституток. Эта малопривлекательная сторона жизни также контролировалась авиньонской курией.

Формирование конциляризма в эпилоге борьбы папы с императором

В центре церковной политики папы Иоанна XXII находилась Франция. Именно с помощью могущественной Франции ему представилось возможным осуществить универсальные устремления папства. Исходя из этих принципиальных соображений, папа поддерживал властные позиции Франции на континенте, в Италии (против Германо-римской империи), а также в отношении Англии. Приверженность этой политической линии явилась причиной почти непостижимого упорнейшего противостояния, проявленного папой по отношению к императору Людвигу Баварскому.

После смерти императора Генриха VII князь избрали двух королей. Виттельсбахская партия возвела на трон Людвиг IV Баварского (1314–1348), в то время как Габсбурги избрали королем Фридриха Красивого. В 1322 году Людвиг Баварский выступил против Фридриха и в битве под Мюльдорфом разбил своего соперника, тем самым заставив признать свою власть в империи. Папа тогда открыто выступил против Людвиг и предъявил ему ультиматум: в течение трех месяцев отречься от трона. В противовес папе Людвиг назначил имперским наместником Италии неаполитанского короля Роберта Анжуйского. Людвиг Баварский и находившаяся с ним в союзе итальянская партия гибеллинов пытались лишить власти в Риме пребывавшего в своей резиденции в Авиньоне папу. Поэты и философы, передовые духовные борцы нового времени, такие, как Данте и Петрарка (1304–1374), восторженно приветствовали императора как посланца Божьего провидения. Интересно, что в последней схватке между папством и империей первостепенная роль была

отведена не оружию или политическим силам, а идеологической аргументации; политические битвы перешли в плоскость церковной политики. В схватке на сторону императора встали не только светские сословия, отвергавшие папский абсолютизм, и курфюрсты, но и духовенство, в том числе и иерархи церкви. На сей раз авиньонскому папе не удалось обратить против короля его собственных подданных. А у Людвига Баварского неожиданно нашлись достаточно верные помощники среди университетских теологов и руководителей ордена миноритов.

Парижские преподаватели, францисканцы Марсилий Падуанский и Жан Жанден, в противовес папскому абсолютизму выдвинули соборный принцип (конциляризм), примат светской (имперской) власти над папством. Марсилий в 1312 году был ректором Парижского университета. Философ Жан Жанден под воздействием аверроистских идей в 1324 году написал произведение «Страж мира» («*Defensor pacis*»), которое вручил Людвигу Баварскому. В 1326 году, спасаясь от папской инквизиции, он со своими единомышленниками бежал ко двору Людвига. (В частности, Марсилий поступил на службу к Людвигу в качестве врача.) Согласно теории Жана Жандена о государстве, последнее стоит над церковью, а император над папой. Государство и церковь в равной степени опираются на принцип верховенства народа. Папы и короли правят по поручению народа, но, если они злоупотребляют возложенной на них народом властью, народ вправе сместить их. Принцип верховенства народа исключал папский абсолютизм, неограниченное осуществление примата папы внутри церкви, а тем более — вне ее, в светских делах. В этой концепции просматривается переплетение принципа римского права, требующего равную подчиненность подданных, с сословным правом на сопротивление и с принципами городского самоуправления. Идеи Марсилия и Жандена восходят к Фоме Аквинскому. У Фомы Аквинского государство еще включено в божественную объективную систему, в естественное право. Продолжатели его идей уже разработали принцип сословной конституционности. Фома был еще далек от политики, Марсилий и его сторонники своими памфлетами активно участвовали в политике на стороне императора против папского абсолютизма.

В соответствии с переданной в 1326 году Людвигу Баварскому в Регенсбурге книгой «Страж мира» стражем мира является император. Папы разрушили естественный мир своими властными устремлениями. Задача императора — восстановление и защита порядка. По их мнению, совершенное общество (*societas perfecta*) — это государство (а не церковь). Марсилий и его сподвижники распространили идею сословности в качестве реализации принципа верховенства народа и на церковь. Несомненно, однако, что права, касающиеся верховенства народа, ограничивались лишь привилегированными классами, прежде всего сословным собранием, а в церкви — собором, состоящим из представителей высшего духовенства. В соответствии со смыслом этой теории отрицался примат папы, божественное происхождение церковной иерархии. Вселенский собор рассматривался как стоящее над папой высшее, занимающееся исключительно проповеднической и вероучительской деятельностью учреждение. Таким образом, осуществление сословности нашло свое выражение внутри церкви в принципе «собор выше папы» (*concilium supra papam*).

Конциляризм получил широкое теологическое обоснование в номиналистской теологии. В отличие от реализма Святого Фомы Аквинского францисканская теологическая школа пошла по следам философии Дунса Скота. Философское направление, выступающее против реализма и

индивидуализма и обычно называемое волюнтаризмом, получило распространение потому, что философия Фомы Аквинского в те времена далеко еще не нашла в церкви общего признания. Философское и теологическое направление, противостоящее томизму, а именно номинализм, обосновал Уильям Оккам (около 1285–1349), францисканец английского происхождения, преподаватель Парижского университета, находившийся под влиянием аверроистских учений. Согласно его философской теории, наши понятия не соответствуют действительности, имена являются лишь пустыми формами. Наибольшее воздействие Оккам оказал своей волюнтаристской деистской концепцией. Он считал, что божественная воля абсолютна; для Спасения не нужна милость, а лишь воля Божья. На Оккама поступил донос, и инквизиция начала против него судебное расследование. После четырехлетней неволи в Авиньоне он бежал в 1328 году ко двору Людвига Баварского. Согласно «Диалогу» (1334–1338) Оккама, церковь образуется собранием верующих, которое в качестве первейшего обладателя суверенитета представляет себя на соборе в лице теологов и высшего духовенства. Самое лучшее, если бы руководство церковью было возложено на университетских преподавателей и теологов.

Третьей составляющей конциляризма после политической публицистики, теологии (номинализма) было так называемое миноритское движение бедных. Как в X веке самыми последовательными инициаторами церковной реформы были монастыри, так ныне эту же роль стали выполнять университеты, теологи и францисканцы. Они определяли также направление церковных реформ: осуществление принципа евангельской бедности и разработка соборного принципа церковной реформы.

Духовными вдохновителями миноритского движения бедных также были Оккам и Марсилиус. Таким образом, они объединили принцип сословного парламентаризма и идеи автономной организации городов с францисканским мистицизмом. Дискуссии обострились в первую очередь внутри францисканского ордена. Тех, кто радикальным образом хотел реализовать евангельскую бедность, называли обсервантами; они начиная с 1368 года обособились внутри ордена. Умеренное миноритское направление называлось конвентуалистским. Генерал ордена Михаил из Цезены выступил на стороне Оккама и его сподвижников. (Дискуссия конкретно велась вокруг вопроса, было ли у Иисуса и у апостолов имущество (собственность) или нет. Обсерванты утверждали, что не было, поэтому и их потомки и последователи должны жить в такой же бедности.) 25 июня 1323 года папа Иоанн XXII в своей булле «*Quia nonnunquam*» осудил спиритуализм и миноритское движение бедности. После того как он квалифицировал эти взгляды как еретические, началось преследование миноритов. Так теологический диспут принял резко политический характер и приобрел антипапскую направленность. Хотя первым теоретиком конциляризма, сформулировавшим основные идеи этого направления, был Оккам, продолжателем их и проводником в области церковной политики стал француз Жан Жерсон, а затем Николай Кузанский (1401–1464), который дал законченное выражение идеям, разработал систему сословного реформирования папской церкви и открыл дорогу реформации.

Авторитет Иоанна XXII в дискуссиях с миноритами оказался поколебленным из-за уязвимости теологических взглядов папы. Противники папы Иоанна объявили его еретиком, ибо он в своих проповедях подчеркивал принцип, согласно которому праведники после своей смерти не предстанут перед Богом, не смогут лицезреть Бога воочию: это станет возможным лишь после Страшного суда.

Противоречащая канонам концепция вызвала резкие возражения и со стороны кардиналов, в связи с чем папа был вынужден отступить от своих положений. Все это оказалось на руку миноритам, выступавшим против папы по вопросу о бедности.

Авторитету миноритской оппозиции, игравшей важную роль в борьбе между папой и императором, не причинило ущерба и то обстоятельство, что папа Иоанн XXII в своей булле от 23 октября 1327 года осудил и назвал ересью пять идей, изложенных в произведении Марсилия «Страж мира».

Минориты крайних взглядов, находившиеся при дворе короля, ждали от поездки Людвига Баварского в Рим, от коронации его императорской короной осуществления их мечты — создания единой Италии. Людвиг по призыву гибеллинов в 1327 году направился в Италию и в Милане был коронован ломбардским королем. В январе 1328 года Людвиг Баварский в ореоле императорского мифа въехал в покинутый папами Рим. 17 января он принял императорскую корону, но не из рук папы или его легата, а из рук уполномоченного народа Рима — городского префекта. Церковное помазание совершили двое отлученных епископов. Так, казалось, была осуществлена основная идея Марсилия — принцип верховенства народа. Император же в знак благодарности назначил Марсилия Падуанского своим наместником в Риме.

Народ Рима и император лишили Иоанна XXII папского престола, а его место занял миноритский монах Пьетро Райналуччи, принявший имя Николая V (1328–1330), который принял регалии первосвященника Рима из рук императора. Верховенство народа, подпираемое королевской властью, осуществлялось, однако, лишь до тех пор, пока войско императора Людвига Баварского находилось в Риме. Как только в 1330 году Людвиг покинул Рим, с ним вместе уехал и антипапа. (Возведение на престол антипапы не пошло на пользу императору: в 1330 году Николай V прибыл в Авиньон и там покаялся перед Иоанном XXII.) Император уже не обладал достаточными силами, чтобы осуществить свою волю в Италии; в Риме вскоре действительно одержали верх последователи принципа верховенства народа, но уже против папы и императора.

Упадок авиньонского папства (1334–1377)

После Иоанна XXII, сыгравшего эпохальную роль во время своего понтификата, на папский престол под именем Бенедикт XII (1334–1342) взошел незначительный настоятель цистерцианского монастыря. Новый папа, действуя в соответствии с желанием французов, был непримирим в отношении Людвига Баварского, но без какого-то видимого успеха. Его понтификат достоин упоминания лишь потому, что Бенедикт XII начал строительство в Авиньоне мощной, похожей на крепость папской резиденции, которое продолжалось при его преемниках.

Совершенно противоположным папе-монаху был последовавший за ним Климент VI (1342–1352). Папа, родом из Южной Франции, в свое время был знаменитым в Париже церковным проповедником. Будучи кардиналом-архиепископом Сенса, а затем Руана, он стал доверенным лицом королей из династии Валуа и, вступив на папский престол, однозначно поддерживал французскую политику. Папа Климент был настоящим вельможей, светски мыслящим иерархом. Однажды он якобы заявил, что его предшественники и понятия не имели, как следует жить папе. Накопленные Иоанном XXII богатства он обратил на то, чтобы авиньонский двор блистал еще ярче. Двор Климента VI, по словам его современников, превзошел по своей пышности и богатству двор любого государя того времени. После аннулирования сюзеренных прав императора папе Клименту удалось обворожить неаполитанскую королеву Иоанну и заполучить Авиньон и авиньонское

графство. Огромные расходы привели к тому, что папский государственный бюджет оказался сильно нарушенным, что положило начало задолженности, необходимости брать кредиты.

Климент VI крепко привязал папство к Франции еще и тем, что в результате новых назначений в кардинальской коллегии оказалось всего лишь два кардинала, не являющихся французами. В Столетней войне, начавшейся в это время между Францией и Англией (1337–1453), авиньонские папы однозначно приняли сторону французов. (Авиньон не попал под английскую оккупацию.) Император, однако, в этой войне был на стороне Англии. Вследствие возобновления раздора между папой и императором Климент VI в булле от 13 апреля 1346 года вновь предал Людвига Баварского анафеме. (Это был седьмой и одновременно последний случай в истории, когда папа отлучил императора от церкви.) Климент VI оказывал поддержку в претензиях на трон не Людвигу Баварскому, а правителю Чехии, люксембургскому графу Карлу. И лишь смерть Людвига воспрепятствовала возникновению междоусобной войны между Карлом IV (1347–1378) и Виттельсбахами. Возшедший на трон с помощью папы Карл IV обращал свои взоры уже не на Италию — хотя Петрарка, друг короля, по-прежнему видел в нем представителя итальянской независимости, — а на Восток. В 1348 году Карл основал в Праге университет. Он был первым среди германо-римских императоров, который, опираясь на чешские и силезские провинции, стал придерживаться польской и венгерской ориентации.

Переезд пап в Авиньон и подчинение политике французских королей привело к тому, что они потеряли фактическую власть в Италии и свой контроль над Церковным государством. В течение XIV века в Италии из коммун образовались города-государства. Вместе с жившей в городах или переехавшей туда аристократией под властью города оказывались и окрестные населенные пункты (деревни) и поместья. Здесь оказались ликвидированными отношения помещик — крепостной; крепостной стал свободным арендатором, который платил деньги владельцу за пользование землей. Благодаря сложившимся банковским услугам, торговой и промышленной деятельности сложилось финансовое хозяйство. В городах наряду с торговлей и банковской деятельностью началось также развитие мануфактурной промышленности. (Типы городов-государств складывались соответственно местному балансу сил аристократии и буржуазии.)

В Южной Италии, начиная с середины XIV века продолжалась борьба между неаполитанской и венгерской ветвями династии Анжу за владычество над неаполитанским королевством. Младший сын Карла, герцог Эндре, был мужем наследницы неаполитанского престола Иоанны. Через Эндре венгерские Анжу (король Людовик I) хотели объединить оба королевства. Чтобы не допустить этого, неаполитанские Анжу подстроили убийство Эндре, что послужило поводом для войны. В династической междоусобной борьбе Анжу авиньонские папы приняли сторону Иоанны.

Приходящее в упадок Неаполитанское королевство Анжу уже не могло оказывать должную поддержку куриальной политике в Центральной Италии. В отсутствие и папы, и императорской власти Церковное государство и Рим снова впали в анархию. В городах Папского государства тоже взяли власть в свои руки богатая буржуазия и дворянство; в других местах местные династии сформировали мелкие княжества, зачастую пользуясь при этом купленным у папы же герцогским титулом. В отсутствие пап античный и средневековый Рим начал стремительно хиреть и разрушаться. Камни растаскивались на строительство крепостных укреплений аристократов; произведения искусства покрывались слоем мусора и обломков. На Капитолии росла сорная трава,

на римском Форуме паслись козы, в садах Ватикана по ночам появлялись волчьи стаи. Папские дворцы стояли без обитателей, крыша собора Святого Петра обрушилась, Латеранскую базилику использовали под конюшни. Население Рима составляло всего 20 000 человек. При таких обстоятельствах римляне, знавшие лучшие дни, с нетерпением ждали папу-ангела.

В г. Риме фактическую власть осуществляли враждовавшие между собой с давних времен семейства Орсини и Колонна, которые из своих похожих на крепости домов грабили и терзали население. При таких обстоятельствах объявился в Риме — под воздействием спиритуализма и движения бедных — нотариус по имени Николо ди Лоренцо, бедный горожанин, назвавший себя Кола ди Риенцо. Кола ди Риенцо призвал народ Рима изгнать аристократические партии, чинившие анархию, и избрать чиновников из горожан. Во главе демократического городского управления (коммуны) встал он сам и был избран народным трибуном. Он призвал итальянские города к созданию федеративного, единого итальянского национального государства. Однако эта ранняя попытка объединения была вызвана соперничеством между городами-государствами. (Как во Франции носителем идеи национального государства был Филипп Красивый, а в Германской империи — Людвиг Баварский, так в Италии глашатаем ее стал Риенцо.) Кола ди Риенцо распространил понятие *Populus Romanus* (римский народ) на весь итальянский народ. Он считал, что название *Imperium Romanum* (Римская империя) возвратилось к римскому народу от германских королей.

Кола ди Риенцо после краткого, но блестящего пребывания в должности трибуна был изгнан из Рима. Риенцо в политическом отношении потерпел поражение, но спиритуализм и национальная идея, которые он проповедовал, укрепились. Именно в Риме имелись довольно прочные корни спиритуализма; после Кола ди Риенцо наиболее значительными представителями этого направления стали фратичелли [30]. Влияние этих идей прослеживается затем в учениях Уиклифа, Гуса и Кальвина. Так как идея «национальной империи» Кола ди Риенцо приобрела исключительно антигерманскую направленность, то после своего изгнания он установил отношения с папой. В Рим Кола ди Риенцо возвратился как наместник папы с поручением в качестве диктатора сломить власть римских феодалов. Однако в 1354 году Кола ди Риенцо был убит своими врагами.

В 1352 году папой был избран кардинал-епископ из Остии, француз Этьен Обер, взявший себе имя Иннокентия VI (1352–1362). В конклаве, избравшем его, из 25 кардиналов 23 были французами; таким образом, им удалось договориться в течение двух дней. На конклаве было введено новое положение, согласно которому впервые будущий папа подписал так называемые избирательные обязательства (*capitulationes*). Это означало, что в случае избрания он брал на себя различного рода обязательства, «в обмен» на которые кардиналы отдавали за него голоса. Документ заверялся подписями всех кардиналов. Иннокентий VI обязался назначать новых кардиналов лишь тогда, когда их число будет менее 16, но во всяком случае их число не должно превышать 20. Кроме того, в документе было оговорено, что при назначении новых кардиналов необходимо согласие не менее двух третей членов кардинальской консистории. Эти обязательства свидетельствуют о дальнейшем укреплении власти кардинальского корпуса (церковной аристократии) и преследовали цель сохранить в консистории французское абсолютное большинство.

Значение понтификата Иннокентия VI в том, что в результате восстановления власти папства в Церковном государстве была создана объективная возможность для возвращения папы в Рим. Испанский кардинал Альборнос в 1353–1357, а затем в 1358–1367 годах, будучи папским легатом,

вновь подчинил Рим и территорию Церковного государства власти Святого престола. Альборнос путем беспощадного террора, проводимого с помощью наемников, подавил бунтующих против папы горожан, равно как и аристократические партии. Он велел разрушить разбойничьи рыцарские замки родов Орсини и Колонна и установил военное правление. Наряду с консолидацией общественного положения в Папском государстве он отвоевал для авиньонского папы также и Болонью.

Как только в Церковном государстве была восстановлена власть папы, германский король Карл IV в 1355 году в Риме получил корону императора. (По поручению папы Карла короновал кардинал — епископ Остии.) Во времена Иннокентия VI и Карла IV произошло окончательное разделение двух институтов универсальной власти, тесно связанных между собой в средние века, — папства и империи. В 1356 году император Карл IV в своей Золотой булле, оглашенной на рейхстаге в Метце, конституционно признал федералистское переустройство Германо-римской империи. Карл понял, что его империя не что иное, как союз самостоятельных княжеств и епископств. В соответствии с Золотой буллой 1356 года были определены князья, наделенные правом избрания короля, — семь так называемых курфюрстов (три церковных князя: архиепископы Майнцкий, Трирский и Кельнский; далее — четыре светских князя: чешский король, рейнский пфальцграф, саксонский герцог и бранденбургский маркграф), которые в пределах своих земель осуществляют всю полноту государственной власти. Император отказался от фактического правления в их странах. Ему лишь осталась должность председателя имперского собрания. Второй важной особенностью Золотой буллы было то, что в ней нет никакого упоминания в связи с избранием германского короля о папе, равно как и о праве последнего утверждать избрание. Правда, и впредь лишь папа мог короновать германского короля в императоры, но это потеряло практическое значение, ибо никого другого, кроме как германского короля, и нельзя было короновать императором. Карл IV окончательно ликвидировал власть императоров в Италии. «Два универсальных учреждения средневековья, империя и папство, которые вошли в противоречие между собой именно из-за их неразделимой слитности, тем самым отделились друг от друга». (Маккай Л. История средних веков. Будапешт, 1968, с. 135.)

Первым попытавшимся возвратиться в Рим авиньонским папой был Урбан V (1362–1370), аскетического образа жизни монах-бенедиктинец, родившийся неподалеку от Авиньона. Могущество французского королевства, терпевшего неудачу за неудачей в Столетней войне, пошатнулось, и Франция уже не могла помешать Урбану V выполнить решительное требование Германской империи и Италии, которые настаивали на скорейшем возвращении пап в Рим. Помимо военных обстоятельств, связанных с войной во Франции, в пользу возвращения говорило также и то, что в Италии в определенной степени вновь возник политический вакуум в связи с ослаблением французского влияния, а вместо него не появилась другая великая держава. Сам император призывал Урбана V возвратиться, это же уговаривал папу сделать и находившийся при папском дворе Петрарка. (На этом настаивала также Святая Екатерина Сиенская [31].)

В 1367 году папа, в конце концов уступивший немецкому и итальянскому давлению, решил возвратиться в Рим и в октябре 1367 года въехал в покинутый город. Он немедленно приступил к реставрации разрушенного собора Святого Петра и Латеранской базилики. В 1368 году он назначил пять новых французских кардиналов. Однако ему не удалось одержать верх над внутренними раздорами, царившими в Церковном государстве, и, опасаясь трудностей, он поспешил возвратиться

в свою авиньонскую крепость, которая казалась ему более надежной. И так, несмотря на предупреждения Святой Екатерины Сиенской, Урбан V в 1370 году снова оказался в Авиньоне. В его смерти, наступившей через несколько недель, современники усмотрели исполнение проклятия святой монахини.

Последний авиньонский папа — Григорий XI (1370–1378) был племянником Климента VI. Главной задачей своего понтификата он считал возвращение в Рим. Ему тоже пришлось преодолевать французское сопротивление. Осенью 1376 года он покинул Авиньон и 17 января 1377 года в сопровождении 13 кардиналов торжественно въехал в Рим. (Кардиналы, которые однозначно придерживались французской ориентации, остались в авиньонской курии.) Григорий XI, перевел Римскую курию из Латеранского дворца, который был почти полностью разрушен, в Ватикан. Начиная с того времени римские папы определили местонахождение свое и курии в Ватикане и во дворце Квиринал. Возвращение пап в Рим было поворотным пунктом в истории Италии и папства. Однако смерть Григория XI, наступившая в 1378 году, явилась увертюрой к самому глубокому кризису папства позднего средневековья.

Уже многие современники — естественно, антифранцузские, проимператорские круги — интерпретировали авиньонскую эпоху папства как вавилонский плен (проводя параллель с вавилонским пленом евреев). Эту концепцию позднее восприняла и куриальная история церкви, и она, по существу, до наших дней встречается в литературе. В настоящее время на основании последних исследований уже и католическая история церкви подвергла ревизии эту оценку. Позитивные стороны авиньонской эпохи признаются, главным образом, в области создания куриальной системы. Отрицательный фактор пребывания папства вне Рима и Италии усматривают в том, что политическое подчинение папства французской державе воспрепятствовало реализации вселенских устремлений папства и на заре формирования национальных государств способствовало укреплению идеи национальных церквей, формированию конциляризма. Очевидно, что именно этой тенденции авиньонские папы пытались противостоять с помощью централизованного церковного аппарата управления, доведенного до совершенства. Безудержный nepотизм пап и налоговая система, вызвавшая повсеместно в Европе ненависть, также ставятся в вину Авиньону. Несомненно, что авиньонский период папства совпадает с кризисом, охватившим средневековое, феодальное общество, и тем самым остро поставил вопрос о необходимости коренных реформ также в средневековой, феодальной церкви, реформ «главы ее и членов».

Можно согласиться с тем, что авиньонский период папства следует рассматривать не только под политическим углом зрения — ведь Авиньон действительно означал для папства годы максимального развития и усиления власти. То, что Григорий VII и Иннокентий III в свое время лишь приближали к осуществлению, осуществилось и приобрело окончательную форму в Авиньоне. При авиньонских папах, и в первую очередь в годы понтификата Иоанна XXII, папская монархия получила черты настоящей государственно-властной организации. Победы предшествующих великих и воинственных пап авиньонские папы, казавшиеся незначительными, закрепили и упрочили, создав папское централизованное управление, администрацию и фискальное дело. Таким образом, папы во времена Авиньона возвысились над европейскими государями не политически, а экономически. Сформировавшийся в Авиньоне куриальный централизм стал образцом для государственного абсолютизма новой эпохи.

Однако этому противостояло общественно-политическое развитие, которое действовало против папского абсолютизма. В XIV веке укрепились феодальные сословные монархии, и они выступали против устремлений папства осуществить контроль Рима над светской властью, вмешиваться во внутренние дела государств и добиваться независимости церкви от светской власти. Национальное развитие представляло собой процесс, действующий в противоположном церковному универсализму направлении. В то время как средневековые процессы развития укрепляли папскую универсальную власть, процессы нового времени ослабляли ее. Переезд папы из Рима в Авиньон усилил центробежные тенденции внутри церкви. Церкви отдельных стран не хотели подчиняться папе, опустившемуся до уровня французского патриарха. И в этих своих стремлениях они вновь обрели себе союзника в лице светской власти. Так сформировалась смычка французской церкви с Филиппом Красивым и его преемниками, а германских иерархов — с Людвигом Баварским и, наконец, английской церкви — с Эдуардом III.

С поражением Людвига Баварского средневековая империя окончательно сошла в могилу. Но середина XIV века — это не только заключительная глава истории империи. Папство, достигнув пика развития в авиньонскую эпоху, пришло в упадок во времена Великого западного раскола.

Папа против папы. Великий раскол (1378–1414)

Когда авиньонский папа и офранцузившаяся курия под немецким и итальянским давлением были вынуждены возвратиться в пришедший в упадок Рим, властные противоречия в высшем руководстве церкви привели к расколу, длившемуся 40 лет. В период, названный Великим западным расколом, борьбу авиньонских пап вряд ли можно обосновать религиозными мотивами. В борьбе пап доминировали не догматические, а исключительно политические моменты. Отдельные страны и их церкви выступали на стороне того или иного папы в соответствии со своими собственными властно-политическими интересами. Соответственно с этим они занимали ту или иную позицию в Столетней войне, в англо-французских распрях, признавая верховенство, правомочия то римского, то авиньонского папы. Естественно, что оба папы считали законными себя и свои распоряжения и стремились побудить церковные и светские державы признать их таковыми. Проистекающая из-за этого неопределенность в области церковного управления, более того, сумятица подрывала авторитет и власть папства.

Более глубокой причиной церковного раскола явился кризис феодализма и в рамках этого — конфликт между сословным строем и папским абсолютизмом. Таким образом ликвидация раскола лежала вовсе не в плоскости добрых намерений, этого можно было добиться лишь путем прекращения внутрицерковной борьбы между конциляризмом и папизмом и соответственно путем преодоления противоречий между великими державами. А пока в Риме и в Авиньоне на место скончавшихся пап каждый раз избирали новых.

Раскол ослаблял абсолютизм, благоприятствовал сословным и национальным устремлениям и в значительной степени сам был следствием этих явлений. Кризис папства способствовал тому, что государи, стоявшие во главе национальных государств (Франции, Англии, Испании), развивавшихся в рамках сословных монархий, в интересах укрепления своей централизованной власти ограничивали контроль папы также над церковью данной страны и укрепляли автономию национальных церквей. Вторым следствием раскола явилась практическая реализация сословности внутри церкви, временное возвышение конциляризма над папской верховной властью. Конциляризм

идейно выкристаллизовался уже в авиньонскую эпоху, но его практическая церковно-политическая реализация произошла лишь в последующие десятилетия на великих реформаторских соборах, предопределивших раскол.

Внутри церкви среди духовенства также сложилась сословная иерархия. К самому авторитетному и самому богатому слою принадлежали кардиналы, которые соответствовали феодальной олигархии. За ними следовало сословие высших священнослужителей, куда входили архиепископы, епископы и богатые аббаты. На крупных соборах XV века организовалась в сословие церковная интеллигенция (преподаватели университетов, теологи, церковные юристы), которая демонстрировала появление демократических и социальных требований среди низшего духовенства. Сложившиеся внутри церкви в основном на основе схожих интересов сословия требовали своей доли участия и в управлении вселенской церковью, форумом которой был высший парламент универсальной церкви — вселенский собор, соответствующий сословному собранию. В церкви, воспринимаемой в виде сословной монархии, папа (как монарх) мог править лишь конституционно, совместно с сословиями. Возвратившийся в Рим Григорий XI нашел там в развалинах не только папские дворцы и соборы, но и само Церковное государство. В городе кипели бои между сторонниками различных партий, в государстве царила анархия, в обществе отсутствовала даже минимальная безопасность. Григорий XI уже подумывал о возвращении в Авиньон, но смерть помешала ему осуществить это. 19 марта 1378 года, находясь на смертном одре и учитывая чрезвычайные обстоятельства, Григорий XI подписал буллу «Periculis et detrimentis», в которой наделил кардиналов широкими правами в выборах нового папы. Он констатировал, что кардиналы могут избирать папу где угодно и когда угодно и это будет законным даже в том случае, если кандидат получит лишь абсолютное большинство голосов, а не большинство в две трети. Опасения умирающего папы были обоснованы, ибо не успел он закрыть глаза, как делегация римского городского совета обратилась к кардиналам с призывом избрать преемником усопшего папы итальянца.

Собравшийся в Ватикане конклав заседал под защитой городского совета. Римляне, однако, воспрепятствовали тому, чтобы личные войска кардиналов вошли в пределы города; поэтому войска расположились за городом. Нетерпеливая толпа все более угрожающе выступала против кардиналов. Поэтому кардинал Роберт Женевский, например, носил под сутаной кольчугу и не расстался с ней, идя на конклав. В момент смерти Григория XI было 23 кардинала. Из них на конклав прибыло в Ватикан 16; из 7 отсутствующих 6 находились в Авиньоне. 16 кардиналов, составлявших необходимое для избрания папы большинство, подразделялись на 11 французов, 4 итальянцев и 1 испанца. Французское большинство раскололось на две партии. Прежде чем были закрыты ворота конклава, кардиналы, протестуя против угроз народной толпы и городского совета, заявили, что они заранее считают недействительными выборы, проводимые в условиях принуждения.

Происшедшее на конклаве 7 апреля 1378 года событие оказалось роковым для папства на последующие полвека. Бушующая на площади Святого Петра огромная толпа во что бы то ни стало хотела видеть на троне итальянца, а еще лучше — римлянина, ибо справедливо опасалась того, что избранный папой француз снова возвратится в Авиньон. Такая приверженность явно имела экономические мотивы: ведь для Рима присутствие там папы гарантировало привилегированное положение. У кардиналов не было иного выхода, как избрать такого итальянского иерарха, личность которого оказалась бы приемлемой для каждой партии. Поэтому на утро третьего дня они

договорились избрать папой отсутствующего итальянского епископа — архиепископа города Бари Бартоломео Приньяно. Архиепископ города Бари, расположенного на территории неаполитанского королевства, сам был неаполитанец. Несмотря на то что он не был кардиналом — к слову, он был последним папой, не бывшим кардиналом, — он обладал большим опытом работы в курии, приобретенным при дворе папы в Авиньоне. Территория Неаполя считалась пограничной, находившейся между сферами итальянских и французских интересов; Приньяно скорее был французом, чем итальянцем.

Еще до того, как поднялся сфумато (белый дым, означающий, что папа избран), вооруженная группа нетерпеливых римлян силой ворвалась в конклав. Кардиналы, над жизнями которых нависла опасность, не осмелились сообщить результаты голосования и обратились в бегство. Это стало возможным благодаря тому, что один из них вдруг накинул на плечо престарелого и почти не способного передвигаться римского кардинала Тибальдески паллий. Старец не мог бежать, и, несмотря на все его возражения, ликующая толпа возвела его на престол. Насильно надели на него папские регалии, на голову возложили тиару. Пока ему воздавали почести руководители города, сброд разграбил римский дворец кардинала. К тому же существовала традиция, согласно которой если у кардинала, избранного папой, в Риме было жилье, то оно подвергалось грабежу на том основании, что переезжающему в папский дворец это добро и не нужно.

Только после того, как к вечеру удалось утихомирить толпу, истина прояснилась.

Новый папа избрал себе имя Урбана VI (1378–1389). Несмотря на то что он был сведущ в делах управления церковью, он как личность вряд ли соответствовал столь высокому положению, ставшему к тому же весьма деликатным. Ему были незнакомы терпение и компромисс; это был напористый, высокомерный человек, которому свойственна неукротимость, более того, грубость. Его непригодность вскоре поняли и современники; поговаривали, что он был нервнобольным. Урбана VI короновали папой 10 апреля 1378 года, и кардиналы выразили ему почтение как законно избранному папе. Тем самым они задним числом признали каноничность избрания. Позднее концепция курии и идентифицирующаяся с ней историческая литература считали канонически избранным ряд пап, начиная с Урбана VI. Однако последние исторические исследования подвергают сомнению то, что при коронации кардиналы по доброй воле отдавали почести папе; по всей вероятности, это происходило по принуждению.

Папа Урбан VI был первым из пап, кто, подобно светским государям, использовал свой родовой герб. После него это стало системой. Семейные гербы, естественно, и прежде имелись у пап, происходивших из аристократических семей. Из наиболее древних нам известен герб Теофилактов, принадлежавший Бенедикту IX (1032–1044), отпрыску тускуломского графского рода.

Использование гербов кардиналами, высшими чинами духовенства распространилось после Констанцского собора. На фасаде того дома, где остановились принимавший участие в соборе король-рыцарь Сигизмунд и члены его свиты, был вывешен щит с гербом каждого из приехавших, а церковные иерархи и в этой области не хотели отставать от светских.

Бурный ход конклава, избравшего Урбана VI, однозначно показал, что церковь созрела для реформ. Первым шагом здесь могло бы стать реформирование курии и кардинальской консистории. Когда папа заявил о подобного рода намерениях, французские кардиналы, наблюдавшие и до этого с подозрением за его действиями, вступили на путь открытого сопротивления, покинули Урбана и

собрались в Ананьи, где открыто стали утверждать, что избрание Урбана VI происходило под принуждением и потому якобы недействительно. Поэтому папский престол следует считать свободным и необходимо избрание нового папы.

Возглавлял партию, выступившую против Урбана, кардинал Амьенский. Оппозиционные кардиналы находились под вооруженной защитой графа Фонды Гаетани. Они вступили также в связь с французским королем Карлом V, который заверил их в своей поддержке. В то же время Урбан втянулся в конфликт с неаполитанским королевством, с королевой Иоанной, против которой он поддерживал союзника венгерского короля Лайоша I — герцога Карла Дураццо. Теперь уже все кардиналы, за исключением одного Тибальдески (который вскоре скончался), были в Ананьи. В ответ папа Урбан назначил 29 новых кардиналов, естественно, из приверженцев своей партии, в том числе и многих своих родственников.

Кардиналы, собравшиеся на выборы нового папы, расположились в Фонди, на неаполитанской территории, где 20 сентября 1378 года папой был избран кардинал-француз Роберт Женевский, принявший имя Климента VII (1378–1394). Новый папа был скорее политиком и полководцем, чем живущим в святости иерархом церкви. Следовательно, у него и шансы были выше в надвигающихся схватках. После того как Урбан, прочно удерживавший свои позиции в Риме, предал анафеме антипапу и его кардиналов, то же самое в отношении Урбана сделал и Климент VII, временно пребывавший в Фонди. Тем самым церковный раскол стал свершившимся фактом.

Юрисдикция обоих пап внутри вселенской церкви признавалась в зависимости от политико-властных интересов. Законность Урбана VI признали Германо-римская империя, Венгрия, Польша, Скандинавские страны и Англия; к церквям, которые выразили послушание Клименту VII, принадлежали церкви таких государств, как Франция, Шотландия, Неаполь, Сицилия и государства Пиренейского полуострова. Это деление в основном отражало состав противостоящих друг другу блоков в Столетней войне. Естественно, были и исключения; так, например, австрийский герцог Леопольд занял сторону Климента. Университеты, провинции монашеских орденов, епископства сами решали вопрос о своей юрисдикции. Факт формирования национальных церквей свидетельствует о том, что церкви, как правило, следовали за линией поведения, принятой светской властью. А в монашеских орденах разделение происходило по провинциям.

Схватка двух пап завершилась бесславной вооруженной борьбой в Италии, в которой помимо французов и неаполитанцев приняли участие и венгры. Интересы Климента VII защищали французские войска, союзные с Иоанной Неаполитанской, в то время как Урбан, признавая притязания венгерских Анжу на Неаполь, мог опереться на итальянское и венгерское оружие. Рим вновь раскололся на две партии; во главе оппозиции Урбану стоял род Орсини. В начале 1379 года победу одержали наемники Урбана, так что в их руки попал и Замок Святого Ангела, и Ватикан; Урбан укрепил свою власть и в Церковном государстве. Климент VII бежал из Фонди в Неаполь, а в июне 1379 года он окончательно поселился в Авиньоне. Из своих французских сторонников он назначил новых кардиналов и в не остывших еще папских дворцах тотчас приступил к новой организации курии. Таким образом, у святой матери-церкви появилось две главы — двое пап, две курии, и соответственно поступающие из Рима и Авиньона, в равной степени претендующие на свою исключительность и законность параллельные назначения, противоречащие друг другу постановления, налагаемые и той и другой стороной налоги — все это создавало анархию в

управлении церковью. В этой обстановке блюстителями распадающегося церковного порядка стали выдавать себя светские князья; от их воли зависело осуществление того или иного папского постановления, заполнение бенефиций. Тем самым соперничающие между собой папы сами предоставляли возможность государству стать над церковью и содействовать созданию национальной церковной автономии.

В то время как в масштабе Европы борьба двух пап находилась в зависимости от результатов соперничества Англии и Франции, в Италии это определялось междоусобной борьбой между членами Анжуйской династии. Королева Иоанна Неаполитанская усыновила Людовика Анжуйского, желая этим с помощью французского королевства обеспечить для себя трон. Однако венгерский король Лайош I и военачальник папы Урбана Карл Дураццо разбили французское войско и заняли Неаполь. Урбан VI лишил Иоанну неаполитанского трона и в 1381 году короновал герцога Дураццо неаполитанским королем под именем Карл III, что давало папе право быть сюзереном над Неаполем. В 1382 году по приказу Карла Иоанна была убита.

В это время римляне взбунтовались против ненавистного им Урбана VI, который навязал им новую войну. Папа бежал к своим союзникам в Неаполь. Против явно нервного Урбана его собственные кардиналы начали плести заговор при поддержке Карла III. Папа раскрыл заговор и в январе 1385 года в Ноцере велел схватить шесть замешанных в заговоре кардиналов и бросить в тюрьму. Когда выяснилось и соучастие короля, курия бежала в Геную, а Урбан предал анафеме своего прежнего союзника. Увезенных с собой кардиналов — за исключением одного — он велел безжалостно убить. Действия папы, недостойные главы церкви, вызвали глубокое отвращение.

В 1386 году неаполитанское королевство попало в руки французских Анжу, что отрицательно сказалось на положении Урбана в Италии, но позволило ему в 1388 году возвратиться в Рим. Хаос и разруха по-прежнему продолжались в Вечном городе. Папе пришлось издать специальное постановление, которое запрещало использовать покинутые кардиналами дворцы и церкви в качестве каменоломен. И все же каждый облегченно вздохнул, когда осенью 1389 года полусумасшедший папа Урбан скончался. Многие, в том числе и сам Климент VII, считали, что тем самым будет восстановлено единство церкви и его признают единственным папой. Выяснилось, однако, что раскол был намного глубже. Римские кардиналы быстро достигли согласия — ведь большинство из них принадлежало к неаполитанской партии. Папой был избран малообразованный в области теологии выходец из обедневшей неаполитанской баронской семьи кардинал Томачелли, принявший имя Бонифация IX (1389–1404). Ему удалось добиться признания Неаполем и таким образом укрепить свои позиции также и в Центральной Италии.

Понтификат Бонифация IX характерен, наряду с процветающим nepотизмом, также дальнейшим упадком в области финансов, дальнейшим ростом задолженности курии. Он начал продавать за деньги должности в курии и в Церковном государстве. Смысл этих сделок состоял в том, что папа продавал определенные церковные должности «навечно» за наличные деньги, выплаченные единой суммой. Покупатель затем мог извлекать из этой должности столько дохода, сколько мог. С именем Бонифация IX связана также продажа по объявленным ценам бенефиций, подпадающих под папскую резервацию, передача в аренду банкирам или желающим нажиться церковным или светским феодалам права осуществлять сбор церковных налогов.

Последним римским папой периода Великого раскола был венецианец Григорий XII (1406–1415).

Он искренне желал ликвидировать раскол и уже при вступлении на престол заявил, что готов отказаться от престола, если так же поступит и авиньонский папа.

В это время авиньонская курия снова отличалась блеском и роскошью, но в политическом и материальном отношении в еще большей степени находилась под властью французского короля, чем в XIV веке. Авиньонские кардиналы после Климента VII избрали папой под именем Бенедикта XIII (1394–1423) испанца Педро де Луна. Но если Климент VII действительно пользовался поддержкой со стороны французского двора и высокоавторитетного Парижского университета, то его преемник в лучшем случае мог рассчитывать лишь на герцога Орлеанского и испанцев. После убийства в 1407 году герцога Орлеанского — под воздействием стремления Парижского университета к достижению церковного единства — французский король стал также приверженцем согласия. В таком духе в 1407 году в Савоне должны были пройти личные переговоры между римским и авиньонским папами о восстановлении единства церкви. Оба папы вошли в город во главе своих войск; одну часть города занял Григорий, а другую — Бенедикт. Святые отцы хотели сесть за стол переговоров с оружием в руках, но именно из-за этого их личная встреча так и не состоялась.

Савонский спектакль однозначно показал, что папы, исходя лишь из добрых побуждений, не смогут договориться. Французский король осадил Авиньон, и Бенедикт XIII сначала бежал в Прованс, а затем к испанцам. Инициативу взяли в свои руки университеты и духовные ордена. Все более ширилось соборное движение, к которому примкнуло также большинство кардиналов обоих пап. Уже хотя бы потому, чтобы это движение не добилось успеха без них и тем паче — против них. Тогда Парижский университет, находившийся в зените своего авторитета, разработал четыре законных пути для преодоления кризиса. Папский престол окажется незанятым, если:

- 1) римский и авиньонский папы по своей доброй воле взаимно откажутся от престола,
- 2) оба папы подчинятся решению специально созданной комиссии,
- 3) вопрос о судьбе папства будет решен вселенским собором,
- 4) обоим папам будет отказано в повиновении.

Так как два первых предложения отпали из-за сопротивления пап, а четвертое показалось слишком революционным, то все больше пробивало себе дорогу решение, отвечающее духу времени, а именно идея созыва вселенского собора. Среди церковно-политических сторонников соборного принципа наиболее значительной фигурой в коллегии кардиналов был кардинал Франческо Зарабелла, а среди теологов — профессор Парижского университета Жан Жерсон. Общепринятым стало мнение, что ставшему уже для всех неудобным расколу положить конец может лишь собор и это будет подходящим форумом также и для осуществления церковной реформы. Идея папского абсолютизма была вынуждена уйти в оборону. (Лишь во времена контрреформации эта идея окончательно победит и конциляризм будет объявлен ересью.)

Сбежавшие от Григория XII семь кардиналов и бросившие Бенедикта XIII на произвол судьбы шесть кардиналов вместе созвали вселенский собор, открытие которого произошло в Пизанском храме 25 марта 1409 года. Пизанский собор представлял собой совещание, проведенное под руководством кардинальской олигархии. Ни один из пап не признал его законным, и все же в нем приняло участие 24 кардинала, около 100 епископов, целая рать аббатов и каноников. Собор показал, что в управлении вселенской церкви роль кардинальской консистории возросла еще больше. Председательствовал на этом соборе архиепископ Миланский Петр. (И здесь заметно проявилось

вечное соперничество между Римом и Миланом.) Процесс против пап, проведенный собором, завершился низложением обоих пап, и они были отлучены от церкви как отъявленные раскольники, еретики и клятвопреступники. Ведущей фигурой собора был энергичный кардинал Балтасар Косса. По его предложению Пизанский собор избрал папой под именем Александра V (1409–1410) уже одряхлевшего архиепископа Миланского. Александр V утвердил декреты Пизанского собора и закрыл заседание, обусловив, что новый вселенский собор, который будет созван через три года, займется разработкой церковной реформы.

Папа, избранный собором, переместил свою курию в Болонью. Кандидатура папы Александра оказалась идеальным компромиссом, ибо через несколько месяцев он скончался. Кардиналы Болоньи в качестве преемника избрали папой Валтасара Коссу, который принял имя Иоанна XXIII (1410–1415). Этот папа, несомненно, был человеком больших способностей, но он скорее являлся светски мыслящим политиком и кондотьером, чем высшим иерархом. Это был авантюрист, обладавший блестящими и привлекательными способностями. Буркхардт также упоминает эти его качества, отмечая, что Косса, будучи якобы морским пиратом, принимал участие в борьбе двух ветвей династии Анжу за Неаполь.

Однако приверженцам конциляризма пришлось разочароваться. Ни римский, ни авиньонский папы не обращали внимания на решения Пизанского собора; у них и в мыслях не было отречься от престола. Собор же совершил ошибку, предварительно не обеспечив себе поддержку со стороны германского короля, светской власти, и не располагал средствами принуждения. Таким образом, во главе церкви оказались одновременно три папы! Римский папа по-прежнему пользовался поддержкой германского короля и признанием со стороны Неаполя; в Центральной Италии и в Риме власть принадлежала ему. Авиньонский папа, после того как французы стали на сторону собора, перешел под защиту испанцев. Его верховенство признали государства Пиренейского полуострова и Шотландия. Свою резиденцию он перенес в Перпиньян. Влияние папы, избранного в Болонье, было ограничено Ломбардией, но в конечном счете внутри вселенской церкви он встретил почти всеобщее признание.

Во времена раскола сословные и национально-церковные устремления основательно подорвали папство. На берущих свое начало в Пизе реформаторских соборах делались попытки преобразовать абсолютистскую папскую монархию в конституционно-сословную. Однако национально-церковные устремления, заложенные в конциляризме, были направлены против всей церкви и существовавшего строя, что и проявилось — в первую очередь в Англии и Чехословакии — в форме национальных еретических движений.

В Англии радикальную программу церковной реформы провозгласил профессор Оксфордского университета Джон Уиклиф (1320–1384). Он подчеркивал независимость королевской власти от папы, а также право короля на церковную собственность. Папа объявил Уиклифа еретиком. Однако английский король и сословия взяли его под защиту, ибо находились в состоянии войны с Францией, которую поддерживали авиньонские папы. Лишь тогда, когда Уиклиф пошел дальше в направлении народного еретического движения, их интересы разошлись. Уиклиф начал проповедовать идею о необходимости возвратиться к простоте и демократичности раннехристианской церкви. Он перевел на английский язык Библию, требовал вести богослужение на английском языке. По его мнению, то, чего нет в Библии, то не христианство по своей сути, а следовательно, не являются таковым ни

папство, ни духовное сословие, ни монашество, ни целибат, ни месса, ни исповедь и т. д. Уиклифу пришлось бежать от инквизиции, а его последователи, лолларды, были с беспощадностью истреблены.

Папа также объявил еретиком чешского ученика Уиклифа — пражского магистра богословия Яна Гуса (1369–1415). (Учение Уиклифа привезли в Прагу супруги придворных чешского короля Венцеля, англичанки по происхождению.) Гус развил это учение и органично соединил его с антинемецкими чешскими национальными устремлениями; он также углубил их социальное содержание. Вначале Венцель поддерживал антиимперское направление движения, но после того, как папа отлучил Гуса от церкви, король бросил его на произвол судьбы. Чешская аристократия и после этого оказывала поддержку Гусу, и лишь при Сигизмунде (Жигмонде) началось более активное преследование представителей этого движения. Причину этого следует искать в том, что Сигизмунд пытался согласовать имперские интересы с церковными. Движение за реформы, выдвигавшее требования демократизма и бедности церкви, а также требование причащения под обоими видами (т. е. хлебом и вином), получило поддержку со стороны чешской аристократии, настроенной антинемецки и питавшей надежду получить экономические выгоды. Сигизмунд добился того, что Гус явился на Констанцкий собор, открывшийся в 1414 году, где его, несмотря на охранную грамоту короля, поставили перед судом, объявили еретиком и 6 июля 1415 года сожгли на костре. Последователи ставшего мучеником Гуса начиная с того времени стали более радикальными и в соответствии со своими общественными программами разделились на два лагеря: аристократическая, консервативная линия гусизма (так называемые чашники) искала компромисса, в то время как антифеодальное, национальное направление (табориты) начало войну против Сигизмунда. Гусизм в Центральной Европе явился предшественником Реформации.

Констанцкий собор (1414–1418)

Германо-римский император и венгерский король Сигизмунд (1387–1437) взялся сам за ликвидацию раскола, ибо его имперская власть нуждалась в консолидированной церковной поддержке. Германии и Венгрии, погружавшимся в феодальную сословную анархию, грозила опасность с двух сторон: внешняя опасность в лице все более глубоко проникающих на Балканы турок и внутренняя — гуситское движение. Сигизмунд более точно, чем церковь, понял сущность гусизма, в котором он видел не только опасную ересь, но и национальное движение народа, угрожавшее всему феодальному общественному строю. Чтобы сдержать это движение, Сигизмунд, для центральной европейской монархии которого эта проблема стала весьма актуальной, поставил задачу ликвидировать церковный раскол. С другой стороны, и крестовый поход против турок, требовавший европейского сплочения, без ликвидации раскола тоже невозможно было себе представить.

Сигизмунд хотел восстановить единство церкви в духе конциляризма. Вспомнив опыт византийских, а затем франкских императоров, он сам выступил инициатором созыва вселенского собора. В то же время и избранный на Пизанском соборе папа Иоанн XXIII, теснимый неаполитанцами, надеялся на церковное признание со стороны германского короля и собора. В соответствии с договоренностью, достигнутой между Иоанном XXIII и императором в Комо, Сигизмунд осенью 1413 года направил обращение ко вселенскому христианству, в котором сообщил о созыве вселенского собора в городке Констанц в Швейцарии. В декабре 1413 года Иоанн XXIII опубликовал церковный документ о созыве собора.

Повестка дня собора, открытие которого было назначено на 1 ноября 1414 года, включала следующие вопросы:

1. Преодоление «Великого раскола».
2. Реформа церкви «in caritate et membris» (т. е. в голове и членах).
3. Преодоление ересей.

Констанцкий собор из всех западных соборов может быть действительно назван вселенским, ибо в нем приняли участие также руководители восточной церкви. (Первоначальное значение слова «вселенский»: всеобщий, универсальный, охватывающий весь мир. Экуменическими, вселенскими называли те соборы, на которых была представлена вселенская церковь во всей своей совокупности. После раскола церкви на западную и восточную католическая церковь продолжала претендовать на универсальность; вот почему и соборы католической церкви назывались вселенскими. Католическая трактовка экуменизма вплоть до II Ватиканского собора означала, что отколовшиеся христианские церкви вновь должны воссоединиться в католической церкви.) Одновременно это был также первый европейский конгресс, ибо наряду с духовенством на нем присутствовали и светские власти, которые не только представляли на соборе, но и оказывали свое влияние на него.

28 октября 1414 года папа Иоанн XXIII прибыл в Констанц. Однако осторожный папа не доверял ни Сигизмунду, ни еретику Гусу. Поэтому еще 15 октября папа Иоанн заключил тайное соглашение с австрийским герцогом Фридрихом, согласно которому папа назначал Фридриха верховным командующим римской церкви с жалованьем 6000 гульденов в год. В обмен на это Фридрих обеспечивал вооруженную защиту папы в Констанце, находившемся на землях Габсбургов.

5 ноября 1414 года Иоанн XXIII торжественно открыл вселенский собор, объявив его продолжением Пизанского совещания. Представители высшего духовенства собирались на собор весьма неторопливо. Сам Сигизмунд явился в Констанц к рождеству 1414 года. Однако вскоре собор стал самым многочисленным форумом средневековья. На соборе присутствовали лично или прислали своих представителей 3 папы, 3 патриарха, 29 кардиналов, 33 архиепископа, 150 епископов, посланцы монашеских орденов и университетов. Из светских князей лично присутствовали король германский и венгерский Сигизмунд, герцоги Баварский, Австрийский, Саксонский, Мекленбургский, Лотарингский; короли же Франции, Англии, Шотландии, Польши, Швеции, Дании, Норвегии, Неаполя и Сицилии прислали в качестве своих представителей послов. Были периоды, когда в небольшом швейцарском городке скапливалось до 20 000 человек. (Для обслуживания почтенных соборных отцов и светских государей во время проведения собора в Констанце находилось также до 700 женщин легкого поведения, искавших там счастье.)

На Констанцском соборе с самого начала господствовал дух конциляризма. На нем во время совещаний основную роль играли не представители церковной олигархии, кардиналы, а епископы, среднее церковное сословие. Тем самым была реализована идея сословности. До марта 1415 года на соборе председательствовал Иоанн XXIII, но на ход собора оказывал влияние и Сигизмунд. Относительно регламента была достигнута договоренность о том, что на соборе каждой нации будет предоставлен отдельный голос, независимо от числа участников. Национальное разделение народов в основном соответствовало наличию национальных церквей. Итак, одна нация располагала на соборе одним голосом. Собор разделился на следующие четыре нации: 1) германская нация (сюда относились также венгры и поляки); 2) французская нация; 3) английская нация (вместе с

шотландцами); 4) итальянская нация. (Пятая нация, испанская, приняла участие в соборе лишь в 1417 году, после низложения Бенедикта XIII.) И наконец, еще один голос получила кардинальская коллегия, а точнее, мнение большинства, сложившегося на коллегии. Внутри отдельных наций голосование производилось при формировании общего мнения или по принципу большинства голосующих, причем наряду с высшими духовными иерархами право голоса получали главы капитулов, доктора теологии и светские лица. Следовательно, собор формировался по образцу сословного собрания. Путем проведения голосования по нациям было достигнуто то, что итальянцы, располагавшие численно абсолютным большинством, не могли реализовать свои устремления; с другой стороны, на соборе было ограничено и влияние кардиналов. В частности, собор ограничил максимальную численность кардинальской коллегии 24 членами.

Основная деятельность собора началась не с реформ, а с восстановления единства. В качестве предварительного условия достижения единства была оговорена необходимость освобождения папского престола, ибо решающее большинство собора считало, что единство может быть достигнуто лишь в результате отречения всех трех пап. Сигизмунд и собор признали правомочными папскими легатами представителей пап Григория XII и Бенедикта XIII, тем самым они были поставлены в один ряд с Иоанном XXIII. Иоанну стало ясно, что и он не сможет добиться всеобщего признания собора. Его позиции оказались в еще большей степени подорванными, когда в начале 1415 года почти девятистолетний Григорий XII высказал намерение добровольно отказаться от папского сана.

Собор параллельно приступил к обсуждению вопроса и о единстве веры. Основное внимание было посвящено обсуждению взглядов Уиклифа и судебному процессу над прибывшим тем временем на собор Яном Гусом. Комиссия по расследованию дела Гуса была назначена еще Иоанном XXIII. В первую очередь кардинал Отто Колонна настаивал на том, чтобы судебный процесс во что бы то ни стало завершился обвинительным приговором и Гус был сожжен на костре.

20 марта 1415 года Иоанн XXIII, опасаясь ставшего враждебным ему собора, с помощью Фридриха Габсбурга бежал, переодевшись в чужое платье. Развалу собора воспрепятствовал Сигизмунд: он запретил участникам покидать Констанц. После бегства папы Иоанна среди отцов собора восторжествовал конциляризм. 6 апреля 1415 года собор под влиянием Жана Жерсона в своем знаменитом декрете, начинавшемся словами «Haec sancta Synodus», провозгласил, что собор представляет вселенскую церковь, свою власть он получил непосредственно от Иисуса Христа и в вопросах веры, реформы и единства стоит над папой. Передовыми борцами за соборную идею были теологи-французы. А французские церковные иерархи, действуя в духе уже формируемых галликанских свобод, стремились к резкому ограничению власти папы, на тот случай, если им когда-то придется выпустить ее из своих рук. (Победа соборного принципа своеобразным образом соприкоснулась с ересями, осужденными самими участниками собора. Ведь в соответствии с концепцией конциляризма собор явился волеизъявлением Святого Духа и, как таковой, представляет вселенскую церковь. Но и альбигойская и вальденская ереси вместо церкви тоже выдвигали понятие Святого Духа.)

Вскоре папа Иоанн XXIII был обнаружен, и собор предал его суду. Он был объявлен раскольником и еретиком, обвинен в скандальной личной жизни в прошлом и в симонии и свергнут с папского престола. Торжественное объявление о низложении Иоанна XXIII последовало 20 мая 1415 года.

После этого римский папа Григорий XII действительно решил добровольно отречься от сана, что и сделал 20 июля 1415 года. Затем наступила очередь Бенедикта XIII, уединившегося в неприступной крепости Пенискола. Однако упрямого старца ни Сигизмунд, ни делегация собора не могли склонить к разумному выбору. Лишь после того, как шотландцы и государства Пиренейского полуострова (за исключением Арагона) отошли от него, собор начал судебный процесс против папы Бенедикта.

После длившегося полтора года разбирательства 26 июля 1417 года было объявлено о низложении Бенедикта XIII. Тем самым был открыт путь к избранию нового, признанного всем вселенским собором папы. В Пенисколе с папой Бенедиктом XIII осталось всего три кардинала. Когда в 1423 году Бенедикт скончался, они избрали на его место преемника, но уже один из них тут же выступил против него в качестве антипапы. Последний акт трагического раскола окончился комедией.

Как только папский престол оказался свободным, собор столкнулся с новой проблемой. Сигизмунд внес предложение вначале решить вопрос о церковной реформе и лишь потом приступить к избранию папы, которого обяжут провести реформы. Но большинство представителей высшего духовенства придерживалось мнения, что сначала следует избрать папу и затем под его руководством разработать реформы. В соответствии с достигнутым компромиссом 9 октября 1417 года были опубликованы пять декретов о реформах, которые были уже подготовлены. Наиболее значительным среди них был так называемый декрет «Frequens» (по первому слову декрета). Он устанавливал, что следующий вселенский собор должен быть созван через пять лет, последующий за ним — через семь, а в дальнейшем — каждые десять лет. Тем самым вселенский собор хотели превратить в постоянный форум церковной организации и управления церковью. Дальнейшие реформистские декреты (например, декрет «Haec sancta Synodus») ставили своей целью поставить заслон на пути раскола. Вновь установили порядок избрания папы, было провозглашено, что наряду с кардиналами нации также получают по одному голосу. В общем декреты были направлены против папского централизма.

Констанцкий собор выполнил один пункт (первый) из трех, изложенных в программе. Расколу был положен конец в результате выборов нового папы, состоявшихся 11 ноября 1417 года. На собравшемся в Констанце конклаве наряду с 23 кардиналами участвовали также по шесть высших священнослужителей от пяти наций, но они не имели своего личного голоса, а лишь по одному голосу от каждой нации. Новым папой стал авторитетный римский кардинал Отто Колонна, принявший имя Мартина V (1417–1431). Член влиятельнейшего и богатого римского рода, он в свое время входил в окружение Иоанна XXIII, но на соборе кардинал Колонна не играл ведущей роли. Возможно, этим он и обязан своему избранию. Скорее всего, он выдвинулся как защитник чистоты католической веры. По просьбе инквизиции именно им производилось расследование книг Уиклифа и Гуса, и его строгая последовательность в значительной степени обусловила трагедию Гуса.

Коронация Мартина V проводилась в Мюнстере. Этот акт заслуживает внимания хотя бы потому, что происходивший из древнего римского рода Колонна был единственным римским папой, которого короновали на земле Германии. За сто лет до выступления Мартина Лютера папа проехал по улицам немецкого города, и по обе стороны от него, держа под уздцы белого лошака, шествовали римский король Сигизмунд и курфюрст Бранденбургский.

После своего избрания Мартин V ловко и энергично взялся за обезоруживание собора. Он настолько рьяно выполнил второй пункт программы собора по отмежеванию от догматических неурядиц, что

досконально раскритиковал учения Уиклифа и Гуса и сожжением на костре Гуса показал назидательный пример уничтожительной борьбы с ними. Гус пошел на смерть как мученик, но собор не только не положил этим конец распространению ереси, но, наоборот, еще больше раздул ее пламя. Мартин V покончил с этим вопросом в своей булле от 12 марта 1418 года, объявив последователей учения Уиклифа и Гуса еретиками.

Собор не осуществил программу, затрагивающую коренные причины всех бед, не провел реформу церкви. Вместо реформистских мероприятий вселенского масштаба папа заключил соглашения, компромиссы с отдельными нациями (таковы, например, германский и английский конкордаты). 22 апреля 1418 года папа закрыл собор, не утвердив его декреты. Этого он не сделал уже хотя бы потому, что собор этого не требовал: согласно конциляристской концепции, решения вселенского собора действительны и без папского утверждения. Папе Мартину V, получившему вселенское признание в церкви, было нелегко определить место своей резиденции. Рим почти полностью обезлюдел. В Церковном государстве власть была в руках рыцарей-грабителей. Французы вновь заманивали папу в Авиньон, а Сигизмунд хотел бы, чтобы папа обосновал курию в каком-либо германском городе — в Базеле, Майнце или Страсбурге. Однако Мартин V ясно видел и понимал, что если он хочет действовать самостоятельно, то не должен принимать ни одно из приглашений, а должен вернуться в Италию, по возможности в Рим.

Борьба между конциляризмом и папизмом (1418–1447)

Мартин V вначале расположился во Флоренции и лишь 28 сентября 1420 года прибыл в Рим. Папа из рода Колонна пожелал вновь сделать Рим столицей Италии и всего христианского мира. Большую часть своего понтификата он посвятил реставрации курии и упорядочению отношений в Папском государстве.

Когда Мартин V прибыл в Рим, население Рима составляло всего 17 500 человек, да и те в основном крестьяне, пастухи. Развалины, запустение, нищета отмечались на каждом шагу. Вместо прежних гордо возвышавшихся церквей и храмов над морем руин поднимались мрачные башни римского барокко, державшие в страхе население Рима. Были разрушены не только античные памятники, но и средневековый город. Замок Святого Ангела почти обрушился, камни Латеранского папского дворца растаскивались, и поэтому папа поселился в Ватикане. Запустение не пощадило и Леонтину (город Льва); крыша базилики Святого Петра обрушилась, на полу росла сорная трава. Не особенно отличалось положение и в Патримониуме Святого Петра. Когда-то сказочно плодородная Кампанья превратилась в болотистую местность, на возвышенных местах устроили себе пристанища грабители и водились волки. В садах Ватикана по ночам слышался волчий вой.

Мартин V решительно приступил к восстановительным работам, к наведению порядка. В первую очередь он сделал Ватикан пригодным для жилья, затем восстановил Замок Святого Ангела, последнее прибежище пап. Начались также работы по осушению болот в Кампанье. Была восстановлена в Латеране церковь Святого Джованни, часть фресок которой была создана Пизанелло. Доминиканец Фра Анджелико возвратился в живописи к мистическим источникам. Сенсуалистское направление продолжали Пьеро делла Франческа и Фра Филиппо Липпи. Мартин V призвал в Рим Мазаччо, который расписал фрески в капелле Бранкаччи и в Джентильи. Великолепную тиару для папы из рода Колонна, оказывавшего покровительство искусству, изготовил флорентинец Лоренцо Джиберти. (Преемник Мартина — Евгений IV заказал у Донателло

барельефы на бронзовые ворота храма Святого Петра.) Мы по праву можем назвать папу Мартина V римским предвестником Ренессанса и гуманизма или первым папой эпохи Ренессанса — ведь при его дворе подвизались гуманисты-ученые, писатели, философы.

Мартин V обуздал разбойников и грабителей, восстановил в Риме и в государстве общественный порядок и безопасность. Во времена своего понтификата он оживил городское самоуправление и таким образом ликвидировал также функции легата, поставленного собором во главе Рима. Но навести порядок в Церковном государстве ему было уже более сложно. В провинции бароны попрятались за стенами своих почти неприступных крепостей, а предводитель наемников по имени Браччио со своим войском, набранным из бродяг-наемников и грабителей, захватил власть почти во всем Церковном государстве. Папа был вынужден вступить в переговоры с кондотьером, пока в конце концов с помощью окружающих городов-государств ему не удалось одержать верх над бандитами. (Браччио погиб при штурме Апулии в 1424 году.)

Заслугой Мартина V, избранного в Констанце, является то, что расчлененное Церковное государство он собрал в единое монархическое целое и заложил основы папской государственной власти нового времени. С его именем также связана организация такого важного органа управления Церковным государством, как государственный секретариат. Однако и ему для государственно-организационной работы требовались близкие родственники. Всеобщее явление эпохи (в частности, и в Италии) — превращение княжеских родов, ставших во главе городов-государств, в династии — коснулось и Папского государства. В период своего понтификата Мартин V, опираясь на династические связи рода Колонна, укрепил папскую власть. Свою племянницу он выдал замуж за герцога Урбино из династии Монтефельтре; младшую сестру Паулу выдал замуж, обеспечив княжескими владениями. Безмерный nepотизм Мартина — оправдываемое прегрешение, ибо в этой ситуации он служил восстановлению верховной власти папы и объективно — интересам церкви. Благодаря многочисленным семействам, восходящим к Колонна и давшим многих пап, Церковное государство вписалось в систему итальянских городских монархий.

После того как положение Мартина V в Италии упрочилось, он попытался вновь реализовать верховную власть папы внутри вселенской церкви. Папа противопоставил абсолютистскую монархическую систему церкви соборной конституционной сословности. В соответствии с декретом «Frequens» по истечении пяти лет в 1423 году в Павии вновь собрался вселенский собор, однако из-за вспышки чумы папа перенес его в Сиену. На Сиенском соборе Мартин V вновь предал анафеме все еще пребывающего в Пенисколе при поддержке Испании Бенедикта XIII, упрямо называвшего себя папой. На этом соборе были сделаны попытки осуществить реформу церкви посредством ограничения верховной власти папы, но заседания посещались весьма редко, собор не ощущал также поддержки со стороны Сигизмунда в своих антипапских выступлениях. В результате Мартин V в марте 1424 года без всяких объяснений распустил собор.

В 1425 году Мартин V взял в свои руки решение вопроса о реформах. Он провел целый ряд мероприятий по управлению церковью, в первую очередь — по реорганизации курии. Он ввел в кардинальскую коллегия наряду со своими родственниками наиболее авторитетных, гуманистически настроенных представителей высшего духовенства тогдашней Европы, таких, как кардиналы Капраника, Чезарини и Доминичи, решительных сторонников реформ. Во время понтификата Мартина кардинальская коллегия все еще сохраняла интернациональный характер, но

чем дальше, тем больше в ней складывалось итальянское большинство. В последние годы пребывания Мартина на папском престоле началась война Сигизмунда с гуситами. Папа назначил легатом крестового похода против гуситов кардинала Джулиано Чезарини.

На седьмой год после Сиенского собора, в 1431 году, в Базеле собрался очередной вселенский собор. К последним распоряжениям папы относится назначение кардинала Чезарини полномочным папским легатом на Базельском соборе. Вскоре после этого Мартин V скончался.

Конклав возвел на престол племянника Григория XII, венецианца по происхождению, принявшего имя Евгения IV (1431–1447). Перед избранием нового папы он также подписал капитуляции, в которых его обязывали провести куриальные реформы. У нового папы отсутствовали политическая энергия и дипломатическое чутье, присущие его предшественнику. Первую тактическую ошибку он совершил, изгнав из Рима и со всех занимаемых ими должностей родственников предшественника, тем самым превратив род Колонна в своих смертельных врагов. При колеблющемся и бессильном Евгении IV на последнем крупном реформаторском соборе XV века, заседания которого то и дело прерывались, конциляризм достиг своей вершины.

Когда кардинал Чезарини открыл Базельский собор, в город не прибыл еще ни один епископ. Дискуссии медленно собиравшихся отцов собора начались в более радикальной антипапской атмосфере, чем это было даже на Констанцском соборе. Участники собора начали с того, что объявили себя однозначно стоящими над папской властью. В конце 1431 года папа Евгений IV довольно поспешно и необдуманно распустил собор своей буллой «Quoniam alto». Однако собор воспротивился решению папы, остался на месте и потребовал прибытия Евгения IV на собор. Базельский собор стал под защиту короля Сигизмунда: между папой и собором произошел открытый разрыв. Но кардиналы тоже хотели избежать церковного раскола, поэтому вместе с Сигизмундом они настойчиво стремились к компромиссу. Тем временем Базельский собор добился серьезных успехов в деле примирения с умеренным крылом гуситов. На заседания Базельского собора пригласили вождей чашников, двух братьев Прокопов, которые в конце концов в 1433 году приняли условия Пражского соглашения. Этим компромиссом в историю католической церкви впервые вошла религиозная терпимость!

Папа за минувшие два года понял, что если собор без него восстановит единство веры, то его собственные позиции подвергнутся опасности. Поэтому и он проявил склонность к компромиссу. Летом 1433 года Евгений IV в Риме короновал Сигизмунда в императоры. А в декабре 1433 года он отменил свое же решение о роспуске Базельского собора и снова признал его полностью законным. Во вновь начавшем свою работу в 1434 году Базельском соборе принимал участие и сам император. Был принят целый ряд таких декретов по реформе, которые позже были признаны папской церковью каноническими. Таковыми были, например, реформа жизни и поведения духовенства, осуждение симонии и внебрачного сожительства, регламентация церковной службы и псалмопения, обязательность проведения провинциальных соборов и т. д. Собор по-новому регламентировал порядок избрания пап и кардиналов. Собор установил, что численность кардинальской коллегии может составлять максимум 24 человека, но при условии, что представители одной нации не должны превышать половину от этого числа. Противоречия между папой и собором еще больше обострились, когда собор постановил урезать папские доходы. В 1435 году были отменены многие специальные папские доходы; хотели отменить также практику аннат и такс. В то же время о

самостоятельности папства в финансовом отношении свидетельствует тот факт, что Рим при Евгении IV получил право чеканить собственные монеты.

В это время в Риме возобновились волнения, подстрекателями которых являлись представители рода Колонна. В 1434 году папа Евгений IV бежал вначале в Замок Святого Ангела, а затем во Флоренцию. Курия находилась там в течение девяти лет; в Риме между тем была провозглашена республика. Папа во времена своего пребывания в изгнании во Флоренции установил тесные связи с представителями гуманизма, с его художественным воплощением — Ренессансом. Курию во Флоренции в полном смысле слова наводнили гуманисты.

Окончательный разрыв между Базельским собором и папой произошел в 1437 году. Евгений IV своей буллой «*Doctoris gentium*» переместил собор на итальянскую землю, в Феррару; его призыву тогда последовала лишь меньшая часть собора. Император и князья поддерживали Базельский собор, но конциляризм со смертью Сигизмунда потерял свою главную опору. Таким образом, папа в начале 1438 года беспрепятственно смог открыть собор в Ферраре.

Собор в Ферраре осудил принятые к тому времени решения по вопросам реформы, противоречащие примату папы. Евгений IV попытался поднять авторитет папы, используя тяжелое положение Византии, которую теснили турки, для унижения греко-восточной церкви, с тем чтобы после полной капитуляции заключить с нею унию. В Феррарском соборе, на котором решался вопрос об унии, приняло участие высшее духовенство греческой церкви под руководством императора Византия Михаила Палеолога и Константинопольского патриарха Иосифа. Греки хотя и не без сопротивления, но в конце концов были вынуждены принять филиокве и примат папы, но сохранили свои литургические традиции. Для них уния была политической необходимостью: пойдя на восстановление единства церкви, они надеялись, что латинский христианский мир окажет им вооруженную поддержку в борьбе не на жизнь, а на смерть с турками. Действительно, авторитет Евгения IV возрос благодаря тому, что 6 июля 1439 года декрет, начинавшийся словами «*Laetantur coeli*» и подписанный греческими иерархами, привел, в соответствии с требованиями папы, по крайней мере на бумаге, к унии. Практическое же осуществление унии потерпело неудачу, натолкнувшись на сопротивление греческого низшего духовенства и верующих. Когда ожидавшаяся помощь Запада не поступила, то и император не настаивал на дальнейшем претворении унии в жизнь. Собор же, на котором была подписана уния, после своего 15-го заседания из-за вспыхнувшей в Ферраре чумы переехал во Флоренцию.

Оставшиеся в Базеле соборные отцы вступили на путь радикализма. Их решения чуть ли не призывали к церковной революции. На Базельском соборе они в противовес папскому абсолютизму выдвигали верховенство народа, трактуя его с радикализмом, выходящим за рамки сословности. Но требование демократической церковной конституции противоречило монархическим в своей основе организации и мировоззрению церкви. На Базельском соборе руководящая роль перешла из рук высшего духовенства в руки церковной интеллигенции — докторов, юристов, теологов. В начале 1438 года по их инициативе собор временно отстранил папу Евгения IV от престола. После чего кардиналы во главе с Чезарини ушли с собора; за ними в Феррару последовала также большая часть епископов.

16 мая 1439 года принятый в Базеле декрет «*Sacrosancta*» был вершиной конциляризма. (Однако он был подписан всего шестью епископами!) Декрет провозглашал, что вселенский собор во всем стоит

над папой, папа не вправе распускать собор и, кто выступает против этого, тот еретик. Логическим следствием всего этого было то, что летом 1439 года папу Евгения IV объявили низложенным и вместо него собор избрал последнего антипапу в истории церкви — герцога Амадея Савойского, который в свое время неожиданно из светского феодала стал отшельником; новый папа принял имя Феликса V (1439–1449). Однако это избрание означало уже крах дела собора. Юрисдикцию антипапы никто не признал; лишь французская церковь проявила по отношению к нему нейтралитет. В 1445 году германский король также признал Евгения IV законным папой. Базельский собор перенес свои заседания в Лозанну, и к обезлюдевшему собранию полностью был потерян интерес. В 1449 году Феликс V — после того как папа римский предложил ему кардинальскую шапку — добровольно подчинился папе, а собор самораспустился. Историческое значение Базельского собора состоит в том, что на нем демократию и терпимость внутри церкви вновь возвели в принцип. Именно поэтому представители высшего духовенства выступили против церковной интеллигенции, развивавшей сословность в направлении демократии, и вновь поддержали папу, считавшегося гарантом монархического принципа.

Папа Евгений IV, добиваясь признания своего верховенства в церкви, заключил компромиссные соглашения со светскими князьями и национальными церквями. Он был вынужден пойти на очень далеко идущие уступки по отношению к французской церкви, которая в духе Базельского собора стремилась к широкой автономии в ущерб папскому централизму (так называемые «галликанские свободы»). Во время понтификата Евгения IV длительное время казалось, что из противостояния конциляризма и папизма победителем выйдет собор. Однако церковные и светские князья, феодальные правители выступили против радикализуемого конциляризма и стали на сторону возрождающейся папской монархии. Евгений IV в двух своих последующих буллах осудил принцип соборности, но плодами его усилий, направленных на восстановление папского примата, воспользовались уже папы эпохи Ренессанса. На рассвете Нового времени оказалось, что истинным победителем над папизмом и конциляризмом стало государство, поднимающиеся национальные королевства (централизованные сословные монархии), которые использовали раздоры и функциональные неурядицы внутри церкви для укрепления влияния светской власти над церковью и внутри церкви.

При Евгении IV в Европе произошла переориентация и изменение соотношения сил. В 1435 году в связи с вымиранием династии неаполитанских Анжу неаполитанское королевство объединилось с принадлежавшей Арагону Сицилией и было создано — под гегемонией Испании — Королевство Неаполя и обеих Сицилий. Южная Италия на столетия подпала под испанское владычество. В Германско-римской империи начиная с 1438 года громадное наследство Люксембургов перешло вместе с короной императора к Альбрехту Габсбургу. С того времени ведущую роль в империи играли Габсбурги, и за ними (вплоть до Наполеона) сохранялся титул императора Германско-римской империи. Венгрия при династиях Ягеллонов и Хуньяди, напрягая последние силы, продолжала сражаться против турок. Папа с целью оказания поддержки в борьбе против турок в 1442 году направил в Буду в качестве легата кардинала Чезарини. Папский посол Уласло принимал участие также в балканском походе 1444 года и в Варнской битве погиб вместе с королем. (Вероятно, он погиб во время бегства, став жертвой разбойников-мародеров.)

Несмотря на то что вселенскому авторитету папства был нанесен ущерб, да и внутри Церковного

государства папе пришлось поделить власть с феодалами и городскими патрициями, тем не менее оно более успешно преодолело кризис XIV–XV веков, чем его бывший основной противник — империя. Великие общественные и политические преобразования конца средневековья происходили в Германии и Италии не в рамках единой империи, а в пределах ставших самостоятельными провинций и городов. В противоположность этому в результате общественно-экономического развития в XIV–XV веках в сословных монархиях Англии, Франции и Испании получила свое дальнейшее развитие централизация; королевская власть укрепилась, и с ликвидацией феодальных пережитков сложились единые национальные государства.

Папство на заре Нового времени (Ренессанс, Реформация, контрреформация, 1447–1648)

Переход от средневековья к Новому времени, охватывающий два столетия, характеризовался в истории папства большими противоречиями и изменениями. Монархическое руководство католической церковью постепенно отрывается от средневековой политической панорамы мира и, обновившись, к концу XVI века с новой энергией выступает против секуляризирующейся Европы Нового времени.

Переход от феодализма к буржуазному обществу проявился в религиозном отношении как в политической, так и в идеологической сфере (в тех рамках, в которых функционировало папство). Примерно десять пап второй половины XV века — начала XVI века делают папство великой духовной силой гуманизма и Ренессанса. Тем самым и церковь, и ее руководство созревают для неизбежной реформы. Вторжение идей гуманизма в курию и становление самого папского двора как культурного и политического центра Ренессанса — прекрасный пример разрыва со средневековым аскетизмом, отказа от средневекового мировосприятия.

Однако для внутреннего с точки зрения содержания обновления церкви и папства были необходимы внешние импульсы, движущая сила буржуазного развития. Это было привнесено немецкой Реформацией, а вслед за ней и распространившимся на все христианство обновлением веры. История папства вступила в период глубочайшего кризиса, так как оно, наверное, на протяжении полувека оказалось почти бессильным перед лицом Реформации. Когда разрыв казался уже роковым и политико-великодержавные средства оказались однозначно негодными для приостановления обновления веры, внутри церкви также начался — сначала при сопротивлении папы, а затем при его поддержке — процесс обновления, католической реформы.

Из оборонительной позиции по отношению к Реформации папство вывел Тридентский вселенский собор. Решения Тридентского собора на полтысячи лет закрепили догматы католической церкви, а на обновление веры ответили новациями, реформами. Укрепленное и обновленное здание церкви не только выдержало бури Реформации, но вскоре оказалось способным отвоевать часть утерянных позиций. После прошедшего в середине XVI века вселенского собора средневековая папская монархия не просто была восстановлена, а возник последовательный по своим идеям, современный по своим средствам, использующий все виды духовного оружия папский абсолютизм. Этот современный папский абсолютизм был зеркальным отражением расцветавшего в рамках национальных государств светского абсолютизма.

В результате активной папской деятельности, направленной на осуществление католической реформы, Рим стал в конце XVI — первой половине XVII века центром агрессивной контрреформации, целью которой было отвоевание утраченных позиций. На службу этой цели были

поставлены в одинаковой мере политическая и военная сила католических монархий, гигантски выросшая машина инквизиции, запрещающие списки и папские конгрегации. Однако в эпоху религиозных войн выяснилось, что протекающие на заре Нового времени, даже начавшиеся под религиозными лозунгами сражения за власть проходят не по рецептам папства, а как таковые имеют свою самоцель: это бои за национальные или династические интересы. Тридцатилетняя война была еще религиозной войной, но, когда она кончилась, противостояли друг другу уже не католики и протестанты, а католики и католики. В соответствии с этим папа не раз поддерживал католического французского короля, выступавшего в союзе с протестантами, против католического императора. При заключении Вестфальского мира интересы папства уже не были учтены, и его значение в секуляризирующейся политической сфере и в сфере власти было сведено до минимума. Если попытаться периодизировать историю соответственно основным проблемам исторического развития, то увертюрой к Новому времени, к буржуазной эпохе была Английская буржуазная революция (1640), а для папства ею однозначно был Вестфальский мир 1648 года.

Папы периода Ренессанса (1447–1521)

История называет десять пап, начиная с Николая V до Льва X включительно, «ренессансовыми папами». Действительно, с Николая V началось новое направление в длительной истории пап. Папство вступило в контакт с умеренным гуманизмом и Ренессансом. Свои позиции папы стремились укрепить не осуществлением реформ, ставящих под вопрос внутреннее положение церкви в системе средневекового папства, а путем превращения Папского государства в великую культурную державу, а также путем возвышения его до ранга ведущего княжества Италии.

Гуманизм был культурным и одновременно мировоззренческим движением поднимающей голову буржуазии, движением, начавшимся в Италии. Гуманизм и адекватное ему направление в культуре и искусстве — Ренессанс противопоставляли как бы вновь открываемую жизнерадостную античную культуру провозглашаемому церковью аскетизму. В центре их интересов находился не потусторонний мир, а жизнь реально существующего мира — человека и природы. Гуманисты не подвергали церковь столь резким нападкам, как еретические течения, но своим мирским мышлением подрывали основы церковного мировоззрения, ускоряя тем самым процесс отрыва общества от церкви.

Питательной средой гуманизма и Ренессанса было национальное возрождение итальянского народа, но вскоре они заявили о себе и в европейском масштабе, повсюду обогащаясь особенностями национального развития, вытесняя средневековую культуру и миропонимание. Ставя в центр мышления и мировоззрения человека, а не Бога, гуманизм и Ренессанс начали вековой процесс полной секуляризации, освобождения общества и индивидуального сознания от влияния религии.

В соответствии с этим новое идейное направление противопоставило коллективизму духовных орденов средневековья раскрытие и осуществление индивидуализма. Человек Ренессанса вместо таинства духа переживает таинство природы, естества. В результате всего этого невиданный расцвет получили наука и культура, государственное развитие и политика.

Мировоззрение средневековья было узким, ограниченным и уводило в потусторонний мир. Обновленное знание древности открыло перед человеком Нового времени более широкие горизонты. Это хорошо ощущается в развитии языка: на место средневековой латыни как универсального языка приходят классические латинский и греческий языки, проторяя тем самым путь к формированию

национальных языков и культур. Точно так же и искусства с помощью античности освобождались от оков религии, разворачивалось искусство Ренессанса с выдвиганием на передний план светских, мирских элементов. Под действием интереса к природе новый подъем получает развитие естественных наук. Гуманисты критически подходят и к обществу. Это сделало возможным отрыв политики как науки от религиозных воззрений (Макиавелли [32]) и превращение ее в самостоятельную науку. Отдельные гуманисты с едким сарказмом бичевали грязные дела церкви — в ходе филологических исследований ими, в частности, были разоблачены подделки документов, долженствующих обосновать претензии пап на мировое господство.

Лозунгом гуманистической культуры и науки было «Ad fontes!» — «Назад к источникам!», имея в виду античные источники. С точки зрения темы нашей книги особенно важен Лоренцо Валла (1405–1457), который распространил сферу исторической критики на священные книги и канонизированные тексты. (Валла, между прочим, был секретарем курии, каноником Латеранского собора.) Обладая научной подготовленностью, он подверг сомнению в первую очередь подлинность так называемого «Константинова дара», на котором средневековое папство строило свои претензии на мировое господство. Валла оспорил также, что Апостольский символ веры действительно создан апостолами, а Евангелие он рассматривал как самостоятельный исторический источник. Он подверг критическому анализу и «Вульгату»[33].

Наиболее универсальный мыслитель той эпохи — Эразм Роттердамский (1469–1536; родился в Нидерландах) обладал свободным, критическим умом. Его критика Библии, несомненно претендующая на научность, привела автора не к обновлению веры — как, скажем, Лютера или Кальвина, — а вообще настроила его против религиозного фанатизма. Эразм был даже излишне гуманистичен, он был аристократом духа и поэтому никак не мог стать на путь обновления веры. Гуманизм и Ренессанс, обращенные лишь к узкому слою общества, к образованным людям, не стали широким антифеодальным общественным движением. Поэтому им приходилось торговаться с церковью, искать компромисс, поскольку церковь давала большей части их представителей хлеб, возможность для деятельности. Они потрясли культурную монополию церкви, но разрушить ее не смогли. Мыслители-гуманисты пытались также ввести сверхъестественные откровения в сферу естественных истин. Однако возможности и рамки гуманистического мышления нового типа сформировались еще в недрах церкви, и гуманизм частично формировал церковь по своему образу и подобию. Светское, внецерковное мышление начало разворачиваться только по мере продвижения Реформации.

Традиционные культурные функции церкви и пап обусловили также и то, что начиная с середины XV века связи папства и гуманизма становятся все более тесными. Папы привлекают к своему двору ученых-гуманистов, организуют Ватиканскую библиотеку, комплектуя ее произведениями античных авторов. Папы были щедрыми меценатами искусства Ренессанса, в первую очередь стремясь к тому, чтобы блеск папского двора затмил блеск императорского и королевского двора. Новый по своему характеру интерес к наукам и компетентное патронирование искусств оттеснили и в курии на задний план не только религиозную жизнь, но и религиозно-нравственные нормы.

Папы второй половины XV века уже выступают как подлинные светские владыки — они были по призванию скорее государственными мужами и полководцами, чем высшими священнослужителями. До этого в Церковном государстве недостатки светской власти

(государственной власти) — отсутствие армии и вооруженной исполнительной власти — возмещались или корректировались авторитетом пап как правителей церкви. Но в эпоху Ренессанса пошатнулся именно этот религиозно-нравственный авторитет, и поэтому недостатки следовало исправлять. Начиная с этого времени папа жил и действовал скорее в духе светских итальянских владык: Церковное государство превратилось чуть ли не в светское королевство.

Историография считает первым настоящим «ренессансовым папой» Николая V (1447–1455). Сам Николай V был по происхождению из горожан; он родился в семье врача в городе Сарцана; затем, избрав духовную стезю, поступил на службу к кардиналу Альбергати. Впоследствии стал епископом Болоньи, потом занял должность папского легата в Германии. В политике Николай V был сторонником компромиссов. В 1448 году он заключил с германским королем Фридрихом III (1440–1493) Венский конкордат, который оставался в силе вплоть до 1803 года. В этом документе, в соответствии с канонами, регулировались занятие должностей епископа и настоятелей аббатств, а также аннаты [34]. В 1452 году, дабы скрепить мир, Николай V с большой помпой короновал в Риме Фридриха III императором «Священной Римской империи германской нации». (В качестве признака конца средневековья можно подчеркнуть, что это было последнее римское коронавание императора.) Вместе с конкордатом и короной Габсбурги заполучили поддержку папы в своей экспансионистской политике.

Аналогичным образом межевым знаком в европейской истории явился 29 мая 1453 года захват турками Византии. Это означало и формальный конец Восточной Римской империи, которая на протяжении 700 лет вела то захватнические, то оборонительные войны против грозивших нашествиями арабов и турок, в защиту христианства. С падением Византии Балканы также оказались в руках турок, и, появившись вновь на границах Венгрии, Османская империя стала угрожать непосредственно западному христианству.

30 сентября 1453 года папа Николай V призвал христианских монархов к крестовому походу против турок; папа взял на себя мобилизацию расчлененной Европы для этой войны. Соображения папы, основанные на средневековом рыцарском идеале, были, однако, нереальными; борьба против турок не отражала общих интересов — она была важна лишь для тех государств, которым непосредственно угрожали турки. Поэтому призыв папы не нашел широкого отклика; изнуренной Столетней войной Западной Европе нужен был мир.

Папа Николай V был основателем нового «золотого века» Рима. Римская курия стала при нем центром — вторым после Флоренции, — собравшим вокруг себя ученых, писателей, художников — словом, гуманистов. Николай V начал строительство и перестройку Рима в стиле Ренессанса. Он пригласил в Рим лучших архитекторов и художников, запланировал перестройку собора Святого Петра и города Льва. Были реставрированы известные римские церкви и храмы, город похорошел и украсился. Сам папа тоже был истинным гуманистом: страстный коллекционер, собиравший рукописи авторов классической древности и древнего христианства; с этих рукописей по его указанию снимались копии. Николая V можно считать, по существу, основателем Ватиканской библиотеки. Как он признался непосредственно перед своей смертью, его меценатской деятельностью руководила высшая цель: поднять авторитет римского Святого престола и таким образом приковать взгляды людей к Господу.

События, относящиеся к времени правления первого ренессансового папы, также были характерны

для эпохи Возрождения: это была череда блестящих успехов и крупных поражений, неудач. Сюда следует отнести и заговор, возглавленный в 1453 году одним из высоких сановников Церковного государства — Стефано Поркаро, ставивший своей целью убийство папы. Руководитель заговора был разоблачен и по приказу Николая V повешен.

С папой Каликстом III (1455–1458) на сцену выходит каталонское по происхождению семейство Борджа. Алонсо Борджа был юрист-теолог и, будучи епископом Валенсии, сел на папский престол. С ним в итальянской политической жизни завершился процесс превращения крупных «поставляющих пап» династий Ренессанса во владычествующие. Папа Борджа назначил на основные посты в Церковном государстве и в курии своих родственников и каталонских приверженцев. (Обычным обоснованием этого в истории католической церкви было следующее: только им-де папа мог доверять.) Комендантом Замка Святого Ангела и одновременно кардиналом папа Борджа назначил своего племянника, Педро Борджа; другой племянник, Родриго Борджа, был назначен кардиналом (в возрасте 25 лет). При Каликсте в центральном церковном руководстве возобладало испанское влияние. Само его избрание явилось результатом растущего влияния испанской державы на Италию. Каликст III не был гуманистом, он был холодным юристом-церковником и политиком, которого римляне не любили уже за то, что он иностранец; с подозрением они приняли старого каталонского кардинала, а с еще большей неприязнью — идущую вслед за ним «армию» его родственников.

В центре правления папы Каликста III было завершение антитурецкой крестовой войны. В интересах этого он развил бурную дипломатическую деятельность. 15 мая 1455 года он издал буллу, провозгласившую новый крестовый поход против турок, разослал своих легатов по Европе и распорядился о взывании особой папской десятины на цели похода. С этого момента начал действовать новый вид папского налогообложения, под предлогом покрытия нужд борьбы с турками. Первые ренессансовые папы действительно хотели использовать десятину для благородной цели; их же преемники открыто тратили эти средства на покрытие все более увеличивавшихся расходов на содержание папского двора. Пропагандистами крестового похода, начало которого было назначено на 11 марта 1456 года, были францисканцы; наиболее известный среди них — Святой Иоанн Капистран. Согласно планам папы, надо было организовать одновременное нападение на турок с суши и с моря: на Балканах — Янош Хуньяди, на море — папа и Венеция. В интересах этого Каликст III создал самостоятельный папский военный флот. Однако, несмотря на усилия папы, борьба против турок легла в тот период в первую очередь на плечи лишь Венгрии и Албании. Французы и венецианцы не поддержали эту военную кампанию, так как они, что называется, «одним глазом» смотрели в сторону союза с турками. Папа послал в поддержку Хуньяди своего легата — кардинала Карваяла для посредничества по оказанию папой материальной помощи Хуньяди. Армия крестоносцев под предводительством Яноша Хуньяди в 1456 году одержала блестящую победу над турками под Нандорфехерваром (ныне Белград); тем самым удалось остановить османских завоевателей почти на столетия. (В результате разразившейся после этой победы эпидемии чумы погибли и Хуньяди, и Капистран.) В целях увековечения победы над неверными папа распорядился, чтобы во всем католическом мире в полдень звонили в колокола.

Идея общеевропейского антитурецкого объединения потерпела очевидный провал. Здоровье папы в это время резко пошатнулось; когда он умер, в Риме начались беспорядки. Восстание было обращено против иностранного, испанского, господства, против династии Борджа; его организаторы как бы

желали показать, что не так-то просто превратить папский престол в княжескую династию.

Под именем Пия II (1458–1464) на папский трон вступил замечательный поэт-гуманист и ученый Энеа Сильвио Пикколомини. Вместе с ним престолом Святого Петра овладела идея эпохи — гуманизм. (Это было таким же воплощением в жизнь идеи века, как в свое время торжество идеи воинствующей мистики нашло свое воплощение в избрании папы-отшельника.)

Выходец из Сиены, пятидесятилетный, но уже сильно потрепанный предшествующей бурной жизнью папа-гуманист был уже к тому времени высшим церковным сановником. Но он оставался до мозга костей гуманистом. Папа Каликст знал, что тот является отцом двух незаконнорожденных детей, но смотрел на это сквозь пальцы и держал их в своем окружении. В качестве секретаря кардинала Капраники Пикколомини участвовал в Базельском соборе, где проявил себя сторонником крайнего конциляризма. Именно поэтому он перешел на службу к последнему антипапе Феликсу V. Когда же положение антипапы стало безнадежным, он попытал счастья при дворе германско-римского императора. В качестве ловкого императорского дипломата Пикколомини объехал почти всю Европу. Образованный, остроумный, обладавший универсальными познаниями, Пикколомини одновременно сочетал в себе поэта, историографа, ученого-географа, политика и дипломата, все, что угодно, кроме высшего священнослужителя! Когда же он удостоился кардинальской шапки, то и в качестве высшего священнослужителя он нашел свое место, снискав себе расположение и уважение. Избрание Пия II было встречено Римом с бурным воодушевлением, потому что с ним на папский престол вступил «князь гуманистов». (Другой вопрос, что папа-гуманист вследствие смутных внутренних условий не очень-то заботился о Риме и с большим удовольствием находился в других городах Италии, чем в своей римской резиденции.) Папскую тиару на голову Пия II возложил кардинал из рода Колонна, символизируя этим единение Рима и гуманизма. Пий II, и будучи папой, сохранил свою приверженность к искусствам, старине, ко всем проявлениям живой жизни. При нем началось систематизированное собирание сокровищ античного Рима. Пикколомини и в качестве папы продолжал свою литературную деятельность. До нас дошел лишь один-единственный папский манускрипт, написанный на классическом латинском языке, — его мемуары.

Центральной идеей понтификата Пия II было создание большого европейского антитурецкого союза. Он созвал для осуществления этой цели конгресс европейских монархов. В изданной 13 октября 1458 года папской булле, начинающейся словами «Vocabit nos Pius», папа распорядился созвать конгресс в Мантуе. В 1459 году он прибыл в Мантую на открытие конгресса и произнес речь на блестящей латыни; однако совещание потерпело полнейшее фиаско вследствие равнодушия и пассивности монархов. Папе Пию пришлось принять к сведению, что эпоха крестовых рыцарских походов безвозвратно миновала и что, даже будучи папой, он не сможет пробудить к новой жизни давно ушедшие в прошлое, хотя и воспетые в его поэмах, идеалы рыцарства. На место христианского средневековья пришла эпоха централизованных сословных монархий.

Христианские князья и монархи не стронулись с места, а папа стал предпринимать новые попытки для отражения турецкой опасности. В 1461 году Пий обратился с письмом к турецкому султану Мехмеду II, в котором — наряду с попыткой согласовать и объединить христианское вероучение с Кораном — он призывал турецкого владыку перейти в христианскую веру. Тогда, мол, папа признает его наследником Византийской империи, коронует и заключит с ним союз! Эти фантастические планы свидетельствовали о том, что живущий в мире идей глава церкви-гуманист обладал не очень

развитым чутьем в области практических дел, практической политики, касающейся проблем восточноевропейских народов, их государственного существования. Еще более чудным и странным мы можем считать этот шаг, зная, что изгнанная турками династия Палеологов искала прибежища именно в Риме.

Отчаянные попытки к сплочению христианских держав потерпели фиаско; этому способствовало то обстоятельство, что Пий II, отказавшись от конциляристских воззрений своей молодости, стал, будучи папой, решительным сторонником и защитником дворянского абсолютизма. В начале 1460 года он издал буллу «*Ehexstabilis*», в которой подчеркивал, что никто не может опротестовывать папский приговор, апеллируя к вселенскому собору; тот, кто сделает это, сам отлучает себя от церкви. Этот шаг папы обострил в первую очередь его взаимоотношения с Францией.

Поддерживаемая королем Людовиком XI французская церковь в духе принятой в Бурже в 1438 году Прагматической санкции стояла на позициях конциляризма, потому что этим путем она могла обеспечить себе автономию, свои «галликанские свободы» в противовес верховной власти папы. Поскольку папа не поддерживал французских претензий на Неаполь, король со своей стороны молча признал эти галликанские права и свободы. Выступление Пия II против конциляризма вызвало недовольство как в Италии, так и в Германско-римской империи (в Германии главным образом из-за все усиливающихся папских налогов).

Тем временем, однако, опасность турецкого вторжения угрожала уже не только Венгрии, но и непосредственно Италии, и прежде всего Венеции. В 1463 году венецианский флот стоял наготове, чтобы предпринять морской поход против турок. В сентябре 1463 года на заседании консистории Пий II заявил, что он сам станет во главе объединенного папского и венецианского военных флотов. Однако в Анкону папа прибыл уже сломленный смертельной болезнью. И буквально на пороге осуществления его замысла Пия II сразила смерть — таким образом и из этого похода ничего не вышло.

Вслед за папой — поэтом-гуманистом папский престол занял племянник Евгения IV кардинал Пьетро Барбо, взявший имя Павла II (1464–1471); это был снова папа-антигуманист. Новый папа был подлинным венецианцем: он любил помпу, был ловким дипломатом, но подозрительным по натуре, суровым, расчетливым человеком. При принятии окончательного решения на конклаве в одинаковой мере сыграли роль два момента: обещание Пьетро Барбо начать крестовый поход против турок и обещание созвать вселенский собор. При Павле II, который был, можно сказать, недостижимым (очень редко проводил слушания советников и высших священнослужителей), папское достоинство обрело внешнюю помпезность Ренессанса. Павел II любил красоту, но не признавал в ней человеческого начала, однако сам был в восторге от собственной красоты. Вообще говоря, внешняя помпа стала в этот период органической частью католического культа. На место духовной, религиозной жизни, на место веры, идущей из самой глубины души, пришла внешняя помпезность церковных обрядов. У этой помпы сложились и популистские разновидности. Для широких народных масс отнюдь не гуманисты, а по-прежнему церковь означала культуру, праздничность, развлечения. Возможности для этого предоставляли становившиеся все более красочными и щедрыми праздники церковного года. Кстати, именно в соответствии с распоряжением Павла II, изданным в 1470 году, Святой год полагалось отмечать раз в 25 лет.

Для правления Павла II характерны произвол и отеснение на задний план кардинальской коллегии,

влияние которой все возрастало. Усиливающаяся власть кардинальской консистории, разумеется, противоречила папскому абсолютизму. Папа урезал сказочные доходы кардиналов, расходы курии, преследовал симонию. Эти реформаторские распоряжения ограничивали меценатскую деятельность папы и кардиналов, что, в свою очередь, сделало римских гуманистов, художников и мастеров искусства обедневшими скитальцами. Нападки гуманистов на сурового и деспотичного папу поощрялись кардиналами. Вождь гуманистов Бартоломео Платина уже угрожал созывом вселенского собора. Папа ответил на это тем, что приказал арестовать Платину и содержать в Замке Святого Ангела. Тут надо иметь в виду, что Платина в своем труде по истории папства, над которым он в то время работал, представил Павла II варваром, врагом культуры и искусств.

Павел II стремился к внутреннему укреплению Церковного государства, сознавая, что, только опираясь на единое государство, папы смогут воспрепятствовать аннексии его со стороны французов или австрийских и испанских Габсбургов. Папа Павел признавал также, что совместный поход против турок уже невозможен. Поэтому он видел свою задачу в помощи христианским государствам, которые вели с турками борьбу не на жизнь, а на смерть, причем не только моральной, но и материальной, деньгами. Исходя из этого, он действительно поддержал значительными суммами Венгрию, Венецию и Албанию. При Павле II возник новый конфликт: между Чехией и папством. Чешский национальный король Йиржи Подебрад (1458–1471) благоприятно относился к умеренному гусизму; за это папа в 1466 году отлучил его от церкви. В династической войне между венгерским королем Матьяшом и чешским королем папа стал на сторону Венгрии.

Действуя в духе папского абсолютизма, Павел II последовательно уклонялся от созыва вселенского собора (собора реформ). На изменение этой его позиции не смог повлиять даже личный визит императора Фридриха III в 1468 году в Рим. Папа Павел ясно видел, что в это время собор реформ мог бы окончиться лишь поражением папского примата.

В лице Сикста IV (1471–1484) на престол Святого Петра взошел основатель династии Ровере, с тем чтобы сделать затем папский трон наследственным для этой семьи. При нем политика семейственности уже однозначно возобладала над всеобщими интересами церкви и папства. Франческо делла Ровере до своего избрания папой был сначала кротким францисканским монахом, затем с 1464 года — магистром этого ордена, а с 1470 года — кардиналом.

Папа Сикст IV чувствовал себя уже итальянским государем. Дело в том, что ко времени вступления его на папский престол возможности для миссионерско-наставнической деятельности пап окончательно исчерпались, антитурецкая борьба потерпела фиаско; таким образом, оставалось лишь одно — овладеть руководством политической жизнью Италии. Средством для этого было завоевание мирового владычества папы (и соответственно выдвигающей папу семьи) путем родственных связей и кумовства, которые теперь обрели уже конкретные формы и характер основания династии. Сикст IV и не скрывал, что задачу своего понтификата он видел в возвышении семьи Ровере до уровня самых богатых и самых влиятельных семей Италии. В соответствии с этим папа не только обеспечивал своих родственников церковными должностями, но и способствовал приобретению ими итальянских герцогств и княжеств.

Сикст IV, вопреки подписанным им во время своего избрания капитуляциям (избирательным обязательствам), назначил 34 новых кардинала, среди них и шесть своих племянников.

Великолепным увековечением этого княжеского nepотизма является знаменитая фреска Мелаццо да

Форли, запечатлевшая основание Ватиканской библиотеки; она изображает Сикста IV как князя и мецената в кругу своей семьи и придворных. Перед ним преклонил колена Платина, назначенный им префектом библиотеки; остальные изображенные на фреске лица — кардиналы-племянники папы. Мы видим Джулиано Ровере, ставшего позднее папой Юлием II, а также (тоже племянника) молодого и скандально известного своей безнравственностью Пьетро Риарио; оба были произведены Сикстом сначала в епископы, а затем в кардиналы и одарены им огромными бенефициями. Обладавший явной склонностью к вождизму Джулиано организовал в кардинальской коллегии семейную партию с целью обеспечить себе право преемственности. А если говорить о Пьетро, то его годовой доход, по мнению одного венгерского историка церкви, составлял — если пересчитать на венгерские пенге по курсу 1938 года — миллион пенге! Пьетро вел разнузданный образ жизни и погиб молодым. Другой племянник, кардинал Рафаэлло Риарио, позднее стал участником покушения на папу Льва X.

Наибольшее влияние на папу Сикста IV оказывал Джироламо Риарио. Этот племянник не принял духовного сана и был командиром наемников Папского государства. Он использовал власть пап для того, чтобы создать свое княжество. Сикст IV присвоил ему титул герцога, поставив перед собой цель — создать для Джироламо Риарио на красивых и плодородных равнинах Романьи великое герцогство. В интересах этого он употребил всю свою власть главы церкви. Но в Риме он натолкнулся на противодействие Колонна и начал преследовать и изгонять их, поскольку они сопротивлялись его плану. С изгнанием Колонна папе удалось держать в руках Рим с его окрестностями. Он выступил и против nepотизма предыдущих пап. Начиная с этого времени, стало общепринятым явлением, что новый папа с помощью своих родственников и приверженцев изгонял обогатившуюся родню и приспешников своего предшественника.

В связи с проводимой семейной политикой у Сикста IV сложились враждебные отношения с кланом Медичи во Флоренции. Джироламо, по всей вероятности, с ведома папы и при поддержке флорентийской семьи Пацци попытался свергнуть господство Медичи. В ходе заговора в 1478 году руководителей клана Медичи хотели зарезать на Флорентийском холме. Джулиано Медичи был убит, Лоренцо был ранен.

Папа Сикст подчинил интересам своей семьи и само расширение Церковного государства. Он приобрел для Пьетро Риарио Имолу и Форли. Папа уже не форсировал крестовую войну против турок, хотя налоги, введенные на ее нужды, продолжали взиматься. Те огромные денежные суммы, которые его предшественники собирали на цели этой войны, папа обращал главным образом на усиление могущества своей семьи. «Реальными турками являются в настоящее время племянники папы», — ходила по Риму крылатая фраза. (В этом, правда, имело место определенное преувеличение. По мнению Фракнои, Сикст IV послал Матъяшу для борьбы с турками 200 000 золотых.)

В качестве щедрого мецената Сикст IV снискал себе бессмертную славу патронированием искусства Возрождения: Рим действительно стал городом Ренессанса, центром итальянской культуры. Достаточно здесь упомянуть изумительные фрески на стенах ватиканской часовни (капеллы), названной его именем. Часовня длиной в 40 метров, шириной — в 14 и высотой — в 18 метров с 6 окнами в двух параллельных стенах была закончена строительством в 1483 году. Каждая из этих стен была украшена шестью фресками; на одной стороне — из жизни Моисея, на другой — из жизни

Христа. (Художники: Пинтуриккьо, Боттичелли, Чирландайо, Перуджино, Роселли и Синьорелли.) Над этими фресками можно было видеть изображения 28 пап. Часовня — самая нарядная часть Ватикана; здесь проводились конклавы, заседания консистории, наиболее торжественные папские мероприятия [35]. Папа поручил Платине оборудование Ватиканской библиотеки, описание истории пап. (B. Platina: *De vitis ac gentis pontificum*. Colon, 1626.) По указанию Сикста был создан и «предок» Ватиканского архива. Это его распоряжение явилось в первую очередь органической частью совершенствования папских чиновничьих структур и кассационной администрации.

С папой Сикстом IV в Ватиканском дворце установилась атмосфера всепродажности. Кардиналы на конклаве отдавали свои голоса тем кандидатам, которые обещали большую сумму. Да и сам Сикст получил тиару таким же способом. Курия организовывала через раннюю разновидность Всемирного банка покупку и продажу всех церковных должностей и привилегий. Своей семейной политикой папа до невероятности расширил куплю-продажу церковных должностей, которая распространялась на все — начиная от назначения кардиналов вплоть до предоставления самой незначительной привилегии и папского благословения.

В 1475 году Сикст снова отметил юбилейный Святой год, который прошел под знаком растущего культа Марии. Во время понтификата Сикста вновь стало ощущаться усиление испанского влияния — папа искал поддержки испанцев против профранцузски настроенных Медичи и Колонна. В это время на Пиренейском полуострове сложилась единая испанская абсолютистская чиновничья монархия. В 1479 году в результате бракосочетания Изабеллы и Фердинанда Кастилия и Арагония воссоединились под испанской короной. В испанской монархии исключительно прочно переплелись церковь и государство, поскольку католическая вера и церковь в течение длительного времени были связующей и сплачивающей силой. Это же явилось и причиной того, что именно здесь сложилась самая жестокая государственная инквизиция.

Как только Сикст IV умер, в Риме вновь начались беспорядки и анархия. В городе шныряли, грабили и занимались поджогами бандитские банды, завязывались уличные бои. Это показывает, что стремление сделать после смерти папы господство непотов наследственным обречено на неудачу, поскольку папская монархия в соответствии с ее конституцией — выборное королевство: монарх, то есть папа, не наследует власть, она может ему достаться только в результате избрания его кардиналами. Анархии способствовали столкновения и борьба интересов семейных кланов, выдвигавших пап с целью, в частности, завоевания на свою сторону народных масс.

После смерти папы шансы двух семейных кланов — партии Борджа (возглавляемой Родриго Борджа) и партии Ровере (во главе с Джулиано Ровере) — оказались на коллегии кардиналов равными. Это в значительной степени соответствовало и франко-испанской ориентации. В результате родился обычный компромисс: папой избрали кардинала Чибо, взявшего себе имя Иннокентия VIII (1484–1492). Своим избранием он в первую очередь обязан Джулиано делла Ровере, влияние которого и в период его папства было решающим.

Папа Иннокентий VIII вошел в Ватикан «в сопровождении» 16 незаконнорожденных детей. Но, став папой, он щедро заботился не только о них, но и о всей своей многочисленной родне. Таким образом, аристократическая генуэзская семья Чибо стала новой, выдвигающей пап династией. Сын Иннокентия — Франческетто Чибо женился на Маддалене Медичи, сын же Лоренцо Медичи, тринадцатилетний Джованни Медичи, был возведен папой в сан кардинала, он впоследствии стал

папой Львом X. Своей династической политикой Иннокентий завоевал себе в качестве союзницы Флоренцию в конфликте, возникшем с Неаполитанским королевством. Все это говорило о том, что «ренессансовый» папа вел политику как один из монархов Италии.

Что же касается высокой политики, то его предшественник, Сикст IV, затеял из-за Анконы распрю с Матьяшем, Иннокентий VIII же стал посредничать в заключении мира между Матьяшем и императором Максимилианом. Вообще-то можно сказать, что, поскольку политика папы Иннокентия стала принимать антигабсбургскую направленность, венгерские короли поддерживали ее. Папа Иннокентий тоже не был решительным сторонником борьбы против турок. Он предпочитал достигнуть мира между Европой и турками путем переговоров. Для своей выгоды он использовал внутренние раздоры, подтачивавшие турецкий императорский двор. Когда он попытался спровоцировать путч герцога Джема против султана Баязеда, окончившийся неудачей, герцог вынужден был в 1489 году искать и нашел убежище в Ватикане. Хотя Матьяш тоже претендовал на бежавшего герцога, папа держал его в виде заложника в Риме. (Султан якобы платил папе годовую ренту за предоставленное герцогу убежище, оказавшееся самым настоящим пленом.)

За все время правления Иннокентия VIII ему приходилось постоянно заниматься проблемами восстановления общественной безопасности в окрестностях Рима. Характерным для обстановки того времени может, например, служить такой факт: высокопоставленная посольская делегация, направленная римским королем Максимилианом, была под Римом ограблена и раздета до нижнего белья разбойниками. Покончить с беспорядками папа попытался реорганизацией администрации Церковного государства. 31 декабря 1487 года своей буллой «*Non debet reprehensibile*» Иннокентий создал предшественницу будущего государственного секретариата — *Camera secretaria*, установив, что число проживающих в Ватикане секретарей должно составлять 24. Этот орган функционировал в виде такой канцелярии папского кабинета. Во главе стоял тайный секретарь, ведомство которого существует и поныне.

Папа Иннокентий VIII, умерший в 1492 году (год открытия Колумбом Америки), дал благословение церкви на бесчеловечное преследование и уничтожение ведьм. Поразительно, что как раз в конце средневековья и в начале Нового времени эта массовая истерия приобретает трагические масштабы. Вера в ведовство вновь вызвала к жизни древние религиозные элементы, получившие широкое распространение, можно сказать, во всех слоях общества. По мнению церкви, ведовство являлось разновидностью общения с дьяволом. В каждой стране ведовство обретало самые разные формы; в Италии, например, считалось, что сфера действия ведьм — любовь. Охота на ведьм, их преследование раздувались наиболее близкими к примитивным, народным верованиям нищенствующими духовными орденами, в первую очередь доминиканцами. Побуждаемый именно ими папа Иннокентий VIII издал 5 декабря 1484 года свою буллу «*Summis desiderantes*» («С величайшим рвением»), в которой дал согласие и благословение церкви на преследование ведьм. После этого гонения на ведьм приняли всеобщий характер, создав для инквизиции — за неимением других еретиков — огромное поле деятельности. Социальная подчиненность, зависимое положение женщин нашли свое выражение в том, что ведовство рассматривали, по существу, только женским грехом, женским преступлением. О силе и живучести этого суеверия говорит то, что позднее в гонениях, охоте на ведьм приняли участие и протестантские церкви.

В то время как о целом ряде выдающихся пап исторические исследования изобилуют множеством

противоречивых утверждений, о самом известном папе эпохи Возрождения — Александре VI (1492–1503) мнение подавляющего большинства историков, за исключением отдельных французских авторов, до удивления однозначно: суровый, осуждающий приговор.

Согласно официальной католической истории папства, «он — самая мрачная фигура папства» (Адриани Г. Карманный справочник по истории религии. Мюнхен, 1975, с. 170), и еще: «Его правление было несчастьем для церкви» (Францен А., Бёумер Р. История папства. Фрейбург — Базель — Вена, 1974, с. 279). С чего бы такая суровая, осуждающая оценка, хотя общеизвестно, что в период его правления итальянское Возрождение достигло своей кульминации, а также что Александру VI не могут быть поставлены в вину никакие догматические заблуждения, еретичество или иные отклонения от истинной веры? За этим явлением, несомненно, стоит подлинно «ренессансовая» личность папы Борджа со всеми ее противоречиями и крайностями.

Родриго Борджа в качестве небота Каликста III стал кардиналом, будучи еще совсем молодым, а через год — заместителем начальника папской канцелярии. Кардинал Борджа, по свидетельству современников, был на редкость красивым мужчиной, явно располагающим к себе человеком, которому мало кто мог противиться. Хотя кардиналом он стал еще в 1455 году, папские регалии он принял только в 1468 году. Не подлежит сомнению, что он был самым авторитетным среди кардиналов. Бог наградил его исключительными способностями: он был ловким дипломатом и опытным государственным мужем, однако при этом отличался алчностью и скупостью, хитростью, аморальностью и явно светским, мирским умонастроением, несмотря на свой сан высшего священнослужителя. В своем кардинальском дворце он открыто сожительствовал то с одной, то с другой женщиной; от одной из его наложниц, Ваночки де Катанеи, у него было четверо детей: Чезаре, Джованни, Жофре и Лукреция — всех их он признал. Они были до мозга костей порождением эпохи Ренессанса: жаждали власти и славы, не знали никаких нравственных тормозов, стремились к осуществлению своих политических целей, точно так же как и чувственных желаний. Александр II до самой смерти оставался рабом своих чувственных страстей; по отдельным источникам, он был «болезненно сексуальным».

Избрание его папой соответствовало условиям той эпохи — за единогласным голосованием скрывались интриги, угрозы, подкуп, симония. Шестидесятилетний в то время Александр VI, обладавший блестящими человеческими качествами и считавший, что ему все дозволено, стал образцом монархов эпохи Возрождения. Хотя Борджа были по происхождению испанцами, при нем на конклаве верх одержала профранцузская миланская партия. Александр VI все подчинял политике; его политической целью было утверждение в Италии власти клана Борджа. По представлениям Александра VI, папство было всего лишь значительным итальянским княжеством.

Неотъемлемым условием мирового господства пап, превращения их государства в подлинное государство было создание папских вооруженных сил. Это тоже восходит ко времени правления «ренессансовых» пап. Истинным создателем папской наемной армии был Александр VI, а точнее, ее полководец, сын папы — кардинал Чезаре Борджа. Папские наемники вербовались в первую очередь из швейцарских кантонов.

Александр VI сначала упрочил свою власть в Папском государстве. Первым его делом было укрепление общественной безопасности, пошатнувшейся при его предшественниках. Мелких государей, находившихся на территории Церковного государства, как непослушных его вассалов,

изгнали, или уничтожили, или сломили. В самом Риме также подавили, а потом ликвидировали две противостоящие друг другу партии — гвельфов Орсини и гибеллинов Колонна. Церковное государство первоначально тоже было объединением городских территорий; каждый город располагал известной самостоятельностью, но в конце средневековья здесь также возобладал папский абсолютизм. Начиная с середины XV века уже не было случаев, чтобы папа вынужден был бежать из Рима, спасаясь от народного бунта. Центральный государственный аппарат вырос в огромную махину, паразитируя на доходах, стекавшихся со всего христианского мира и с Церковного государства. Он стал армией дармоедов, а не государственно-административной организацией, которая со знанием дела осуществляла бы бюрократическо-чиновничью службу. Учреждения были продажны (для этого ведь не нужно было знание дела); по существу, создание новых учреждений и ведомств было не чем иным, как формой получения государственного займа. Дальней перспективной целью Борджа было реальное овладение Церковным государством как наследным итальянским королевством. Пока это не удавалось еще ни одному выдвигавшему пап крупному семейному клану. К достижению итальянской гегемонии папа Александр VI стремился через своего сына-первенца Чезаре. А Чезаре Борджа мог стать монархом по образцу «Государя» Макиавелли, поскольку он был действительно первым современным политиком, который смотрел на политику с позиций полной нравственной вседозволенности. Вслед за Ранке историография считает Чезаре «виртуозом преступлений», который расправился не только со своими союзниками и противниками, но также и со своими братьями. Самый младший сын Александра VI, Джованни, был убит по приказу Чезаре наемными убийцами. Непоты рвущегося ко все большей власти клана Борджа заняли место креатур предшествующего папы — Ровере. Чезаре изгнал из Имолы вдову Риарио. В то же время Лукреция Борджа стала герцогиней Феррары.

До Александра VI итальянские мелкие государства придерживались, по эффективной формулировке Лоренцо Медичи, «политики равновесия»: по его мнению, равновесие в Италии достигалось балансом могущества таких городов-государств, как Венеция, Милан, Флоренция, Рим и Неаполь. Однако с конца XV века Италия снова привлекла к себе внимание иноземных захватчиков, а под влиянием их экспансии нарушилось и это равновесие. В XIV–XV веках итальянские города-государства еще не были заинтересованы в политическом единстве, поскольку оно ограничивало бы их самостоятельность, их независимое развитие. Их интересами управляла конкуренция, а не идея сплочения. Императорское владычество над Италией стало номинальным, папская власть переживала упадок; поэтому ни император, ни папа не угрожали самостоятельности крупных городов-государств. Вопрос политического единства Италии до тех пор не стал для итальянского общества жизненно важным, пока раздробленность страны не пробудила аппетиты иноземных захватчиков (французов, испанцев, немцев).

Вышедшая окрепшей из Столетней войны Франция, ее централизованная сословная монархия, собравшись с силами к концу века, вновь выступила завоевательницей — теперь уже в Италии. Французские короли и стремившиеся к мировому господству австрийские и испанские Габсбурги положили начало вековой борьбе европейских великих держав за богатую Италию. Владение Италией впредь означало европейскую гегемонию.

Избранными монархами Германско-римской империи начиная с середины XV века были Габсбурги. Максимилиан I (1493–1519) за счет удачного брака приобрел Нидерланды и значительную часть

Бургундии и в конце концов в 1493 году стал германско-римским императором. В 1496 году он женил своего сына, Филиппа, на единственной наследнице испанской супружеской пары (Фердинанда и Изабеллы) — Хуане. После смерти Филиппа и Хуаны их сыновья (внуки Максимилиана) унаследовали испанские и австрийские владения. Старший, Карл, унаследовал императорский трон; с 1506 года он — государь Нидерландов и Бургундии, а с 1516 года стал наследным владельцем Испании, Неаполя и Сицилии, Сардинии. Его младший брат, Фердинанд, унаследовал австрийские провинции; он же был кандидатом на получение венгерского, чешского и, может быть, польского трона (наследия Ягелло). Так, Габсбурги как бы взяли в кольцо французов и как в Южной, так и в Северной Италии стали конкурентами французского влияния. По существу, единственной возможностью для великой французской державы вырваться из кольца Габсбургов оставалась экспансия в Италию.

Сражения за Италию, в которых папам оставалось довольствоваться ролью державы второго сорта, начались в 1494–1495 годах походом французского короля Карла VIII. В 1494 году его войска захватили (как наследное владение Анжу) находившийся под господством арагонской испанской династии Неаполь. В этом состязании великих держав Александр VI сначала принял сторону французов, которых он считал менее опасными. Но когда Карл VIII распространил французскую гегемонию почти на всю Италию, папа повернул против него. Став во главе итальянских городов, Александр VI в борьбе против французских захватчиков рассчитывал также на внешние силы. В 1495 году была создана сроком на 25 лет Священная лига; членами ее стали: папа, Венеция, Милан, Испания Фердинанда и император Максимилиан I. Императорские и испанские войска изгнали французов из Неаполя, который оказался навечно потерянным для французских завоевателей и начиная с этого времени на протяжении веков стал базой испанского влияния в Италии. С этих пор внимание Карла VIII и его преемников обращается на завоевание Северной Италии.

Лавируя между противоречиями великих держав, Александр VI попытался создать Средне-Итальянское королевство Борджа. Наибольшее сопротивление этому оказывала Тоскана во главе с переживающей свой расцвет Флоренцией. Александр VI при поддержке французов и в союзе с внутренней оппозицией изгнал из Флоренции Медичи. Во Флоренции было реставрировано королевство. Однако вскоре верх одержало радикальное народное движение, которое возглавил настоятель доминиканского монастыря Святого Марка во Флоренции Джироламо Савонарола. Призывами к проведению церковной реформы, восстановлению изначальной апостольской бедности церкви он завоевал на свою сторону городскую бедноту. Фанатичный монах с жаром бичевал не только богатство церкви, но и развратный образ жизни богатого бюргерства. Простые люди с трепетом слушали слова проповедника, предрекавшего всякие ужасы, ожидавшие их на том свете. В 1494–1498 годах Савонарола был неограниченным диктатором Флоренции. Его целью было создание с помощью французов теократического города-государства. Начиная с 1495 года Савонарола резко выступает против папы, однако его критика носила не столько теологический характер, сколько содержала в себе безжалостное обличение разврата и безнравственности папского двора. Папа сначала распорядился не отвечать на его нападки, а затем в 1497 году отлучил Савонаролу от церкви. Поскольку настроение масс обратилось против диктатора, он попал в руки инквизиции. Его подвергли пытке раскаленным железом. Это дало нужный папе результат, и 23 мая 1498 года Савонарола был сожжен на костре как еретик.

Трагедия Савонаролы означала поражение и итальянской церковной реформы. Сопровождавшаяся революцией бедняков церковная реформа не вышла за стены Флоренции, потому что ее аскетизм и радикализм не соответствовали интересам итальянской торговой буржуазии. Смерть Савонаролы также не вызвала особого потрясения, не стала возбудителем широкого народного движения, как в свое время мученическая смерть Яна Гуса. В основе же противостояния Савонаролы и папы были не религиозные, а политические причины. Повернувший против французов папа хотел приобрести для Священной лиги и Флоренцию, но та, опасаясь за свою самостоятельность, больше верила в союз с французами. Когда же Карл VIII потерпел поражение в Италии, Флоренция выдала папе Савонаролу. Новый французский король, Людовик XII (1498–1515), успешно развалил Священную лигу и заключил союз с Венецией против Габсбургов и папы. Французская армия заняла Милан. Начиная с этого времени в противостоящих французам союзных группировках происходили весьма частые изменения. Итальянские города и папа принимали сторону тех, кто менее других был опасен для их самостоятельности. Так, на рубеже XV и XVI веков в Неаполе появились испанцы, а в Ломбардии — французы. Александр VI не испытывал симпатии ни к тем, ни к другим. Но когда вновь верх взяли Габсбурги, он заключил союз с побежденным Людовиком XII. Теперь он снова попытался при поддержке французов создать для Чезаре королевство Средней Италии. Конечной целью папы и Чезаре было установление под господством Борджа и с опорой на папскую власть политического единства всей Италии.

В 1503 году Чезаре Борджа, будучи, по существу, истинным господином Церковного государства, сделал попытку секуляризировать его и основать под своим владычеством единую Италию. Сам Чезаре хотел поскорее стать папой, чтобы быстрее и легче достичь своей цели. К этому времени стало очевидным, что Церковное государство является главным препятствием на пути создания итальянского национального государства. Единая Италия была немыслима под руководством пап, так как государство церкви не может быть частью национального государства. Если же во главе устремлений к единству становится папа или его семья, то неизбежна секуляризация, неизбежно превращение Церковного государства в светское. Чезаре был не только реальным политиком, но и щедрым меценатом искусств; так, у него на службе находился и Леонардо да Винчи. Однако устремлениям Борджа не суждено было осуществиться из-за растущей самостоятельности городов-государств; буржуазное развитие Италии продолжало проявляться не в рамках единого национального государственного образования, а в рамках городов-государств.

Однако угроза порабощения иноземными захватчиками и сопряженные с этим разорение и войны пробудили в итальянцах национальное самосознание. Стало очевидным, что политическая раздробленность ведет к иноземному господству. Политическую программу создания единой Италии сформулировал Макиавелли в своем труде «Государь» («Il Principe»), в котором он в качестве образца реального политика вывел Чезаре Борджа. Макиавелли был первым, кто усматривал в государстве не вечное, от Бога данное учреждение, а исторически сложившийся институт, существующий на основе своих принципов и закономерностей, независимых от религии и личной, индивидуальной морали. Тем самым он обосновал современную политику как науку и поколебал ту картину мира, которая была создана Святым Августином и Фомой Аквинским, поколебал христианскую теорию государства. А это, в свою очередь, обосновывало необходимость отделения церкви от государства и экспроприации церковных земель (секуляризации).

Однако секуляризация политики осуществилась только в период Великой французской революции; до этого религия и политика в какой-то форме переплетались. Это ярко проявилось и на заре Нового времени. Особенно хорошо видно это на примере первого колониального спора и роли в нем папства. Начавшиеся великие географические открытия стали источником новых противоречий между католическими державами. Облеченный саном высшего судьи католического мира, папа в своей булле «*Inter caetera divini*», изданной 4 мая 1493 года, объявил свое решение о разделе мира между Испанией и Португалией. Меридиан, проходящий между островами Зеленого Мыса и Гаити, разделял земной шар надвое и являлся своего рода демаркационной линией между территориями, принадлежащими испанцам и португальцам. На восток от него могли расширять свои владения португальцы, на запад — испанцы.

С открытием в 1492 году Америки перед папством тоже открылась возможность сделать католическую церковь подлинно всемирной церковью. На кораблях испанских и португальских завоевателей в путь отправлялись и христианские миссионеры. Это дало затем новый стимул для тесного союза испанской мировой державы и папства, союза, просуществовавшего несколько веков.

Принимавший активное участие в мировой политике Александр VI поддерживал связь с монархами раннего Возрождения. Так, например, он удостоил кардинальской шапки и своего венгерского «двойника», любимца короля Матьяша — Эстергомского архиепископа Тамаша Баноца. А Александр VI, будучи еще кардиналом, получил от Матьяша Петерварадское аббатство, точнее, доходы от него, которые он оставил себе и став папой. Таким образом, папа Александр VI числился одновременно и настоятелем Петерварадского аббатства.

Александр VI, Чезаре и Лукреция Борджа не только устраняли с пути своих противников, но и приказывали убить, одного за другими, тех, чье состояние или доходы они хотели заполучить. Освобождавшиеся таким путем бенефиции они либо оставляли не занятыми — доходы с них доставались папе, либо же за замещение бенефициев требовали огромные суммы. За время правления папы Александра VI, по существу, без исключения назначались лишь такие кардиналы, которые покупали у курии свой сан.

Апробированным средством инспирированных Ватиканом или осуществленных там убийств был яд, обладавший таким свойством, что действие его сказывалось лишь через 1–2 дня. По мнению некоторых источников, только из кардинальской коллегии четыре высших священнослужителя были отправлены этим способом в иной мир. Толки же о причине смерти самого папы Александра можно считать скорее легендой о справедливом Божьем суде, покаравшем его за грехи и преступления Борджа, чем достоверной историей. Согласно отдельным описаниям, Чезаре и папа хотели уничтожить утрехтского кардинала Адриана, воспитателя Карла V. Для этого они пригласили в гости несколько кардиналов и среди них Адриана. Однако слуги перепутали бокалы и подали отравленное вино не кардиналу, а папе и Чезаре. Папа, который был уже в преклонном возрасте, умер в ту же ночь, а Чезаре поправился. (Более вероятно, однако, что Александра VI скосила внезапно вспыхнувшая эпидемия римской лихорадки.)

Сразу же после смерти Александра VI Церковное государство стряхнуло с себя господство Борджа. Чезаре бежал во Францию. Главную роль в свержении власти Борджа сыграл кардинал Джулиано Ровере. После папы Борджа, известного своей скандальной жизнью, на конклаве избрали папой считавшегося чуть ли не святым кардинала Франческо Пикколomini, взявшего себе имя Пия III.

Правда, его правление длилось всего 20 дней, так что он не оставил никакого следа в истории папства.

На следующем, длившемся только один день конклаве папой избрали заклятого врага Борджа, племянника Сикста IV — кардинала Джулиано Ровере, пребывавшего в этом сане уже 30 лет. Его избрание (он стал Юлием II) тоже не обошлось без симонии, однако личная жизнь его, можно сказать, была безупречной. Юлий II был выдающейся личностью Ренессанса, но яркие краски и pompa, отличавшие Борджа, при нем стали блистать строгой и холодной красотой. Юлий II в соответствии с требованиями времени был разносторонним церковным государем (дипломатом, меценатом, политиком), но прежде всего он был полководцем и государственным деятелем. С ним на папский престол вступил типичный для Италии Ренессанса государь-тиран. Именно поэтому он получил от современников прозвище Грозный.

Юлий II более умеренно, но и более реалистично проводил начатую Борджа итальянскую политику. Он также опирался на могущество семьи Ровере, но действовал более мирными средствами, чем его предшественники. Так, ему удалось заполучить, например, Урбино. Планы и замыслы Борджа папа Юлий II претворил в жизнь в более ограниченных рамках, в пределах расширившихся границ Папского государства. Он организовал из папских владений единое, современное, стоящее на уровне своего времени государство и сделал его партнером политики великих держав. В то время как папа Александр VI и Чезаре стремились к светской единой Италии, целью Юлия II было территориальное расширение и увеличение Церковного государства, превращение его в самое сильное государство Италии. Для достижения этих экспансионистских целей прежде всего была необходима сильная папская армия. Папа Юлий зачастую сам становился во главе войск, но официальным его полководцем был Помпео Колонна. С именем Юлия II связывают и создание Швейцарской гвардии, которая вначале насчитывала 200 человек и обеспечивала личную охрану папы. 12 июня 1506 года гвардия вступила в Рим. Выросшая до «армии», она вела затем нескончаемые бои с германскими ландскнехтами.

Политика Юлия II была последовательно антифранцузской. В противовес Борджа он считал, что независимости Италии и могуществу папы в первую очередь угрожают французские завоеватели. Но в борьбе с иноземными захватчиками, с французами, папа не очень-то был склонен опираться на помощь извне, со стороны другой великой державы, потому что это «повесило бы на шею» другую угрозу. Борясь за итальянскую гегемонию, папа Юлий начал с войны против союзника Франции — Венеции. В результате успешных боевых действий он присоединил к Папскому государству Парму, Пьяченцу и Реджио. В годы правления Юлия II Церковное государство достигло наибольшего расширения своей территории за всю средневековую историю папства, и вряд ли можно назвать другого римского папу, который обладал бы большей, чем он, реальной властью. Хорошо организованное государство могло и впрямь приносить большие доходы, если известно, что, папа, несмотря на свои дорогостоящие войны и столь же широкую меценатскую деятельность, оставил после себя своему преемнику 700 000 золотых! Даже Макиавелли, весьма симпатизировавший ранее Чезаре Борджа, признал, что Юлий II добился больших политических успехов, чем его идеал — Чезаре.

Политической целью Юлия II было полное освобождение Италии из-под французского владычества. В интересах этого он попытался «изъять» Рим из итальянской местнической политики и из

соперничества за власть городов-государств. Он проводил подлинно европейскую по своим масштабам политику. Однако для этого был необходим хорошо организованный и отлаженный дипломатический механизм. Папская дипломатия в средневековье выросла из дипломатии церковного правления пап. Папские послы, называемые латеранскими легатами, имели конкретные задания и одновременно выполняли инспекторские функции. Организация постоянных папских нунциатур началась приблизительно в 1500 году (апостольские нунции). Папские нунции тоже не были чисто светскими послами, они одновременно являлись и церковными визитаторами (инспекторами), которые под предлогом церковно-управленческих поручений выполняли и политические функции — папские поручения дипломатического характера.

Вскоре выяснилось, что, проводя свою великодержавную политику, Юлий II тоже не мог обойтись без внешних союзников; теперь он уже заключил союз с Габсбургами. Папа и император Максимилиан объединились в 1508 году, чтобы противостоять сухопутным экспансионистским устремлениям Венеции. Членами созданной ими камбрайской лиги стали наряду с другими итальянскими городами и французы. Однако поражение Венеции усилило французское влияние в Северной Италии. И все же по-настоящему в выгоде остался папа, потому что в 1509 году он приобрел Перуджию и Болонью и отвоевал всю Романью.

После победоносной войны против Венеции Юлий II стал подогревать итальянское национальное чувство против французских завоевателей. В созданной по его инициативе новой Священной лиге из итальянских городов приняла участие только Венеция; таким образом, для войны против французов нужна была внешняя помощь. К Священной лиге присоединились Швейцария, испанцы, затем германский император и даже английский король. В результате военного похода 1512 года французов выбили из Милана; только Генуя осталась в их руках. Медичи вернулись во Флоренцию (из них вышел и преемник Юлия — папа Лев X).

В результате антифранцузской политики Юлия II в Италии снова усилилось испанское влияние. Своеобразные колебания внешнеполитической ориентации пап явились следствием того, что папы XVI века искали возможности для своей самостоятельности, балансируя между великими державами.

В то время как Юлий II боролся против «самого католического короля» отнюдь не церковным оружием, Людовик XII использовал против папы как раз ярко выраженные церковно-политические средства, потребовав проведения вселенского собора. По его инициативе профранцузски настроенные кардиналы решили созвать вселенский собор в Пизе в 1511 году наверняка с целью отстранения папы. Папы до этого всячески уклонялись от проведения вселенских соборов, поскольку видели в них серьезное ограничение своей власти. От требования реформ, явно преследовавшего политические цели, Юлий II не мог совсем уклониться, поэтому он сам созвал собор, который должен был осуществить реформы. Созванный весьма неожиданно, V Латеранский вселенский собор открылся в мае 1512 года. На Латеранский собор явились в основном итальянские и испанские епископы. Император сначала был сторонником поддерживаемого французами Пизанского собора. Причиной тому в первую очередь была его ненависть к Юлию II, который однозначно противился любому проявлению императорского влияния в Италии. Так, в частности, он отказался от коронации императора; но уже в 1508 году он одобрил действия Максимилиана I, назвавшего себя «избранным (выбранным) германским императором». Однако Габсбурги не были заинтересованы в том, чтобы

вновь оживился раздуваемый французами конциляризм; поэтому в конце 1512 года немцы также присоединились к Латеранскому собору. После этого совещание в Пизе стало все больше и больше терять свое значение; в конце концов перемещаемый с места на место Пизанский антисобор попросту был распущен. Тем самым конциляризм потерпел окончательное поражение. Заслуживает внимания, что венгерский король Уласло и единственный серьезный венгерский претендент на папский трон — Тамаш Бакоц еще раньше заняли нейтралистскую позицию как в отношении Пизы, так и Латерана. Это объяснялось тем, что Бакоц располагал хорошими связями с французами, он находился в добрых отношениях даже с Людовиком XII. В конце концов Бакоц принял решение стать на сторону Юлия II, и 26 января 1512 года он прибыл в Рим. Его торжественное шествие напоминало императорскую процессию — этим он как бы хотел показать, что архиепископ далекого Эстергома рожден для трона Святого Петра. Росту авторитета Бакоца способствовали его французские связи, а его популярности — щедро раздаваемые направо и налево золотые. Бакоц активно участвовал в заседаниях Латеранского собора, который принял целый ряд полезных, но в конечном итоге так и не выполненных реформаторских решений. В их числе самое известное — запрещение (в который раз!) симонии при выборах папы. Острие этого решения было направлено в первую очередь против Бакоца, который открыто претендовал на место старого и больного папы. Тем самым собор посчитал Бакоца, приверженного симонии и представлявшего чуждые интересы (французское, венецианское и венгерское влияние), непригодным для проведения провозглашенной им политической линии.

В период понтификата Юлия II было общеизвестно, что он поддерживает искусство, произведения Ренессанса отнюдь не из гуманизма и не из любви к искусству, а как одно из средств укрепления и усиления папской власти. В глазах Юлия II даже самый великий художник был слугой, обязанным безупречно исполнять его приказы.

Находясь на смертном одре, Юлий II еще успел предостеречь кардиналов от избрания его преемником венгерского архиепископа. На собравшемся в начале марта 1513 года конклаве присутствовало 25 кардиналов. Из них — 18 итальянцев, 3 испанца, а также венгр, француз, англичанин и швейцарец. Торжественную мессу по случаю открытия конклава отслужил в соборе Святого Петра Тамаш Бакоц. В ходе первого тура голосования венецианский кардинал (испанец) получил 13 голосов, а Бакоц — 8. Однако итальянцы быстро сплотились против «чужака», и во втором туре кардинал Джованни Медичи получил необходимое для избрания большинство в две трети голосов. При его избрании (он принял имя Льва X; 1513–1521) симония уже не сыграла никакой роли. (Первым делом нового папы было удаление Бакоца и с собора, и из Рима. В качестве легата для особых поручений он был отправлен в Буду, чтобы возвестить о начале нового крестового похода против турок. В марте 1514 года Бакоц прибыл в Буду, а 16 апреля он огласил папскую буллу, призывающую к крестовому походу, обернувшемуся для Венгрии крестьянской войной Дёрдя Дожи.)

С Львом X во главе папство эпохи Ренессанса достигло подлинного зенита. Свое правление папа Медичи остроумно охарактеризовал еще во время конклава, заявив: «Давайте будем наслаждаться папством, которое ниспослал нам Бог!» На заре средневековья Григорий I назвал папство службой, служением, в конце же средневековья в глазах Льва X оно выглядит уже только наслаждением. Джованни Медичи был полностью светским человеком эпохи Ренессанса, который, кроме

гуманистических искусств, культуры и духовных наслаждений, мало чем интересовался. Лев X — аристократ флорентийского Ренессанса; таким он и остался на папском престоле.

Время правления Льва X было поистине полным упадком средневекового папства. Он был весьма далек от новых проблем церкви, реформ; в выступлении Лютера Лев X в течение долгих лет видел лишь обыкновенную склоку, поднятую вокруг немецкого монаха-путаника, которая, мол, утихнет сама по себе, как ранее многое подобное. Церковью он не интересовался, и сказочное богатство, выжатое из христианского мира, растрчивал на толкущихся у него при дворе гуманистов — зачастую на недостойных этого эпигонов и льстецов. В то время когда папа Медичи наслаждался изысканными латинскими стихами, Лютер перевел на немецкий язык Священное писание. В то время когда папский двор находил радости в умножении рафинированных духовных и физических наслаждений, Реформация ставила в центр религиозной морали гражданский рационализм и добросовестный труд. Свет и тень никогда так не уживались вместе в Ватикане, как в годы правления Льва X.

Однако настроение, предшествовавшее буре, и в Риме было отнюдь не безмятежным. Когда папа в 1517 году закрыл Латеранский собор без принятия каких-либо решений, кардиналы стали плести нити заговора с целью его убийства. Во главе недовольных стоял Альфонсо Петруччи. Когда попытка отравить папу окончилась неудачей, Лев X, этот утонченный гуманист, приказал повесить Петруччи, а его сообщников — среди них и кардинала Ровере — лишить сана, конфисковать их доходы и обязать к уплате больших денежных штрафов. С целью воспрепятствовать возможности нового заговора Лев X назначил 39 новых кардиналов, в большинстве — своих приверженцев, но в данном случае в качестве признания их действительных заслуг, а не просто ради материальных преимуществ.

Правление Льва X вновь характеризовал безграничный nepoтизм. Его целью было передать Италию в руки клана Медичи. Для своего брата, Джулиано Медичи, он хотел приобрести неаполитанский трон, а это означало столкновение его интересов с интересами французов, которые по-прежнему претендовали на Неаполь. (Кстати, сын Джулиано Медичи стал папой под именем Климента VII.) Своего же племянника, Лоренцо Медичи, Лев X хотел одарить Северо-Итальянским королевством, которое объединило бы Милан, Тоскану, Урбино и Феррару. В эту империю «вмонтировалось» бы затем и Папское государство. Для достижения этих целей Лев X намеревался использовать противоречия среди великих держав.

Вначале папа Лев X проводил антифранцузскую политику своего предшественника. Создатель французской абсолютной монархии «ренессансовый» король Франциск I, заключив снова союз с Венецией, завоевал в 1515 году Милан и хотел быть избранным императором. Лев X сам стал во главе папской армии, но под Равенной потерпел поражение. По соглашению, подписанному в Болонье, ему пришлось отказаться в пользу французов от Пармы и Пьяченцы. В то же время заключенный здесь конкордат отменял Прагматическую санкцию в части упомянутых в ней «галликанских свобод», но обеспечивал королю право выдвижения кандидатов в епископы; за церковью же оставалось их освящение.

Вместе с усилением французского господства в Италии поднялась одновременно и мировая держава Габсбургов, которая вскоре стала представлять для папской самостоятельности более реальную опасность, чем французы. При Карле V (внуке Максимилиана) испанские и нидерландские владения

также перешли в руки Габсбургов. В 1519 году умер император Максимилиан I. Папа попытался всеми средствами воспрепятствовать тому, чтобы императором был избран владетель испанской короны — Карл.

Но тут папа оказался в сложном положении: если, опираясь на Габсбургов, удалось бы изгнать французов, то Италия и с севера и с юга была бы окружена Габсбургами. Если же победит Франциск I и захватит также и Неаполь, то Италия окажется под французским господством. Ни то ни другое не улыбалось Льву X. И он задумал использовать против них саксонского курфюрста Фридриха Мудрого, предложив ему даже императорскую корону, а «бунтовщику» Лютеру — кардинальство. Но Фридрих не взялся за эту бесперспективную роль. Тогда папа встал на сторону французов, казавшихся ему менее опасными; но в условиях пробужденного Лютером антипапского настроения этим самым он только сыграл на руку Карлу, который на деньги Фуггеров [36] подкупил избирающих императора князей, и те избрали его под именем Карла V (1519–1556) на императорский трон. Тем самым в руках Габсбургов оказалась главная власть на континенте. Под их господство подпадали Испания, Бургундия, Нидерланды, Германско-римская империя, Чехия, королевство Неаполя и обеих Сицилий. Австрийскую ветвь Габсбургов ожидал также и венгерский трон. В быстро развивающемся конфликте схватились друг с другом последний император средневековья — Карл V и последний папа средневековья — Лев X; этот конфликт окончится поражением обеих сторон, а победителями выйдут Реформация и национальная идея!

Но в Риме и Италии это пока еще не чувствуется. Культура и искусство позднего Ренессанса развиваются под знаком папского меценатства. Рим вновь становится крупным культурным городом; город пап становится духовной и культурной столицей мира. В городе с оскудевшим в XIV веке населением в начале XVI века насчитывается уже 53 000 жителей. Паразитическая сущность этого культурного расцвета и обогащения становится совершенно очевидной. Реформаторы имели все основания называть папский город новым Вавилоном, Содомом и Гоморрой. Согласно Бакхаду, в 1490 году (следовательно, еще до распространения завезенного из Франции сифилиса) в Риме насчитывалось 6800 проституток. В их число не входят «законные» наложницы. Другие источники называют более скромные цифры; по их данным, число торговавших своим телом составляло в 1525 году 4800. И все же устремлениями недовольных папством и папской церковью двигали не ханжество и не притворство, а возмущение той безмерной эксплуатацией, за счет которой могли поддерживаться блеск и помпезность папского Рима.

Во времена Юлия II и Льва X Рим принял от Флоренции эстафету Ренессанса. В процессе ширококомасштабного строительства были найдены замечательные шедевры античного искусства: в правление Александра VI — фигура Аполлона Бельведерского в Порте д'Анцио; при Юлии II из-под руин откопали группу Лаокоон и Венеру Ватиканскую. Папы эпохи Ренессанса полностью перестроили Рим. Характерно, что сам папа Юлий II выступил с инициативой снести храм Святого Петра, символизировавший до сего времени папство, и построить на его месте новую, еще более грандиозную базилику в античном стиле. Импозантное и очаровательное и поныне здание на языке искусств символизировало реорганизованную папскую власть, мировую славу. Планы и чертежи нового храма изготовил Браманте; этот храм явился, пожалуй, одним из самых великолепных творений, выразивших идею единой власти. Храм Святого Петра воплотил в себе одновременно два стиля искусства: ренессанс и барокко. Начиная с 1547 года по планам Микеланджело начинается

строительство купола, воссоздающего Пантеон. В украшении интерьера храма принимали участие великие художники, главным образом Рафаэль. По поручению папы Льва X Рафаэль подготовил также планы и чертежи по реконструкции в стиле ренессанс всего города Льва.

Ватикан за время правления «ренессансовых» пап принял, по существу, свой нынешний вид. При Иннокентии VIII был построен Бельведер, связанный с главными зданиями. При Александре VI Пинтуриккьо украсил своими фресками стены апартаментов Борджа. При Юлии II Рафаэль создал свои замечательные творения, украсившие залы Ватикана, а при Льве X — украсившие ватиканские Лоджии. По указанию Юлия II Микеланджело расписал потолок Сикстинской капеллы, уподобив его звездному небосводу. Вообще же Сикстинская капелла хранит на себе следы творчества художников разных эпох. Спустя двадцать три года по указанию Павла III Микеланджело создал за главным алтарем капеллы фреску «Последний суд», на которой изображено 300 фигур. В годы контрреформации и ее не пожалели: Павел IV, а затем и Пий IV приказали «одеть» обнаженные фигуры, шокировавшие их целомудрие. (Художников, проделывавших эту «операцию», история искусств назвала «пачкунами».)

Такой титанической личности, какой был Юлий II, больше imponировало близкое ему по характеру искусство Микеланджело. Это родство душ нашло свое выражение в великолепном творении Микеланджело — надгробном памятнике Юлию II, центральной фигурой которого является Моисей. По заданию Юлия II Браманте создал галереи Бельведера. Наряду с Браманте, Микеланджело, Рафаэлем широкие возможности для раскрытия своего творчества получили в Риме также Леонардо, Тициан, скульптор Челлини.

Рафаэль изобразил в 1518 году папу Льва X сидящим за кодексом. Это символизировало, что папа Медичи патронировал не только изобразительное искусство, но также литературу и науки. Его авторские труды значительно обогатили Ватиканскую библиотеку. Лев X реорганизовал Римский университет, Сапиенцу [37]. Папа-гуманист любил и легкую литературу, развлекательную музыку, хорошо понимал и сам любил отпустить рискованные шутки. К его непосредственному окружению относились, наряду с «королем живописи» — Рафаэлем, также Макиавелли и Ариосто. Двор Льва X уже нес на себе черты переходящего в барокко позднего Ренессанса.

Смерть Льва X (1521) и sacco di Roma [38] (1527) означали конец Ренессанса в Риме, но созданные в тот период творения пережили вихри истории. В XVI–XVII веках Рим стал достойной столицей обновляющегося и омолаживающегося католицизма. Эпоха «ренессансовых» пап может быть охарактеризована и как отказ папства от средневекового мирозерцания, от органического отождествления его с феодальным обществом; она создала условия для приобщения на Тридентском соборе к Новому времени, к абсолютным монархиям Нового времени.

Усиление светского, мирского характера папства было приметой развития эпохи. За внешними поверхностными проявлениями этого процесса (аморальностью, отсутствием религиозного рвения и др.) просматривались те исторические изменения, при которых в эпоху формирования национальных государств универсальное папство также должно было приспособиться к условиям времени: поскольку оно не могло стать национальным, оно стало политизированным и меценатским. На место религиозно-нравственных законов на практике пришли, игнорируя даже кодифицированное каноническое право, чисто экономические интересы. Религиозный центр не мог изолировать себя от воздействия буржуазного развития. В экономическом отношении папство уже давно ступило на путь

денежного хозяйства, но последнее основывалось не на результатах производственной деятельности, а на налогообложениях, и было паразитическим.

«Ренессансовые» папы второй половины XV века рационализмом гуманистической науки и блеском искусства Возрождения пытались преодолеть все более углубляющийся кризис церкви. В сложившейся ситуации кардинальная реформа, вне всякого сомнения, могла быть осуществлена только в ущерб папскому абсолютизму и примату церкви. Попытка осуществить реформу, предпринятая собором, потерпела фиаско, а папы, конечно же, не могли сами за нее взяться. Таким образом, Ренессанс предоставил еще полувековой мораторий средневековому папству, чтобы уже с помощью наук и искусств средствами государственной политики попытаться преодолеть кризис, выйти из него с честью. Но, как выяснилось в первой половине XVI века, это было невозможно, и скопившиеся страсти с такой взрывной силой вырвались на поверхность, что это до оснований потрясло римско-католическую церковь и привело к такому историческому расколу, который по своим результатам имел для христианства еще большее значение, чем разделение церкви на западную и восточную.

Борьба папства против Реформации (1521–1545)

Реформация — это одетая в тогу религиозности идеология и наполненное социальным содержанием движение немецкой (а затем английской, голландской и т. д.) буржуазии, направленные против феодализма. Поскольку главнейшей идейно-политической опорой феодального общественного и государственного строя были католическая церковь и папство, постольку и острие Реформации в первую очередь было направлено против них. Стремления к проведению реформ в наибольшей степени давали о себе знать в подчиненной папской власти германской церкви и обществе. Общественные движения и изменения проявлялись здесь в XVI веке в рамках религиозных движений.

Центральная мысль Реформации была аналогична по существу почти всем проявившимся к тому времени еретическим направлениям: восстановление апостольской бедности церкви, ликвидация папских привилегий. Дешевая церковь и рационально обставленная религиозная деятельность — вот идеалы буржуазии; однако и все остальные слои общества частично поддерживали их: крупные феодальные землевладельцы — в интересах приобретения церковных владений, крестьянство — как возможность выступить против социальных несправедливостей феодального общества.

С другой точки зрения Реформацию можно было бы рассматривать и как возрождение Европы по ту сторону Альп. Глашатаями церковной реформы были великие немецкие гуманисты, в частности Эразм Роттердамский. Под воздействием все еще живущего гуманизма церковная реформа с самого начала сочеталась здесь с резкой общественной критикой. Гуманизм и Ренессанс к северу от Альп обратились в сторону религиозных и национальных проблем, стали их выразителями. Примером этого могут служить Ульрих фон Гуттен, Ганс Сакс, Филипп Меланхтон, да и сам Лютер (переводом Библии и созданием национального языка). Ренессанс в живописи развивался в большей степени в Нидерландах; живопись Брейгелей и Альбрехта Дюрера — это наполненное жизнью изображение действительности. Встреча немецкого гуманизма и Ренессанса с церковной реформой в конечном итоге потому могла стать первым периодом буржуазной революции, именуемой Реформацией, что в ней германское общество искало и находило ответы на реальные социальные и национальные проблемы.

Поворотным моментом борьбы за церковную реформу явился 1517 год. Папа Лев X решил выпустить в связи с окончанием строительства храма Святого Петра так называемые прощающие свидетельства — индульгенции. Этими свидетельствами папа за определенную сумму освобождал от чтения молитв, от соблюдения поста или от паломничества, которое следовало бы совершить в виде покаяния после отпущения грехов. Индульгенции продавались для уже умерших или для находящихся при смерти, дабы сократить время их пребывания в чистилище или вообще освободить от него. Цены устанавливались в соответствии с материальными возможностями покупателей. Продажа этих индульгенций стала весьма доходным делом; она не только обеспечивала часть папского духовенства и монахов, но в ней усматривали хороший бизнес толстосумы-торговцы и банкиры. Тиражировались индульгенции с помощью печатной техники: первой известной типографской продукцией, вышедшей из книгопечатной мастерской Гутенберга, были как раз индульгенции.

Каждый покупал столько прощений, сколько у него было денег. Некоторые закупили себе отпущения на сто тысяч лет после своей смерти.

Лев X дал задание Майнцскому архиепископу Альбрехту Бранденбургскому наладить продажу индульгенций в центральной и восточной частях Германии! Папа разрешил ему брать себе половину дохода, чтобы тем самым дать Альбрехту возможность погасить огромную сумму, которую он задолжал Фуггерам. Заем был взят им в свое время для того, чтобы суметь заплатить папе за архиепископское кресло. Продававших индульгенции доминиканцев сопровождали уполномоченные банкирского дома Фуггеров, которые тут же изымали половину «благословенных пожертвований». Сделка между папой, самым могущественным германским князем церкви, и Фуггерами вызвала сильный протест как со стороны менее значительных германских князей, так и среди простого народа. Фридрих Мудрый, курфюрст саксонский, был весьма доволен, когда преподаватель находившегося под его попечительством Виттенбергского университета, августинский монах Мартин Лютер (1483–1546), начал протестовать против продажи индульгенций.

31 октября 1517 года Лютер, в соответствии с обычаями эпохи, повесил для обсуждения и дискуссии 95 своих тезисов на воротах виттенбергской замковой церкви. Большая часть тезисов рассматривала проблему отпущения грехов, разбирала само это понятие и делала вывод, что даже папа не властен за деньги — без искреннего раскаяния верующего — отпускать ему грехи, отменять наказание за них. Отсюда следовало, что продажа за деньги отпущений грехов противоречит канонам религии. Эта позиция неожиданно вызвала большой отзвук, не оставшись «узкоместным» делом. Эразм Роттердамский и Ульрих фон Гуттен приветствовали ее. Огромная денежная махинация провалилась, что вызвало ярость церковников.

Во втором туре дискуссии Лютер аргументировал свою точку зрения, опираясь на учение Святого Августина. Он отрицал все церковные авторитеты, основывающиеся не на Священном писании (на Библии). В тезисах Лютера уже тогда просматривалась их теологическая суть: грех может простить (отпустить) только Бог, а не церковь или папа. Из этого вытекает революционная по своему значению центральная мысль Реформации: принцип «Sola fide» («Только вера») — только через веру спасается человек! Снова извечная еретическая мысль: на передний план выдвинулось толкование милости Божьей, отношения человека с Богом.

Реформация освободила человека, чтобы он мог сам, без посредничества церковников решать

напрямую с Богом вопрос о своих грехах. Этот принцип разрушал здание папской церкви. Коль скоро посредничество священнослужителей становилось излишним, зачем нужны тогда папа, епископы, монахи, церковные владения, десятина и т. д. Удар, нанесенный по духовному авторитету и материальной власти церкви, потряс самый сильный бастион феодального строя. Вскоре это распространилось и на институты светского государства, на власть землевладельцев. Отдельные слои общества истолковывали выдвинутые Лютером принципы, исходя из собственных интересов. Князья и аристократы поддерживали их лишь в тех пределах, которые касались ликвидации экономической и политической власти церкви, но чтобы это не распространялось на сам строй. Буржуазия — кальвинистская реформация — демократизировала политический строй. Крестьянство же желало свергнуть его, разрушить существующий общественный строй.

Когда же политическая ситуация начинала складываться так, что папа Лев X уже не мог в осуществлении своих планов рассчитывать на поддержку Фридриха Мудрого, он более энергично выступил против опекаемого им до недавнего времени Лютера. 15 июня 1520 года он издал буллу «Exsurge Domini», в которой Мартин Лютер за еретичество отлучался от католической церкви. Лютер же публично сжег копию этой буллы, а папу назвал Антихристом. Он подверг сомнению примат папы, а относительно своего личного дела апеллировал к вселенскому собору. Начиная с этого момента Лютер окончательно порвал с папой. В своих письменных выступлениях он открыто отрицал спасительную роль церкви. Теологическая дискуссия перенеслась в область национального политического противостояния, когда Лютер призвал германских князей начать борьбу против римской эксплуатации. Популярность Лютера стремительно возрастала; его взгляды благодаря прочно ставшему на ноги книгопечатанию, стали как лесной пожар быстро распространяться по империи, а затем и по всей Европе. В утонченном под влиянием гуманизма Рима лишь тогда испугались волнений, вызванных «полоумным и грубым монахом», когда тот нашел мощных покровителей среди антипапски настроенных германских князей, и в первую очередь — в саксонском курфюрсте Фридрихе.

Когда папа потерпел фиаско в попытках обуздать Лютера, дело взял в свои руки император Карл V, для которого был чужд и непонятен бунт немцев. В 1521 году на заседании Вормского рейхстага Лютер в присутствии императора и папского легата защитил свое учение и не проявил склонности к компромиссу. Однако императору для обеспечения европейской гегемонии необходима была поддержка церкви и папы, поэтому он выступил против реформаторов. Лютер подвергся государственной опале, и Фридрих Мудрый предоставил ему убежище в замке Вартбурга, где тот перевел Библию на немецкий язык; использованный им для этого диалект трансформировался со временем в немецкий литературный язык.

Во время выступления Лютера все — от князей и до крестьян — были настроены против Рима и папы; пожалуй, это было единственное, в чем они сходились. Но в вопросе «А как дальше?» это единство уже нарушалось. Реформация по мере расширения своего влияния расслаивалась. В 1523 году произошло вооруженное восстание рыцарей, возглавленное Ульрихом фон Гуттенем, против князей и высших иерархов церкви. Лютер отмежевался от них, и восстание вскоре потерпело поражение. С целью обуздать радикальные народные движения, вызванные Реформацией, часть князей снова встала на сторону папы. В 1534 году Эразм Роттердамский тоже примкнул к этой партии, тем самым выступив против Лютера.

В то же самое время швейцарец Цвингли, считавший Лютера слишком консервативным, тоже порвал с ним, не согласившись с его трактовкой в дискуссии о причащении. Взгляды Лютера уже не соответствовали и интересам финансовой буржуазии, так как, например, сохранение запрета на проценты, отчисляемые церкви, было в сфере ее экономических интересов. Лютер стал отстраняться и от рыцарей, и от гуманистов, и от бюргерства, все больше подпадая под влияние одной части князей. А они, во главе с Фридрихом Мудрым, хотели такую реформацию, которая передала бы в их руки церковь и церковные землевладения. (Великая крестьянская война в 1524 году окончательно столкнула Лютера в лагерь князей.) Длительная несколько лет, то затихавшая, то вновь вспыхивавшая крестьянская война в Германии взяла на вооружение анабаптистские идеи Томаса Мюнцера.

Подавление восстания рыцарей и неуспех крестьянской войны означали, что потерпели поражение те силы, которые были сторонниками единой Германии. Вновь победила феодальная раздробленность; аристократы и бюргеры встали на сторону князей. Этот союз был освящен лютеранством.

Немецкая Реформация была первым этапом буржуазной революции. Вторым этапом была освободительная борьба Нидерландов против испанцев, против Филиппа II; идеология этой борьбы черпалась в кальвинистской реформации. Лютеранская реформация стала на путь соглашательства с феодализмом, и народная реформация потерпела поражение. Кальвинистская реформация была победоносным вариантом буржуазного обновления веры.

Француз по происхождению, Жан Кальвин подвизался сначала в Базеле, затем в Женеве. В 30-х годах XVI века он занялся развитием учения Лютера и Цвингли применительно к буржуазным воззрениям. Наиболее далеко он пошел в отрицании посреднической-спасительной роли церкви и в подчеркивании, акцентировании личной веры (веры индивида) в деле Спасения. Согласно его учению, индивид еще до своего рождения заранее предопределен либо к Спасению, либо к проклятию. Зная уготованную ему судьбу, человек может чувствовать себя совершенно свободным, он может неограниченно выражать свою индивидуальность и при этом быть уверенным в своем Спасении. Это чувство уверенности придало силы для борьбы швейцарской, голландской и английской буржуазии. Позиция Кальвина в политических и экономических вопросах тоже была буржуазной. Она обновила теорию казни тиранов; политическая власть, согласно ей, должна принадлежать представляющему народ магистрату, руководимому выборными пресвитерами. Экономически она допускала возможность сбора процентов за заем, сделанный не в силу необходимости. Кальвинизм характеризовался следующими чертами: формирование национального самосознания, пуританство в вопросах морали и нравственности, прилежный буржуазный труд как идеал, устройство церкви на дешевых, разумных началах. Именно его последовательность рождала слепое рвение и нетерпимость по отношению к инакомыслящим, примером чего может служить сожжение испанского ученого и врача Мигеля Сервета в 1553 г.

Начиная с развертывания Реформации и вплоть до Тридентского вселенского собора (до 1545 года, а то и вообще до Аугсбургского религиозного мира 1555 года) римские папы были по существу беспомощными по отношению к движению за обновление веры. Они с непониманием и смешанной со страхом ненавистью взирали на происходящее по ту сторону Альп. Папы этой эпохи считали, что церковный раскол — это временное явление, ликвидация которого всецело зависит от расстановки

властных сил. Поэтому о примирении, а тем более о принятии, хоть отчасти, реформ не было и речи. Возглавлявший католическую церковь в течение 21 месяца папа Адриан VI (1522–1523) был аскетом и антигуманистом. Избрание происходившего из Утрехта кардинала Адриана в значительной степени обусловлено тем, что раньше в Нидерландах он был воспитателем будущего императора Карла V. Вполне вероятно, он и не подозревал о грозящих папству со стороны Реформации опасностях. Единственную причину недовольства немцев он усматривал в роскоши высшего духовенства и папского двора. Поэтому на заседании Нюрнбергского рейхстага в 1523 году он через своего легата подверг искренней критике (от имени и своих предшественников) преступления и ошибки пап. Однако далеко идущая самокритика касалась лишь поверхностных, а отнюдь не общественно-политических причин Реформации. Папа хотел завоевать на свою сторону и отвернувшегося от радикализирующейся Реформации Эразма Роттердамского: он пригласил его в Рим, намеревался одарить его кардинальской шапкой; однако «отец гуманистов» решительно отклонил эту честь.

Еще в начале Реформации было ясно, что размежевание европейских держав идет не по религиозному признаку; католические князья не группировались вокруг католического императора; да и в лагере сторонников обновления веры можно было найти немало католиков. Причина этого крылась в том, что основным политическим противоречием Европы того времени были напряженные взаимоотношения между двумя великими католическими державами: Испанией Габсбургов и Францией. Эти великодержавные противоречия привели к возникновению в период между 1522 и 1555 годами пяти войн; все — за овладение Италией. Владение Апеннинским полуостровом одновременно означало и гегемонию в Европе. К тому же позиция пап в этих конфликтах определялась не только религиозными моментами, но и интересами борьбы за власть своих семейных кланов.

В 1521 году папа и большинство итальянских государств встали на сторону императора в войне против французов за наследное владение Бургундией. Предмет конфликта состоял в том: должна ли относиться Бургундия к Франции или к Германско-римской империи? К союзу примкнули английский король Генрих VIII и австрийский эрцгерцог Фердинанд. Эта коалиция означала серьезную опасность для державных позиций централизованной абсолютной монархии Франциска I. Характерно, что война за Бургундию протекала на территории Италии. Армии Франциска I дошли до Неаполя, стремясь отобрать у испанцев наследные земли Анжу.

После смерти папы Адриана произошло изменение и в папской политике. Борьба на конклаве между прогабсбургской и профранцузской партиями окончилась в пользу сторонников французов, и на папский престол был избран племянник Льва X — Джулио Медичи, взявший имя Климента VII (1523–1534). Папа Климент начал проводить профранцузскую политику, так как считал, что испанская держава более опасна для Италии.

Во время правления Климента VII в Риме господствовало предчувствие гибели. Все ненавидели папу, город «оккупировали» проповедники-монахи, предсказывавшие скорый конец света и называвшие Климента VII Антихристом. Против профранцузского папы снова взбунтовалась гибеллинская партия Колонна. Во главе недовольных встал бывший полководец Юлиа II кардинал Помпео Колонна, которого император Карл V прельщал тем, что в случае устранения Климента его сделают папой. Когда в 1526 году на поле сражения под Мохачом был истреблен цвет населения

средневековой Венгрии, а также ее высшего духовенства, римский папа бежал от Колонна в Замок Святого Ангела.

В ходе первой испанско-французской войны (1521–1526) Франциск I завоевал в 1524 году Милан. Тогда папа открыто присоединился к антииспанскому союзу Франции и Венеции. Этот его шаг в значительной степени способствовал тому, что в Германии большинство господствующего класса встало на сторону Реформации. Война закончилась в 1525 году поражением Франциска I; императорские войска разгромили осаждавшую Павию французскую армию. Сам французский король попал в плен, и лишь ценой тяжелых условий мира ему удалось освободиться.

Фиаско профранцузского папы привело к тому, что на заседании Шпейерского рейхстага, проходившем под председательством замещавшего императора Фердинанда Габсбурга, который, к слову сказать, сочувствовал реформам, было принято постановление, устанавливающее, что в пределах своих территорий (княжеских, городских) соответствующие власти определяли и «свою» религию. Тем самым постановления Вормского рейхстага объявлялись утратившими силу, и могла начаться организация лютеранской церкви как государственной.

По инициативе папы Медичи в 1526 году итальянские города (Флоренция, Милан, Венеция) заключили союз с Францией против растущего могущества Испании. Папа же потому стал во главе так называемой Коньякской лиги, что не без основания видел в императоре опасность для своей верховной власти, так как император мог военным путем подавить реформы и созвать вселенский собор. В ходе второй испанско-французской войны (1526–1529) императорские войска, перевалив через Альпы, устремились к югу, для захвата Неаполя. Состоявшая по большей части из лютеранских ландскнехтов и испанских наемников армия, чтобы наказать папу, взяла штурмом Рим. В глазах современников разгром и грабеж Рима (Sacco di Roma) явились знаменем времени. Спасаясь от грабящих и убивающих наемников, папа бежал в Замок Святого Ангела. После «Sacco di Roma» в Италии на целое столетие установилась испанская гегемония. В конце концов война — за счет отхода от коалиции Генуи — снова завершилась победой императора. Губительные для Италии войны Карла V с Франциском I временно закончились в 1529 году миром в Камбре. Папа в интересах сохранения господства клана Медичи во Флоренции помирился с императором, и они объединились для борьбы против Реформации.

По условиям заключенного мира французы получили назад Бургундию, но должны были отказаться от своих итальянских претензий; Сицилия и Неаполь стали непосредственно испанскими владениями. Господство кланов Сфорца в Милане и Медичи во Флоренции стало возможным только под эгидой испанского королевства. Вместо реставрации Германско-римской империи возникла средиземноморская испанская империя, ставшая базой феодальной реакции против Реформации. Однако распространить испанскую гегемонию на север от Пиренеев и Альп не удалось. Испанская гегемония была освящена папой, когда он в 1530 году в Болонье, второй столице пап, водрузил на голову Карла V императорскую корону.

В Венгрии же — после Мохача [39] — Климент VII сначала поддерживал партию Сапойи, но когда король Янош (1526–1540) заключил союз с турками, папа снова пошел на компромисс с Габсбургами и по настоянию короля Фердинанда I (1526–1564) отлучил Сапойю в 1529 году от церкви.

Окрыленный военными успехами Карл вместе с верными римской церкви католическими князьями вновь заявили в 1529 году на Шпейерском рейхстаге о запрете распространения Реформации.

Сторонники Лютера протестовали против насилия. Отсюда и их название: протестант. В 1530 году сотрудник Лютера, гуманист Меланхтон (1497–1560), сформулировал положения, характеризующие основные теологические принципы Реформации. Этот документ был представлен на рассмотрение Аугсбургского рейхстага. Однако Аугсбургское исповедание, сделавшее возможным компромисс, было категорически отклонено Карлом V, считавшим теперь уже за своей спиной и папу. Веривший в силу оружия император хотел «выбить» решение не только на поле брани, но и на вселенском соборе. Но папа не был склонен созвать собор, потому что тогда еще это закончилось бы теологическим поражением противников Реформации. (Папство еще не было подготовлено к дискуссии такого уровня. С надеждой на успех бой мог бы принять только обновленный католицизм.) В конце концов император тоже не мог сделать ничего иного, как примириться с данной ситуацией и обратить свое внимание на другие регионы империи.

Несомненно, что папа Климент VII был неудачным политиком. Так, например, в бракоразводном деле английского короля Генриха VIII (который хотел развестись со своей первой женой, Екатериной Арагонской) он поддержал интересы Испании, что привело к расколу английской церкви. Поскольку папа безоговорочно отказался расторгнуть этот брак, Генрих VIII объявил себя в 1534 году главою английской церкви, и это положило начало Реформации и секуляризации в Англии.

Переход от Ренессанса к эпохе церковной реформы в истории папства связан с полуторадесятилетним понтификатом Павла III (1534–1549). Еще будучи кардиналом, Александр Фарнезе вел типично светский, в духе Возрождения образ жизни, имел наложниц и признанных им детей от них. Павел III, порожденный Ренессансом, безоговорочно верил, например, в предсказания звезд. Он воспитывался при дворе Лоренцо Медичи. О понимании Павлом III искусств свидетельствует то, что его дворец Палаццо Фарнезе, строительство которого началось еще в бытность его кардиналом, и поныне относится к числу подлинных жемчужин Рима.

Правление Павла III характеризовалось разгулом nepотизма. Особым влиянием на него пользовался его сын Пьетро Луиджи Фарнезе. Двух своих внуков Павел III ввел в коллегия кардиналов, когда они были еще детьми. Он тоже хотел сделать семью Фарнезе княжеской за счет папских доходов. Вряд ли кто-либо другой из пап пользовался такими симпатиями за свое щедрое меценатство, как он. И все же понтификат Павла III был поворотным моментом в истории папства, открывшим свободную дорогу католической церковной реформе. Павел III сделал возможным усиление в курии партии сторонников обновления, а тем самым и начало идейно-теоретической подготовки наступательной борьбы с Реформацией. Его большой заслугой явилось то, что он выдвигал в кардиналы не только своих родственников и знатных знакомых, но и людей, того заслуживающих: строгих монахов и умных реформаторов. Он сделал кардиналом Контарини, главного глашатая его католической реформы, гуманиста Садолето, английского эмигранта Пула и считавшегося святым Червини. Впрочем, Павел III облачил в кардинальский пурпур и отца неаполитанско-испанской инквизиции — Карафу.

Однако партия сторонников реформ в курии была еще недостаточно сильна, чтобы выступить самостоятельно. Все же большее влияние на папу оказывали его родственники и фавориты. О первом секретаре Павла III, Амброджио, говорили, что он стал при папе всесильным «и мог делать все, что хотел, и мог пожелать всего, что мог сделать». Так, например, среди многих подарков он получил

однажды 60 серебряных рукомошников вместе с кувшинами к ним. Как же могло случиться, переходило из уст в уста в Риме, что, имея столько рукомошников, он все же ходит с грязными руками?

До сих пор папа был тормозом проведения глобальных реформ; теперь же Карл V и Павел III договорились о созыве вселенского собора. Однако Франциск I решительно выступил против собора, так как, по его мнению, он заседал бы под эгидой Габсбургов. И тогда началась третья испанско-французская война (1531–1538), которая тем не менее не смогла сломить державные позиции Франции, вступившей в союз с турками. В своем неприятии созыва собора Франция нашла хорошего союзника в лице объединившихся в 1530 году под названием Шмалькальденский союз протестантских германских князей и городов.

В конце концов в 1542 году Павел III созвал в Триденте вселенский собор. Однако его открытию помешала новая французско-испанская война (1542–1544). По условиям мира, заключенного в 1544 году, испанцы вынуждены были признать позиции Франции как великой державы, а Франциск I согласился на открытие Тридентского собора.

Папы времен Тридентского собора (1545–1563)

Реформация вынудила папство вновь стать духовной движущей силой, подключившейся к историческому развитию. Еще до созыва Тридентского собора началась реформаторская работа в Испании и Италии, которая и определила характер собора. Реформация, которая была процессом гораздо более широким и глубоким, чем просто католическое обновление, проходила в двух направлениях: с одной стороны, она имела теологически-религиозно-нравственный характер и, с другой — организационно-церковный и дисциплинарный. Католическая реформа затрагивала те же самые теоретические и организационные проблемы, что и Реформация, только с противоположным знаком. В то время как острие Реформации было направлено против монашеских орденов и папства (она лишала монашеские ордена их сферы деятельности и отрицала папство), католическая реформа началась с монашеских орденов и вела к укреплению принципа абсолютного авторитета папства. Католическая реформа обновила идеал монашества, его организацию. Она породила новые, боевые монашеские ордена, которые приближались к церковному идеалу.

Из монашеских орденов нового типа первым появился в 1527 году орден театинцев, основанный Петром Карафой, архиепископом Театы, ставшим впоследствии папой Павлом IV. Из францисканского ордена в 1526 году выделился строгий орден капуцинов. В 1530 году в Милане сформировался орден барбанитов, ставивший своей целью благородную деятельность по попечительству над бедными и уходу за больными. В это же время возник и орден святой Урсулы, в задачу которого входило воспитание девушек в новом духе. В 1540 году тоже для ухода за больными возник орден милосердия. Эти духовные ордена стали образцами и популяризаторами религиозности нового типа, наполненной социальным содержанием.

Однако главным средством католического обновления и идущей следом за ним контрреформации стал орден иезуитов, родиной которого явилась Испания. Основателем ордена был солдат-инвалид, выходец из дворянской семьи басков — Игнатий Лойола (1491–1556). В 1540 году Павел III своей буллой «Regimini militantis ecclesiae» утвердил новый орден, избравший себе воинственное название «Общество Иисуса» (Societas Jesu), имело своей целью, обратив в христианскую веру язычников и еретиков, объединить весь мир под церковным владычеством папы. В их организации неперенным

условием была строгая военная дисциплина, удивительным образом сочетавшаяся всегда с гибкостью. Централизм и иерархическая структура ордена не только не препятствовали, но скорее даже содействовали самостоятельности его членов. Иезуиты наряду с тремя обязательными для монашеских орденов обетами принимали еще четвертый — безусловного послушания папе. Они стали отличными орудиями папы в последующие эпохи. (Разумеется, папа вывел иезуитский орден из-под юрисдикции епископов.)

Орден иезуитов развивался и процветал в атмосфере религиозной реформы и контрреформации. С головокружительной быстротой он распространялся в католическом мире, но наиболее благоприятную почву он нашел на территориях, приграничных с антиреформистской конфронтацией. Орден перенял и трансформировал на свой лад идеи и методы гуманистической культуры. Лютер и Кальвин завоевывали души рациональной и пуританской верой, основанной на Священном писании, Лойола же и его сподвижники достигали этого страстной, фанатичной верой, возвращением права на существование и проявление чувств и фантазии. В то время как Реформация являлась глашатаем свободы личности, духовного освобождения индивида, иезуиты считали подлинной христианской добродетелью безусловное послушание индивида. В таинственности и загадочности барочной религиозности личность, индивид растворялись в величии общности.

Иезуиты идеальным образом объединяли церковную жизнь с монашеской, но на благо жизни, в ущерб монастырю. Этот орден потому стал конкурентоспособным по отношению к Реформации, что поп-иезуит, так же как и протестантский священнослужитель, требовал своей доли участия во всех сферах светской жизни, в которой он очень хорошо себя чувствовал. Вначале это были три основные сферы: 1) проповедование и исповедование на языке народа, 2) литературная деятельность на языке народа (распространение барочных школьных драм, искусств), 3) воспитание молодежи. Орден иезуитов быстро превратился в большой обучающий орден. Постановку в центр своей деятельности школьного обучения иезуиты также переняли от Реформации. Использование современных педагогических принципов (например, введение оценок); осуществление обучения на национальном языке, совершенствование и развитие языка, равно как и введение бесплатного народного образования, преследовали одну цель: обновление веры народных масс. Другим направлением педагогической деятельности было воспитание детей господствующего класса — осуществлялось своего рода выращивание элиты. А это приводило к осознанию того, что контрреформация — не предмет религиозных споров и агитации среди народа, а в первую очередь решающий момент в завоевании господствующего класса, господ-феодалов. Так иезуиты стали «серыми преосвященствами» княжеских домов, всемогущими духовниками королей и королев. Иезуиты стали лучшими дипломатами пап.

Основным принципом иезуитов (а следом за ними и реформаторского папства) было: политика не самоцель, а средство. В своей теории государства они специфическим образом соединяли принцип верховенства народа с абсолютизмом. Господствующий режим самодержавия иезуиты считали наилучшей формой правления, но они объединяли его с принципом верховенства народа, объявляя и подчеркивая, что именно народ наделил государя абсолютной властью. Если государь правит не в интересах народа (и церкви), то он может быть лишен власти (теория казни тирана).

Иезуиты стали ведущим католическим фактором эпохи благодаря тому, что они адаптировали теоретический и практическо-методологический опыт и успехи Реформации для католической

церкви, а протестантов хотели победить их же оружием, и не без успеха. Основной целью деятельности иезуитов было приостановить, а потом и повернуть вспять секуляризацию общества и церкви. Тем самым они, по существу, заняли позицию против объективного исторического процесса. Подготовка католицизма к борьбе против Реформации на оборонительной стадии ознаменовалась прежде всего реорганизацией папской инквизиции; эта реорганизация вписывалась в реформу по централизации всего папского управления. А для того, чтобы папская церковь могла без опасений принять бой против Реформации, необходимо было укрепить ее внутреннее единство. Теологическое обоснование этого взял потом на себя Тридентский собор, но и до этого уже началась административная расправа с явными «лжеучениями». Спустя несколько десятилетий папская инквизиция станет устрашающим орудием контрреформации.

Реорганизация инквизиции протекала внутри кардинальского корпуса. Папа Павел III своей буллой «Licet ab initio» от 21 июля 1542 года учредил в Риме Центральный инквизиционный трибунал (позднее получивший название «Священная канцелярия»). Этот орган — первая кардинальская Конгрегация святой инквизиции, во главе которой стоял кардинал — великий инквизитор.

Подлинным основателем папской инквизиции был кардинал Карафа. Ставший из доминиканца испанским кардиналом, он воссоединил средневековую доминиканскую инквизицию с испанской государственной инквизицией. Он воспринял от нее практикуемые ею страшные методы пыток и, пожалуй, еще более страшные психологические методы убийства человеческой души. Кардинал Карафа был мрачным вершителем правосудия, строгим и безжалостным в выносимых им приговорах, непреклонным в своих суждениях. Он предложил учреждение в Риме Священной канцелярии, а также идею, чтобы папа сделал инквизицию центральным органом церковного управления. В этом его поддерживали Лойола и иезуиты. Конгрегацией святой инквизиции руководили шесть великих инквизиторов во главе с кардиналом — великим инквизитором Карафой.

Папская инквизиция имела право судить каждого, невзирая на ранг и происхождение, могла выносить смертные приговоры, помилование по которым осуществлял только папа. Сутью инквизиции было то, что она могла делать все, принимать любые распоряжения ради того, чтобы сдержать, остановить Реформацию, истребить ее, более того — жестоко покарать каждое отклонение от католических догм. Таким образом, обвинения в еретичестве путем тайных и анонимных доносов стали средством политической, экономической или личной мести.

Инквизицию поддерживали в ее действиях международные карательные органы. Устрашающий пример в этом отношении показало Папское государство. В Риме на площади перед храмом Санта Мария алла Минерва было определено место для аутодафе. (Испанское выражение, означающее «акт веры»). Торжественное оглашение приговора инквизиционного трибунала происходило в присутствии церковных и светских властей. Во время следовавшего за этим исполнения приговора — что являлось задачей светской власти — зрители, как того требовала инквизиция, периодически громко возглашали свою приверженность истинности церковного учения.) В Венеции вместо широко распространенного сожжения еретиков на кострах избрали более дешевую казнь — утопление в воде. Осужденных вывозили на двух барках в открытое море. Обе барки плыли плотно рядом одна с другой. Между ними помещался мостик. На него сажали связанных осужденных; затем обе барки начинали грести в противоположном направлении, мостик падал в воду, а вместе с ним и несчастные осужденные, которые тут же шли ко дну.

В 1543 году Карафа распорядился, чтобы печатание книг осуществлялось только после предварительного просмотра и разрешения инквизиции. Тем самым было положено начало институту церковной цензуры книгопечатания.

После создания таких предпосылок в ноябре 1544 года Павел III издал буллу «Laetare Jerusalem», в которой объявил о созыве 15 марта 1545 года в приграничном между германской и итальянской территориями городе Тридент вселенского собора. Однако собор был созван лишь в декабре 1545 года. Заседаниями собора руководили по очереди три кардинала-легата. Во время открытия присутствовал всего 31 епископ и только постепенно стали съезжаться остальные участники собора. Этот собор уже не был общеевропейским конгрессом, как, например, Констанцкий вселенский собор. Большая часть присутствовавших на нем отцов-кардиналов прибыла из Италии и Испании. Духовная атмосфера совещаний в сильной степени определялась влиянием иезуитов. Правом голоса на соборе пользовались только епископы и руководители монашеских орденов. Совещания проходили на трех уровнях:

- 1) в теологической подготовительной комиссии (с участием не пользующихся правом голоса докторов) подготавливались декреты;
- 2) соборные отцы обсуждали их на общем заседании и формировали мнение большинства;
- 3) на торжественном заседании декреты провозглашались.

Первый период Тридентского собора длился с декабря 1545 года по июль 1547-го. Созывавшая собор булла следующим образом обозначила его задачи: ясное определение понятия католической веры; реформа церкви; восстановление внутрирелигиозного мира. Главной целью папы была скорейшая догматизация католического учения, чтобы тем самым рассеять внутри католической церкви неуверенность, вызванную реформаторами веры. Павел III считал догматическую и организационную консолидацию церкви под верховенством папы исходным пунктом для разработки реформ и для выяснения отношения к протестантам. (Тем самым он априори хотел исключить возможность того, что реформы будут направлены против папского абсолютизма и что дело может дойти до компромисса с протестантами.) Император же, напротив, ставил во главу угла быстрейшее восстановление единства с протестантами (поскольку это означало бы и политическое единство империи); поэтому он хотел сначала обсудить реформы, которые облегчали бы компромисс.

В конце концов победила точка зрения папы. Сначала обсуждали спорные теологические воззрения и догматизировали католическую точку зрения. Было подчеркнуто то, что разделяло, и отвергнуто то, что давало возможность к сближению. Формально все это не выглядело нападками: решали не то, кто является еретиком и что есть ересь, а просто были определены границы истинного учения церкви. Была подчеркнута незыблемость иерархии, традиций, церковных таинств. Особо подчеркивалась посредническо-спасительная функция церкви. Было подтверждено и закреплено все, что хотели низвергнуть протестанты.

Сначала собор, точно так же как и Реформация, исходил из уяснения источников веры. Как выяснилось, и в этом основном вопросе он был непреклонен. Он отверг основной принцип реформаторов, что только Библия — источник веры, и тем самым утверждал, что священное предание (догматы и каноны, существующие со времен древнего христианства) — суть категории одного ранга с ней. Он подтверждал церковное главенство папы, институт священнослужителей, целибат, мессу, порядок исповеди — на ухо, поклонение святым. В центре теологических дискуссий

на соборе стояло учение о Спасении и милости Божьей, то есть то, что в наибольшей степени отделяло папскую церковь от Реформации. Он установил, что Спасение дается людям благодаря заслугам Христа, но вера — это только врата, открывающие путь к спасению. Для достижения этого необходимы посредничество церкви и активная религиозность, благодеяния. Так учением о первородном грехе, об оправдании верой и о семи таинствах, предоставляемых церковью, была подтверждена и закреплена вся догматическая (и организационная) структура феодальной церкви. Разрыв с протестантами стал окончательным, и собор заявил: «Видимая церковь — одновременно истинная, которую называли невидимой. Религиозную суть вне своей сферы она не признает и не может признать».

Соглашение с протестантами становится все более нереальным и вследствие сложившихся политико-государственных условий. В 1546 году параллельно с собором начался военный поход императора против Шмалькальденского союза. Папа деньгами и войсками поспешил на помощь императору. Весной 1547 года Карл V победил протестантских князей, оружием сломив размах Реформации. Теперь уже он потребовал от папы и от собора, чтобы они осуществили церковную реформу, обеспечив привилегии епископов и ограничив папский абсолютизм. Требования императора поддержали также испанские епископы. Тогда папа, желая вывести собор из-под влияния императора, перенес заседания в Болонью. Выяснилось, что для папы по-прежнему важнее, как обстоят дела в отношении собственной власти, за которую он опасался в связи с возросшим авторитетом императора, нежели реформа церкви и восстановление мира. Этот шаг папы расколол собор на две партии, и проимператорская партия отцов-кардиналов осталась в Триденте. В конце концов папа Павел III в 1549 году распустил собор.

В поведении папы снова столкнулись политические и церковные интересы, то есть интересы власти и религии; при этом возобладали первые. Папа, по существу, желал успеха протестантским князьям в их борьбе против католического императора. Протестанты заключили союз с французами, и папа сближался с Францией. Отношения между Карлом V и папой стали выглядеть как настоящая война, когда гибеллины с ведома императора убили в Пьяченце сына Павла III, которому папа хотел отдать Парму и Пьяченцу. С этого времени Папское государство потеряло обе эти территории. Развязыванию конфликта помешала только смерть Павла III.

Большинство кардиналов стояло за продолжение собора; таким образом, новым папой стал один из тридентских легатов, кардинал дель Монте, принявший имя Юлия III. Юлий III (1550–1555) начал проводить миролюбивую и проимператорскую политику и в 1551 году вернул собор в Тридент (вторая сессия собора — 1551–1552 годы). На этом соборе появились уже и немецкие епископы; зато теперь в связи с новой войной на него не прибыли французские. Возглавляемые Морицем Саксонским «Шмалькальденцы», находившиеся в союзе с французским королем, вторглись в Южную Германию и вынудили Карла V бежать из Инсбрука. Появление протестантских войск рассеяло и собор, нынешняя сессия которого, по существу, не проделала никакой полезной работы. На его заседаниях даже не велось серьезных дискуссий с протестантскими делегатами.

Фердинанд I от имени императора, но без участия папы, даже вопреки ему, провозгласил в 1555 году Аугсбургский религиозный мир. Рейхстаг признал равноправие последователей лютеранского вероисповедания, отдав право выбора религии князьям и городам — признают ли они на своей территории это вероисповедание или тридентские догматы. Принцип «*cuius regio, eius religio*»^[40] в

то время благопритствовал Реформации, потому что граждане, живущие во владениях князя, перешедшего в новую веру, обязаны были также исповедовать его веру. Согласно признанному Аугсбургским религиозным миром принципу, государь или феодал определяет, какую религию должны исповедовать его подданные. К какой вере присоединится князь или феодал, той вере должны следовать и его подданные. Таким образом, свобода выбора религии принадлежала только господствующему классу. Людям, исповедовавшим другие разновидности протестантизма (анабаптистам, кальвинистам), предоставлялось право эмиграции. Новые светские владельцы, получившие до 1552 года церковные земли, могли сохранить их за собой, но дальнейшая секуляризация была запрещена. Аугсбургский религиозный мир, легитимировав, признав Реформацию, завершил на основе статус-кво первый этап религиозного движения, однако из этого признания исключались кальвинисты и радикальные направления Реформации. Начиная с этого времени больше уже не говорится о новом объединении; речь теперь идет о возможной победе одного направления над другим, об распространении одного в ущерб другому. Компромисс окончательно был снят с повестки дня вследствие того, что Карл V, устав от своих постоянных поражений, в 1556 году удалился от политики. Его младший брат, новый император Фердинанд I (1556–1564), больше симпатизировал не сторонникам Тридента, а протестантам. В папской же курии после смерти Юлия III взяла верх строгая (фанатичная) партия.

Когда неаполитанский кардинал Карафа взшел на папский престол под именем Павла IV (1555–1559), церковь находилась в катастрофическом положении. Казалось, что верными папской церкви оставались лишь южная часть Европы, Пиренейский полуостров и Италия. Во Франции, в Австрии и Венгрии, а также в Польше завоевывала позиции Реформация, а к северу от этих стран она одержала окончательную победу.

В этой ситуации при Павле IV строгое католическое направление возобладало и в Риме. 79-летний старец искал выхода из кризиса не в продолжении вселенского собора, а в подготовке боевой контрреформаторской реставрации. Поскольку собор создал догматическое единство церкви, папство развило деятельность по истреблению еретичества. При понтификате Павла IV инквизиция стала жестоким оружием в руках доминиканцев. Даже такие авторитетные личности, как активные сторонники церковной реформы кардиналы Мороне и Пооле, не спаслись от ее когтей.

Павел IV сделал кардиналов снова священнослужителями, а не князьями. Хотя в течение длительного времени он и сам находился под влиянием своего родственника кардинала Карло Карафы, в конце своей жизни он порвал с nepотизмом. В 1559 году Павел IV впервые опубликовал список запрещенных книг, папский «Индекс», который с тех пор стал публиковаться систематически. Инквизиция и «Индекс» стали грозным оружием административной защиты тридентских решений и преследования всех, не согласных с ними.

Папа стремился освободиться от становящегося все более тягостным опекунства испанцев и Габсбургов. Антинемецкие настроения папы послужили причиной сближения Фердинанда I с протестантами. Павел IV снова посчитал, что с помощью французов сможет освободиться из «железных объятий» Габсбургов. (Союз с французами постепенно отдалял от Рима и Англию.) С Испанией же папа даже ввязался в вооруженный конфликт. Однако армия герцога Альбы разбила войско папы, состоявшее главным образом из протестантских немецких наемников. После этого поражения наступила еще большая зависимость от Испании.

Своей суровостью и своими распоряжениями Павел IV способствовал не укреплению и возрастанию авторитета папства, а лишь усилению страха и ненависти. Поскольку в контрреформации он видел только административную задачу, он всю свою жизнь, по существу, целиком посвятил инквизиции... (Каждую неделю он сам председательствовал на заседаниях Священной канцелярии.) Когда в 1559 году папа умер, накопившееся недовольство вылилось в народное восстание в Риме. В начале понтификата Павла IV ему поставили статую. Когда же он умер, Колонна и Орсини взбудоражили толпу, и она низвергла статую с пьедестала; ее разбили на куски, а увенчанную папской короной голову протащили по улицам Рима.

Завершившим Тридентский собор и начавшим контрреформаторскую реставрацию папой был Пий IV (1559–1565). На конклаве снова боролись друг с другом испанская и французская партии; в конце концов папой был избран незаметный доселе кардинал, не принадлежавший ни к одной партии. Выходец из бедной семьи, миланский кардинал Медичи (он не принадлежал к флорентийскому клану Медичи), став папой, был полным антиподом Павла IV. После прихода к власти он изгнал непероты Карафы. Пий IV вскоре стал во главе партии реформ, так как осознал, что если реформы будут осуществлены не под руководством папы, то они пойдут в ущерб папскому примату. Своим ближайшим соратником он сначала выбрал кардинала Мороне, а после его смерти — своего племянника, кардинала Карла Борromeо. Борromeо первым стал называть себя кардиналом-государственным секретарем. Папа, главным образом под влиянием Борromeо, вновь занял проимператорскую, проавстрийскую позицию, рассчитывая во взаимодействии с императором начать контрреформацию. Карла Борromeо церковь впоследствии объявила святым, и его личность стала символом беспощадной борьбы против протестантизма.

В 1562 году папа Пий IV открыл третью сессию Тридентского собора (1562–1563). Папа взял в свои руки осуществление реформ, так как Фердинанд не имел реальной власти в Италии; об объединении с протестантами уже никто и не думал; в конце концов, церковь стояла на прочных теоретических позициях. Однако относительно проведения внутренней реформы проявились серьезные расхождения во взглядах. На соборе испанцы выступили за усиление влияния епископата, против дальнейшего укрепления верховной власти папы. (Епископы требовали расширения своих прав.) Французские епископы, боровшиеся против гугенотов, защищали «галликанские свободы» в духе конциляризма. Предложения немецкой нации изложил император: причащение под двумя видами (разрешение пользоваться потиром [41] светским лицам), использование во время литургии национального языка и, наконец, отмена celibата.

Председательствующим на соборе папа назначил кардинала Мороне. В интересах достижения успеха он сначала хотел прийти к соглашению относительно сущности реформы. С испанским и французским монархами удалось заключить компромисс точно так же, как с Фердинандом I в Инсбруке. После этого последняя сессия собора прошла действительно под знаком конструктивной работы и завершилась принятием значительных реформ. Декрет о духовных таинствах предписывал восстановление религиозной дисциплины духовенства, выполнение им своих пастырских и культовых функций. Постановление о постоянном проживании высшего духовенства по месту их назначения обязывало епископов находиться в своем епископстве и следить за его религиозной жизнью, за моралью и нравственностью священнослужителей и исполнением ими своих обязанностей, выступать против злоупотреблений. Среди реформаторских распоряжений, связанных

с духовенством, самым значительным было постановление о создании семинарий. Собор предписывал, чтобы по возможности в каждом епископстве был создан институт (семинария) по подготовке священнослужителей, где обучались бы также священники, которые способны проводить в жизнь дух и реформы собора. Создание семинарий явилось органическим следствием осуществленной собором реформы. Католические священники нового типа и в моральном отношении, и с точки зрения своих теологических знаний были уже способны помериться силами с протестантскими проповедниками. Что касается ранее принятых догматических постановлений относительно учения о благодати, то была отменена продажа индульгенций и были приняты новые декреты об отпущении грехов, о чистилище, о почитании святых. Декрет о святости брака укреплял авторитет брачных отношений, заключенных перед лицом церкви. Вновь запрещалось накапливание доходов и чинов (должностей). Несмотря на то что ряд проблем так и остались открытыми (например, вопрос о папской непогрешимости), Три-дентский собор создал соответствующую основу для обновления католицизма, для восстановления внутренней дисциплины церкви.

В 1563 году собор закончился. Результаты его работы, длившейся с перерывами почти два десятилетия, и поныне сохраняют свою действенность. Они могут быть сведены к следующему:

- 1) католические догмы окончательно были отъединены от протестантских; именно тогда они получили свое нынешнее выражение;
- 2) собор укрепил и окончательно утвердил иерархию римско-католической церкви;
- 3) созданием семинарий было обеспечено будущее церкви.

Собор закончился укреплением верховной власти папы внутри церкви. Исключительным правом и задачей папы было толкование и исполнение тридентских декретов, определение норм веры и морали. Все нити восстановленной церковной дисциплины вели в Рим. К концу собора усилилось также взаимопонимание между папством и католическими князьями. Это можно было заключить из того, что Пий IV видел в католическом обновлении значительно больше, чем просто восстановление церковной власти папы. Со времени Григория VII он стал первым папой, кто сознательно отказался от стремления поставить церковь и папство над светской властью. Тем самым он сознательно положил конец антикняжескому курсу церковной иерархии и побуждал ее к повсеместному приспособлению к государственной власти. Это означало новую уступку по отношению к абсолютизму князей.

В январе 1564 года папа Пий IV утвердил декреты Тридентского собора. Из догматических постановлений собора он составил так называемое Тридентское исповедание, которому должны были присягать все епископы и главы монашеских орденов. Для осмысления и осуществления постановлений собора папа в том же году создал соборную кардинальскую конгрегацию.

Постановления Тридентского собора не всюду были признаны. Безусловно они были приняты только небольшими итальянскими государствами; затем о их признании заявили Савойя, Португалия, Австрия и Польша. В других же государствах и регионах соборные постановления либо были признаны с оговорками, либо же были встречены полным молчанием. Франция открыто отказалась провозгласить принятые собором декреты, так как усматривала в них нарушение «галликанских свобод». Монархи подписали с папой конкордаты. Вообще же, прокламируя соблюдение прав государства, они в то же время признавали папский абсолютизм внутри церкви. Параллельно с развитием и усилением государственного абсолютизма укреплялся и папский

абсолютизм.

Воинствующие папы контрреформации (Вторая половина XVI века)

Вторая половина XVI века была периодом развития абсолютных монархий. В Англии и Франции укрепилась центральная власть, с ее поддержкой ускорилось общественное и экономическое развитие. В Англии это происходило в духе Реформации, наряду с созданием англиканской церкви; во Франции же этот процесс протекал в условиях борьбы католицизма с гугенотами. В Испании сформировался деспотический княжеский абсолютизм, который не в последнюю очередь основывался на накоплении благородного металла, стекавшегося с заморских территорий.

Германско-римская империя с религиозной точки зрения находилась в раздробленном состоянии; народы же Центральной Европы вели оборонительные бои против турецких захватчиков.

После Тридента консервативное церковное реформаторское движение преобразовывалось в развернувшуюся под эгидой испанского абсолютизма и в его духе агрессивную контрреформацию, программной целью которой была ликвидация Реформации при помощи государственных военных властей. В интересах осуществления этого она сплотила феодальные господствующие классы вокруг папской церкви. Однако контрреформация означала нечто большее: религиозно-нравственное и культурное обновление, которое не оставляло без внимания и происходящие социальные изменения. Контрреформация могла стать победоносной только при условии, что ее активизацию обеспечивало внутреннее обновление. Закулисным фоном католической консервативной реформы было формирование абсолютной монархии, означавшей большее экономическое и политическое единство, в то время как лютеранское направление Реформации закостенело, консервируя феодализм в его раздробленной, сословной стадии. Революционным вариантом протестантизма стал буржуазный по характеру кальвинизм, который на завоеванных им территориях, в Нидерландах и в Англии, становился идеологией буржуазной революции.

Внутри церкви также сформировалась папская абсолютная монархия, так как папы осмысливали, излагали и осуществляли реформаторские постановления в духе абсолютизма и централизма.

Церковь эпохи контрреформации стояла на принципиальных основах абсолютистского авторитаризма, и управление церковью было сильно централизовано. В результате своей контролирующей, обновляющей и регулирующей деятельности папы в значительно большей степени вмешивались во внутреннюю жизнь церковей отдельных стран, чем когда бы то ни было на протяжении истории. Централизованная папская юрисдикция — абсолютная монархическая власть папы — усилилась как во внешнем, так и во внутреннем аспектах.

Иезуиты, продолжавшие с помощью щита и меча испанских и австрийских Габсбургов свою деятельность, превратили консервативную церковную реформу в воинствующую и агрессивную контрреформацию. Контрреформаторская деятельность, как и сама Реформация, развернулась в Германии. Бастионами иезуитской контрреформации стали университеты. Фердинанд I создал их сначала в Вене, потом в Праге. В 1561 году Эстергомский архиепископ Миклош Олах образовал иезуитский колледж в Надьсомбате [42]. Эти факты также показывают, что иезуиты в первую очередь подготавливали контрреформаторскую элиту. Эта элита впоследствии при поддержке политической власти, опираясь на католическую Баварию герцога Альбрехта, начала возвращать в католичество протестантских князей. Ясно, что для этого необходимо было предложить им столько же или даже больше, чем те получали или могли ожидать от Реформации. Если князь в

протестантском мире приобрел церковные атрибуты, контрреформация тоже обещала ему это: с согласия папы, даже в союзе с ним, они могли сохранять за собой свои приобретения, и их влияние в католической церкви росло (с образованием тесного союза светской власти и церкви). Папы ясно осознали, что, только опираясь на светскую власть, они могут сохранить влияние католической церкви: поэтому они однозначно выступали за создание в контрреформации тесного союза с князьями, что и было осуществлено. Коль скоро князь (монарх) возвращался в католическую веру, его примеру следовало и дворянство, чтобы снова играть роль в государстве. Таким образом, начиная с конца XVI века принцип «*cuius regio, eius religio*» соответствовал уже интересам контрреформации.

Из идентичности интересов, союза папства и княжеского абсолютизма следовало, что и светская власть претендовала на большее влияние в формировании судеб папства. Так родилось с середины XVI века связанное с избранием папы государственное право «вето». Оно означало, что светская власть могла на конклаве через уполномоченного ею кардинала официально и открыто вместо нежелательного ей лица выдвинуть кандидатом кого угодно из участвующих в избрании папы кардиналов. Хотя происхождение этого права не совсем ясно, по всей вероятности, император Карл V впервые дал указание кардиналам империи, за кого не голосовать. Испанские и австрийские Габсбурги сделали затем «вето» привычным правом, хотя Павел IV уже в 1562 году протестовал против этого. В конце XVI века испанские государи тоже сами определяли, кого из претендентов следует, по их мнению, избрать папой. Начиная со следующего века французский король Людовик XIV и его преемники также пользовались так называемым государственным правом «вето».

После закрывшего Тридентский собор Пия IV нужен был такой папа, который последовательно трактует реформы. И не случайно возвели в святые папу Пия V (1566–1572), который именно так трактовал декреты собора, определившие католицизм нового времени. В его лице на престол Святого Петра вновь взошел высший священнослужитель. Избрание папой кардинала Числиери осуществил архиепископ Милана Карл Борromeо. Числиери был раньше доминиканским монахом, потом инквизитором. Павел IV, у которого он пользовался доверием, вскоре сделал его главой римской инквизиции. Став папой Пием V, он остался аскетическим монахом, считавшим своей миссией довести до триумфа контрреформацию. Упрямый и строгий папа был суровым и со своими родственниками, держал их вдали от папского двора. Во время его понтификата по-прежнему проводился в жизнь дух Борromeо. Разделавшись с nepотизмом и запретив торговлю должностями, Пий V приступил к реформе курии.

В интересах осуществления решений Тридентского собора Пий V сформировал конгрегацию, учрежденную еще его предшественником для правильного истолкования постановлений собора, — *Congregatio S. Concilii* (Конгрегацию Собора). В 1566 году он издал для духовенства «Римский катехизис» и в 1568 году реформировал «Римский псалтырь». Этим папа в соответствии с постановлениями собора хотел укрепить в духовенстве (как у священнослужителей, так и у проповедников и наставников) единство веры. Окончательное формирование единого римского молитвенного ритуала было закреплено 14 июля 1570 года буллой «*Quo primum*», которая требовала обязательного использования в католической церкви изданного тогда «Римского молитвенника». Это привело к триумфу в церкви латинского языка в ущерб национальным языкам.

Церковная политика папы сочеталась с политическими неудачами. Политика Пия V

характеризовалась его явной испанской ангажированностью. Из этого следовал окончательный разрыв англиканской церкви с Римом. При полном взаимопонимании с Филиппом II (1555–1598) Пий дал свое благословение террору инквизиции в Испании и Италии. В раздираемой гражданской войной Франции Пий V торопил ликвидацию гугенотов вооруженным путем. Севернее — по отношению к развертывающейся в Нидерландах освободительной борьбе и буржуазной революции — он однозначно занимал враждебную позицию и выступал на стороне испанцев (и католицизма). Своим единственным политическим успехом Пий V не без основания считал стратегический удар, впервые после длительного времени нанесенный по средиземноморскому могуществу турок, когда после захвата турками в 1571 году Кипра объединенный союзный военный флот Испании, Венеции и папы под предводительством Дона Хуана Австрийского в октябре 1571 года разбил турецкий флот. В лице папы Григория XIII (1572–1585) церковь возглавил кардинал, бывший до этого юристом в Болонье. При нем вновь ожил и возродился nepotизм; у него был незаконнорожденный сын, однако в кардиналы он произвел не его, а двух своих племянников. Самым известным поступком папы Григория было осуществление реформы календаря. Еще на Тридентском соборе встал вопрос о необходимости этого, чтобы избавиться от несоответствия между общегражданским годом, основывающимся на Юлианском календаре, и астрономическим годом. В курии эту работу возглавил кардинал Сирлето. Сущность его предложения сводилась к тому, что после 4 октября 1582 года сразу должно следовать 15 октября. Сначала это предложение было одобрено в католических государствах, затем оно было торжественно провозглашено Григорием XIII. (Протестантские государства приняли его спустя столетие, а Греция и Россия, где господствовало православие, перешли на этот календарь только в начале XX века.)

Для поддержки католической реставрации, а также в целях осуществления папского централизма Григорий XIII организовал систему постоянных нунциатур [43]. Он укрепил уже существовавшие и создал новые на приграничных территориях; так, в 1570 году была учреждена нунциатура в Люцерне — для Швейцарии, в 1580 году в Граце — для Австрии, в 1584 году в Кельне — для Нижней Германии. Вместе со старыми при Григории XIII действовали: 7 нунциатур в латинских государствах (Неаполь, Флоренция, Венеция, Турин, Мадрид, Лиссабон, Париж), 4 — в Германской империи (Вена, Грац, Кельн и Брюссель), 1 — в Швейцарии (Люцерн) и 1 — в Польше (Варшава). Личный состав нунциатур комплектовался из итальянских священнослужителей, которых готовили в духе решений Тридентского собора. Посольства организовывались по венецианскому образцу; каждый нунций раз в восемь дней посылал отчеты в курию и по крайней мере дважды в год (весной и осенью) лично прибывал в Рим для доклада и получения новых инструкций.

Дело католической реставрации папа Григорий XIII, без сомнения, продвигал вперед прежде всего организацией строгого и основательного церковного обучения. Руководство созданного им римского университета — Григорианского [44] — он возложил на иезуитов. Он хотел воспитывать в Риме в духе контрреформации таких священнослужителей, которые были бы сынами нации той страны, где впоследствии они должны будут вести борьбу с Реформацией. Для приехавших обучаться в университете иностранцев создавались — тоже под руководством иезуитов — национальные коллегии, которые папа весьма щедро материально обеспечивал. Созданная в 1552 году Германская коллегия («Германикум») была в 1569 году реорганизована, и в ней было размещено сто обучающихся. Окончившие это учебное заведение немецкие священнослужители стали затем

руководителями и преподавателями отечественных университетов и семинарий, направляющими деятельность по осуществлению католической реформы. Концентрация внимания папства на обучении и подготовке священнослужителей была необходима не только для того, чтобы вырастить новое поколение духовенства верным и преданным папе, но также и для того, чтобы подготовить католических священников к преодолению тех политических и материальных трудностей, с которыми им придется столкнуться в странах со смешанной религией. Вслед за немецкой в 1577 году была открыта Греческая коллегия («Грекорум») для греков и армян, в 1579 — Английская коллегия для англичан, а затем были организованы Шотландская, Ирландская и другие коллегии.

В 1579 году создается и Венгерский колледж («Хунгарикум») (для венгров), активным участником его организации был иезуит Иштван Санто. Однако в венгерский колледж прибыло только три семинариста, и тем самым это учреждение оказалось нежизнеспособным. Тогда папа объединил его в 1580 году с немецким колледжем, и с тех пор «Германикум-Хунгарикум» в Риме принимал на обучение и венгерских семинаристов.

Григорий XIII видел главную опору контрреформации в испанской великой державе. Во Франции он был союзником Гизов против гугенотов [45]. Когда в 1572 году в ночь накануне праздника св. Варфоломея католики устроили резню гугенотов, прибывших в Париж на бракосочетание своего лидера — короля Наваррского Генриха (Бурбона) с французской принцессой Маргаритой Валуа, папа отслужил в Риме благодарственный молебен с пением гимна «Te Deum» («Тебя, Бога, хвалим»).

Обновленное в духе Тридента папство достигло кульминации своего могущества и авторитета в годы понтификата Сикста V (1585–1590). Кардинал Монтальто происходил из незнатного рода. Легенда утверждает, что в детстве ему приходилось пасти свиней. Двенадцатилетним отроком он вступил в орден францисканцев, а затем сделал головокружительную карьеру. Он реорганизовал и обновил францисканский орден в духе строгой реформы, став его генералом. На конклаве он был избран папой благодаря поддержке клана Медичи.

После своего вступления на папский престол Сикст V восстановил нарушившийся порядок в Церковном государстве. Он буквально с варварской жестокостью стал расправляться с расплодившимися при Григории XIII бандитами. Наряду с установлением высоких денежных наград за их головы он договорился с соседними государствами, что те не будут предоставлять бандитам убежища. Так, меньше чем за год он в буквальном смысле истребил бандитов и разбойников. Политический порядок в государстве и в городе он стремился укрепить и упрочить посредством заключения браков своих разбогатевших и набравших силу родственников с членами семейных кланов Орсини и Колонна и тем самым свести на нет вековые противоречия между этими аристократическими родами.

Новый папа и в международной политике был сторонником примирения. Во вновь разгоревшемся испано-французском конфликте он не принял ни ту ни другую сторону — это, правда, объективно благоприятствовало Франции. Сикст V считал, что освободиться из-под испанской гегемонии он сможет при усилении французского державного противовеса. Во взаимоотношениях же с Англией он однозначно стоял на стороне испанцев. В 1587 году английская королева Елизавета казнила католичку Марию Стюарт. За это папа отлучил Елизавету от церкви (это было последнее в истории отлучение от церкви королевской особы) и объявил о крестовом походе против нее, организацию которого он возложил на Филиппа II, пообещав ему Англию в вассальную зависимость. Тем самым

папа освятил испанскую агрессию; начавшаяся формально на религиозной почве испано-английская война на самом деле была войной, отражавшей соперничество мировых держав за господство на море, за захват колоний. В 1588 году состоявшая из 130 кораблей испанская «Великая армада» двинулась на завоевание Англии. В результате поражения и гибели военно-морского флота Испании ее (и португальская) морская гегемония рухнула. Начиная с этого момента мы становимся свидетелями быстрого подъема Голландии и Англии. Закат Испании как великой державы и перемещение центра экономического развития на побережье Атлантики (в частности, во Фландрию), начавшиеся там затем буржуазные революции — все это оказывало воздействие и на Италию (прежде всего на папство). Упадок, переживаемый Испанией, вверг в кризис Италию и папство. Папа Сикст V явился создателем администрации Церковного государства и новой, современной системы единого управления церковью. После Реформации было необходимо обновить и осовременить и высшее руководство церкви. Начиная с Авиньона и вплоть до Тридента абсолютистская власть пап ограничивалась кардинальской консисторией, которая вносила в руководство определенный элемент коллегиальности. Однако после Тридента папская власть усилилась. Во время контрреформации консистория (так же как и княжеский совет — рейхстаг — в условиях светских абсолютных монархий) снова потеряла свое значение и превратилась в чисто консультативный орган, подчиненный воле папы.

Это не означало, однако, понижения значения кардиналов — изменились их функции. Они превратились из могущественных магнатов («князей церкви») в авторитетных и образованных высших чиновников папы. Этому, в частности, способствовало то обстоятельство, что внутри коллегии кардиналов возникли призванные заниматься различными специальными задачами кардинальские конгрегации. Они взяли на себя большинство функций бывших центральных папских учреждений. Каждая из таких конгрегаций может рассматриваться как своего рода профилированное министерство во главе с кардиналом (в отдельных случаях — во главе с коллегией, состоящей из нескольких кардиналов). Кардинальская консистория преобразовалась как бы в совет министров; обычно папа был не председателем его, а абсолютным господином. Эта организационная система отнюдь не означала демократизацию руководства церковью, а, наоборот, служила укреплению централизма, делая его более компетентным. Таким образом, структура специализированных конгрегаций заменила под знаком церковного централизма систему управления, возглавляемую канцелярией консистории. (Канцелярия и Трибунал сохранились в качестве административных органов, но влияния в делах управления они уже не имели.)

Кардинальские конгрегации учреждены папой Сикстом V в изданной им 22 января 1588 года булле «*Immensa aeterni Dei*», а уже существовавшие были в соответствии с ней реорганизованы. Из пятнадцати созданных конгрегаций десять входили в единую систему церковного управления, а пять были органами управления Папского государства. Эта система центральных папских учреждений впервые претерпела существенные изменения в 1870 году при ликвидации Папского государства, а затем в начале XX века в результате реформ, осуществленных Пием X.

Органической частью реформы папских учреждений явилось также и укрепление внутренней структуры кардинальского корпуса. Сикст первым определил правовое положение кардиналов. В соответствии с принципами централизма, он наделил кардиналов, возглавлявших папские учреждения, исполнительной властью по отношению к епископам. Кардинал — князь римской

церкви, равный по рангу со светскими князьями, стоял над архиепископами. (Если преступника вели на казнь и на пути этой процессии встречался кардинал, он имел право освободить осужденного.) Для осуждения кардинала по любому судебному делу требовалось 72 свидетеля. Годовой доход кардинала должен был составлять как минимум 4000 скудо. Кардинальский сан мог быть приобретен только за баснословную сумму. Один лишь кардинальский перстень стоил 500 золотых; а кардинальскую шапку у некоторых пап покупали за 40 000 скудо.

3 декабря 1586 года своей буллой «Postquam verus ille» папа Сикст V определил число кардиналов в 70 человек. Это число было превзойдено впервые в 1958 году! 70 кардиналов делились на три категории:

- а) шесть кардиналов-епископов (епископы Сабины, Фраскати, Албано, Веллетри, Порто и Остии). Старейший среди них — декан, являющийся одновременно епископом Остии. Их избирала Святая коллегия из кардиналов двух других категорий;
- б) пятьдесят кардиналов-священников, являвшихся действительно священнослужителями в римских храмах, а если они не римляне, то имевшие свои так называемые титулярные церкви. Поэтому их называли еще титулярными кардиналами;
- в) четырнадцать кардиналов-диаконов, которые возглавляли папские учреждения.

Папа свободно выбирал своих кардиналов; в те времена кардиналами могли стать и светские люди (ныне же — только посвященные в духовный сан). Сан кардинала следует в церковной иерархии сразу после папы.

Назначение (производство) в кардиналы происходит в консистории; начиная с Иннокентия IV (1245), папа посылает новому кардиналу красную шапку, означающую, что тот должен защищать папу даже ценой своей крови. Бывают случаи, когда папа открыто не объявляет о назначении кардинала; это — тайные кардиналы. Если кардинал не возглавляет свое епископство, то он должен пребывать в Риме.

Реформа кардинальского корпуса изменила и существовавшие до сего времени формы nepотизма. Начиная с эпохи Ренессанса папы стремились добыть для членов своих семейных кланов светские княжества. Начиная же с Сикста V, nepотизм уже не распространялся на всю семью; папа отбирал из своих родственников только наиболее способного и производил его в кардиналы, но зато возлагал на него функции кардинала-государственного секретаря. Наряду с этим на другого родственника, остающегося светским лицом (государственный nepот), он возлагал ведение хозяйственных дел, главным образом руководство хозяйственным управлением Церковного государства. При Сиксте V функцию государственного секретаря исполнял кардинал Монтальто, а функцию управления хозяйством — маркиз Мишель; но они функционировали на этих постах, не подменяя папу, а будучи самыми преданными ему чиновниками.

Таким образом, мы можем констатировать, что реформа папского управления, осуществленная Сикстом V (создание конгрегаций, укрепление нунциатур), в значительной степени усилила папский централизм, результативно послужила папскому абсолютизму. Все это означало централизацию сил церкви в интересах приостановления и оттеснения Реформации.

Сикст V наряду с мерами, предпринятыми им в области управления, оздоровил папство и в финансовом отношении. Для того чтобы понять это, нам надлежит вкратце рассмотреть, как формировалось денежное хозяйство пап на протяжении XV–XVI веков. Финансовая система

Папского государства по-прежнему являлась примером для монархов Европы. Развитие меняльных контор стало возможным благодаря широкой финансовой поддержке пап. В самом Папском государстве до середины XVI века налоги были очень низкими; папское налогообложение в полную силу действовало за границей. Наряду с торговлей индульгенциями (до середины XVI века) главным источником папских доходов было создание новых церковных должностей и продажа их. Согласно ведомости банкирского дома Фиджи за 1471 год, в Папском государстве в том году имелось 650 должностей на продажу, всего на сумму в 100 000 скудо. (Скудо — это серебряная, реже золотая монета.) Финансовые неурядицы пап периода Возрождения стали постоянными. Иннокентий VIII заложил даже папскую тиару. Лев X в основном торговал кардинальскими назначениями, заламывая за них астрономические суммы. Он сам создал 1200 новых должностей и продал их. При нем число подобных должностей составляло 2150 с общим годовым доходом в 320 000 скудо.

В Папском государстве сложилась и система государственной задолженности. Начало государственным кредитам положил Климент VII в 1526 году на сумму 200 000 золотых. Рост папских доходов значительно опережался ростом расходов, в результате чего росли долги. Устанавливаемые для уравнивания этого процесса все новые и новые налоги стали и в Папском государстве к концу XVI века, по существу, невыносимыми.

В эпоху контрреформации папы пытались освободиться от давящих расходов на содержание постоянной армии. Это сделалось возможным благодаря тому, что папа снова стал опираться не на собственную военную силу, а на армии католических князей. При Пие V вся армия Папского государства состояла всего из 500 человек; из них 350 находились в Риме — швейцарские наемники, обеспечивавшие безопасность папы.

При Сиксте V государственный бюджет папской курии имел явно отрицательный баланс: все доходы составляли 1 358 456 скудо, в то время как государственный долг достигал 6 500 000 скудо. Из доходов 715 913 скудо уходило на погашение процентов по долгам. В 1592 году сумма доходов составляла 1 585 520 скудо, а долг равнялся 12 242 620 скудо, при этом сумма процента составляла 1 088 600 скудо. В начале XVII века при Урбане VIII государственный долг составлял в 1635 году уже 30 000 000 скудо. Такое ведение денежного хозяйства было возможным потому, что обеспечивалась уплата процентов. Банкиры предоставляли папам займы, так как капиталовложения в святую мать-церковь щедро возмещались. Тут воплощался в жизнь принцип: «деньги там, где власть».

Вместе с тем папа Сикст V хорошо умел хозяйствовать. Во время его понтификата он наполнил золотом всегда пустовавшую папскую казну. За три года (1586–1588) он скопил в Замке Святого Ангела 3 000 000 золотых скудо. (Он оговорил, что после его смерти из этой суммы можно расходовать деньги исключительно на богоугодные цели.)

Главным источником получения денег и для него была продажа должностей и кредит в счет государственного долга. Однако папа Сикст не ограничивался лишь финансовыми спекуляциями, а уделял внимание и экономическому процветанию своего государства. К концу XVI века папам принадлежали и богатые, прекрасные земли. Романьская долина представляла собой обильно производящую хлеба местность. В 1589 году стоимость зерна, вывозимого Церковным государством, составляла 500 000 скудо. Сикст V заботился также о развитии сельского хозяйства и промышленности. Так, например, он обязал граждан государства высаживать тутовые деревья в интересах шелковой промышленности. Церковное государство и Рим выполняли также важные

торговые задачи. Особенно оживленный торговый оборот приходился на папский портовый город Анкону.

Рим же всегда был двуликим городом с большими возможностями. Как религиозный центр католического мира, он обладал достоинством и серьезностью, которые, однако, не могли скрыть его алчность, жажду обогащения и лицемерие. Сформировавшийся к концу столетия барочный Рим стал крупным городом, насчитывавшим 100 000 жителей.

В эпоху контрреформации Церковное государство получило новую роль: оно хотело стать незыблемым краеугольным камнем универсальной церкви. Эта реальная претензия освободила пап от внутривосточных перипетий и сложностей Италии, и они снова смогли сосредоточить свое внимание на проблемах мировой церкви.

При Сиксте V Рим стал окончательно барочным городом и обрел свои нынешние формы. В деятельности Сикста уже не осталось ничего от Ренессанса, он уже не щадил даже античные памятники. Адекватным католической реставрации и контрреформации направлением в искусстве стало барокко. Папский абсолютизм полностью поставил искусство себе на службу. В период Ренессанса искусство господствовало над папой, теперь же — наоборот. Функция мастеров искусств состояла в создании ощущения неземного, трансцендентного великолепия католического культа. Искусство барокко делает осязаемыми и ощущаемыми борения и страдания души и тем самым достигает преобразования. Обрядность становится органической частью католического образа жизни. Народная религиозность все больше обращается к евхаристии и к культу девы Марии. Крестные ходы, святые места снова расцветают пышным цветом, как во времена раннего средневековья.

И именно искусство, которое в эпоху Ренессанса, пожалуй, больше всего отделилось от церкви, теперь снова самым тесным образом сблизилось с ней. Этот симбиоз, по крайней мере, настолько же способствовал завоеваниям католицизма, как и религиозные войны. Восторженное, как бы обращенное вовнутрь барочное искусство дополняла литература, раскрывавшая чувственную, романтическую сторону религии. Так обрабатывающие легенды раннего средневековья поэзия, драматургия и эпос превращают их в будоражащую фантазию волшебную сказку. Одним из самых выдающихся произведений такого рода литературы является героическая поэма Тассо «Освобожденный Иерусалим». Наряду с ней можно упомянуть и произведения Ариосто, Сервантеса, Лопе де Вега, Кальдерона или Мильтона.

Даже больше, чем литературу, церковь подчинила своей власти изобразительное искусство барокко. Олицетворением этого является чудесный портрет папы Иннокентия X, принадлежащий кисти Веласкеса. Наиболее выдающимися художниками этого периода были также Мурильо, Караваджо, Рубенс, Ван Дейк и Рембрандт.

В музыке стиль барокко ярко проявился в произведениях Пьерлуиджи Палестрины, которого папа вначале изгнал из ватиканского оркестра, однако позднее именно в его творчестве церковная полифоническая музыка достигла своей вершины (ведущим барочным музыкальным инструментом был величественный орган).

Римское барокко достигло больших высот и в архитектуре. Первое самое выразительное сооружение в стиле барокко — это церковь иезуитов в Риме (Иль Джезу), спроектированная Виньолой. Сикст V находил большую радость в строительстве. При нем был закончен под руководством Джакомо делла Порта купол храма Святого Петра: над его сооружением день и ночь трудилось 600 рабочих, и за 22

месяца они действительно завершили работу. По указанию Сикста V в 1586 году в геометрический центр площади Святого Петра перенесли египетский обелиск, который до этого стоял в цирке Нерона.

Решение технически весьма сложного процесса перемещения обелиска папа доверил Доменико Фонтана, виднейшему архитектору эпохи. Фонтана вычислил вес обелиска и определил, что он равен 327 тоннам. Наибольшую проблему составляло то, что гигантский обелиск под воздействием на протяжении веков резкой смены дневной и ночной температур утратил свою былую прочность, и поэтому возникло опасение, что при перенесении он может разломиться. (Вообще-то обелиск представлял собой цельный монолит.) Фонтана отлил из свинца модель обелиска, пропорциональную ему по размерам, и с ним экспериментировал, как можно осуществить перенос. Перемещение обелиска следовало считать не только техническим чудом; оно должно было символизировать могущество папы. Папа времен барокко в античном шедевре ценил не произведение искусства, а то, как можно языческий памятник использовать для прославления папства. Рядом с надписями, воспевавшими славу языческих царей, Сикст приказал высечь слова: «Christus vivit, Christus regnat, Christus imperat. Vincit Leo de tribu Juda» («Христос живет, Христос правит, Христос повелевает. Победил Лев племя Иудино»[46]).

Выдающиеся папы эпохи барокко сами были покровителями и ценителями наук, и только предвзятые наблюдатели утверждали (иные порой и сейчас утверждают), что католическая церковь была якобы заклятым врагом науки. (В качестве «неопровержимого» доказательства этого приводится обычно судилище над Галилеем; будто бы оно априори было направлено против научных исследований. Хотя вот уже целое столетие — со времени изучения материалов судебного процесса — как выяснилось, что поддерживавший, вообще-то говоря, Галилея папа Урбан VIII потому отдал ученого под суд, что тот посмел противостоять высшей церковной власти. А это в те времена считалось непростительным грехом. Несомненно, что приговор по своему духу был антинаучным — ведь Галилей должен был отказаться от всех аргументов, приведенных им в пользу Коперника, поскольку новое, гелиоцентрическое, представление о мироздании ограничивало власть церкви и папы, а точнее, угрожало ее неприкосновенности. Однако в век антиклерикальной просвещенной буржуазии суд над Галилеем символически превратился в конфликт между церковью и наукой, прогрессом. Ныне распоряжение папы Иоанна Павла II о пересмотре этого судебного процесса, то есть подготовка к реабилитации Галилея, также свидетельствует о стремлении пусть задним числом, но прекратить противостояние церкви и науки.)

Весь понтификат Сикста V символизирует внутреннее противоречие католической реставрации и барокко, но в еще большей степени это символизирует сама смерть выдающегося папы.

Восторженные римляне в начале его пребывания на папском престоле соорудили ему статую. Но когда летом 1590 года Сикст V умер, народ, измученный огромными налогами, снес статую папы. Римляне устремились в Капитолий и приняли решение впредь не ставить больше статуй ни одному папе.

После Сикста владыками церкви, быстро сменявшими один другого на срок от нескольких недель до нескольких месяцев, были три папы. В конце концов испанские кардиналы избрали более молодого папу в лице кардинала Альдобрандини, принявшего имя Климента VIII (1592–1605). Став папой, он по-прежнему оставался уравновешенным и вдумчивым чиновником, много и охотно

работавшим за письменным столом. С ним на папском престоле господство личности сменилось господством службы.

Влияние папы в это время — на рубеже XVI и XVII веков — было подобно его влиянию в XI–XII веках. Вновь ожили были идеалы Гильдебрандской эпохи, однако затем в кровавых боях Тридцатилетней войны они были навечно погребены. Это возросшее, но не прямое политическое влияние папство обеспечило себе благодаря тому, что церковное обновление совпало с развитием и расцветом абсолютной монархии, для формирования которой католицизм был наиболее подходящей идейной основой. Позднее, в середине XVII века, этот процесс вылился в свою противоположность, и абсолютные монархии окончательно разделились с влиянием папства на жизнь их стран.

Современную теорию папского суверенитета в соответствии с эпохой абсолютной светской монархии разработали иезуиты и в первую очередь кардинал Роберт Беллармин (1542–1621). Согласно его представлениям, светская власть — это тело, а церковная власть — душа; папа назначен Богом надзирать за государствами, для чего он наделен полной, непререкаемой церковной властью. В религиозных делах он имеет право вмешиваться и в управление государствами.

Королевская власть по своему происхождению — тоже божественна, но государь осуществляет свое предназначение через руководство народом, поэтому народ может и лишиться его этой власти. Так в рамки одного учения вместились и папский абсолютизм, и народный суверенитет. Сохранился и иезуитский тезис о казни тирана, но теперь основной упор в оценке короля делался уже на верность вере.

В то время как переживающее закат испанское владычество вынуждено было в 1609 году принять к сведению победу освободительной борьбы и буржуазной революции в Нидерландах, контрреформация при Клименте VIII и его непосредственных преемниках успешно продвигалась вперед во Франции, в Габсбургской империи (в том числе и в Венгрии) и в Польше. Климент VIII уже не поддерживал Филиппа II в его борьбе против Франции и Генриха IV (1589–1610). Его расчет оправдался, ибо Генрих до тех пор не мог укрепить свою власть на французском троне, пока не помирился с католической церковью. А для этого тогда был только один-единственный путь: возвращение в католицизм. В 1593 году Генрих IV в кафедральном соборе в Сан-Дени торжественно перешел в католическую веру, а папа освободил его от обвинения в еретичестве. Клименту VIII пришлось признать Генриха, коль скоро он не хотел, чтобы французская католическая церковь стала полностью самостоятельной и откололась от Рима. При посредничестве папы в 1598 году завершилась и франко-испанская война, благодаря чему вновь восстановилось европейское политическое равновесие, а папство освободилось от испанской зависимости. Новая французская ориентация принесла свои первые плоды: при поддержке Франции папа добился, что Феррара после того, как там вымерла династия Эсте, стала частью Папского государства. Однако в 1597 году Папское государство потеряло Модену и Реджо. Начиная с этого времени и вплоть до 1791 года — до аннексии революционной Францией Авиньона и графства Венессен — Папское государство существовало в неизменных границах.

Главной опорой контрреформации в Германско-римской империи было Баварское княжество. Реставрация стремилась завоевать на свою сторону имперское дворянство и князей. Сначала удалось в 1590 году обратить назад в католическую веру баденского князя. В австрийских провинциях и в Венгерском королевстве Рудольф II (1576–1608) открыл контрреформации свободный путь. При

Фердинанде II (1619–1637) стали, по существу, полновластными хозяевами иезуиты, которые затем становятся «создателями» воспитанного в духе контрреформации высшего католического духовенства. (Достаточно, пожалуй, назвать среди них венгра Петера Пазмани.)

Климент VIII снова принял активное участие в борьбе австрийских Габсбургов с турками. Во время начавшейся в 1593 году пятнадцатилетней войны папа значительными денежными суммами помогал военным усилиям Габсбургов. В период между 1593 и 1597 годами войска папы участвовали в боях на территории Венгрии, а в Трансильвании действовал папский нунций. Во главе папской армии (которая, по мнению Фракнои, состояла приблизительно из 260 конников и 8000 пехотинцев-наемников) стоял непот Климента — кардинал Хуан Альдобрандини. Папские наемники принимали участие также в изгнании турок из Эстергома и Вишеграда.

Папы эпохи религиозных войн (Первая половина XVII века)

До середины XVII века Европу еще сотрясали войны, начинавшиеся под религиозными лозунгами; в историю они вошли под собирательным названием «Тридцатилетняя война» (1618–1648).

Противоборствующие стороны формировались не по вероисповедной принадлежности, а по политическим интересам, хотя борьба шла под религиозными лозунгами. Основной движущей силой религиозных войн на континенте было великодержавное соперничество между Испанией и Францией. Затем фронт соперничества расширился с образованием французско-голландско-английского блока, противостоящего контрреформаторским устремлениям Испании и габсбургской Австрии. Схватка переместилась из Италии на север; вооруженная борьба опустошила Германию.

В каких же державных условиях папство должно было найти свое место в европейской войне? Во Франции в 1598 году Генрих IV в Нантском эдикте закрепил религиозную свободу гугенотов. Этим он не только восстановил внутреннее единство в стране, но и сделал новый шаг к развитию королевского абсолютизма. Его планомерная экономическая политика и терпимость создали основы французской гегемонии на континенте. При нем начался подъем Франции, а затем при правлении кардиналов Ришелье и Мазарини это нашло свое выражение и в европейской политике. В то же время объективной причиной заката испанской империи, опиравшейся на богатые колонии, было то, что она отстала в развитии буржуазных отношений по сравнению с северными территориями. Постепенно ей все труднее стало выполнять и взятую на себя в контрреформации роль. Вместо испанской католической державы ведущая роль на континенте переходит к сражавшимся против турок австрийским Габсбургам. Итак, на двух полюсах Тридцатилетней войны мы находим кардинала Ришелье и католических императоров Габсбургов.

В Тридцатилетней войне религиозное размежевание могло бы быть определяющим фактором ориентации пап. В действительности, однако, и руководство католической церкви занимало позицию, сообразуясь с державно-политическими моментами: первые два папы XVII столетия выступали за Габсбургов, последующие же — за французов. Но эта ангажированность отнюдь не простиралась до таких масштабов, чтобы папство принимало непосредственное участие в военных действиях. Более глубокие причины такого сдержанного поведения крылись в контрреформации: новая активизация папства в эпоху барокко освободила универсальные католические интересы от собственных (итальянских) партикулярных державных интересов; поэтому папы больше не связывали себя с интересами какой-либо из держав. Они избегали также декларировать Тридцатилетнюю войну как религиозную войну, ибо тем самым они, несомненно, должны были бы

согласиться на тесный союз с Габсбургами.

Непосредственной предпосылкой Тридцатилетней войны явилось создание блоков немецких князей по религиозному признаку. Немецкие протестантские князья образовали в 1608 году организацию самообороны — «Унию». В противовес ей в 1609 году под руководством баварского герцога Максимилиана была создана «Католическая лига». На востоке сложился союз поляков и Габсбургов, поддержанный испанцами и папой. Ему противостоял шведско-голландско-трансильванский союз.

Непосредственным поводом для войны явился на вид совсем незначительный чешский конфликт в 1618 году. В действительности же необходима была только *casus belli*, чтобы в защиту протестантских и национальных интересов взяться за оружие и выступить против державных устремлений Габсбургов, примкнувших к контрреформации. На сторону чешских протестантов, притесняемых Фердинандом II, стал в 1616 году трансильванский князь Габор Бетлен (1613–1629), который в 1622 году вновь закрепил в Никольсбургском мире религиозную свободу протестантов. Однако в Чехии победила «Католическая лига». Во второй половине 1620-х годов война перекочевала на территорию Северной Германии. Однако вторгшиеся в империю войска датских протестантов и союзных с ними протестантских князей были наголову разбиты современной наемной армией, сформированной императорскими полководцами (Тилли, затем Валленштейном). В 1629 году датчане вынуждены были заключить мир. Так, первый период войны принес успехи католическим Габсбургам в империи и Бетлену в Венгрии.

В первый период Тридцатилетней войны папа Павел V (1605–1621), в лице которого в число папских аристократических фамилий вошла и семья Боргезе, в интересах контрреформации поддерживал огромными суммами императора против протестантов. Однако большая часть его энергии и средств ушла на вспыхнувший конфликт с Венецией, восставшей против папского абсолютизма. Вообще же в поведении Павла V временно возобладала доминиканская линия контрреформации, строгое и аскетическое направление, вступившее в противоречие с иезуитами и с помпезностью, которая отличала эпоху барокко. На крестном ходе, устроенном в Риме в ознаменование победы в битве под Била Хора в Чехии в 1620 году, с папой случился апоплексический удар, и в 1621 году он умер.

Его преемником стал престарелый архиепископ из Болоньи Алессандро Людовизи, принявший имя Григория XV (1621–1623). Вместо него делами вершил его непот, 25-летний кардинал Людовико Людовизи. Григорий XV был воспитанником иезуитов. По их настоятельной рекомендации он своей буллой от 22 июня 1622 года «*Inscrutabili divinae providentiae*» создал Конгрегацию пропаганды веры, по существу, министерство папского миссионерства. Задачей новой кардинальской конгрегации было распространение веры, то есть миссионерская деятельность, частично в протестантских государствах (которые были объявлены миссионерскими территориями), частично же в Новом Свете. Однако деятельность конгрегации наряду с Америкой распространялась и на Африку и Азию. Конгрегация попала в руки иезуитов, которые возглавляли миссионерство среди «неверных» и, приспосабливаясь к местным обычаям, распространяли католическую веру. Ангажированность Григория XV по отношению к иезуитам показывает хотя бы тот факт, что в 1622 году он канонизировал Игнатия Лойолу и Франциска Ксавье.

С именем Григория XV связано и утверждение им в 1621 году одного из самых значительных монашеских орденов, занимавшихся педагогической деятельностью, — ордена пиаристов. Орден

пиаристов призван был заниматься начальным обучением и воспитанием, подготовкой юношества к практической жизни. Позднее по образцу иезуитов они стали также создавать и средние школы, в которых важную роль получили реальные науки, например математика. Секрет их успеха состоял в том, что в этих школах процветал свободный дух и они демонстрировали свою способность приспособляться к существующим условиям.

Созданные в этот период в духе Тридента монашеские ордена — иезуиты, пиаристы, ораторианцы, орден милосердия, капуцины и лазаристы — вошли в полосу расцвета и с успехом проводили в жизнь решения Тридентского собора.

Важное новшество, введенное Григорием XV, касалось избрания папы: он распорядился, чтобы голосование осуществлялось на конклаве тайно, записками. Этим самым он хотел добиться демократизма выборов и способствовать избранию на папский престол наиболее достойных и пригодных для выполнения функций главы церкви. (Избрание папы с точки зрения канонов может осуществляться тремя способами: 1) один из кардиналов предлагает кандидатуру, и если остальные поддерживают ее, то они открыто и громко заявляют о своем согласии; 2) для избрания папы кардиналы выделяют из своей среды комиссию, и ее решение остальные кардиналы открытым голосованием или принимают, или отвергают; 3) члены конклава голосуют индивидуально и тайно.)

В 1630-х годах война принимает европейские масштабы. Протестантские немецкие князья оружием были поддержаны Швецией и Трансильванией, а материально — Голландией, Англией и католической Францией. В то время как Габсбурги своими военными успехами были обязаны в первую очередь гениальности их полководца Валленштейна, политические успехи антигабсбургской коалиции были выкованы кардиналом Ришелье. Второй тур войны был решен в пользу протестантов вступлением в войну в 1630 году шведского короля Густава Адольфа, и «Католическая лига» потерпела поражение. В 1635 году Пражский мир восстановил равновесие обоих вероисповеданий, но императорская власть и католицизм усилились. В 1620—1630-х годах Габсбурги успешно завершили контрреформацию на исконных австрийских территориях и в Чехии. В Венгрии значительная часть высшего дворянства — не в последнюю очередь в результате деятельности Эстергомского архиепископа (получившего в 1629 году сан кардинала) Петра Пазмани — вернулась в католическую веру. Однако Венгрия и в дальнейшем продолжала оставаться страной со смешанным вероисповеданием. Тесно переплетенная с интересами габсбургского абсолютизма, контрреформация стала официальной программой его государственной политики с принятием в 1629 году в момент кульминации военных успехов распоряжения о восстановлении (*neoaquistica comissio*). В этом документе Фердинанд II распорядился о возвращении церкви секуляризированных после Аугсбургского религиозного мира, то есть начиная с 1552 года, церковных земельных владений. Из религиозного мира он снова исключил кальвинистов. Это свое распоряжение император вынужден был отменить в Пражском мире 1635 года (австрийских провинций это, правда, не касалось).

В середине европейской религиозной войны папа Урбан VIII (1623–1644) решительным образом порвал с политикой своих предшественников и однозначно стал на сторону Франции. Флорентинец по происхождению, 55-летний папа из семейного клана Барберини ранее был нунцием в Париже, и, вероятно, его избрали папой по желанию Ришелье. Урбан VIII ненавидел испанцев и Габсбургов; естественным союзником против них была Франция. Урбан VIII снова зажил как светский князь, он

показал себя приверженцем духа барокко и меценатом искусств.

Когда папа вступил в союз с Ришелье против Габсбургов, он и сам начал военные приготовления. В Церковном государстве по его приказу были возведены крепости и укрепления, в Тиволи был создан оружейный завод. Обладая тонким чутьем, папа повернул в сторону французской политики. В 1635 году началась война между Испанией и опирающейся на голландско-шведский союз Францией. Тем самым на своем завершающем этапе Тридцатилетняя война перестала носить религиозную окраску, поскольку противостоящие стороны являлись католическими державами. В конце концов возглавляемый французами союз одержал верх, и, хотя восточная монархия Габсбургов спаслась, свою гегемонию на Западе Габсбурги уже не смогли себе вернуть.

Урбану VIII не довелось пожать плоды своей профранцузской политики. В лице Иннокентия X (1644–1655) на папский престол, несмотря на интриги кардинала Мазарини, взошел человек не профранцузской ориентации, а сторонник компромисса. Начавшаяся под религиозными лозунгами европейская война в конце концов окончилась без папы, даже можно сказать, вопреки ему. В соответствии с Вестфальским миром 1648 года Франция приобрела Эльзас, а Испания потеряла статус великой державы. Условия мира расчленили Германию на более чем 200 мелких независимых княжеств; таким образом императоры-Габсбурги уже не могли больше поставить ее на службу своим великодержавным целям. Победители, французы, были заинтересованы в том, чтобы на востоке от Рейна не образовалась единая, сильная Германия.

По этому миру интересы католической церкви были в значительной степени ущемлены. Основным принципом следующей эпохи стало признание равноправия протестантов во всех отношениях. Были закреплены условия Аугсбургского религиозного мира с тем дополнением, что и кальвинизм был признан религией, равноправной со всеми остальными. Было заявлено, что епископства — иначе говоря, княжества, образованные из епископств, — могут быть также и протестантскими. В результате этого были секуляризованы два архиепископства и 12 епископств.

Папе не было отведено никакой роли в заключении мира, хотя до этого именно папы выступали как международные арбитры при заключении мира. Напрасно против Вестфальского мира протестовали и папа, и германский нунций, претензии папства были оставлены без внимания. Иннокентий X в своей булле «*Zelo domus Dei*», датированной 26 ноября 1648 года, торжественно выразил свой протест, но и он остался без последствий именно потому, что обида папы касалась основного вопроса, ведь признание протестантов оскорбляло контрреформаторское папство. Нетерпимость папы продемонстрировала его отрыв от истории, противодействие магистральному пути прогресса. В годы, последовавшие за европейским урегулированием, остававшимся в силе вплоть до 1713 года, папский престол перестал быть одним из центров европейской политики.

Папы эпохи барокко частично сделали из этого соответствующие выводы. При папском дворе сложилась аристократия духа, которая пополняла аристократические семьи. Эти семьи Папского государства, поставлявшие кандидатов на папский престол — Альдобрандини, Боргезе, Барберини, — стремились уже не к приобретению собственных княжеств, а к захвату ключевых позиций в центральном церковном управлении.

Возмущенные женским господством римляне, а еще больше кардиналы, оттесненные на задний план настырной родственницей папы Олимпией, возненавидели Иннокентия X. Когда он умер, то никто якобы в течение трех дней не желал отдать ему последний долг, пока, наконец, один

посторонний каноник не похоронил его, заплатив за это полскудо. (Вообще же по установившемуся обычаю усопшего папу всегда хоронил кардинал-непот. Поскольку же Олимпия умерла раньше Иннокентия X, то на исполнение этой возлагаемой на родственников обязанности не нашлось желающего. Это все свидетельствует о том, что ликвидация nepотизма была не таким уж простым делом.)

Упадок папства в эпоху Просвещения, просвещенного абсолютизма и буржуазных революций (1648–1815)

С середины XVII века (со времени заключения Вестфальского мира) религии уже не оказывают всеохватывающего влияния на общество. Вера постепенно оттесняется в сферу личной жизни. Воинствующий католицизм контрреформации закосневает и выдыхается; церковь и папство занимают по отношению к идеям эпохи оборонительную позицию.

В результате завершившихся в середине XVII века религиозных войн католики и протестанты стали равноправными. В то время как начавшаяся в Англии в 1640 году буржуазная революция в первую очередь радикально покончила с феодальным обществом и феодальной церковью, по всей Европе пошатнулось опиравшееся на Библию средневековое миропонимание. Это был час рождения мира, основанного на точном, достоверном его знании, которое в первую очередь связано с идеями Декарта. Развитие буржуазного общества, центр экономического развития и политической борьбы перемещаются на северо-запад. Точно так же и центр идеологической борьбы перемещается в регион Атлантики. Вопреки этому папы, претендовавшие на руководство латиносредиземноморской культурой, вплоть до 1822 года сохраняли приверженность Птолемеевой системе мира, средневековому мирозерцанию!

К середине XVII столетия в католической Европе, признававшей еще век — полтора века назад примат папы, возникли три религиозные сферы:

1. Сфера, где верховенство духовной и религиозной власти папы не подвергалось сомнению: Италия, Испания, Португалия; католический мир.
2. Сфера, где сосуществовали католицизм и протестантизм: Франция, Германия (и Венгрия), но где решения Тридентского собора никогда не были полностью осуществлены; это сфера сосуществования разных религий.
3. Сфера, где отвергалась папская власть: протестантский мир. Он не поддерживал никаких отношений с папством.

Эти сферы укрепились во второй половине 1600-х годов. Единственное существенное изменение, которое имело место, произошло отнюдь не по инициативе папства, а в интересах укрепления светского абсолютизма: Людовик XIV в 1685 году после отмены Нантского эдикта насильно восстановил чисто католический религиозный характер Франции. Как только прекратились контрреформаторские возможности и претензии, примерно в 1660 году, папство начало быстро двигаться к упадку. Когда восстановление под главенством папы единства христианской церкви путем насильственного или мирного возвращения протестантов в католическую веру потерпело фиаско, даже несомненные частные успехи уже не могли остановить внутреннего разложения духовной и политической власти папства.

Основной причиной упадка папства было его противостояние главному курсу исторического развития — буржуазным преобразованиям. Наиболее мощные атаки буржуазный строй предпринял в

арьергардных боях против активизировавшейся идеологии феодализма и власти папской церкви. В то время как в Англии радикальная модификация Реформации подготовила победу буржуазной революции, папы, начиная с Иннокентия X, опирались на символизирующую прошлое Испанию — так одновременно с упадком испанского владычества переживало упадок и папство.

Ведущей великой державой послевестфальской Европы стала Франция. Папы, боясь чересчур сильной Франции, в соответствии со своей традиционной политической тактикой вновь стали на сторону более слабой, переживающей упадок страны — в данном случае — Испании. Обреченность папства на оборончество продемонстрировал тот факт, что Пиренейский мир 1659 года, обеспечивавший французскую гегемонию, состоялся между двумя католическими государствами — Францией и Испанией — уже при явном игнорировании папства. Это однозначно свидетельствовало, что Рим уже не рассматривают политическим центром католического мира.

Абсолютные монархии стремились к гегемонии над своей церковью. Для князей и для высших священнослужителей тоже было понятно, что чрезмерный папский централизм, сложившийся во время контрреформации, стал сразу же ненужным и обременительным, как только сохранившаяся католическая церковь внутренне укрепилась и стала единой. Князья и епископы усматривали тогда в папском абсолютизме уже не помощь, а принудительную опеку, даже посягательство на их прерогативы. Всеми этому противостоял принцип государственного абсолютизма, усиливающий национальное самосознание. Конфессии отдельных государств подчиняли себя не наднациональному папству, а национальному государству, точнее, заключали с ним тесный союз. Таким образом, национальные государства не очень-то нуждались в оглядке на папство.

Тесное переплетение современной государственной власти с церковью, принцип государственной церкви — галликанство и иозефизм — в глазах пап были еретичеством. Проявлением того же самого процесса, но подрывающим папство изнутри, в области догматики, был янсенизм, а в области управления церковью — фебронианство.

В XVIII веке папство подошло в своей истории к новому рубежу упадка. На идеи своего времени, на просвещение папы ответили жестким неприятием и изоляцией. Государственная власть сбросила, наконец, с себя опеку Рима. Католические короли вынудили папу распустить ярых защитников его власти — орден иезуитов. Крушение иезуитов и иезуитства была напоминанием: оно таило в себе одну из альтернатив цепляющегося за прошлое папства, которая была осуществлена впоследствии, в конце века, французской революцией. Папа Пий VI еще добровольно совершил «путь в Каноссу» — в Вену, к Иосифу II, а Пий VII Наполеон уже держал пленником в Фонтенбло, где он исполнял роль «придворного капеллана».

Еще не утих гул Тридцатилетней войны, опустошавшей в первую очередь Германию и проходившей под лозунгами Реформации и контрреформации, когда папа обнажил меч против возникшего внутри католической церкви первого харизматического учения нового времени — янсенизма, явившегося «последышем» Реформации.

Янсенизм вызвал последний в истории католической церкви догматический раскол. Историки церкви рассматривают янсенизм как эпилог кальвинизма. В то время как рационализм и просвещение нападали на церковь извне, галликанство, фебронианство и иозефизм подвергали нападкам прежде всего принципы её организации и управления — это был раздор из-за власти; янсенизм же потому стал наиболее опасен для папства, что он завоевывал себе позиции внутри

церкви, в кругу священнослужителей, среди монахов; дело в том, что кардинальный вопрос, который, как считалось, был исчерпан Тридентским собором — учение о благодати, — янсенизм истолковывал иначе, чем папство.

Корнелий Янсений (1585–1638) сначала был профессором теологии в цитадели строгого католического направления — Лувенском университете в Голландии, а затем стал Юпернским епископом. Еще в Лувене Янсений познакомился с французом Жаном Дювержье, пригласившим его затем в Байонну, где они занялись изучением Августина. Вернувшись к положениям его учения, относящимся к Спасению и благодати, а также к свободе человеческой воли, они поставили перед собой цель реформировать послетридентскую теологию (иезуитскую и барочную). Их внимание к Августину привлекла не только Реформация; они заинтересовались также преподававшим в Лувене в конце XVI века Де Байусом (умер в 1589 году), который в своем толковании учения о благодати сближался с протестантскими взглядами. В 1580 году церковь вновь отвергла теорию Де Байуса, объявив ее еретической. Янсений и его последователи свою теологическую систему связывали — в соответствии с августианинством — со строгой морально-религиозной практикой раннего христианства, которой противостояла смыкавшаяся с государством церковь эпохи барокко.

В своем труде «Августин» (изданном французскими друзьями Янсения уже после его смерти) Янсений развязал дискуссию с папой и последовательно защищавшими неизбежность системы тридентских догм иезуитами. В этой книге он суммировал свои взгляды о Спасении (о грехе и отпущении грехов). Суть их заключалась в том, что спасется только тот, кто предопределен Богом к Спасению, а кто не предопределен, тому не суждено освободиться от греха. Первородный же грех делает человека неспособным к добру. Подлинно свободная воля — это то, что освобождается от зла и наполняется добром. Этими взглядами янсенизм частично возрождал элементы средневековых ересей, частично же интегрировал в католицизм отдельные положения протестантизма.

Освобождение от схоластики (через августианинство), мистическое толкование строго религиозного образа жизни привели к противоречию янсенизма папству и, главным образом, рациональным иезуитам.

Первым осудил янсенизм папа Урбан VIII в 1642 году. Однако этим он скорее стимулировал его к противостоянию, которое длилось целое столетие. На основе учения Янсения во Франции возникло целое движение, в которое включились в одинаковой мере священнослужители, светские лица, аристократы и интеллигенция. Затем Иннокентий X по инициативе иезуитов в своей булле «Cum occasione» квалифицировал как еретические пять тезисов книги Янсения «Августин». (Обыкновенно, проанализировав выхваченные из нее, зачастую произвольно, одну или несколько фраз, доказывали, что труд этот отклоняется от догмы.) Кардинал Мазарини обращал внимание на необходимость принятия папой решения, но янсенизм тогда только начал по-настоящему выходить на арену.

Дискуссия обострилась по двум причинам. Одна из них — это то, что был поставлен под сомнение папский примат: по мнению янсенистов, епископы должны обладать равными с папой правами. Из этого следовало, что они не принимали тезис о непогрешимости папского папского учреждения. Другая причина состояла в том, что янсенизм вступил в тесный контакт с идеей национального государства. Янсенисты были выразителями идеи рационального управления как государством, так и церковью. Янсенизм хотел достичь модернизации религии посредством перехода церкви на более пуританский путь и с помощью государства. Оформлялось это через секуляризацию, в рамках

которой могли объединиться национальная церковь и национальное государство. Протестантской чертой у янсенистов было и то, что они обращались к нации. Они начали переводить различные произведения (например, Священное писание) и, порвав с барочным стилем, выражались простым и понятным языком. Именно поэтому янсенизм смог стать одной из основ литературы, переживавшей во время Людовика XIV пору своего расцвета. Но в конце концов янсенизм не смог найти общую платформу с галликанством, потому что целью абсолютного монарха была не модернизация религии и церкви, а только их подчинение своей власти.

Центром янсенизма стал расположенный вблизи Парижа аристократический и богатый цистерцианский женский монастырь Пор-Рояль. Связи его настоятельницы Анжелики Арно простирались от Сорбонны до королевского двора. Старший брат настоятельницы, Антуан Арно, был профессором теологии в Сорбонне. К ним присоединились такие выдающиеся мыслители и писатели, как Паскаль и Расин. Даже сам кардинал Ретц сочувствовал им. «Провинциальные письма» (1656) Паскаля, написанные в уединении в Порт-Рояле, содержат в себе резкую критику современного ему общества с позиций антиклерикализма. Начиная с эпохи Просвещения и вплоть до наших дней литература, направленная против иезуитов, черпает аргументы из этого источника.

Но если янсенизм нападал на папство изнутри, то сокрушительный удар по его универсальной духовной власти нанесли свободные от религиозных форм идеи Просвещения. Это новое духовное направление появилось во второй половине XVII века в буржуазной Англии и своей сокрушительной критикой средневековых миропонимания, морали и уровня научных знаний открыло путь невиданному развитию современной техники, науки и человеческой цивилизации. Просвещение становится уже идеологией, стремящейся к политической власти, овладевающей всей полнотой жизни буржуазии, идеологией, которая положила конец религиозным и расовым предрассудкам и объявила борьбу за общечеловеческие права. Перекинувшись из Англии на континент, Просвещение во Франции — в области политики, а в Германии — в области науки нанесло удар по религии и церкви; папство, застрявшее на контрреформации, уже не могло эффективно противостоять этому удару.

Наступление Нового времени впервые довел до сознания римских пап «самый католический из королей» — Людовик XIV (1643–1713): в области внутренней политики — своим неограниченным государственным абсолютизмом (галликанством), а в области внешней политики — своей европейской гегемонией. Папы того времени оказались слишком слабыми и серыми, чтобы выйти из тени «короля-солнца».

Упадок авторитета папского престола стал очевидным во время понтификата Александра VII (1655–1667). Кардинал Фабио Киджи принимал участие в качестве кельнского нунция в катастрофических для папства переговорах по заключению Вестфальского мира и там стал политическим противником кардинала Мазарини. С 1651 года он был кардиналом-статс-секретарем папы Иннокентия X. С тех пор редкостью считалось, чтобы бывший статс-секретарь папы избирался папой. Ведь он уже был связан с определенным политическим курсом. Став папой Александром VII, Киджи вначале не пускал в Рим своих родственников, желая положить конец nepотизму. Однако традиция оказалась сильнее. Вскоре в курии опять появились родственники папы, но власть их была уже далеко не такой, как в эпоху Ренессанса или барокко.

При Александре VII изменилось управление курией. Папа порвал с методами произвола в

управлении; сам он не очень-то вмешивался в государственные дела, а доверял их кардинальским конгрегациям. Папа Александр создал кардинальскую конгрегацию, охватывающую управление Церковным государством, из которой затем сформировался папский государственный секретариат. Таким образом, и церковное управление все больше подпадает под влияние папских придворных. Александр VII ввел институт папских прелатов. Этот сан получали не епископы, а главным образом куриальные священнослужители, имевшие заслуги перед папой. Курия стала замкнутой организацией римской аристократии. Александр VII выдвигал людей только из знатных аристократических семей. Власть была в руках древних римских родов (Савелли, Конти, Орсини, Колонна, Гаэтани), а также семей, выдвигавших кандидатов в папы. Таким образом, середина и вторая половина XVII века стала в Риме порой расцвета аристократии. Замкнутость имела также и национальный характер; Александр VII назначил 38 кардиналов, из которых 33 были итальянского происхождения. В аристократической атмосфере курии монашеские ордена начали считать лишними, а орден иезуитов просто стал неудобен. Это засилье в руководстве церковью аристократических посредственностей также сыграло свою роль в том, что в XVII–XVIII веках почти не было выдающихся пап.

В новой эре, начавшейся с Александра VII, земледелие в когда-то богатой Кампанье и в окрестностях Рима пришло в упадок. А формирование промышленности вследствие непродуктивного характера Церковного государства априори становилось невозможным. Государство здесь рассматривалось всеми, от самого мелкого чиновника вплоть до папы, в первую очередь как возможность обогащения. Снова распространились подкупы и взяточничество; злоупотребления имели место и в правосудии. По сути дела, начиная с этого времени, мы можем говорить об общем упадке Церковного государства, о его отсталости — в чем опять-таки проявился кризис института папства.

Юный Людовик XIV дал почувствовать свою власть и свое пренебрежение к папе Александру VII не только в заключении Пиренейского мира (1659), но и обеспечив себе право вмешиваться во внутренние дела Папской области даже в связи с незначительной дипломатической неурядицей. Александру VII оставалось успокаиваться лишь успехами в области религиозной морали. Шведская королева Кристина (1632–1654), отказавшись, как известно, от трона, перешла в Инсбруке в католическую веру и в 1655 году переселилась в Рим. Дочь победоносного протестантского лидера и полководца Тридцатилетней войны Густава Адольфа завоевала себе этим благосклонность и милость папы: она — единственная женщина в истории, которая была погребена в Ватиканской усыпальнице. После смерти Александра VII великие державы стали активно пользоваться своим эксклюзивным правом. В соответствии с расстановкой сил новым папой стал кардинал Джулио Роспильози, пользовавшийся полным доверием у Людовика XIV. Профранцузский папа Климент IX (1667–1669), будучи старым и больным, считался поэтому «кратковременным» папой. Он был известен не только как драматург, но и как высший священнослужитель, который вел святой образ жизни. (Ежедневно он собственноручно кормил 13 бедняков.) Уход со сцены nepотизма ознаменовался тем, что папа уже не безгранично благоприятствовал своим родственникам, а обеспечивал им лишь достойное благоденствие. Тем же, что Климент IX не распустил на все четыре стороны чиновников и nepотов своего предшественника, чтобы освободить место для своих людей, он в значительной степени способствовал консолидации церковного управления.

После смерти Климента IX на продолжавшемся четыре месяца (из-за борьбы между происпанской и профранцузской партиями) конклаве папой был избран престарелый (80-летний) кардинал Альтиери, которого вновь рассматривали как «кратковременного». Климент X (1670–1676), вернувшись к практике nepotизма, доверил управление своему племяннику. В его планы входило создание большой антитурецкой коалиции для освобождения Венгрии и Балкан. Поэтому он поддерживал крупными суммами польского короля Яна Собеского. Однозначно придерживавшийся происпанской ориентации папа всю свою энергию посвятил борьбе с галликанством. Враждовавший с испанцами Людовик XIV вмешивался и в сугубо церковные дела; он распускал монашеские ордена, экспроприировал церковное имущество.

В 1673 году Людовик XIV издал закон о праве королевского владения: в случае освобождения высокой церковной должности доходы от незанятого бенефиция поступают не к папе, а в государственную казну. Второй спорный вопрос возник вокруг права убежища, которым обладали посольства в Риме. Аккредитованные при папском дворе послы посольства могли предоставить обращающимся к ним убежище и пользовались этим правом столь широко, что это уже наносило ущерб папскому суверенитету. Однако помимо дипломатического протеста Климент X ничего предпринять не смог и вынужден был принять к сведению преимущественное право французов.

Самым значительным папой XVII века был, несомненно, Иннокентий XI (1676–1689), происходивший из состоятельной семьи торговцев и банкиров города Комо — Одескальчи. Новый папа до 25-летнего возраста был военным, затем стал в Риме священнослужителем, известным специалистом по церковному праву, а в 34 года — кардиналом. Он считался происпански и антифранцузски настроенным; поэтому на конклаве в 1669 году, после смерти Климента IX, Людовик XIV наложил вето на избрание его папой. Теперь же вето не прошло, и на голову кардинала Одескальчи надели папскую тиару. Иннокентию XI были свойственны глубокая религиозность и пуританство. Папские одежды он выбрал из гардероба своих предшественников, а каждую сутану носил до тех пор, пока от многих стирок она не расползалась. Его жилые апартаменты состояли всего из двух помещений: спальни и очень скромно обставленного кабинета. Иннокентий XI ликвидировал nepotизм, и в результате своих финансовых распоряжений, сокращения учреждений он залатал прорехи в госбюджете, пополнил опустевшую папскую казну. Страдавший от ревматизма и болезни желудка папа и на троне Святого Петра оставался отшельником.

Главной своей целью Иннокентий XI после восстановления политического равновесия в Европе считал сплочение европейских держав для освободительной войны против турок. Эта целеустановка априори противопоставила его французским гегемонистским устремлениям. Папа Иннокентий решительно выступил против галликанства. Однако французская церковь и духовенство в этом споре заняли сторону своего короля, так как ожидали, что он защитит от папы их привилегии и автономию. В это время Франция и Людовик XIV находились в зените своего могущества, и это решающим образом влияло на жизнь Европы и церкви. Во Франции церковь и государство полностью переплелись, католическая церковь стала государственной церковью. Французские короли с 1516 года осуществляли назначение епископов, но средневековое галликанство при Людовиках обрело новое осмысление согласно запросам монаршего абсолютизма.

Монарший абсолютизм готов был терпеть только идентифицирующийся с ним епископский корпус. Так, епископы стали придворными епископами и почти без исключения были выходцами из новой

придворной аристократии. В 1682 году французское духовенство сформулировало четыре положения о галликанских свободах (постановления в духе «свободной галликанской церкви»):

- 1) власть папы как главы церкви распространяется только на духовных лиц; светская власть независима от пап;
- 2) верховная папская власть подчинена вселенскому собору;
- 3) папская юрисдикция должна осуществляться в согласии с местными традициями (в духе «свободной галликанской церкви»);
- 4) распоряжения папы даже в вопросах веры становятся обязательными только после утверждения их вселенским собором.

Иннокентий XI в рядовом папском послании отверг эти постановления галликанского духовенства. Папа не был склонен утверждать таких епископов, которые присягали галликанским постановлениям. Вследствие этой тяжбы 35 французских епископских кресел вскоре оказались пустующими! В конце 1680-х годов из-за отмены посольского права убежища прекратилась и дипломатическая связь между Римом и Парижем. Последствия великодержавных разногласий в области церковной политики были ошеломляющи. В интересах более полного осуществления государственного абсолютизма Людовик XIV в 1685 году объявил утратившим силу Нантский эдикт и при явном неодобрении папы лишил гугенотов прав, которыми они пользовались до сего времени. Были закрыты кальвинистские церкви, изгнаны проповедники. В результате последнего религиозного преследования около 200 000 гугенотов оставили свою родину и стали искать себе пристанище в протестантских государствах — в Пруссии, Голландии и Англии. Эмигранты в большинстве своем были прилежными гражданами, хорошими ремесленниками, торговцами, образованными интеллигентами. Изгнание из страны гугенотов способствовало закату государства «короля-солнца» и подъему протестантских держав, в первую очередь Пруссии.

Решительная антифранцузская ангажированность Иннокентия XI сделала его другом Австрии; следствием этого явилась и активная поддержка войн Габсбургов против турок. Так, папа стал одним из главных участников освобождения Венгрии от 150-летнего турецкого господства. Антитурецкую политику Иннокентия XI проводил папский нунций в Вене Буонвизи. В интересах совместного выступления против турок папа, отбросив свои былые обиды, попытался примирить Людовика XIV и императора Леопольда I (1657–1705). Однако заключенный в голландском г. Нимвеген в 1658 году мир оказался недолговечным, французская политика осталась дружественной по отношению к Турции и враждебной по отношению к Габсбургам — ведь Франция не была заинтересована в дальнейшем усилении австрийских Габсбургов. Мирные переговоры заслуживают упоминания еще и потому, что начиная с этого времени и вплоть до Венского конгресса 1814–1815 годов папский нунций не принимал участия в международных переговорах.

В то же время императорская политика была и антивенгерской и антипольской. Папа же пытался побудить куруцев [47] и поляков к компромиссу с Габсбургами в интересах совместных действий против турок. Однако папе удалось привлечь к совместной борьбе против турок только Яна Собеского. В 1683 году родился австро-польский союз, а в конце лета 1683 года турки осадили Вену. Иннокентий XI поспешил на помощь Леопольду, снабдив его значительной суммой денег; польский и баварский короли также щедро финансировались из папской казны; всего папа выделил сумму в 1 200 000 золотых форинтов. Примеру папы последовали кардиналы и другие высшие

священнослужители. Так например, венгерский кардинал Дьердь Селепчеки дал на нужды армии 400 000 форинтов.

12 сентября 1683 года объединенные армии Яна Собеского и Карла Лотарингского освободили Вену. После этой победы началось изгнание турок с территории Венгрии. В 1684 году с присоединением Венеции папа вновь создал Священную лигу (союз Габсбургов, Баварии, Польши, Венеции и папы) для продолжения борьбы против турок. Папа послал Собескому саблю и шапку полководца-предводителя.

В военном походе 1686 года папа помогал в первую очередь полякам, поскольку императорский двор не всегда направлял посылаемые ему деньги на борьбу с турками. Папа объявил освобождение Венгрии задачей крестового похода. 2 сентября 1686 года была освобождена город-крепость Буда. Папа провел торжественную консисторию и провозгласил этот день религиозным праздником и послал на восстановление Буды 100 000 форинтов. Венгерские успехи в антитурецкой борьбе не только открыли новые возможности для контрреформации, но и на время подняли международный авторитет папства.

Папы, занимавшие апостольский престол после Иннокентия XI, последовательно искореняли антифранцузскую политику Рима. Франко-австрийские противоречия были преодолены на конклаве избранием папой 80-летнего кардинала Пьетро Оттобони, венецианца по происхождению.

Пробывший папой всего 16 месяцев Александр VIII (1689–1691), следуя венецианским традициям, показал себя противником австрийцев и сблизился с французами. В борьбе против турок он поддерживал не Леопольда, а Венецию. Именно поэтому он проявил уступчивость и по отношению к галликанским тенденциям государственной церкви. Он не осмелился открыто осудить галликанские постановления, и они практически оставались в силе вплоть до Французской революции 1789 года. С приходом Александра VIII на папский престол в курии снова возродился nepotизм; правда, его преемник окончательно ликвидировал это явление.

Из-за великодержавных противоречий образовалась пятимесячная папская вакансия. Затем неаполитанский архиепископ кардинал Пиньятелли пополнил под именем Иннокентия XII (1691–1700) список пап XVII века. Наиболее значительным поступком нового папы была булла «*Romanum decet Pontificem*» от 22 июня 1698 года — попытка положить конец nepotизму. В этой булле он заявил, что папа может назначить только одного кардинала-непота с доходом максимум в 12 000 дукатов. Несмотря на все это, получили известность еще три семьи (клана) nepотов: Албани — при Клименте XI, Корзини — при Клименте XII и, наконец, семейство Браши — при Пие VI. Иннокентий XII договорился с Людовиком XIV, который, подтвердив и закрепив право убежища своих посольств, отмежевался от галликанских постановлений. В 1699 году папа, по желанию французского двора, включил в «Индекс» книгу архиепископа Франсуа Фенелона, исповедовавшую квиетистские взгляды. (Квиетизм — полная пассивность — был современной разновидностью мистики.) Квиетизм противостоял идее государственной церкви; поэтому папа выступил против него из теологических соображений, а король — из политических. Монарший абсолютизм XVII–XVIII веков был направлен не против церкви и религии, а против власти папства над национальными церквями, что мешало развитию новых связей между церковью и государством. Именно этот монарший абсолютизм сделал Францию чисто католической и благоприветствовал католицизму в Германии. Контрреформация к концу века практически и тут завершилась: в 1700 году большинство

князей-монархов вернулись в католическую веру: из девяти курфюрстов (трое из них — архиепископы) всего лишь двое остались протестантами.

Во время понтификата Иннокентия XII уже встал на повестку дня вопрос испанского престолонаследования. Карл II, последний испанский Габсбург, был бездетным. И император Леопольд I и Людовик XIV состояли с ним в одинаковой степени родства; поэтому оба они в равной мере могли претендовать на династическое наследование. Когда испанский король обратился к папе за советом, Иннокентий XII предложил ему третий вариант: он рекомендовал на испанский трон тоже близкого родственника — баварского курфюрста Фердинанда Иосифа. Но когда баварский курфюрст неожиданно умер, Иннокентий XII стал поддерживать притязания французов. Так король Карл сделал своими наследниками французских Бурбонов. Объединение испанской короны с французской сделало бы власть «короля-солнца» невыносимой для Англии и для протестантских государств. Поэтому теперь они поддержали притязания австрийских Габсбургов. Папа невольно втянулся в войну Бурбонов и Габсбургов за испанское наследство.

Борьба с идеями эпохи (XVIII век)

За всю свою долгую историю папство, наверное, ни в одном столетии не вступало в столь жесткие противоречия с эпохой, как в век Просвещения, завершившийся Великой французской революцией. В XVIII веке папство было вынуждено все время обороняться; политически — против просвещенных абсолютных монархий, духовно же — против буржуазных идей Просвещения, которые привели рационализм и секуляризацию к окончательному триумфу.

Просвещение было идеологией вырывавшейся на авансцену буржуазии. К одному из самых глубоких кризисов религии привело утверждение рационализма, явившегося идейной основой всеобщей секуляризации XVIII века. Под воздействием английского Просвещения (Бэкон, а за ним — Локк и его единомышленники) его философскую систему разработали немецкие философы Лейбниц, Вольф и в первую очередь Кант. Но во Франции Просвещение стало антифеодальной и антиклерикальной мировоззренческо-революционной политической программой. Вольтер — путем завоевания абсолютного авторитета разума, Дидро и энциклопедисты — систематизацией человеческой науки и культуры, Руссо — возвращением человека к природе разрушили до основания средневековое миропонимание и основывающуюся на нем католическую церковную духовно-идеологическую монополию.

Мыслители эпохи Просвещения ставили в центр буржуазного мировоззрения природу, человека и человеческую мысль. Поэтому они заявили, что преследование еретиков папской церковью является антигуманным, celibat — противоестественным, а догмы — противоречащими здравому смыслу. Культ разума, характерный для Просвещения, был направлен не против Бога, не против веры, а против искажающего веру института — против церкви. Вольтер говорил: «Если бы Бога не было, его надо было бы выдумать», но в адрес папства и церкви он разразился проклятием: «Раздавите эту гадину!»

Выдающиеся монархи эпохи пытались поставить идеи Просвещения на службу монаршей власти. Фридрих Великий, Иосиф II и императрица Екатерина II опирались на просвещенный рационализм, а не на застывшую на уровне конца средневековья церковь. Они и саму церковь стремились организовать рационально, с тем чтобы она стала органической частью рационализированной государственной машины.

Над собравшимся в начале октября 1700 года конклавом уже витал призрак готовившейся войны за испанское наследство. Во время избрания папы умер испанский король Карл II, и война уже стала казаться неизбежной. Именно поэтому кардинал Албани только несколько дней раздумывал, принять или нет павший на него выбор. Заняв папский престол под именем Климента XI (1700–1721), он однозначно стал на сторону Людовика XIV. В 1700 году испанский трон заняли Бурбоны, и папа узаконил королем Филиппа V (1700–1746). Союзниками же Леопольда I в новой европейской войне, начавшейся в 1703 году, были Пруссия, Англия и Голландия. Папство не смогло держаться в стороне и от вооруженной борьбы. (Несмотря на то, что Климент XI в 1701 году скрепя сердце, но без борьбы уступил австрийцам Мантую.) Папа считал, что защитниками католических интересов в этой борьбе были скорее Бурбоны (французы и испанцы), и поэтому еще более решительно занял поддерживающую их позицию. Война снова прокатилась опустошительным вихрем по земле Италии. Император Иосиф I (1705–1711), а точнее, его полководец герцог Евгений Савойский выбил в 1706 году французов из Северной Италии. Императорские войска заняли принадлежавшие Церковному государству Парму и Пьяченцу. В 1707 году папа вынужден был разрешить передвижение через территорию Церковного государства австрийских войск, действовавших против испанского Неаполя, который вскоре и был ими захвачен. Осенью 1708 года Климент XI включился со своей армией в боевые действия с целью обеспечить вооруженным путем суверенитет Папского государства. Он был последним папой в истории, который участвовал в войне. Французы не оказали ему помощи, в результате чего австрийцы, нанеся тяжелое поражение папской армии, захватили значительную часть территории Папского государства; армия Климента была разоружена. В 1709 году папа вынужден был заключить мир и признать испанским королем ставленника Габсбургов — Карла III.

Война за испанское наследство закончилась в 1713 году подписанием Утрехтского мира (затем в 1714 году — Раштаттского мира). Хотя она обеспечила Бурбонам испанский трон, в новой расстановке сил французская гегемония дала трещину. Ее место на континенте и в Италии заняла придунайская монархия Габсбургов. При заключении Утрехтского мира интересы папы были полностью проигнорированы. Папство перестало быть серьезным политическим фактором. Так, например, Сицилию, считавшуюся вассальной территорией папы, без согласия Рима передали Савойе. Австрия в 1713 году получила Ломбардию, Неаполь и Сардинию. (В 1720 году австрийцы выменяли Сардинию за Сицилию; таким образом, и Сардинское королевство родилось на свет помимо воли папы.) Тем самым положение в Италии изменилось коренным образом: на полтора столетия сложился перевес сил в пользу Австрии, с чем в первую очередь должны были считаться папы.

Климент XI более решительно, чем его предшественники, боролся против янсенизма, потому что в этом он уже мог рассчитывать и на поддержку светской власти. Своей изданной в 1705 году буллой «*Vineam Domini*» он сыграл на руку Людовику XIV в разгроме янсенистов. Тогда уже стало очевидно, что власть не заинтересована в теологической модернизации католицизма. Спор достиг своей кульминации, когда папа включил в 1708 году в «Индекс» французский перевод Нового завета, сделанный Кеснелем, ибо в нем усмотрели янсенистские идеи. А король разогнал янсенистский монастырь Пор-Рояль, который в 1709 году по его приказанию был разрушен и сровнен с землей. В этом споре раскололось и французское духовенство. Архиепископ Парижа Ноай стал на сторону

янсенистов, а король приказал заточить в тюрьму Кеснеля. В изданной в 1713 году известной папской булле «Unigenitus Dei Filius» Климент XI объявил еретическими 101 фразу из Кеснеля и обязал архиепископа Ноая отменить данное им цензурное разрешение на его печатание. Тогда французское духовенство во главе с архиепископом приняло сторону янсенистов, против папы и иезуитов. В соответствии с галликанскими традициями они снова апеллировали к вселенскому собору. Спору этому положили конец последовательное усиление позиций Просвещения и распространение свободного от религиозных догм мышления.

Почти четвертьвековой понтификат Климента XI сменился незначительным — и по содержанию и по событиям — правлением папы Иннокентия XIII (1721–1724). На смену ему пришел затем член семейства Орсини — архиепископ из города Беневенто кардинал Пьетро Франческо Орсини, ставший папой под именем Бенедикта XIII (1724–1730). Новый папа был бесцветной и слабой личностью; в нем отсутствовало властолюбие. Вместо далекого от жизни папы правил его фаворит и секретарь Николай Косция, недостойный человек, выдвинутый им из прелата в кардиналы. Косция беспардонно злоупотреблял доверием престарелого папы и своими сделками и махинациями довел Церковное государство и курию почти до полного морального и материального краха. При жизни папы положение Косции было незыблемым, но сразу после смерти Бенедикта против него вспыхнуло народное восстание.

Новый папа, Климент XII (1730–1740), предал суду бывшего фаворита, и он был приговорен к десяти годам тюрьмы и уплате 100 000 скудо штрафа. Серьезную озабоченность у папы Климента вызывала необходимость восстановления порядка и общественной безопасности в Риме, нарушенными восстанием против режима Косции. Климент XII (Лоренцо Корзини) происходил из флорентийской дворянской семьи, но, как почти все папы той эпохи, при вступлении на папский престол был уже больным стариком. В 1732 году он полностью ослеп. Его авторитета не хватило даже на то, чтобы защитить территориальную целостность Папской области от великодержавных династических завоеваний. Австрийцы окончательно отобрали Парму и Пьяченцу. Сама Австрия в 1733 году потеряла Королевство Неаполя и обеих Сицилий, которое присоединили к себе испанские Бурбоны. Папа же охотнее видел бы своим южным соседом режим Габсбургов, нежели Бурбонов, которые уже тогда проводили явно антипапскую политику. В 1737 году вымер флорентийский клан Медичи. Великое герцогство Тосканы было приобретено Австрией; тем самым она упрочила свое влияние и в Средней Италии. Мощь австрийской империи усиливалась Ломбардией, Бельгией и Венгрией, которые поддерживали ее против Бурбонов.

Вместо Климента XII власть и управление осуществлял его непот — кардинал Нери Корзини. Корзини были известными меценатами искусств и наук. Во дворце Корзини были собраны очень ценные произведения живописи, богатая библиотека. Папа, несмотря на финансовые трудности, расширил также Ватиканскую библиотеку и использовал в ней крупных специалистов. Однако он был непреклонен по отношению к современным идеям. Первым среди пап Климент XII осудил в 1738 году движение масонов, бывшее тогда еще выразителем прогрессивного буржуазного свободомыслия. Папы видели в масонстве всемирную конспиративную организацию, которая была устремлена против религии и церкви и которую поэтому надлежало распустить, употребив власть.

После смерти Климента XII последовал самый длительный в истории папства конклав. В результате шестимесячной волокиты папой был избран наконец кардинал Просперо Ламбертини — Бенедикт

XIV (1740–1758), единственный значительный папа XVIII столетия. По происхождению болоньец, он переместился в Рим из кресла архиепископа Болоньи. Новый папа был остроумным, гуманистического склада ученым; будучи высшим священнослужителем, он сумел вновь придать блеск своему высокому сану. В лице Бенедикта XIV на папский престол пришел профессионально подготовленный ученый, демонстрировавший, что эпоху знаменует уважение к разуму и к наукам. Папа создал замечательные труды по военному праву. В глазах церкви он снискал себе неувядаемые заслуги точной разработкой теологических и процедурных вопросов, главным образом касающихся возведения в святые и блаженные (канонизации и беатификации). Его книги и сегодня являются весьма авторитетными в этой области. Папа-ученый не замыкался в рамках религиозных наук, а любовно поддерживал Ватиканскую библиотеку, даже римских деятелей естественных наук.

Бенедикт XIV — единственный папа той эпохи, который признавал необходимость приспособления к духу времени и отходил от жесткой замкнутой позиции. Папа Бенедикт не любил иезуитов, ему были близки бенедиктинцы. Во время его понтификата Рим стал центром итальянского янсенизма. В своем отношении к идеям Просвещения Бенедикт XIV также избрал не метод проклятий и отлучения от церкви, а диалог. Поэтому он мог объявить своим другом Вольтера, с которым поддерживал тесный контакт. Бенедикт XIV сознавал, что силовыми средствами, проклятиями и отлучением папство не сможет воспрепятствовать формированию национальных государственных церквей. Поэтому он стремился к тому, чтобы, приспособившись к правительствам, уменьшить противоречия между светскими властями и папством. Средствами этой политики были конкордаты. Папа Бенедикт стремился создать широкую, планомерную, единую сеть конкордатов. И в этом он явился предвестником пап последующих столетий. В интересах компромиссов он жертвовал политическими преимуществами и материальными благами, чтобы такой ценою удержать влияние папства в вопросах центрального управления церковью и в вопросах веры. Первое соглашение имело место в 1741 году с Сардинией. Затем последовали неаполитанский, испанский конкордаты и несколько позднее — португальский.

Папе Бенедикту XIV не удалось удержать церковь в стороне от войны за австрийское наследство. В соответствии с прагматической санкцией (1723), когда император Карл VI (венгерский король Карл III; 1711–1740) в 1740 году умер, его дочь, Мария Терезия (1740–1780), унаследовала венгерский трон. Однако императором нельзя было избирать женщину. Курфюрсты избрали императором Карла Альберта, принявшего имя Карла VII, и папа, несмотря на протест австрийцев, признал его. В войне за австрийское наследство австрийские армии снова использовали как плацдарм против испанцев и французов территорию Папского государства. Однако Карл VII в 1745 году умер, и его трон унаследовал муж Марии Терезии — Франц Лотарингский, правивший под именем Франца I (1745–1765). Папа, не обращая внимания на протесты теперь уже со стороны французов и испанцев, также признал его, точнее, принял факт к сведению.

Под войной за австрийское наследство подвел черту Аахенский мир. По его условиям Испания потеряла все захваченные ею ранее итальянские земли. Окончилось испанское господство в Италии; оно уступило место австрийско-французскому великодержавному соперничеству в этой стране. Аахенский мир закрепил также равновесие между двумя сторонами, которое сделало возможным подъем Пьемонта. В результате территориального урегулирования, последовавшего за Аахенским миром, на итальянском полуострове возникло десять государств: 1) Сардинское королевство (остров

Сардиния и Пьемонт), 2) Генуэзская республика, 3) Венецианская республика, 4) Республика Лукка, 5) Герцогство Парма и Пьяченца, 6) Герцогство Модена, 7) Великое герцогство Тоскана, 8) Церковное государство, 9) Королевство обеих Сицилий и 10) присоединенные к австрийской монархии Ломбардия и Венеция.

Процессу великодержавного передела Европы положила конец Семилетняя война (1756–1763) между Пруссией и Австрией. В результате ее протестантская Пруссия усилилась по сравнению с Австрией и приобрела католическую Силезию. Вероятно, здесь сыграло свою роль и то, что папа Бенедикт XIV признал прусским королем Фридриха II (Великого). (До этого времени папство рассматривало в качестве прусских королей только бранденбургских маркграфов.) На сохранение сложившегося по отношению к протестантизму модус вивенди была нацелена и изданная Бенедиктом XIV в 1741 году булла «*Matrimonia, que*», в которой он признал законными смешанные браки, заключенные без учета тридентской формулы на территориях диаспоры (то есть на территориях, где сосуществовали католическая и протестантская религии). Все это свидетельствовало о том, что папа стремился уже не к ликвидации протестантизма, а к нормализации сосуществования с ним. Подспудным мотивом такой терпимости могло быть осознание того, что ведущими державами этой эпохи были уже не католические Испания, Австрия или Франция, а скорее Англия, Пруссия и православная Россия.

Во время понтификата Бенедикта XIV бурбонские королевские дома (Париж, Мадрид, Неаполь) все радикальнее выступали против защитников ультрамонтанства, против иезуитов. (*Ultra montes* означало «за горами», то есть за Альпами; речь шла о клерикальном, ставшем реакционным и противоречившим духу времени направлении, которое стремилось к осуществлению за Альпами верховной власти папы, к сохранению церковного влияния.) В наибольшей степени противостояли духу времени иезуиты: внутри церкви они боролись с янсенизмом, а вне церкви — с просвещением и масонством, в области же церковной политики — с идеей государственной церкви. Бенедикт XIV не симпатизировал непримиримости иезуитов, препятствующей проведению его склонной к компромиссу политики, хотя открыто осуждал в деятельности иезуитов только их широкомасштабные торговые операции.

В XVIII веке орден иезуитов был еще могущественным и успешно руководил наиболее значительными монашескими орденами, занимавшимися педагогической деятельностью, и заморскими миссиями. В 1750 году орден иезуитов содержал по всему миру 649 коллегий, 176 семинарий и пансионатов; число его членов составляло 22 600 человек, причем половина из них — посвященные священнослужители! Вскоре двор Бенедикта XIV стал центром враждебных иезуитам церковных кругов. В курии образовались две партии: одна — это строгое направление, требовавшее защиты иезуитов и ужесточения сопротивления духу времени и светским властям. Она действовала на принципе сохранения всех ранее установленных привилегий и любую, даже робкую мысль о реформе считала еретичеством. Ей противостояла другая партия — это поощряемое папой умеренное направление, склонное к компромиссам, к уступкам монархам и князьям и к частичным реформам.

Однако в курии возобладало строгое направление. С избранием папой кардинала Реццониго на конклаве победило реакционное, поддерживающее иезуитов крыло. Папа Климент XIII (1758–1769) был полной противоположностью своему предшественнику. Годы его понтификата отмечены

шагами в защиту иезуитов, хотя в большинстве своем они остались безрезультатными. Сначала иезуиты были изгнаны из Португалии. В 1759 году полномочный министр маркиз Помбаль конфисковал имущество иезуитского ордена, и 1700 португальских иезуитов были схвачены, посажены на захудалые суда и отправлены «в виде подарка» в Папскую область. В 1762 году они были изгнаны и из Франции. Поскольку папа протестовал против этого, французы захватили папские владения Авиньон, Беневенто и Понтекорво. В 1767 году Испания выслала за границу ставших ненужными ей 2700 иезуитов. Ее примеру последовала и Парма. Папа попробовал искать защиту у Австрии, у толерантной пока еще Марии Терезии, но австрийцы не стали вмешиваться в конфликт. С помощью административных мер папа еще более однозначно поддержал иезуитов. Генерал ордена иезуитов Риччи отверг любые формы компромисса, любую возможную внутри ордена реформу. В своей булле, изданной в 1768 году, «*In saena Domini*» папа решительно осудил меры, предпринятые светскими властями против иезуитов. Это лишь подлило масла в огонь; в 1769 году послы католических государств в ультимативной форме потребовали от папы, чтобы он распустил орден иезуитов.

В то же самое время папство заняло жесткую позицию в отношении каких бы то ни было реформаторских устремлений внутри церкви. Среди них наиболее значительным было стимулируемое янсенистами фебронианство. Одновременно с Просвещением в Западной Европе возникло реформаторское направление, питаемое средневековым конциляризмом и галликанизмом Нового времени. Это течение требовало вместо слишком централизованного и анахроничного папского управления церковью усиления епископской (местной) власти, осуществления коллегиальности. Отсюда и его второе название: епископализм. Наиболее значительным систематизатором епископализма был трирский коадьютор (помощник епископа) Николай фон Гонтгейм. Этот выдающийся историограф церкви в своем пятитомном труде «Государственная церковь...», созданном им между 1763 и 1773 годами под псевдонимом Феброниус (отсюда — «фебронианство»), исходил из восстановления единства христианских церквей. А оно, по его мнению, возможно только в том случае, если католическая церковь в своем управлении приблизится к реформированным церквям. А в интересах этого следует ликвидировать папский примат. Условием единства в области веры было бы возвращение к епископальной древней церкви первых столетий. Над папой стоит вселенский собор; на смену папского монархического управления церковью приходят автономные национальные церкви, которыми управляют национальные соборы. Для папы в этой концепции остается только почетное первенство. Понятно, что Климент XIII внес в 1764 году эту книгу в «Индекс»; однако книга вызвала широкий отклик. Фебронианство полностью сочеталось с целями просвещенного монаршего абсолютизма, ибо давало ему в руки аргумент для осуществления идеи национальной государственной церкви.

Конклав 1769 года завершился быстро, так как все католические державы были едины в том, что ни в коем случае не может быть избран такой папа, который снова сочувствовал бы иезуитам. На основании предварительного предложения испанского посла кардиналы единогласно избрали папой бывшего францисканца, кардинала Лоренцо Ганганелли, принявшего имя Климента XIV (1769–1774). Новый папа якобы еще до своего избрания пообещал Бурбонам, что он распустит орден иезуитов. Своим статс-секретарем он выбрал известного по его испанским связям кардинала Поллавичини. Вопреки позиции традиционалистской партии коллегии кардиналов он снова встал на

путь уступок. Он восстановил дипломатические отношения с Португалией; когда же в 1769 году испанский и французский послы вновь потребовали, чтобы он распустил иезуитский орден, Климент XIV решительно пообещал это сделать.

Но практически дело дошло до этого лишь в 1773 году, когда Мария Терезия тоже благословила этот шаг папы. В своей булле «*Dominus ac redemptor noster*», датированной 21 июля 1773 года, Климент XIV распустил орден иезуитов. Этот в правовом отношении отнюдь не безупречный его шаг традиционалисты-католики и иезуиты никогда ему не простили. История католической церкви с тех пор и поныне однозначно считает роспуск ордена иезуитов низшим уровнем падения власти папства, отказом от своих прав и политически ошибочным шагом. Редко доходил черед до спокойного анализа, насколько действительно орден «созрел» для основательного реформирования, до осознания того, что из-за своего закоснелого поведения он являлся главнейшим препятствием на пути к согласию современного общества и церкви.

Роспуск ордена иезуитов папа радикально осуществил и в Церковном государстве. Генерала иезуитов Лоренцо Риччи и его заместителя заточили в Замке Святого Ангела (генерал ордена там и умер), а имущество иезуитов распределили между куриальными прелатами. Роспуск ордена с удовлетворением восприняли при дворах Бурбонов, и в порядке компенсации папе были возвращены захваченные ими территории Папской области. Орден был распущен и в Габсбургской монархии. Условия же для продолжения его существования обеспечил в конце концов его заклятый враг — протестантизм: Пруссия Фридриха II и православная Россия времен Екатерины II не только терпели функционирование ордена, но и приняли к себе часть преследуемых иезуитов. Причину этого отнюдь не следует искать только в религиозной терпимости, она кроется и во взглядах просвещенных государей: сохранение отличных иезуитских школ было в интересах их государств. С другой стороны, не католические монархи не считали для себя обязательным придерживаться позиции папы; таким образом, они выступили и против роспуска ордена.

Шаг папы составлял часть общей секуляризации XVIII века. Уже не было необходимости в недавнем воинствующем католицизме иезуитов, так как борьба против протестантов завершилась. Закосневшие на контрреформации иезуиты вступили в противоречие со всеми тенденциями эпохи как внутри церкви, так и вне ее, и прежде всего с тенденцией ко всеобщей секуляризации. Иезуиты и ультрамонтанистский католицизм рассматривали выход на арену буржуазии как нападение на экономическую и политическую власть папы, на ее духовную монополию, как выпад против религии. Следовательно, когда папский примат потерпел поражение в соперничестве с просвещенным монаршим абсолютизмом, папа вынужден был отречься от защитников неизменного толкования высшей папской власти — от иезуитов.

Борьба пиистов [48] с Французской революцией и с Наполеоном (1775–1815)

Папство потерпело в борьбе с идеями Просвещения решительное поражение. Этому не противоречит и тот факт, что Церковное государство, как региональная итальянская держава, ко второй половине XVIII века достигло наибольшей в истории Нового времени территориальной протяженности и насчитывало около 2 000 000 жителей. В 1788 году оно окончательно присоединило к себе и находившуюся до этого под папским протекторатом патрицианскую республику Болонью. Таким образом, оно включало в себя Романью, Болонью и Феррару, Лаздио (окрестности Рима), Умбрию, Марку (папские владения на побережье Адриатики, например, Анкона,

Римини, Пезаро, Сенигаллия), а также находящиеся вне территории Церковного государства и окруженные землями Неаполитанского королевства города Беневенто и Понтекорво.

Устройство Папского государства было разнородным, что вытекало и из его географической и экономической структуры. Апеннинский хребет делил государство на две отличающиеся одна от другой части. Прилегающие к Риму территории тяготели к западу и югу, адриатические же части скорее тяготели к Северной Италии. В экономическом плане наиболее продуктивными были легации, являвшиеся богатыми хлеботорными землями папства. Болонья (место стыка Северной и Средней Италии) была оживленным торговым пунктом. Анкона осуществляла значительную морскую торговлю. Рим и его окрестности стали к тому времени экономически отсталыми. Малонаселенная, плохо обрабатываемая территория Лаздио была поделена между римскими герцогскими семьями и церковными учреждениями.

Рим вырос в мировой город со сравнительно большим населением: в 1790 году он насчитывал 163 000 жителей. Его значение возросло в связи с тем, что он был столицей католического мира, городом, куда стекались паломники и туристы. В Церковном государстве общественный вес класса буржуазии был весьма незначительным, а буржуазия и вовсе в некоторых местах отсутствовала. Поэтому и стремления общества к обуржуазиванию были здесь самыми минимальными.

Господствующий класс Церковного государства складывался из состоящих в родстве с высшими куриальными священнослужителями, кардиналами и папами аристократических семей, из располагающих большими майоратами крупных землевладельцев и патрициев. Это частично старые римские семьи, частично же прибывшие из других мест папские династии: семейства Боргезе, Барберини, Альдобрандини, Бонкомпаньи, Одескальчи, Роспильози. Эти аристократы постепенно увязали в долгах, беднели и попадали в лапы банкиров. Так сформировался достаточно узкий, но обладающий большим состоянием слой банкиров и торговцев. Мелкобуржуазное население города (чиновники) жило за счет церкви.

Папой, который встретил великие потрясения эпохи Французской революции, был Пий VI (1775–1799). Севший на папский престол под этим именем Джованни Браски был заурядной личностью даже на фоне неприметных пап XVIII века. История церкви мало что могла сообщить о нем заслуживающего внимания, помимо того, что он был симпатичным человеком, о котором ходила поговорка «насколько красив, настолько и свят». В Риме он был, без сомнения, популярен, тратил большие денежные средства на украшение города, на строительство Античного музея в Ватикане. Он напоминал меценатов «золотых веков» папства также и тем, что в годы его понтификата снова расцвел nepотизм — пожалуй, в последний раз в истории папства.

В своей первой энциклике Пий VI осудил философские взгляды эпохи, показав этим, что он ступил на дорожку своих предшественников, занимавших по отношению к эпохе позицию жесткого отрицания. Но если его предшественники конфликтовали с Бурбонами, то Пий VI ввязался в безнадежный конфликт с просвещенным абсолютизмом Габсбургов. Развившийся, главным образом, при Иосифе II (с 1765 года — германо-римский император, в 1780–1790 годах — венгерский король), иозефинизм пытался осуществить в церковной политике идею государственной церкви. В строительстве современного абсолютистского государства церковь была всего лишь одним из средств. Высшие священнослужители находящейся под опекой государства церкви стали сопричастными к власти. Движение (не по пути с Римом), поддержанное канцлером Кауницем,

нашло своих последователей и среди высшего духовенства, проникнутого идеями Просвещения. Иосиф II и его всесильный министр были доктринерами в вопросах церковной политики. За время его царствования было издано около 6000 декретов, затрагивающих церковь. Иозефистская церковная политика главной своей целью имела отрыв церкви от Рима и подчинение ее Бургу. Иосиф II отделил функционировавшие в империи монашеские ордена от их римского центра, а созерцательные ордена (1300 монастырей из приблизительно 2000) распустил. (Состояние ордена иезуитов, уже распущенного, пошло на создание религиозного и учебного фондов.) Его декрет о терпимости к протестантам или открытие центральной семинарии, функционирующей под государственным контролем, в равной степени служили созданию государственной церкви. Иосиф II претендовал и на то, чтобы самому выбирать епископов; он вмешивался также и в распоряжение церковным имуществом.

Пий VI думал, что остроту антиримского иозефизма он сможет смягчить, сделав ставку на свой личный авторитет в глазах верующего императора. Поэтому весной 1782 года состоялась поездка папы в Вену, так сказать, «Каносса наоборот». 23 марта 1782 года в Хофбурге папа впервые встретился с Иосифом II. Вена приняла папу в соответствии с полагающимся по сему случаю протоколом, и Пий VI оказался в подлинном водовороте помпезных церковных празднеств. Однако Иосиф II остался по отношению к папе верующим, но, будучи верным своему титулу монарха, он поставил государственные интересы выше церковных обязанностей. Папа ни по одному вопросу не смог склонить императора пересмотреть свою церковную политику.

Папа несколько раз беседовал и с высшими священнослужителями монархии. Среди епископов только кардинал Герцан фон Геррах, Сомбатхейский епископ, безоговорочно поддерживал иозефистскую политику. Венский архиепископ-кардинал, а также большинство венгерских епископов во главе с Эстергомским архиепископом графом Йозефом Баттяни считали обидным вмешательство императора в дела церкви. За несколько дней до своего отъезда из Вены папа принял на аудиенции венгерских епископов, которые предостерегли его от новых уступок венскому императору. Но и заверения в верности венгерских епископов не помогли позднему преемнику Григория VII забыть понесенное ему в венском Бурге поражение.

Пий VI еще более решительно выступил против итальянской разновидности иозефизма. Хотя идея государственной церкви воплотилась в жизнь в Неаполе, Ломбардии и в большинстве итальянских государств, антипапскую направленность она получила в первую очередь в Тоскане, во главе которой стоял эрцгерцог Леопольд (в 1790–1792 годах император Леопольд II). На епископском соборе в Пистое в 1786 году были приняты принципы церковной политики, пронизанные янсенизмом и иозефизмом. Пий VI априори отверг решения собора, но только в 1794 году в его булле «*Auctorem fidei*» итальянский иозефизм был открыто заклеямен.

Баталии вокруг идеи государственной церкви казались лишь вспышками на фоне той борьбы не на жизнь, а на смерть, которая велась между Французской революцией и папством. Оценка взаимоотношений буржуазной революции и церкви всегда была политическим вопросом. В лице Бюше — «утопического социалиста» французского католического рабочего движения — Великая французская революция обрела мощный генератор социального обновления христианства. Однако, по мнению традиционалиста де Местра, его деятельность вполне может быть отождествлена с деяниями сатаны, так как он приблизил осуществление пожелания Вольтера: «Растопчите гадину!»

Французская буржуазная революция, последовательно уничтожая феодализм, одновременно для выполнения этой задачи разрушала и католическую церковь. Духовенство владело во Франции 10 процентами обрабатываемой земли. Около 3000 высших священнослужителей были выходцами из дворянства и идентифицировались с ансиенским режимом. Занятие епископских кресел рассматривалось исключительно как привилегия придворной аристократии. Таким образом, социальные противоречия были достаточно острыми и в среде духовенства.

Из состоявшегося в 1789 году сословного собрания Франции 149 священников и 4 епископа, в том числе аббат Сийе и Отюнский епископ Талейран, присоединились к революционному учредительному национальному собранию. Церковное (духовное) сословие добровольно отказалось от сословных привилегий. Национальное (законодательное) собрание 2 ноября 1789 года проголосовало за предложение Талейрана о секуляризации владений и состояния католической церкви и об установлении духовенству государственного жалованья. В феврале 1790 года пришел черед роспуска монашеских орденов. 12 июля 1790 года национальное собрание приняло закон о конституции французской национальной церкви (*Constitution civile*). В соответствии с этим документом число епископств было сокращено со 134 до 83; при этом назначение епископов доверялось выборным государственным органам. Тем самым французская церковь была отделена от Рима.

Однако до тех пор, пока не прервались дипломатические контакты (май 1791 года), Пий VI проводил по отношению к Французской революции политику выжидания и увещаний. Он действительно оказался совершенно растерянным перед лицом революционных событий. И даже присягание французского духовенства *Constitution civile* он запретил только спустя год, когда значительная часть духовенства уже совершила акт присяги. В своем послании от 13 апреля 1791 года Пий VI объявил революцию несовместимой с верой и принадлежностью к церкви. Вследствие этого французская церковь раскололась: одна ее часть — сторонники конституции — принимала новую систему, а другая часть, консервативная, сохраняла верность папе. Когда революция стала носить более радикальный характер, церковь, занимавшая враждебную ей позицию, была подавлена административными средствами. Папа — хотя и отлучил от церкви Талейрана — сам никакого влияния на ход событий не мог оказать. На папские проклятия и отлучения революция ответила тем, что в сентябре 1791 года она окончательно присоединила к Франции Авиньон и графство Венессен, являвшиеся владениями папы.

Во время якобинской диктатуры борьба против феодальной церкви трансформировалась в борьбу против католической религии. Около 40 000 священников вынуждены были из-за преследований оставить Францию и стали решительными приверженцами организующейся международной контрреволюционной коалиции. Теперь стало ясно, какими трагическими последствиями для слуг алтаря обернулся союз трона и алтаря. Революционная диктатура отправила 21 января 1793 года на гильотину Людовика XVI. Пий VI отслужил в Риме траурную литургию и объявил казненного монарха мучеником католической веры. Тем самым папа снова ангажировал себя на стороне прошлого, казненного вместе с королем.

Революционная чрезвычайная ситуация вынудила Пия VI создать для разработки и согласования своих политических шагов самостоятельную куриальную организацию. Так, в 1793 году на временных основах было создано папское министерство иностранных дел — Конгрегация

чрезвычайных дел, во главе которой стоял кардинал-государственный секретарь. Резиденцией Конгрегации был Ватикан, и среди ее членов находились такие кардиналы, которые, функционируя до этого в роли нунциев, были отлично знакомы с дипломатической деятельностью.

Важным распоряжением Директории, означавшей расширение буржуазного развития и господство буржуазии, было принятие в 1796 году закона о свободе совести (свобода вероисповедания). Взаимоотношения между папством и Французской Республикой от этого не стали лучше — ведь папы до этого отвергали мысль о свободе вероисповедания. Более того, именно начавшиеся в период Директории захватнические войны привели к непосредственному конфликту между Римом и Парижем.

Руководителем контрреволюционной реакции, направленной против Французской революции, была на континенте Австрия. Полководец революции Наполеон Бонапарт, следуя вековой практике, завоевав Италию, нанес удар по могуществу Габсбургов. В ходе своего первого итальянского похода 1796 года Наполеон в нескольких сражениях разбил австрийцев, отобрал у них Северную Италию и вторгся также на территорию Церковного государства. В соответствии с июньским Болоньским перемирием папа в 1796 году отказался от Болоньи, Феррары и передал французам Анкону. Наряду с этим он обязан был выплатить 21 000 000 скудо контрибуции; кроме того, победители захватили и увезли с собой в Париж несколько сот бесценных произведений искусства.

Тогда папа заключил союз с враждебными французам Австрией и Неаполем. Наполеон снова одержал победу и глубоко вторгся на территорию Папской области. По условиям заключенного 19 февраля 1797 года в Толентино мира, хотя папу и не удалось принудить к признанию конституционной французской церкви, значительной доли своей светской власти он был лишен. Пий VI вынужден был отказаться от Авиньона и Венессена, а также от трех захваченных французами легаций: Болоньи, Феррары и Равенны и от портовой гавани Анконы. Папа заплатил 15 000 000 скудо контрибуции, и новые произведения искусства перекочевали во Францию.

В конце декабря 1797 года во время возникших в Риме уличных беспорядков папские телохранители открыли огонь по толпе и смертельно ранили французского генерала Дюфо. Возмездие не заставило себя долго ждать: 15 февраля 1798 года французская армия под предводительством генерала Бертье захватила Рим. Римляне провозгласили республику, а папа был лишен светской власти. (Затем Римская Республика в конце февраля присоединилась к Франции.) Папские телохранители и швейцарская гвардия были разоружены. Старого и больного (восьмидесяти одного года) папу арестовали, и через Сиену, Флоренцию, а потом Гренобль он был доставлен в марте 1799 года в крепость Баланс, где в конце августа и умер. Однако перед своей смертью он наделил кардиналов особыми полномочиями по избранию нового папы.

Казалось, вместе со смертью сосланного и заточенного в тюрьму папы погребло и само папство. Римом владела Французская Республика, кардиналы же либо были разбросаны по разным краям, либо попали в тюрьму. Однако поражение и унижение явились источником новых сил: через год-два выяснилось, что и буржуазное общество нуждается в религии, а следовательно, и в церкви и папстве. Созыв нового конклава в Римской Республике был невозможен. В соответствии с завещанием Пия VI выборы должны быть проведены там, где находилось наибольшее количество кардиналов. В 1799 году неаполитанская, австрийская и русская армии выбили французов из Италии, столица пап оказалась оккупированной неаполитанцами, и те реставрировали там монархию. Наконец, новый

конклав собрался в находившейся под австрийским владычеством Венеции. 30 ноября 1790 года в монастырь Святого Джорджо Маджиоре на конклав явились 35 из 46 кардиналов, чтобы избрать из своей среды нового папу. Безопасность конклава обеспечивали австрийцы; они же финансировали и его расходы. Кардиналы заметно находились под австрийским давлением. Наряду с присутствовавшим на конклаве кардиналом Баттяти интересы венского двора представлял в первую очередь Сомбатхейский епископ кардинал Герцан.

В результате трехмесячного совещания папой был избран на компромиссной основе ставленник австрийской партии бывший монах-бенедиктинец, епископ из Имолы кардинал Барнаба Чиарамонти, взявший имя Пия VII (1800–1823). Однако новый папа не оправдал надежд австрийцев. Он не присоединился к контрреволюционной коалиции, а явился сторонником выработки модус вивенди, основанного на реформировании отношений с французами и на буржуазных преобразованиях. Еще будучи епископом Имолы, он тоже не спасся от захватившего город Наполеона, но тем не менее искал возможности согласования и координации буржуазного строя, демократии и христианства. Своим статс-секретарем Пий VII выбрал несомненно способного политика кардинала Консальви. Новый папа освободился от опеки австрийцев и 3 июня 1800 года в сопровождении торжественного эскорта из венгерских гусар въехал в Рим. В качестве программы своего понтификата он назвал реставрацию Церковного государства, реорганизацию центрального управления церковью и, наконец, упорядочение отношений с французской церковью.

В 1799 году во Франции Наполеон в качестве первого консула путем государственного путча захватил в свои руки власть. Диктатор, бывший в религиозном отношении совершенно равнодушным человеком, признал роль религии и церкви в консолидации буржуазного строя, в ликвидации революционной ситуации. Для укрепления своей собственной власти он использовал то обстоятельство, что и буржуазное общество не может долго обходиться без религии. Признаком сближения явилось то, что в заключенном в 1801 году Люневильском мире Наполеон сделал возможным восстановление Церковного государства в толентинойских границах. О готовности Наполеона к соглашению свидетельствовала и его речь, произнесенная в мае 1800 года перед миланским духовенством, в которой он четко охарактеризовал религию и церковь как основу консолидации, как залог порядка и спокойствия. Новым жестом с его стороны было предоставление возможности трем тысячам французских священнослужителей-эмигрантов вернуться на родину. Для стремившегося к самодержавию и к окончательному «закрытию» буржуазной революции Наполеона консервативные церковь и духовенство были явными союзниками. Как реально мыслящий политик, Бонапарт понимал, что за долгие столетия своего существования католицизм глубоко пропитал народные массы и общество. И в интересах укрепления политического строя он искал согласия с ним.

В то же самое время и со стороны папы наличествовала готовность к компромиссу. Пий VII с самого начала был сторонником соглашения и проявил умеренность по отношению к новой европейской великой державе. Он стремился к тому, чтобы включить католическую церковь и папство в новые рамки, созданные буржуазными преобразованиями. Пий VII хотел избежать того, чтобы вместе с обреченным на гибель прошлым сгинула бы и церковь.

В результате взаимного сближения в ноябре 1800 года в Милане начались переговоры о конкордате. Хорошей основой для них явилось то обстоятельство, что папа принял к сведению секуляризацию

церковной собственности и признал за первым консулом (Наполеоном) право назначения епископов. После этого сам Консальви поехал в Париж для ведения переговоров с Наполеоном.

15 июля 1801 года в Париже был подписан французский конкордат. Договор скрепили своими подписями Жозеф Бонапарт и Консальви. Конкордат явился победой папства над галликанскими французскими епископами и в то же время «входным билетом» папства в буржуазное общество. Состоявший из 17 статей конкордат восстанавливал, с одной стороны, светскую власть папы на оставшейся территории Церковного государства, а с другой — союз государства и церкви во Франции. Конкордат признавал католицизм господствующей религией, религией решающего большинства французов (но не государственной религией). Он обеспечивал и регулировал свободу отправления религиозных обрядов. Закреплял рационально реорганизованную во время революции церковную структуру, создание шестидесяти епископств, соответствующих департаментам. В отношении заполнения епископских мест в конкордате было сказано, что новые епископы назначаются первым консулом в течение трех месяцев, после чего они утверждаются папой (как это и было до революции). Вновь назначенные епископы вручают свою присягу первому консулу. Прочие священнослужители назначаются епископом; духовенство получает жалованье от государства. Первый консул пользуется теми же правами по отношению к Святому престолу, какими раньше обладал французский король. Желая положить конец расколу французской церкви, конкордат распорядился об отставке всех епископов. Однако 39 епископов из 92 не пожелали уйти в отставку и осудили капитулянтство папы. Эти епископы были лишены Пием VII своего сана.

В конечном итоге конкордат спас французскую католическую церковь от гибели, восстановил ее иерархию, а Французская Республика признала папство. Желая снискать расположение глубоко религиозного крестьянства, составляющего большинство граждан, Наполеон договорился с церковью, причем таким образом, что церковь снова была поставлена на службу государству, стала зависимой от него. Последнее Наполеон обеспечил прежде всего тем, что, несмотря на протест папы, он односторонне дополнил конкордат еще 27 так называемыми органическими статьями. Эти статьи вновь сформулировали галликанские права в соответствии с новой ситуацией. Но это не нарушило примирения и сложившегося по основным вопросам компромисса. В пасхальное воскресенье 1802 года кардинал Капрара, папский легат, торжественно отслужил благодарственный молебен в соборе Парижской богородицы.

Вихрь революции, потрясение феодальной церкви благотворно подействовали на католицизм. Из преследований и из кризиса выбились на поверхность новые силы. Посредством вынужденного разрыва с феодальным строем и идеалами того времени во вновь обедневшей и ставшей бесправной церкви зародился процесс обновления. Слово духовного пастыря зазвучало с большей достоверностью, массы людей, окропленные кровавым ливнем революции, снова потянулись — подстегиваемые социальными несправедливостями буржуазного строя — к новой, более глубокой религиозности. Эти изменившиеся условия объясняют, почему со всей весомостью, как «аллилуйя возрождения католицизма», подействовала появившаяся в 1802 году книга Шатобриана «Гений христианства». Это произведение, написанное в стиле восхищенного прославления извечных ценностей христианства, вновь открывало христианство изверившимся людям, гражданам, разочаровавшимся во всемогуществе разума. Шатобриан с его мыслями и стилем стал самым значительным предвестником католической романтики, нарождавшейся в эпоху Реставрации.

Однако Европа находилась в то время еще в самом разгаре секуляризации. Люневильским мирным договором 1801 года Наполеон принудил Германскую империю к секуляризации владений и состояния князей церкви. В результате двухлетних торгов в феврале 1803 года регенсбургское имперское собрание постановило провести секуляризацию. В руки светских властей были переданы владения и состояния трех церковных курфюрстов — Кельнского, Майнцкого и Трирского архиепископов. (Начиная с этого времени, Кельнский и Трирский архиепископы больше уже не были курфюрстами, а Майнцкий остался им.) Аналогичным образом были секуляризованы владения 22 архиепископств и епископств, 80 аббатств и более чем 200 монастырей. Ставшая, по существу, бедной, церковь империи отказалась также и от 18 своих университетов. Секуляризация и военные поражения Австрии укрепили на территории Германской империи влияние протестантской Пруссии. Рожденная еще в средние века Священная Римская империя германской нации окончательно ушла в прошлое. Император Франц II (1792–1835) принял на себя в 1804 году титул австрийского императора. Отказавшись в 1806 году от титула императора Римской империи, он в качестве императора Австрии и короля Венгрии правил под именем Франца I. На территории Австрийской империи Габсбурги продолжали иозефистскую церковную политику, и Франц I не был даже склонен заключать конкордат с папой Пием VII.

Торжественной демонстрацией взаимопонимания французского государства и папства, характера их взаимоотношений явилась коронация 2 декабря 1804 года в соборе Парижской богородицы Наполеона, принявшего титул французского императора. Диктатор потому нуждался в содействии папы, что источником конституционной императорской власти он провозгласил уже не волю народа, а волю и милость Божью. Императорская власть могла быть узаконена только при содействии папы; церковь же при этом становилась ее оплотом. Но если Карл Великий отправился в Рим за императорской короной, то Наполеон призвал папу к себе на праздник коронации. Поддавшись уговорам Талейрана, Пий VII добровольно вызвался на это. Церемония, назначенная на 2 декабря, началась с запозданием: императорская чета заставила папу два часа дожидаться их в соборе Парижской богородицы. Наполеон принял от папы только помазание святым елеем и, к крайнему удивлению Пия VII, сам взял у него из рук корону и водрузил ее себе на голову. Императрица Жозефина тоже получила корону милостью Божьей, но из рук своего супруга. Эта сцена явила собой нечто большее, чем мелочное унижение папы. Наполеон показал этим всему миру, что источником своей власти является он сам и что он не нуждается в папе для опосредствования милости Божьей. Присутствие наместника Христа придало больший блеск празднеству, его «ассистирование» только еще больше закрепило императорскую власть.

Начиная с этого момента Наполеон все более сознательно стал стремиться к тому, чтобы поставить институт папства себе на службу. Он попытался даже уговорить папу остаться и перенести курию в Авиньон или в Париж. Наполеон хотел сохранить папство, но отводил ему лишь такую роль, какую Карл Великий или Филипп Красивый отводили авиньонским папам. Курия должна была стать религиозным центром наполеоновской империи, органом церковно-политического надзора над остальными национальными церквями. Папа был обречен на роль наполеоновского патриарха.

Пий VII понял смысл сцены в соборе Парижской богородицы и никоим образом не хотел оставаться во Франции. Несмотря на свои обиды, он, однако, с лояльностью признавал, что Наполеон спас французскую церковь от гибели; кроме того, в деле материальной поддержки духовенства,

сохранения католических учреждений император отнюдь не давал повода обвинять его в скупости. Тем не менее, исходя из интересов вселенской церкви и папства, Пий VII не пожелал добровольно брать на себя роль придворного капеллана Наполеона.

В мае 1805 года Пий VII вернулся в Рим и повел нейтралистскую политику по отношению к великодержавным боям, разыгрывавшимся в Европе. Вскоре выяснилось, что компромисс буржуазного государства и феодальной церкви не может быть прочным и длительным. Коренные интересы папства влекли его в лагерь контрреволюционной реакции. В конце 1805 года папа через Консальви выразил протест против оккупации французами Неаполитанского королевства, поскольку он продолжал считать его папской вассальной территорией. В ответ на это Наполеон вынудил папу уволить Консальви. А французская армия оккупировала «втиснутые» между неаполитанскими землями папские владения Беневенто и Понтекорво.

Противоречия между Наполеоном и Пием VII еще больше обострились в связи с двумя новыми моментами. Во-первых, папа не пожелал расторгнуть брак Наполеона с Жозефиной. Тем самым он стал препятствием на пути осуществления династических планов Наполеона посредством заключения брака с дочерью Франца I — Марией Луизой. Во-вторых, папа в соответствии со своей нейтралистской позицией не принимал участия в континентальной блокаде. Тем самым Пий VII противодействовал планам Наполеона против Англии, направленным на осуществление полной континентальной блокады. Папа не мог ожидать помощи даже от австрийцев, когда в феврале 1808 года французы снова оккупировали прибрежную часть Церковного государства и Рим. В апреле Наполеон присоединил к Итальянскому королевству четыре новых провинции (марки). Тогда папа открыто обратился за помощью к европейским державам, но никто и пальцем не пошевелил для его защиты. В начале сентября 1808 года французские войска окружили Квиринал, резиденцию папы, и направили дула шести орудий на его жилые покои. В конце концов в мае 1809 года Наполеон ликвидировал Церковное государство, а Рим и его окрестности (Лацио и Умбрию) присоединил к Франции. В ответ на это Пий VII 10 июня 1809 года отлучил Наполеона от церкви, как покусившегося на *Patrimonium Petri* (наследство Петра). Императора не особенно смутило сопротивление папы. На его буллу об отлучении Наполеон лаконично ответил: «Противодействие папы не лишило меня ни одного католического солдата».

В войне с Наполеоном Австрия потерпела новое поражение; она вынуждена была заключить мир, скрепив его даже династическим браком. Теперь не было уже никаких препятствий для полной ликвидации папства. По приказу императора 6 июля 1809 года папа был арестован и увезен во французский город Савону, где его содержали под домашним арестом во дворце епископа; вместе с ним был арестован и статс-секретарь Пакка. По распоряжению Наполеона курия и куриальные кардиналы перебрались в Париж, чтобы здесь создать центральное управление церковью, уже без папы. (Предварительно из Рима были изгнаны 14 враждебных по отношению к Франции кардиналов.) Из 29 кардиналов, переехавших в Париж, 13 были лишены Наполеоном своего сана и доходов за то, что посчитали незаконным его брак с Марией Луизой. (После этого их стали называть черными кардиналами.)

Папу, который даже в заточении продолжал сопротивляться Наполеону, находившемуся в зените своей власти, пытались сломить с помощью французского национального собора. Однако собравшийся в 1811 году собор — хотя во многих отношениях выполнил желания императора — не

выказал склонности действовать против папы. Тогда Наполеон разогнал собор и аннулировал конкордат 1801 года. Главное свое внимание он сконцентрировал на судьбоносном, по его мнению, русском походе. Перед началом похода (в первых числах июня 1812 года) он перевел Пия VII из Савоны в Фонтенбло, где папа содержался под строгим надзором.

Фиаско, которое потерпел Наполеон в русском походе, поколебало его власть. В начале января 1813 года побитый император лично посетил пленного папу. Совершенно растерянный и дезориентированный относительно происходящих событий, Пий VII поддался уговорам Наполеона и подписал проект нового конкордата, в котором папа почти по всем позициям уступал желаниям Наполеона. Так, в частности, он отказался и от Церковного государства и готов был принять от Наполеона компенсацию в сумме двух миллионов франков ежегодно; он отказался также от назначения епископов и взял на себя обязательство утвердить вновь назначенных епископов. Наполеон хотел поднять свой пошатнувшийся политический авторитет посредством победы над папой, своим успехом в области церковной политики, не говоря уже о том, что теперь он еще больше нуждался в поддержке церкви. Папа вновь мог встречаться со своими любимыми кардиналами — Консальви и Пакка, которые, однако, просветили его в отношении подлинного положения дел. Они уговорили его в конце марта 1813 года взять назад свое предварительное согласие на проект нового конкордата. Наполеон же в это время был полностью поглощен мыслями о вооруженной защите Франции, а папство потеряло для него какое-либо значение. Папе было разрешено вернуться в Савону; после же поражения Наполеона под Лейпцигом папа обратился к победителям с просьбой о реабилитации и реставрации его государства. Потерпев новые военные поражения, Наполеон разрешил Пию VII вернуться в Рим, и 24 мая 1814 года папа въехал в Вечный город.

Борьба Пия VII с Наполеоном была последней борьбой папы с императором, в которой идеи еще играли какую-то роль, хотя и незначительную. Победа буржуазной революции над феодальной церковью и ее системой мышления была необратимой, однако из борьбы Наполеона, представлявшего буржуазные идеи, и Пия VII, представлявшего прошлое, папство снова вышло победителем, правда, в историческом плане только временно. В апреле 1814 года в Фонтенбло Наполеон подписал акт о своем отречении.

Вернувшийся в Рим Пий VII заключил соглашение с повернувшим против Наполеона королем неаполитанским маршалом Мюратом, который пытался таким путем спасти свое королевство. Мюрат вернул папе захваченные Лацио и Умбрию, а в обмен на это папа признал его Неаполитанское королевство. (В то же время вступившие в Италию австрийские войска спешно заняли Болонью, Феррару и Равенну.) Пий VII снова назначил Консальви своим стас-секретарем, и они вместе приступили к восстановлению Церковного государства и всего управления церковью. 7 августа 1814 года своей буллой «*Sollicitudo omnium*» папа восстановил иезуитский орден, который в XIX веке вновь приобрел большое влияние. Пять дней спустя Пий VII запретил католикам переступать порог масонских лож. В Риме контрреволюционная реставрация привела к господству строго консервативного церковного духа.

Во время стодневной попытки Наполеона совершить реставрацию Мюрат (являвшийся зятем Наполеона) снова стал на сторону экс-императора и в марте 1815 года вторгся на территорию Церковного государства. Спасаясь от неаполитанцев, Пий VII бежал в Геную. Мюрат же потерпел поражение в битве с австрийцами, попал к ним в плен и был казнен. В июле 1815 года папа

окончательно вернулся в Рим.

Возвращение папству светской власти произошло на Венском конгрессе 1814–1815 годов. На этом великом европейском конгрессе папу представлял Консальви, который вновь встретился там со своими давними противниками — Талейраном, являвшимся министром иностранных дел Франции, и австрийским канцлером Меттернихом. Вначале державы занимали неоднозначную позицию относительно судьбы Папского государства. Консальви выступил с претензией на восстановление Церковного государства в его донаполеоновских границах. Австрия же цеплялась за свои новые захваты в Италии и хотела сохранить за собой захваченные в 1814 году папские провинции (Болонью, Феррару и Равенну). Талейран оставался нейтральным в этом споре, в то время как в лице некатолических держав (Англии, Пруссии и России) глава католической церкви получил эффективную поддержку — ведь они не были заинтересованы в дальнейшем усилении австрийского влияния в Италии.

Своим решением от 9 июня 1815 года Венский конгресс восстановил в прежних границах — лишь с минимальными отклонениями — Церковное государство, и ему была гарантирована защищенность по международному праву. (Южнофранцузские владения Авиньон и Венесен отошли к Франции; северная пограничная территория папской провинции Феррары — Комаччио стала австрийской.) Правда, претензии папы на Парму и Пьяченцу удовлетворены не были; их получила вторая жена Наполеона — Мария Луиза.

Однако Консальви не смог добиться на Венском конгрессе, чтобы все секуляризированные церковные владения — главным образом, на территории бывшей Германской империи — были возвращены их первоначальным владельцам. Это требование, ставившее целью повернуть вспять колесо истории, было единодушно отвергнуто великими державами, поскольку оно затрагивало и их внутренние интересы. Вопросы религии, конфессий, даже взаимоотношений государства и церкви на Венском конгрессе не были отнесены к вопросам международной политики; было решено, что их урегулирование входит во внутреннюю компетенцию отдельных государств.

Консальви в знак протеста покинул конгресс. А папа Пий VII на проведенном им в сентябре 1815 года тайном заседании Консистории выразил даже свой торжественный протест против оскорбительных, по его мнению, решений Венского конгресса.

Папы против хода истории (XIX век)

Новая связь между трон и алтарем — под сенью Священного союза — осуществилась под знаком контрреволюционной реставрации. Реставрированное и поддерживаемое иностранной военной силой Церковное государство стало символом закостенелого консерватизма. С помощью конкордатов Пий VII привязал папство в первой половине XIX века к консервативным реакционным державам Европы. Соответственно с этим папство выступало в передних рядах в идейно-идеологической борьбе против либерализации и буржуазных преобразований.

Некоторое время традиционализм, ультрамонтанство и католическая романтика еще уживались друг с другом в узких рамках, созданных Ватиканом. Проявивший себя с 1820-х годов либеральный католицизм, а затем христианская демократия обозначили поиск пути и раскол внутри церкви. Папа Григорий XVI к середине века решительно выступил против конституционного правового государства, буржуазного общества и формирующегося рабочего движения, против социалистических и коммунистических идей.

Папство, опиравшееся на французские и австрийские штыки, в вихре революций 1848 года, в период «весны народов» — после изначально несмелых попыток — вновь бросилось в объятия контрреволюционной реакции. На исторически безотлагательное требование решить вопрос об итальянском национальном единстве и буржуазных преобразованиях Пий IX смог дать лишь отрицательный ответ. Возникло неразрешимое противоречие в связи с тем, что папа представлял примат над вселенской церковью лишь при опоре на свою самостоятельную светскую власть. После того как папа и его государство, не желая поступиться своим универсализмом, не смогли стать во главе борьбы за создание единой Италии, светская власть папы была обречена. Когда папа в результате собственной политики в качестве добровольного пленника уединился в Ватикане, его изоляция от мира стала полной и в других областях. С провозглашением догмата о папской непогрешимости на I Ватиканском соборе (1869–1870) папа сделал абсолютной верховную власть внутри церкви ценою ухода от мира.

Папство на свой уход (или вытеснение) из общества ответило абсолютизацией власти внутри церкви, а также осуществлением всей полноты абсолютной папской власти. Завершение эпохи Тридента на I Ватиканском соборе окончательно сформировало папский централизм и еще на один век лишило церковь возможности реально примкнуть ко всему миру. Уход Пия IX и с ним папства в добровольное духовное и политическое гетто означал тот глубокий и трагический раскол, который отделил церковь и папство от эпохи, от главного направления развития общества. Залечить эту травму — обрести друг друга буржуазному обществу и церкви — удалось лишь в конце двух последних десятилетий XIX века в результате появления нового и общего противника международного масштаба: социалистического рабочего движения.

Папы времен Священного союза (1815–1830)

К провозглашенному в сентябре 1815 года русским царем Александром I, австрийским императором Францем I и прусским королем Фридрихом-Вильгельмом III Священному союзу папа Пий VII непосредственно не присоединился. Ведь среди союзников лишь один был католиком. В духе разделения труда по восстановлению состояния, существовавшего до французской революции, великие державы считали своей задачей вооруженное обуздание народов и национальных движений, а задачей церкви и папы было подкрепить этот процесс с помощью идейных и моральных средств. Союз трона и алтаря — под знаком феодальной контрреволюции — вновь оказался восстановленным.

Свою функцию духовного жандарма Европы папство осуществляло путем соответствующей реорганизации Папского государства, а также с помощью конкордатов, заключенных с некоторыми государствами, и, наконец, организовав духовную борьбу с либерализмом. Однако Пий VII и Консальви, несомненно, извлекли опыт из революционных лет, и в их глазах реставрация считалась более важной, чем реакция. Консальви не хотел восстанавливать все без изменений. Он временно приостановил проведение безусловно необходимых реформ ради успеха всей реставрации. К Риму не относилось то, что говорили о Бурбонах, которые «ничего не забыли и ничему не научились».

Политическое состояние на отдельных территориях реставрированного Церковного государства было различным. Оккупированные продолжительное время Наполеоном части государства вступили в новую фазу развития буржуазного общества. Правительство Консальви учитывало эти различия и не всюду восстановило положение, существовавшее в 1789 году. Была признана секуляризация

церковных владений, происшедшая при Наполеоне, на условиях компенсации. Однако папское правительство стало еще более реакционным, чем до революции, поскольку полицейское насилие, реакция в культурной и духовной жизни стали повсеместным явлением.

В административном отношении Церковное государство начиная с 1816 года было разделено на 20 провинций (включая и Рим). Помимо столицы существовало 6 легаций — Болонья, Феррара, Форли, Равенна, Урбино-Пезаро и Веллетри. (Легация представляла собой провинцию, во главе которой находился в качестве папского легата кардинал.) Кроме того, было 13 так называемых делегаций: Витербо, Чивиттавеккия, Орвиенто, Анкона, Мацерата, Фермо, Асколи, Камерино, Перуджа, Сполето, Риети, Фрозиноне и Беневенто. (Делегация представляла собой провинцию, во главе которой находился назначенный папой делегат, обычно прелат, но мог быть и неженатый светский чиновник.)

Однако наряду с Консальви, занятым внешними делами, большое влияние на внутреннее устройство Церковного государства оказывали кардиналы Риварола и Пакка. Они настойчиво требовали полного восстановления положения, существовавшего до Французской революции. В результате этого наряду с Османской империей государство папы стало вторым больным организмом Европы. Против этого анахроничного государства уже с 1820-х годов вели подрывную работу добивавшиеся национального и гражданского переустройства Италии тайные общества и движения, главным образом организация карбонариев. До тех пор пока осуществление единства Италии противоречило интересам великих держав, существованию Папского государства ничего не угрожало. Так, вспыхнувшее в 1817 году в Риме восстание было подавлено папой с помощью иностранных войск. В 1821 году Пий VII запретил движение карбонариев, однако затормозить его этим путем он не смог. Во времена понтификата Пия VII Рим вновь стал столицей католического мира, городом искусств. По инициативе папы начались раскопки на Форуме и в Колизее. Сокровища античного Рима обогатили ватиканские музеи. Пий VII реставрировал не только церкви, но и памятники славы императорского Рима. Он развернул широкое строительство. В Риме того времени мы встречаем крупнейших скульпторов века — Канову и Торвальдсена. Канова входил в круг близких друзей папы. По распоряжению Консальви Торвальдсен изготовил надгробный памятник Пию VII. В Риме нашли убежище также изгнанные члены клана Наполеона. Так папа выразил свою благодарность Наполеону, спасшему французскую церковь. Святой престол вновь оказался в центре почитания. К папе стали навещаться коронованные главы государств, великие ученые. В том числе следует упомянуть императора Франца I, Меттерниха, наместника эрцгерцога Иосифа, прусского короля Фридриха III, а также великого немецкого ученого Гумбольдта.

Рим наиболее активно способствовал европейской католической церковной реставрации, осуществляемой под верховенством папы путем соглашений, конкордатов, заключенных с отдельными государствами. Пий VII, папа конкордатов, через Консальви с помощью дипломатических и политических средств создал такую атмосферу, в которой церковь, руководимая папством, могла действовать относительно свободно. Конкордаты и принятые модус вивенди создали такие рамки, внутри которых церковь и государство могли работать в согласии, взаимно помогая друг другу. Для руководства внешней политикой папства в 1814 году была создана Конгрегация по чрезвычайным церковным делам. Во главе этого министерства иностранных дел папы также был поставлен статс-секретарь Консальви.

Первое соглашение было достигнуто в 1815 году с Тосканой. В 1817 году подписан конкордат с Испанией и Португалией. Однако с реставрированной династией Бурбонов Риму пришлось вести тяжелую борьбу. Людовик XVIII, стремясь восстановить галликанские преимущественные права, хотел вернуться к конкордату 1516 года, который заключили еще Лев X и Франциск I. В то же время Пий VII, выступая именно против галликанизма, выказывал приверженность конкордату 1801 года. В соответствии с соглашением 1817 года во Франции с молчаливого одобрения обеих сторон продолжал (вплоть до 1905 года) действовать наполеоновский конкордат.

Консальви при создании системы конкордаатов взял за основу конкордат 1801 года, заключенный с Наполеоном. Таким образом, в соглашениях был также реализован папский примат относительно назначения епископов. В конечном счете договоры между правительством той или иной стороны и курией заключались через голову местных церквей и епископов и способствовали ликвидации партикулярных привилегий. Таким образом был заключен конкордат с Королевством Сардиния-Пьемонт, а с 1818 года с Королевством Неаполя и обеих Сицилий.

Реорганизация церкви, проводимая в согласии с государствами, проходила труднее всего в Германии. В результате секуляризации и начавшегося буржуазного развития на передний план вышла Пруссия и протестантские элементы, а ориентированный на Австрию католицизм вынужден был перейти к обороне. На Венском конгрессе Консальви не удалось создать единый конкордат, действительный для всей империи. Теперь ему пришлось добиваться соглашения с отдельными германскими государствами. В 1817 году был заключен конкордат с католической Баварией, затем последовали соглашения с Пруссией в 1821 году и пиренейскими государствами (в 1824 году с Ганновером, в 1829 году с Вюртембергом, Гессен-Дармштадтом, Гессен-Нассау). Систему конкордаатов завершило соглашение 1818 года с Российской империей, урегулировавшее польские церковные вопросы, затем в 1827 году с Голландией, а в 1828 году со Швейцарией. В сети конкордаатов, однако, зияла большая дыра: империя Габсбургов, придерживаясь традиций Иосифа, уклонилась от соглашения.

Двадцатитрехлетний понтификат Пия VII проходил под знаком революций и контрреволюции. Державы Священного союза и папа считали, что можно игнорировать идеи Французской революции, провозгласившей свободу и социальную справедливость. Однако это была безнадежная попытка остановить ход истории или даже обратить его вспять. XIX век был эпохой революций.

Противостояние с эпохой привело католическую церковь к тому, что она в духе нового компромисса, заключенного со светской властью, ограничилась воспитанием законопослушных и удобных для государства подданных. Это было платой за то, что папство сохранило свое господствующее положение в церкви и в новых условиях. Свою новую властную позицию папство утвердило не путем присоединения к реформаторским католическим направлениям, требующим модернизации, а опираясь на господство, поддерживаемое анафемой и осуждением.

Папское государство, светское княжество пап, обладало реальными функциями церковного управления до тех пор, пока влиятельные епископы и стоявшие за ними государства могли выступать с враждебных папе позиций и для их подавления папам нужна была светская власть еще более мощная, чем у епископов. Примат папы в феодальных условиях мог усиливаться, именно опираясь на Папское государство. Но после 1815 года — благодаря конкордатам — папа, оставив без внимания интересы епископов, вступил в союз со светскими властями. Таким образом, свое

собственное государство (впрочем, уже превратившееся в анахронизм) стало для папства бременем с точки зрения интересов вселенского церковного правления.

Идеологическим выражением духовной и моральной власти нового типа, централизованного примата, укрепившегося внутри церкви, был традиционализм, возникший во Франции в 1810-х годах, выдающимися представителями которого были де Местр, де Бональд и Ламенне — главным образом обедневшие аристократы. Возврат к традиции характеризовался радикальным отрицанием буржуазной революции. Отклоняя идеи просветительства, они вновь хотели поставить в центр духовной жизни религию и церковь. В соответствии с этим они были сторонниками обновленного, пронизанного христианством прежнего режима монархии.

Традиционалистские взгляды привели к созданию также современного ультрамонтанства. Де Местр в своем произведении «О папе», опубликованном в 1819 году, изложил основные тезисы этого направления. Он исходил из того, что решение социальных проблем возможно лишь в обществе, обновленном на основе христианских принципов. А поскольку гарантом христианских принципов являются церковь и папа, то папство и церковь стоят над государством, образуя неразделимое единство. Государственный (княжеский) суверенитет ограничивается папством.

Однако ультрамонтанство традиционалистов не было полным, ибо для прежних христианских режимов они считали также необходимым сохранение галликанских прав, как и укрепление папской власти. Своей критикой общества они возбудили подозрение со стороны государственной власти. Для решения социальной проблемы они также предложили сотрудничество церкви с государством, но для врачевания общественных язв они считали подходящим средством прежде всего католицизм. Против традиционализма особенно резко выступали иезуиты, защищавшие существующий союз между государством и церковью. В Риме никто и не помышлял об исполнении такой роли, ибо папа и церковь пользовались защитой со стороны Священного союза и жили, веря в незыблемость созданной на Венском конгрессе Европы.

Это подтвердил и исход конклава 1823 года. Большинство кардиналов избрало папой полностью поддерживавшего политику Австрии сполетского кардинала-епископа Аннибале делла Дженга, ставшего Львом XII (1823–1829). Новый папа отстранил реалистически мыслящего статс-секретаря своего предшественника — Консальви и отменил все его реформистские распоряжения. В Папском государстве стал осуществляться абсолютистский терроризм. Под председательством кардинала Риваролы проводились сотни судебных процессов над карбонариями и другими патриотами, которых называли бандитами. Рим показывал пример своими тяжелыми тюремными наказаниями и частыми казнями.

Папа поручил иезуитам заняться развитием просвещения. Церковное государство расширило свои университеты, создавало и новые, целью которых было обучение ультрамонтанской католической церковной и светской элиты, армии чиновников, послушных папе. В противоположность этому народное образование находилось в зачаточном состоянии, культурный уровень населения находился в вопиющем противоречии с духовной мощью Рима. Папа Лев XII в опубликованной в 1824 году булле «*Quod divina sapientia*» запретил создание светских школ, сделав обучение исключительной монополией церкви.

Лев XII осуществил однозначный реакционный поворот в папской политике и, по существу, даже отказался от самостоятельной политики. В своей первой энциклике он сурово осудил религиозную

индифферентность и терпимость как основные источники общественных бед.

Новый папа и своим личным авторитетом поощрял ультрамонтанскую католическую литературу. В 1824 году папа лично принял в Риме аббата Ламенне, и тот имел возможность изложить перед ним свои взгляды. В знак благодарности за превращение ультрамонтанства в европейскую идею папа повесил портрет Ламенне на стене в своем рабочем кабинете. Это большая честь ни в малейшей мере не относилась к близкому либерализму ультрамонтанству, а лишь к традиционалисту Ламенне. В то время как де Местр и де Бональд верили в возрождение прежних режимов и в галликанизм, Ламенне понимал, что реставрированная монархия Бурбонов лишь своими внешними атрибутами является католической и что церковь — лишь средство в руках реакции. Поэтому Ламенне отверг галликанизм и однозначно выступил в поддержку папы. Он осуждал французскую католическую церковь за то, что она снова стала государственной церковью. Именно для того, чтобы иметь возможность примкнуть к папе, церковь должна отделиться от государства, ибо иначе она потерпит фиаско вместе с реакционной властью, обреченной на провал.

В Риме тоже с подозрением следили за возрождением галликанизма; поэтому столь желанным человеком оказался Ламенне. В то время папа еще не считал опасным сближение Ламенне с умеренным либерализмом, ибо, по-видимому, и он чувствовал бесперспективность нового союза между тронem и алтарем. Однако церковь не отказалась от сиюминутных выгод, проистекающих из этого союза, в интересах предлагаемого Ламенне блестящего, но неопределенно далекого будущего.

После смерти папы Льва XII между крайними реакционными силами и партией сторонников гибких действий образовалось равновесие. По предложению кардинала Албани, придерживавшегося австрийской ориентации, папой был избран епископ Фраскати, кардинал Франческо Кастильони, взявший имя Пия VIII (1829–1830). Вместо больного папы, пребывавшего у власти всего двадцать месяцев, правил Албани. Пий VIII в своей энциклике при вступлении на престол подчеркнул папский примат над епископами.

Июльская революция 1830 года в Париже смела монархию Бурбонов и создала буржуазное королевство Луи Филиппа (1830–1840). Пий VIII неожиданно для всех признал июльскую монархию, которая за это обеспечила папе большую власть над французской церковью, чем Бурбоны. Далеко не таким терпимым был папа по отношению к буржуазной революции, перекинувшейся на Италию.

Однако новое осуждение карбонариев и франкмасонов подливало лишь масла в огонь.

Революционная волна в начале 1831 года достигла Северной Италии, а затем и Папского государства. Тем временем в ноябре 1830 года папа Пий VIII скончался; создавшееся положение (вакансия папского престола) благоприятствовало восставшим. Восстание карбонариев в Болонье в начале февраля 1831 года увенчалось успехом, и в течение нескольких дней движение распространилось на большую часть Папского государства. Для подавления восстания против папского абсолютизма нужен был новый папа.

Борьба папства с либерализмом (Понтификат Григория XVI)

Не только революционная Италия, но и вмешивающиеся в выборы католические державы подвергли испытанию находчивость кардиналов, участвовавших в избрании папы. Совещание, длившееся 50 дней, завершилось как нельзя более плохим для папства выбором, когда кардиналы возвели в папское достоинство под именем Григория XVI (1831–1846) кардинала Капеллари. Новый папа в молодом возрасте, будучи камальдульским монахом в Венеции, подвизался как ревностный

церковный писатель, который во времена, когда Французская революция была в зените своих успехов, уже мечтал о грядущей славе папства. На протяжении всей своей карьеры он обращал свое перо на защиту консервативной церкви, против современных идей. С 1826 года Капеллари — кардинал и префект Конгрегации пропаганды веры, стоявшей во главе папских миссий. Для него была характерна глубокая религиозность, но он оставался замкнутым монахом, который едва ли был знаком с настоящей реальной жизнью, а тем более с трудными проблемами, стоявшими перед папством.

Григорий XVI был полностью человеком прошлого века, старорежимного склада. Он отвергал любую буржуазную реформу и национальное устремление и отдал себя под защиту консервативного абсолютизма, типа меттерниховского. Судьбу церкви и папства Григорий XVI снова связал с делом контрреволюции. Начиная с первого же дня своего вступления на престол, он повел борьбу за подавление итальянского национального восстания, но для этого ему понадобилась иностранная вооруженная сила. По настоянию папы австрийские интервенционистские силы вторглись в Церковное государство и к концу марта 1831 года заняли Болонью, центр революции. Положение оказалось нестабильным, поэтому войска остались в стране еще на 8 лет. Весь 15-летний понтификат Григория XVI прошел под знаком контрреволюции. В борьбе со стремлением к национальному единству папе удалось удержать светскую власть лишь благодаря присутствию иностранных вооруженных сил. Внимание папы, опиравшегося на охранявшие его австрийские и французские войска, было поглощено не вселенским церковным правлением, а защитой собственной разваливающейся власти. (Подобным же образом папа осудил и польское восстание 1831 года: церковь оказалась союзником не католического польского дела, а не католической царской реакции.)

Григорию XVI не повезло также с первым государственным секретарем, кардиналом Бернетти. Во времена его правления пышным цветом расцвели произвол, злоупотребления и коррупция. В 1831 году папа отклонил даже вежливые и осторожные проекты реформ, предложенные великими державами, которые были направлены на обеспечение жизнеспособности Церковного государства. Таким образом, Риму и его гражданам пришлось и дальше нести расходы на содержание оккупационных войск.

Для защиты католической церкви и единства учения папа по-прежнему использовал в качестве оружия анафему и осуждение. В его глазах каждый и всякий, кто искал возможности идти в ногу с эпохой, считался врагом религии и еретиком. В опубликованной 15 августа 1832 года энциклике, начинавшейся словами «*Mirari vos*», Григорий XVI сформулировал программу своей папской деятельности. В энциклике он объявил несовместимыми с религией и с пребыванием в лоне церкви все устремления, которые были склонны учитывать общественные и политические изменения или были направлены на примирение с буржуазными движениями. Нетерпимая позиция папы содействовала образованию союза между трон и алтарем, тесно привязала церковь к старой системе.

Программа папы характеризовалась защитой единства церкви и веры, безусловным повиновением папе, неизменным сохранением celibата и укреплением христианского брака (осуждением гражданского и смешанных браков). Во второй части энциклики объявлялись еретическими религиозные отклонения, свобода совести и религии, неповиновение церковным и светским властям, учение, направленное на отделение церкви от государства, и, наконец, опасные движения —

либералы, франкмасоны, социалисты и коммунисты. Таким образом, в своей энциклике «*Mirari vos*» Григорий XVI, опираясь на весь свой авторитет, провозгласил нерушимый союз между трон и алтарем, мотивировав это с помощью религиозных постулатов.

За несколько лет до этого папа Лев XII хотел включить Ламенне в кардинальскую коллегия, но Григорий XVI в своей энциклике — пока анонимно — уже назвал его еретиком.

Тем временем как позиция Рима коснела, либеральный католицизм прогрессировал в своем развитии. Либеральные католики хотели примирить буржуазное общество и конституционное либеральное государство с католицизмом. Требуя буржуазных прав на свободу, отказа от церковных привилегий, более того — отделения церкви от государства, они добивались включения церкви в буржуазное развитие общества. В случае признания автономной сути буржуазного развития осуществилась бы и автономия церкви; таким образом, они могли бы вместе действовать как равноправные партнеры.

Впервые либеральный католицизм возник в период между 1825 и 1830 годами в Бельгии, где жители были различного вероисповедания, но в буржуазном развитии страна шла впереди других, сражаясь за независимость против Голландии. Здесь либеральные католики оказались главными участниками создания новой конституционной Бельгии. В то время сформировался и французский либеральный католицизм, который достиг своей вершины в июльской революции 1830 года. Однако в реальную силу он превратился лишь в Бельгии, Ирландии, затем в Польше и Южной Америке.

Ламенне и его идейные друзья в 1829 году уже признали справедливость национальной борьбы за свободу, так, например, они поддерживали и борьбу поляков. Связь между свободой наций и свободой личности, поворот к свободе у Ламенне не самоцель, а осознанная необходимость. В интересах того, чтобы будущее складывалось не без церкви и не против нее, она также должна стоять за свободу. Ламенне хотел реализовать католицизм через свободу, в то время как до того это осуществлялось путем союза с властью предрержащими. Поэтому он требовал отделения церкви от государства, так как не зависящая от государства церковь (и духовенство) вновь могла бы стать церковью бедных, церковью масс, что являлось бы источником обновления. В соответствии с этим Ламенне признавал правомерность революции — буржуазной и национальной; из монархиста он стал приверженцем демократической республики и народовластия.

В конце 1831 года Григорий XVI принял в Риме Ламенне и его сподвижников (Лакордера и Монталамбера). Ламенне приехал в Рим с тем, чтобы приобщить папу к национальным движениям, к борьбе за социальную справедливость, за буржуазные свободы. Папа и курия промолчали, но уже тогда против Ламенне готовилась осуждающая его энциклика. Ламенне и его сподвижники в июле 1832 года покинули Рим и направились в Мюнхен на переговоры со своими единомышленниками. По настоянию Меттерниха и австрийской партии — но и с одобрения французских епископов — теперь уже и папа выступил с заявлением. Не успел Ламенне приехать в Мюнхен, как появилась «*Mirari vos*». Большинство либеральных католиков подчинилось приговору папы, но Ламенне возразил, более того, его взгляды стали еще более радикальными. В 1834 году он как ответ папе опубликовал свое произведение «Слова верующего», в котором прослеживается его отход от либерализма и сближение с идеями радикальной демократии и социалистическими идеями. Здесь Ламенне уже выдвинул перед церковью задачу по освобождению угнетенных масс. Из-за отдельных положений этого произведения папа Григорий XVI с необычайной резкостью отреагировал на него и

24 июня 1834 года в энциклике «*Singulari nos*» однозначно расценил взгляды Ламенне как еретические, после чего наиболее значительный католический философ эпохи порвал с церковью и с папой. Его учение создало подлинную школу и стало обильным источником для католических социальных и политических движений XIX и XX веков. Однако в 1854 году Ламенне скончался в Париже, забытый всеми.

Курс, определившийся в энциклике «*Mirari vos*» — осуждение католиков, позитивно отозвавшихся на вопросы эпохи, — явился началом того пути, идя по которому Григорий XVI и его последователи завели в католическое гетто духовенство и церковь. Григорий XVI по очереди расправился с возникшими, главным образом в Германии, романтическими католико-теологическими школами, которые пытались примирить теологию с новыми достижениями буржуазной философии, с Кантом, Гегелем, со взглядами Фихте и Шеллинга. В борьбе с теологическими течениями, стремившимися к модернизации, папство опиралось на неосхоластику, представителями которой были иезуиты. Неосхоластика обосновывала папские централистские устремления с помощью философии томизма. Неосхоластическая школа была создана в 1830-х годах неаполитанскими иезуитами. Неаполитанец Маттео Либераторе в своей книге, появившейся в свет в 1840 году, обобщил новые концепции томистской философии в духе средневековой концепции Иннокентия III, проповедовавшей мировое господство церкви. (Впоследствии, в 1850 году, он стал одним из основателей полуофициального органа Ватикана — «*Чивильта Каттолика*».) Неосхоластика в противовес модернизации провозгласила совершенство постулата о примате папы, провозгласила непогрешимость папы.

Крайне отрицательное отношение со стороны Григория XVI к происходящим в мире изменениям привело папство к чрезвычайно острому конфликту с итальянскими национальными устремлениями и буржуазными преобразованиями, с Рисорджи-менто (*Risorgimento*)[49]. Во главе Рисорджименто стоял революционер Мадзини. Однако обстановка в Италии была такова, что и католицизм должен был занять определенную позицию относительно будущего, но итальянский католицизм не был тождествен с папством и Римом.

Так называемое неогвельфское направление (неогвельфизм) стремилось включить католическую церковь и папство в борьбу за национальное единство Италии. Платформу этого движения разработал аббат Винченцо Джоберти, пьемонтец по происхождению, но живший в изгнании в Брюсселе. В Бельгии Джоберти подпал под влияние либерального католицизма Ламенне, и примером ему служили политические успехи бельгийских католиков. (В период между 1838 и 1848 годами Джоберти жил в Брюсселе, где он в свою очередь оказал большое влияние на молодого папского нунция Джоакино Печчи, который впоследствии стал наиболее значительным папой той эпохи под именем Льва XIII). Теологические взгляды Джоберти формировались под воздействием кантовской теории, однако в своих проектах реформ он не поднялся до оппозиции папе, а наоборот: в центре его реформ стояло реформированное папство. Его произведение, появившееся в 1843 году в Брюсселе под названием «О духовном и гражданском первенстве итальянцев», произвело огромное впечатление во всей Италии. Джоберти писал, что папство не должно оказаться в стороне от реформистской деятельности по буржуазному преобразованию Италии, потому что папа и церковь являются органической частью итальянской нации. Итальянские государства должны вступить в конфедерацию, возглавляемую папой. Развитие созданного под руководством папы единого итальянского государства обеспечивалось бы в результате постоянной реформистской деятельности.

Следовательно, и папство должно обуржуазиться. Книга Джоберти стала настольной книгой неогвельфской партии. Но в то время как патриотически настроенные итальянские католики восторгались Джоберти, Григорий XVI и курия решительно отказались от предлагаемой им роли. Папа включил книгу Джоберти в индекс запрещенных книг.

Таким образом, Джоберти считал возможным осуществить национальное единство Италии под эгидой реформированного Церковного государства и папства. Однако эта концепция потерпела неудачу не только потому, что курия отклоняла любые реформы, в том числе и путь обуржуазивания, но и потому, что Джоберти не дал ответа на вопрос, как можно совместить верховенство папства над народами и итальянские националистские цели, как определить позицию папства в ожидаемом конфликте между единой Италией и Австрией. Реальный ответ на эти проблемы дал премьер-министр Пьемонта Кавур, ликвидировав светскую власть папы.

Но в то время как в далекой Бельгии Джоберти убаюкивал себя мечтами, в Папском государстве Григорий XVI и его государственный секретарь, кардинал Ламбруччини, удерживали власть путем усиления террора; Ламбруччини был весьма энергичным, но косным политиком, который одинаково преследовал все виды либерализма. Его лозунгом были слова: «Не торопиться!» Действительно Папское государство развивалось не слишком поспешно. Протivoестественная фанатичная набожность охватила Рим. Полицейским даже вменялось в обязанность контролировать, соблюдают ли граждане по пятницам пост, и тот, кто нарушал его, попадал в тюрьму. В ставшем символом отсталости Папском государстве не была построена железная дорога, проселочные дороги остались без новых мостов. В крупных городах Европы уже сияли газовые лампы, а на улицах Рима мерцали масляные фонари. Дворяне, прелаты, духовенство налогами не облагались. Налоги были уже почти непереносимы для народа, а дефицит государственного бюджета тем не менее постоянно возрастал. Даже католические историки не могут поставить Григорию XVI в заслугу ничего иного, кроме действенной поддержки, которую он оказывал миссионерской деятельности за пределами Европы. Интерес папы к миссионерству остался у него еще с тех пор, как он был кардиналом. Расширение деятельности по обращению в христианство находилось в прямой зависимости от колонизаторской экспансии европейских капиталистических держав. Внимание Григория XVI в первую очередь обратилось в сторону Африки, когда в 1838 году Франция оккупировала Алжир. Вскоре папа основал епископство в Алжире, который стал форпостом католических миссий во французских колониях. (Миссии в Америке — главным образом, в бывших испанских колониях — к тому времени были преобразованы в иерархические церкви.) При Григории XVI началась миссионерская работа в Индии и в Океании. Миссионерство стало более эффективным благодаря развитию транспорта.

В конце 1830 года на территориях, относящихся к ведению Конгрегации пропаганды веры (*Propaganda fide*), то есть на таких миссионерских территориях, где миссии еще не были организованы в иерархические церкви, действовало около 18 000 миссионеров, почти третью часть которых составляли священники — представители коренного населения. Григорий XVI в инструкции от 23 ноября 1845 года, начинавшейся словами «*Nominem profecta*», изложил соответствующие указания относительно подготовки духовенства из представителей туземного населения. Внимание Григория XVI было привлечено к возможным завоеваниям в новых частях света, но в то же время папство утратило наследство Святого Петра и, более того, потеряло связь с

эпохой, в которой оно жило.

Разочарования непогрешимого папы (Понтификат Пия IX)

Со вступлением на престол папы Пия IX (1846–1878) начался самый продолжительный в истории церкви понтификат, длившийся 32 года. Правление Пия IX относится к наиболее противоречивым. При нем в результате прекращения существования Церковного государства кончилась светская власть пап, но ему удалось полностью сохранить — за счет догматизации непогрешимости — авторитет внутри церкви. Пий IX гораздо более непреклонно, чем его предшественники,

противостоял эпохе и идеям эпохи, и все же именно он стал создателем папства Нового времени.

Кардинал Джованни Мастаи-Ферретти происходил из древней графской семьи и в молодом возрасте стал епископом Имолы. С ним часто случались приступы эпилепсии, так что он был чрезвычайно раздражительным и нервным человеком. Он сделал обычную для аристократов Церковного государства карьеру; возвышение Мастаи-Ферретти не было результатом его личных заслуг. Его теологическое образование было явно недостаточным, в своих решениях он часто подпадал под влияние своего окружения. О молодом епископе Имолы в Риме распространялись слухи, что у него дома даже кошки либералы. Он был знаком с либеральными католическими взглядами Джоберти и Росмини, пробным камнем для которых была революция 1848–1849 годов и борьба за свободу. На вопросы о национальном единстве и независимости Италии будущему папе Пию IX пришлось давать ответ не только как главе церкви, но и как итальянцу.

На конклаве, который длился всего лишь два дня, кандидатом от консервативной партии был государственный секретарь Ламбруччини, фактически правивший вместо престарелого Григория XVI, а его противником — кардинал Гицци. В виде обычного компромиссного варианта был выдвинут незаметный, но слывший либералом Мастаи-Ферретти, который в конечном счете своим избранием был обязан кардиналам-неогвельфам. У молодого, 54-летнего папы не было никакой программы, но он сам, имевший репутацию либерала, был программой.

Верный своим обещаниям, данным во время выборов, Пий IX после вступления на престол начал проводить умеренные либеральные конституционные реформы. Тем самым Церковное государство сблизило свои позиции с устремлениями итальянского национально-освободительного движения. Он смог поступить так еще и потому, что курия в общем не была согласна с проводимой австрийцами в Ломбардии, Тоскане и Венеции иезефистской церковной политикой. 17 июля 1846 года Пий IX объявил всеобщую амнистию политическим заключенным и беженцам Церковного государства. Весной 1847 года он ослабил церковную цензуру, хотя и ограниченно, и позволил издание гражданской прессы. Городу Риму он вновь предоставил самоуправление. Каждый четверг Пий IX проводил открытую аудиенцию. В октябре 1847 года он создал в Риме Государственный совет, в котором заняли места также и светские деятели. И наконец, папа содействовал организации Гражданской гвардии.

Мероприятия папы в области реформ нашли подражателей во всей Италии. Даже такая осторожная либеральная политика побудила Меттерниха усилить военное присутствие австрийцев в Италии. До этого времени Феррара, составлявшая часть Церковного государства, лишь символически находилась под «защитой» австрийцев. По приказу Меттерниха в августе 1847 года в Ферраре фактически был установлен режим оккупации. Пий IX выразил протест против насилия, которое привело в движение всю Италию. Пьемонт и Тоскана вступили в таможенный союз, к которому

присоединился и папа. Сардинский король Карл Альберт предложил свои войска для освобождения Феррары. А Мадзини призвал Пия IX возглавить борьбу за независимость. Несомненно, что в то время Пий IX был самым популярным человеком в Италии. Казалось, что программа Дзоберти действительно осуществляется.

Одновременно продвигались также либеральные реформы. 12 февраля 1848 года сформировалось первое состоявшееся из светских лиц министерство во главе с кардиналом Антонелли, заместителем государственного секретаря. 16 марта Пий IX дал согласие на провозглашение конституции, к чему его принудила революционная волна, охватившая Рим. Однако конституция не отвечала ожиданиям демократов: обе палаты законодательного органа подчинялись кардинальской коллегии, зависимой от папы. Однако этим актом в Риме одержал победу, хотя и половинчато, буржуазный либерализм.

В марте 1848 года революция победила и в Ломбардии; австрийские войска, под командованием Радецкого, отступили.

В это время Пьемонт возглавил национально-освободительную войну, и к нему присоединялись одно за другим итальянские государства. Пий IX тоже послал войска на фронт. Когда война стала серьезно угрожать присутствию Австрии в Италии, первым отступило папство. Пий IX приказал своим войскам оборонять лишь границы Церковного государства. Окончательный разрыв с итальянским национально-освободительным движением произошел в связи с заявлением папы от 29 апреля 1848 года. Папа, не спросив либеральное министерство, по совету кардиналов объявил о своем нейтралитете в войне между Пьемонтом и Австрией и отдал папским войскам приказ возвратиться с фронта. Несмотря на то что войска отказались повиноваться, внезапная перемена в поведении папы послужила сигналом для отступления других итальянских реакционных государств во главе с неаполитанским королем — тем самым они бросили на произвол судьбы освободительное движение. Предоставленные самим себе, пьемонтцы 22 июля 1848 года под Кустоццей потерпели поражение от австрийцев. Итальянские патриоты назвали папу предателем нации, и эта ненависть неотступно сопровождала его на протяжении всего длительного понтификата, вплоть до могилы.

Поступок папы объективно был направлен против итальянского национального движения, однако в решении Пия IX мы должны усматривать отнюдь не простое предательство. Папство не могло взять на себя руководство движением за национальное единство Италии, ибо тогда был бы положен конец вселенскому наднациональному характеру папства. Конфликт между универсализмом и итальянской сущностью папства в эти месяцы завершился. В своем заявлении от 29 апреля 1848 года Пий IX выразил мысль, что папский престол должен относиться с одинаковой любовью ко всем католическим народам; таким образом, папа, обладая духовной верховной властью, никогда не сможет стать во главе федерального итальянского государства. В критической ситуации папа делал одну ошибку за другой. Два года он создавал видимость того, что участие в национальном деле и папство могут быть совмещены. Однако в решающий час действий он стал высказывать противоположные мысли. В числе политических мотивов такого решения немалое значение играло то, что папа испугался буржуазной революции, революционных методов и увидел гарантию порядка в присутствии австрийцев в Италии. Угрозы Меттерниха порвать с церковью Габсбургской империи не могли не оказать воздействия на папу. В этом положении у него не было другого выхода: или отказаться от своего государства и от светской власти (что не входило в его намерения), или же искать защиту у контрреволюционных сил.

Папа — под влиянием Кустоццы — в сентябре 1848 года распустил либеральное министерство и вместо него назначил правое правительство во главе с Пеллегрини Росси, что накалило обстановку и привело к народным волнениям. 15 ноября Росси был убит, а в Риме вновь вспыхнула революция. Папа бежал в Квиринал, но толпа осадила дворец и вынудила его назначить новое, демократическое правительство. Новое правительство разоружило швейцарскую гвардию, но на ход событий папа уже не мог оказать влияния. Теперь он хотел лишь выиграть время. 24 ноября 1848 года ночью он с помощью баварского и французского послов бежал в неаполитанское королевство, где в замке Гаэта в обществе Антонелли, Ламбруччини и других кардиналов в течение 17 месяцев пользовался гостеприимством неаполитанского короля. (Это был последний случай, когда папа был вынужден бежать из Рима, спасаясь от римлян.) Из Гаэты Пий IX осыпал проклятиями революционный Рим. Под угрозой отлучения от церкви папа запретил католикам участвовать в выборах и в политической жизни.

Бегство папы окончательно похоронило альтернативу неогвельфов, и инициатива перешла в руки революционеров, в руки Мадзини и Гарибальди. На парламентских выборах радикалы одержали полную победу. Они объявили о ликвидации светской власти папы и провозгласили республику. Дзюберти по возвращении в Италию в декабре 1848 года стал премьер-министром Пьемонта; он предложил папе помощь пьемонтской армии против Римской республики. (Тем самым он хотел упредить намерение папы обратиться за помощью к государствам, находящимся за пределами Италии.) Дзюберти направил в Гаэту Росмини, который в 1847 году стал кардиналом, чтобы склонить папу поддержать этот план. Однако Пий IX в эмиграции оказался полностью под влиянием реакционного направления, под влиянием Ламбруччини и Антонелли, которые в свою очередь готовили окончательный разрыв папства с Италией.

В Гаэте консервативные, реакционные силы курии убедили Пия IX в том, что причиной революционных событий была его уступчивость либерализму. Теперь папа от либерализма ждал лишь революций, разрушений и безбожия. Поэтому Пий IX упрямо отклонял попытки либералов (в лице Дзюберти) к сближению и принял решение призвать на помощь международную контрреволюцию. Поскольку австрийские вооруженные силы были задействованы в Венгрии, на помощь папе поспешили войска нового президента Франции — Луи Наполеона Бонапарта. Французская армия в марте 1849 года осадила Рим, но республика под руководством Гарибальди оказала героическое сопротивление. Лишь после продолжительных боев французским войскам, обладавшим значительным преимуществом, удалось занять город. В Риме снова была восстановлена папская монархия. Однако Пий IX осмелился возвратиться в Рим лишь 12 апреля 1850 года, после того как революции во всей Европе потерпели поражение и гегемония международной реакции утвердилась.

Реставрированное папское абсолютистское правительство проводило еще более жесткий курс, чем прежде, что еще в большей степени усилило ненависть итальянских патриотов к Риму. Реакция была возведена в принцип, и конституционность посчитали несовместимой с папством. Либерализм — независимо от вероисповедания его приверженцев — преследовался и искоренялся. Под влиянием событий уже и Дзюберти признавал, что Церковное государство, как главнейшее препятствие на пути национального единства, именно в интересах церкви и папства должно исчезнуть. Папа же объявлял каждого, кто осмеливался критиковать отношения, сложившиеся в его государстве, врагом

церкви. Эта близорукая политика была связана с именем нового статс-секретаря папы — распутного, властолюбивого и алчного кардинала Джакомо Антонелли.

Курия поддерживала папу в его становящемся все более закоснелым консерватизме. Папа, который всего лишь несколько лет тому назад с молодым воодушевлением приступил к решению внутренних проблем своего государства, именно в этой области потерпел наибольшее фиаско.

Подобно проводившейся Пием VII в посленаполеоновский период политике реставрации папа вслед за подавлением европейских и итальянской революций 1848–1849 годов вновь попытался с помощью конкордатов сохранить свое влияние и даже распространить его на всю вселенскую церковь. Еще в 1847 году он заключил тайное соглашение с Россией по польскому вопросу, которое в 1856 году было предано гласности, однако в 1866 году русский царь это соглашение денонсировал. В 1850 году в Англии и Уэльсе, которые до того считались миссионерской территорией, была восстановлена католическая иерархия во главе с архиепископом Вестминстерским. Английскую католическую церковь вскоре возглавил известный своими крайними ультрамонтанскими взглядами кардинал-архиепископ Мэннинг. В Голландии, где с 1848 года католики получили свободу вероисповедания, папа реорганизовал иерархию, во главе которой стал архиепископ Утрехтский. Подобным же образом католическая церковь развивалась и в Соединенных Штатах, о чем свидетельствует тот факт, что в 1875 году Пий IX впервые назначил американского кардинала.

В 1851 году был заключен новый конкордат с Испанией и Тосканой. В 1855 году Пию IX удалось склонить к соглашению и абсолютиста Франца-Иосифа I, который, отказавшись от автономии имперских церквей и иозефистских традиций в области церковной политики, вступил в союз с папской реакцией. (Австрийский конкордат никогда не признавался венгерским епископатом и политическими руководителями страны, ибо он был заключен без конституционного обоснования. В то же время Ватикан распространил его и на Венгрию.) Соглашение между Францем-Иосифом и Пием IX имело большое значение для обеих сторон, ибо на громадной территории центрально-европейской империи, простиравшейся от Тибра до Вислы, это соглашение обеспечивало реализацию папской верховной власти, что укрепляло также позиции реакционной империи династии Габсбургов.

В 1857 году папа заключил конкордат с Португалией, а затем в начале 1860-х годов — с шестью латиноамериканскими странами. Конкордаты, на заключении которых столь усиленно настаивал Пий IX, играли чрезвычайно важную роль еще и потому, что государства — в соответствии с соглашениями — возлагали на церковь идеологическое и нравственное воспитание масс, передавали в руки духовенства образование, прежде всего народное образование. Таким образом, вновь осуществилось разделение труда между властью и церковью.

В то время как политический авторитет и светская власть папства рухнули, папское верховенство внутри католической церкви стало полным. В период его долгого правления Рим все более и более становился центром католицизма. Сложился такой новый церковный централизм, благодаря которому папство оказалось на вершине своего влияния внутри церкви. Поскольку папство потеряло всю земную (властную) опору, ему не оставалось ничего другого, кроме моральной и духовной власти. Условия для этого были созданы в результате буржуазных преобразований, секуляризации, религиозного индифферентизма со стороны гражданского государства. Во Франции место когда-то могущественной галликанской церкви заняла ультрамонтанская иерархия высшего духовенства,

которая враждебно смотрела на государство. Также и епископы германской имперской церкви, хранившей гибеллинские традиции, потеряли свои политические и государственные функции. И здесь вместо просветительства и государственной церковности появилось ультрамонтанское католическое направление. Католическая иерархия Англии возникла сразу же как ультрамонтанская, воспитанная в духе верности папе, не говоря уже о церквях, находящихся на территориях за пределами Европы.

Пий IX широко использовал новые возможности папства внутри церкви и подкрепил свою возросшую юрисдикцию теологическими аргументами. На протяжении 300 лет после Тридентского собора казалось, что развитие католического учения, в сущности, завершилось и к нему уже нечего было добавить. Однако во времена понтификата Пия IX застой в догматике все же был преодолен по двум направлениям. Первое направление — мариология, второе — вопрос о папском верховенстве. Правомерность выдвижения на передний план вопроса о примате папы обосновывалась важностью вероученческого и организационного единства церкви, ибо лишь благодаря этому можно было противостоять «ложным идеям» эпохи.

Пий IX начиная с 1849 года фанатически верил в свое предназначение, в то, что именно он должен защищать католические догматы от нападок. Чтобы остановить лаицизм и атеизм, он считал уместным оживить культ Марии. Еще из Гаэты в феврале 1849 года он обратился с посланием к епископам всего мира с просьбой выразить свое мнение о непорочном зачатии Марии (*immaculata conceptio*). (Непорочное зачатие означает, что Мария — благодаря особой милости Бога, с учетом заслуг Христа, — начиная с первого мгновения своей жизни была свободна от первородного греха: то есть первородный грех на нее не распространялся. Этот постулат нельзя смешивать с трактовкой вопроса о девственности Марии, согласно которому ей как Божьей Матери была дана привилегия сохранить непорочную девственность до рождения, во время рождения и после рождения божественного дитя, Иисуса.) На основании поступивших положительных ответов началась разработка догмата.

Почему вновь на передний план вышел культ Марии, культивирование мистики? В 1850-х годах в связи с бурным развитием наук, прежде всего естественных, во все более широких масштабах распространялся материализм. Успехи естественных наук оказали воздействие и на гуманитарные науки, явно оттесненные на задний план. Благодаря появлению в основе своей антигуманных вульгарных материалистических взглядов и узко понятых экономических толкований вновь на передний план вышел иррационализм, в религиозности стала преобладать эмоциональная сторона. Церковь использовала в борьбе с наукой религию, чудеса, иррационализм. Если где-нибудь религия входила в противоречие с наукой, часть общественного мнения и церковь прибегали к принципу *Credo, quia incredibile* (Верю, потому что невероятно).

Пий IX все чаще собирал вокруг себя епископов вселенской церкви, чтобы перед ними и над ними осуществлять свою наставническую миссию. 8 декабря 1854 года перед собравшимися в Риме приблизительно двумястами епископами папа провозгласил постулат о непорочном зачатии Девы Марии. Догматическое решение о почитании Девы Марии как бы подтвердилось и усилилось благодаря Лурдскому чуду — явлению Марии одной пастушке [50]. Все это не могло не показаться игнорированием науки, вызовом по отношению к научному мышлению.

В то время как церковь спасалась от действительности бегством в мир чудес, буржуазное развитие

неудержимо шло вперед. Этот процесс наблюдался и в Италии. Война Франции и Пьемонта 1859 года против Австрии закончилась сокрушительным поражением австрийцев под Маджентой и Сольферино, и они были вытеснены почти изо всей Северной Италии. Полному освобождению Италии помешал Наполеон III. Дипломатия Кавура в период войны объединила все итальянские освободительные движения. Так, на стыке 1859 и 1860 годов значительная часть Церковного государства высказалась за присоединение к Пьемонту (Модена, Парма и Романья). Тем временем Гарибальди начал освобождение Южной Италии, находившейся под господством Бурбонов. После занятия Сицилии и Неаполя войска Гарибальди с юга двинулись на Церковное государство. С севера пьемонтская армия вторглась на территорию, еще занимаемую Церковным государством. Тогда Пий IX собрал почти двадцатитысячный иностранный легион, состоявший большей частью из французов, австрийцев, швейцарцев и бельгийцев, для защиты своего государства. Однако 18 сентября 1860 года папская армия потерпела от пьемонтских войск полное поражение. В начале ноября к единой Италии были также присоединены Умбрия и маркграфства. С этого времени власть папы оказалась ограниченной до размеров Рима и Патримониума Петра (четвертая часть прежней территории государства). Этот остаток Церковного государства был спасен для папы лишь благодаря оккупации его французской армией.

Пий IX отлучил от церкви «грабителей» Церковного государства, в том числе и короля Пьемонта. Однако это уже не имело никакого значения. В Италии взяла верх идея Кавура («свободная церковь в свободном государстве»), что означало отделение церкви от государства. Кавур неоднократно делал папе разумные предложения по разрешению конфликта, и в случае отказа папы от светской власти ему полностью были бы обеспечены права главы церкви и условия для осуществления церковного правления. Однако Пий IX заявил, что он готов скорее умереть, чем отказаться от святого наследия своих предшественников. На компромиссные предложения итальянского государства ответом был упрямый отказ. (На другой стороне, в лагере, так ждавшем осуществления итальянского национального единства революционным путем, в армии Гарибальди, это вызвало к жизни лозунг: «Рим или смерть!») Когда 17 марта 1861 года было провозглашено Итальянское королевство во главе с Виктором Эммануилом II, Пий IX ничего не мог предпринять, кроме предания его анафеме. Временной столицей нового государства стал Турин.

Со времени разворачивания Рисорджименто, начиная с понтификата Григория XVI, Церковное государство изжило само себя. Его политическая функция прекратилась, а внутренняя система Церковного государства становилась все более коррумпированной и реакционной, чем ближе дело шло к концу. Начиная с 1860 года внимание Франции Наполеона III было уже обращено на то, чтобы воспрепятствовать объединению Германии, и создание единой Италии было им принято к сведению, и только.

В сентябре 1864 года Наполеон III и Виктор Эммануил в своем новом соглашении договорились о том, что французы в течение двух лет выведут свои войска из Рима. Это событие весьма неприятным образом затронуло Пия IX, так как вторая его защитница, Австрийская империя, была поглощена войной с Пруссией. Все это способствовало тому, что 8 декабря 1864 года — в десятую годовщину догмата о непорочном зачатии Девы Марии — Пий IX опубликовал энциклику «Quanta сига», в которой провозгласил тотальный антагонизм по отношению к буржуазному миру. В энциклике папа заклеил и торжественно осудил без всякого разбора идеи буржуазного прогресса как еретические.

Источниками лжеучений он назвал материализм, секуляризацию общества, атеизм. Особо вредоносными для него были рационализм, галликанизм, либерализм, коммунизм и натурализм. Папство вновь отгородилось от факта буржуазного преобразования мира и, используя все свое моральное влияние, попыталось принудить к этому и церковь.

Средством принуждения и новых гонений еретиков стали 80 предложений, составленных Антонелли из изречений папы, которые были включены в энциклику «Quanta siga» под названием «Силлабус» (Syllabus). Этот перечень был таким открытым проявлением враждебности папы по отношению к эпохе, что в ряде стран, в частности во Франции и Италии, запретили его публиковать. Антонелли сгруппировал положения, которые он посчитал еретическими, вокруг десяти тем.

- I. Пантеизм, натурализм и тотальный рационализм.
- II. Умеренный рационализм.
- III. Индифферентизм и свободомыслие.
- IV. Социализм, коммунизм, тайные общества, общества по исследованию Библии, католические либералы.
- V. Лжеучения о церкви и о ее правах (галликанизм, епископализм, государственность церкви).
- VI. Лжеидеи об обществе (например, светская школа).
- VII. Моральные лжеучения (например, выступления против власти, теория об убийстве тирана).
- VIII. Лжеучения, связанные с христианским браком (например, гражданский брак, смешанный брак).
- IX. Лжеучения относительно светского владычества папы.
- X. Лжеидеи современного либерализма.

Однако анафема даже в руках папы стала уже анахроничным неэффективным средством. Велико было сопротивление в отношении «Силлабуса» и внутри церкви; в некоторых случаях дело доходило до неповиновения — ведь такая позиция вовлекла бы миллионы граждан, верующих католиков, в конфликт между их совестью и гражданскими обязанностями.

А в Италии продолжался процесс отделения церкви от государства. Новое, либерально-буржуазное национальное государство приняло антиклерикальные законы, секуляризировало церковные владения. В 1865 году новой столицей королевства стала Флоренция. В 1866 году в результате прусско-австрийской войны произошел решительный шаг в направлении создания единой Германии под прусским и протестантским руководством. Австрия в результате своего поражения отказалась от Венеции в пользу Италии. Для единства Италии теперь не хватало лишь Рима. В 1867 году папу защищали от революционных армий Гарибальди войска Франции и пьемонтского короля. Пий IX из чувства благодарности в булле от 27 февраля 1868 года «Non expedit!» запретил итальянским католикам участвовать в парламентских выборах, в политической жизни Итальянского государства. Тем самым он открыто побуждал верующих отказываться от повиновения государству.

Финал полувековой борьбы завершился в 1869–1870 годах: со стороны папы принятием на I Ватиканском соборе догмата о папской непогрешимости, а со стороны Итальянского государства — присоединением Рима и Патримониума Петра, ликвидацией светской власти папы.

I Ватиканский собор (1869–1870) и его последствия (1870–1878)

Папа Пий IX после своего бегства в Гаэту занялся разработкой идеи о созыве I Ватиканского собора с целью отрегулировать положение церкви и папства в новых обстоятельствах. 6 декабря 1864 года

папа в связи с представлением «Силлабуса» для ознакомления коллегии кардиналов неожиданно сообщил им о своем намерении созвать в ближайшее время собор.

26 июня 1867 года на открытой консистории Пий IX официально объявил о созыве 20-го вселенского собора, что получило благословение 500 епископов, собравшихся в Риме на праздник Святых апостолов Петра и Павла, на 1800-летний юбилей их мученичества. Те круги курии, которые одобряли решение о созыве собора, все более открыто указывали, что функцией собора должно быть окончательное установление контуров и пределов верховной власти папы. Согласно органу иезуитов «Чивильта Каттолика» и централистски настроенным кардиналам курии, из полной и непосредственной верховной власти папы, которая распространяется на каждого католика, вытекает и его непогрешимость.

Тезис о непогрешимости папы был отклонен в средние века Базельским и Констанцским соборами, а Тридентский собор по этому вопросу не занял однозначной позиции. Такие современные течения, как галликанизм, фебронианство, янсенизм и иозефизм, также оспаривали этот тезис. Принятия догмата впервые потребовали в XIX веке традиционалисты (главным образом, де Местр), а затем иезуиты. В номере «Чивильта Каттолика» от 6 февраля 1869 года было заявлено, что задачей собора станет принятие принципов, изложенных в «Силлабусе». Воинствующее ультрамонтанское направление взаимовязывало «Силлабус» с непогрешимостью папы.

Отрицательное отношение к доходящему до крайности культу папы проявлялось не только вне церкви, но и в католических кругах. В Германии, располагавшей гибеллинскими традициями, против непогрешимости папы выступили главным образом иерархи, историки церкви и теологи.

Наибольшее впечатление произвело произведение известного историка церкви Игнация Дёллингера «Папа и собор» (1869), опубликованное под псевдонимом Янус (Janus), в котором автор резко выступал против непогрешимости папы, приводя не только теологические аргументы, но и примеры из истории церкви.

Большинство из противников догмата о непогрешимости папы использовали не теологические возражения, а осуждали оппортунизм догматизации. По их мнению, было бы ошибочным шагом восстановить против церкви нейтральные в религиозном отношении, веротерпимые либеральные государства прокламированием такого догмата. Эта состоящая главным образом из епископов оппозиция не выступала против папского верховенства, а ставила под вопрос актуальность и целесообразность догмата о непогрешимости папы.

После таких предпосылок 29 июня 1868 года в булле «Aeterni Patris» обнародовано известие о созыве 20-го вселенского собора. Папа назначил начало собора на 8 декабря — в праздник Непорочного зачатия Девы Марии. Согласно булле, целью собора было укрепление внутреннего, религиозного единства церкви перед лицом современных устремлений. Собор также был призван способствовать осуществлению единства в управлении церковью, увенчанию торжества папского абсолютизма с целью эффективной борьбы с современными идеями.

Когда 8 декабря 1869 года в соборе Святого Петра папа Пий IX торжественно открыл 20-й вселенский собор, на него прибыло 774 соборных отца из 1050, получивших полномочия на участие в соборе. Совещания собора проходили в правом крыле базилики. Собор действительно являл собой представительство вселенской католической церкви; лишь русский царь запретил польским епископам участвовать в соборе. На соборе доминировал итальянский элемент, и курия твердо

держала в своих руках руководство совещаниями. (35 % участников были итальянцы, 17 % — французы, что обеспечивало абсолютное большинство представителям латинской ультрамонтанской идеи, и члены курии укрепили ее в еще большей степени.)

Установленный папой порядок обсуждения делал невозможной какую-либо серьезную дискуссию. К открытию собора семь куриальных комиссий разработали 87 схем (проектов декретов), которые затем надлежало обсудить в четырех соборных комиссиях. Однако в состав комиссий не были включены члены оппозиции; таким образом, им пришлось выступать против мнения комиссии на совместных публичных заседаниях. Оппозицию ограничили также и тем, что им предоставляли очень мало времени для выступлений.

Собор начался с обсуждения шести схем (о вере, две схемы о епископах, о духовенстве, о катехизисе, о церкви). Однако схемы были плохо подготовлены и разработаны. 24 апреля 1870 года собор принял первую догматическую конституцию (*Dei Filius*) о католической вере. В ней в противовес «заблуждениям эпохи» было сформулировано в духе Тридентского собора аутентичное учение о вере, Боге, о божественном откровении. Одновременно подверглись осуждению атеизм, материализм, пантеизм, рационализм, онтологизм и впервые — традиционализм.

На соборе при обсуждении схемы о церкви произошел раскол. В начале января 1870 года по инициативе английского архиепископа Мэннинга на одном из ночных заседаний 400 епископов внесли предложение включить в схему тезис о непогрешимости папы и обсудить его вне очереди. Вокруг этого вопроса развернулась острая дискуссия. Большинство оппозиционно настроенных епископов и здесь посчитало несвоевременным из тактических соображений объявить догмат, но некоторые из них действительно не верили в личную непогрешимость папы.

От принятия догмата о непогрешимости папы устранились в первую очередь епископы Германии и Центральной Европы. (Из присутствовавших на соборе 20 немецких епископов — 15, а из венгерского епископского корпуса все за исключением двух были против догмата.) Во главе оппозиции стояли архиепископ Венский Раушер, архиепископ Пражский Шварценберг и архиепископ Эстергомский Шимор, однако фактическими вдохновителями были епископ Орлеанский и архиепископ Калочайский Лайош Хайнальд, а также епископ Диаковарский Штроссмайер. Тактика оппозиции заключалась в том, чтобы снять с повестки дня обсуждение вопроса о догмате.

Однако 6 марта 1870 года Пий IX представил догмат на обсуждение. Публичная дискуссия началась 29 апреля 1870 года. Тогда оппозиция выразила свое отрицательное отношение как в письменном виде, так и устно. Епископ Роттенбургский Хефеле изложил церковно-исторические, архиепископ Венский Раушер — теологические и архиепископ Майнцкий Кеттелер — практические соображения и опасения. Папа, игнорируя мнение меньшинства, несмотря на протест более 100 епископов, 13 января 1870 года своей властью прекратил дискуссию. Во время голосования, проходившего на первом закрытом заседании, за догмат проголосовало 451, против — 88, положительно, но с оговорками — 62. Большинство не пошло на компромисс с точкой зрения меньшинства. Хефеле предложил и на открытом заседании продемонстрировать особое мнение и проголосовать против. Во избежание скандала и в надежде, что таким образом решение не станет вселенским, перед последним голосованием активная оппозиция (57 епископов, главным образом из Германии и Австро-Венгрии) покинула Рим. 18 июля 1870 года на открытом голосовании 533

голосами против двух собор принял догмат о непогрешимости папы. Пий сразу же утвердил решение и торжественно огласил его в конституции «Pastor aeternus».

«Pastor aeternus» состоит из четырех глав. 1-я глава о первенстве апостола Святого Петра, 2-я глава — о преемственности этого первенства римскими папами, 3-я глава — об объеме и понимании примата римского папы, 4-я глава — о непогрешимости папской власти папы. Конституция в противоположность галликанизму и фебронизму провозгласила высшую юрисдикцию папы над вселенской церковью, непогрешимость его мнения во всех областях веры и нравственности, учения церкви и управления ею. Соответствующая часть конституции звучала так:

«Кто говорит, что римскому папе принадлежит лишь первенство надзора и функции ведомства, а не полная и высочайшая юрисдикция над всей церковью, и не только в делах веры и нравственности, но и во всех вопросах дисциплины и правления, где угодно на земле;

или сказал бы, что он обладает лишь значительной частью этой власти, но не всей полнотой высшей власти;

или сказал бы, что власть для него не имеет характера правового действия, не является непосредственной и не распространяется на каждого верующего и на христианскую общность, на каждого священника, будь он хоть какого угодно звания:

да будет тот отлучен от Церкви!»

Догмат о непогрешимости папы, часто неправильно истолковываемый, выглядит дословно так:

«Поскольку все мы желаем твердо придерживаться непрерывно наследуемых и идущих от начала христианской веры традиций, то с одобрения священного собора во славу Бога и нашего Спасителя, для возвышения католической веры и во благо всех христианских народов возвещаем в качестве объявленного нам Богом догмата:

если римский папа делает заявление, исходя из своего наивысшего папского предназначения, то в практическом осуществлении этого своего предназначения, будучи верховным пастырем и учителем всех христиан, в силу своей наивысшей апостольской верховной власти он принимает решения, касающиеся веры и вопросов морали, обязательные для всей Церкви и согласно данной ему и обновленному в нем правомочию апостола Святого Петра, он обладает той непогрешимостью, которую божественный Спаситель пожелал даровать в вопросах веры и морали высшему институту Церкви» (выделено мной. — Е. Г.).

В результате догматизации папской непогрешимости централизация церковного правления, непримиримость римско-католической идеи достигла своей вершины. Пий IX в большой речи воздал должное значению этого догмата, подчеркнув, что благодаря ему католическая догматика и структура церкви стали простыми, окончательными и обозримыми.

Папам последней трети XIX и XX века таким путем действительно удалось сохранить единство церкви, сосредоточить ее духовные и нравственные силы, благодаря чему папство вновь превратилось в великую духовную державу. В результате воздействия догматизации непогрешимости на внутреннюю жизнь церкви положение епископов и их отношение к папе подверглось преобразованиям под знаком папского абсолютизма. Они окончательно потеряли свою самостоятельность и стали как бы служащими папы. Победа централизма была полной. Решения, исходящие из Рима, еще и до 1870 года принимались, как правило, без возражений, а после 1870 года папский централизм распространился и на область теологии; новые теологические направления не

могли существовать без утверждения Рима. Если прежде неосуждение каких-либо теологических концепций автоматически означало признание, то теперь лишь выраженное признание обеспечивало их существование. Тем самым духовная направляющая роль курии возросла в огромных размерах: принцип «*Roma locuta, causa finita*» («Рим высказался, дело решено») осуществлялся полностью. (В переносном смысле он означал: высшая инстанция заявила о своей позиции, дальнейшей дискуссии нет места.)

Централизация папской власти, начавшаяся с Тридента, временно завершилась. Начиная с Ватиканского собора, папская власть в результате централизации и подчинения всех духовных и нравственных сил церкви укрепилась. Освободившиеся от государственно-административных и политических задач епископы стали независимыми от государства. Пий IX окончательно подключил к сфере интересов папства ставшее, по существу, безразличным для государства высшее духовенство. Он подчинил его папству и с успехом разгромил национальные иерархии, организованные как независимые от Рима единицы. Это стало возможным благодаря тому, что догмат о папской непогрешимости в значительной степени расширил и дисциплинарную юрисдикцию папы, да и сам папа освободился от бремени светской власти.

Объявление догмата о папской непогрешимости было вызовом разуму, науке и современному буржуазному обществу. Не случайно некоторые страны расценили его как прямо враждебный государству: ведь, таким образом, папа — в вопросах веры и нравственности — возвысился над миром, желая в духовном отношении подчинить себе государство. Австрия, Пруссия, Швейцария не согласились с соборной конституцией. А правительство Австро-Венгрии дезавуировало конкордат 1855 года. Однако Рим знал, как сломить сопротивление епископов: выступавших против догмата по одному уламывали с помощью обещаний и угроз. Непримируемая немецкая оппозиция во главе с Дёллингером создала Старокатолическую церковь [51], но она даже в Германии не смогла оказать существенного влияния.

На догмат о папской непогрешимости буржуазный мир ответил полной ликвидацией светской власти папства. На следующий день после голосования «*Pastor aeternus*», 19 июля 1870 года, вспыхнула франко-прусская война, которая окончилась не только падением Наполеона III, обеспечивавшего светскую власть папы, но и созданием единой Германии; в то же время эти события сопровождалось возникновением Парижской коммуны, первого государства рабочих. В результате разгрома под Седаном французы были вынуждены уйти из Рима. Виктор Эммануил II вновь призвал папу добровольно отказаться от светской власти на условиях предоставления достойной компенсации и гарантий. Однако Пий IX решился на мученичество, заявив, что он подчинится лишь силе. Папское войско, насчитывавшее около 16 000 солдат, оказало лишь символическое сопротивление. 20 сентября 1870 года итальянские королевские войска вошли в Рим и заняли также оставшуюся часть Папского государства. Народное голосование, состоявшееся в начале октября, подавляющим большинством высказалось за присоединение Рима к единой Италии. 20 октября папа отложил собор на неопределенное время, уединился в Ватикане и объявил себя узником. В своей энциклике от 1 ноября 1870 года он отлучил от церкви «похитителей Рима».

Несмотря на враждебное поведение папы, итальянский парламент 13 мая 1871 года принял так называемый гарантийный закон, который объявил о лишении папы светской власти. Закон признал, что главой вселенской церкви является папа, закон гарантировал неприкосновенность его личности и

обеспечивал его полный суверенитет как главы церкви. Папа свободно и без ограничений мог устанавливать дипломатические отношения с отдельными государствами, свободно вступать в контакт с епископами вселенской церкви. За ним обеспечивалось право назначать итальянских епископов, причем от епископов не требовалось присягать государству на верность. В качестве резиденции папы и курии были отведены папские дворцы — Ватикан, Латеран, а также замок Гандольфо. В качестве компенсации на содержание курии Пию IX было предложено 3 225 000 лир в год; эта сумма соответствовала расходам курии на персонал.

Однако папа в своей энциклике от 15 мая 1871 года «*Ubi nos*» отверг гарантийный закон и не признал Итальянское государство. Он не принял также материальное возмещение, ибо тем самым он де-факто все же узаконил бы новое положение. Папа вновь объявил себя узником Ватикана. Своим примером он хотел побудить и итальянских католиков обособиться от единого итальянского национального государства. Последствием «*Non expedit!*» стало то, что внутри молодого Итальянского государства произошел раскол — ведь подавляющее большинство граждан Италии составляли верующие католики. Все это, однако, не могло воспрепятствовать тому, что 2 июня 1871 года король переехал в Рим и своей резиденцией сделал бывший папский дворец Квиринал. Этим актом также подтверждалось, что вместо папы символом итальянского единства является итальянский король.

Затворничество Пия IX (в идейном отношении в рамках догмата о непогрешимости, а в фактическом — в стенах Ватикана) привело к его полному обособлению от гражданского общества. Папа отстранился от понимания буржуазного развития, включая и такие его последствия, как создание национальных государств. Он вошел в конфликт не только с Италией, но и с созданной в 1871 году единой Германией. Бисмарк считал внешним врагом единой Германии католическую Австрию Габсбургов, а своим внутренним врагом — католический партикуляризм. Конфессиональное разделение немецкого народа приняло политический характер: эффективным органом сопротивления католиков реформам Бисмарка стала Партия центра, а также общественные и религиозно-нравственные организации, широкая сеть которых охватила все католическое общество.

Конфликт между государством и немецким католицизмом, в более широком смысле — между папством и Германией, так называемый Культуркампф, явился результатом ликвидации отдела по делам католиков при министерстве культов в правительстве Германии. Католические школы были переданы под государственный контроль. В 1872 году из страны были изгнаны иезуиты, редemptористы и лазаристский орден. Так называемые майские законы 1873 года распространили юрисдикцию государства над церковью и были в перспективе направлены на создание одной немецкой национальной церкви. На территории империи вновь пробудилась к жизни идея государственной церковности и ограничения папской верховной власти. Папа Пий IX в своей энциклике «*Quod nunquam*» от 6 февраля 1875 года объявил недействительными все те законы, которые ущемляли папскую верховную власть над немецкой церковью. Это уже было открытым вмешательством во внутренние дела Германского государства. Культуркампф все более превращался в политическую борьбу между Партией центра и правительством. Этот конфликт угрожал внутренней прочности Германского государства. Бисмарк перед лицом нового и более опасного противника — германского рабочего движения, признал необходимость ликвидации противоречий, возникших во взаимоотношениях с католицизмом.

Во времена Пия IX еще не могло произойти сплочение между папством и буржуазными государствами против социалистического рабочего движения. Пий IX рассматривал социальный вопрос лишь как проблему милосердия, благотворительности, а не как общественный вопрос. Поскольку он осудил социалистические и коммунистические идеи, а также и другие движения, то со своей стороны считал этот вопрос решенным. Из этого явствует, что папа сдержанно, даже, можно сказать, подозрительно относился и к новоконсервативным по своему характеру католическим и социальным движениям, которые — именно в Германии — в этом отношении оказались далеко впереди папы.

При Пие IX противостояние папства буржуазной эпохе стало роковым и нетерпимым. Эта травма делала церковь и папство неспособными позитивно и конструктивно присутствовать в мире, чтобы отвечать на вопросы современности не только проклятиями. Несообразность такого поведения стал понимать к концу своей жизни и престарелый папа, однако он так и остался пленником своей собственной политики. Последним желанием Пия IX, скончавшегося 7 февраля 1878 года, было вечно покоиться в любимой им церкви Святого Лаврентия, вне стен Ватикана. В связи со сложившимися обстоятельствами его временно похоронили в соборе Святого Петра. После того как страсти поутихли, его преемник летом 1881 года велел перенести гроб в церковь Святого Лаврентия. Гроб с телом Пия IX, которого в канун 1848 года жители Рима встречали с ликованием, теперь забросали камнями и хотели сбросить с Тибрского моста в воду.

Папство и буржуазное общество (1878–1958)

Отход папства от прошлого и подключение его к историческому «сегодня» произошли во время понтификата Льва XIII. В последней трети XIX века папа осознал необходимость и возможность новой политики «разрешения и связывания». Идеиной идеологической основой позднего сближения церкви, папства с деформированным за счет внутренних противоречий буржуазным обществом был неотомизм. К концу века папа успешно вывел церковь из изоляции. Это стало возможным благодаря историческому процессу, происходившему в последней трети XIX века, в результате которого усилились консервативные силы в ущерб радикальным, демократическим и либеральным направлениям. В буржуазном обществе укрепилась готовность к отказу от прежнего лаицизма и к соглашению с клерикализмом. Таким образом, папство вновь стало духовной мировой державой и вследствие этого могло превратиться в важный фактор международной политики, хотя этому в течение полувека препятствовала его враждебная позиция по отношению к итальянскому национальному государству.

Позднее подключение к буржуазным преобразованиям носило критический характер. Программу преодоления опасностей, вытекающих из «нового связывания», выдвинул Пий X, первый папа XX века и последний святой среди пап. Однако наряду с важными пастырскими последствиями внутреннего реформирования церкви в идейно-политической области наступил регресс. Папство снова стало нетерпимым по отношению к современным теологическим и христианским политическим тенденциям, стремившимся ускорить реальное обновление.

В бурные годы первой мировой войны (1914–1918) папство, несмотря на все свои попытки, не смогло оказывать никакого влияния ни на воюющие стороны, ни на завершившую войну Парижскую мирную конференцию. В период революционного кризиса, развернувшегося в мировом масштабе под влиянием Октябрьской социалистической революции в России, новый папа, Бенедикт XV,

понял, что для устранения этой опасности, грозившей и консервативной церкви, следует открыть широкую дорогу направлениям, мобилизующим народные массы, организованные в христианско-демократическое и христианско-социальное движения.

Политические условия начала 1920-х годов были весьма противоречивы. Среди возможных альтернатив папство снова выбрало путь, «привязывающий» к светской власти. В послевоенной Европе — и вне ее — свои отношения с отдельными государствами папство регулировало конкордатами, и в интересах их установления оно ограничивало христианские политические движения.

Понтификат Пия XI, охватывающий период между двумя мировыми войнами, был периодом создания объединения, более ретроградного, чем все предыдущие. Фашизм сделал возможным решение в 1929 году римской проблемы, но это привело к ликвидации немецких католических движений. В годы второй мировой войны (1939–1945) Пий XII, понтификат которого довольно резко критикуется некоторыми исследователями, при том, что он декларировал нейтралитет и молчаливо одобрял войну фашистских держав против СССР, однако, не являлся союзником фашистов.

В новых исторических условиях, после 1945 года, Пий XII все более радикально стал выступать против прогрессивных идей, что привело внутри церкви к ужесточению позиций, к ликвидации теологических направлений, ориентированных на осовременивание церкви. Авторитарное мировоззрение Пия XII и такое же управление им церковью снова вовлекло церковь и папство в тяжелый конфликт с современным миром, с эпохой.

Новая политика «разрешения и связывания» (Лев XIII, 1878–1903)

Нет никакого сомнения в том, что наиболее выдающимся папой XIX века был Лев XIII (1878–1903). Собравшиеся после смерти папы Пия IX кардиналы достигли согласия в том, что им следует избрать такого папу, который благодаря гибкой политике смог бы снять накопившееся внутри церкви напряжение, решить конфликт между церковью и обществом, вывести папство из состояния изоляции и включить его в русло международной политики. К 1870-м годам пропасть между церковью и современной культурой стала еще глубже; бурно шел процесс отхода светского мира от церкви, и в буржуазном обществе — но главным образом среди рабочих — безверие стало общим явлением. Для церкви жизненно важным вопросом явилось отвоевание отошедшего от христианства мира и с этой целью — поиск диалога с гражданским обществом. Для гибкого и умного осуществления двуединой задачи (поворот к обществу и внутреннее совершенствование) нужен был новый папа, который не унаследовал бы от своих предшественников состояние изоляции и поведение, осуждающее общество.

Епископ Перуджи, кардинал Джоакино Печчи, обладавший великолепными умственными способностями, широким кругозором и блестящими качествами государственного деятеля, прошел хорошую школу жизни, чтобы вполне соответствовать поставленной перед ним сложной задаче. «Папа королей и глав государств» происходил из богатой и знатной графской семьи, чьи владения находились близ Рима. Его учебной руководили иезуиты, однако он сам не стал иезуитом. Он потрясюще быстро сделал карьеру. По рекомендации кардинала Пакка папа Григорий XVI назначил 27-летнего молодого человека своим домашним прелатом. В курии он оказался в окружении Ламбруччини и уже через год стал правителем Беневенто. С 1841 года, будучи епископом, он стоял во главе Перуджи, где в его задачу входила ликвидация движения «Молодая Италия» («Gioventi

Italia»).

В 1843 году молодого 33-летнего прелата папа назначил апостольским нунцием в Бельгии (одновременно с присвоением сана архиепископа). Сложившиеся там проблемы были довольно сложны; особенно обострилась борьба внутри бельгийского католицизма между ультрамонтанами и либералами по вопросу о школах. Нунцию Печчи пришлось проводить ультрамонтанскую и реакционную линию Рима, что было практически невозможно осуществить. В 1848 году по просьбе бельгийского короля-протестанта он был отозван. Тем самым его дипломатическая и куриальная карьера потерпела фиаско. Папа назначил его епископом Перуджи, что для Печчи означало 30-летнюю ссылку в провинцию. Хотя в 1853 году он получил от Пия IX кардинальский сан и у него было большое желание приехать в Рим, его противник, государственный секретарь Антонелли, постоянно ему в этом препятствовал. Лишь после смерти Антонелли, в 1877 году папа назначил кардинала Печчи на должность камерленго, одного из руководителей курии. (Камерленго — кардинал, управляющий папским имуществом, стоящий во главе Апостолической камеры. Когда папа умирает и когда папский престол оказывается незанятым, камерленго не прекращает своей деятельности, а создает кардинальскую комиссию в количестве трех членов, которые, сменяя друг друга каждые три дня и придерживаясь старшинства, управляют имуществом Святого престола и представляют его права, а также организуют избрание папы.)

Проанализировать жизненный путь Джакомо Печчи до его избрания на папский престол важно потому, что накопленный им за эти четыре десятилетия опыт в области церковной политики он успешно использовал во время своего пребывания в течение двадцати пяти лет на папском престоле. В годы своего пребывания в промышленно развитой Бельгии, а затем во время своих поездок в Англию, Францию и рейнские провинции он вступил в контакт с современной западной цивилизацией и парламентской демократией, столь отличавшимися от итальянской. Он заметил, в какой изоляции находится церковь от реальной жизни и насколько чужд всему этому дух римской курии. Он понял: для церкви жизненно важно вырваться из этой изоляции и вновь принять участие в формировании жизни общества. Неудачный опыт дипломатической работы в Бельгии заложил основы его философского подхода к церковному правлению. Здесь он впервые осознал, насколько важно в деле управления вселенской церковью искусство балансирования между противостоящими силами, насколько важен поиск компромиссов, сопровождающихся взаимными выгодами.

Будучи изгнан из курии в Перуджу, он хорошо использовал свой накопленный в течение 31 года епископской деятельности опыт при решении конфликтов, возникавших между Римом и Италией. Еще пребывая в сане епископа, он проложил путь к согласию между церковью и современной культурой, буржуазным обществом. Помимо того, что он понимал значение социальных вопросов, он в Перудже, присоединившейся в 1860 году к Пьемонту, искал возможность обрести соответствующий модус вивенди с Итальянским государством. Такой жизненный путь давал основание полагать, что кардинал Печчи, и став папой, пойдет по пути осовременивания и, повернувшись лицом к миру, сумеет вывести папство из того катастрофического банкротства, в которое завели его предшествующие понтифики.

Став камерленго, Печчи после смерти папы руководил подготовкой к новому конклаву. Его непосредственного предшественника избирали еще в Квиринале, в котором ныне жил итальянский король. Нужно было решить, где же должен заседать конклав. В Ватикане, Риме и вообще в Италии

ли? По предложению Печчи приняли решение, что конклав должен проводиться в Ватикане, в чудесной Сикстинской капелле, и что папой изберут итальянского кардинала.

Уже на второй день заседания конклава над Сикстинской капеллой поднялся белый дым, и это было сигналом для любопытных римлян, что новый папа избран. 21 апреля 1878 года Лев XIII издал свою первую энциклику «*Inscrutabili Dei*», в которой очертил программу своего понтификата. (Лев XIII во время своего 25-летнего понтификата опубликовал достаточно большое количество энциклик, сделал общепринятой эту форму папского обращения к католикам во всем мире.) Этим способом он излагал аутентичную точку зрения церкви почти по всем вопросам церковного правления, веры и морали, проблемам общества, государства и политики. Программа Льва XIII была направлена на согласование, примирение церкви и современной культуры, чтобы тем самым возратить церковь и папство в общество, оторвать их от тягостного прошлого и присоединить к настоящему. Он хотел привести к согласию церковь и культуру, чтобы вновь христианизировать современный мир, а христианство осовременить. Для осуществления этого церкви пришлось понять и осознать те глубокие общественные, политические и духовные изменения, которые происходили в буржуазную эпоху. Понимание и осознание этого позволило ей присоединиться к гражданскому буржуазному обществу и буржуазному государству. Благодаря этому церковь и папство вновь могли принимать активное участие в жизни общества; найти позитивный ответ на животрепещущие проблемы капиталистического общества (классовая борьба, эксплуатация и др.).

Этот поворот, эту новую политику «разрешения и связывания» папство смогло осуществить тогда, когда буржуазия эпохи империализма, развивавшегося в последние десятилетия XIX века, уже не была революционной; она в первую очередь стремилась к консервации своей власти, своего строя. Идеологической проекцией этого стало бегство от рационального к иррациональному, в том числе к религии.

С помощью каких средств папа Лев XIII хотел осуществить эту политику «разрешения и связывания»? Возобновляя традиции существовавшего в свое время либерального католического движения и приспособивая их к требованиям времени, он сформулировал новые принципы. Он вывел церковь и папство из изоляции: политик и дипломат в роли первосвященника, Лев XIII вступил на путь примирения с либеральными правительствами и буржуазными странами, на путь сближения с ними. Методами этой политики присоединения к современному миру (отвлекаясь от Италии) были поиск баланса, создание компромиссов, сопровождавшихся взаимными выгодами, а также приспособление к существующему положению. Причем все это делалось так, чтобы не нанести ущерба основным интересам церкви.

Среди пап Нового времени Лев XIII был действительно властелином духа, который по всем мировым проблемам занимал определенную позицию, выражал свои взгляды по каждому вопросу светской жизни. Он обосновал и по сей день действующую концепцию церкви относительно классовой борьбы, эксплуатации, собственности, труда, государства, права на свободы и т. д.

Активность папства, начавшаяся при Льве XIII внутри церкви, берет свое начало с Пия IX, но с понтификатом Льва папская верховная власть раскрылась во всей своей полноте. Продолжалась централизация папской власти, последовательная реализация папской верховной власти в руководстве вселенской церковью, главным образом в области церковного управления. Во времена Льва XIII централизм Рима укрепился во всех областях. С ростом куриального централизма папа Лев

XIII продолжал осуществлять политику своего предшественника внутри церкви, но намного эффективней. Главным образом он ограничил юрисдикцию епископов по отношению к римским центральным (куриальным) ведомствам, более того, даже по отношению к нунциям.

Лев XIII, осознавая свою власть и видя свое предназначение в спасении современного мира и в возвращении его церкви, вновь пожелал объединить современное общество под моральным верховенством папства. Его идеалом был Иннокентий III, который в зените средневековья поднял папство на вершину светской власти и приблизился к осуществлению Христианской республики. В конце XIX века Лев XIII стремился к созданию своего рода духовной и моральной Христианской республики.

Не случайно Лев XIII, теологически обосновывая власть папства, сделал философско-теологическую систему Святого Фомы Аквинского, томизм, официальной философией церкви. Лев XIII в значительно большей степени, чем его предшественник, был приверженцем неосхоластики и томизма. В своих наиболее важных энцикликах Лев XIII всегда ссылаясь на Фому Аквинского как на высший и непререкаемый авторитет.

В своей энциклике от 4 августа 1879 года «Aeterni Patris» Лев XIII провозгласил томизм нормой католической теологии, определив, что основой христианской философии может быть лишь учение Фомы Аквинского. Одновременно энциклика предписывала изучать томизм в университетах и в других учебных заведениях, где готовились кадры священников.

15 октября 1879 года папа в письме, адресованном префекту конгрегации по учебным делам, кардиналу Де Лука, приказал создать Академию имени Святого Фомы Аквинского по изучению и распространению томизма. Академию открыл в 1880 году брат папы, иезуит кардинал Печчи. Академия попала в руки доминиканцев (в свое время и Фома был доминиканцем), и именно им папа доверил комментированное издание произведений Святого Фомы Аквинского (Editio Leonina).

Целью томизма было объединение веры и знания, точнее, обращение результатов науки на укрепление веры, сделав ее более современной. Руководствуясь этим, папа действительно активизировал и церковные науки, ибо был убежден в том, что церкви нечего опасаться светской науки. В 1879 году по указанию Льва XIII была реорганизована Ватиканская библиотека и был облегчен доступ к ней. В 1879 году он поставил во главе Ватиканского архива ученого, кардинала Иозефа Хергенрёттера, которому было поручено подготовить к 1881 году открытие архива для избранных и считающихся достойными исследователей. Открывая архив, папа хотел сделать более успешной исследовательскую работу в области церковной истории, преследуя при этом апологетические цели. В своей булле от 18 августа 1883 года «Saepere numero considerantes» он изложил требования, предъявляемые к католической истории церкви.

Папа не только приказал включить в систему обучения теологов обязательное изучение томизма, но и оказывал поддержку итальянским, бельгийским и французским католикам в их борьбе против светской школы. Подобным же образом он относился и к печати, считая ее средством культурного и идеологического влияния и воспитания масс. Папские высказывания по вопросу о христианской ответственности журналистов, об использовании возможностей, скрытых в печати, сформулированы в духе крылатого выражения: «Scriptus scripta opponenda» («Написанному противопоставлять написанное»).

Побуждение к научным исследованиям и нетерпимость, эти два начала нашли свое общее

проявление в энциклике о Библии «Providentissimus Deus» от 13 ноября 1893 года, в которой папа вновь призвал католических ученых к укреплению кредита апологии, к изучению Библии, чтобы ликвидировать научное отставание в этой области по сравнению с не католическими исследователями, чтобы католические ученые вели борьбу с ними, используя научные аргументы. В духе энциклики была создана временная комиссия, состоящая из трех кардиналов и сотрудников-теологов, задачей которых было стимулирование работ в области библейской критики.

Координационное руководство этими исследованиями было создано, как поначалу представлялось, для выступления против атеистической критики Библии. Однако вскоре выяснилось, что речь шла о большем: об ограничении свободы научных исследований.

Ватикан уже во время опубликования энциклики о Библии, в 1893 году, осудил работы наиболее значительного католического исследователя Библии того времени — Альфреда Луизи, и его вынудили отказаться от занимаемой должности. Дискуссия особенно обострилась после появления в 1896 году книги Луизи под названием «Histoire du Canon de L'Ancien Testament» («История канонизации Ветхого завета»). В 1902 году была создана постоянная Библейская комиссия для руководства и надзора за экзегетическими исследованиями с церковных позиций. Этот шаг, направленный против науки, был предпринят Львом XIII уже на закате жизни, когда у него проявилась склонность к ригоризму; он свидетельствовал также об укреплении позиций интеграллистов в курии. (Библейская комиссия при Пие X превратилась в подлинную вторую конгрегацию «Индекса».)

На рубеже XX века против проводившегося до этого курса Льва XIII в области и теологии и церковного управления выступил интегрализм. Результатом этого явилось осуждение в 1899 году так называемого американизма. (Американизмом называли направление, которое хотело приспособить учение католической церкви к американским условиям, где католическая религия была лишь одним вероисповеданием из многих. Так, например, для практического склада ума американских янки — при преимущественном влиянии более рациональных протестантских вероисповеданий — были совершенно неприемлемы некоторые догматы, противоречащие современному образу мышления.) Цель американизма состояла в том, чтобы сделать католицизм конкурентоспособным и в американском обществе с не католическими конфессиями. Однако усиливающиеся в Риме нетерпимость и подозрительность привели к оценке американизма, поддержанного и балтиморским кардиналом Й. Гиббонсом, как заблуждения, что и дало повод Льву XIII осудить американизм в письме от 22 января 1899 года, адресованном Гиббонсу.

Лев XIII, несомненно, был в первую очередь папой-политиком и в этой области добился успехов. Принципиальные основы его практической деятельности в области политики находили свое отражение в энцикликах о государстве, об отношениях между государством и церковью, о политике и общественных вопросах. К концу XIX века произошло отделение церкви от государства в Соединенных Штатах Америки, Англии, Голландии и Бельгии. Во Франции республика была нейтральна по отношению к церкви, но французский католицизм раскололся на две партии: на католиков, приверженцев «Силлабуса», и на либеральных католиков. В Германии «Культуркампф» ждала своего разрешения, а в Австро-Венгерской монархии в программе ультрамонтанства стояла задача ликвидировать остатки иозефизма.

С целью упорядочения отношений с отдельными государствами пришлось в интересах создания

нового союза отказаться от прокламированных «*Mirari vos*» связей со старым общественным строем и монархией. Еще в своей первой энциклике о государстве и политической власти Лев XIII также рассматривал церковь как единственно совершенное общество (*Societas perfecta*). Энциклика «*Diuturnum illud*» (1881) излагала постулаты, касающиеся происхождения и природы политической власти, а также свойств и задач христианского государства. В ней подчеркивалось, в противовес принципу верховенства народа, что государство и власть имеют божественное происхождение и самая подходящая форма правления — это монархия. Сближение в то время носило еще оборонительный характер, поскольку папа считал церковь самым эффективным охранителем государства от революции. Сближению способствовало то, что и внутри католических слоев появились новые, буржуазные элементы, побуждавшие церковь учитывать веяния эпохи.

Энциклика от 1 ноября 1885 года «*Immortale Dei*» возвестила об изменении концепции папы: впервые он указал на то, что церковь не связана ни с какой формой государства, она может принять любую форму государства, если оно обеспечивает свободную деятельность церкви. Государство и церковь в равной степени суверенны в своей области деятельности, в этом суть разделения труда и суть новой связи (нового «связывания»). Энциклика, подчеркивая божественное происхождение власти, обозначила основы союза между государством и церковью. В своей энциклике от 20 июня 1888 года «*Libertas praestantissimum*» о человеческой свободе Лев XIII сделал еще один шаг в сторону признания всех форм государства. В ней папа признал позитивные стороны неантирелигиозного либерализма, права человека на свободы и парламентскую демократию. В энциклике от 10 января 1890 года «*Sapientiae christianae*» слышится новая тональность, когда говорится об обязанностях христиан — граждан государства: папа призывает верующих христиан признавать буржуазное государство, активно участвовать в государственной жизни.

На формирование концепции Льва XIII о государстве главным образом оказало влияние положение во Франции. Французская Республика приняла большое число антиклерикальных законов, против которых папа неоднократно протестовал. Лев XIII попытался вначале положить конец раздорам во французском католицизме, чтобы затем урегулировать и отношения с государством. Католицизм сторонников «Силлабуса» во Франции влился в движение «Аксьон Франсез» («Французское действие»), которое было боевой организацией французских роялистов-католиков. Созданная Шарлем Моррасом в 1898 году организация с 1908 по 1914 год издавала газету под названием «Д'Аксьон Франсез». «Аксьон Франсез» во главе с Моррасом было крайне правым националистическим движением, национализм которого носил расистский характер.

Это движение, являясь монархистским, роялистско-католическим, резко противостояло либеральному и демократическому буржуазному обществу, республике. Католическая церковь из-за крайнего национализма и расистской теории с самого начала с неодобрением восприняла «Аксьон Франсез». В этом случае Лев XIII был сторонником примирения с либеральной властью, сближения с ней. В 1885 году Лев XIII запретил консерватору и монархисту графу Альберту де Муну создавать католическую партию, ибо она, по всей вероятности, стала бы радикально антиреспубликанской. Папа призвал де Муна обратить лучше внимание на социальные вопросы. (Де Мун и его сподвижник маркиз Ла Тур дю Пин начали создавать католические рабочие кружки антидемократического характера и патерналистского толка, под опекой образованных классов.)

Во Франции Лев XIII отклонил мысль о создании самостоятельной католической политической

партии. Папа вначале аннулировал союз, который заключил Григорий XVI с Французской монархией, затем призвал французских католиков поддержать республику. Это нашло отражение в энциклике от 16 февраля 1892 года «*Au milieu des Sollicitudes*», обращенной к французскому епископату. Однако энциклика в еще большей степени способствовала дальнейшему углублению внутренних противоречий между французскими католиками: реакционные националисты сплотились вокруг «Аксьон Франсез», в то время как католики, осуждавшие либерализм и буржуазную демократию за их враждебное отношение к христианству и социальную несправедливость, создали движение «*Democratic chretien*» вокруг газеты «Силлон».

Создание в 1889 году II Интернационала лишь ускорило сближение между папством и буржуазным государством, способствовало примирению церковной и светской власти. Энциклика «*Au milieu*» уже благословляла переход к защите буржуазного общества, к объединению вокруг этой идеи. Тем самым — по крайней мере в принципе — закончилась вековая борьба между церковью и буржуазным обществом. Политика объединения оказала большое воздействие и в других странах; казалось, что чаяния либеральных католиков осуществляются.

Лев XIII после 1886 года одобрил самостоятельность католических политических партий (за исключением Франции и Италии). Он считал, что политика (и партии) относятся к прерогативе государства, а не церкви. Идеальной католической партией он считал германскую партию Центра, ибо, будучи в своей основе католической, она не носила выраженный конфессиональный характер; в политических же вопросах она сохраняла автономию по отношению к высшему церковному руководству. (Точно такие же автономные католические партии действовали в Италии, Бельгии и Голландии.) Позицию Льва XIII по отношению к Центру выразил в 1879 году кардинал Франзелин:

1. Папа заявил, что в чисто политических вопросах Партия центра совершенно свободна и независима от Святого престола.
2. В отношении церковной политики постоянной обязанностью Центра является борьба за отмену или пересмотр антицерковных законов.

Партия Центра оказала большую службу Ватикану также в прекращении «Культуркампф», доставившей столь много неприятностей Ватикану. К 1887 году Бисмарк постепенно сократил число антицерковных законов. В 1880 году он отменил майские законы. В 1882 году Бисмарк восстановил дипломатические отношения между Святым престолом и Пруссией (но не Германской империей). И здесь к сближению его побудила необходимость сплочения против рабочего движения. В 1875 году в Готе была создана Социалистическая рабочая партия Германии в результате объединения лассальянцев и эйзенахцев. Объединение придало новые силы разобщенному до того времени германскому рабочему движению. С помощью рабочей партии развернулось профсоюзное движение, создавались различные кооперативы и рабочие просветительские общества. В рабочее движение включалась рабочая молодежь и женщины, что уже непосредственно затронуло церковь. В 1878 году Лев XIII в одной из своих первых энциклик, «*Quod apostolici muneris*», еще придерживаясь позиций своих предшественников, резко осудил социалистическое рабочее движение и назвал правильными выступления властей против него. В это время в Германии был принят и введен в действие исключительный закон против социалистов. Оба эти события совпали во времени не случайно. Политика объединения в Германии ознаменовалась успехом; Лев XIII на тайном заседании консистории 23 мая 1887 года с удовлетворением констатировал, что «Культуркампф» закончилась.

Рассматривая оборотную сторону политики Льва XIII, направленной на приобщение к эпохе, можно обнаружить непримиримое противостояние по отношению к буржуазной Италии, строгое соблюдение положений «Non expedit!» и попытки реставрации светской власти папы, Папского государства. В своей программной энциклике Лев XIII среди основных целей папства отметил восстановление светской власти папы.

Итальянские католики, принимавшие участие в государственной и муниципальной жизни, думали, что восстановление небольшой части Папского государства могло бы быть достигнуто внутривластным путем. Лев XIII отверг эту возможность; для него римский вопрос был вопросом внешней политики, который следует решать дипломатическим путем, при содействии великих держав. В уже упомянутой первой энциклике, а также в своем письме (от 5 июня 1887 г.), адресованном новому и очень способному государственному секретарю кардиналу Рамполла дель Тиндаро при вступлении его в должность, Лев XIII с помощью исторических аргументов обосновал право на существование Церковного государства. Конкретные аргументы он черпал, главным образом, из неогвельфовских концепций Росмини и Джоберти. Он не хотел реставрации всего Церковного государства, а лишь части его — от правого берега Тибра до моря, во главе которой он, как союзный князь, вошел бы в состав Итальянского королевства. Тем самым наступило бы примирение между папством и Италией. Для реализации своей концепции он хотел опереться на великие державы, и прежде всего на Германию и Австро-Венгрию, но те не пожелали пожертвовать своей великодержавной союзнической политикой (Тройственным союзом, заключенным с Италией) ради интересов Льва XIII. С 1898 года папа стал чаще смотреть в сторону Франции; приверженцем французской ориентации в первую очередь был Рамполла. (Ватикан одновременно с этим поддерживал хорошие отношения и с царской Россией.)

При решении принципиальных вопросов Лев XIII с успехом устранил те препятствия, которые стояли на пути примирения с государствами. Папа и его государственный секретарь развили активную дипломатическую деятельность, Ватикан вновь стал фактором международной политики. Однако даже им не удалось добиться того, чтобы папство смогло вернуться за стол международных переговоров и выполнять роль международного арбитра. Отчужденное отношение папы к Италии, его союз с русским царизмом и с императорской Германией, а также поддержка французского буржуазного государства, противостоявшего демократическому католическому движению, свидетельствуют о том, что его попытки примирения с современным государством и буржуазным прогрессом — что отчетливо видно в случае с Францией — носили тактический характер. Папа и папство по-прежнему, в основном из-за своей консервативной сути, стояли на зыбкой почве политики сближения.

Из всего этого также следует, что папство лишь тогда обратилось к социальному вопросу, проблемам рабочего класса, когда их решение оказалось уже в руках сил, находящихся вне церкви, — в первую очередь социалистического рабочего движения. Несомненно, что внутренние противоречия капиталистического общества — как раз вследствие успехов развернувшегося международного рабочего движения — рано пробудили внимание Льва XIII к этой проблеме. Однако в энциклике «*Quod apostolici muneris*» 1878 года он еще только предостерегал от социализма, осуждал его, но не внес никаких позитивных предложений относительно решения социальных вопросов. Деятельность группировок французских, германских и австрийских консервативных

католиков, занимавшихся социальной политикой, побудила папу принять предложение австрийского герцога Франца Куфштайна. Лев XIII должен был создать комиссию по рассмотрению социальных вопросов с точки зрения учения церкви. (Разработка тезисов о труде, о собственности, о перераспределении прибыли и т. д.) В 1885 году начались заседания указанной комиссии, так называемого Фрейбургского союза, о результатах которых постоянно информировали папу. Но еще не были завершены предварительные работы, как в 1890 году Лев XIII, побуждаемый политическими соображениями, решил издать энциклику о социальных вопросах. Он хотел упредить события, для того чтобы инициатива и в этой области не ускользнула из рук церкви. Германский император Вильгельм II созвал в 1890 году в Берлине международную конференцию по защите рабочих, чтобы сверху управлять законодательством в области социальной политики. (Другая причина такой спешки заключалась в том, что в Бельгии и Германии между рабочими объединениями конфессионального характера и межконфессиональными христианскими профсоюзами вспыхнула острая дискуссия. Стороны обратились к папе за решением. Лев XIII хотел в ходе дискуссии в принципе уяснить эти вопросы.)

15 мая 1891 года появилась энциклика «*Regum novarum*» по рабочему вопросу. Обращение папы было вызвано тем, что рабочее движение превратилось в международный политический фактор. Создание II Интернационала показало, что массовые рабочие партии отдельных стран, основываясь на социалистической программе, вступили в политическую борьбу за решение социальных вопросов. Энциклика «*Regum novarum*» не просто содержала осуждение социалистического движения, но и очерчивала новую общественную концепцию, которая служила в качестве более современной теоретической основы для борьбы против рабочего движения. До этого для церкви имущественные различия были естественными, и в них она не видела социального вопроса. Соответственно с этим и задача церкви ограничивалась лишь благотворительностью. Эта позиция оказалась несостоятельной — ведь результаты профсоюзного движения и классовой борьбы показывали другое. Поэтому энциклика «*Regum novarum*» признала права рабочих на профессиональное объединение, приняла к сведению существование классов и наличие противоречий между ними, то есть истинное, реальное положение. Энциклика искала ответ на вопрос, каким образом можно было бы исключить классовую борьбу из общества, ликвидировав тем самым помехи, ставшие на пути развития капитализма. Согласно энциклике, для преодоления классовых противоречий и примирения с целью достижения общественного благоденствия следовало бы руководствоваться формулой христианской любви. Эта концепция обещала быть подходящей для того, чтобы расширить массовую базу католических партий и церкви среди трудящихся классов. (Именно поэтому «*Regum novarum*» рассматривают как один из важнейших документов католицизма Нового времени, важным этапом поиска им ответа на вопросы эпохи.)

«*Regum novarum*» считала возможным окончательно решить социальный вопрос путем изменения общественного положения рабочих без политической борьбы, путем его депролетаризации. Для этого и государство и церковь должны оказывать рабочим совместную помощь. В энциклике подчеркивается, что, пока это не осуществится, важным основным принципом является правомерность идеи взаимопомощи рабочих. Тем самым энциклика отвергает положение об оказании сверху опеки, о благотворительности; она признала право рабочих бороться всеми легальными средствами, включая и забастовки, за достойную оплату их труда. Тем самым

самостоятельные организации рабочих получили конкретное признание. Поэтому энциклика «*Regum poavatum*» стала важной вехой, ибо через нее папа объявил о намерении церкви решить центральную общественную проблему капитализма, рабочий вопрос. Эта позиция обусловила временное оттеснение на задний план консервативно-благотворительного направления.

Однако дальнейшее усиление социалистического движения во Франции и выход там на поверхность противоречий, порожденных политикой сближения, побудили Льва XIII отказаться от проводимой им на рубеже XX века политической линии. В энциклике «*Graves de communi*» 1901 года появляется политический ригоризм и трактовка христианской демократии уже как демофилии. Участие отдельных лиц в общественной жизни энциклика еще допускала, но только в деполитизированном смысле. Вновь оказалось, что связи между церковью и буржуазным государством не имеют под собой достаточно прочной основы. Во всех кризисных периодах буржуазной демократии церковь находилась в лагере противников демократии, республики и парламентаризма. Отождествленность церкви с буржуазным строем в первую очередь касалась опасности, угрожающей этому строю снизу: по отношению к социализму она была полной, а относительно других направлений — скорее критической.

Во время понтификата Льва XIII католическая церковь стала действительно вселенской церковью. Папа оказывал широкую поддержку миссиям. (Об этом свидетельствуют три его энциклики.) Широкое распространение миссионерства во многих странах совпало с осуществлением империалистической колонизации. Восстания против колонизаторов были направлены также и против католических миссий. Так было, например, в Китае во время Тайпинского восстания 1850–1864 гг. и «боксерского» восстания 1901 года. Несомненно, что католические миссионеры выполняли также значительную культурную работу, но их несомненное участие в разрушении старой, традиционной культуры и веры служило интересам колонизации.

Лев XIII страстно мечтал в духе Иннокентия III вновь объединить христианские церкви под папской тиарой. В 1879 году опять соединились с Римом армянские католики. Папа главным образом стремился к тому, чтобы вернуть в лоно католической церкви греко-католиков и христиан восточного обряда. И в опубликованной в 1896 году энциклике «*Satis cognitum*» Лев XIII рассматривает вопросы единства с православными христианами.

Подводя итоги исторического по своему значению понтификата Льва XIII, можно констатировать, что он вывел папство из состояния изоляции; он повернул католическую церковь лицом к современности. Понтификат Льва XIII создал предпосылки для деятельности и влияния пап XX века. Однако получилось так, что из широкомасштабных целей Льва XIII — решение римского вопроса, примирение с Французской Республикой, уния с отколовшимися христианами — ни одна не была осуществлена при его жизни. Что же касается внутренних проблем церкви, то они проявились во времена правления последующих пап.

Адаптационные помехи (Пий X, 1903–1914)

После «папы королей и глав государств» на престол взошел человек, являвшийся его абсолютной противоположностью: выходец из народа (отец был сельский сапожник), углубленный в себя и иступленно набожный, позднее причисленный к лику святых Пий X (1903–1914), был папой маленьких людей, папой приходских священников. Пий X был первым папой XX века, который путем внутреннего реформирования и укрепления церкви стремился устранить помехи, уже

проявившиеся к концу понтификата его предшественника на пути адаптации церкви к буржуазному обществу.

Джузеппе Сарто не взбирался по ступенькам куриальной иерархической лестницы и не прошел все стадии папской дипломатии, он последовательно занимал все должности духовного пастыря итальянской церкви, от капеллана в Томболе до кафедры патриарха в Венеции. Для него большой честью явилось назначение в возрасте 32 лет священником довольно бедного и малоодоходного прихода Зальцано. Затем он попал в капитул города Тревизо; будучи каноником, он ознакомился с деятельностью епископского управления, семинарии, духовником, а затем и ректором которой он стал. В 50-летнем возрасте в 1885 году Джузеппе Сарто был назначен епископом Мантуи. Он привел в порядок запущенную епархию, систематически посещал ее приходы, оживил религиозную жизнь. В 1893 году папа назначил его патриархом Венеции, в связи с чем Сарто получил сан кардинала. Его церковное правление в Венеции обратило на себя внимание благодаря сотрудничеству с политическим руководством города, с Синьорией и бургомистром. В результате этого католики Венеции активно включились в общественно-политическую жизнь.

На конклаве 1903 года партия сторонников политической линии Льва XIII сплотилась вокруг кардинала Рамполлы, в то время как кандидатом интегралистской оппозиции был кардинал Готти. Как свидетельствует исторический опыт папства, у Рамполлы было немного шансов, ибо он хотел во имя интересов церкви произвести изменения, создать новое правление, которое начало бы свою деятельность с «чистого листа» (*tabula rasa*). Однако однозначная французская ориентация Рамполлы побудила Франца-Иосифа объявить Рамполлу нежелательной для центральных держав кандидатурой. 2 августа на заседании конклава архиепископ Краковский, кардинал И. Пузина объявил вето императора Австро-Венгрии. Рамполла резко протестовал против вмешательства, и число отданных за него голосов под воздействием инцидента временно увеличилось. Это, однако, было уже лишь протестом оскорбленного конклава, лагерь государственного секретаря все более уменьшался. Как обычно бывает, в порядке компромисса наибольший шанс выпал на долю кардинала, меньше всего претендовавшего на папскую тиару. В конце концов 4 августа 1903 года кардинал Сарто получил требуемое большинство в две трети и, став папой, взял себе имя Пий X. Поскольку избрание имени само по себе означает уже и программу, то новый папа тем самым подчеркивал свое желание придерживаться деяний святых и страдавших Пиев, главным образом Пия IX.

Будучи по складу характера исключительно духовным пастырем, папа при избрании по желанию народа направился было на внешний балкон Ватиканского дворца для благословения «*urbi et orbi*», не подумав о том, что выход из ватиканских покоев может быть расценен как символический «отказ от ватиканского плена». Кардинал-декан в испуге напомнил папе о политических последствиях его поступка, в связи с чем Пий X благословил народ тоже лишь с балюстрады, восприняв роль пленника, которую исполняли его предшественники.

Это интермеццо также свидетельствует о том, что вставший во главе церкви бывший провинциальный приходской священник вообще не был знаком с курией и методами управления вселенской церковью. Пожалуй, именно это и его глубокая набожность способствовали тому, что пришедший извне человек, который глазами священника, знающего итальянскую действительность и повседневную жизнь церкви, понял такие внутренние проблемы церкви, которых не замечал

беглый взгляд предшественника, мыслившего категориями европейского масштаба.

Пий X свой новый ватиканский курс начал с того, что сместил Рамполлу с должности главы Государственного секретариата, а его партию удалил из Ватикана. Государственным секретарем он избрал также аполитичного и глубоко консервативного испанского кардинала Мерри дель Валя. Все это свидетельствовало о том, что Пий X критически судил о политической активности своего предшественника, считал ее бесполезной, и свою задачу видел не в политической деятельности, а в проведении внутреннего обновления церкви.

В энциклике Пия X «*E supremi apostolatus cathedra*», опубликованной 4 октября 1903 года в связи с его вступлением на престол, была изложена программа консервативного реформаторского папства. Ее центральной мыслью было: «*Instaurare omnia in Christo!*» («Все обновить во Христе!»), средствами и областью осуществления виделась не церковная политика, а углубление религиозной жизни и обновление пастырской деятельности, стремление сделать их эффективными. Так, энциклика считала важной задачей воспитание такого католического клира, который сначала в самом себе сформировал бы жизненные идеалы христианской святости, прежде чем приниматься за воспитание таких качеств в других. В отношении государственной власти Пий X проявил нейтральность, хотя и симпатизировал консервативным монархиям. В то же время он однозначно дал понять, что для выполнения церковного предназначения в роли духовного пастыря необходима полная свобода.

20 января 1904 года была издана конституция «*Commissum nobis*», в которой кардиналам под угрозой отлучения было запрещено представлять на конклаве вето иностранного государства. Тем самым было окончательно ликвидировано эксклюзивное право. Этим постановлением Пий X хотел оградить церковь от влияния светской власти (имея в виду, кстати, вето в отношении кандидатуры Рамполлы на последнем конклаве). В булле «*Vacante sede apostolica*» от 25 декабря 1904 года Пий X закрепил существовавший до того порядок избрания папы и в еще большей степени усилил положение о недопустимости оказания внешнего влияния на выборы.

Период от смерти папы до интронизации нового папы — *sede vacante* и конклав — протекает вплоть до наших дней по правилам, установленным Пием X. Как только папа умирает, его лицо немедленно покрывают белым саваном. Камерленго маленьким золотым молоточком три раза стучит по лбу умершего и обращается к нему по имени. Затем объявляет: «Папа действительно мертв!» После этого труп усопшего бальзамируют, переодевают и помещают на катафалк в базилике Святого Петра. Из папских регалий берут рыбацкий перстень (папский перстень с печаткой) и разламывают его. В период *sede vacante* (вакансии папского трона) церковью управляет комиссия кардиналов, состоящая из трех членов, во главе с камерленго. Функция кардинала-государственного секретаря со смертью папы автоматически прекращается.

По умершему папе служат девять траурных месс, и во время девятой мессы тело его предают вечному покою. Обычно в течение 15 дней, но не позднее чем на 19-й день после смерти папы начинается конклав. Организация его также входит в обязанности камерленго. Конклав проводится в Сикстинской капелле. Не только капеллу, но и примыкающее к ней крыло Ватиканского дворца оборудуют для этой цели. Кардиналы во время конклава проживают в своих кельях, здесь же они едят; в их распоряжении находятся слуга и секретарь. Маршал конклава, который всегда назначается из княжеской семьи Чиги, следит за порядком. Внутренний надзор осуществляют сменяющие друг друга три самых пожилых кардинала.

Накануне конклава кардинальский корпус собирается на мессу, которую служит кардинал-декан, обращающийся с просьбой к Святому Духу снизить на членов конклава. Придворный прелат на латинском языке читает проповедь и напоминает избирающим папу кардиналам об их обязанностях. На другой день они торжественно направляются в Сикстинскую капеллу; при этом они поют «Veni Sancte». В капелле кардиналам вновь зачитывают закон о выборах папы, после чего каждый из них дает клятву его соблюдать. Затем тремя ударами колокола подают сигнал закрыть двери помещений конклава; в это время церемониймейстер провозглашает «Extra omnes». Кто вошел в помещение, где проводится конклав, может покинуть его лишь в случае очень тяжелой болезни, но вернуться уже не имеет права. После закрытия дверей дежурный кардинал обходит помещения и проверяет, не скрывается ли там кто-либо из посторонних. (Выборы и впредь могут проводиться тремя способами: провозглашением, путем соглашения или голосованием — *scrutinium*.)

В Сикстинской капелле у каждого кардинала имеется отдельное место за столиками с балдахинами, расположенными вдоль стен. На каждом столике стоит письменный прибор. Церемониймейстер раздает заранее отпечатанные бюллетени для голосования. На них по-латыни имеется надпись: «Elego in Summum Pontificem Rev. num», под которой пишут имя того, кого желают избрать. Бюллетень (*scrutinium*) свертывают, помечают и, произнеся краткую молитву, опускают затем в урну, стоящую посередине зала. К больным кардиналам бюллетени приносят в их келью и в свернутом виде относят в зал и бросают в урну. Если нет большинства в две трети плюс один голос (сам за себя никто проголосовать не может!), сразу же проводят еще один тур голосования. Ежедневно можно проводить по два голосования утром и по два вечером. В случае отрицательных результатов голосования использованные бюллетени смешивают с влажной паклей и сжигают в печке с выходящим наружу дымоходом. Появившийся черный дым извещает, что предстоит новый тур голосования. Если выборы прошли успешно, то бюллетени не смешивают ни с чем и поэтому во время их сожжения образуется белый дым (сфумато). Кардиналы — за исключением избранного — опускают над своими столиками балдахины. Кардинал-диакон спрашивает избранного, принимает ли он избрание и какое имя он себе берет. Если на вопрос он отвечает утвердительно, то ему приносят папское облачение, надевают на него паллий и кардиналы подходят к нему поцеловать руку.

Обычная повседневная одежда папы представляет собой белую, сшитую из тонкой хлопчатобумажной ткани сутану с пелериной, с подвернутыми рукавами, белые чулки, белый колларе, белый шелковый пилеолус, белый шелковый пояс с золотыми кистями, украшенный вышитым или нарисованным папским гербом. Сутану изготавливает придворный портной, пояс и сандалии (туфли) обычно папа получает в подарок от аристократических семей или от монашеских орденов. Сандалии изготавливают из пурпурного шелка или красного бархата с золотой вышивкой, на передней части — крест. Поверх сутаны папа носит моззетту (пелерину) красного цвета, зимой из красного бархата, отороченного соболем, а летом — легкую шелковую, без оторочки. В торжественных случаях моззетту и широкую красную столу он надевает на стихарь. Вне помещения, например во время прогулок в Ватиканском саду, папа носит длинное белого цвета пальто или алый плащ из шарлахового сукна, красную шляпу, украшенную кисточками золотого цвета.

Литургическое одеяние папы еще более разнообразно и многоцветно.

Новоизбранный папа получает также регалии своей власти. Каждая из них обладает особым значением. Наиболее важной регалией папства является паллий, который папа носит всегда, это

символ его власти. При избрании паллий накидывают папе на плечи, и, начиная с этого момента, он фактически становится папой. Новый перстень новому папе дарит город Рим. Начиная с XIII века и вплоть до Григория XVI папы использовали камень перстня также как печать.

Прямой пастырский посох — символ епископства, рыбацкий перстень — символ единения с церковью, а тиара, которую папа получает позднее, при интронизации, — показатель его княжеского достоинства.

Самый старший по возрасту кардинал-диакон с внешней лоджии собора Святого Петра объявляет ожидающей на площади толпе: «Annuntio vobis gaudium magnum! Habemus Papam!» («Я сообщаю вам великую радость! У нас есть папа!»). Он также сообщает имя избранного кардинала и имя, какое взял себе новый папа. Затем на лоджии появляется новый папа и прежде всего благословляет «Urbi et orbi» («Город и мир»).

В первое воскресенье после избрания в соборе Святого Петра происходит интронизация папы. Перед коронационной мессой во время прохождения процессии совершается целый ряд церемоний. Вершиной обряда является момент возложения кардиналом-диаконом тиары на голову папы. (Раньше начало понтификата исчислялось со времени интронизации.)

Пий X после вступления на трон с неожиданной активностью взялся за реформаторскую деятельность. Реформы нового папы касались всех функций капеллана, приходского священника, каноника и епископа, то есть тех функций, которые папе были известны из практики, ибо он сам их исполнял.

Первым его практическим шагом была реформа церковной музыки. Своей энцикликой 1903 года («Inter sollicitudines») он объявил григорианскую церковную музыку музыкой официального богослужения. Пий X создал в Риме высшую школу церковной музыки. Большое внимание он уделял внутреннему углублению священнической жизни, дисциплине клира и выполнению обязанностей, связанных с их призванием. Впервые в 1904 году в Риме папа велел провести в своей епархии визитацию (контрольную проверку), в ходе которой было отчислено по непригодности большое число церковных лиц. Папа сделал обязательной проведение во всех итальянских епархиях строгой визитации. Затем последовала реформа в более чем 300 итальянских духовных учреждениях, а также реформа семинарского обучения. (Работа продолжалась в течение 1907–1908 годов, когда были созданы центральные семинарии и реорганизованы епархиальные семинарии, в процессе чего проводилась также унификация учебного процесса.) В соответствии со временем были внесены изменения и в литургию. В 1904 году папа дал указание организовать новое издание литургических книг (редактирование текстов духовных песнопений было возложено на французских бенедиктинцев). В своей булле «Divino afflatu» от 1 ноября 1911 года Пий X предпринял модернизацию бревиария (молитвенника): он сократил и по-новому сгруппировал молитвы, уменьшил число праздников и восстановил авторитет воскресенья.

Целый ряд реформ был направлен также на углубление религиозной жизни мирян. В своем пастырском послании «Acerbo nimis» от 15 апреля 1905 года он уделяет внимание вопросам религиозного воспитания. В декрете от 20 декабря 1905 года с целью интенсификации религиозной жизни он настойчиво требовал как можно чаще, по возможности ежедневно, причащаться. В августе 1910 года в специальной энциклике папа занимается вопросом о первом причастии детей; наиболее подходящим возрастом для этого он установил семь лет. В 1907 году он принимает новые меры,

направленные на укрепление христианского брака и обручения (декрет «*Ne temere*» от 2 августа 1907 года). С целью вовлечения мирян в духовно-пастырскую деятельность иерархии, в регулирование общественной и религиозно-нравственной деятельности, подчиненной непосредственно церкви, Пий X в 1905 году создал организацию «Католическое действие» («*Actio Catholica*»).

Вторая группа реформ папы затрагивала область управления церковью. С целью эффективности управления он посчитал необходимым сделать церковное право обозримым. В своем послании от 19 марта 1904 года, начинавшемся словами «*Arduum sane*», он объявил о начале церковно-юридической кодификационной работы. Целью работы была систематизация и унификация ставших неясными канонов и модернизация устаревшего Кодекса канонического права. Членами комиссии по разработке Кодекса он назначил известных кардиналов, теологов и ученых в области канонического права. Секретарем комиссии стал кардинал Пьетро Гаспарри. Реформа канонического права служила делу римской централизации. Когда Пий X поручил Гаспарри руководить этой работой, он сообщил ему, что ждет от кардинала не поспешной, а основательной работы, которую не обязательно закончить при его жизни.

Наиболее важной практической реформой в области церковного управления явилась реформа Римской курии. Пий X своей конституцией от 29 июня 1908 года, начинавшейся со слов «*Sapienti consilio*», осуществил давно назревшую, но ставшую совершенно неотложной после ликвидации Папского государства реформу. В соответствии с ней, Римская курия (*Curia Romana*) включает в широком смысле Папскую капеллу (*Capella Pontificia*), то есть лиц, участвующих и помогающих при папском богослужении, и вообще придворную иерархию, в более узком смысле — папский придворный персонал (*Familia Pontificia*). Во главе последнего стоят два дворцовых кардинала — датарий и государственный секретарь. За ними рангом ниже следуют члены папской тайной палаты: папский главный гофмейстер, главный камергер, папский аудитор, мажордом апостольского святого двора и два стоящих у трона папы князя (князь Орсини и князь Колонна). Затем следуют дежурные тайные камерарии, светские камерарии, начальники папских отрядов телохранителей (командиры дворянской гвардии, швейцарской гвардии, дворцовой гвардии и папской жандармерии) и, наконец, папские прелаты.

Куриальные чиновники по своему рангу относятся к трем категориям: куриальные кардиналы; высшие чиновники (*officiales maiores* или прелаты); низшие служащие (*officiales minores*) или чиновники в обычном смысле слова.

Римская курия, центральное управление церковью, осуществляет руководство через святыя конгрегации (*Sacra Congregacia*), через церковные судебные трибуналы (*Tribunale*) и, наконец, через различные церковные ведомства.

Сикст V в начале контрреформации разделил куриальное правительство на 15 конгрегаций, число и состав которых на протяжении времени постоянно менялись. Число конгрегаций к середине XIX века достигало 30, при восшествии Пия X на престол их было 21. После ликвидации Папского государства конгрегации, вызванные к жизни необходимостью управлять государством, потеряли свой смысл. Изменение ситуации, церковное управление XX века потребовали произвести модернизацию курии, носившей феодальный характер.

Задачи в определенной пропорции были вновь перераспределены и точно описаны. Деятельность конгрегаций Пий X определил следующим образом: подлежащую обсуждению тему префект

соответствующей конгрегации в письменном виде сообщает кардиналам и консультантам конгрегации. После истечения срока, предоставленного для изучения документа, на генеральном собрании, на котором председательствует старший по возрасту кардинал, после обстоятельной дискуссии выносятся решения, за которые голосуют утвердительно или отрицательно. Язык обсуждения, как правило, итальянский (возможно, латинский); при этом ведется протокол. Круг задач каждой отдельной конгрегации подробно регламентируется соответствующими канонами. Ход дел в конгрегациях обычный, административный.

Структура конгрегаций следующая: конгрегация состоит из многих назначенных папой кардиналов, во главе с кардиналом-префектом. Поскольку председателем конгрегации является сам папа, то непосредственно руководит конгрегацией кардинал-секретарь. Префектом наиболее важной конгрегации, Священной канцелярии, является сам папа, но и руководство некоторыми другими, в данный момент наиболее важными конгрегациями, может взять на себя папа. При префекте действует секретарь. К конгрегации относятся куриальные и некуриальные кардиналы; число их меняется в пределах между 10 и 30. Число консультантов, подготавливающих специальные вопросы, обычно в два раза больше, чем число кардиналов, членов конгрегации. Папа Пий X сохранил или же реорганизовал следующие конгрегации:

1. *Sacra Congregatio S. Officii* (Конгрегация священной канцелярии: высшее ведомство по делам веры). Осуществляет надзор за чистотой веры и морали, выносит суждения по этому вопросу. Решает вопросы, связанные с браком. Со времени понтификата Бенедикта XV ведет также дела Конгрегации «индекса».
2. *Congregatio Consistorialis* (Консистерская конгрегация). В результате реформы она стала второй по значению конгрегацией. В ее задачу входит решение всех вопросов церковной организации, назначение администраторов, коадьюторов, проверка, предшествующая назначению епископов. Осуществляет общий надзор над епископами.
3. *Congregatio de Disciplina Sacramentorum* (Конгрегация дисциплины таинств). Толкование и защита учения о семи таинствах — такова задача конгрегации; основана Пием X. В сферу деятельности конгрегации входит также, например, освобождение от поста.
4. *Congregatio Concilii* (Соборная конгрегация). Задача конгрегации — толкование и осуществление решений Тридентского собора. Ее юрисдикция распространяется на дела, связанные с дисциплиной и моралью духовенства и верующих. Сюда относятся также дела о церковном имуществе, о пошлинах и сборах; местные и региональные соборы.
5. *Congregatio Religiosorum Sodalium Praeposita* (Конгрегация монашеских орденов). Ведает всеми делами, касающимися монахов и монашеской жизни, за исключением сферы деятельности конгрегации пропаганды веры. Ее самостоятельность была восстановлена Пием X.
6. *Congregatio Propaganda Fide* (Конгрегация пропаганды веры). В задачу конгрегации входит руководство проповедованием веры среди язычников, церковное управление территориями, не имеющими самостоятельных иерархий. Пий X изъял из ее юрисдикции епархии Соединенных Штатов Америки, Канады и Русской Польши, выделив их в самостоятельные иерархии.
7. *Congregatio Sacrorum Ritum* (Конгрегация обрядов). Она ведает вопросами литургии, литургических книг, а также задачами, связанными с осуществлением церемонии причисления к лику святых и блаженных.

8. *Congregatio Saeremonialis* (Конгрегация церемоний папского двора). Задачей конгрегации является организация церемоний, в которых принимает участие папа или которые совершают кардиналы. Префектом этой конгрегации является кардинал-декан. Она разрабатывает протокол приема в Ватикане королей и глав государств.

9. *Congregatio de Seminariis et Universitatibus Studiorum* (Конгрегация семинарий и университетов). Ее задача: регламентация и надзор за процессом учебы и научной деятельности в этих церковных заведениях, а также присуждение университетских степеней.

10. *Congregatio Indicis* (Конгрегация Индекса). В функции конгрегации входит церковное обсуждение и запрещение книг; конгрегация просуществовала до 1917 года.

11. *Congregatio pro Negotiis Ecclesiasticis Extraordinariis* (Конгрегация по чрезвычайным (особым) церковным делам). Вначале занималась исключительно чрезвычайными французскими церковными делами, вызванными Французской революцией. В 1814 году Пий VII распространил ее юрисдикцию на всю церковь. Пий X вновь ограничил ее деятельность только чрезвычайными церковными делами. В ее задачу входят переговоры с правительствами, например при назначении спорных кандидатур епископов, подготовка конкордатов. Ее префектом всегда бывает кардинал-государственный секретарь, а членами обычно только куриальные кардиналы. Эта конгрегация, по существу, является министерством иностранных дел папы.

Пий X по-прежнему рассматривал конгрегации как основные звенья церковного правительства. В ходе реформ папа не только упорядочил конгрегации, но и отделил друг от друга церковный суд и законодательство. В 1910 году он специально реорганизовал и трибунал *Romana Rota*.

Куриальные суды (*Tribunale*) состоят из судей, которые могут быть не обязательно кардиналами. *Sacra Poenitentiarum* — во главе с главным пенитенциарием — представляет собой орган, занимающийся прощением грехов, исповедью и паломничеством, она по своей деятельности скорее напоминала административную, а не судебную инстанцию. «*Signatura Apostolica*» — это высший кассационный суд, высший суд церкви. *Sacra Romana Rota*, собственно говоря, является куриальным судом, где практически рассматриваются судебные дела.

И наконец, функцией куриальных учреждений, возглавляемых кардиналами, является то, что они готовят и рассылают соответствующие документы по делам, решаемым папой или конгрегациями, словом, выполняют служебную роль по этим делам. Их деятельность носит административный характер. Следовательно, куриальные учреждения — это исполнительные органы; руководство ими не коллегиальное.

Куриальные учреждения следующие:

1. *Apostoli Cancellaria* — одно из самых старых учреждений. Размещается в отдельном дворце; во главе ведомства стоит кардинал-канцлер. Задача канцелярии — рассылка апостолических писем.
2. *Dataria Apostolica* существует с XIII века. Располагается в отдельном дворце, во главе с кардиналом-датарием. Работает с теми апостолическими письмами, которые не посвящены консисторским вопросам.
3. *Camera Apostolica* ведает имуществом Святого престола. Руководит этим учреждением кардинал-камерленго, который в период *sede vacante* берет на себя руководство церковным правительством.
4. *Officium Secretariae Status* (Папский государственный секретариат), возглавляемый кардиналом-государственным секретарем, постепенно на протяжении XIX века превратился в наиболее важное

ведомство курии. Государственный секретарь стал опорой церковного правительства папы, главным образом в политических вопросах, выполняя роль своего рода премьер-министра. Структура государственного секретариата следующая: а) Отдел чрезвычайных церковных дел; б) Отдел общих церковных дел; в) Отдел апостолических посланий. К последнему относятся два секретариата: секретариат папских посланий и секретариат латиноязычных писем.

Пий X упорядочил правовые основы чиновничества и внес изменения в налоговую систему. Он реформировал также таксу, довольно высокий сбор, налагавшийся на папские документы; при определении сбора основополагающим стало материальное положение заявителя. (Новый кодекс канонического права в канонах 246–264, а также в канонах 1598–1605 регламентирует организацию и деятельность курии.)

1 января 1909 года по инициативе папы вышел в свет официальный бюллетень Святого престола «Acta Apostolicae Sedis», в котором публикуются официальные заявления папы, а также открытые решения и постановления куриальных ведомств.

3 декабря 1909 года папа в двух декретах постановил, что епископы должны, согласно единому правилу, представлять систематические и обязательные письменные донесения Святому престолу о положении в своих епархиях, а также отдал распоряжение об обязательном периодическом заслушивании в Риме епископов.

Мероприятия, направленные на углубление религиозной жизни и на модернизацию центральной церковной власти, предусматривали укрепление единства учения и управления церковью, с тем чтобы папа мог эффективно бороться с ересями. Защищая чистоту веры, папа продемонстрировал несгибаемость, что вовлекло его в тяжелые церковно-политические конфликты, и это вновь отрицательно сказалось на отношениях между папством и миром. Пий X называл научные методы и современные философские достижения в области теологии модернизмом, который разъедает, по его мнению, основы всей христианской веры, ибо это становится прибежищем для тех революционных и атеистических идей, которые в равной степени угрожают существованию буржуазного общества и церкви. Под влиянием революции 1905 года в России позиция папы стала еще более жесткой по отношению к современным католическим направлениям, ибо они симпатизировали русской революции. Пий X, идя вслед за своим предшественником, также осудил американизм.

Модернизм вел свое начало от помыслов прогрессивных теологов, стремившихся согласовать католическую теологию с современной наукой. Наиболее значительным представителем среди них был профессор Католического института француз Альфред Луази, который, идя по стопам протестантской библейской критики, применял метод исторической критики при изучении источников веры. Наиболее значительная работа Луази увидела свет в 1902 году, это была книга под названием «L'evangeli et l'eglise» («Евангелие и церковь»). В ней Луази сделал попытку с помощью средств современной науки подвергнуть анализу Священное писание. В 1903 году Рим включил его работу в Индекс запрещенных книг, а папа осудил применение научных методов в теологии. (Другие модернисты, такие, как французы Леруа, Альберт Хутен, итальянец Ромоло Мурри, англичанин Джордж Тиррелл, немец Дёллингер, хотели совместить современные буржуазные философские системы с католическим вероучением и этикой и провозгласили относительность догматов по сравнению с абсолютистской концепцией церкви.)

Для правильного культивирования экзегетики (толкования Библии) и для воспрепятствования

критики Библии, подрывающей основы незыблемости христианской религии, папа 27 марта 1906 года в своем апостолическом послании «*Quoniam in re biblica*» установил для теологов 18 правил изучения Библии и определил также методы ее изучения. Он одновременно осудил историко-критический метод. В 1907 году папа поручил ордену бенедиктинцев пересмотреть Вульгату [52], а 7 мая 1909 года создал папский Институт по изучению Священного писания.

Борясь с модернизмом, Пий X обязал строго и твердо придерживаться схоластики. Программа интегризма, поддерживаемая папой (в защиту цельности учения), основанная на сектантском толковании неотомизма, исходила из того, что на все вопросы частной и общественной жизни ответ следует искать в вере. Это означало, что все стороны культуры и политики — в рамках «Католического действия» — непосредственно подчиняются церковной иерархии. Другой ее целью было исключение модернизма даже административными средствами.

Первым выражением официального интегристского направления можно считать изданный Пием X 3 июля 1907 года декрет «*Lamentabili sane exitu*» и приложенное к нему осуждение 65 модернистских тезисов. 65 тезисов представляли собой извлечение из экзегетики и истории догматов, а также, главным образом, из произведений А. Луази и других французских авторов, включенных в 1903 году в «Индекс». 28 августа 1907 года папская инквизиция отдала распоряжение, что те священнослужители, которые и впредь будут приверженцами перечисленных заблуждений, подлежат отстранению от должностей.

Еще более одиозной была энциклика от 8 сентября 1907 года, начинавшаяся словами «*Pascendi dominici gregis*», которая со всей резкостью объявляла модернизм источником и скопищем всех ересей. Большая часть энциклики была сформулирована французским иезуитом кардиналом Бийо, который в 1927 году — из-за того, что Пий XI осудил «Французское действие» («Аксьон Франез») — отказался от кардинальского звания. Согласно этой энциклике модернистом считается каждый, кто положительно относится к современным идеям. Энциклика «*Pascendi*» в значительной степени представляла собой комментарий к декрету «*Lamentabili*». Она состояла из двух частей. В первой, теоретической, части излагалась суть модернизма и давалась его критика как агностицизма, который исключает веру из средств познания. Во второй части энциклики перечислялись административные контрмеры, с помощью которых папа хотел уничтожить модернизм не только дидактическим способом, но и законодательным путем. Предписывалось подозреваемых в модернизме преподавателей удалять с кафедр; семинаристам запрещалось посещать лекции в светских университетах; ужесточалась церковная цензура. В каждой епархии, как того требовала энциклика, создавались так называемые *consilium vigilantiae*, в задачу которых входило отыскание следов модернизма.

Пий X ввел действительно духовную диктатуру. 7 марта 1908 года на празднике Святого Фомы в Риме торжественно был отлучен от церкви Луази. В Италии и Франции из университетов были удалены известные профессора. Папа объявил модернизмом и так называемый реформаторский католицизм, который хотел привести церковь в соответствие с прогрессом в общественной и политической области, не нанося ущерба традиционному учению церкви. В результате этого в «Индекс» попали книги немца Альберта Эрхардта «Католицизм и 20-й век», а также три работы венгра Оттокара Прохаски.

Во главе антимодернистских атак стоял кардинал Умберто Бенини. По настоянию интегристов 1

сентября 1910 года папа в послании, начинавшемся со слов «Sacrorum Antistium», потребовал, чтобы священники, префекты и теологи давали антимодернистскую присягу. Того, кто возражал, отлучали от церкви. Против модернистов была предпринята по масштабам и характеру настоящая средневековая травля, жертвами которой пало много таких теологов, которые обвинялись в ошибках лишь за то, что не поддерживали неотомизм, хотя модернистами вообще не были. Кардинал Бенини — с ведома Пия X — создал тайную службу «Sodalitum Pianum», которая быстро превратилась в устрашающее учреждение. (Папа укрепил эту насчитывавшую около 1000 человек организацию, подчинив ее консисторской конгрегации.) Интегринистская тайная служба имела досье на каждого чем-то выделяющегося теолога и церковного деятеля; ее филиалы действовали в Милане, Фрейбурге, Вене, Берлине, Кельне, Женеве, Брюсселе и Париже.

Пий X, используя также административные средства, ликвидировал модернизм, проявившийся в политическом католицизме. О возврате папы к реакционной соотносительно с эпохой политике свидетельствует тот факт, что во Франции на первых порах его симпатии были на стороне «Французского действия». В то же время в своем послании от 25 августа 1910 года, адресованном французским епископам, папа запретил движение прогрессивных католиков «Sillon». Но в католическом движении во Франции была потребность большая, чем когда-либо раньше. В 1904 году были прерваны дипломатические отношения со Святым престолом, национализированы церковные школы, а в 1905 году был принят закон об отделении церкви от государства. Закон обеспечивал свободу совести и вероисповедания, а также полную свободу церкви, но лишил ее государственной поддержки. В отделении церкви от государства папа видел лишь отрицательные стороны, поэтому в 1906 году он выступил против него и запретил также французским католикам организовываться в автономные церковные общества (энцикликами «Vehementer nos» и «Gravissimi officii numere»).

Противоречиво складывалась политика папства в Италии. Для осуждения итальянского модернизма существовали также политические причины. Мурри и итальянские христианские демократы противились тому, чтобы папа вмешивался в политические дела; они хотели организовать автономную, народную и демократическую партию. Однако папа упорно отклонял мысль о создании итальянской католической политической партии. Что касается основных принципов, то он был приверженцем «Non expedit!» («Не разрешать!») и верующих-католиков желал во всех отношениях подчинить иерархии. Органом этого движения было «Католическое действие», предложенное папой в троицын день, 11 июня 1905 года, в энциклике «Il fermo Proposito». В 1906 году папа осудил Мурри, а в 1907 — отстранил его от должности священника. В 1908 году Мурри и его единомышленники добровольно покинули церковь, но Пий X отлучил их от церкви, ибо Мурри дал согласие на избрание его депутатом парламента.

В действительности же Пий X был с самого начала не против политики, а лишь против прогрессивной католической политики. С момента вступления на папский престол он ослабил трактовку «Non expedit!», основываясь на положительном опыте Венеции, признавал возможность участия в политике на уровне местного самоуправления. Более терпимым к национальному государству его сделали народное происхождение, естественный итальянский патриотизм и то, что он прежде никогда не входил в курию. Пий в первую очередь выказывал понимание там, где речь шла о сплочении буржуазных сил против социалистов. В 1905 году в связи с успехами социалистов он разрешил католикам при поддержке церковной иерархии участвовать в парламентских выборах

там, где избранию кандидата-социалиста и антиклерикала другими путями нельзя помешать. В 1909 году уже 24 депутата, называвшие себя католиками, заняли место в парламенте (из 484). В 1913 году пакт католиков и либерала Джолитти на парламентских выборах означал дальнейший подрыв принципа «Non expedit!».

Интегрისტская линия папы втянула Святой престол в новый конфликт, на этот раз с Германией. 26 мая 1910 года Пий X в своей так называемой БоррOMEус-энциклике («*Editae saepe*») вновь обрушился на модернистов, называя их лжереформаторами. Им он противопоставил одного из вождей контрреформации — Сан-Карло БоррOMEо, объявив его истинным реформатором. Протестанты нашли некоторые положения энциклики оскорбительными и в восхвалении памяти БоррOMEо усмотрели рецидив духа религиозных войн.

Пий X хотя и половинчато, но тем не менее поддержал консервативно филантропические конфессиональные рабочие объединения (но не христианские профсоюзы) в так называемой дискуссии о профсоюзах, развернувшейся в Германии и Голландии. В энциклике от 24 сентября 1912 года «*Singulari quadam*» он считал приемлемыми лишь такие межконфессиональные профсоюзы, члены которых одновременно вступали и в католические рабочие объединения.

Не располагавший должным международным политическим опытом Пий X поставил церковь в области политики в трудное положение. Не говоря уже о конфликте с Францией, связи Ватикана почти со всеми остальными странами были заметно нарушены. Стали напряженными отношения с Германией, Россией и Соединенными Штатами. В 1910 году Испания, а в 1911-м Португалия порвали дипломатические отношения со Святым престолом. После начавшегося потепления в отношениях с Италией папа все же не смог коренным образом изменить прежнюю негативную позицию.

Плохие воспоминания о связанных с именем Пия X преследованиях в XX веке еретиков, гонениях на модернистов остались в памяти, несмотря даже на то, что в 1954 году Пий XII, отдавая должное его действительно непреходящим внутрицерковным реформам и глубокой религиозности, причислил Пия X к лику святых.

Период между войной и миром (Бенедикт XV, 1914–1922)

Накануне первой мировой войны, начавшейся 28 июля 1914 года, папство оказалось почти в полной международной изоляции. Поэтому понятно, почему на конклаве, собравшемся в первые дни войны, вновь одержало верх политическое направление, желавшее поставить во главе церкви папу-дипломата. Им стал архиепископ Болоньи кардинал Джакомо делла Кьеза, принявший имя Бенедикта XV (1914–1922), понтификат которого протекал под знаком мировой войны и ее последствий в условиях революционного кризиса.

Делла Кьеза происходил из древней генуэзской аристократической семьи. Вначале он изучал право, чтобы посвятить себя адвокатской деятельности, затем избрал себе священническое поприще и в Грегорианском университете начал осваивать теологию. Затем занимался изучением церковного права в привилегированном римском аристократическом колледже, который являлся частью римского дипломатического института. Рамполла заметил его в 1882 году и привлек к работе в Конгрегации по чрезвычайным делам, где вскоре делла Кьеза стал доверенным сотрудником Рамполлы. Кьеза почти два десятилетия работал вместе с Рамполлой. В конце концов в 1901 году делла Кьеза стал заместителем государственного секретаря. После смерти Льва XIII Рамполла был

освобожден от занимаемой должности, однако Пий X оставил Къезу вплоть до 1907 года. Хотя он и сотрудничал с новым государственным секретарем, Мерри дель Валем, тем не менее в 1907 году его удалили из курии, ибо он не был согласен с методами, применявшимися против модернистов. В декабре 1907 года Пий X назначил его архиепископом Болоньи. До самого его удаления из курии в государственном секретариате без него трудно было обойтись, ибо новая администрация вначале не была знакома с делами. Архиепископство Болонское после куриальной карьеры считалось понижением. На удалении Къезы из курии настоял Мерри дель Валь, ибо в нем он видел лидера партии Рамполлы. Так Къеза стал архиепископом крупного промышленного города, хотя до этого не был ни епископом, ни даже приходским священником. Пий X не любил сурового аристократа. Признаком его недоверия к нему может служить и то, что Къеза не получил сан кардинала, который обычно давался при вступлении в должность архиепископа Болоньи. И лишь во время своей последней консистории, в мае 1914 года, папа Пий X ввел его в круг кардиналов. Тем не менее ссылка в Болонью способствовала тому, что 3 сентября 1914 года самого «свежеиспеченного» кардинала избрали папой.

Бенедикт XV во многом походил на папу Льва XIII, но без его масштабности и успехов. Государственным секретарем нового папы стал известный церковный правовед кардинал Гаспарри. 8 сентября 1914 года Бенедикт XV в своем первом папском послании «*Ubi periculum*», обращенном к католикам всего мира, настойчиво потребовал восстановления мира. Он заявил о строгом соблюдении нейтралитета Святым престолом в условиях противоборства сражающихся сторон. Несмотря на то что и курия раскололась на две партии — партию, симпатизирующую Антанте, и сторонников центральных держав, — папа соблюдал независимость и нейтралитет.

И в его энциклике «*Ad beatissimi*» от 1 ноября 1914 года при вступлении на престол центральной мыслью было осуждение войны и настойчивое требование восстановить мир. По его мнению, основной причиной войны были дехристианизация мира, безверие. А касаясь восстановления внутреннего мира в обществе, он, ссылаясь на энциклику Льва XIII, выступавшего против классовой борьбы, настойчиво требовал достижения согласия.

Папа вновь осудил модернизм, но порвал с методами Бенини и положил конец гонениям на еретиков со стороны интегрисов. (В 1920-х годах Бенини стал для Муссолини основным источником информации.) Программная энциклика, в которой подчеркивалась авторитарность папы и необходимость обсуждения римского вопроса в качестве проблемы реставрации, скорее отражала старые позиции. Бенедикт XV во время своего понтификата стремился к синтезу ведущих идей, излагавшихся Львом XIII и Пием X.

Значительная часть правления Бенедикта XV была заполнена вопросами войны и мира. В его деятельности прослеживается два направления: с одной стороны, он отчетливо определил принципиальную позицию церкви в вопросе о войне и мире; с другой — предпринимал дипломатические шаги, обращенные к правительствам, с целью установления мира. Папа не делал — и в силу своей позиции и не мог делать — различия между группировками империалистических держав.

В декабре 1914 года папа в своем послании «*Cum de fidelibus*», направленном бельгийскому кардиналу Мерсье, выразил свое участие в связи с германской агрессией, постигшей Бельгию. Страны Антанты — главным образом антипапски настроенный Клемансо — обвиняли папу в

германофильстве, ибо он не осудил открыто и торжественно агрессию. С конца 1914 года папа с целью уменьшения страданий, вызванных войной, сотрудничал со Швейцарией и с международным Красным Крестом. Папа предложил организовать взаимный обмен небоеспособными ранеными военнопленными.

В начале 1915 года Бенедикт XV попытался выступить посредником между Австро-Венгерской монархией и Италией, чтобы помешать вступлению Италии в войну. Однако его посол Эудженио Пачелли не достиг успеха в переговорах с дряхлым Францем-Иосифом и венгерским примасом Яношем Чернохом. Когда Антанта вновь обвинила папу в симпатиях к центральным державам, папа Бенедикт XV в своей консисторской речи (22 января 1915 года) вновь подчеркнул свой строгий нейтралитет. В 1915 году Италия вступила в мировую войну на стороне Антанты. Это еще более побудило папу соблюдать нейтралитет и сделало невозможным вмешательство во внутренние дела Италии. Связь Святого престола с иностранными государствами стала намного труднее. В то время как Великобритания основала временное посольство в Ватикане, послы центральных держав (Австро-Венгрии, Баварии и Пруссии) были отозваны из Италии и перемещены в Лугано (Швейцария). Папа надеялся, что в процессе послевоенного нового регулирования станет возможным достичь компромисса с итальянским государством путем реставрации Папского государства в том или ином виде. Итальянское королевство упредило это, оговорив в лондонском тайном соглашении от 26 апреля 1915 года (пункт 15), что приглашение папы на будущие мирные переговоры ставится в зависимость от позиции итальянского правительства. После вступления Италии в войну нейтральная Испания предложила папе переехать в Эскориал. Убедить папу покинуть итальянскую столицу старались главным образом центральные державы. Руководитель партии Центра Эрцбергер предложил папе Лихтенштейн.

12 декабря 1916 года центральные державы призвали папу принять участие в мирном посредничестве. Папа не дал согласия на это и не поддержал компромисс, односторонне благоприятный для центральных держав, что было весьма отрицательно воспринято в Берлине и Вене. (Само собой разумеется, что предложение о мире было ранее отклонено и Антантой.)

Победа буржуазно-демократической революции в России, вступление Соединенных Штатов в войну и мирное посредничество социал-демократов в Стокгольме в мае 1917 года заставили Бенедикта XV подключиться к этим мирным посредническим действиям, направленным на достижение согласия между воюющими державами, и в этом направлении папа оказал воздействие и на партию Центра. Причиной внезапно возросшей активности было стремление противодействовать усилению революционных движений, происшедшему в мире вследствие кризиса, вызванного войной. В результате предварительной осторожной разведки, проведенной папой, выяснилось, что Австро-Венгрия (министр иностранных дел Чернин), а также Эрцбергер готовы с одобрением отнестись к посреднической миссии папы. Подготовка этой акции было подчинено назначению Пачелли в мае 1917 года нунцием в Мюнхен. Пачелли вел переговоры с германским канцлером, императором Вильгельмом II и императором-королем Карлом IV. Он мог доложить в Ватикан, что подготавливаемая мирная акция пользуется поддержкой со стороны центральных держав.

1 августа 1917 года Бенедикт XV направил мирную ноту державам, участвующим в войне. В ее вводной части папа подчеркивал свою независимость и отрицал принадлежность к какой-либо стороне. Он исходил из того, что продолжение войны может привести к крушению европейской

христианской цивилизации. В войне он усматривал наказание миру за отход от христианства. Он внес конкретные предложения относительно всеобщего и взаимного разоружения, международного арбитражного суда; эти предложения, по его мнению, составят основы безопасного и прочного мира. Он внес предложение об обеспечении свободы морей. Папа отклонил принцип репараций и коллективной военной ответственности. Он предложил, чтобы противоборствующие стороны взаимно отказались от компенсаций за ущерб, нанесенный друг другу. (Хотя к тому времени такой ущерб, главным образом, был причинен немцами нейтральной Бельгии и оккупированной Франции.) Что касается военных преступлений, то папа придерживался принципа разделяемой ответственности. Говоря о территориальных вопросах, папа предложил возвратить оккупированные во время войны территории: немцы уходят из Бельгии и Франции, а Антанта возвращает Германии немецкие колонии. (В отношении Эльзас-Лотарингии, принадлежности Триеста и Триента, о Балканах и Польше ничего сказано не было.)

В Берлине ноту папы приветствовали, в Лондоне в принципе не отказались от переговоров. Однако президент Вильсон отклонил посредничество папы, ибо он уже приписывал заслугу достижения мира себе. Во Франции и Италии шаг папы расценили как услугу, оказанную немцам: даже часть французских епископов открыто подвергала критике ноту папы. В конце концов оказалось, что новое берлинское правительство серьезно и не помышляет о соглашении, и, таким образом, мирная акция папы потерпела полную неудачу. 24 декабря 1917 года Бенедикт XV в своей рождественской речи перед кардиналами с горечью вспоминал о своих безуспешных попытках. После этого папа уже не делал никаких предложений о мире.

В ноябре 1918 года закончилась вооруженная борьба. В своей энциклике от 1 декабря 1918 года «*Quod iam diu*» папа призвал к публичной молитве за успех мирной конференции, за прочный мир, основанный на общих принципах христианской справедливости. Однако папа был вытеснен из завершающего процесса империалистической войны, закончившейся империалистическим миром. При посредничестве американцев 1 июня 1919 года итальянский премьер-министр Орландо посчитал возможным передать папе территорию под гарантию Лиги Наций. (Однако неясно было, то ли под этим понимался лишь Ватикан, то ли территория вплоть до Тибра.) Однако падение Орландо внесло изменение и в планы реставрации.

Папа с оговорками воспринял мирную систему, разработанную под Парижем, он также держался в отдалении от Лиги Наций. (Его вступлению в Лигу Наций и возвращению на арену международной политики воспрепятствовали Франция и Италия.) Новая европейская система урегулирования привела к тому, что решение «римского вопроса» стало еще более актуальным делом. Критическое мнение папы о Парижском мире нашло свое отражение в его энциклике на троицын день (20 мая 1920 года) «*Pasem, Dei munus*». Он указал на отсутствие действительного примирения, на зыбкость мира и не в последнюю очередь на оскорбительное игнорирование прав Святого престола. В годы войны приостановилась также миссионерская деятельность. Папа Бенедикт XV свою энциклику от 30 ноября 1919 года «*Maximum illud*» посвятил реорганизации миссий, находящихся за пределами Европы.

В заслугу Бенедикта XV может быть поставлено то, что революционные и национальные изменения 1918–1919 годов церковь перенесла без особых потерь и не была втянута в конфликт с новыми государствами. Положительное воздействие политики сближения и нейтралитета, проводимого

Львом XIII по отношению к форме государства, дало после войны свои плоды. Это помогло главным образом католикам Германии и Австрии не относиться враждебно к общественным изменениям (к буржуазным либеральным и демократическим республикам, возникшим вместо монархий), а воспринимать их как реальность.

Папа пошел на примирение также с ведущей державой континента — Францией. В мае 1920 года он причислил к лику святых национальную героиню французов Жанну д'Арк [53]. Вскоре после этого в 1921 году были вновь восстановлены дипломатические отношения между Святым престолом и Францией. Папа побуждал немецкий Центр поддерживать демократию и республику, а президент, социал-демократ Эберт со своей стороны способствовал тому, что в 1920 бывшее посольство Пруссии в Ватикане было преобразовано в представительство всей Веймарской республики. В 1920 году была образована берлинская нунциатура. Наряду с протестантской Англией и Голландией дипломатические отношения со Святым престолом установила и синтоистская Япония.

Бенедикт XV делал все для того, чтобы после войны установить хорошие отношения со старыми и новыми государствами преобразованной после войны Восточной и Центральной Европы. (Это, естественно, не относилось к Советской России и в 1919 году к Венгерской советской республике.) В 1919 году была образована нунциатура в Варшаве (первым польским нунцием стал Акилле Ратти). В Венгрию также был направлен нунций. Благодаря блестящей дипломатии Бенедикта XV папство вновь стало пользоваться международным авторитетом; в начале 20-х годов число послов, аккредитованных при Святом престоле, достигло 25 человек.

Бенедикт XV примирился не только с великими державами, но и с прогрессивными католическими движениями. Внезапному росту массового влияния католических партий наряду с углублением религиозности, вызванным войной, способствовало также и то, что они прежде находились в оппозиции или же вовсе не существовали. Так что на них не лежала тяжким грузом ни принадлежность к той или иной правительственной партии, ни ответственность за войну.

Католические партии после 1918 года, как правило, выполняли роль центристских партий; в связи с обострением борьбы между трудом и капиталом они стали манить массы верующих альтернативой третьего пути. Папа проявил понимание в отношении католических партий нового типа, которые своими успехами обязаны обещаниям найти возможный путь между капитализмом и социализмом посредством создания христианского общественного строя, возвращения мира к христианству.

Германская партия Центра, поддерживавшая демократию и реформистские устремления трудящихся, сыграла большую роль в том, что революционная волна в Германии пошла на убыль. Именно такие успехи Центра побудили Бенедикта XV содействовать в начале 1919 года — вопреки сопротивлению кардинала Гаспарри — созданию Partito Popolare Italiano (Итальянской народной партии). Несмотря на то что большинство в курии в принципе по-прежнему отклоняло возможность создания итальянской католической политической партии, Бенедикт XV 20 января 1919 года оказал поддержку сицилийцу Дон Луиджи Стурцо в формировании Итальянской народной партии при условии, что партия не должна включать Ватикан в сферу своей политической деятельности, кроме того, программа партии не должна носить ни церковный, ни конфессиональный характер, а должна быть чисто политической, демократической, социальной и межконфессиональной. Одновременно с этим папа отменил запрет на участие католиков в парламентских выборах. Уже в ноябре 1919 года Народная партия получила более 100 мандатов. Тем, что Бенедикт XV разрешил создать в Италии

католическую политическую партию, он достиг примирения с парламентской демократией.

Благодаря живому реформаторскому духу предшественника Бенедикта XV последнему не пришлось много трудиться над упорядочением внутренней жизни церкви. Самым значительным в этой области было то, что папа в своей конституции от 27 мая 1917 года «*Providentissima Mater*» объявил об утверждении нового Кодекса канонического права, который был введен в действие 19 мая (на Троицу) 1918 года. В работе над источниками кодекса и в редактировании нового сборника законов выдающуюся роль сыграл венгр Юстиниан Шереди. Шереди в сравнительно молодом возрасте, будучи монахом-бенедиктинцем, оказался в Риме, где стал любимцем кардинала Гаспарри, будущего государственного секретаря. Шереди долгие годы отдал работе над кодексом, одновременно выполняя также обязанности советника венгерского посольства в Ватикане по каноническому праву. По всей вероятности, именно благодаря его успешной куриальной деятельности и дружбе с Гаспарри в 1927 году папа назначил его архиепископом Эстергомским, князем-примасом, а вскоре и кардиналом; таким образом, Шереди опередил многих епископов, имевших гораздо больше шансов на это, чем он.

Бенедикт XV принял важное решение в области церковного управления, распустив в 1917 году пользовавшуюся дурной славой Конгрегацию Индекса и передав церковную цензуру книг в юрисдикцию Священной канцелярии. Однако количество конгрегаций не уменьшилось, ибо в начале 1917 года папа образовал новую конгрегацию под названием *Sacra Congregatio de Propaganda Fide pro negotiis Ritum Orientalium*. Эта конгрегация по делам восточных церквей была образована в соответствии с посланием «*Dei providentis*» от 15 января 1917 года. Она осуществляла полную юрисдикцию над различными католическими церквями восточного обряда. Папа Пий XI в 1938 году реорганизовал эту конгрегацию, назвав ее *Sacra Congregatio pro Ecclesia Orientali* (Священная конгрегация по восточным церквям).

Обладавший великолепным даром церковного оратора, Бенедикт XV в своей энциклике от 15 июня 1917 года («*Humani generis*») регламентировал церковные проповеди и запретил вести с кафедры политическую агитацию. Свою энциклику «*Spiritus Paraclitus*», опубликованную в 1920 году в связи с 1500-летием со дня смерти отца церкви Святого Иеронима, папа посвятил теологам: он предупредил их о необходимости согласовывать в интересах веры традицию и новые научные результаты. Папа Бенедикт XV восторженно относился к классической литературе, к итальянскому языку. Он был прекрасным знатоком Данте. В своей энциклике по случаю 600-летия со дня смерти поэта «*In praesentia*», опубликованной 30 апреля 1921 года, он обратил внимание на глубокую религиозность поэзии Данте.

В момент неожиданной смерти в январе 1922 года папы-дипломата, хорошо понимавшего реалии эпохи, все пути были открыты перед новым хозяином Ватикана; вопрос был в том, по какому из них он поведет церковь?

Понтификат Пия XI (1922–1939)

На конклаве, закончившемся 6 февраля 1922 года, победителем вышел кардинал Акилле Ратти, который, будучи архиепископом Милана, поддерживал там прямую связь с местной фашистской группой, возглавляемой самим Бенито Муссолини.

Политическое прошлое нового папы, принявшего имя Пия XI, позволяло предвидеть, в каком направлении будут развиваться события на новом этапе истории папства, занявшем почти два

десятилетия: осуществление еще более, чем прежде, ретроградного обновления.

Акилле Ратти был дворянского происхождения, но вырос в мелкобуржуазной семье. Большую часть своей жизни он провел, занимаясь науками в тиши миланской Амброзианской библиотеки. (В библиотеке он работал с 1888 года, а в 1907 году стал ее префектом.) Однако привлек он к себе внимание не научными успехами, а как альпинист. В 1911 году его назначили заместителем префекта Ватиканской библиотеки, а в 1914 году — ее префектом. Когда Ратти был уже шестьдесят один год, его вызвал папа, пригласив из тишины библиотеки на дипломатическую службу. (Согласно меткому замечанию Бенедикта XV, Ратти из ученого, занимавшегося дипломатией, стал дипломатом-ученым.) В апреле 1918 года его назначили апостолическим визитатором Польши и ее приграничных территорий (Прибалтики). Его деятельность была не безуспешной, ибо в июне 1919 года Польша принимала его уже в качестве нунция. (В это время он стал титулованным архиепископом.) Во время конфликта, возникшего вокруг Силезии, варшавский нунций оказался недостаточно тактичным, вмешался в дела, и в 1921 году папа был вынужден его отозвать. В виде компенсации папа в июне 1921 года назначил его архиепископом Милана и возвел в сан кардинала. Конклав 1922 года, затянувшийся и бурный, посчитал избрание кардинала Ратти компромиссом — ведь он не принадлежал ни к одной партии курии. Преемственность правительственного курса новый папа обеспечил тем, что назначил своим государственным секретарем Пьетро Гаспарри. Однако вскоре выяснилось, что в бывшем папском библиотекаре дремала огромная энергия. В достижении своих целей он был последовательным и решительным, наряду с ученым доктринерством для него была характерна упрямая непримиримость. Сразу же после своего избрания Пий XI появился на внешней лоджии собора Святого Петра и впервые с 1870 года оттуда провозгласил благословение «*Urbi et orbi*». Своим символическим выходом из «заточения» он дал понять, что намерен урегулировать «римский вопрос».

Когда в 1922 году папа Пий XI вступил на престол, казалось, что послевоенная стабилизация капитализма будет достигнута еще не скоро. Это открывало благоприятные возможности для политики Ватикана. Примирение с Советским Союзом (договор в Рапалло 1922 года) оказалось временным явлением, ибо в 1922–1923 годах вновь возникла угроза войны. Между созданными на месте Австро-Венгерской монархии государствами и Ватиканом возникли спорные вопросы из-за новых границ церковных епархий. В результате поражения и распада центральных держав оказались потерянными традиционные консервативные политические партнеры Ватикана (Германия, Австро-Венгрия), в которых существовал традиционный союз между трон и алтарем.

В первую половину 20-х годов — точнее до 1924 года — демократические и либеральные направления в Европе находились в состоянии упорной борьбы с консервативно-реакционными политическими силами. В год избрания Пия XI, как раз в 1922 году, из этой борьбы вышли победителями наиболее консервативные политические направления в ведущих капиталистических государствах: во Франции — правительство Пуанкаре (январь 1922), в Англии — консерваторы (октябрь 1922), в Италии в результате фашистского государственного переворота — Муссолини (октябрь 1922), в Германии — правительство Куно (ноябрь 1922) и, наконец, в Испании — диктатура Примо де Риверы (с 1923 года).

Следствием этой ситуации стало то, что консервативное времен понтификата Пия XI (наиболее похожего на Григория XVI) папство вновь сблизилось с реакционными и консервативными

державами. Этот сдвиг вправо вызывал опасения еще и потому, что на поверхность вышел фашизм, проявившийся сначала как консервативное авторитарное направление, но в процессе развития ставший тоталитарным как в Италии, так и в Германии, обнаруживая также возможности по созданию широкой коалиции, в том числе и с католическими партиями и организациями.

Соответственно с этим и внутри церкви был реализован беспрецедентный абсолютизм. Этот направленный внутрь абсолютизм сочетался во внешней политике Ватикана с системой конкордатов, точно так же как это было при Григории XVI. Все это на долгое время, вплоть до II Ватиканского собора, заслонило действительные проблемы церкви. Абсолютизм Пия XI осуществился прежде всего в трех областях: в неотомистской теории государства, в движении «Католическое действие» и в конкордатах.

Пий XI в своей энциклике «*Ubi arcano Dei*» от 23 декабря 1922 года начертал основное направление, придерживаться которого он хотел, став папой. (После этого последовало бесчисленное количество энциклик по вопросам религии, морали, общества и политики.) Подзаголовком энциклики служили слова: «*Pax Christi in regno Christi*» («Мир Христа в царстве Христа») которые формулировали конечную цель папства, а именно папа должен объединить человечество под духовным и моральным господством церкви и Рима. Что же конкретно означало царство Христа? Абсолютную моральную и идеологическую власть папы над церковью и верующими, в то время как политика в обществе принадлежит консервативной светской власти.

Согласно новому разделению труда, как говорится в энциклике «*Ubi arcano Dei*», церковь уходит из политики и хочет осуществлять свое воздействие в области религии; поэтому она отвергает также все автономные католические общественные и политические движения. Религиозно-нравственную и благотворительную деятельность верующие могут продолжать строго под контролем иерархии. Государство и церковь при определении своих отношений нового типа исходят из того, что причиной противоречий между отдельными государствами, так же как и причиной противоречий внутри общества, является классовая борьба, которая проистекает из-за отхода от законов Бога, от норм религиозной морали. Основой для общественного мира и для мира между народами может стать рехристианизация общества. Государство должно для этого предоставить полную свободу церкви, а церковь в обмен на это должна поддерживать государство в деле восстановления и укрепления порядка.

Из энциклики «*Ubi arcano Dei*» Муссолини тоже понял, что настало время для примирения с Ватиканом. Фашисты отказались от прежней враждебности по отношению к церкви и сосредоточили свое внимание на захвате власти, а после «Марша на Рим» в 1922 году повернулись лицом к церкви с целью расширить массовую базу фашистской власти. В начале 1923 года правительство Муссолини ввело обязательное преподавание закона Божьего, распустило франкмасонские ложи. Своей активной борьбой против коммунистов и социалистов, неприятием либерализма и франкмасонства и, наконец, обещанием сделать католицизм государственной религией фашисты полностью завоевали доверие Пия XI. В соответствии с энцикликой «*Ubi arcano Dei*» папа бросил на произвол судьбы Итальянскую народную партию, которая становилась все более радикальной в общественных вопросах, и Муссолини благодаря этому в 1923 году смог запросто исключить ее членов из правительства и из органов власти. Основатель партии Дон Стурцо под давлением Ватикана ушел от руководства партией, а затем и эмигрировал. Ставшая тотальной фашистская диктатура в течение

1925–1926 годов полностью ликвидировала Народную партию и христианские профсоюзы. Эта дата не случайно совпала с решением «римского вопроса» — с датой начала серии Латеранских переговоров об окончательном примирении государства с церковью.

Между тем папа приступил внутри церкви к осуществлению царства Христа. В своей энциклике «*Quas primas*» от 11 декабря 1925 года он дал интерпретацию актуализированной для церкви христологии и определил содержание праздника Христа-царя. Этот же курс был продолжен энцикликой «*Miserentissimus Redemptor*» от 1928 года о наиболее почитаемом празднике Сердца Иисуса [54], об углубленном изучении христологии. Частью почитания Иисуса Христа стало объявление 1933 года юбилейным Святым годом в связи с 1900-летием смерти Иисуса на кресте.

Пий XI был сторонником возможно большего числа юбилеев, и за время своего понтификата он объявил о целом ряде «святых годов». В 1925 году проводился очередной четвертьвековой юбилей, но в 1929 году он объявил о внеочередном Святом годе для углубления религиозной жизни. (Целью Святого года было привлечение в Рим сотен тысяч паломников; наряду с прибылью от туристов праздник служил демонстрацией моральной власти папы.) Объявленный папой Святым 1933 год был продлен и на 1934-й, с тем чтобы праздник закончился в 1935 году под руководством легата Пачелли в Лурде и оказался таким образом объединенным с культом Марии и царством Христовым.

Этой же цели централизации и усилению набожности служили во времена Пия XI систематически проводившиеся каждые два года евхаристические конгрессы. Во главе международных католических празднеств, проходивших под знаком евхаристии (почитание святого таинства причащения), стоял папский легат. Конгрессы демонстрировали вселенское единение церкви и папский централизм. (С 1881 года они проводились упорядоченно, но систематически стали проводиться лишь с 1922 года. В 1938 году такой конгресс состоялся в Будапеште.) Юбилеи, праздники Святого года и евхаристические конгрессы превратились в международные католические массовые движения, которые хотели показать духовное единство всех верующих, гарантом чего является папа.

Папа Пий XI превзошел всех своих предшественников в деле канонизации святых. Он провозгласил 500 блаженных и 33 святых, среди них иезуита Белларминта, а также англичанина Томаса Мора. В энциклике о празднике всех святых Пий XI в качестве примера, которому должен следовать современный человек, поставил святых времен средневековья и контрреформации.

Пий XI большое внимание уделял развитию церковных наук и использованию современных средств массовой коммуникации; способствовал культивированию латинского языка, изучению схоластической философии. В 1936 году он создал Папскую академию церковных наук. Одной из наиболее важных задач которой является также подготовка церковных дипломатов. В области светских наук Пий своим кровным делом считал прежде всего развитие Ватиканской библиотеки. В 1935 году была открыта новая астрономическая обсерватория в Кастель Гандольфо. Еще в 1913 году была введена в строй радиостанция «Радио Ватикана», перед микрофоном которой часто и охотно выступал Пий XI. Оснащению Ватикана современной техникой помогли значительные суммы, предоставленные папе в соответствии с Латеранскими соглашениями.

Пий XI осознал значение печати в деле формирования общественного мнения. Он уделял много внимания журналистам. В 1936 году в Риме была проведена Неделя католической печати и Выставка католической печати. Пий XI много говорил о киноискусстве. В эпоху расцвета кино папа в своей энциклике «*Vigilanti cura*» от 29 июня 1936 года признал огромные возможности кинофильмов в

оказании воздействия на массы. Считалось допустимым показывать фильмы соответствующего религиозно-нравственного содержания и политической направленности. Поэтому папа рекомендовал создать государственную цензуру фильмов. А епископам рекомендовалось постоянно публиковать список кинофильмов, считавшихся хорошими, равно как и таких, которые они считают плохими, вредными и которые не должны предлагаться верующим. В рамках «Католического действия» также существовал список запрещенных фильмов.

В числе энциклик папы Пия XI можно найти целый ряд взаимоувязанных между собой посланий о воспитании молодежи, о браке, о семейной жизни и общественном строе. В энциклике «*Divini illius magistri*» 1929 года подчеркивалось, что право воспитания христианской молодежи в первую очередь принадлежит церкви, семье и лишь в последнюю очередь государству. Энциклика «*Casti connubii*» о браке и семье, опубликованная в 1930 году, идеализировала традиционный союз между женщиной и женщиной, морально благословляя господство в нем мужчины.

По общественным вопросам папа чаще делал заявления под воздействием мирового экономического кризиса (1929–1933). Энциклика «*Quadragesimo anno*» от 15 мая 1931 года — в 40-ю годовщину «*Rerum novarum*» — связывала решение социального вопроса с корпоративной реорганизацией общества, с осуществлением сословного общества. Сословное государство, корпоративная сословность с самого начала являлись основной идеей теории государства, выработанной церковью. И в основных социальных энцикликах папа на первое место выдвигает принципы организации общества, которые государство применяет к работодателям, а в конечном счете — к рабочим. В то же время социалистическое рабочее движение выдвигало на повестку дня вопрос об изменении отношений между заинтересованными сторонами — рабочими и работодателями, возлагая решение этого вопроса на эти стороны. Энциклика же «*Quadragesimo anno*» запрещала католикам воспринимать социализм, осуждала его и указывала выход в депролетариатизации пролетариев. В роспуске пролетарских организаций самообороны она усматривала возможность ликвидировать классовую борьбу. Пий XI понимал, что церковь потеряла рабочий класс, и это он справедливо назвал скандалом XX века; однако своими предложениями по решению этой проблемы папа еще больше оттолкнул от церкви трудящиеся массы. Возвращаясь на платформу Пия IX, Пий XI рассматривал социальный вопрос не как общественную и политическую проблему, а как вопрос филантропического характера. Об этом свидетельствует также энциклика «*Caritate Christi*» от 31 мая 1932 года о христианском милосердии как главном средстве врачевания социальной несправедливости.

У построенной Пием XI системы идей не было адекватной теологически-идеологической основы. Различные соображения, изложенные в папских энцикликах, не соединялись в единую систему. Пию XI удалось унифицировать и систематизировать лишь организацию по претворению в жизнь царства Христова, организацию «Католическое действие». Папа считал основной опасностью эпохи и источником любой опасности лаицизм. Рехристианизация светского общества согласно вышеуказанным принципам должна осуществляться в рамках «Католического действия». Задача «Католического действия» состоит в активизации верующих путем подчинения во многих странах независимых католических организаций непосредственным целям иерархии и папства. Организация движения «Католическое действие» после 1925 года проходила под знаком деполитизации католических движений и в духе интегризма. Конкордаты и «Католическое действие» были

проявлением одной и той же концепции. Конкордаты были направлены на обеспечение привилегий католической церкви в той или иной стране и на подчинение духовной жизни в ней Риму.

«Католическое действие» хотело добиться того же и в других областях, не подчиненных непосредственно церковной иерархии.

«Католическое действие» объявило, что верующим-католикам следует выйти из политических партий и профсоюзов; это был удар по прогрессивным католическим движениям. «Католическое действие» придерживалось следующей концепции: приспособление к реакционной власти в первую очередь отвечает итальянским условиям, обобщает их. Там, где отделение церкви от государства уже произошло, «Католическое действие» лишь значительно приумножило число религиозных организаций, но не уменьшило общественно-политической активности верующих. Больше всего ущерба было нанесено итальянскому католицизму, ибо это привело к ослаблению Итальянской народной партии, а затем, сделав возможным ее ликвидацию, объективно проложило путь фашизму. В результате происшедшей после первой мировой войны перегруппировки сил Франция вновь стала ведущей державой континента. Важной дипломатической задачей, стоявшей перед Ватиканом, была нормализация отношений с французами. Урегулированию связей с Французской Республикой в значительной степени способствовала энциклика «*Maximam gravissimamque*» от 18 января 1924 года. В ней признавались и легализировались церковно-приходская организация, автономное управление церковным имуществом. Тем самым косвенно признавалось отделение церкви от государства. Гарантийное соглашение в духе энциклики было подписано в феврале 1924 года.

Однако это примирение вызвало сопротивление консервативной националистической и монархической части французского католицизма. Во главе сопротивления по-прежнему стояла организация «Французское действие» («*Action Française*») во главе с Шарлем Моррасом. Наибольшее влияние «Французское действие» имело в период между двумя мировыми войнами. Рим, правда, осудил, взгляды Морраса, которые противоречили не только католическим моральным нормам, но и республиканским принципам, тем не менее часть французских католиков подпала под его влияние. («Французское действие» в 30-х годах приобрело фашистский характер, и в 1936 году правительство Народного фронта распустило это движение. Его сторонники в 1940 году поддержали Петэна.) С целью предостережения этой части французских католиков Пий XI в сентябре 1926 года опубликовал написанное Пием X в 1914 году, но сохранявшееся в тайне осуждение. Моррас выступил с протестом в адрес папы, но напрасно. «Французское действие» мешало политике сближения французских католиков с Ватиканом. В начале декабря 1926 года состоялось подписание нового соглашения о модус вивенди между Ватиканом и Францией. В 1926 году папа заставил иезуита кардинала Бийо подать в отставку, ибо он открыто критиковал папу за осуждение им «Французского действия». 5 января 1927 года Пий XI включил в «Индекс запрещенных книг» большинство произведений Морраса, а в 1929 году вновь охарактеризовал «Французское действие» как атеистическое и новоязыческое, запретив католикам участвовать в этом движении.

Все это показывает, что политика папы приспособилась к обстановке, сложившейся после 1924 года, когда в главнейших буржуазных государствах — хотя и попеременно — к власти пришли более умеренные политические направления. В первой половине 30-х годов обстановка вновь изменилась; в то время как во Франции папа поддерживал республику, в Испании он выступил в защиту свергнутой в 1931 году монархии. Испанская Республика провозгласила отделение церкви от

государства, что папа в своей энциклике «*Dilectissima Nobis*» от 3 июня 1933 года подверг осуждению.

Идеологические основы политики конкордатов, проводившейся папой Пием XI, были разработаны консервативным кардиналом Оттавиани в его книге, опубликованной в 1929 году. Сам Пий XI наиболее подробно изложил свое понимание вопроса о конкордатах в энциклике «*Quinquagesimo ante anno*» 1929 года.

Как после Венского конгресса 1814–1816 годов, так и после подписания мирного договора под Парижем, завершившего первую мировую войну, курия формировала свои отношения с отдельными государствами с помощью конкордатов. Но если прежде конкордаты заключались лишь для урегулирования чрезвычайных обстоятельств, то ныне эти конкордаты стали нормальной, общепринятой формой отношений. Характерной чертой новых конкордатов явилось то, что они были направлены на достижение тесного сотрудничества между государством и церковью по определенным и точно сформулированным вопросам. При осуществлении договоров Ватикан и местные церкви опирались в первую очередь на «Католическое действие». Новые конкордаты показывают позицию папы в области политики: добровольное ограничение церковью своих политических интересов и деятельности для достижения союза с государственной властью. Политика конкордатов Пия XI походила на политику Григория XVI также и в том, что они оба лишали этим католиков способности бороться за свою веру и противостоять преследованиям. Исторические интересы папа принес в жертву сиюминутной победе.

Пий XI исходил из опыта XIX века, доверяя больше авторитарным режимам, чем либеральным государствам. Однако вскоре выяснилось, насколько сомнительными оказались политические ценности системы конкордатов, опиравшейся на эти режимы.

При Пие XI были заключены следующие конкордаты: в 1922 году с Латвией, в 1924 году с Баварией, в 1925 году с Польшей, в 1927 году с Румынией и Литвой, в 1928 году с Чехословакией (модус вивенди) и Португалией, в 1929 году с Италией и Пруссией, в 1935 году с Югославией и, наконец, в 1937 году с Эквадором (модус вивенди). Благодаря наличию прежних и вновь подписанных договоров Ватикан располагал широким кругом дипломатических отношений. В 1937 году (согласно папскому Ежегоднику) папские нунции действовали в следующих странах: Аргентине, Австрии, Бельгии, Боливии, Бразилии, Чехословакии, Чили, Колумбии, Коста-Рике, Никарагуа, Панаме, на Кубе, в Эстонии, Франции, Германии, Гватемале, Гаити, Гондурасе, Сальвадоре, Ирландии, Италии, Югославии, Латвии, Парагвае, Перу, Польше, Венгрии, Португалии, Румынии, Швейцарии, Венесуэле и Эквадоре.

Кризис конституционности и возможность создания корпоративного государства сформировали условия для достижения компромисса между папством и Итальянским государством. Пий XI с самого начала проявил понимание в отношении Муссолини и его партии. Придя к власти, Муссолини отказался от своих антицерковных позиций; главным образом после кризиса Маттеотти 1924 года отношения между Муссолини и церковью — даже несмотря на принципиальные оговорки, существовавшие с самого начала, — продолжали укрепляться. Новый режим быстро завоевал симпатии со стороны консервативной партии курий, ибо отверг все то, против чего церковь десятилетиями боролась с помощью «*Non expedit!*».

Одновременно с установлением тоталитарной фашистской диктатуры летом 1926 года начались

переговоры, направленные на решение «римского вопроса». Со стороны Ватикана переговоры вел государственный секретарь Гаспарри, но важную роль в серии переговоров, состоявших из 110 заседаний и длившихся три года, играл юрист Франческо Пачелли, брат будущего папы Пия XII.

Три документа соглашения между итальянским правительством и Святым престолом подписали 14 февраля 1929 года в Латеранском дворце государственный секретарь Гаспарри и Муссолини. Латеранские соглашения — с изменениями по частным вопросам — действуют и в настоящее время. В соответствии с общим договором Италия признала суверенитет папы над так называемым государством-городом Ватикан. Тем самым было восстановлено Церковное государство площадью в полтора квадратных километра. Территория государства-города Ватикан (*Stata della citta del Vaticano*) включала собор Святого Петра, расположенные рядом с ним папские дворцы, Ватикан и Латеран, музеи и парки. Ватикан и Италия взаимно обменялись послами.

Конкордат означал, по сути дела, что «римский вопрос» закрыт. В 44 статьях он регламентировал отношения между государством и церковью, обеспечивал полную свободу церкви и объявлял католическую религию государственной религией. Святой престол имел право устанавливать отношения с духовенством и со всем католическим миром. Представители церкви освобождались от военной службы. Выбор личности архиепископа и епископа является прерогативой Святого престола, и если со стороны государства нет политических возражений, то они посвящаются в сан, но присягают затем непосредственно главе государства. Святой престол признает произведенную до сего времени секуляризацию церковного имущества. Государственные законы подлежат ревизии и должны быть согласованы с настоящим конкордатом. Церковное имущество освобождается от налогов. Государство признает законность церковного брака. В соответствии со статьей 43 государство признает организации, относящиеся к «Католическому действию». Однако церковь вновь запрещает всем священникам и монахам, функционирующим в Италии, вступать в какие-либо политические партии или участвовать в их деятельности.

Конкордат был дополнен специальным финансовым соглашением, согласно которому Италия обязалась выплатить Святому престолу 750 миллионов итальянских лир наличными и одновременно ассигновать пятипроцентный итальянский твердый государственный заем на сумму в один миллиард итальянских лир.

Благодаря Латеранским соглашениям было достигнуто полное взаимопонимание между фашистским государством и папой. Конкордат и финансовое соглашение обеспечили церкви большие выгоды, однако настоящий политический капитал нажил на этих соглашениях фашизм.

7 июня 1929 года была опубликована конституция государства-города Ватикан. Вооруженные силы нового государства предназначались скорее для зрелищ и для поддержания традиций. В государстве наряду с папской добровольной дворянской гвардией и дворцовой стражей существует также папская жандармерия, которая реально обеспечивает общественную безопасность. Раньше в Ватикане охрану несла папская стража, швейцарская гвардия, имевшая большое прошлое; ее численность колебалась в пределах 100–110 человек. (Гвардейцами могли стать лишь мужчины католического вероисповедания, законнорожденные, граждане Швейцарии, холостые, здоровые, ростом минимум 174 см, в возрасте от 24 до 30 лет.)

С 1870 по 1929 год Папское государство официально не существовало; таким образом, папы не имели и государственного флага. С 1929 года папское знамя представляет собой цветное полотнище,

состоящее из двух разделенных по вертикали частей одинакового размера, одна из которых золотая, а другая серебряная. На серебряном поле — папский герб: трехвенцовая тиара с двумя перекрещенными ключами. Когда-то папский стяг объединял цвета Сената и города Рима: красный и желтый. В 1848 году цвета знамени были изменены на национальное трехцветье: зеленый — белый — красный. После возвращения папы из Гаэты папский герб вновь оказался на флаге. Знамя святой матери-церкви используется лишь во время больших праздников, например на празднике Тела Господня [55], однако оно было и на папском флагманском корабле во время морского сражения у Лепанто. Это — красное шелковое полотнище, двуконечное, с золотыми и красными кистями. На нем шесть звезд и папские ключи. (До 1870 года это был также военно-морской флаг папы.)

Восстановленное Папское государство имело право вручать высокопочитаемые во всем мире награды и ордена. Папа, будучи главой государства, присваивал также дворянские звания, титулы графов и маркграфов.

Апостольский Святой престол может награждать следующими пятью рыцарскими орденами и двумя медалями:

1. Ordine Supremo del Cristo (или Milizia di N.S.G.O.) — Высший орден Христа. Он был учрежден еще в 1319 году папой Иоанном XXII. Высшая награда папы. Имеет лишь одну степень; как правило, его вручают правителям. (К 1939 году этим орденом было награждено 39 человек, в том числе итальянский король Виктор Эммануил.)

2. Ordine dello Speron d'Oro (или Milizia Aurata) — орден Золотой шпоры. Время его учреждения теряется в тумане веков, но папа Пий X восстановил его. Орден имеет только одну степень. Его обычно получали главы государств, правители, министры, политики. Орден, например, получили Муссолини, Дольфус. В числе первых Пием X был награжден граф Нандор Зичи, а в 1939 году Пий XI наградил этим орденом главу венгерского государства Миклоша Хорти.

3. Ordine Pioно — орден Пия: учрежден Пием IX в 1847 году. Орден имеет три степени: рыцарь большого креста, командор и рыцарь.

4. Ordine di San Gregorio Magno — орден Святого Григория Великого. Учрежден Григорием XVI в 1831 году. Имеет те же три степени, что и предыдущий; его могли получать как военные, так и гражданские лица.

5. Ordine di San Silvestro Papa — орден Святого папы Сильвестра. Этот орден был также учрежден Григорием XVI в 1841 году. В 1905 году орден был реформирован Пием X; имеет три степени.

Папскими наградами также являлись: 1) Почетный крест Pro Ecclesia et Pontifice, учрежденный папой Львом XIII, и 2) медаль Бенемеренти, как отличительная награда папы.

Значение юридически восстановленного Церковного государства особо подчеркнул папа Пий XI в своей энциклике «Quinquagesimo ante anno», опубликованной в конце 1929 года. Соглашение между Итальянским государством и папой действительно имело историческое значение. Из спора, длившегося с 1870 года, папство вышло без принципиальных уступок. Фашистское государство уплатило высокую цену за то, что смогло нажать конкретный политический капитал на соглашении, что, несомненно, способствовало укреплению положения Муссолини. На майских выборах 1929 года фашисты одержали внушительную победу.

Вскоре, однако, выяснилось, что полное согласие иллюзорно. Относившийся скептически к фашизму государственный секретарь Гаспарри в начале февраля 1930 года ушел в отставку. Его

преемником стал берлинский нунций Эудженио Пачелли. Впервые папа столкнулся с фашистским тоталитаризмом на почве нарушения свободы «Католического действия» и монополизации воспитания молодежи. Против ущемляющих мер папа выступил с протестом в своей энциклике «*Non abbiamo bisogno*». Объектом критики папа сделал экстремизм фашистского режима, затрагивающий церковь, но Пачелли поспешил сгладить открытый конфликт. Он направил к Муссолини в качестве посредника ответственного за дела ватиканской печати иезуита Таччи Вентури. 2 сентября 1931 года мир уже был достигнут. Ватикан частично выполнил требования фашистов: католические общественные организации сохранялись лишь формально, и они были еще строже подчинены иерархии. (Духовенству и «Католическому действию» вновь было запрещено заниматься любой политической и общественной деятельностью.)

До 1937 года между Итальянским государством и папством мир казался нерушимым, ибо фашистский корпоративный режим многое перенял из того, что Пий XI излагал в отношении общества в энциклике «*Quadragesimo anno*». Они достигли согласия и в вопросе о деполитизации общества, причем возникла иллюзия, будто фашистское государство стало католическим государством. Этому способствовало также то, что как Пий XI, так и Пачелли были согласны с авантюрой Муссолини в Абиссинии.

Но поскольку в результате войны итальянский фашизм все более становился зависим от германского нацизма, в итальянском фашизме появились и нацистские элементы. Появление в Италии таких отвратительных явлений, как теория расизма и расовые законы, обусловило к концу жизни Пия XI возникновение нового конфликта. Папа усматривал в расистских законах нарушение конкордата, а в более широком смысле — и христианской морали. Расовые законы и их трагические последствия рассеяли иллюзию о том, что возможно внутреннее согласие между фашистским государством и католицизмом. Католицизм без отказа от своих основных принципов не мог примириться с фашизмом, означавшим самый крайний вариант национализма, основанный на расовой теории. Ведь христианство — со времен апостола Павла — представляло собой общечеловеческие начала, противоположные национальной узости, ненависти; поэтому уже по своей природе оно должно было выступить против расовой теории, против любой формы дискриминации. Еще более критически сложились отношения Ватикана с Германией, а также с немецким фашизмом. Папскую политику в послевоенной Германии непосредственно осуществлял Эудженио Пачелли, бывший вначале нунцием в Мюнхене, затем в Берлине, а позднее ставший кардиналом-государственным секретарем. С самого начала его целью было заключение имперского конкордата, однако осуществить это до 1933 года, до перехода власти в руки нацистов, он так и не смог.

Приходу нацизма к власти способствовали буржуазные партии, в том числе и партия Центра. С 1928 года руководство партией перешло в руки консерваторов и становилось все более реакционным. Немецкий епископат в прошлом запретил католикам примыкать к нацистам, однако в 1931 году этот запрет был отменен (в связи с усилением влияния левых, коммунистов и социалистов). Идеи, изложенные в «*Quadragesimo anno*», были с радостью встречены руководством партии Центра, главным образом Папеном, с помощью которого Гитлер очутился в кресле канцлера. В Германии церковь большую опасность усматривала в «языческом большевизме», чем в «языческом нацизме». Гитлер пришел к власти 30 января 1933 года и сразу же предложил папе заключить имперский конкордат. Предложение было благосклонно воспринято в Риме. Весенние события в Германии

весной 1933 года убедили курию в том, что нацизм и Гитлер являются непримиримыми противниками большевизма, а католицизм не затрагивают, скорее даже желают сотрудничать с ним. Переговоры о конкордате со стороны Германии вел вице-канцлер Папен, а со стороны Ватикана — кардинал Пачелли, который учитывал также советы прелата Кааса, бывшего руководителя партии Центра. Соглашение было достигнуто весьма быстро. 20 июня 1933 года Папен и Пачелли уже подписали имперский конкордат. Таким образом, церковь признавала нацистский режим, обеспечивая тем самым права немецкой католической церкви. Со стороны Гитлера предварительным условием для заключения конкордата был роспуск партии Центра и остальных католических общественных и политических организаций. Все это составляло органичную часть «Gleichhaltung»[56]. В обмен на добровольное подчинение и самороспуск нацисты — на бумаге — обещали церкви полную свободу в области воспитания религиозности, религиозной морали. Имперское правительство было щедрым на уступки — бумага все стерпит; Пачелли был германофилом, а ватиканская дипломатия еще не встречалась с такой утилитаристской машиной, как нацистская администрация. Конкордат явился большим успехом Гитлера в области внутренней и внешней политики, но в то же время и трагическим заблуждением Пия XI и его государственного секретаря! С помощью конкордата Гитлер сломил сопротивление католиков внутри страны, с чем Бисмарку пришлось сражаться на протяжении десятилетий, а за пределами страны конкордат представил новый режим в пристойном виде. Немецкие католики с помощью папы стали лояльными подданными Гитлера.

В период между 1934 и 1937 годом Ватикан старался заставить Гитлера соблюдать договор, но без малейшего успеха. А когда наступил черед ликвидации школ, католической печати и организаций религиозно-морального характера — главным образом молодежного движения, — Пию XI ничего не оставалось, как выступить с публичным и торжественным протестом. Папа по настоянию Бертрама, Фаульхабера, Галена и других известных немецких епископов в конце 1936 года принял решение в специальной энциклике объявить перед всем миром обиды, нанесенные немецкой церкви, и торжественно осудить церковную политику нацистов. Энциклика на немецком языке «Mit brennender Sorge» от 14 марта 1937 года была в основном составлена архиепископом Кёльна, кардиналом Фаульхабером. В энциклике папа решительно и резко осудил «новоязычество» национал-социалистов, тоталитаризм, расовую теорию и расистские преследования, а также преследования религии и церкви. Хотя речь шла не о торжественном бичевании фашизма, тем не менее энциклика произвела весьма сильное впечатление. Со стороны фашистов она вызвала гневные нападки, а у антифашистов пробудила надежды. В мае 1937 года, выступая на конференции в Фульде, берлинский епископ граф Пройзинг предложил конференции немецких епископов объявить «Культуркампф» против нацистов. Большинство епископов, лучше знавших намерения папы, отклонило это логичное предложение не только потому, что боялось последствий конфронтации, но и потому, что идентичность основных политических интересов оказалась сильнее принципиальных разногласий.

Безусловным фактом является то, что конкордаты — главным образом в Италии, Германии и Австрии — в значительной степени способствовали укреплению фашистского государства. Как в 1801 году для Наполеона, так и для Муссолини и Гитлера намного важнее был сам факт заключения договора, признание, чем содержание конкордата. После того как папство ликвидировало

католические политические и общественные организации, защищающие интересы католиков, реакционные власти получили свободу действий в отношении церкви и верующих. Конкордаты, заключенные с фашистскими правительствами, оказались хрупкими. Моральное оружие не остановило политиканов, выступавших с властных позиций, перед нарушением договоров.

Вскоре обнаружилось, насколько иллюзорными были надежды, что с помощью конкордатов и «Католического действия» можно-де сохранить влияние церкви. Европа фашистов коренным образом отличалась от Европы Меттерниха. Начиная со второй половины 30-х годов в нацистской Германии церковь была вновь оттеснена «в ризницу», в католическое гетто, в полном смысле этого слова. Иллюзия относительно конкордатов основывалась на вере, что в системе, централизованно управляемой из Рима, католики смогут сохранить свои особые позиции. В Ватикане не поняли опасность, проистекающую из такой изолированной системы. Созданная с помощью государственного секретаря Пачелли система ограничила и саму церковь, сделав ее снова неспособной положительно влиять на насущные вопросы эпохи.

Наиболее тяжелым последствием близорукой политики явилась оппозиция по отношению к антифашистскому Народному фронту. Принципиальное осуждение атеистов-коммунистов, составлявших часть этого движения, содержалось в энциклике «*Divini redemptoris*» от 19 марта 1937 года. Однако теоретическая и практическая позиция была сформулирована не только по отношению к Советскому Союзу, но в еще большей степени это было попыткой создать противовес успешной антифашистской политике Народного фронта. Энциклика появилась непосредственно в результате успехов Народного фронта в 1935–1937 годах во Франции и Испании. Но французское правительство Народного фронта не предпринимало никаких действий против церкви; более того, Французская коммунистическая партия, являвшаяся руководящей силой Народного фронта, продолжала вести политику, направленную на сотрудничество с католиками. Таким образом, отношения на уровне правительств тоже не претерпели изменений во времена Народного фронта. Однако подобное поведение французских коммунистов и социалистов не было повсеместным. Так, пришедший к власти в 1936 году испанский Народный фронт провел целый ряд антиклерикальных и антицерковных мероприятий. Ватикан считал правительство испанского Народного фронта создателем очага коммунизма и поэтому с самого начала стал на сторону Франко и фалангистской партии. Испанские события лишь вновь убедили папу в том, что парламентская демократия не способна воспрепятствовать социалистической революции и что последнюю могут остановить лишь основанные на авторитарных принципах, почти диктаторские буржуазные режимы. Это служит объяснением тому, что в 1937 году папа Пий XI осудил как коммунизм, так и фашизм за их враждебное отношение к церкви и религии.

Энциклика «*Divini redemptoris*» была вызвана не только антикоммунизмом, но и паническим ужасом, ибо, как считал папа, возникла страшная угроза вероятности коммунистической мировой революции: после Советского Союза к власти могут прийти коммунисты в Мексике, Франции и Испании. Такая сознательная или неосознанная фальсификация сути антифашистского Народного фронта была порождена стремлением Ватикана удержать католиков от демократической сплоченности, от союза с революционными силами. Энциклика явилась тяжелым ударом по тем прогрессивным католическим силам, которые, исходя из христианских принципов, считали возможным, более того, необходимым добиваться сплочения с Народным фронтом. Энциклика

категорически исключала возможность такого сплочения: «Будьте осторожны, Достопочтимые Братья, чтобы верующие не оказались обманутыми. Семена коммунизма плохие. Ни в каких сферах с ним нельзя сотрудничать, если мы хотим спасти христианскую культуру» (подчеркнуто мной. — Е. Г.). Таким образом, основная цель состояла в том, чтобы отделить от Народного фронта католические массы, удержать их от присоединения к нему и тем самым воспрепятствовать их участию в борьбе с фашизмом.

После того как Пий XI в энциклике «*Mit brennender Sorge*» выступил с протестом против преследования немецкой католической церкви, заклеил тоталитарные системы и осудил расистские законы и расовые преследования, во всем мире это пробудило большие чаяния и надежды. В 1938 году папа создал комиссию, состоящую из теологов, для разработки проекта энциклики, осуждающей расовую дискриминацию и антисемитизм. Это не могло не вызвать в кругах Ватикана впечатления, что Пий XI намерен более решительно выступить против нацизма и фашизма, более четко отмежеваться от фашизма. Подходящим для этого поводом могла бы явиться 10-я годовщина подписания Латеранских соглашений (11 февраля 1939 года). Однако любивший юбилей тяжело больной папа унес свои намерения и планы с собой в могилу; 10 февраля он скончался, и осуждение не состоялось. (Скорее порождением фантазии журналистов, чем реальным ходом событий, можно считать версию, согласно которой папу убил, сделав ему по поручению Муссолини смертельный укол, домашний врач Пия XI доктор Петаччи. Якобы дуче хотел таким образом сорвать запланированную папой акцию. Действительно, доктор Петаччи был отцом любовницы Муссолини — Клары Петаччи; по всей вероятности, Петаччи, находясь в окружении папы, шпионил в пользу фашистов.)

Несмотря на конфликты с фашизмом, папа Пий XI, главным образом под воздействием Пачелли, считал, что споры представляют собой лишь внутренние раздоры в лагере борцов против коммунизма. Главными силами мировой борьбы против коммунизма Ватикан считал фашистские диктатуры, и в первую очередь Германию. И прежде всего ради этого он был готов предоставить моральную и идеологическую поддержку со стороны церкви. Такой основной общностью интересов можно объяснить одобрение папой агрессии в Абиссинии, итальянской и германской фашистской агрессии в Испании и, наконец, молчаливое одобрение в марте 1938 года нацистского аншлюса Австрии, желающей осуществить концепцию «*Quadragesimo anno*». На евхаристическом конгрессе 1938 года в Будапеште легат Пачелли провозгласил дух примирения в интересах готовящегося мюнхенского соглашения, что в той ситуации лишь ободрило агрессоров. Мюнхенское соглашение в Ватикане восприняли как средство избежать войны. Однако новое разочарование уже не постигло Пия XI. Когда папа лежал на катафалке, сапоги солдат вермахта уже гулко стучали по мощеным улицам Праги.

Поиск выхода и безвыходность (Пий XII, 1939–1958)

2 марта 1939 года в конце третьего заседания конклава по избранию папы над Сикстинской капеллой поднялся белый дым. Дуайен кардинальского корпуса Гранито ди Бельмонте появился на Балконе Благословений и с традиционными словами обратился к сотысячной толпе, собравшейся на площади Святого Петра: «*Annuntio vobis gaudium magnum! Habemus Pontificem!*» («Сообщаю вам большую радость! У нас есть папа!») Новым папой стал государственный секретарь кардинал Эудженио Пачелли, принявший имя Пия XII (1939–1958).

Символический по своему значению выбор имени верно выразил намерения нового первосвященника: декларирование преемственности духовной и политической линии своего предшественника, правления Пия XI. Согласно традициям церкви, как правило, государственных секретарей предыдущих пап не избирают папами, ибо они уже связаны с определенной политикой. В случае с Пачелли члены конклава руководствовались именно этим, желая подчеркнуть его избранием преемственность и продолжение церковной политики Пия XI. Новый папа во время своего длительного понтификата продолжил политическую линию Пиев, причем примером для себя в проводимой церковной политике он взял Пия X, которого объявил святым.

Эудженио Пачелли происходил из древней римской аристократической семьи; даже будучи папой, он правил в аристократическом стиле. Пий XII был целиком и полностью папой-политиком, находившимся всю свою жизнь на церковной внешнеполитической службе. В результате 12-летнего пребывания в Германии он и во время последующего 20-летнего понтификата, несомненно, оставался германофилом, окружив себя и в Риме немцами. Поэтому уже и общественное мнение того времени называло его, коренного римлянина, «немецким папой». Его другой характерной чертой была непримиримая ненависть к марксизму и коммунизму, которую он не смог пересилить даже после окончания «холодной войны». Кардинал Пачелли во время своей почти 10-летней деятельности на посту государственного секретаря определял политику Ватикана. Так что в 1939 году он имел такой политический авторитет, что его избрание почти для каждого считалось решенным делом.

Все же конклав прошел не совсем гладко. Когда кардиналы уединились для избрания преемника, начал разворачиваться польский конфликт, непосредственно вызвавший мировую войну. На конклаве французские епископы, несмотря на то что им были известны прогерманские симпатии Пачелли, выступили в его поддержку, ибо ему приписывали выступления Пия XI против крайностей фашизма. Эта партия ждала от него более решительного продолжения несмелых действий его предшественника против фашизма. Однако кардинал Тиссеран, который лучше знал Пачелли, отметил одностороннее германофильство кандидата. Поэтому он предпочел бы видеть на папском троне парижского нунция, кардинала Мальони, ибо тот был приверженцем демократии.

Руководитель традиционалистской партии курии кардинал Оттавиани также не был в восторге от кандидатуры Пачелли, располагавшего слишком большой властью; поэтому он предложил кандидатуру Тиссерана. Тайны конклава неизвестны, фактом остается лишь то, что Тиссеран возражал против кандидатуры Пачелли. Согласно отдельным источникам, лишь он один голосовал против Пачелли. Согласно мнению других, он также голосовал за него, но с условием, чтобы государственным секретарем Пия XII стал профранцузски настроенный кардинал Мальони, который и исполнял функции госсекретаря вплоть до своей смерти в 1944 году. После его смерти — в нарушение существовавшего до того времени порядка — Пий XII не назначил нового государственного секретаря, а автократически руководил курией. Заместители государственного секретаря Тардини и Монтини были его непосредственными сотрудниками. Римский аристократ — папа возродил также неопотизм, вызывавший в середине XX века большую антипатию. Он слишком большую свободу дал своим родственникам, главным образом в области экономики и финансов; кроме того, на него оказывали неблагоприятное влияние его немецкие фавориты.

Папа Пий XII был несомненно автократическим главой церкви, политическим идеалом которого

была консервативная монархия. Его монархистские взгляды видны из того, что одним из первых его решений была реабилитация 10 июля 1939 года «Французского действия», что поощрило и во Франции фашистские силы. В 1940 году, после разгрома Франции, Ватикан признал режим Петэна. За спиной Петэна группировались не только фашисты, но и консервативные реакционные силы, от Морраса и до большинства католических епископов включительно. Католическим консервативным силам нового французского государства Пий XII оказывал широкую поддержку, видя в этом шаги, направленные к созданию новой, христианской Европы. Все это способствовало тому, что французские епископы — за небольшим исключением — сотрудничали с правительством Виши.

О симпатиях папы к монархии свидетельствует то, что уже 7 июня 1941 года было подписано соглашение с фашистским режимом Франко, далеко не однозначно относившимся к церкви. (За этим соглашением последовали новые в 1946 и в 1953 годах.) И позже Пий XII выступал за монархию, считая ее идеальной христианской формой государства.

Поведение Пия XII во время второй мировой войны под воздействием обстоятельств изменилось и было таким же противоречивым, как, например, Черчилля или Рузвельта. Церковь с точки зрения судеб и будущего человечества в критический период — и в моральном и в идейном отношении — считала свою позицию оправданной. Она усматривала в этой мировой катастрофе наказание обеих воюющих сторон за проводимую ими политику.

Во время польского конфликта Пий XII делал дипломатические шаги, направленные на решение кризиса политическими средствами. 3 мая 1939 года папа направил в адрес великих держав (за исключением Советского Союза) ноту о созыве международной конференции, но Гитлер и Муссолини уклонились от переговоров. Ватикан хотел заставить и польское правительство пойти на уступки — на передачу немцам Данцига (Гданьска). В течение августа папа в частых радиообращениях предупреждал мир об опасности войны. «С миром еще ничто не потеряно, но с войной можно потерять все!» — прозвучало предостережение папы, но оно натолкнулось на глухоту. Когда 1 сентября 1939 года началась вторая мировая война, правительства Франции и Англии обратились с просьбой к папе объявить Германию агрессором. Пий XII отказался, сказав, что Ватикан не может непосредственно вмешиваться в международную политику. Католическая Польша с ее антинемецкими настроениями не вписывалась в концепцию папы. Когда вспыхнула война, папа объявил о своем нейтралитете, и ватиканская дипломатия официально до самого конца войны не сделала никакого заявления в поддержку той или иной стороны. Однако несомненно, что молчание папы или заверения его о нейтралитете и о мире объективно поощряли агрессора, благоприятствовали ему.

Нейтралитет Пия XII нельзя сравнивать с нейтралитетом Бенедикта XV во время первой мировой войны: тогда два блока противостоящих империалистических держав вели несправедливую с обеих сторон империалистическую войну, в которой папство и не могло заявить о своей позиции. Однако теперь речь шла совершенно о другом. Эта война со стороны фашистских агрессоров была направлена на уничтожение и порабощение народов, в то время как сражавшаяся против них антифашистская коалиция вела справедливую борьбу, заслуженно ожидая моральной поддержки со стороны папы. Однако Пий XII отождествлял борьбу народов против фашизма, представлявшего угрозу для их существования, с нападением агрессоров. Это было глубокое заблуждение.

В историю папства новейшего времени вошел обычай, согласно которому папа при вступлении на

престол в своей программной энциклике излагает основные принципы своего правления. В понтификат Пия XII этого заявления пришлось ждать восемь месяцев, пока 20 октября 1939 года он не опубликовал апостолический циркуляр, начинавшийся словами «*Summi pontificatus*». Он констатировал, что люди изо дня в день во все большем количестве отворачиваются от веры в Иисуса Христа и даже порывают с признанием ее законов, не следуют им. Эта дехристианизация, религиозный и моральный агностицизм, подрыв или отказ следовать моральным нормам, кодифицированным католическим учением, является источником бед сего мира. Несомненно, что в программной энциклике нужно было изложить позицию и по самым актуальным вопросам эпохи, имеющим судьбоносное, решающее значение для католической церкви, так как шла вторая мировая война. Следовательно, было далеко не безразлично то, что новый папа подтвердил Латеранские соглашения, достигнутые между Ватиканом и правительством Муссолини, которые он расценил в полной мере соответствующими интересам церкви, и объявил, что достигнуто полное примирение между фашистским государством и церковью.

Папа подверг анализу возникший кризис и приведшие к нему «заблуждения», а также источники заблуждений. Пий XII считал современную концепцию о государстве наиболее опасным для католицизма лжеучением. «Таким образом, отвергая божественный авторитет и обязующую силу законов, неизбежно приходят к тому, что государственная власть оказывается безграничной и приписывает себе права, не отвечающие ни перед кем». Церковь проповедует и провозглашает уважение законов и повиновение земным властям, которые получили свое начало от Бога. Следовательно, Бог и выражающая божественную волю церковь дает власть государству и руководителям государства, но одновременно определяет и границы этой власти. Задачей государства является «контролировать частную и индивидуальную стороны национальной жизни, сдерживать и развивать, гармонично направлять их на общее благо каждого».

Государство как таковое — не самоцель, а именно средство осуществления общественного блага (*bonum commune*). Из этого также явствует, что интересы общественного блага устанавливают пределы государственной власти. Следуя за ходом мыслей, изложенных в апостолическом циркуляре, приходишь к выводу, что и в этом отношении Пий XII опирается на представления своих предшественников, на энциклики Льва XIII «*Immortale Dei*» (1885) и Пия XI «*Quas primas*» (1925). Однако Пий XII трактует предназначение Матери-церкви в значительно более усеченном виде, чем его известные предшественники; так как он считает, что призвание церкви заключается лишь в том, «чтобы осуществить возрождение души, с учетом изменившихся условий времени и отнюдь не новых человеческих потребностей». Церковь по-прежнему не отказалась от того, что католицизм должен намечать идейные и моральные основы государства. Это требование существует относительно любой светской власти, именно поэтому церковь осуждает тоталитарные государства точно так же, как и социалистические государства, — ведь они с ролью церкви, по сути, не считались.

Чтобы избежать неправильного толкования, мы должны подчеркнуть, что очевидной целью политического поведения Пия XII и его заявлений во время войны была защита интересов римско-католической церкви и через это, прежде всего, защита христианской цивилизации. Эта естественная задача была сформулирована, в частности, папой в период войны во время рождественских радиовыступлений, обративших на себя серьезное внимание.

На рождество 1939 года Пий XII подверг критике прошлую либеральную эпоху Европы, которая характеризовалась дехристианизацией. А в выступлении 1940 года он определил основные принципы, на которых может основываться новый порядок в Европе. Согласно утверждению папы, действительным, историческим и интеграционным духом Европы является католицизм, хранителем и гарантом которого выступает Рим. В завоеванной немцами половине Европы в то время фашизм знаменовал собой новый политический строй, с которым не могли быть совместимы христианские моральные устои. В рождественской речи 1940 года Пий XII заявил, что божественные законы в равной степени обязательны для личностей и народов и являются настолько общими, что предоставляют широкое поле деятельности и свободу различным политическим формам, если они не противоречат законам.

Отношение Пия XII к итальянскому фашизму на первых порах было спокойным. Целью папской дипломатии было удержать Италию от войны. Когда это не удалось, папа занял позицию строгого нейтралитета. Несмотря на то что вступление Италии в войну ограничило дипломатические возможности папы, это несколько не помешало ему свободно маневрировать. Так, например, отношения между Ватиканом и Англией складывались хорошо, правительство Черчилля поддерживало постоянную связь с папой. Отношения с Соединенными Штатами были не столь безоблачными; американцы проявляли недовольство нейтралитетом папы. Между Соединенными Штатами и Ватиканом дипломатические отношения не поддерживались. После того как и Соединенные Штаты вступили в войну, возникла необходимость в установлении систематических связей. Ватикан — в самой середине войны — принял личного представителя президента Рузвельта, Майрона Тэйлора, остававшегося в Ватикане вплоть до освобождения Рима.

Быстрые успехи немцев в войне против Советского Союза осенью 1941 года вызвали заметное облегчение в Ватикане. На первом этапе войны, ознаменовавшемся успехами фашистов, существовало полное молчаливое согласие между Пием XII и немцами. (Это находит свое подтверждение в отрицательном отношении Пия XII к Атлантической хартии.) Однако зимой 1942/43 года произошел неблагоприятный для фашистских государств поворот в ходе войны, хотя это еще далеко не означало поражения Германии. Эти месяцы были периодом молчания в Ватикане. Соответственно с этим в рождественском обращении папы по радио 1942 года уже заметен поиск дороги к миру, а также поиск общественного развития после достижения мира. В обращении уже излагались не только основные принципы обеспечения мира, но и основные католические принципы переустройства в послефашистский период. В этих принципах предлагались не контуры корпоративного общества, а оговаривалась необходимость восстановления буржуазных свобод. 2 февраля 1943 года немецкие армии капитулировали под Сталинградом, 13 мая сражавшиеся в Африке армии держав «оси» также сложили оружие. 10 июля союзники высадились в Сицилии, и тем самым война достигла итальянской земли. Папа после развертывания сил антифашистской коалиции и морально отягощенный антисемитизмом фашистских держав, перешедшим в геноцид, уже не мог устоять на позиции нейтралитета.

Пий XII, взяв в общем за основу гуманистические принципы христианской веры и руководствуясь обобщенными понятиями, осудил расовую теорию и расовые преследования, в том числе антисемитизм и преследования евреев. Тем самым он и в Италии, и в других странах способствовал тому, что католическое духовенство, церковные организации, а также верующие оказывали

гуманитарную помощь жертвам преследований, помощь, о которой нельзя забывать и которую нельзя недооценивать. Однако папа не бросил на чашу весов весь свой моральный авторитет против геноцида, не отмежевался вместе с церковью от фашизма торжественно и открыто, не протестовал против депортации евреев в концентрационные лагеря и против их физического уничтожения. Торжественный протест, который в других случаях так часто звучал, теперь был бы наиболее уместным.

Уже с того времени идет активное обсуждение причин молчания папы. В дискуссиях часто сталкивались эмоции, а не на фактах основанные аргументы. (О том, молчал ли папа или нет, смогут дать ответ недавно предпринятые поиски в Ватикане архивных документов.) Посвященные уже теперь утверждают, что Пий XII не молчал. Кажется вероятным, что Пий XII считал открытый и торжественный протест делом бессмысленным. Этим, по его мнению, он бы ничего не изменил, в то же время можно было ожидать, что в случае его выступления, которое Гитлер объяснил бы как нарушение конкордата, это привело бы к дальнейшим преследованиям католиков. Пий XII не хотел вмешательством в немецкие дела нарушать строгий нейтралитет даже в этом вопросе, затрагивающем общие принципы гуманизма.

С лета 1943 года Ватикан оказался вблизи зоны военных действий. 19 июля 1943 года был совершен первый американский воздушный налет на Рим. В результате бомбардировки оказалась разрушенной также церковь Сан Лоренцо фуори ле Муре. Пий XII немедленно поспешил на место разрушений. В полном торжественном облачении первосвященника он опустился на колени перед еще дымящимися обломками и совершил молитву, утешил пострадавших, раздал даяния среди жертв бомбардировки. 25 июля 1943 года пала фашистская диктатура Муссолини. Сразу же под воздействием изменившихся обстоятельств Пий XII способствовал тому, чтобы руководитель разгромленной фашистами Народной партии де Гаспери, который в период между 1929 и 1943 годом находился во внутренней эмиграции и был служащим Ватиканской библиотеки, приступил к созданию антифашистского, демократического католического движения «Христианская демократия». Однако нацисты не смотрели безучастно на развитие событий, а вошли в Рим. 13 сентября немецкий гарнизон окружил Ватикан, и папа практически стал пленником немцев. После таких событий папа Пий XII выступил на рождество с речью, которую он произнес в еще оккупированном фашистами Риме.

В конце 1943 года в Тегеране совещались Сталин, Черчилль и Рузвельт. Рождественская речь Пия XII, естественно, находилась под воздействием исторической по своему значению конференции. Тегеранская встреча закончилась компромиссом, в соответствии с которым с целью успешного завершения войны, по крайней мере, на том этапе была отвергнута возможность сепаратного мира с немцами, но многие вопросы, главным образом касающиеся послевоенного устройства, остались нерешенными. Папа хотя лишь косвенно, но решительно выразил свою симпатию к союзникам, ожидая от их быстрой победы достижения мира. Этому также способствовало участие католических организаций в антифашистском Движении Сопротивления. В итальянском Движении Сопротивления, добившемся серьезных военных успехов, сражались католические массы, и одним из руководителей этого движения был христианский демократ. Успехи Движения Сопротивления в значительной степени оказали влияние и на поведение Ватикана.

1944 год был годом решающих побед союзников над фашистскими государствами. 5 июня 1944 года

союзники вошли в Рим. Пий XII в молитве, произнесенной на площади Святого Петра, возблагодарил Бога за освобождение. На другой день после освобождения Рима, 6 июня 1944 года, союзники высадились в Нормандии: начался последний этап войны. После освобождения Рима война, частично и в Италии, продолжалась еще почти год. В Северной Италии развернулось широкое антифашистское, национально-освободительное движение, перешедшее в народно-демократическую революцию. Изменилось и положение Святого престола: Пий XII получил полную свободу маневра, его речи теперь уже не были обусловлены позицией по отношению к фашистским оккупантам.

В течение 1944 года Пий XII во многих случаях высказывал стремление церкви реализовать католическое учение во всех сферах общественной жизни. Папа подчеркивал, что церковь как прежде, так и теперь располагает аутентичным социальным учением. В центре учения Пия XII об обществе стояла возможность решения социальных проблем с помощью реформ, что можно обнаружить и в его выступлении по радио в пятую годовщину начала войны, 1 сентября 1944 года. Согласно папе, христиане могут идти по пути излечения общественных систем, низвергнутых в катаклизм войны, с помощью органичных реформ. Ссылаясь на «*Rerum Novarum*» как на единственно верный постулат, он утверждал, что любой общественный и экономический строй должен непоколебимо основываться на христианских принципах морали и на католическом учении о собственности.

Наряду с описанием концепции справедливого общества, обновленного с помощью органичных реформ, Пий XII самым подробным образом рассмотрел вопрос сотрудничества, сложившегося в антифашистском движении между христианами и нехристианами, католиками и другими христианскими конфессиями. В 1944 году папа принял во внимание это сотрудничество, однако в своей речи предупредил о его нежелательных последствиях и ограничил пределы такого сотрудничества. Границы такого сотрудничества устанавливаются в зависимости от специфических католических интересов. Важность заявлений заключается в том, что это все прозвучало уже тогда, когда еще продолжалась борьба с фашизмом. И именно в ходе этой борьбы католические массы и значительная часть их политических руководителей поняли, что лишь последовательное антифашистское, демократическое обновление может стать и для них выходом и что сплочение с левыми силами, не католиками, или даже с атеистами не противоречит их религиозным чувствам, их христианской сути. Пий XII выступил против сплочения, достигнутого в тяжелых боях в рядах Сопротивления.

Рождественское выступление Пия XII в 1944 году по радио является свидетельством поворота в сторону демократии. Папа изучил, как соотносится католическая и политическая доктрина с буржуазной демократией, с ее вариантами, представленными победившей англо-саксонской демократией.

Основной тон рождественского радиовоззвания папы 1944 года теперь уже из освобожденного Рима — однозначное и открытое признание усилий союзных держав и стремление к послевоенному возрождению. Народы, констатировал папа, хотят в условиях демократии эффективно сотрудничать в обустройстве судеб как личности, так и сообщества. Пий XII, следуя курсу своих прежних выступлений по радио, теперь уже более отчетливо заклеил тоталитарно-диктаторские системы, но он также напомнил о том, что церковь еще ни одну систему не осуждала до тех пор, пока она оказывалась способной содействовать общему благу. Если народы желают жить в условиях

демократии, то церковь обязана изложить свои моральные взгляды на демократию. «Церковь не запрещает умеренные демократические системы, — заявил папа, — если они не выступают против католического учения о происхождении и осуществлении общественной власти».

Пий XII совершил явный поворот от корпоративных, авторитарных диктатур к буржуазной, или, как называют христианские партии, к христианской демократии. Пий XII теперь уже в сильных и победивших Соединенных Штатах усматривал тот фактор, который и в международном плане сможет заполнить вакуум, возникший в связи с ликвидацией фашистских держав, и окажется способным противостоять возросшей международной военно-политической мощи Советского Союза и его авторитету и, наконец, сможет поставить заслон мировому революционному процессу.

Внутриполитическим соответствием внешнеполитическим переменам явилось признание антифашистской буржуазной демократии, дополненной христианскими идеями.

Пий XII и после войны продолжил свою прежнюю практику: он стал ежегодно использовать рождественский праздник для того, чтобы в своей обширной речи по радио подвергнуть анализу политическое положение и познакомить мир со своей позицией. В рождество 1945 года, первое мирное рождество за годы понтификата Пия XII, оценил положение следующим образом: он сказал, что война окончилась, но еще нет настоящего мира, а лишь послевоенный период. Это относится и к международному положению, ведь мы еще стоим на пороге заключения мирных договоров, и это относится и к внутреннему положению отдельных стран: народы находятся в процессе народно-демократических преобразований, в состоянии революционных изменений. Основные предварительные условия прочного и истинного мира Пием XII были сформулированы и изложены в трех пунктах: 1) основанное на справедливости взаимопонимание; 2) право на самоопределение; 3) устранение тоталитаризма.

С восстановлением мирного положения Пий XII посчитал необходимым укрепить высшее руководство католической церкви. Со времени вступления на престол папа не назначал кардиналов, количество которых во время войны значительно сократилось. 18 февраля 1946 года на тайной консистории по предложению папы голосами 27 кардиналов были избраны 32 новых кардинала. Они были из 19 стран, в том числе 6 из Латинской Америки, 4 из Соединенных Штатов Америки (прежде был всего 1) и 3 немецких кардинала. Тогда же кардинальское звание получил и архиепископ Эстергомский Иोजеф Миндсенти. Из общего количества 69 кардиналов 27 были итальянцами, 7 — латиноамериканцами, 5 — из США. Папа, назначая новых кардиналов, выразил явное доверие американскому клиру и косвенно государственному руководству, а также политике Гарри Трумэна. Но таким же важным ареалом он посчитал Латинскую Америку и побежденную Германию. Пий XII и после 1945 года симпатизировал немцам. Об этом свидетельствуют не только кардинальские назначения, но и то, что в 1957 году ФРГ вновь признала имперский конкордат 1933 года.

Заявления папы 1946 года в связи с обострившейся политической борьбой были сконцентрированы вокруг предстоящих выборов в Италии и Франции. Позиция Пия XII не вызывала никаких сомнений: вопрос заключался лишь в том, до каких пределов намерен он идти, вмешиваясь в этот вопрос, а также будет ли достигнуто единство между акциями церкви и христианско-демократическими партиями.

2 июня 1946 года в Италии состоялись народные выборы по вопросу, быть ли стране монархией или республикой. Заявления папы однозначно свидетельствовали о том, что церковь охотнее восприняла

бы монархическую форму правления. Пий XII за день до выборов, 1 июня 1946 года, используя традиционную речь по случаю именин, обратился с призывом к итальянскому и французскому народам.

Папа констатировал, что послевоенные изменения противоречат курсу, который он и католическая церковь считают правильным. Массы, принимающие участие в политической борьбе, папа с необычной резкостью сравнил со «стадом обманутых, неразумных овец». Однако успех революционных масс не должен являться причиной для тревоги. «Будьте уверенными! Не малодушничайте! Вас много, больше, чем это кажется по внешним признакам... Вы сильны, более сильны, чем ваши противники, ибо ваши внутренние убеждения и все, что сюда относится, истинные, искренние, твердые, покоятся на вечных принципах, а не на фальшивых концепциях, сбивающих с пути конструкциях, обманных лозунгах, на сиюминутных подсказках или удобных соображениях. С вами Бог!» — так вдохновлял свой лагерь папа. Пий XII, ссылаясь на единство и силу церкви, ободрял верующих. «Завтра граждане двух великих наций (итальянской и французской) плотными рядами поспешат к урнам. О чем же в основном идет речь? — задал вопрос папа. — Речь идет, собственно говоря, о том, что кто-либо из этих народов, кто-либо из этих двух латинских братьев, обладающих более чем тысячелетней христианской культурой, захочет и впредь созидать, опираясь на прочную скалу христианства... или, наоборот, они будут стремиться отдать свои будущие судьбы бесчувственной всемогущей власти материалистического государства, без возвышающегося над природой идеала, религии и Бога. Из этих двух возможностей воспоследует первая или вторая в зависимости от того, кто появится из урн: передовые бойцы христианской культуры или ее разрушители. Ответ находится в руках избирателей, и они за это несут возвышенную, но какую тяжелую ответственность».

Выступление Черчилля в Фултоне и вышеуказанное заявление Пия XII на протяжении 1946 года можно уже рассматривать как явления, предшествующие началу «холодной войны». На выборах 1946 года, правда, не с помощью общественно-экономической программы Пия XII, христианские партии добились действительно серьезных успехов. Источником успехов этих партий, в частности, было то, что они в конечном счете пользовались поддержкой со стороны церкви, не отождествляясь с нею. Таким образом, верующим массам была предложена приемлемая и обнадеживающая альтернатива в виде христианского общества.

1947 год принес решающие изменения в международной жизни. Были заключены мирные договоры с отдельными бывшими фашистскими государствами. В восточноевропейских странах ускорилась народно-демократическая революция. В странах Западной Европы в течение 1946–1947 годов положение еще не прояснилось, перспективы развития были еще проблематичны. Так, например, в 1946 году на выборах во Франции Французская коммунистическая партия вышла на первое место. И в Италии количество голосов, поданных за коммунистов и социалистов, достигло числа голосовавших за христианских демократов. Однако в 1947 году левые, хотя они и сохранили свои позиции, неоднократно терпели поражение, и в 1947 году коммунисты были удалены из правительства. Антифашистская политика Народного фронта потерпела поражение. Одним из факторов этого было выступление американцев и их союзников против Советского Союза, что было сформулировано и на стратегическом уровне в известном послании Трумэна конгрессу в 1947 году после неофициального заявления Черчилля. Во время раскола, происшедшего в мире, Ватикан вновь

отступил от официального к тому времени нейтралитета и примкнул к лагерю сторонников «холодной войны». Одним из наиболее важных документов, подтверждающих этот факт, является опубликованная тогда переписка между президентом Гарри Трумэном и Пием XII. Письма были опубликованы американской стороной, которая хотела тем самым продемонстрировать взаимное согласие между Соединенными Штатами и Ватиканом и необходимость совместного выступления против Советского Союза и левых движений.

Письмо президента Трумэна от 6 августа папе вручил личный представитель президента в Ватикане Майрон Тэйлор. Трумэн в риторической форме, но недвусмысленно призвал папу выразить свою солидарность с политикой Соединенных Штатов и к тесному сотрудничеству. В вводной части президент охарактеризовал как успешное сотрудничество между Соединенными Штатами и Ватиканом, которое началось еще во время войны.

Он также выразил намерение совместно сотрудничать «со всеми моральными силами, представляющими интересы свободного мира». Если эти силы не объединятся, писал Трумэн, то их место займут такие властные структуры, которые выступают против моральной силы. Трумэн подчеркнул, что «мое желание, как избранного руководителя народа Соединенных Штатов, вновь выразить уверенность в том, что вместе с Вашим Святым Престолом и со всеми имеющими добрые намерения учреждениями мира мы будем сотрудничать в интересах прочного мира. Прочный мир может основываться исключительно на принципах христианства. Мы посвятим все наши духовные силы и материальные ресурсы делу осуществления этого принципа...». Трумэн признал основные принципы морали христианства, он также призвал папу сделать солидарное заявление о союзе и сотрудничестве. Трумэн дал также определение формулировке «общий враг»: «Мы должны верить в то, что человечество будет жить в мире, а не в цепях лжи, а именно в цепях коллективного устройства жизни». Враг, следовательно, — это коллективистский коммунизм, Советский Союз и международное коммунистическое движение. Согласно президенту, задачей папы в антикоммунистическом едином фронте является обеспечение идейных основ сотрудничества для осуществления этой деятельности.

Пий XII незамедлительно ответил на письмо Трумэна. В своем письме от 26 августа 1947 года он выполнил пожелания американского президента. «Ваше Превосходительство желает сотрудничества со всеми теми силами и державами, которые могут способствовать решению этой задачи. Никто более нас не надеется на успех и счастливое достижение цели, и мы обещаем, что окажем вам всю возможную помощь, и всем сердцем просим Божьей помощи». Следовательно, Пий XII присоединился к блоку, возглавляемому Соединенными Штатами. Каковы же идейные основы этого шага? Согласно папе, во-первых, то, что обе стороны стремятся к достижению такого прочного мира, основой которого является христианская вера и соблюдение основанных на ней буржуазных прав. Во-вторых, то, что «буржуазное общество божественного происхождения и приспособлено к самой природе». Таким образом, защита буржуазного строя является общей основой, и неизбежным следствием нарушения такого порядка является война.

В последующей части своего письма папа воздал должное сплочению в мировом масштабе сил, возглавляемых Соединенными Штатами и направленными на уничтожение «несправедливости и лжи», то есть на уничтожение коммунизма. «Совершенно определено, что Ваше Превосходительство, — писал Пий XII, — найдет в Божьей церкви полного радости, искреннего,

готового к сотрудничеству партнера». В чем состоит это сотрудничество? Папа отвечает следующим образом, опираясь на 2000-летнюю историю церкви: церковь часто противостояла греховным властям, подвергалась преследованиям, но оставалась неустрашимой и несгибаемой. «Церковь не может заключать компромисс с объявленным врагом Бога... Тот человек лучше всего служит своей родине, который наиболее верно служит Богу... Церковь тем, что и впредь будет руководить людьми и народами и направлять их с помощью всех имеющихся в распоряжении средств на соблюдение своих обязанностей по отношению к Богу, деятельно способствует установлению мира во всем мире и вечному благоденствию человечества». Задачей Соединенных Штатов и их союзников является организация и руководство экономической, политической и военной сферой, а задачей папы является укрепление веры в каждом отдельном католическом народе и в международном масштабе, защита внутреннего буржуазного строя, считаемого христианским.

Одним из бросающихся в глаза последствий вышедекларированного «священного союза» явилось то, что папа стремился направить верующих католиков, католические организации и партии против их прежних союзников, а затем полностью подчинить их иерархии. Идя этим путем, Пий XII прямо вмешивался в дела католических церквей Восточной Европы. Он не только поощрял конфронтационную политику Миндсенти и питал ее надеждами на американскую помощь, но и, например, подстрекал к сопротивлению демократическому правительству польский епископский корпус, обладавший намного большим, чем венгерский епископат, влиянием. Проявления у папы рецидивов «холодной войны» не вызывали однозначного одобрения среди верующих католиков и ставили в тяжелое положение христианско-демократические партии, лишь косвенно воспринимавшие, скорее в политическом плане, политическую линию Соединенных Штатов. Доверие папы к де Гаспери и к христианско-демократической партии поколебалось, ибо тот выступил против авторитарных концепций Пия XII. Папа противопоставил католической партии организацию «Католическое действие», во главе которой стал противник де Гаспери, Луиджи Джедда (интриган и реакционер Джедда длительное время был «ухом» Пия XII, проявляя себя как последовательный интегрис. Именно Джедда возродил методы Бенини).

Запреты на коммунистическую деятельность, изложенные в рождественской речи папы 1947 года, Ватикан в течение 1948 года сформулировал и в официальной форме. На заседании Священной канцелярии 5 июня 1948 года было сделано предупреждение о том, что § 3 канона 1325 запрещает католикам без предварительного разрешения участвовать во встречах католиков и некатоликов, на которых выступают с обсуждением проблем, противоречащих делу веры. А § 2 канона 731 и канон 1528 запрещают совместное участие католиков с некатоликами во всех культовых действиях. Упоминание о канонических запретах в более широком смысле слова ограничивало общественно-политическое сотрудничество с некатоликами.

В 1949 году завершилось формирование двух мировых систем; были созданы Федеративная Республика Германии и Германская Демократическая Республика, образовался блок НАТО. Антикоммунистические взгляды и политическая линия Пия XII приобрели еще большую жесткость после того, как на Рождество 1948 года органы государственной безопасности Венгрии арестовали примаса Миндсенти по подозрению в антигосударственном заговоре. Пий XII в своем послании от 2 января 1949 года, начинавшемся словами «*Asseritimo maerore*» и адресованном венгерскому епископату, осудил свершившиеся события и заявил в связи с этим протест. Процесс Миндсенти

явился новым поводом для выступления папы не только в защиту венгерской церкви, но и против всех социалистических стран. 12 февраля 1949 года он опубликовал апостольское послание, поощрявшее участников открытого процесса Миндсенти. В этом послании содержался вывод, что католические церкви Восточной Европы оказались в тяжелом положении и что церковь нуждается в военной защите западных держав. Выступление папы в поддержку НАТО оказало также влияние и на решение христианских демократов, побудив большинство партии принять решение о вступлении Италии в НАТО. В своей февральской речи Пий XII дошел до объявления «освободительной войны» против социалистических стран справедливым деянием.

14 февраля 1949 года Пий XII в своей речи, начинавшейся словами «In hoc sacrum», на коллегии кардиналов в тайной консистории торжественно заклеил суровый приговор, вынесенный кардиналу Миндсенти. 16 февраля, выступая перед дипломатическим корпусом, аккредитованном в Ватикане, Пий XII в своей речи, начинавшейся словами «Nous apprécions a sa valeur», изложил свою позицию по вопросу об осуждении кардинала Миндсенти. 20 февраля верующие римско-католического вероисповедания организовали на площади Святого Петра, как и в других странах Запада, демонстрацию верности в поддержку Миндсенти. Папа в своей речи, начинавшейся словами «Ancora una volta», выразил протест церкви в связи с осуждением и заключением в тюрьму Миндсенти. Эти заявления показывают, что Пий XII пришел к убеждению, что для сохранения человеческих ценностей война неизбежна. Папа резко выступил против пацифизма, возникшего в католических кругах, заклеив это как предательство и дезертирство.

13 июля 1949 года, когда антикоммунистическая истерия достигла своего апогея, Конгрегация Священной канцелярии опубликовала постановления, осуждающие коммунизм. Согласно этим постановлениям, под угрозой отлучения от церкви запрещалось: 1) вступать в коммунистическую партию и симпатизировать ей; 2) распространять, читать или публиковать книги, газеты, журналы или листовки, излагающие теорию и практику коммунизма, а также писать статьи в эти издания. Те католики, которые действуют вопреки этому, считаются ниспровергателями христианской веры и подвергают себя опасности отлучения со стороны Папского престола, так как коммунизм материалистичен и выступает против христианства. Кроме того, коммунистические руководители, читаем в декрете Конгрегации Священной канцелярии, хотя на словах иногда утверждают, что они не возражают против религии, тем не менее и теоретически, и практически выступают в равной степени врагами Бога и истинной веры и церкви Христовой. 28 июня 1949 года конгрегация приняла вышеуказанный декрет, а 30 июня представила его на рассмотрение Пию XII. Папа утвердил декрет и приказал опубликовать его.

Запрет 1949 года явился пиком политики, «холодной войны», проводимой католической церковью и в то же время логическим следствием линии поведения Пия XII. В 50-х годах католическая церковь не могла, а Пий XII и не хотел ничего изменить для того, чтобы преодолеть эту замкнутость, ликвидировать все углубляющийся раскол между церковью и миром. Нетерпимость и усиливающееся непонимание престарелым папой серьезных социальных проблем и вопросов, связанных с научно-технической революцией, создало большие трудности для межконфессиональных католических христианско-политических партий и профсоюзов.

В 50-х годах Пий XII считал, что «Католическое действие» является единственной серьезной и надежной силой против коммунизма. Когда в 1949 году де Гаспери хотел сформировать

правительство вместе с социалистами, папа открыто это осудил. Однако де Гаспери считал, что конфессиональный фронт, который желал создать Джедда, вызовет создание антиклерикального фронта. В 1952 году Джедда с ведома Пия XII оказал сильное давление на де Гаспери, требуя чтобы христианские демократы образовали союз с правыми партиями, в том числе с монархистами, а также с неофашистами. Подобный шаг расколол бы итальянское общество на две части, и христианско-демократическая партия окончательно потеряла бы демократический и антифашистский характер. И когда все же в 1957 году была образована левоцентристская коалиция (правительственный блок с социалистами), Пий XII с неодобрением отнесся к этому шагу. Пока был жив папа, Ватикан не признавал эту форму правления.

В основном подобным же образом Пий XII относился и к внутреннему общественно-политическому развитию, происходящему в остальных европейских странах. Он поддерживал христианских демократов лишь до тех пор и постольку, пока и поскольку они действовали против коммунистов. Тогдашняя политика Ватикана оказывала вредное влияние на французскую христианско-демократическую партию, на МРП, которая на выборах 1951 года потеряла половину своих избирателей.

В 50-х годах папа приветствовал начавшуюся в международном плане капиталистическую интеграцию, которая привела к созданию Европейского экономического сообщества. В интеграции Ватикан усматривал победу католических воззрений, и в роли защитников интеграции выступали в первую очередь французский и западногерманский католицизм. Папа в экономическом и политическом сплочении Западной Европы искал возможность создать противовес социалистической мировой системе, оказывавшей все большее влияние. В то же время интеграция, с точки зрения внутренних политических факторов, была санкционированным папой средством подъема капиталистической экономики.

В то время как Пий XII в «христианской малой Европе» приписывал себе ведущую роль в морально-идейном плане, в мировой политике он оказывал поддержку противникам сил социализма. Во время корейской войны папа предупреждал человечество о возможности ядерной войны, но при этом у него слышался не призыв к мирному сосуществованию, а стремление, опираясь на атомную монополию Запада, полностью окружить и парализовать социалистическую мировую систему. Папа выступал со своих позиций и во время событий, происходивших внутри отдельных социалистических стран. Так, в частности, венгерские события 1956 года он объявил борьбой за свободу, мобилизовав в поддержку их католическое общественное мнение во всем мире, посвятив этим событиям две свои энциклики.

Заявления, речи и труды Пия XII, посвященные общественным вопросам, в течение двух десятилетий его понтификата составили три объемистых тома. Однако он, в отличие от своих предшественников в социальных энцикликах, не занимался изложением учения церкви о социальных вопросах, социализме и рабочем классе. Отсутствие энциклик по социальным вопросам свидетельствует не только об отсутствии программы, но и о том, что Пий XII не мог согласовать позицию тотального отрицания социализма с требованиями католических трудящихся масс о срочных изменениях, поэтому он предпочитал молчать.

Пий XII больше занимался политикой, чем внутренними вопросами церкви. Во время войны он предоставил теологам еще большую свободу, чем его предшественник. Своей энцикликой «Mystici

corporeis» от 29 июня 1943 года о понятии католической церкви, о сущности церкви он вызвал бурную дискуссию. Ведь папа трактовал церковь как мистическое тело Христово, и этот тезис часть теологов поставила под сомнение. В энциклике «*Divino Afflante spiritu*» от 30 сентября 1943 года Пий XII предоставил большую свободу в применении научных методов, главным образом в области изучения Библии. Однако начиная со второй половины 40-х годов Пий во всех областях отверг принцип *co-gestio* (совместное правление, сотрудничество). Так, своей энцикликой «*Mediator Dei et hominum*» от 27 ноября 1947 года он попытался на основании авторитарного принципа закрыть длившуюся на протяжении двадцати лет дискуссию о литургической реформе. В энциклике папа отклонил принцип концелебрации и установил строгий иерархический порядок и в литургии. Он считал естественным существование непреодолимой пропасти между духовенством и мирянами. «Однако то, что верующие участвуют в евхаристических действиях, еще вовсе не значит, что они обладают священнической властью», — читаем мы в энциклике. Папа считал заблуждением мнение, согласно которому священством обладает или первоначально обладал каждый христианин. Ошибочно считать, что священническая иерархия возникла лишь позднее, а не была создана Христом. Эти утверждения в энциклике уже были направлены против новых церковно-исторических исследований и теологических изысканий.

С конца 40-х годов и в теологических взглядах Пия XII произошел консервативный, реакционный поворот. Его энциклика «*Humani generis*» от 12 августа 1950 года содержала осуждение философских заблуждений Нового времени, возвращая тем самым церковь к курсу, проводимым Пием IX («*Quanta siga*») и Пием X («*Pascendi*»). В Ватикане проникновение новейших результатов науки в теологию и в историю церкви рассматривали как проявление модернизма, и энциклика папы вызвала настоящие преследования неомодернистов. Идеино-идеологический поворот совпал с дальнейшим ужесточением политической позиции папы и с ликвидацией прогрессивных католических движений. Жертвой новых преследований «еретиков» стал ушедший от строгого томизма антифашист и христианский демократ Жак Маритэн (который после 1945 года был также послом Ватикана во Франции). Самого значительного католического философа эпохи, тоже француза Тейяра де Шардена, папа также осудил, многие из работ Тейяра были занесены в «Индекс запрещенных книг», более того, он был даже удален из Европы. Но заставили замолчать и немцев братьев Ранер, теолога Ганса Кюнга, историка в области догматики Йозефа Ратцингера, иезуитов французов де Любака и Даниэлу, доминиканца Ива Конгара, а также кардинала Шухарда (взгляды последнего были позже реабилитированы II Ватиканским собором). Наиболее известным из числа демократических и социальных инициатив было движение французских священников-рабочих, начавшееся с целью отвоения рабочего класса в форме своего рода хождения в народ. Французское движение священников-рабочих было ликвидировано Пием XII в середине 50-х годов.

Пий XII был покровителем чудес и святых, он догматизировал в атомную эпоху новейшие постулаты веры. Так, он настойчиво и с особым пристрастием способствовал углубленному почитанию Девы Марии. В конце 1950-го Святого года он в апостолической конституции «*Munificentissimus Deus*» провозгласил догмат о телесном вознесении Марии. В своей энциклике «*Fulgens corona*» (8 сентября 1953 года) папа провозгласил 1953/54 год «Годом Марии» в связи со столетием провозглашения догмата о непорочном зачатии. В энциклике от 25 марта 1954 года «*Sacra Virginitas*» трактовался вопрос о сущности девственности, необходимой для святого религиозного

образа жизни, и о celibate. В своей энциклике от 11 октября 1954 года «Ad coeli Reginam» он вновь заявил, что тело Девы Марии Бог взял на небо. В это время папа ввел обряд почитания царицы Марии и церковный праздник по этому поводу. В энциклике от 2 июля 1957 года «Le pelerinage de Lourdes», посвященной явлениям Богоматери в Лурде папа призвал весь католический мир усилить почитание Марии.

Духовным завещанием Пия XII оказалась энциклика от 14 июля 1958 года «Memissime juvat», в которой папа выступил против ослабления международной напряженности, против мировой социалистической системы, призывая духовенство и верующих смело бороться за свободное выполнение предназначения церкви.

Пий XII понял огромное значение и возможности современных средств массовой информации, в первую очередь радио, для идейного воздействия на массы, как для проповеди веры, так и для изложения учения церкви. Техника открыла перед Пием XII неизмеримо большие возможности, чем имелись у прежних пап. В энциклике «Miranda prorsus» от 8 сентября 1957 года говорилось о роли и значении кино, радио и телевидения в деле провозглашения веры. Однако Пий XII понимал не только возможности, но и опасности, поскольку эти же средства используют и левые, атеистические силы для распространения своих идей.

Последняя речь Пия XII прозвучала 5 октября 1958 года перед делегатами конгресса пластических хирургов. Этот акт, который можно считать символическим, охарактеризовал всю деятельность папы, проповедовавшего слово Божие. Его католические апологеты подчеркивают, что одной из наиболее значительных черт Пия XII было то, что он по любому возникающему вопросу, как по самому абстрактному, так и по самому повседневному, выступал в высшей степени компетентно, ибо папа считал, что в понятие морали входит все, что делается в мире. Однако профессионализм выступлений папы (при критическом подходе к ним) выглядит весьма сомнительным.

Пий XII, главным образом после 1944 года, когда произошло углубление кризиса существующего общества, использовал всевозможные поводы и темы, чтобы войти в духовную связь со своими верующими, до предела используя все современные средства коммуникации. При помощи радиовыступлений, речей на открытии и закрытии национальных и международных конгрессов он вступал в самый непосредственный контакт с верующими и, таким образом, во многих случаях улаживал те серьезные противоречия, которые к тому времени возникали среди верующих как в Европе, так и за ее пределами, главным образом среди итальянских верующих, в пользу последних. Из этого отдельные католики сделали вывод, что Пий XII — универсальный ученый, учитель мира, который по любому вопросу высказывается профессионально. Внимание Пия XII действительно было обращено на все... но ведь известно, что нельзя объять необъятное, что даже папа, на какой бы прекрасный аппарат научных консультантов он ни опирался, не мог профессионально реагировать на все происходящее в мире. Собственно говоря, его целью было не это, а то, что, восприняв социальное и политическое учение своих предшественников, их философское мировоззрение, он всегда соотносил это с конкретным предметом, используя соответствующую католическую точку зрения, стараясь дать необходимую идейную ориентировку. Техника его выступлений была такова: он вначале кратко очерчивал проблему, затем поднимался до теологических высот, после чего приступал к формулированию католической идейной позиции, которую он считал правильной. После этого становится понятным, что суждения, высказываемые им и основанные на принципах

неотомизма по вопросам науки, экономики, общества, политики, философии и повседневной жизни, на деле демонстрируют в еще большей степени разрыв между жизнью и верой, между действительностью и учением церкви.

Столкновение между силами обскурантизма и прогресса внутри католической церкви произошло во второй половине 50-х годов. В последние годы понтификата Пия XII уже стало ясно многим иерархам церкви, что линия Пия XII ведет к полной изоляции церкви от мира. Однако изменения могли произойти лишь после смерти папы, которая наступила 9 октября 1958 года.

Часто упоминавшиеся шоковые действия Пия XII, антикоммунизм и косный консерватизм которого наносил ущерб вселенской церкви, и та опасная пропасть, которая образовалась между представляемой им позицией и миром, выдвинули перед церковью необходимость коренных преобразований. Необходимо было определить предназначение церкви в современном мире, но для этого было нужно начать внутри церкви реформы, рассчитанные на перспективу. Не мир формировался согласно представлениям церкви и Пия XII, а церковь, возвещающая слово Божие, должна обулаиваться соответственно потребностям мира. Инициатором обновленческих устремлений, взломавших эти препятствия, были открывший окно в мир папа Иоанн XXIII и созданный им II Ватиканский собор. Политика в области ослабления напряженности постучала и в бронзовые ворота Ватикана.

Папство наших дней

Ныне можно уже считать несомненным фактом, что в 1958 году с Иоанна XXIII и созданного им собора реформ началась новая эпоха, новое направление в истории папства и римско-католической церкви. Аджорнаменто (*aggiornamento* — обновление, модернизация, приведение в соответствие с духом времени) вызвало самые значительные изменения в церкви со времени Тридентского собора: отграничение от светской власти и требование возвращения к первоначальной миссии древней церкви; литургические последствия поворота к миру и народу, богослужение на национальном языке; претворение в жизнь коллегиальности были, можно сказать, революционными по своему значению шагами, направленными на модернизацию церкви и папства.

Аджорнаменто и II Ватиканский собор разрушили (хотя и с большим опозданием) союз церкви и папства лишь с одной частью мира. Католицизм больше уже не мог отгородиться от ответов на вопросы, поставленные на повестку дня самой жизнью. Новое «разрешение» сделало приемлемым для католиков и другие общественно-политические системы, в частности и социализм. Поиск возможности сосуществования с социалистическими странами и диалог с неверующими, атеистами и марксистами развертывались под знаком открытия окна в мир, обновления, подключения к истории. Папство стало ангажированным сторонником общественного прогресса и мира и в соответствии с этим руководило вселенской церковью. На этом пути Ватикан не только восстановил свой религиозно-нравственный авторитет, но и смог вернуться на форум международной политики.

Аджорнаменто и собор потрясли консервативно-реакционное церковное здание, с тем чтобы укрепить основы и построить на них современное, соответствующее эпохе сооружение. Во время длившегося полтора десятилетия понтификата Павла VI устранение внутренних неурядиц, вытекающих из новой адаптации, сделало возможным и необходимым продуманное продвижение церкви вперед. Папа Павел стремился к осуществлению церковных реформ в духе собора, чтобы его преемники активизировались затем в мире, стоя во главе обновленной церкви.

Подходя к нашим дням, можно считать открытым вопрос, куда и насколько далеко пойдут католическая церковь и римский папа. История папства доказывает, что в Риме неизменность и изменяемость осуществляются в диалектическом единстве. Несомненно и то, что церковь на протяжении своей 2000-летней истории — раньше или позже, более или менее гладко, ценой больших потрясений — всегда присоединялась к основному курсу истории. Вероятно, так будет и впредь.

Папа аджорнаменто и собора (Иоанн XXIII, 1958–1963)

На конклав, открывшийся 25 октября 1958 года, прибыл 51 кардинал. В своем большинстве они считали, что им надлежит избрать нового папу, который ослабил бы, снял аристократический консерватизм умершего папы, приблизился бы к миру и обладал бы качествами духовного пастыря. Автократичное управление церковью, характерное для Пия XII, следовало заменить руководством, способным реагировать на изменения в мировой политике — на смягчение международного положения, — способным проводить в жизнь это смягчение и в церковной политике.

На конклаве схлестнулись между собой интегрисы, желавшие продолжать курс Пия XII (лидер интегрисов — кардинал Оттавиани), и прогрессисты, сторонники реформ (их лидер — кардинал Сири). Большинство кардиналов уже не были итальянцами, и одна их группа, возглавляемая кардиналом-деканом Тиссераном, хотела избрать папой не итальянца. Однако большинство куриальных кардиналов и в этом вопросе тяготело к традициям. Острые противоречия между партиями не давали шанса быть избранным ни одному из кандидатов от них. Снова ощущалась закономерность: тот, кто приходит на конклав кандидатом в папы, уходит с конклава просто кардиналом.

В качестве компромиссного варианта между крайними группами все больше выдвигалась на передний край кандидатура пожилого патриарха Венеции кардинала Анджело Джузеппе Ронкалли, как в свое время фигура Пия X. Ронкалли казался идеальным «кратковременным» папой. 77-летний возраст венецианского кардинала был залогом того, что его понтификат не будет слишком долгим. Своей исключительной способностью к приспособлению (проявленной им на протяжении предшествующей карьеры), политической неангажированностью — а точнее, своими связями с левыми элементами — он оказался приемлемым и для прогрессистов. Интегрисов же тоже устраивала его кандидатура, поскольку Ронкалли по своим теологическим взглядам был консервативным и почитающим традиции.

В ходе конклава главным противником Ронкалли был кардинал Тиссеран. Но на четвертый день работы конклава венецианский патриарх получил 36 голосов из 51, на один голос больше, чем требовалось для избрания. Когда кардинал Канали объявил имя нового папы, он вызвал этим всеобщее удивление. Однако все считали, что Иоанн XXIII (1958–1963) будет «кратковременным» папой. Приверженцы консервативного направления, во всяком случае, добились того, что папа Иоанн избрал своим статс-секретарем бывшего при Пие XII заместителем статс-секретаря кардинала Доменико Тардини. (Пока жив был Тардини, то есть до 1961 года, в церковном управлении не было осуществлено никаких радикальных изменений.)

Ронкалли взял себе имя Иоанна XXIII; Иоанном звали его отца, и это простое народное имя было привлекательно для него. Большинство пап в истории папства пользовались этим именем. При выборе имени он словно намекал на то, что папы Иоанны были известны своим недолгим

понтификатом, что и он предполагает недолго оставаться на престоле и не намерен возвращаться к понтификату ни одного из своих предшественников Нового времени. (Папу времен Пизанского собора, свергнутого в Констанце в XV веке, — Иоанна XXIII, официальная римская точка зрения объявила незаконным антипапой.)

Иоанн XXIII стал совершеннейшей противоположностью своему предшественнику. Выходец из простой крестьянской семьи, Ронколли был добродушным и веселым человеком, который и на папском престоле сохранял простоту, мудрость и человечность итальянских крестьян окрестностей Бергамо. Его родственники и во время его понтификата продолжали заниматься своей основной профессией; из всей большой семьи только один его племянник стал священником, но он и близко не был к курии. Непотизм при папе Ронкалли действительно сошел в могилу. Окончив простую сельскую школу, будущий папа познал всю тяжесть учебы, когда крестьянскому юноше приходилось испытывать большие материальные трудности, и для него был открыт, по существу, только один путь: церковная стезя. Получив стипендию, он смог поехать в Рим для продолжения духовного образования. Здесь он избегал иезуитов, но и модернизм не оказывал на него никакого влияния. В 1904–1914 годах он был секретарем епископа Бергамо. В 1915 году его призвали на военную службу, сначала санитаром, а затем в качестве полевого священника; только в конце первой мировой войны, в декабре 1918 года, он был демобилизован.

В 1921 году Ронкалли получил приглашение в Конгрегацию пропаганды веры и был назначен папским прелатом. В 1925 году Пий XI командировал его в Болгарию апостольским визитатором с одновременным назначением титулярным архиепископом. С этого времени началась его 20-летняя служба на Балканах. В Болгарии его задачей было формирование католической иерархии. А при заключении брака болгарского царя Бориса III с итальянской эрцгерцогиней Йоландой Ронкалли должен был способствовать тому, чтобы посредством этого династического брака привязать Болгарию в политическом отношении к Италии, а в религиозном отношении — к католическому Риму. Последнее априори было невозможным, и все же визитатор потерял благосклонность Ватикана. Хотя его и повысили в должности, произведя в апостольские делегаты, о нем позабыли, так и оставив его на Балканах.

В 1934 году он стал апостольским викарием Турции и Греции. В бывшем когда-то греко-православной столицей Константинополе, нынешнем Стамбуле, он должен был представлять интересы католической церкви. Греко-турецкие противоречия в мусульманском окружении еще больше осложняли его миссию. В 1937 году он перенес свою резиденцию в Афины и здесь оставался и в годы немецкой оккупации. Когда папой стал Пий XII, Ронкалли имел все основания ждать, что тот вернет его в Рим. Но руководители курии, вероятно Тардини и Монтини, решили, что будет лучше, если Ронкалли останется на своем посту. Тем временем эта балканская позиция и впрямь стала весьма важной для папской дипломатии, и папа был заинтересован в том, чтобы там находился человек, хорошо знающий местные условия.

Наряду с дипломатическим опытом 20-летняя миссия Ронкалли на Балканах сделала его по-настоящему терпимым к отколовшимся христианам, к людям и народам другой веры. (Насколько иным был этот «багаж», чем для Пачелли атмосфера баварской столицы, а затем и Берлин с его прусским духом!) В глазах же Пачелли Ронкалли был не кем иным, как «балканским крестьянином» ватиканской дипломатии. Наряду со сказанным балканская «ссылка» имела еще одно большое

преимущество: Ронкалли стоял в стороне от сотрудничества с фашизмом, от пийского духа курии. Вновь он стал нужен тогда, когда дипломатия Пия XII потерпела фиаско: 23 декабря 1944 года Ронкалли был назначен папским нунцием в Париже. Его предшественник был прикомандирован Святым престолом к правительству Петена — и де Голль объявил его персоной нон грата. Де Голль потребовал, чтобы папа лишил сана и должностей 33 французских епископов, которые были известны своим коллаборационизмом с фашистами. Для погашения конфликта нужен был новый нунций. Посредничество Ронкалли увенчалось успехом: большинство епископов смогло остаться на своих постах.

Нунций Ронкалли не вмешивался во французскую политику. Консервативные французские политики косо смотрели на то, что нунций поддерживает хорошие отношения с лидерами левых сил Ориодем и Эррио. Ему вменяли также в вину, что он не вмешивался в дискуссию вокруг священников-рабочих. В то же время Ронкалли завоевал себе симпатии прогрессивных французских католиков. Так, например, когда в июне 1950 года умер Марк Сангье, бывший лидер христианских демократов «Силлона» и Франции, нунций в теплом письме выразил свое соболезнование его вдове.

С 1951 года Ронкалли стал также представителем Святого престола при ЮНЕСКО. Летом 1952 года Пий XII после долгих колебаний вынужден был дать Ронкалли сан кардинала (который, вообще говоря, положен был каждому, занимающему пост парижского нунция). В соответствии с установившимися традициями кардинальский берет вручал нунцию президент Французской Республики. В то же самое время Ронкалли получил из рук президента-социалиста Ориоля Большой крест ордена Почетного легиона. Однако повышение в ранге было предвестником освобождения от должности нунция. Вскоре Пий XII назначил Ронкалли патриархом Венеции, куда он и прибыл в марте 1953 года.

Будучи архиепископом, он уже признавал и осуществлял программу папы, стараясь найти то, что объединяет церковь с миром, а не то, что их разделяет. Его ассимиляции в Венеции способствовало не только то, что сам он уроженец венецианской земли, но также и эллинистская культура, которая отличает этот город. Ронкалли прибыл сюда как состарившийся дипломат, но здесь он стал настоящим иерархом — духовным пастырем. Подобно Пию X, он лично посещал все приходы своей епархии. О политическом кредо венецианского патриарха многое можно заключить и на основании такого примера: когда его посетил французский кардинал Фельтен, на встрече духовой оркестр исполнял «Марсельезу», гимн Французской революции и Французской Республики.

Пятилетний понтификат Иоанна XXIII стал в конце концов эпохальным понтификатом нашего времени. Своей неслыханной популярностью он обязан не только своей прогрессивной политической линии, но и непосредственности и как бы излучаемому им чувству любви к ближнему. После надменного и холодного Пия XII — святого владыки — он создавал противоположный ему образ: наконец-то папа вел себя по-человечески, выходил к народу, был доступен для каждого. Он немедленно положил конец анахроничному содержанию двора, каким тот был при его предшественнике; немцы были в полном смысле изгнаны из курии. Папа Иоанн покончил также с вековыми церемониями, однако сам любил праздничность, помпезность литургии. Его речи и высказывания не были выспренными, он любил выступать без специальной подготовки, импровизировать. Приятное впечатление, создаваемое этим, уравновешивало подчас причудливость его высказываний. Иоанн XXIII рассматривал свою миссию не как господство, владычество, а как

службу, службу на благо церкви и человечества. Он последовательно проводил в жизнь принцип: «Non ministrari, sed ministrare» («Не заставлять служить, а служить»).

Курия видела в Иоанне XXIII прежде всего Пия X. Действительно, до 1961 года папа был пленником курии. Курия изолировала папу, снабжала его односторонней информацией. Он пытался сломать это положение, часто вызывал к себе епископов, однако подлинное освобождение принес ему только вселенский собор. 25 января 1959 года в своей речи на консистории Иоанн XXIII заявил о своей программе, вызвавшей всеобщее удивление: 1) созыв синода Римской епархии; 2) проведение вселенского собора; 3) реформа церковного права.

Объявление о вселенском соборе прозвучало как сенсация. В свое время Пий IX лишь перенес на неопределенный срок I Ватиканский собор, который с тех пор так и не был завершен. Вновь «оживив» идею вселенского собора, Иоанн XXIII обратился к коллективному разуму церкви, предложив совместно решить вопрос о форме и способе приспособления к нынешним временам и о воссоединении с отделившимися христианами (экуменизме). Вероятно, объявляя о предстоящем соборе, папа Иоанн еще не совсем ясно представлял себе масштабность этой задачи. Он думал, что собор завершится в течение трех месяцев, и у него не было еще конкретной программы работы собора.

Папа Иоанн говорил по преимуществу о мире и единстве, основывающемся на христианской любви, о взаимопонимании всего человечества. В качестве органической части этой основной концепции он сформулировал — впервые в июне 1959 года — программу аджорнаменто. Аджорнаменто означало через обновление, модернизацию церкви: присоединение к современному миру. Если католическая церковь обновится, то она станет способной к диалогу с остальными христианами. (Некатолических христиан папа Иоанн называл вначале отделившимися братьями.) Иоанн XXIII с тех пор выражал сущность аджорнаменто расхожим сравнением: двухтысячелетнее здание церкви он уподоблял кафедральному собору, в котором застоялся воздух истории. Для того чтобы люди вновь смогли в нем свободно дышать, хорошо бы себя чувствовали, нужно распахнуть окна; нужно открыть окно в мир — пусть в собор ворвется свежий воздух.

Иоанн XXIII издал всего восемь энциклик. Первая, программная энциклика «Ad Petri cathedram» издана 29 июня 1959 года: в ней объявление о созыве вселенского собора было связано с прокламированием мира и общественной справедливости, а также со служением экуменизму. Главную цель собора энциклика определяла как самопознание церкви, приближение ее к требованиям эпохи, обновление христианской жизни верующих.

В духе экуменизма папа Иоанн XXIII создал Секретариат Христианского Единства и в изданной в 1961 году энциклике «Aeterni Dei» изложил свою точку зрения об экуменизме. Во главе Секретариата он поставил кардинала Беа, лидера прогрессистов. Задача нового органа состояла в побуждении к диалогу между христианскими конфессиями. Под влиянием деятельности папы в Ватикане сложился новый экуменический дух; этот дух уже не нацеливался на возрождение завоеваний, а искал сближения между равноправными сторонами. В 1960 году папа Иоанн принял даже примаса англиканской церкви архиепископа Кентеберийского, продемонстрировав тем самым свою открытость для диалога.

В духе единства он говорил и о миссиях. 29 ноября 1959 года в своей энциклике «Princeps pastorum» Иоанн XXIII настаивал на участии недуховных лиц в миссионерской работе. Папа Иоанн

существенно расширил кардинальскую коллегию и придал ей подлинно интернациональный характер. В декабре 1958 года число кардиналов впервые превысило традиционную цифру в 70 человек, а к 1962 году оно уже увеличилось с 75 до 87 членов.

Что касается теологических и философских взглядов папы, то они характеризовались приверженностью к традициям. Его традиционалистские позиции подтверждаются, например, тем, что в июле 1959 года он распорядился о роспуске французского движения священников-рабочих. В 1962 году в апостолической конституции он привлек внимание к культивированию латинского языка. Дух традиции пронизывал глубокую религиозность Иоанна XXIII. В центре ее были уважение к евхаристии и культ Девы Марии, что явствует из опубликованного духовного дневника папы. В изданной 1 августа 1959 года энциклике «*Sacerdotii nostri praecordia*» он высоко оценил спиритуализм, строго религиозный образ жизни священнослужителей. 26 сентября 1959 года в энциклике «*Grata recordatio*», гласящей о четках, он объявил октябрь месяцем молитв с четками. И наконец, в энциклике от 1 июля 1962 года «*Poenitentiam agere*», посвященной отпущению грехов, он призвал верующих молиться за успех вселенского собора. Эти энциклики ярко свидетельствуют о традиционалистских взглядах Иоанна XXIII. Не случайно и то, что одним из желаний папы Иоанна — хотя и неосуществленным — было причислить Пия IX к лику святых.

В то же самое время следует подчеркнуть, что еще ни один папа не осуществлял такого решительного поворота в политическом курсе — как в отношении международной, так и итальянской политики, — как Иоанн XXIII. Развернувшийся начиная с Тридентского собора и полностью осуществившийся на I Ватиканском соборе триумфализм к середине XX века ввергнул церковь в глубокий кризис. Иоанн XXIII нетерпеливо торопил: «Нужно, наконец, стряхнуть пыль императорских времен, осевшую на троне Святого Петра с правления Константина Великого». Теоретическую основу поворота, «отряхивания» константиновской пыли заложили современные теологические направления, в отношении которых папа Иоанн, несмотря на свой консерватизм в этой области, продемонстрировал понимание. Значительные энциклики Иоанна XXIII, посвященные общественным проблемам, миру и диалогу, показывают косвенное воздействие на него идей Карла Ранера и Ива Конгара. Особенно большое влияние оказывал на папу французский католицизм. Французские христианские демократы — и их идеи — составляли органическую часть Соппротивления. В 1950 году Пий XII подверг резкой критике журнал «Теологические новости», но Конгар, Ранер и их товарищи не отшатнулись от церкви. Папа Иоанн XXIII открыл перед их идеями ворота Ватикана и собора. Эти новые реформистские теологические распоряжения сыграли большую роль в том, что при папе Иоанне с помощью собора церковь стала открытой для мира, для науки. Основой новой позиции было признание объективной сущности процесса секуляризации. До этого большая часть подстерегающих церковь опасностей была представлена как воображаемые опасности, проистекающие из политических предрассудков, незнания действительности. Теперь возобладал новый методический подход: исходить из знания и понимания действительности. Раньше, особенно в эпоху Пиев, любая попытка, направленная против обособления, изоляции католиков от секуляризованного мира, терпела неудачу. Путь папы Иоанна и собора — это возврат в секуляризованный мир, присоединение к нему.

В соответствии с этим во время понтификата Иоанна XXIII сформировались новые отношения между Ватиканом и политикой, точнее, между Ватиканом и христианскими политическими

партиями. Христианско-демократические партии после 1945 года уже были не просто выразителями интересов католической церкви в политической сфере, а органами включения христианских сил в формирование общественного развития соответствующих государств. Успехам христианско-демократических партий, несомненно, способствовала популярность их антифашистских персоналистских взглядов. Именно поэтому Пий XII и не поддерживал их полностью.

Во второй половине 50-х годов порыв христианско-демократических партий иссяк, а многие из них оказались в кризисе. Французская христианско-демократическая партия распалась, а итальянская вынуждена была объединиться с социалистами. Деидеологизация христианской демократии означала дальнейшее отделение ее от церкви. Эти партии стали организациями, открыто представляющими гражданские интересы. Иоанн XXIII стремился обновить связи церкви с миром уже не через христианские партии, а с помощью духовно-пастырской и евангелизаторской деятельности. Вследствие этого он демонстрировал нейтральную позицию по отношению к этим партиям.

Появившаяся 15 мая 1961 года социальная энциклика Иоанна XXIII «*Mater et magistra*» («Мать и наставница»), приуроченная к 70-летию энциклики Льва XIII «*Rerum novarum*» и 30-летию энциклики Пия XI «*Quadragesimo anno*», отражала уже новый дух. Эта энциклика, по существу, пыталась решить те же проблемы, что и ее предшественницы: задачи церкви, вытекающие из признания классов и классовой борьбы. Раньше предложения по решению этих проблем в условиях продвигающегося к демократии и социализму миров были неприемлемыми для церкви. Если предшественники папы Иоанна, говоря о социальных вопросах, выдвигали на первое место осуждение рабочего движения и лишь во вторую очередь выдвигали социальную программу, то при папе Иоанне основной упор стал делаться на разработку новой общественной и экономической системы. Однако новая теория разрешения социальных противоречий была новой только с точки зрения методов и, так сказать, интонации. Основным и дальше продолжал оставаться тезис о том, что церковь и государство, мудро взаимодействуя, должны шаг за шагом преодолевать противоречия между трудом и капиталом. В то же самое время папа Иоанн порвал с патернализмом, так как последовательно признавал существование классовой борьбы и правомерность борьбы рабочих в защиту своих прав, в том числе и права на собственные организации. Папа рассматривал борьбу рабочих за социальную справедливость как объект поддержки со стороны церкви.

Адгорнаменто в социальных вопросах не затрагивало традиционную позицию церкви по проблеме собственности. Она продолжала стоять на принципиальной основе признания частной собственности. Согласно теологическим взглядам на собственность, земные блага, вещи существуют для того, чтобы служить человеку, то есть ими следует располагать. По мнению церкви, между людьми не могут существовать вопиющие имущественные (касающиеся собственности) противоречия; здесь нужно создать равновесие. Право частной собственности вытекает из природы человека — согласно естественным законам — и распространяется не только на блага, предназначенные для использования, и на потребительские блага, но и на средства производства. Пользование благами, находящимися в частной собственности, — единственное благо, и границы тут определяет общественная польза.

Энциклика «*Mater et magistra*» явилась выражением ясной однозначной позиции защиты буржуазной демократии, общественной системы, основывающейся на буржуазных правах и свободах. Новая позиция означала также, что папа отказывается от тотальной подчиненности светских (не духовных)

лиц церковной иерархии и признает плюрализм общества.

Наиболее отчетливое выражение признание папой Иоанном XXIII происшедших в мире изменений нашло в его последней энциклике (от 9 апреля 1963 года) «*Pacem in Terris*». Энциклика была новой и в том отношении, что она обращалась в духе экуменизма уже не только к духовенству, но и вообще к католикам, даже ко всем верующим. Экуменизм получил новое осмысление — как сближение и сотрудничество между различными христианскими конфессиями. Папа принял к сведению, что часть мира отказалась от буржуазного строя, и в связи с этим существенно изменилось положение церкви. Помимо признания социалистических стран де-факто он спроецировал на международную плоскость предложение о разрешении внутренних противоречий: единственно верный путь по отношению к капитализму и социализму — это следование государству Бога (*Civitas Dei*), посредством чего возможно сосуществование и сохранение мира. Папа Иоанн декларировал в этой энциклике, что, хотя атеизм идеологически неприемлем для христиан, но взаимодействие с любым движением, борющимся за мир, в частности и с коммунистами, не только возможно, но и необходимо. Тем самым Иоанн XXIII переступил ту границу, которую его предшественники установили вокруг церкви со времени появления идей социализма. Энциклика «*Pacem in Terris*» сделала возможным для Ватикана поиск контактов и связей с социалистическими странами, диалог с марксистами.

Важнейшим событием церковной политики Иоанна XXIII было установление 23 ноября 1961 года непосредственных отношений с Советским Союзом. Тем самым и в церковной политике началась эпоха смягчения напряженности. Первым ощутимым результатом нового курса был прием Иоанном XXIII 7 марта 1963 года дочери Хрущева и ее мужа Аджубея, являвшегося тогда главным редактором «Известий». Через пять недель после этого визита, вышла в свет энциклика «*Pacem in Terris*». Отказ от закостенелого антикоммунизма означал не сосуществование с марксистско-ленинской идеологией, а лишь терпимость по отношению к общественно-политическому строю, основанному на этой идеологии. Под знаком смягчения международной обстановки и мирного сосуществования «*Pacem in Terris*» провозгласила взаимодействие с миром, включая в это понятие уже и социалистический мир. Совместная деятельность в интересах мирного будущего человечества сделала возможным, что дух отвержения и предания анафеме потерпел поражение и в Ватикане. В энциклике «*Pacem in Terris*» Иоанн XXIII отказался от «связывания» судеб церкви исключительно с Западом и открыл путь для конструктивных переговоров с социалистическими странами.

Самым значительным событием в истории католической церкви был, несомненно, II Ватиканский собор (1962–1965), открывший новую эпоху в истории папства. По взглядам Иоанна XXIII, осуществление внутренней реформы — прерогатива не одного папы, но и вселенского собора. Генеральной репетицией вселенского собора стало заседание синода римской епархии, проходившее между 24 и 31 января 1960 года. Папа пожелал, чтобы этот местный собор выросшего до уровня митрополии Рима скорректировал пастырскую работу применительно к изменившимся условиям. Это было первым случаем в истории города, чтобы епископ Рима, папа, спрашивал на соборе мнение духовенства. Духовно-пастырская деятельность большого города требовала современной церкви; таким образом, римский синод стал моделью готовящегося вселенского собора.

После внезапного объявления о созыве вселенского собора Иоанн XXIII уже больше не колебался. 17 мая 1959 года он назначил первую комиссию по подготовке собора. Папа призвал епископов католической церкви, монашеские ордена, университеты внести свои предложения по повестке дня

собора, по проблемам, подлежащим обсуждению на нем. 5 июня 1960 года папа по своей инициативе создал центральную подготовительную комиссию собора, которой подчинил десять профилированных комиссий и два секретариата, в задачу которых входила разработка проекта решений собора с учетом мнений, высказанных в огромной массе поступающих предложений. Комиссии под строгим контролем курии составили 73 проекта решений собора, которые были одобрены Центральной комиссией.

Папа нетерпеливо торопил, стремясь ускорить подготовку собора. Одной из причин этого было, несомненно, то, что уже тогда он уже был тяжело болен и знал о своем заболевании раком. Другой, пожалуй, еще более серьезной причиной было его намерение помешать курии саботировать собор. А целью консервативного направления, ссылавшегося на необходимость основательно подготовиться к собору, было поставить его — так же как в свое время сделал Пий IX — перед свершившимся фактом и низвести собор до уровня послушной машины голосования.

25 декабря 1961 года Иоанн XXIII своей апостольской конституцией «*Humanae salutis*» созвал собор, одновременно объявив I Ватиканский собор закрытым. Принципиальное значение этого акта состояло в том, что тем самым папа воспрепятствовал стремлению интегрисов рассматривать этот собор как продолжение I Ватиканского и на этом основании проводить его в прежнем духе. На собор папа пригласил также и отколовшиеся христианские церкви. Открытие собора папа своим решением от 2 февраля 1962 года («*Concilium*») назначил на 11 октября 1962 года.

На торжественное открытие II Ватиканского собора в храм Святого Петра прибыло 2540 соборных отцов. Заседания собора проводились тоже в этом храме. II Ватиканский собор был самым многолюдным собранием в истории церкви. Впервые в истории церкви 18 не католических церквей приняли приглашение папы. В своей речи при открытии собора 11 октября 1962 года Иоанн XXIII снова заявил, что задачей собора является соответствующее обновление церкви, ее разумная реорганизация, чтобы тем самым церковь продемонстрировала свое понимание развития мира и подключилась бы к этому процессу. Это был знаменательный момент открытия, момент прорыва. Обращаясь к решениям Тридентского и I Ватиканского соборов, папа высказал пожелание, чтобы результатом настоящего собора стала открытая миру церковь. Выход из изоляции и сепаратизма и приток свежего воздуха в древнее здание церкви могут осуществиться не путем прокламирования новых догм и тем более не путем осуждений, а посредством ясного и современного изложения соответствующих религиозных истин. Папа Иоанн неоднократно заявлял, что церковь располагает уже вполне достаточным количеством догм, дефиниций и суждений; задача собора не в отвергающем, непогрешимом осуждении, а в проведении конструктивных реформ. Действительно, II Ватиканский собор потому и стал эпохальным событием, что не принял ни одной новой догмы.

Первая сессия собора проходила между 11 октября и 8 декабря 1962 года. Председательствовали на заседаниях по очереди десять назначенных папой членов президиума. Некоторые заседания начинались с молитвы, попеременно на латинском и греческом языках. Положительную созидательную работу первой сессии парализовала борьба между поддерживаемой большинством курии консервативной партией интегрисов и резко противостоящими ей епископами, принимающими реформаторские взгляды прогрессивных теологов. Успех партии реформ зависел от того, сумеет ли она вырвать из рук курии и консервативной партии руководство собором.

Путч произошел сразу же, на первом заседании, 13 октября 1962 года. Президиум собора

предложил, чтобы в состав десяти комиссий собора, занимавшихся разработкой проектов решений и предварительным обсуждением их, были доизбраны и так уж находящиеся там в явном большинстве куриальные и консервативные церковники. Однако выступление прогрессистов во главе с кардиналами Беа и Сюэннесом увенчалось успехом. Французский кардинал Лиенар предложил на заседании отложить довыборы комиссий, поскольку «соборные отцы» еще недостаточно знают друг друга. Это предложение поддержал и кельнский архиепископ кардинал Франгс. Большинство собора приняло предложение оппозиции. Тем самым аджорнаменто одержало первую большую победу на соборе. Президиум отложил заседания собора. 16 октября на выборах список оппозиции собрал большинство голосов. Таким образом, в комиссиях (одна треть членов которых была назначена папой) было обеспечено соответствующее представительство прогрессистов.

Папа, болезнь которого быстро прогрессировала, внимательно следил за заседаниями собора по телевидению. 4 декабря он вдруг выступил с большой речью, в которой позитивно оценил ход заседаний собора, подбодрив тем самым прогрессистов. В это же время папа Иоанн произвел в кардиналы миланского архиепископа Монтини. Он настолько ценил заслуги нового кардинала, что видел в нем своего преемника. Вместе с тем Иоанн XXIII предупреждал кардинала Монтини, чтобы тот был выше соборных дискуссий и сохранял свою беспристрастность в интересах единства церкви.

На первую сессию собора было вынесено для рассмотрения пять проектов (схем): о литургии, об источниках откровения Божьего, о средствах информации, о единстве с восточными (православными) церквями и, наконец, проект структуры церкви, который носил название «De ecclesia» и был одной из главных тем собора. При обсуждении первых двух проектов возникла достаточно острая дискуссия между двумя основными направлениями. В конце концов все проекты вернули в подготовительные комиссии для доработки. Таким образом, на первой сессии ни по одному вопросу не удалось прийти к решению. После закрытия сессии — учитывая ее печальный опыт — созданная согласительная комиссия сократила число предварительных проектов с 73 до 17.

Однако папа Иоанн XXIII не дождал до продолжения собора. Мировое общественное мнение с неподдельным огорчением встретило весть о его кончине. 3 июня 1963 года папа Иоанн пал жертвой распространенной болезни нашего времени — рака. И все же основную свою цель Иоанн XXIII достиг: он вывел церковь из застоя. Тем самым «кратковременный папа» оставил весьма глубокий след в истории церкви, старомодный священник открыл путь для аджорнаменто.

Собор и папа взвешенного прогресса (Павел VI, 1963–1978)

После смерти Иоанна XXIII конклав действительно избрал папой «намеченного им преемника» — им стал кардинал Джованни Баттиста Монтини. Уже в течение ряда лет он считался наиболее вероятным претендентом на папский престол и сознательно готовился к этой задаче. Программой Павла VI (1963–1978) было практическое осуществление дела папы Иоанна, успешное завершение собора и воплощение в жизнь его решений.

Монтини был выходцем из североитальянской буржуазной семьи; отец его, известный католический журналист, стал затем депутатом парламента. Своё образование юный Джованни в связи со слабым здоровьем в основном получил экстерном; его домашним учителем был французский маркиз.

Монтини и в дальнейшем любил французов и французскую историю. (Так, например, он перевел на итальянский язык многие произведения Маритена.) Священником он стал, не проучившись ни в одной духовной семинарии, а папой стал, не выполняя никогда ранее духовно-пастырских функций.

Он учился в римских университетах — Грегорианском и Сапиенце. С 1921 года он стал посещать Папскую академию, а в 1923 году — он уже на дипломатической службе: в течение шести месяцев находился в Варшавской нунциатуре. В 1924 году его отозвали в Рим, и он получил должность в аппарате статс-секретаря папы. 31 год без перерыва он прослужил в курии; из них 20 лет под руководством Пачелли и сумел подняться до одного из руководителей курии. Для Монтини идеал воплощался в Пачелли, и он не скрывал, что считает себя учеником Пачелли.

В 1937 году секретарем Конгрегации по чрезвычайным церковным делам стал Тардини, а на его бывшую должность — заместителя статс-секретаря — был назначен Монтини. Благодаря этому он стал ближайшим сотрудником тогдашнего статс-секретаря кардинала Пачелли. В 1938 году он сопровождал своего шефа в Будапешт на евхаристический конгресс. До 1954 года Монтини все выше и выше поднимался по куриальной лестнице. Еще в 1939 году Пий XII утвердил Тардини и Монтини в их должностях. Когда же в 1944 году статс-секретарь Мальони умер, первыми чиновниками курии стали Тардини в качестве секретаря по чрезвычайным церковным делам и Монтини в качестве секретаря по обычным церковным делам. Монтини стал руководителем курии Пия XII, а с 1952 года — заместителем статс-секретаря. (После смерти Мальони Пий XII уже больше не назначал кардинала-статс-секретаря.)

По своим индивидуальным качествам Монтини также походил на интеллектуального и аристократичного Пия XII. Совпадал и их стиль: их обоих характеризовали сложный способ выражения, эзоповский язык, употребление символов. Несмотря на внешнюю схожесть, в образе мышления обоих этих людей вскоре проявились существенные противоречия. Отдаление, вероятно, началось уже во время войны. Монтини в те годы удалился во «внутреннюю эмиграцию», не желая иметь ничего общего с фашизмом. Еще больше усилилось между ними непонимание после 1945 года по вопросу поведения в отношении коммунистов. Для Пия XII коммунизм означал несчастье рода человеческого, поскольку это учение, будучи атеистическим и материалистическим, отвергало веру. В 1949 году он сжег все мосты, которые позволили бы сблизиться с левым крылом. Монтини не разделял эту жесткую линию. Он увидел и оценил социальное и гуманистическое содержание коммунизма, которое, по его мнению, было родственно евангельскому учению. Пий XII мыслил эсхатологически; Монтини же был реалистом и исходил из потребностей мира.

Хотя подлинная причина разрыва между папой и Монтини и по сей день неизвестна, значительную роль в этом деле сыграл, вероятно, следующий инцидент. Монтини вступил в непосредственный контакт с тогдашним руководителем Итальянской Коммунистической партии — Тольятти и искал через него возможности сближения с социалистическими странами. Тардини, противник Монтини по курии, довел до сведения папы факт контактов Тольятти с Монтини. Это, очевидно, стало непосредственной политической причиной внезапного удаления Монтини из Ватикана. 1 ноября 1954 года папа назначил его архиепископом Милана. Но Пий XII был настолько сердит на него, что полагающийся архиепископу Милана сан кардинала он до конца своей жизни так и не даровал ему. Папа Иоанн XXIII сразу исправил эту несправедливость: на первой же своей консистории он произвел в кардиналы миланского архиепископа. Взаимоотношения папы Иоанна и Монтини были весьма своеобразными, и все же их взгляды были достаточно близки друг другу. И хотя Монтини, даже став папой, неоднократно подражал Пию XII, все же он был скорее приверженцем взвешенного прогресса. Ему не хватало бездумной широкомасштабности и непосредственности папы Иоанна.

Прежде чем принять решение, он долго раздумывал и взвешивал, сомневался, старался учесть все мелочи. «Миланский Гамлет», — шутливо говорил о нем Иоанн XXIII. Выбрав для себя имя Павла VI, Монтини хотел этим подчеркнуть, что новый папа — приверженец интеллектуального направления, представляемого апостолом Павлом.

В момент его избрания, 2 июня 1963 года, было уже ясно, что новый папа — прогрессист. Не все кардиналы были согласны с этим выбором. Главным его противником был кардинал Оттавиани. В конце концов решающим оказалось то, что консерваторы боялись получить нового папу Иоанна даже больше, чем Монтини. Ведь во время смерти Иоанна XXIII консервативное крыло курии было крайне недовольно быстрыми реформами усопшего папы. И выбор в конечном итоге потому пал на кардинала Монтини, что он слыл умеренно прогрессивным и, кроме того, он — выходец из Государственного секретариата, из духовного окружения Пия XII. Монтини располагал не только большим дипломатическим опытом, но и вообще характеризовался стремлением к нивелированию, к поискам компромиссов. Его избиратели явно рассчитывали, что он будет папой среднего пути, и, что касается, главным образом, внутренней жизни церкви, он оправдал возлагавшиеся на него ожидания. Будучи папой, Монтини искал ответы на проблемы современного мира, но его теологические и нравственные суждения скорее гармонировали с традиционными. (Двойственность его понтификата подтверждается тем, что свою тиару, которую он получил от миланцев, он скопировал с тиары Бонифация VIII на основе полотна Джотто. Однако в 1964 году он даровал эту тиару на нужды бедняков.)

Для Павла VI оказалось тяжелым бременем противоречивое наследие Пия XII и Иоанна XXIII. Уже во время его избрания большинство трудных проблем вышло на поверхность, однако решение их казалось еще весьма далеким. Открытость церкви миру, реальное начало диалога, внутренняя реформа церкви, упорядочение взаимоотношений с социалистическими странами — все это были ожидавшие его задачи. Однако новый папа казался пригодным для решения больших проблем, для преодоления сложностей, созданных новой адаптацией. Он обладал соответствующей духовной и интеллектуальной подготовленностью, церковно-управленческим опытом. Курия была послушным орудием в его руках. Чиновники и пониже рангом и повыше дрожали от страха перед папой Монтини, который за 31 год своей деятельности в церкви дотошно узнал все винтики этого гигантского механизма. Павел VI стал диктовать жесткий и строгий рабочий темп. Стиль работы Ватикана изменился. Доброжелательность и приветливость ушли, манеры обращения и сама атмосфера стали более холодными. На место импульсивной политики реформ папы Иоанна, основывавшейся на его традиционной, народной и интуитивной вере, вместе с Павлом VI пришел новый стиль работы. Вечно подверженный сомнениям, но старательным и добросовестным трудом и упорством ищущий вселяющие надежды решения даже в, казалось бы, безнадежных ситуациях, Павел VI исповедовал принцип «*Sperare contra spem*» — «надеяться даже тогда, когда [кажется, что] нет надежды». Павел VI сразу же включил в свою программу успешное завершение собора и введение в законные рамки того широкомасштабного духовного брожения, которое началось после собора и стало источником конфликтов, тянущихся и по сей день. Ведь собор перевернул послетридентскую церковь и вновь вынес на поверхность неразрешимую проблему: противоречие между вселенским собором и коллегиальностью, с одной стороны, и церковной иерархией и централизмом, непогрешимым воплощением которого являлся папа, — с другой. В отличие от не

знавшего сомнений и опасений Иоанна XXIII Павел VI по опыту знал, что проведение в жизнь эпохальных реформ и обоснование их практикой — задача более сложная и пикантная, чем пророческое прокламирование обновления. Программу папы Павла составляли, наряду с завершением собора и осуществлением экуменизма, дальнейшее развитие диалога, упорядочение отношений с социалистическими странами.

27 июня 1963 года Павел VI объявил, что следующая, вторая сессия собора будет открыта им 29 сентября. (Сессия продлилась до 4 декабря.) При открытии сессии Павел VI четко определил задачи собора: 1) углубление самопознания (самораскрытия) церкви; 2) обновление внутренней жизни церкви; 3) продвижение вперед дела единства христиан (экуменизм); 4) диалог с миром (осмысление внешней миссии церкви).

Одновременно он закрепил давнее пожелание папы Иоанна о том, что собор не должен принимать никаких решений, которые претендовали бы на папскую (наставническую) непогрешимость.

Вторая сессия собора проходила под непосредственным руководством Павла VI. На обсуждение были вынесены три проекта (схемы) решения: о церкви, о епископах и об экуменизме. Разногласия между прогрессистами и консерваторами были исключительно острыми, и к концу октября собор зашел в тупик. Проекты решений вновь вернули в комиссии. Вполне ощутимым результатом сессии было почти единогласное принятие на последнем заседании, 4 декабря 1963 года, переработанных тем временем регламентирующих документов о святой литургии («Sacrosanctum concilium»), а также декрета о средствах массовой информации («Inter mirifica»), которые были затем провозглашены Павлом VI. Для осуществления зафиксированных в обоих документах решений папа создал в начале 1964 года две комиссии.

Во время дискуссии на соборе по вопросу экуменизма Павел VI объявил, что едет в Святую землю, в Палестину и Иерусалим. Это посещение папы, состоявшееся в начале января 1964 года, было первой со времени вынужденного пребывания Пия VII во Франции поездкой пап за пределы Италии. В Палестине арабы весьма радушно принимали папу Павла VI; тем более холодным оказался его прием в Израиле. Выдающимся событием экуменизма явилась встреча в Иерусалиме Павла VI и Вселенского патриарха Афинагора и их взаимные объятия. Иерусалим мог бы действительно быть символом взаимопонимания и диалога: ареной встречи иудейской, христианской и магометанской религий. В целях стимулирования диалога Павел VI создал в мае 1964 года Секретариат по делам нехристианских религий.

Третья сессия собора проходила между 14 сентября и 28 ноября 1964 года. Эту сессию можно рассматривать, по сути дела, поворотным пунктом собора. Папа решительно вмешался в ход обсуждений, высказавшись, в частности, против слишком рьяных реформистов. Он дал им понять, что предпосылкой дальнейшей дискуссии должно быть окончательное формулирование и принятие догматической конституции «О церкви». В центре дискуссии стоял вопрос о коллегиальном участии епископов в церковном управлении. Число увидевших в том угрозу для папского примата и проголосовавших против превысило 300! Самый значительный документ собора, догматическая конституция «О церкви» («Lumen gentium»), был принят на последнем общем заседании собора 21 ноября. Конституция вместо понятия «торжествующая церковь» вводила понятие «церковь на службе». Вводился институт коллегиального участия епископов в управлении церковью посредством активизации епископского синода. Наряду с тем, что неприкосновенными остались основные устои

церкви, неизменным сохранился и такой, исторически напластованный институт, как, например, целибат.

Вообще же третья сессия прошла под знаком экуменизма. 21 ноября папа обнародовал декрет о восточных церквях («*Orientalium Ecclesiarum*») и декрет об экуменизме («*Unitas redintegratio*»). Однако экуменизм нашел претворение в практических шагах только касательно восточных православных церквей. 7 декабря 1965 года папа Павел VI и Афинагор взаимно отменили отлучение, провозглашенное в 1054 году, что явилось жестом на пути к сближению, но в догматическом и ритуальном отношении обе церкви ни на йоту не приблизились друг к другу.

Расширению диалога, активизации диалога с атеистами и марксистами способствовало то, что 8 апреля 1965 года папа создал Секретариат по делам неверующих. Летом 1965 года в перерыве в работе собора папа информировал епископов о нескольких запланированных им реформах: о реформе курии, о ревизии церковного законодательства, о новом регулировании смешанных браков, а также об изучении вопроса регулирования рождаемости. Однако перед тем, как приступить к осуществлению реформ, папа решил завершить работу собора. Это имело место на четвертой сессии (8—14 декабря 1965 года).

Четвертая сессия собора была самой продуктивной. При открытии сессии Павел VI объявил об обновлении постоянного епископского синода. На соборе обсуждалось 11 проектов документов. Наибольшую дискуссию вызвали декларация о свободе вероисповедания, а также духовно-пастырская конституция о роли церкви в современном мире.

28 октября 1965 года собор принял три декрета и две декларации: о духовно-пастырском предназначении епископов («*Christus Dominus*»), декрет об обновлении в современном духе монашеской жизни («*Perfectae caritatis*»), декрет о воспитании и обучении священников («*Optatum totius*»), декларация о христианском воспитании («*Gravissimum educationis momentum*») и, наконец, декларация об отношениях церкви и нехристианских религий («*Nostra aetate*»).

Весьма важным документом для нового толкования экуменизма, а также для понимания отношений между католической церковью и иудаизмом явилась декларация «*Nostra aetate*». Еще в сентябре 1960 года папа Иоанн XXIII поручил кардиналу Беа, председателю Секретариата христианского единства, представить проект документа об отношении церкви к евреям. Многократно перерабатываемый текст расширился затем также и за счет новой католической оценки великих мировых религий. Декларация исходила из того, что религиозность — естественный спутник человека и каждая религия есть проявление этого; поэтому и нехристианские религии также содержат ценные, достойные уважения со стороны христианина элементы.

Что ценит церковь в нехристианских религиях? Прежде всего достойными уважения она считает монотеистические религии: в индуизме — глубоко воздействующую медитацию, самодисциплинирующую форму жизни; в буддизме — стремление к совершенству посредством просветления, озарения; в исламе — наличие многих элементов, присущих христианской религии. Декларация самым подробным образом занималась иудейской религией. Указывалось на то, что католическая церковь уходит корнями в Ветхий завет; иудаизм и христианство связаны духовной близостью. Христиане считают себя духовными наследниками избранного народа — ведь их общим духовным сокровищем является Библия. Она раскрывает учение церкви, связанное со смертью Христа, подчеркивая, что ответственность за это не отягчает ни евреев того времени, ни их

потомков. Декларация считает заслуживающими осуждения и сожаления преследования евреев и все проявления антисемитизма; памятуя об общем с евреями наследии, церковь глубоко сожалеет о всей той ненависти, преследованиях и многочисленных проявлениях антисемитизма, которые когда бы то ни было и со стороны кого бы то ни было обрушивались на евреев. В этом ею руководит не политический расчет, а религиозная, евангелическая любовь, поскольку она осуждает любое преследование, против кого бы оно ни было направлено.

Ссылаясь на апостола Павла, декларация отвергает различия между людьми, поскольку вселенское братство христианства исключает всякую дискриминацию. «Таким образом, никакого морального основания не могут иметь под собой такая теория или политика, — читаем мы в этом заявлении, — которые делают различия между людьми и расами в отношении их человеческого достоинства и вытекающих из него прав. Исходя из этого, церковь считает чуждым духу Христа и строго осуждает любую дискриминацию или оскорбления людей по расовому признаку, цвету кожи, общественному положению или религиозной принадлежности». Возвышенная и действительно заслуживающая уважения позиция собора помогает церкви освободиться от тяжелого бремени прошлого и делает возможным для нее активно включиться в борьбу против унижающих людей проявлений дискриминации.

18 ноября дошел черед до принятия собором многократно оспариваемой со времени первой его сессии догматической конституции «*Dei verbum*» об откровении Божьем (точнее, о его источниках). Другим объявленным одновременно с этим документом был декрет об апостольстве мирян «*Apostolicam actuositatem*». В нем скромно просматривалось «Католическое действие» как одна из возможных форм апостольства.

7 декабря 1965 года состоялось последнее заседание II Ватиканского собора. На нем были приняты еще 4 декрета: декрет о службе и личной жизни священнослужителей («*Presbyterorum ordinis*»), в котором, однако, вопрос о celibate остался открытым; декрет о миссионерской деятельности церкви («*Ad gentes*»); декларация о свободе вероисповедания («*Dignitatis humanae*») и, наконец, второй важнейший документ собора — духовно-пастырская конституция об отношениях церкви с современным миром («*Gaudium et spes*»).

Эта конституция, определяющая деятельность священнослужителей, явилась самым пространственным, вызвавшим множество споров и не раз полностью перерабатываемым документом собора. Он содержит наибольшее количество новых идей, определяет место, занимаемое церковью в мире, ее отношение к обществу и государству, а также задачи и призвание церкви в современном мире. На его подготовку и редактирование большое влияние оказала энциклика Иоанна XXIII «*Pacem in Terris*». Руководителем комиссии по разработке конституции был влиятельнейший член партии реформ кардинал Сюаненс, но в работе над документом принимал участие и кардинал Кароль Войтыла. Окончательная редакция конституции выдержана в духе аджорнаменто. Ее исходный пункт — автономия земных дел, которая, в свою очередь, делает возможным для церкви диалог с миром. Конституция рассматривает структуру общества, вопросы семьи и брака, анализирует отношения церкви и современной культуры, вопросы экономической жизни. Труд, созидательный труд она считает центральной частью самоосуществления человека.

8 декабря 1965 года в храме Святого Петра состоялось торжественное закрытие II Ватиканского собора. Павел VI 3 января 1966 года сформировал шесть постоянных, пять специальных и одну

координационную комиссию для истолкования и осуществления решений собора. Тем самым собор реформ закончился.

Еще в разгар работы собора, 6 августа 1964 года, появилась первая, программная энциклика Павла VI («*Ecclesiam suam*»). Эта энциклика отразила те изменения, которые характеризовали Павла VI в отличие от Иоанна XXIII: в положении о «возвышенном прогрессе» упор делался теперь на взвешенность, сдержанность. Эта энциклика искала равновесие между прогрессивными и консервативными силами, и уже ясно было, что и сам папа в догматических и внутрицерковных вопросах остается пленником своего консервативного воспитания и наследия Пачелли.

Энциклика «*Ecclesiam suam*» во многих отношениях явилась шагом назад по отношению к энциклике «*Pacem in Terris*». Хотя главной темой оставался диалог, вести его, согласно энциклике Павла VI, можно было только исходя из укрепившейся и единой церкви. Основным принципом опять провозглашалось жесткое отграничение от социалистических и коммунистических направлений, что служило подчеркиванию антагонизма. Атеизм папа вновь охарактеризовал как самое вредоносное явление нашей эпохи, из которого проистекают и другие беды. Таким образом, заявленная в энциклике позиция на практике говорила не в пользу диалога, а против него. Но «*Ecclesiam suam*» обращалась и к собору, открыв «зеленую улицу» последователям среднего пути.

Более смело Павел VI повел себя в области реформ церковного управления. Прежде всего он реформировал процедуру выборов папы и кардинальскую коллегию. Уже декрет собора от 28 октября 1965 года («*Christus Dominus*») определил предельный возраст для нахождения на должности епископа в 75 лет. Исходя из этого, Павел VI в своем апостольском послании от 6 августа 1966 года («*Ecclesiae sanctae*») призвал всех епископов по достижении 75-летнего возраста добровольно и без принуждения уходить в отставку. Эту позицию — с некоторыми изменениями — он распространил в своем послании от 21 ноября 1970 года («*Ingravescentem aetatem*») и на кардиналов: достигшие 80 лет кардиналы лишались им права участвовать в выборах папы и исключались из конклава. Тем самым была буквально отброшена древняя традиция, что вызвало большое возмущение среди тех, кого это касалось. В октябре 1975 года в булле «*Romano pontifici eligendo*» Павел VI вновь скорректировал систему выборов папы. Число кардиналов, участвующих в выборах, было ограничено этой буллой до 120 человек. В остальном корректировка лишь подтвердила уже известные изменения.

При Павле VI коллегия кардиналов стала подлинно интернациональной. Через два-три года он назначил новых кардиналов. Их количество к 1973 году уже возросло до 145 человек; папа и этим путем хотел усилить коллегиальность управления. Итальянские кардиналы потеряли в коллегии абсолютное большинство. Из 145 кардиналов в результате распоряжения папы на возможном конклаве 28 уже отсеивалось. Среди исключенных оказался и большой враг папы — кардинал Оттавиани. Очень обижен в связи с исключением был и кардинал-декан Тиссеран. Часто болевший Павел VI, особенно к концу своей жизни, тоже неоднократно обращался к мысли об отставке. Однако его окружение, ссылаясь на интересы церковной политики, неизменно отговаривало его от этого.

Другим важным форумом коллегиального управления стал постоянный епископский синод. Во главе синода стоял Совет Генерального секретаря. На проводившихся периодически заседаниях синода обсуждались в духе собора насущные проблемы католической церкви. По существу, этот

форум — тоже одно из средств истолкования и применения решений собора. Его постановления утверждались папой, а за их выполнение отвечал епископский корпус соответствующих стран (с 1971 года они проводятся раз в три года).

Реформа курии снова стала актуальной и во время II Ватиканского собора, и после него. Иоанн XXIII и Павел VI начиная с 1960 года осуществили ряд мер, подготовивших всеохватывающую реформу. Павел VI уже во время собора начал реформу с того, что сократил, уменьшил штат папского двора. Реформа папского двора нашла окончательное выражение в подписанном Павлом VI в 1968 году документе «Pontificalis domus». Была распущена ватиканская гвардия; сохранены были лишь швейцарские гвардейцы в память того, что во время разграбления Рима («Sacco di Roma») воины швейцарской гвардии сражались до последнего, защищая папу. Ватиканская полиция была переодета в гражданскую форму. Былая помпезность, напоминавшая о средневековье и столь почитавшаяся папой Пием XII, была «оскромнена» в духе модернизации и экуменизма. Павел VI отказался от помпезности, но не от папского суверенитета; папская власть вынуждена была отказаться от внешних форм, напоминавших о мировом господстве.

Всеохватывающие реформы курии были обнародованы в папской булле от 15 августа 1967 года («Regimini Ecclesiae Universae»). Эта булла рассматривала структуру курии не в плане иерархической подчиненности; перечисление не означало иерархической лестницы. Куриальную управленческую машину следует рассматривать не в виде этакой иерархической пирамиды, на вершине которой стоит папа, а ниже — подчиненные друг другу по нисходящей линии учреждения (управления), а таким образом, что все учреждения в одинаковой форме и непосредственно зависят от папы, а между собой скорее соподчинены, скоординированы.

Реформа децентрализовала куриальные учреждения. Вместо пожизненных должностей вводилась практика назначения на должность на пятилетний срок. Хотя папа и оставил управленческую структуру, основанную на конгрегациях, он сделал ее более рыхлой посредством учреждения множества новых комиссий и секретариатов, которые частично занимались делами, входящими в компетенцию конгрегаций, на параллельных началах. Эта реформа, несомненно, снизила значение конгрегаций.

Среди новых учреждений самое важное — это Совет по церковным общественным делам, тесно взаимодействующий с Государственным секретариатом. Этот совет пришел на смену существовавшей ранее Конгрегации по чрезвычайным делам. Секретариаты первыми превратились в постоянные органы курии. Их отличие от конгрегаций состояло в том, что они были не столько административно-исполнительными, управленческими органами, сколько скорее органами открытых связей, диалога, исследований, и в соответствии со своей задачей обрели и иной стиль работы. Аналогичным образом новыми куриальными органами стали и советы: Совет по делам мирян и папская исследовательская комиссия под названием «Юстиция и мир». Из ранее функционировавших учреждений прекратили свое существование Датария, а также Секретариат по документам и латиноязычным письмам. Но возникли и новые учреждения: Префектура по хозяйственным делам Святого престола, Префектура апостольских дворцов и, наконец, Церковное статистическое управление. Знаменателен и тот факт, что должности в куриальных конгрегационных учреждениях, на которые ранее назначались только кардиналы, после реформы могли занимать и епархиальные епископы.

В 1967 году в духе реформы значительно возросла роль Папского государственного секретариата, ставшего первостепенным по значению органом Ватикана, который координировал работу всех конгрегаций, секретариатов и комиссий, куда тянулись нити этих учреждений. Кардинал-государственный секретарь (или: кардинал-статс-секретарь) стал теперь уже подлинным премьер-министром. Свою прежнюю приоритетную задачу — заниматься внешними вопросами (иностранными делами) он перепоручил секретарю, возглавляющему Совет по церковным общественным делам, находящийся в персональном объединении с Государственным секретариатом. Этот последний орган одновременно принял на себя и функции Конгрегации по чрезвычайным делам церкви.

Во время понтификата Павла VI Ватиканское государство по своему существу продолжало оставаться монархией, основанной на пожизненных выборах, в которой папа олицетворял всю полноту законодательной, исполнительной и судебной власти. Ближайшим сотрудником папы Павла был кардинал-государственный секретарь француз Жан Вийо. За ним следовали два его заместителя: возглавлявший внутренние дела церкви Джованни Бенелли и возглавлявший внешние дела архиепископ Агостино Казароли. Бенелли раньше был секретарем кардинала Монтини, а Казароли был выдвинут в число руководителей курии Иоанном XXIII: с 1961 года он — заместитель секретаря Конгрегации по чрезвычайным делам церкви, а с 1967 года, будучи титулярным епископом, стал секретарем созданного тогда Совета по церковным общественным делам. Личным секретарем и доверенным лицом Павла VI был священнослужитель левого направления Паскуале Макки. Реальные решения принимались в курии «триумvirатом»: Павел VI — Бенелли — Казароли. Правое крыло здесь представлял Бенелли, а левое — Казароли, в то время как папа был сторонником «среднего пути».

Усилился и международный характер персонала курии. В момент смерти Иоанна XXIII количество служащих в ней составляло 1322 человека, из них 749 итальянцев; в 1973 году число служащих возросло до 2260 человек, а итальянцев среди них было только 573. Однако наиболее важные позиции по-прежнему занимали итальянцы либо же в их руках был надзор. Так, например, две трети личного состава Государственного секретариата составляли итальянцы.

Папа последовательно осуществлял и реформу в области литургии. Своим распоряжением «*Missale Romanum*» он сделал возможным использование в литургии национального языка. Вспомним, что когда-то это являлось одним из центральных требований еретических движений и Реформации!

В новой эпохе папства, которая началась с Иоанна XXIII, «Католическое действие», получившее при Пиях огромную силу, было отеснено на задний план, потеряло свое значение. Папа Иоанн открыто принижал «Католическое действие». Кризис этой организации был вызван собором, а точнее, принятым им новым представлением о церкви и толкованием ее миссии. «Католическое действие» возникло под знаком отхода от мира и достигло пика своего влияния в качестве орудия «холодной войны».

Папа Павел не был приверженцем зрелищных церемоний. Тем не менее празднование в 1975 году юбилейного Святого года, разумеется, состоялось. В полночь 24 декабря 1974 года Павел VI взломал Святые ворота золотым молотком, специально изготовленным для этого Америго Тотом, венгром по происхождению. Святой год прошел под знаком проводимой папой внутренней политики. Его материальные последствия достойны упоминания. В течение Святого года в Риме ожидалось восемь

миллионов паломников, которые если и не приобретут что-то другое, то портретик папы во всяком случае купят. А Ватикан испытывал острую нужду в деньгах, так как крах банка Синдоны сильно подорвал ватиканские финансы и бюджет папского государства был явно дефицитным. (А вообще-то в середине 70-х годов расходы Ватикана за год оценивались в 30–35 миллионов западногерманских марок.)

За время 15-летнего понтификата Павла VI им было издано всего девять энциклик. Он выступал редко, но весомо. Павел VI выступал против крайне модернистских направлений, но также и против ультраконсервативных устремлений. В папе сильно было уважение к человеческой личности и к ее свободе (свободе мнений). Поэтому он никогда не выступал против конкретных личностей; он осуждал только взгляды, не прибегая к отлучению и анафеме; он лишь раздавал отеческие советы. Такое поведение также сыграло свою роль в обострении дискуссии, протекавшей в голландской церкви, или, например, в «мятеже» французского епископа Лефевра. Модус вивенди Павла VI была противна воинствующая нетерпимость. Он был человеком дипломатии и уравновешенности, а следовательно, не принимал фанатичность.

Однако Павел VI консервативными решениями закрыл вопросы, переданные собором в компетенцию папы: о безбрачии священнослужителей, о смешанных браках и о разводах, а также о регулировании рождаемости. Во второй своей энциклике, от 3 сентября 1965 года («*Mysterium fidei*»), он подчеркнул, что ничто не побудит церковь хоть как-то отойти от существовавших до сего времени догматов или подвергнуть ревизии принципы веры. Так, в изданной затем 24 июня 1967 года энциклике («*Sacerdotalis coelibatus*»), посвященной безбрачию священнослужителей, он подтвердил эту многократно оспариваемую традицию. Приверженность сложившемуся в эпоху феодализма целибату вызвала сопротивление в среде духовенства. Особенно открыто выступили против мнения папы епископы Голландии. Целибат противен человеческой природе и скорее может быть источником безнравственности, чем укрепляющим мораль фактором, — таково было одно из мнений. По мнению же папы, целомудрие и безбрачие священнослужителей позволяют мужчине посвятить всю свою жизнь церкви. Женатые, семейные священнослужители больше привязаны к обществу, к проблемам существования.

Ту же самую консервативную линию продолжила энциклика от 25 июня 1968 года («*Humanae vitae*») о христианском браке и регулировании рождаемости. Несомненно, это была наиболее осуждаемая акция Павла VI. Папа вновь подчеркивал, что в этой области не считает необходимым или возможным какие бы то ни было изменения в существующем учении церкви. Энциклика снова подтверждала нерасторжимость брака (как святыни) — тем самым папа вступил в противоречие с реальной жизнью. Он не только отверг, но и морально запретил христианам регулирование рождаемости (искусственное предупреждение и прерывание беременности), поскольку это априори ведет к уничтожению зарождающейся жизни. Этим папа опять-таки показал, что он оставляет без внимания реальности сегодняшней жизни. Дух энциклики «*Humanae vitae*» противоречил духу аджорнаменто, что повлекло за собой возникновение серьезной оппозиции в церкви, главным образом в католических кругах развитых стран. В Голландии, Бельгии и ФРГ значительная часть священнослужителей открыто критиковала позицию папы.

Энциклика «*Humanae vitae*» привела также к тому, что в Италии Ватикан крайне непримиримо воспринял введение в жизнь закона о разводах. Когда парламент принял закон, разрешающий

разводы, Ватикан инспирировал референдум *Democrazia Cristiana* (Итальянская Республика включила в свою конституцию Латеранские соглашения, которые признавали законность церковного брака. Таким образом, принятие закона о разводах, точнее, его введение в действие требовало внесения соответствующей поправки в конституции. А это было возможно только путем референдума.) На референдуме большинство итальянцев проголосовало за допустимость развода; вынужденная проба сил завершилась поражением консерватизма.

Взгляды папы по так называемым социальным проблемам тоже были противоречивыми, но более позитивными, чем по вышеназванным вопросам. В ходе своих поездок Павел VI познакомился с миром; он решительно выступал против общественной несправедливости, отсталости, нищеты и голода. Его самая значительная социальная энциклика от 26 марта 1967 года («*Populorum progressio*») была вызвана его поездкой в Индию (на Бомбейский евхаристический конгресс).

Энциклика касалась социального учения церкви и поддержки отсталых в своем развитии, бывших колониальных народов. Основной принцип ее заключался в том, что общественные проблемы, в том числе и отсталость «третьего мира», могут быть разрешимы путем прогресса народов. Поворот в сторону «третьего мира» для Павла VI был не только миссионерским вопросом, но и признанием нового этапа исторического развития. Большие массы католиков — а в результате демографического взрыва вскоре, вероятно, и большинство верующих — живут в этом «третьем мире». Поэтому необходимо, чтобы церковь высказала свое мнение по их проблемам, сделав предложение по разрешению последних.

Папа осудил колониализм и его тяжелые последствия. Задача церкви состоит в том, чтобы, оторвавшись от богатых и сильных мира сего, стать на сторону масс бедноты в том или ином регионе и защищать ее интересы. Однако стать на сторону слабых и угнетенных еще не означало отождествления с местными революционными антиимпериалистическими радикальными движениями. Папа обособил от них церковь и осудил присоединившихся к ним католиков. Но оказание помощи не могло ограничиваться лишь благотворительностью. Папа признавал, что ликвидация здесь нужды и отсталости возможна лишь посредством структурных изменений; так, в частности, он считал допустимыми национализацию, переход в общественную собственность средств производства. Выход для народов «третьего мира» он видел, однако, так же как и Иоанн XXIII, не в социализме, а в христианском обществе, освобождающемся от недостатков капитализма и социализма; этому обществу промышленно развитый мир должен оказать экономическую и культурную помощь.

Социальное учение Павла VI было изложено в его апостольском послании от 14 мая 1971 года («*Octogesima adveniens*»). В 80-ю годовщину энциклики «*Regum novarum*» папа Павел исходил из основных принципов многократно упоминавшихся социальных энциклик его предшественников, но проявил при этом, по сравнению с ними, гораздо больше реализма. Церковь может давать ответы на вопросы современности только с учетом происходящих общественно-экономических изменений, подчеркивал папа Павел VI. Поэтому следует знать многообразную альтернативу общественного развития, включая и социалистический путь. В деле дальнейшего продвижения вперед общества, экономики, культуры церковь готова к открытому диалогу со всеми людьми доброй воли, невзирая на их мировоззренческую и политическую точку зрения.

Павел VI заявил также, что церковь имеет учение по общественным вопросам, которое собор и он

сам изложили применительно к настоящему времени: собор — в «Gaudium et spes», а папа — в «Populorum progressio». Среди проблем современности папа упомянул «цивилизованные» болезни промышленно развитого потребительского общества, разрушающее природу и личность человека воздействие индустриализации и урбанизации. Сегодняшнее отчужденное общество и автоматизированное производство опустошают человеческую индивидуальность, хотя первоначальной их целью было многогранное раскрытие человеческой личности, достижение *bonum commune* (общественного блага). Внимание и сочувствие церкви в обществе «благоденствия» обращаются к новым беднякам: безработным, споткнувшимся в жизни, жертвам дискриминации, иностранным рабочим. Церковь стремится понять проблемы новых бедняков и помогать в лечении их в духе «Populorum progressio».

Папа подробно остановился на толковании прав человека и их защите. Он признал всеобщим стремление человека к равенству, необходимость распределения тяжелого бремени. А это может быть осуществлено только в демократическом, народном обществе. Долг христиан взять на себя участие в создании такого общества, разделяя и ответственность за будущее. Идеал христианина сегодняшнего дня — активное общественное существование. В апостольском послании «Octogesima adveniens» Павел VI признал, что «в нашу эпоху учение социализма обладает большой притягательной силой для христиан... потому что они считают, что и они идут этим путем истории и хотят на нем проявить свою деятельность» (выделено мною. — Е. Г.). Таким образом, папа признал социалистическое развитие в качестве исторической альтернативы, к которой присоединилась и часть верующих.

Однако наряду с констатацией реальностей «Octogesima adveniens» поставило границы взаимодействию с социализмом. Предпосылкой взаимодействия должно являться взаимное уважение принципов, мировоззрения, а также обеспечение социалистическим обществом и государством для верующих и церкви полной свободой совести и вероисповедания. Доктринально же мирного сосуществования здесь быть не может: марксистское мировоззрение из-за своего атеизма несовместимо с христианской верой, христианским мировоззрением. Политические связи, сближение в социальных вопросах не сопровождаются уменьшением идеологических разногласий. Вот тут мы подходим к проблеме диалога, с которой тесно связан и экуменизм. Объективной основой диалога, наряду с ослаблением международной напряженности, является признание (и добавим: обеими сторонами) того, что в массах верующих произошел сдвиг влево, они стали приверженцами социализма. Таким образом, сотрудничество католиков и марксистов в повседневной жизни, в труде стало реальностью. Вопрос состоит в том, открывает ли практическое политическое и общественное сотрудничество путь и для сближения идей? Несомненно, оно делает возможным обмен мыслями и в области идей. Диалог, начатый при папе Иоанне XXIII по идейным и идеологическим вопросам, получил дальнейшее развитие в 60-е годы. Папа призвал католиков перейти после векового монолога к диалогу с неверующими, марксистами, признав гуманные и социальные завоевания социализма. На соборе под воздействием теологов диалог также обрел права гражданства.

Со стороны марксистов инициаторами диалога выступили Роже Гароди и Эрнст Блох, а со стороны католиков, главным образом, — Карл Ранер. (Организационными рамками его было существовавшее в ФРГ Общество Паулюса.) Диалог раньше всего воплотился в жизнь по общей для обеих идеологий

теме гуманизма. Однако попытки преодолеть идейно-идеологические различия и здесь были обречены на неудачу, а тех, кто искал компромиссов, преследовала подозрительность.

Павел VI осуществил, хотя и с ненамного большим успехом, диалог с другими христианскими церквями. Выражением экуменистических устремлений, призывам к единению была уже упоминавшаяся поездка папы в 1964 году в Иерусалим. В 1967 году Павел VI посетил Стамбул, где снова встретился с патриархом Афинагором. Теперь они взаимно признали друг друга; в знак признания патриарх возложил символ своей власти — столу на плечо патриарха Запада — папы. В октябре 1967 года Афинагор посетил Рим. Ценность этих показательных жестов снижало то обстоятельство, что 92 % верующих православных церквей проживало в социалистических странах, главным образом в Советском Союзе. Из оставшихся 8 % почти 7 % составляют греки; таким образом, Афинагор представлял непосредственно лишь 1 % православных верующих. Тем более важным событием оказалось посещение в 1969 году Ватикана русским митрополитом Никодимом — большим почитателем покойного папы Иоанна XXIII.

По указанию Павла VI начиная с 1965 года стали функционировать католические наблюдатели во Всемирном совете церквей и во Всемирной лютеранской федерации. Улучшились отношения и с англиканской церковью. В 1966 году папа принял англиканского примаса. Все это, однако, было скорее жестом «на публику» и служило разрыхлению закостенелых предрассудков. В теологической, литургической и догматической областях сближение протекало весьма медленно.

Одним из средств диалога Павла VI с миром были его многочисленные поездки. Он — первый папа в истории, который, покрыв несколько тысяч километров на самолете, побывал на всех пяти континентах. (И в этом он явился подлинным продолжателем дела апостола Павла.) Он по-настоящему покончил с ватиканским «заточением» пап и вышел в большой мир из фешенебельного сепаратизма Вечного города. В 1964 году он побывал на Святой земле и из Вифлеема обратился с посланием к миру. В том же году он посетил Индию и в Бомбее призвал богатые страны оказать помощь миллионам голодающих и нищих. В 1965 году он принял участие в сессии ООН в Нью-Йорке, где выступил с речью о мире, о смягчении международной напряженности и о разоружении. В 1967 году из португальского города Фатима он снова обратился к человечеству с призывом о мире. В том же году он побывал и в Турции. В 1968 году в колумбийском городе Богота он принял участие в конференции латиноамериканских епископов и призвал их к изучению социальной проблемы, к поддержке усилий по ликвидации общественных несправедливостей. В 1969 году Павел VI — под знаком экуменизма — посетил Всемирный совет церквей в Женеве, а во время конфликта в заливе Биафра поехал в Уганду, в Кампалу, чтобы встретиться с африканскими епископами. В 1970 году он совершил поездку по Азии; побывал в Иране, на Филиппинах, на островах Самоа, в Австралии, в Индонезии и в Гонконге. Во время поездки на Филиппины он посетил на Маниле нищенский квартал, желая этим жестом призвать местную церковь уделять внимание беднякам. (В Манильском аэропорту какой-то полусумасшедший художник по имени Мендоза совершил попытку покушения на жизнь папы.) Пролетая над Вьетнамом, Павел VI в телеграмме обратился с приветствием как к Ханю, так и к Сайгону. Но, участвуя в конференции азиатских епископов, он не смог удержаться от того, чтобы, заклеив империализм, одновременно не осудить и социализм.

В ходе своих поездок папа встречался с народами самых различных стран и континентов. Народные массы требовали, чтобы церковь не становилась на сторону богачей и угнетателей. Благодаря этим

поездкам Ватикан во время понтификата папы Павла держал в поле своего внимания не только Европу и Соединенные штаты Америки, но и весь мир.

Все это в значительной степени способствовало также тому, что Павел VI стремился к установлению отношений нового типа с социалистическими странами, к нормализации отношений Ватикана с соцстранами; составной частью этого процесса была и нормализация отношений с церквями этих стран, которая получила в общественном мнении наименование «восточной политики Ватикана». Что же сделало возможным формирование отношений нового типа? В первую очередь то, что Ватикан, правда, с историческим запозданием, но признал секуляризацию, осуществленную социалистическими государствами. Папство отказалось от своей бывшей политики призыва церковью этих государств к внутреннему сопротивлению или пассивному неприятию существующего строя. Папство признало, что «молчащая» церковь обречена на смерть. Церковь, желающая осуществлять свою духовно-пастырскую, евангелизаторскую миссию и не стремящаяся к участию в политической власти, не может молчать. Реставрация торжествующей церкви невозможна, но церковь, усматривающая свою миссию в служении вере и верующим, может найти свое место и в социалистическом обществе.

Средством регулирования новых отношений между церковью и государством стала теперь уже не политика конкордатов, которая была нацелена на обеспечение или приобретение привилегий, а регулирование спорных вопросов путем частных договоренностей. Постоянные дипломатические отношения были установлены Святым престолом лишь с Югославией и Кубой.

Целью Ватикана при установлении отношений, связей является не повышение престижа или завоевание политического влияния, а обеспечение условий (в определенных случаях их регулирование) для практической духовно-пастырской работы (например, вопросы полного установления иерархии, назначения епископов, преподавания закона божьего и др.). Из нового толкования вселенской миссии церкви следовало, что церковь всегда и всюду стремится проповедовать вероучение, независимо от того, в каких общественных и политических рамках она живет и функционирует. Поэтому, с точки зрения Павла VI «восточная политика» имела в первую очередь духовно-пастырское значение и лишь во вторую очередь политический характер.

Осуждающая оценка папой коммунизма в доктринальном плане не изменилась, но политическое сотрудничество он считал желательным именно в интересах вышеупомянутой цели.

Новая «восточная политика» Ватикана стала проводиться в жизнь после 1964 года, вслед за пионерскими шагами Иоанна XXIII, имевшими принципиальное значение. Ее проводником являлся архиепископ Казароли. Центральным вопросом этой политики было участие церкви в ослаблении международной напряженности. И естественно, одной из стратегических целей ее было «прояснение» кардинальных вопросов между Ватиканом и Советским Союзом. В 1966 году Павел VI впервые принял советского министра иностранных дел Громыко, в 1967 году — тогдашнего главу государства Подгорного, а в ноябре 1970 года — снова Громыко. Результатом последней беседы стало то, что между 24 февраля и 1 марта 1971 года состоялся визит в СССР архиепископа Казароли. Это был первый случай официального визита официального представителя папы в Советский Союз. Свидетельством нормализации отношений явился новый визит в Ватикан Громыко в 1974 году.

Из остальных социалистических стран наиболее успешно сложились отношения Святого престола с Югославией. Начиная с 1964 года вновь возобновились переговоры между обеими сторонами, в

результате чего в 1970 году были установлены и дипломатические отношения. В 1970 году Павел VI принял на официальной аудиенции в Ватикане президента Тито.

С Польшей нормализация отношений протекала сложнее, что зависело скорее от польского государства, чем от Ватикана. Начиная с 1966 года Казароли несколько раз приезжал в Польшу; вначале он вел переговоры с руководителями польской церкви, а с 1971 года начались переговоры и на правительственном уровне. Результат вскоре не замедлил сказаться: в 1972 году Павел VI назначил новых епископов в епархии Западной Польши, тем самым признав границу по Одере — Нейсе. (В то же самое время в Польше стало уже три кардинала!) 1 декабря 1977 года Павел VI принял на личной аудиенции польского руководителя Эдварда Терека; темой их переговоров было дальнейшее урегулирование взаимоотношений между польским государством и польской церковью.

С Чехословакией также проводились переговоры, начиная с 1973 года — без особого результата. В 1973 году здесь тоже были назначены новые епископы. С Румынией, располагающей католическим меньшинством, у Ватикана нет тесных отношений, хотя в 1968 году премьер-министр Маурер, а в 1973 году президент Чаушеску нанесли визит Павлу VI. В итоге начавшихся с ГДР переговоров в 1973 году здесь тоже смогло состояться назначение новых апостольских администраторов.

Во взаимоотношениях Ватикана с Венгрией новый этап открывало будапештское соглашение от 15 сентября 1964 года. (Это соглашение касалось модернизации процедуры назначения епископов.) Фактором, отрицательно сказывавшимся на улучшении этих отношений, было дело Миндсенти, а точнее, нежелание идти на какой бы то ни было компромисс кардинала Миндсенти, убывшего во внутреннюю эмиграцию на территории американского посольства. Взаимное терпение и доброжелательство к концу 60-х годов дало свои плоды. В 1969 году в Венгрии было одновременно назначено 11 высших священнослужителей (архиепископов, епископов, администраторов). Новые переговоры начались осенью 1970 года; результатом их было и решение проблемы Миндсенти. Венгерское правительство в 1971 году дало согласие на выезд Миндсенти за границу. (В конце концов он поселился в Вене, в Пазманеуме, и в уединении занялся написанием мемуаров.) Затем в 1972 году последовали новые назначения епископов. 5 февраля 1974 года Ватикан публично заявил, что папа Павел VI объявил вакантным место эстергомского архиепископа, а кардинал Йозеф Миндсенти был переведен на пенсию (кардинальский сан был, разумеется, за ним сохранен). Упорно сопротивлявшегося ходу истории и смягчению международной напряженности престарелого кардинала папе пришлось буквально вынудить к отставке, не в последнюю очередь и в интересах венгерской церкви. (Для ухода в отставку, вообще говоря, наличествовали и канонические условия — ведь Миндсенти было уже 75 лет.)

В последующие годы ватикано-венгерские отношения стали быстро улучшаться, завершилось полное восстановление в стране церковной иерархии. Во главе венгерской церкви стал Эстергомский архиепископ д-р Ласло Лекаи, который видел свои обязанности примаса и в активизации сотрудничества с социалистическим государством на благо общества и церкви. Как знак поддержки и признания со стороны вселенской церкви папа произвел архиепископа Лекаи в сан кардинала.

Процесс установления добрых отношений между государством и церковью был закреплен визитом в Ватикан 9 июня 1977 года Яноша Кадара. Папа принял Яноша Кадара и венгерского министра иностранных дел Фридьеша Пуйю в присутствии архиепископа Казароли. На беседе, продолжавшейся один час, папа назвал исторической эту встречу, явившуюся завершающим актом

нормализации отношений между Ватиканом и Венгерской Народной Республикой. Павел VI очень высоко оценил политическую роль и личный вклад Яноша Кадара в дело мирного сосуществования, в политику смягчения международной напряженности, в установление прочных добрых отношений между венгерской церковью и государством. Папа проявил дальнейшую готовность церкви к диалогу по общим проблемам в духе взаимного уважения к мнениям и мировоззрению друг друга.

На пресс-конференции после этого приема Янош Кадар заявил, что венгерская церковная политика не носит тактический характер. Социалистическое государство считается с длительной перспективой существования религии и церкви в венгерском обществе. Острая конфронтация государства и церкви, как показала история, ставила бы верующих граждан перед неразрешимым конфликтом совести и нравственности. Поэтому общим интересом всей нации, а также строительства социалистического общества является сотрудничество с верующими, с церковью.

Собор, диалог, и в частности диалог с социализмом, снова дали возможность папству попытаться пойти в ногу с эпохой, а также вернуться и на форумы международной политики. В вопросах международной политики Павел VI зарекомендовал себя последовательным сторонником мирного сосуществования, разрядки и мира, стимулировавшим всю церковь к сознательной ангажированности во имя этих целей. Начиная с 1968 года каждый год он посвящал большую новогоднюю речь делу мира.

Павел VI решительно осуждал войну во Вьетнаме, американскую агрессию. В 1966 году папа пытался установить контакт с Ханоем при посредничестве руководителя Итальянской коммунистической партии Берлингуэра. Папа уделял большое внимание и конфликту на Ближнем Востоке — ведь в этом регионе (имея в виду обеспечение безопасности святых мест) была заинтересована и церковь. За все время понтификата Павла VI его симпатии были на стороне дела палестинцев и арабов. Отношения между Израилем и Ватиканом были прохладными не только из-за претензий первого на Иерусалим, на святой город, но и в связи с тем, что Ватикан не признал государство Израиль. Когда же папа в 1973 году принял Голду Меир, они не сумели найти общего языка. Меир после этой аудиенции в непривычно жестком духе высказалась о папе.

Павел VI активно сотрудничал и в вопросах политики смягчения международной напряженности. В 1971 году он присоединился к соглашению о нераспространении ядерного оружия. (Для подписания этого соглашения Казароли выезжал в Москву.) А в 1975 году ватиканская делегация в качестве равноправного участника заседала на Хельсинкском совещании. (Это был первый случай после Венского конгресса 1814–1815 гг.!) Папскую делегацию на совещании по безопасности и сотрудничеству в Европе возглавлял архиепископ Казароли, сыгравший положительную роль на переговорах. В своей речи Казароли назвал свободу вероисповедания частью демократических свобод. Своей подписью под Хельсинкским документом папство объявило себя последовательным сторонником международной разрядки и политики мира.

6 августа 1978 года в замке Гандольфо папа Павел VI скончался в возрасте 81 года. Ныне мы однозначно можем констатировать, что он был одним из самых значительных пап нашего века. Он сознавал свою историческую миссию и соответствовал ей. Относительно его мудрости как государственного мужа не могут возникать сомнения, даже если его распоряжения в области церковной политики в отдельных случаях и спорны. Папа Монтини взшел на папский престол под знаком примирения, поисков среднего пути. Однако результаты его деятельности — вследствие

объективного исторического развития — не смогли принести уравниловки и примирения даже внутри церкви. К концу его понтификата еще более обострились разногласия во мнениях внутри церкви; как в области теологии, так и в области политики еще больше углубилась поляризация между прогрессистами и консерваторами.

Quo vadis, Sancte Pater? (Иоанн Павел I, 1978, Иоанн Павел II)

После смерти «папы Гамлета» сразу распространились бесчисленные гадания и пророчества «специалистов» относительно личности нового папы, о сложном и, вероятно, сопряженном с затяжными боями конклаве. В компетентных кругах высшего церковного руководства, знающих определенную ритмичность истории папства, предсказывали, что после папы-дипломата на престол взойдет человек, одаренный от Бога способностями духовного пастыря.

На момент смерти Павла VI число кардиналов, имеющих право избирать папу, составляло 115. Из них 57 — европейцы, 31 — американцы, 12 — африканцы, 15 — кардиналы из Азии и Австралии. 25 августа 1978 года, к началу конклава, явилось 111 кардиналов, среди них и Ласло Лекаи, архиепископ Эстергома. И начался, пожалуй, самый короткий в истории церкви конклав: 25 августа еще не было голосования; 26-го на утреннем заседании прошло два безрезультатных тура голосования, а на вечернем заседании в ходе третьего тура был избран венецианский патриарх, кардинал Альбино Лучани, набравший необходимое большинство в две трети голосов. (Якобы по его просьбе было проведено еще одно голосование, на котором он получил из 111 уже 82 голоса.) Неожиданное и наверняка заранее не обдуманное решение кардиналов глубоко потрясло кардинала Лучани, и только под воздействием уговоров коллег он согласился принять свое избрание, правда, сопроводил это согласие двусмысленной репликой: «Да простит вам Бог то, что вы со мною сделали!» Страх нового папы был вполне понятен: ведь для человека, не готовившегося к этому, задача, ожидавшая его как главу вселенской церкви, могла вызвать только ужас.

В лице Альбино Лучани католическая церковь получила папу от рабочего класса. Он родился в небольшой североитальянской деревне; его отцом был рабочий стекольного завода. Юноша учился, живя в весьма бедных условиях, и в 1935 году был посвящен в сан священника. Теологическое образование получил в Грегорианском университете. Он никогда не занимался научной работой, считая своим призванием духовно-пастырскую деятельность. Вернувшись в родные края, в епархию Беллуно, он занял там должность помощника священника и преподавал закон божий шахтерским детям. За десятилетие между 1937 и 1947 годами он прошел путь от приходского священника и преподавателя Беллунонской семинарии до заместителя vicария Беллунонской епархии. Папа Иоанн XXIII в декабре 1958 года в соборе Святого Петра рукоположил его во епископы и назначил епископом Витторио Венето. Тут он был подлинно в своей стихии, ведь это бедное итальянское епископство было не намного больше и значительнее солидного прихода, и поэтому епископ лично хорошо знал всех своих верующих. В 1969 году папа Павел VI назначил его патриархом Венеции, а в 1973 году произвел в кардиналы.

Кардинал Лучани, и будучи высшим священнослужителем, оставался приветливым, жизнерадостным, простодушным человеком, который в Венеции чувствовал себя чужеродным телом. В течение 1972–1973 годов он не раз подумывал об отставке, так как вступил в противоречие с духовенством своей епархии в оценке движения священников-рабочих. Патриарх Лучани продемонстрировал консервативное политическое поведение; он, например, усматривал большую

опасность для церкви в успехах на выборах Итальянской коммунистической партии.

Когда после конклава он стал папой, имя его, за исключением ограниченной территории его патриархии, было, по существу, неизвестно. Даже специалисты, чтобы получить его биографические данные, вынуждены были копаться в церковных ежегодниках. И это понятно — ведь он никогда не служил в Ватикане, не входил в состав курии или какой-либо из конгрегаций и не занимал никакого дипломатического поста. Всю свою жизнь он занимался духовно-пастырской деятельностью — от капеллана до патриарха. В этом он наиболее походил на Пия X, но своей жизнерадостностью, непосредственностью и юмором он больше напоминал тоже выходца из Венеции Иоанна XXIII.

Выбор ставшим папой Лучани себе имени — тоже единственный факт в истории папства. Имя Иоанна Павла I (26 августа — 29 сентября 1978 г.) — первый случай в истории папства, когда было использовано два имени, что одновременно, очевидно, символизировало и программу нового понтификата. Наверное, он хотел продолжить деятельность двух своих непосредственных предшественников — Иоанна XXIII и Павла VI. И действительно, его модус вивенди по отношению к проблемам церкви мог бы стать адекватным природной мудрости и непосредственности папы Иоанна в сочетании с концепционной деятельностью папы Павла.

Лучани, понтификат которого продлился всего 33 дня, вошел в историю церкви как «сменяющийся папа». После всегда серьезного, даже хмурого и болезненного Павла VI это было новым стилем в Ватикане. Иоанн Павел I постоянно улыбался, и его улыбка порой переходила в раскованный смех. Это было непривычно, равно как и то, что после усложненного способа выражения Павла VI новый папа изъяснялся просто, непосредственно, понятным и для народа языком даже в самые торжественные моменты.

Но что же скрывалось за улыбкой папы? Один месяц — слишком короткий срок для того, чтобы оставить после себя след в церкви. И все же в одном он, вероятно, сломал старую традицию и создал новую: речь идет о ликвидации внешних признаков папского господства. Это проявлялось не только в его непосредственном стиле, в каждодневном доказательстве им своей человеческой природы. Даже его интронизация протекала не обычно, а соответственно представлениям нового папы на этот счет. 3 сентября 1978 года, в воскресенье, в соборе Святого Петра состоялась интронизационная месса папы. Простота и задушевность этой церемонии давали почувствовать, что папа действительно собирается не властвовать, а служить. Иоанн Павел I отменил прежний порядок церемонии интронизации и отказался от тиары. Папа не сел в честаторию (паланкин, папские носилки), а пешком прошел к алтарю. Вместо короны в центре оказался палий, символизировавший верховно-пастырскую сущность папы. (Палий изготавливался из белой шерсти с вышитыми по нему шестью черными крестами — апостольский символ, долженствующий — вместе с белой шерстью — напомнить древнее пастырское (пастушеское) занятие.) Вместо короны — палий, вместо грохота пушек — мелодичные звуки папского хора сопровождали интронизацию Иоанна Павла I.

Даже интронизационную мессу, ко всеобщему удивлению, папа не рассматривал поводом для изложения своей программы, а произнес в ходе мессы настоящую гомилию, причем присовокупил к ней и свои собственные мысли, как это делает обычно приходской священник по воскресеньям в самой последней итальянской деревеньке. Этим самым он тоже хотел показать, что на престол Петра, теперь уже символический, вновь взшел духовный пастырь.

Что касается принципиальных, политических и церковно-политических представлений его папства,

то о них можно составить суждение в лучшем случае по нескольким высказываниям, относящимся к его намерениям. В первой своей публичной речи он с поражающей откровенностью признался: «Я знаю, что нет у меня ни глубокой мудрости, всегда послушной сердцу, которая отличала папу Иоанна, ни колоссальной подготовленности и образованности папы Павла; но вот теперь я встал на их место и намерен продолжить то, что они начали».

Однако продолжить их дело ему не пришлось. Утром 29 сентября 1978 года личный секретарь папы, зайдя к нему в опочивальню, обнаружил его там мертвым. Лежащая рядом с ним книга и горевшая ночная лампа говорили за то, что смерть подкралась к своей жертве с коварной внезапностью. По свидетельству врачей, Иоанн Павел I умер от одной из самых распространенных болезней нашего времени — от инфаркта миокарда, по всей вероятности, поздним вечером 28 сентября. «Смеющийся папа» с улыбкой на устах ушел от всех проблем в иной мир. И все-таки что же, наконец, скрывалось за этой его улыбкой? Наверное, стеснение, страх и смерть. Для Лучани, который жил всегда среди своих прихожан, которого окружали настоящие люди, а не чиновники и дипломаты с их протокольным этикетом, курия стала, очевидно, невыносимым бременем. (Он еще утешался тем, что по вечерам звонил по телефону своему старому другу, беллунойскому епископу, или кому-либо из своих родственников и подолгу беседовал с ними.) Мы можем принять утверждение, появившееся в католической печати, что этот по-человечески столь симпатичный папа оказался сломленным под тяжестью вдруг свалившегося на него бремени и ответственности.

Закончившийся наибольшей сенсацией в истории папства Нового времени последний конклав начался 14 октября 1978 года. Из 114 кардиналов, правомочных участвовать в избрании нового папы, явилось опять 111; они и проследовали в Сикстинскую капеллу. Впервые случилось так, что на конклаве европейцы оказались в меньшинстве: нового папу избрали 55 кардиналов-европейцев и 56 кардиналов-неевропейцев.

16 октября 1978 года, в понедельник, в ранние вечерние часы, в семь часов с минутами, над Сикстинской капеллой взвился белый дым. При виде сфумато многотысячная толпа, собравшаяся на площади Святого Петра, вместе со швейцарской гвардией, выстроившейся тут же на площади в парадной форме и под папским стягом, ожидала благословения нового папы. Наконец в три четверти восьмого на центральной лоджии собора Святого Петра во главе группы прелатов, облаченных в литургические одежды, появился Перикле Феличе, кардинал-диакон, и на классической церковной латыни объявил народу и миру: «Annuntio vobis gaudium magnum! Habemus papam! Eminen-tissimum ac Reverendissimum Dominum Carolum Sanctae Romanae Ecclesiae Cardinalem Wojtyła, qui nomen sibi imposuit Joannem Paulum Secundum». («Сообщаю вам великую радость! У нас есть папа! Его святейшество и высокопреосвященство кардинал нашей Матери Святой Римской церкви господин Кароль Войтыла, взявший себе имя Иоанна Павла II».) Для собравшихся на площади римлян имя Кароль Войтыла звучало чужеродно, и толпа сначала остоленела от того, что должна приветствовать в качестве епископа Рима не римлянина и даже не итальянца.

В двухтысячелетней истории папства в 1978 году произошло подлинное событие: на престол Святого Петра взошел восточно-европеец, славянин, конкретно — поляк. Уже сам по себе этот факт мог быть вполне достаточной причиной для того гигантского интереса, который вызвал во всем мире первый поляк на троне епископа Рима. За время, прошедшее с момента окончания «конклава неожиданностей», понтификат польского папы еще больше усилил этот интерес.

Наверное, и сам польский папа понимал и осознавал особенность положения и поэтому тотчас же порвал с традицией. Он не только почти сразу же после своего избрания появился на балконе, чтобы произнести благословение «Urbi et orbi», но и, не обращая никакого внимания на протест церемониймейстера, в нарушение протокола обратился к собравшимся с краткой речью. Первые его публичные слова относились не к папству и не к избравшим его кардиналам, а к римлянам, к народу. Подкупающим жестом было и то, что он заговорил на звонком итальянском языке, родном языке города и народа, а не на латыни. «Sia lodato Gesu Cristo!» («Слава Иисусу Христу!») — начал свою речь новый иерарх традиционным польским (соответственно — центральноевропейским) католическим приветствием. «Дражайшие мои братья и сестры! После смерти очень любимого нами папы Иоанна Павла I наши души все еще переполняет глубокая скорбь. И вот святейшие кардиналы выбрали нового епископа для Рима. Они призвали его сюда из далекой страны, далекой, однако с точки зрения общности веры и христианских традиций все же очень близкой страны. Я боялся принять этот выбор, но я сделал это в духе покорности и с полной верой в покровительство Святой Богородицы, Мадонны». (Здесь папа наверняка сознательно употребил слово «Мадонна» для обозначения Девы Марии, Святой Богородицы, как это делают итальянцы.)

Выборы на быстротечном конклаве были полны неожиданностей. Колоссальной неожиданностью было то, что новый папа — не итальянец, а поляк, следовательно, славянин, из восточной и к тому же социалистической страны. Иоанн Павел II — первый спустя 455 лет папа неитальянского происхождения. Последним «иностранцем» на папском престоле был голландец Адриан VI (1552–1553), избранный как раз в период разворачивания Реформации, в самый разгар большого кризиса римской церкви. Согласно официальному церковному каталогу, нынешний 264-й папа — поляк. А ведь еще не так давно на престоле Святого Петра восседал гордый аристократ, «самый римский» римлянин Эудженио Пачелли! С момента его смерти прошло только два десятилетия, и свершилось то, что тогда никак еще нельзя было себе представить. И в заключение — новый папа непривычно молод, энергичен, производит впечатление спортивного человека.

В лице Войтылы кардиналы нашли такого папу, который отличался решимостью, силой и который положит конец периоду неопределенности, экспериментирования, поисков выхода. Польский папа принес с собой твердое убеждение, что только единая церковь, основывающаяся на прочном вероучении, способна выполнить свою миссию. Холодный блеск его голубых глаз мог быть должной гарантией для кардиналов. Избранием Иоанна Павла II церковь с удивительным успехом и очень быстро сумела повысить кредит доверия в мире.

И не только собравшаяся на площади Святого Петра огромная толпа гадала, кто же и что представляет собой этот папа — Войтыла, — такой же вопрос задавало себе и взирающее на Рим мировое общественное мнение.

Кароль Войтыла родился 18 мая 1920 года в Южной Польше, в небольшом городе Вадовице Краковского воеводства. Его отец Кароль Юзеф до 1918 года служил в королевской австро-венгерской армии, поскольку Галиция была частью Австро-Венгерской монархии. Мать его происходила из глубоко религиозной литовской католической буржуазной семьи. После развала монархии Галиция стала частью новой самостоятельной Польской Республики, и, таким образом, отец Войтылы стал офицером польской армии, из которой он демобилизовался в чине лейтенанта. В качестве офицера запаса он работал на железной дороге.

Каким же был общественно-политический климат, в условиях которого проходили детство и юность Кароля Войтылы? Этот край Польши характеризовался центральноевропейскими признаками в значительно большей степени, чем другие районы страны. Католическое культурное наследие монархии, экономическая и политическая обстановка сказывались и после восстановления независимости в 1919 году. Это проявилось в более высоком уровне цивилизации и, главным образом, в преобладании позиции католицизма. В Вадовицах Кароль Войтыла вжился в мелкобуржуазный мир, несущий на себе знаки австрийского господства. Городок с конца прошлого века начал развиваться на скромном и степенном пути индустриализации, однако округа продолжали носить выраженный аграрный характер.

В начальную школу Кароль Войтыла пошел в Вадовицах в 1927 году; он очень хорошо учился и окончил школу в 1931 году. Кароль рано потерял мать, и удары судьбы не миновали его семью и в дальнейшем. Учебу он продолжил в восьмиклассной вадовицкой гимназии, которую окончил с отличием. Его интерес к гуманитарным наукам проявился уже в это время; особенно легко ему давалось изучение языков, любил он и литературу. Юный Войтыла, состоя в гимназическом драмкружке, отличался и сценическими способностями, он отлично пел и танцевал, даже изучал основы режиссуры и драматургии.

После экзаменов на аттестат зрелости Кароль Войтыла переехал в 1938 году в Краков и поступил на философский факультет Ягеллонского университета, где изучал полонистику (польский язык и литературу) и философию. Краков и в ту пору являлся центром польского национального духа, его символом и воплощением. Этот красивейший город является также и центром польской национальной культуры; его университет относится к числу лучших университетов Европы, и особенно Центральной Европы. Королевский дворец и кафедральный собор, стоящие на Вавельском холме, — символы польской государственности. Однако Краков тоже уже начал свой путь в сторону превращения в крупный индустриальный город. Так, наряду с древней верой и традиционным обществом появилась и современная Польша: индустриальный рабочий класс, фабрики и заводы, а в них — социалистическое движение.

Войтыла должен был начать второй курс в университете, когда город был оккупирован немцами. Нацисты вскоре закрыли университет, а преподавателей депортировали. Но процесс обучения частично продолжался в нелегальных условиях; был организован так называемый подпольный «летучий университет», лекции и семинары которого посещали несколько сот студентов, среди них и Войтыла. Однако польскую интеллигенцию ожидали нацистские лагеря уничтожения, поэтому одним из шансов выживания было приобщение к физическому труду. Студент Войтыла благодаря кое-какому семейному знакомству стал рабочим краковского содового завода. В течение четырех лет, с 1940 по 1944 год, он работал на заводах «Сольваи» и, таким образом, на собственном жизненном опыте познал условия жизни рабочего класса. Занимаясь в дневное время физическим трудом на заводе, вечерами Войтыла учился в подпольном университете.

Во время оккупации, в 1941 году, Войтыла с товарищами образовали так называемый театр «Рапсодия», который вначале не выходил за рамки любительского объединения. Однако вскоре этот коллектив стал профессиональным. Члены театра видели в актере человека-миссионера, священнослужителя Талии, задачей которого является воспитание нации, поддержание бдения национального сознания, главным образом в годы оккупации. Товарищи Войтылы считали, что у

него есть все данные стать большим актером и режиссером.

В 1942 году Кароль Войтыла принял решение принять стезю священнослужителя; именно в это время его внимание все определеннее обращается к призванию духовного отца. Однако осуществление этого было непростым делом. После оккупации Кракова немцы закрыли городскую архиепископскую семинарию. Тогдашний архиепископ, князь Адам Стефан Сапега, организовал тем не менее так называемую тайную семинарию; в ней «внештатно» могли обучаться такие молодые люди, которые наряду с повседневным трудом хотели подготовиться к профессии священнослужителя. В эту нелегальную семинарию был принят и Кароль Войтыла. В последние недели оккупации семинаристы жили уже в архиепископском дворце, и, поскольку город избежал осады и штурма, в середине октября 1945 года краковчане со сравнительно малыми потерями обрели освобождение. После этого в Кракове быстро нормализовалась и церковная жизнь, тайная семинария легализовалась, воспитанники получили возможность закончить курс обучения.

1 ноября 1946 года в капелле краковского архиепископского дворца архиепископ Сапега посвятил Кароля Войтылу в священники. Молодой помощник священника Краковской епархии через несколько дней, следуя указанию своего архипастыря, уехал в Рим, в город, являющийся столицей мирового католицизма, а также носителем той католической церковной культуры, без усвоения которой клирик вряд ли может подняться над провинциализмом и мыслить категориями мировой церкви.

Последующие два года пребывания в Риме открыли новую главу в жизни «свежепосвященного», никогда не выезжавшего за пределы Польши молодого священника. Он продолжил свое образование в «Ангеликуме», доминиканском университете Святого Фомы. Главный круг его интересов составляли философия и этика; в первую очередь он основательно изучал этику, можно сказать, до самого его избрания папой.

Летом 1948 года Кароль Войтыла вернулся из римской научной командировки в Краков. В 1949 году он защитил на теологическом факультете Ягеллонского университета написанную им в Риме докторскую диссертацию по тематике моральной теологии. Однако архиепископ в соответствии со старым мудрым правилом заслал для начала молодого доктора в захолустный сельский церковный приход капелланом, то есть на должность помощника священника. Однако пребывание в роли сельского капеллана не было ссылкой, а явилось лишь коротким эпизодом на пути Войтылы, готовившего себя к теоретической деятельности. Но фактом является и то, что, побывав сельским духовным пастырем, он имел возможность узнать жизнь тогдашней польской деревни, жизнь глубоко верующего крестьянства, его повседневные заботы, а также и саму польскую церковь «взглядом снизу».

Через год, в 1949 году, архиепископ Сапега вернул Войтылу в Краков, и начиная с этого момента и вплоть до его избрания папой Кароль Войтыла был в центре интеллектуальной жизни этого города. Его первое назначение здесь было связано с воспитанием молодежи: архиепископ назначил его руководителем духовно-пастырской работы в университете. 1951 год принес новый поворот в жизни Войтылы: он приступил к изучению философской антропологии немецкого философа Макса Шелера. Так, начиная с 1951 года он в течение двух лет слушал лекции по этике на теологическом факультете Ягеллонского университета. Войтыла несомненно продвинулся и в научной работе и на основе своих исследований Шелера в 1953 году выдержал конкурс на приват-доцента в Люблинском

католическом университете. В эти годы им опубликовано много научных работ. В 1954 году он принял предложение возглавить институт этики Люблинского университета (руководство институтом он осуществлял из Кракова). Войтыла зарекомендовал себя отличным профессором, который наряду с преподаванием продолжал заниматься научной работой, литературой и духовно-пастырской деятельностью. Папа Пий XII 2 июля 1958 года присвоил Каролю Войтыле сан титулярного епископа, и Войтыла стал помощником тогдашнего епископа-администратора Краковской апостолической епархии. Будущий папа стал, таким образом, епископом сравнительно молодым — в 38 лет. В качестве помощника епископа большой Краковской епархии он должен был выполнять управленческие функции. В этой ипостаси епископ Войтыла смог детально познакомиться со сложным механизмом управления церковью и в ходе посещений церковных приходов — со всей епархией, с ее повседневной пасторской действительностью, а благодаря этому — с польской католической церковью и с подлинной картиной «реального социализма».

Однако исполнение епископских обязанностей отнюдь не мешало ему продолжать научную работу. Кароль Войтыла занимался главным образом проблемами этики, и особенно вопросами сексуальной этики, а точнее, христианским пониманием этих категорий, их отношением к религии, к вере. В своих трудах он пользовался хотя и современной, но в основном феноменологической методикой; в ней находили выражение традиционные положения церкви. Воздействие этих основных научных установок сказывается и поныне в его папских проповедях, в намерениях и устремлениях Апостольского престола.

Среди высоко поднявшихся церковных иерархов Кароль Войтыла выделялся не только как ученый, литератор, прекрасный знаток многих иностранных языков, но и своими спортивными наклонностями, которые он полностью сохранил; более того, он отличался и поэтическим даром, что в условиях церкви, особенно тогдашней польской церкви, считалось чуть ли не скандальным делом. С ранней юности Войтыла писал стихи, которые и в бытность его уже священником и епископом публиковались и в католической печати (правда, под различными псевдонимами). В 1960 году епископ Войтыла написал, а затем и опубликовал под писательским псевдонимом Анджей Явиен пьесу «Лавка золотых дел мастера» («Лавка ювелира») о супружеской верности. Пьеса с тех пор переведена на многие языки и с успехом ставилась на сценах крупных театров.

На первую сессию II Ватиканского собора титулярный епископ Кароль Войтыла прибыл в качестве викария Краковского епископства, а покинул Рим после торжественного закрытия собора, в декабре 1965 года, общеизвестным и пользующимся большим авторитетом архиепископом. Духовный пастырь Войтыла считал важным пастырский характер II Ватиканского собора; главной целью этого могло бы быть обновление христианской духовности. На соборе он выступал уверенно, умно и с успехом, что можно отнести — наряду со знанием языков — и к его оригинальному мышлению. Кардиналы и епископы мировой церкви хорошо узнали Войтылу за годы собора (1962–1965); со многими он установил и личные контакты. Авторитет принесли ему сравнительно частые, ясные и действенные выступления, сыгравшие роль в окончательном формулировании отдельных документов собора. Войтыла обратил на себя внимание не только своими выступлениями на пленарных заседаниях, но и успешной теологической работой, проделанной им в комиссиях.

18 января 1964 года папа Павел VI назначил титулярного епископа Кароля Войтылу архиепископом и митрополитом Кракова. 18 марта того же года нового митрополита официально ввели в этот сан в

Вавельском архиепископском кафедральном соборе, и тем самым Войтыла стал самым молодым главой епархии в польской церковной иерархии. Его церковная карьера стала круто подниматься вверх. 26 июля 1967 года на тайной консистории папа Павел VI объявил, что среди других он возводит в сан кардинала и краковского архиепископа. На другой день в Сикстинской капелле на полуофициальном заседании консистории папа надел архиепископу Войтыле на голову красный берет. Тем самым польский кардинал был произведен в иерархи, имеющие право избирать папу и быть избранным папой.

Архиепископ-кардинал с большой энергией и тщанием стал управлять Краковской епархией, действуя в духе пастырского и соборного обновления. Но наряду с этим ему вполне хватало энергии для активного участия в жизни всемирной церкви, для больших поездок и поддержания контактов. На протяжении десятилетия, прошедшего со времени собора, кардинал Войтыла приобрел себе широкую известность и большой авторитет благодаря выдающейся работе, проделанной им на епископских синодах в рамках мировой католической церкви. Несмотря на дальность расстояний, архиепископ Кракова был не только активным участником синодов с самого начала утверждения этого института, но и, можно сказать, играл определяющую роль в решении многих вопросов. Эти факты сделали для многих очевидным, что Войтыла располагает должной подготовленностью и призванием для управления всемирной церковью.

* * *

Утром 17 октября 1978 года мессой в Сикстинской капелле завершился конклав по избранию папы. И тогда Иоанн Павел II — тоже необычно — обратился с речью к кардиналам, в которой обрисовал основные направления своего предстоящего понтификата. «Прежде всего я хотел бы подчеркнуть непреходящую важность II Ватиканского собора. И мы должны принять для себя как категорическое задание всячески споспешествовать осуществлению его решений», — сказал новый папа.

Сутью своего главного призвания папа Войтыла считал «сохранить в целостности оставленное нам здание веры, поскольку мы признаем и разделяем постулат Христа, который, превратив Петра в камень и создав на нем Церковь, передал ему ключи от Царства Небесного и приказал укрепить своих братьев, а также пасти овец и баранов стада в качестве свидетельства своей любви». Эти слова означали традиционное толкование папской юрисдикции. Это подтверждается и сказанным папой далее: «Верность вбирает в себя непоколебимое послушание по отношению к пастырской, учительской миссии Петра в применении к тому, что касается веры, учения. Основополагающая важность учительской миссии всегда должна быть в центре внимания, ее должно и защищать, ибо в наше время предпринимаются нападки на некоторые истины католической веры». Эта верность в равной мере относится и к соблюдению литургических правил, и к неприятию произвольных новшеств.

В заключение папа подчеркнул важность веры с точки зрения единства церкви, поскольку члены церкви «только в единении друг с другом могут осуществлять свое призвание». За этими соображениями скрывались контуры курса на внутреннюю реставрацию церкви.

В конце речи новый папа, подобно своим предшественникам, особо подчеркнул необходимость активного участия папы и церкви в деле защиты мира и справедливости: «С искренней покорностью мы должны стремиться служить делу мира, прогресса и справедливости между нациями. В этой деятельности мы не хотим вмешиваться в политику либо в устройство земных дел. Люди и народы в

этих насущных для себя проблемах руководствуются исключительно религиозными и моральными побуждениями. Мы хотим укрепить те духовные основы, на которых должно строиться человеческое общество. Мы чувствуем, что эта обязанность тем более безотлагательна, что продолжается развал и противоречия, создающие почву во многих частях мира для борьбы и столкновений, которые ведут к еще более опасным и ужасающим бедам и несчастьям».

Стремление новой главы церкви к сохранению и проведению в жизнь традиций, принесенных из польской церкви, нашло свое выражение не только в толковании функций папства, но и в выборе своих внешних атрибутов. Иоанн Павел II и в качестве папы сохранил свой епископский герб и девиз. Папский герб: на синем поле щита — золотой крест, с правой стороны которого видна большая буква «М», указывающая на имя Марии. Девиз папы: «Totus Tuus!» («Полностью Твой!»). Эти символы отражают глубокое почитание папой Девы Марии. В самом кресте — Мария, и девиз показывает, что он, папа, целиком и полностью принадлежит Марии. Глубокое почитание Богородицы, культ Марии — исторически сложившаяся народная религиозная традиция, присущая польской церкви.

Если Иоанн XXIII и особенно Павел VI руководили церковью в качестве «отца собора», то Иоанн Павел II выступил скорее в качестве «сына собора». Конец периода «родовых мук» собора, конец переходному периоду положила первая программная энциклика Иоанна Павла II от 4 марта 1979 года («Redemptor hominis»). В этом документе он предлагал человеку сегодняшнего дня, живущим в современном мире и потерявшим уверенность верующим вместо сомнений и колебаний незыблемость веры. Заслуживает внимания та систематичность, с которой нынешний папа излагает свое учение. Энциклика состоит из четырех частей. Первая часть — «Наследие» — однозначно подчеркивает уже сказанное: принятие наследия собора и своих непосредственных предшественников, но в то же время и констатация начала нового периода. Вторая часть — «Тайна Спасения» — рассматривает связанные с этим вопросы; более широкое изложение этой проблемы дается во второй энциклике папы — «Dives in misericordia» от 2 декабря 1980 года. Центральная мысль этого документа сводится к христианской любви и милосердию. Третья часть первой энциклики — «Место спасенного человека в современном мире», — опираясь в первую очередь на конституцию «Gaudium et spes», излагает и систематизирует учение нового папы о человеке и его правах, об обществе, государстве, о политике и социальных вопросах.

Этим кругом вопросов папа занимался в нескольких энцикликах, а также в других по характеру документах. Подробному рассмотрению социального вопроса главным образом посвящена энциклика от 14 сентября 1981 года «Laborem exercens». По существу это циркуляр по социальным вопросам — органическое продолжение важнейших энциклик XIX–XX веков: «Rerum novarum» Льва XIII от 1891 года, «Quadragesimo anno» Пия XI от 1931 года и «Mater et magistra» Иоанна XXIII от 1961 года. Как свидетельствуют начальные слова энциклики Иоанна Павла II, в центре ее стоит проблема человеческого труда. Впервые папа посвятил специальную энциклику труду и трудящемуся человеку. Христианский апофеоз труда — вот что собой представляет этот документ, который считает труд, сознательную деятельность частью создания, скрепляющей силой общества и проявлением нашей человеческой сути. Гуманизация труда, решительная защита прав рабочего человека, принятие с точки зрения христианской морали обобществления (но отнюдь не национализации!) собственности, составляющей объект труда, — новые моменты социального

католического учения. Папа резко осуждает капиталистическую структуру производства, основывающуюся исключительно на частной собственности, но точно такой же решительной критике он подвергает и диктаторскую структуру партийного государства, сложившуюся в «осуществленном социализме», и подчиненную роль в нем рабочего класса и производительного труда. Относящиеся к этому критические замечания папы со всей очевидностью основываются на личном опыте. В социальной энциклике о труде Иоанн Павел II вновь четко очертил контуры социального учения церкви, которые начали было размываться во времена Павла VI. Хотя он и не выступает с претензией создания особой христианской общественной и производственной модели, но, по существу, предлагает третий путь, который превзошел бы первые два; при движении по этому пути на основе законов христианской морали осуществились бы гармонизация и освобождение труда.

Однако Иоанн Павел II ясно сознавал также и то, что гуманизация сегодняшнего мира, полное раскрытие творческого характера труда, трудящегося человека невозможны без необходимых материальных условий, без соответствующего содействия капитала. Современное социальное учение церкви не исчерпывается раскрытием важнейших принципиальных взаимосвязей, теоретическими изысканиями, морально-теологическими раздумьями. Святой престол, да и сам папа занимают конкретную позицию по кардинальным экономическим проблемам эпохи, и, в частности, по путям их решения. Важнейшая здесь — это позиция Папской комиссии «Юстиция и мир» (*Justitia et Pax*) от 27 декабря 1986 года, изложенная в форме подробного документа о кризисе международной задолженности. («*Al servizio della communita umana: un approccio etico al debito internazionale*»). *L'Osservatore Romano*, 1987, januar 28.)

В этом документе Апостольский Святой престол призвал кредиторов и должников к совместному преодолению всемирного долгового кризиса. Появлению этого документа способствовал тот факт, что ныне массовый центр тяжести мировой церкви переместился уже в Латинскую Америку, и там среди католического епископского корпуса 22 латиноамериканских государств 18 считают самой тяжелой проблемой общества внешнюю задолженность. Но точно такое же положение и в Центральной Европе, в частности, в Венгрии. Поэтому понятно, что Святой престол и папа заняли определенную позицию по этому тяжелому вопросу. Разумеется, документ вносит предложения по решению этой проблемы не вместо банкиров и правительств, а, не вдаваясь в технические стороны вопроса, намечает этические координаты для ее решения. А это, касаясь более широких аспектов, еще отражалось в духе энциклик, изданных в свое время Павлом VI («*Populorum progressio*») и Иоанном Павлом II («*Laborem exercens*»). Документ впервые говорит о взаимных зависимостях в мировом масштабе, которые делают необходимым расширенные формы солидарности, принятие на себя взаимной ответственности. Во второй части документа перечисляются самые срочные задачи, подлежащие решению. Основной принцип состоит в том, что поведение противостоящих сторон (кредиторов и должников) должна определять «этика выживания», к которой относится и уважение к неплатежеспособным должникам. Необходимо в духе Евангелия сделать дальнейшие шаги, как, например, продлить сроки платежей, сделать более умеренными проценты, частично или полностью (в крайних случаях) освободить от долга, оказать помощь в восстановлении платежеспособности. Папа считает общим делом ответственность за будущее; в этой ответственности должны быть солидарны и должники и кредиторы. Однако документ со всей несомненностью означал этическую

поддержку интересов не кредиторов, а миллионных масс, несущих на себе бремя долгов, и, таким образом, занимал позицию помощи и поддержки государств-должников.

Возвращаясь к программной энциклике Иоанна Павла II, отметим, что ее последняя глава (четвертая часть) — «Миссия церкви и человеческая судьба» — рассматривает именно эти вопросы. Судьбой человека, сущностью человеческих страданий и их трансцендентальным значением занимается четвертая по счету энциклика от 11 февраля 1984 года («*Salvifici doloris*»). Этот документ связан с проходившим тогда чрезвычайным Святым годом, который папа провозгласил по случаю 1950-летнего юбилея распятия и воскресения, Спасения Христа. Эта энциклика, занимающаяся распятием Христа, его страданиями и страданиями отдельных людей, углубила учение Иоанна Павла II о Спасении.

Энциклика Иоанна Павла II «*Divinum et vivificantem*», приуроченная к празднику Троицы 18 мая 1986 года, может быть расценена как полное выражение догматического учения папы; энциклика говорит о роли в жизни церкви и мира Святого Духа. Вряд ли мы можем поставить себе в задачу теологический анализ этой наполненной большим содержанием, пространной энциклики. Ясно, однако, что этот документ представляет собой органическое продолжение более ранних апостольских циркуляров Иоанна Павла II на эту же тему, посвященных греху и Спасению. Можно также утверждать, что эта энциклика как бы подводит под них итог; после раскрытия учения об Отце и Сыне она раскрывает в христианской догматике место третьего лица Святой Троицы — Святого Духа, его сущность и функции.

Теологические взгляды нынешнего папы чуть ли не с момента его избрания находятся как внутри церкви, так и вне ее в центре весьма сложных дискуссий. Эти дискуссии не раз перехлестывали даже через рамки церкви, обнаруживая свою общественную подоплеку. Очевидно, правда, что со времени существования церкви вопросы вероучения всегда формировались в огне дискуссий и споров; без этого развитие догм немислимо. Иерархическая церковь, начиная со своего создания, с развитием папского примата, в лице «вечного» папы, воплощающего в себе единство и универсальность церкви, всегда претендовала на уважение и почитание принципиальных решений папского института. Таким образом, когда речь идет о решениях Святого престола, вмешивающихся в теологические дискуссии или желающих их закрыть, мы не можем подвергать сомнению правомочность этих решений. Однако оказался необоснованным оптимизм папы Иоанна XXIII, надеявшегося, что внутри церкви папский институт никого больше не осудит, опираясь на авторитет своих принципов, а различные взгляды будут, мол, сталкиваться друг с другом в ходе творческих дискуссий и духовных конфронтаций. При Иоанне Павле II одно за другим следовали расследования и осуждения. Новый папа однозначно ввел в свою программу восстановление твердого единства вероучения, наложение дисциплинарных взысканий на «перегибщиков» и отклоняющихся от папского учения. Точно так же он считает гарантом единства церкви и ее единой платформы в современном мире тождество догм.

Ныне стражем-хранителем чистоты веры является Конгрегация вероучения, бывшая Священная канцелярия, которой еще раньше предшествовала Святая инквизиция. В 1979 году конгрегация, решения которой утверждает папа, осудила целый ряд американских теологов, главным образом, за их положения, противоречащие основным принципам католической моральной теологии, сексуальной этики и «*Humanae vitae*». Вторую группу осуждений составили «заблуждения»,

связанные с папским приматом: осуждению подверглись те теологи, которые критиковали тезис о непогрешимости папы. Так, среди прочих подверглись дисциплинарному взысканию немецкий теолог Ганс Кюннг и французский Жак Пойе. К ответственности был привлечен и голландский доминиканец Эдвард Шиллебеекс за «заблуждения» в области христологии.

Папство выступило и против наиболее распространенной политической теологии, против «теологии освобождения». Латиноамериканская действительность привела к тому, что идентифицирующиеся с народом католические священнослужители включались в общественную и политическую борьбу в интересах низвержения несправедливых режимов. Именно там возникли «теология прогресса», «теология освобождения», «теология революции» и т. д. В ходе своей первой заграничной поездки папа Иоанн Павел II выступил в Пуэбле в противовес им с подлинным, основанным на вере толкованием освободительной теологии и развил мысль о том, что, хотя долгом церкви является поддержание бедных и вспомоществование им, священнослужители не могут попадать под влияние радикальных общественно-политических учений (в данном случае — марксизма). Церковь осуждает общественную несправедливость, но борется против нее не политическими методами, а путем нравственного совершенствования человека — ведь корень «дурного» находится не в самой общественной системе, она только следствие, а в том, что человек отринут от веры. Таким образом, грех, личный грех приобретает общественные масштабы в несправедливой общественной системе. Префект Конгрегации вероучения кардинал Йозеф Ратцингер считает, что «теология освобождения» в узком смысле характеризуется принятием ею чуждой христианству марксистской позиции.

«Теология освобождения» ставит перед людьми непосредственную задачу использовать христианство в качестве средства для конкретного изменения мира. Таким путем христианство может воссоединиться со всеми прогрессивными силами нашей эпохи. Это стало одним из источников ее величайшей притягательной силы в массах, но она завоевала себе поддержку также и прогрессивных теологов в рамках всемирной церкви. Среди высказываний Святого престола по этому поводу первым претендующим на всеохватывающий характер, но ставящий на первый план критику аналитическим документом была инструкция Конгрегации вероучения «*De quibusdam rationibus Theologiae Liberationis*», подписанная кардиналом Ратцингером 6 августа 1984 года и затем утвержденная папой. В этом документе Конгрегация вероучения признает возможность освободительной теологии, ее теоретическое и практическое богатство, выдающуюся роль в углублении и распространении веры, в евангелизации. «Теология освобождения» в наибольшей степени вступала в противоречие с официальными взглядами Святого престола там, где, согласно Ратцингеру, она перенимала марксистский метод познания общества и переходила в политику. Потому что методы материалистической теории нельзя ведь применять, не делая из нее теоретических выводов! Три главных упрека были следующие:

1. Вопреки утверждению «теологии освобождения», Евангелие в первую очередь обещает освобождение от греха и только во вторую очередь содержит такие морально-нравственные коррективы, которые имеют силу и для общественных проблем.
2. Инструкция протестует против того, чтобы приверженцы «теологии освобождения» использовали при христианском толковании общества марксистские методы.
3. На основе всего этого в адрес создателей и распространителей «теологии освобождения»

инструкция провозглашает пункты церковного наказания и выражает недовольство в связи с тем, что ее положения были опубликованы без предварительных консультаций с Римом.

Однако полного единства относительно освободительной теологии в различных учреждениях Святого престола, конечно, не было, поскольку прогрессивное крыло курии не разделяло опасений папы и Ратцингера. В результате пришли к тому, что вскоре в новой инструкции — речь идет о документе «Учение о христианской свободе и освобождении», опубликованном 22 марта 1986 года, — в ряде мест будет исправлена непримиримая критика и будут внесены коррективы в осуждение. Эта новая инструкция по вероучению отметила позитивные стороны освободительной теологии и подчеркнула, что Святой престол, после устранения отдельных крайностей, в качестве одной из альтернатив церкви может рассматривать латиноамериканское развитие событий.

* * *

В современном мире церковь ищет свое место не только посредством обновления теоретических положений; обновляется, модернизируется также и ее внутренняя и внешняя организация. Это относится не в последнюю очередь и к центру, к курии. Со времени избрания папой Кароля Войтылы «в воздухе висит» коренное реформирование римской курии, ее приспособление к стилю работы, индивидуальности и целям нового папы. Каковы же те наиболее важные изменения, которые происходят в центральных учреждениях со времени вступления в должность нового папы?

25 октября 1978 года Иоанн Павел II вновь назначил государственным секретарем кардинала Жана Вийо, который с 1969 года был статс-секретарем при Павле VI, а затем и при Иоанне Павле I. Пожилой иерарх 9 марта 1979 года умер. В качестве его преемника папа поставил во главе Государственного секретариата титулярного архиепископа Агостино Казароли, назначив его исполняющим обязанности статс-секретаря, поскольку он тогда не был еще кардиналом. До того архиепископ Казароли был секретарем Совета по общественным делам и в качестве такового являлся разработчиком и воплощением в жизнь восточной политики Святого престола. В первые годы своего понтификата польский папа действительно интернационализировал аппарат курии, в котором, естественно, возросло число поляков. Часть изменений в кадровом составе произошла по объективным причинам; так, например, летом 1979 года умер префект Конгрегации вероучения кардинал Оттавиани, бывший в свое время одним из консерваторов в соборе, а затем инспирировал энциклику «*Humanae vitae*». На его место новый папа назначил кардинала Франчо Сепера, хорвата по происхождению, а после того, как он подал в отставку, на этот важный пост был назначен мюнхенский архиепископ, уже упоминавшийся кардинал Йозеф Ратцингер.

Реформы, о которых идет речь, протекали в двух направлениях: отчасти они были административного характера, отчасти же имели экономическую и финансовую направленность. На пленарном заседании кардинальской коллегии в 1979 году о реформе курии было принято решение, согласно которому еще не следовало вносить структурных изменений, а надлежало активизировать работу существующих учреждений. Заседание кардинальской коллегии, состоявшееся 23–26 ноября 1982 года, также занималось реформой курии, структура которой была определена апостольской конституцией папы Павла VI от 1967 года «*Regimini Ecclesiae Universae*». Коллегия кардиналов посчитала, что сейчас первостепенной задачей — в интересах дальнейшей реформы — было бы уже и теологически определить роль курии, находящейся на службе у папы и считающей благо вселенской церкви своей целью, а также определить отношения курии с другими церквами. Согласно

этому следовало усиленно обеспечивать духовно-пастырский дух. С большей целесообразностью нужно было организовать учреждения Святого престола, точнее определить в правовом отношении круг их функций и обязанностей, эффективнее координировать их деятельность. Представители местных церквей были заинтересованы в ускорении установления взаимодействия между курией и епископскими конференциями и — в связи с этим — в том, чтобы прояснить отношения епископского синода и курии. «Ответственным» за готовящуюся реформу курии стал архиепископ Казароли. Признаком дальнейших изменений явилось то, что в мае 1982 года папа осуществил целый ряд организационных модификаций в курии. Так, например, он принял тогда решение о создании Папского Совета по культуре.

К середине 80-х годов по-настоящему назрело начало проведения в жизнь реформы курии. 21–23 ноября 1985 года заседал третий пленум кардинальской коллегии. Главной темой пленарного заседания была реформа Римской курии. Суть ее состояла в упрощении структуры курии, в осуществлении принципа вспомоществования духовно-пастырской деятельности и коллегиальности. Папа претендовал на то, чтобы курия прежде всего соответствовала основным духовно-пастырским принципам и требованиям, что является условием осуществления ее евангелизаторской миссии. Шагом в этом направлении — наряду с учреждением уже упомянутого Совета — было также создание Комиссии по семье. Даже без детализации технической стороны реформы курии можно констатировать, что папа вряд ли сможет в решении своих задач игнорировать централизованную курию. Как отметил прогрессист, латиноамериканский теолог Хельдер Камара, «даже обладающий самыми высокими способностями папа не сможет соответствовать своим задачам, если захочет все делать сам. Не слишком было бы удачно с его стороны и решение все возложить на ведомства Римской курии. Следовало бы дать слово поместным церквам, со всем их плюрализмом. Наиболее подходящим органом для подобного сотрудничества мог бы стать синод епископов» (Мадьяр Курир, 1981 г., 11 апреля).

Иоанн Павел II действительно распределил между отдельными церквами проблемы, стоящие перед вселенской церковью, и не в последнюю очередь материальные проблемы. Для упорядочения экономического положения Святого престола и Ватикана папа назначил состоящую из кардиналов комиссию под председательством кардинала Джузеппе Каприо, членами которой являются один немецкий (кардинал Хеффнер), один американский кардинал и два кардинала из третьего мира. Тем самым папа вывел финансовые дела из-под исключительно и весьма секретного контроля Римской курии. Также важным шагом явилось создание папой 31 мая 1981 года нового совета «по изучению экономических и административных проблем Святого престола». В совет, состоящий из 15 членов, папа назначил епархиальных кардиналов, в том числе восемь из третьего мира. И наконец, пришлось упорядочивать запутанные дела банка Ватикана, которые неоднократно упоминались в связи со скандальными финансовыми манипуляциями. Папа однозначно передал государственному секретарю Казароли, рукоположенному в 1979 году в сан кардинала, контроль над IOR (Ватиканским банком). С этого времени административная часть финансовых дел контролируется кардиналом-государственным секретарем и оказывающей ему помощь вышеупомянутой комиссией, состоящей из пяти членов, что, по-видимому, послужит гарантом против возможных грозящих неприятностями манипуляций. Почему Иоанн Павел II придал такое большое значение реформам в области финансов? Потому что наряду с получением более широкой свободы действий папа хотел бы в

большей степени рассчитывать на пожертвования верующих вселенской церкви, на поддержку поместных церквей, чем на централизованные финансовые источники, находящиеся в нежелательной связи с международным финансовым миром.

Рим в настоящее время уже не делает тайны из своих финансовых дел, из своего финансового положения. Он сделал доступными и понятными эти дела для общественности — именно с целью получения необходимой поддержки и обоснования ее. В соответствии с последними данными, опубликованными осенью 1989 года, следует делать различие между финансовым и экономическим положением Апостольского Святого престола и бюджетом государства — города Ватикан. В соответствии с этим Апостольский Святой престол закончил бюджетный 1988 год с дефицитом около 43,5 миллиона долларов. Поступления при этом составляли 74 453 тысячи долларов, а расходы около 118 миллионов долларов. Появившийся дефицит бюджета был покрыт так называемым динарием Петра, сумма которого в марте 1989 года достигла почти 53 миллионов долларов. Тогда же был опубликован также бюджет Ватикана, согласно которому в балансе 1988 года приход составлял 83 668 тысяч долларов, а расход — 70 473 тысячи. Таким образом, Ватикан вел хозяйство прибыльно. Из полученного актива более 13 миллионов долларов было обращено на покрытие расходов Святого престола (Уй эмбер, 1989, 12 ноября).

Жизнь, деятельность и структура католической церкви регулируется наряду с вероучением и догматами также церковными законами, канонами, которые являются едиными и обладают обязательным действием для всей вселенской церкви. Законы, созданные на протяжении двухтысячелетней церковной деятельности, сосредоточены в различных сборниках канонического права. Основываясь на них и учитывая развитие права в современную эпоху, по инициативе папы Пия X был разработан «Кодекс канонического права» («Codex Juris Canonici»), который был введен в действие 19 мая 1918 года. Во второй половине XX века выяснилось, что правовое регулирование во многих случаях недостаточно или устарело, не поспевает за развитием догматов и за организационными изменениями в церкви.

Мысль о ревизии церковного кодекса законов исходит от великого папы-реформатора Иоанна XXIII. 25 января 1959 года папа Иоанн сделал публичное заявление о своем решении реформировать кодекс. Однако это было не отдельным вопросом, а органичной частью единого плана реформ папы: в то же время было объявлено о создании синода. После открытия II Ватиканского собора 28 марта 1963 года была создана ревизионная комиссия, председателем которой стал Пьетро Чириачи. Папа Павел VI в 1964 году включил в эту комиссию еще 70 экспертов в области канонического права. Однако более интенсивная работа над реформами, естественно, началась лишь после окончания синода, ведь синод определил также путь реформирования канонов. Принятые на синоде документы в основном определили пути разработки и модификации законов. Ведь при разработке канонов пришлось перевести «на язык права» и точно сформулировать синодальные принципы.

Работы по реформе церковного кодекса ускорились тогда, когда в 1967 году руководство комиссией принял архиепископ-кардинал Перикле Феличе. Кардинал Феличе в синоде был одним из руководителей прогрессистов, он занимал в курии должность префекта Апостолической сигнатуры. Но и он не дождался выхода в свет нового кодекса, ибо в 1982 году скончался. В конце концов папа Иоанн Павел II в своей апостолической конституции 3 февраля 1983 года, начинавшейся словами «*Sacra disciplinae leges*», объявил о новом «Кодексе канонического права», который в этом же году

был введен в действие (27 ноября 1987 года).

Таким образом, ныне действующий кодекс делится на три части в соответствии с тройной «должностью» Христа, включающей проповедническую, священническую и управляющую функции. Сам кодекс разбит на семь глав, «книг». I книга — Общие правила; II книга — Народ Бога, в которой: 1-я часть — Верующие в Христа, то есть миряне, 2-я часть — Иерархическая структура Церкви, 3-я часть — Распоряжения; III книга — Задача Церкви как учителя; IV книга — Задача Церкви как освятителя; V книга — Материальные блага Церкви; VI книга — Карающие распоряжения в Церкви; VII книга — Процессуальные распоряжения. Структура нового кодекса более проста по сравнению с прежним, количество канонов сократилось с 2414 до 1752. Во всем кодексе законов заметна приверженность, открытость по отношению к экуменизму. В то время как старый кодекс законов требовал, чтобы его предписания были обязательными и для христиан-некатоликов, новый кодекс относится лишь к католикам. Стремление к единству христиан было причиной и того, что в конечном счете не был издан вместе с кодексом так называемый *Lex Fundamentalis* — церковный основной закон, или конституция. Дух синода в кодексе проявился в том, что он отражает возросшую роль мирян внутри церкви. Так, во II книге, рассматривающей Церковь как «Народ Бога», часть 1-я о мирянах предшествует той части, где говорится о клире. В кодексе каноны подробно регламентируют не только обязанности верующих, но и их права. Новый «Кодекс канонического права», несомненно, придерживается учения II Ватиканского собора, основу его текста в значительной степени образуют документы собора. В тексте часто применяются, притом дословно, обороты, понятия, взятые из не правовых по своей природе определений. В результате нового правотворческого процесса был создан такой церковный кодекс, который соответствует разработанному папой Иоанном Павлом II образу церкви. Такой текст закона, который покоится на единых и ясных основах вероучения.

Одним из уже сформулированных синодом средств повышения действенности церковного правления является осуществление принципа коллегиальности. Пригодным для этого средством стала реализованная Павлом VI идея создания синода епископов. Нынешний папа, еще будучи кардиналом, придавал большое значение этому институту и активно участвовал в его работе, а став папой, систематически созывает — в установленных рамках — различного рода совещания синода, на которых разрабатывается позиция церкви по возникающим важным вопросам. Естественно, синод епископов не представляет собой «коллективный» руководящий орган или какой-то демократический институт в церковном правительстве, а является руководимым папой и действующим, согласно его намерениям, средством и форумом разделения труда, совещательным органом, основанным на принципе епископской коллегиальности.

Иоанн Павел II распространил эту коллегиальность и на деятельность Святой коллегии кардиналов. В католической церкви, построенной по иерархическому принципу, до Иоанна Павла II коллегия кардиналов созывалась лишь по двум причинам: или с целью избрания нового папы (на конклаве), или же когда папа назначал новых кардиналов (консистория). Иоанн Павел II ввел до этого времени не известную в церковной истории форму, так называемые пленарные заседания Святой коллегии кардиналов, которые систематически, раз в три года, созываются папой и на которых обсуждаются исключительные по важности, оказывающие воздействие на всю церковь вопросы.

* * *

Иоанн Павел II, папа, пришедший с востока, часто выступает и по международным проблемам, затрагивающим все человечество в целом. Эти заявления не обязательно звучат на форумах, где рассматриваются актуальные политические вопросы. Следуя оправдавшем себя традициям своих предшественников, польский папа использует торжественные события церковного года для влияния с помощью христианского вероучения на актуальные проблемы мира, человечества, для распространения учения, провозглашения Слова Божьего. На будничные события папа обычно реагирует самым непосредственным образом на общих заслушиваниях по средам, но они одновременно являются излюбленными форумами и для систематического углубления вероучения. Одна из подобных сред едва не стала роковой для папы Иоанна Павла II. Международный терроризм избрал своей жертвой главу церкви, проповедовавшего любовь и взаимопонимание между людьми.

13 мая 1981 года во второй половине дня папа, как обычно в среду, направился в собор Святого Петра для проведения очередного заслушивания. Стоя в открытой белой машине, в сопровождении своего личного секретаря он точно в пять часов появился на площади. Машина медленно шла по охраняемому проходу среди толпы, когда раздались три выстрела, которые тяжело ранили папу. Машина немедленно развернулась и помчалась обратно, папу перенесли в машину «скорой помощи» и быстро доставили в клинику Джемелли (в ту больницу, куда Войтыла, став папой, совершил первый выезд из Ватикана). Его немедленно прооперировали, операция длилась пять с половиной часов. Итальянская полиция на месте происшествия задержала совершившего покушение. Как выяснилось, преступником-одиночкой оказался 23-летний Мехмед Али Агджа, гражданин Турции. Он обосновывал совершенное им покушение на папу религиозным фанатизмом. Злодеяние вызвало во всем мире всеобщее возмущение. К сожалению, это было использовано также и для того, чтобы в напряженной обстановке того времени обвинить отдельные социалистические страны, и в первую очередь Болгарию, а за ней и Советский Союз, в подготовке этого покушения.

Иоанн Павел II своими выступлениями, частыми поездками, активностью, несомненно, пробуждает чувства, будоражит эмоции. Непосредственно соприкасаясь с массами, он постоянно подвергает свою жизнь опасности покушения. До сего времени на него было совершено четыре покушения, о которых стало известно, — тем самым Иоанн Павел II является в этом плане мировым рекордсменом в двухтысячелетней истории пап: в феврале 1981 года в столице Филиппинских островов Маниле, 13 мая того же года в Риме, в 1982 году в португальском городе Фатиме и в 1986 году в Индии.

Возвращаясь к нынешней международной роли папства, можно отметить, что важные, программные заявления Иоанна Павла II звучат и на международных политических форумах. Среди них выделяются его выступления в ООН, а также его послания, направленные этой всемирной организации или ее органам. Постоянно повторяющиеся центральные мысли этих выступлений — это моральная обязанность по сохранению всеобщего мира, всеобщее обеспечение и гарантирование прав человека на свободу, борьба с несправедливостью.

Апостольский Святой престол с самого начала принял участие в снижении напряженности в Европе, он также активно сотрудничал в работе Хельсинкской конференции, его подпись стоит под документами конференции. Святой престол принимает участие также в подобного рода конференциях, проводимых после Хельсинки. Так, 20 января 1984 года на Стокгольмской конференции выступал секретарь Совета по общим церковным делам архиепископ Сильвестрини. Святой престол присоединился к договору о запрещении атомного оружия, и с того времени он

настойчиво требует проведения различного рода переговоров по разоружению. 15 марта 1984 года архиепископ Сильвестрини на Женевской конференции по разоружению подчеркнул решимость церкви выступить за полное и всеобщее разоружение при эффективном контроле. Эти выступления, несомненно, способствовали укреплению высокого международного авторитета, популярности Святого престола и Иоанна Павла II.

Кроме того, отдельно следует подчеркнуть, что одним из центральных вопросов понтификата Иоанна Павла II было и остается активное содействие в деле сохранения мира во всем мире. Папа не только в принципиальном и моральном плане считает основным вопросом защиту и упрочение мира в интересах человечества, что делали и его предшественники, но и использует всевозможные поводы и форумы для конкретной активизации этого вопроса. Так, 8 декабря 1988 года по случаю предстоящего в 1989 году всемирного дня мира Иоанн Павел II направил послание людям всего мира. Основная мысль этого послания: для строительства мира всегда и всюду необходимо соблюдать права меньшинств — как национальных, так и мировоззренческих или общественных. Основным принципом соблюдения прав и интересов меньшинства является толерантность, проявление терпимости в принципе и на практике. Безопасность большинства возможна и достижима лишь в том случае, если соблюдены права, гарантированы условия существования и развития того или иного по качеству меньшинства, существующего в данном обществе. В папском документе подробно раскрываются те основные принципы, которые представляют собой права и обязанности меньшинств и, как таковые, являются частью гарантий по сохранению мира во всем мире. Свобода и развитие во всей многогранности, плюрализм во всех областях жизни является важной формой сохранения, развития и совершенствования всеобщего и универсального человеческого общества.

Мы не располагаем такими возможностями, чтобы полностью изложить те международные и двухсторонние связи, которые во времена понтификата Иоанна Павла II Святой престол установил или укрепил в духе вышеизложенных положений. Ограничимся анализом отношений Святого престола с двумя главнейшими великими державами, с Соединенными Штатами и Советским Союзом. Но уже сразу же необходимо оговориться, что папа по крайней мере такое же важное значение, если не большее, отводит и Европе, и народам третьего мира, где во все большем количестве проживают католики.

При понтификате Иоанна Павла II произошли довольно серьезные изменения в отношениях между Святым престолом и США. В июне 1980 года папа во время личной аудиенции принял посетившего Рим тогдашнего президента Джимми Картера, а затем летом 1982 года его преемника Рональда Рейгана. Суть изменений заключается в том, что между США и Ватиканом в 1984 году, когда отношения между Советским Союзом и Соединенными Штатами находились на низшей точке, были установлены нормальные дипломатические отношения. Историческим фактом является то, что, будучи почти полностью протестантскими в XIX веке, Соединенные Штаты Америки в 1848 году установили на уровне послов дипломатические отношения с Ватиканом. Однако в 1867 году американский конгресс, ссылаясь на то, что в Америке конституция полностью отделила церкви от государства, запретил поддерживать дипломатические отношения с каким-либо центром религии (под которым подразумевался и Святой престол). Накануне второй мировой войны интересы американской внешней политики потребовали установить нормальные дипломатические отношения

с приобретающим все больший политический вес Святым престолом. В результате президентом Рузвельтом в 1939 году было принято решение направить «личного представителя президента» к папе Пию XII в лице Майрона Тейлора. Это оправданное решение сохранялось в силе до 1984 года. 10 января 1984 года тогдашний личный представитель президента был возведен в ранг посла США, аккредитованного при Святом престоле (и соответственно папа направил апостольского нунция в Вашингтон). И с тех пор отношения между Соединенными Штатами и Ватиканом, можно сказать, развиваются без каких-либо помех, хотя этого нельзя сказать об отношениях между американскими католиками и Ватиканом.

Более сложной проблемой являлись отношения между папством и восточноевропейскими социалистическими странами, в первую очередь с Советским Союзом. То, что именно из одной из этих стран вышел нынешний преемник Святого Петра, длительное время возбуждало беспокойство на Востоке. Однако сегодня уже можно сказать, что это беспокойство едва ли было обоснованным, и если все же и были для него основания, то не политического характера, как это утверждали. С момента своего избрания Иоанн Павел II в первую очередь завязал тесные отношения со своей родиной, с Польшей, и с польской церковью. Он трижды посещал свою родину, и его пастырские поездки наряду с духовным воздействием однозначно способствовали мирному разрешению судьбоносных вопросов польского народа. Вторая социалистическая страна, в которой восточная политика папы принесла свои плоды, — это Венгрия, где в процессе общих демократических преобразований были приняты меры по ликвидации урона, устранению несправедливостей, причиненных церкви.

Несомненно, что в этот период понтификата Иоанна Павла II продолжалась восточная политика, начатая его предшественниками. Изменение ее, перенесение в ней акцента произошли не столько в результате процессов, происходящих внутри церкви, сколько вследствие бурных изменений в обществе и политике восточно-европейских стран. Также продолжали поддерживаться корректные отношения с Советским Союзом в форме определенных дипломатических контактов. Например, 12 марта 1980 года по приглашению патриарха Московского прибыла в Москву делегация Ватикана во главе с префектом ватиканского Секретариата по делам единства христиан кардиналом Виллебрандсом. В центре переговоров стоял вопрос об экуменическом сотрудничестве с Русской православной церковью. Этот жест явился подтверждением того, что первый славянский папа в отличие от прежних хотел бы внести изменения и в отношения, существовавшие между Святым престолом, католической церковью и православной церковью.

Отличным поводом, представившимся для теоретической, обобщенной разработки и выводов этого стремления, явилась опубликованная 2 января 1985 года по случаю 1100-й годовщины со дня смерти Святого Мефодия энциклика «*Slavorum apostoli*». И до Иоанна Павла II неоднократно также и в церкви христианская культура характеризовалась как западная культура. Избрание и деятельность польского папы подтверждают, что и Восточная Европа является частью этой христианской культуры и культурного наследия. Более того, Иоанн Павел II отмечает даже большее религиозное и духовное значение Востока, чем секуляризованного Запада. (Явно определяющей здесь представляется сила польского католицизма.) Нынешний польский папа, еще будучи кардиналом, сформировал в своем представлении определенно центральноевропейский образ церкви, который, однако, отличается от прежних представлений тем, что включает в себя Европу не только латинской

культуры, но и греческой, и славянской.

В энциклике «*Slavorum apostoli*» папа, в сущности, изложил программу духовного единства Европы, на добрых несколько лет опередив те изменения в Восточной Европе, которые реально просматриваются на фоне единой Европы уже не только в духовном и культурном отношении, но и в сфере экономики и политики. Энциклика глубоко анализирует деятельность Кирилла и Мефодия, всемирно-историческое значение их апостольства, возникновение славянского христианства, включая это в двухтысячелетнюю историю церкви. Но уже в вводной части папа подчеркивает, что деятельность этих двух святых по евангелизации стала особенно актуальным и животворным фактором в наши дни. В вводной части папа указал на то, что уже в своем апостольском послании «*Egregiae virtutis*» от 31 декабря 1980 года он провозгласил святых Кирилла и Мефодия святыми покровителями Европы за их евангелизационную деятельность, за их деяния, направленные на братское сотрудничество, и за заслуги по развитию человеческого прогресса. (Эти двое восточных святых стали святыми покровителями Европы потому, что в латинской церкви Павел VI в 1964 году объявил святым покровителем Европы Святого Бенедикта. Теперь польский папа поставил Кирилла и Мефодия рядом с ним.) По словам папы, тот, кто горячо принимает к сердцу благо Европы, согласие и единство на этом континенте, тот всегда должен понимать, насколько актуальна и действенна и по сей день деятельность Бенедикта, Кирилла и Мефодия.

Затем в энциклике прослеживается деятельность Кирилла и Мефодия в IX веке. Само собой разумеется, что энциклика в центр внимания помещает как организатора церкви не Кирилла, а Мефодия, в то время как история литературы уделяет больше внимания Кириллу. В третьей части папской энциклики рассматривается миссионерская, евангелизационная деятельность обоих братьев. В ней показано, как смогли Кирилл и Мефодий, воспитанные на византийской культуре, стать в полном смысле слова апостолами славян. IV глава энциклики посвящена церковно-организационной работе двух святых. Как в сфере теологии, так и по церковно-организационным вопросам они никогда не входили в противоречия с Римом, а находили консенсус между Византией и Римом. Их можно рассматривать предшественниками экуменизма того времени, когда еще не произошло окончательного разрыва между восточной и западной церквами. Они доказали, что идут в ногу со временем, когда не побоялись использовать язык обращаемого в веру народа, славян, в литургии (вместо греческого или латинского). Они создали славянский язык и письменность и сделали его для народов не только посредником для приобщения к вере, но и к универсальной человеческой культуре того времени.

Пятая глава «*Slavorum apostoli*» говорит о вселенском (католическом) смысле церкви. По словам папы, церковь с пробужденным самосознанием в результате самообновления играет все большую роль в провозглашении мира и взаимопонимания между народами, выходя за пределы границ, разделяющих нашу планету, которая по воле Бога является общим домом всего человечества. Универсализм церкви проявляется именно в том, что она воспринимает и интегрирует все подлинные человеческие ценности. «Евангелие не ведет к обнищанию или удушению всего того, что познает или создает в виде изобилия, истины и красоты каждый человек, народ и нация в процессе своей культуры и истории. Евангелие во все большей мере побуждает воспринимать и развивать все эти ценности». Евангелическое послание Кирилл и Мефодий путем современного катехизиса передали славянам, приспособив вечные истины к конкретному историческому положению. Эта

миссионерская работа присоединила славян к истории всего человечества, и через христианство они определили свое собственное предназначение в рамках всего человечества.

Часть VI энциклики посвящена исключительно инкультурации. Папа под словом «инкультурация» понимает привнесение Евангелия в местную культуру. Характерный пример, подтверждающий это, — создание славянского алфавита «кириллицы», перевод священных книг, создание древнеславянского литургического языка. Таким образом, в «*Slavorum apostoli*» папа дает высокую оценку древнеславянскому христианству, а в главе VIII кратко излагает историческое значение деятельности Кирилла и Мефодия для современности. Он исходит из того, что их творчество распространилось на семью всех славянских народов, от хорватов до Киевской Руси. Папа, говоря о христианских корнях единства Европы, подчеркивает, что деятельность Кирилла и Мефодия явилась выдающимся вкладом в образование христианских корней в Европе, которые благодаря их прочности и жизнеспособности представляют собой наиболее крепкие основы, без чего не может обойтись никакая попытка по восстановлению в новых обстоятельствах и созвучных моменту форм единства континента.

Так как же, наконец, следует оценить содержащиеся в энциклике нравоучения папы-славянина о славянах? Папа Иоанн Павел II в конце энциклики сам подводит итог сказанному в своей молитве: «Да ниспошлет Святая Троица и всей Европе через заступничество двух братьев-святых чувство того, что все народы Европы должны ощущать необходимость и потребность в религиозно-христианском единстве и братском сообществе, устранив непонимание и взаимное недоверие, преодолев идеологические конфликты, чтобы они стали примером для всего мира в общем понимании истины, в достижении взаимопонимания и ненарушаемой свободы в духе справедливого и мирного сосуществования».

С этим выводом мы не можем не согласиться, ведь эти слова являются логическим продолжением устремлений папы, в миру Войтылы, которые, будучи направлены на соблюдение и гарантию прав на свободу, обеспечивают единство, мир для всего человечества.

Важным этапом в отношениях между Ватиканом и Советским Союзом, между папством и православием явилось празднование в 1988 году тысячелетия принятия христианства на Руси. На празднование тысячелетия крещения Киевской Руси, проводившегося в Советском Союзе, Святой престол направил делегацию самого высокого ранга во главе с государственным секретарем кардиналом Агостино Казароли. Членом делегации был также глава венгерской церкви, архиепископ кардинал Ласло Пашкаи.

Этот жест Ватикана представлял собой определенный вклад в дело сближения двух крупных церковных центров. Папа по случаю юбилея вновь засвидетельствовал свою приверженность христианскому единству и делу сотрудничества христианских церквей. В его апостольском послании от 25 января 1988 года, имеющем заголовок «*Euntes in mundum*», содержится не только мысль о единстве, но и изложена собственная миссия папы. В этом апостолическом письме Иоанн Павел II с большим уважением и признательностью говорит о тысячелетнем русском христианстве, о русской церкви. «С высочайшим чувством уважения мы склоняем голову перед прошедшим тысячелетием и наблюдаем за религиозной жизнью, задумываясь над ее величием и силой». Глава латинской церкви помимо религиозного значения принятия Русью христианства отметил также культурное значение этого события, подчеркнув, что тем самым через христианство русский народ примкнул к Европе,

стал частью европейской цивилизации и ее участником.

По истечении тысячи лет папа-поляк вновь считает актуальным восстановление единства Европейского континента, и составной частью этого станет и восстановление единства христианской церкви. Здесь речь идет не об административном единстве под главенством папы, а в первую очередь о культурном единстве, о чем уже раньше говорилось в «*Slavorum apostoli*», но в более общем плане. Возможность теологическо-догматического сближения папа видит в почитании Марии, в культе Девы Марии, который очень велик в обеих церквях. По случаю тысячелетия Русской православной церкви Иоанн Павел II подчеркнул, что «это в первую очередь праздник Русской православной церкви, центр которой в Москве и которую мы с радостью называем церковью-сестрой».

В отношениях между народами, нациями Советского Союза довольно важным фактором является вопрос о традиции и религии. В последние годы в вопросе об обеспечении религиозной свободы проживающих там католиков достигнут серьезный прогресс как в Прибалтийских республиках, так и в Закарпатье, где венгры-католики опекаются священниками местной епархии. Наиболее сложным фактом, несомненно, является положение украинской греко-католической (униатской) церкви. Не останавливаясь на подробном анализе того, как сложно формировалась предыстория этих событий, можем здесь лишь отметить, что религиозные различия, раскол, как правило, находились во взаимосвязи и с властными, великодержавными противоположностями интересов, а также с националистическими и национальными раздорами. Тем не менее является фактом, что по приказу Сталина в 1946 году была ликвидирована самостоятельность украинской католической церкви, ее иерархия была подавлена, а ее верующие насильно включены в православную церковь. Эта обида и до сих пор не снята, ибо в этом перемешались религиозные и политические антагонизмы.

Из вышеуказанного круга проблем явствует, почему после приведенного послания в связи с тысячелетием русского христианства Иоанн Павел II 14 февраля 1988 года на празднике Святых Кирилла и Мефодия направил краткое послание украинским католикам в лице кардинала Мирослава Ивана Любачивского. В этом послании папа в сдержанном тоне подчеркнул мысль о единстве христианских церквей, высоко оценивая многообразие, национальные и исторические традиции, историческое значение и предназначение католиков-униатов, их церкви, возвратившейся по Брестской унии в лоно Рима.

Монография, прослеживающая двухтысячелетнюю историю папства, не может претендовать на то, чтобы дать свежайшую информацию о самых последних шагах нынешнего папы. Поэтому показ отношений между Советским Союзом и Святым престолом мы завершаем историческим актом, встречей 1 декабря 1989 года папы Иоанна Павла II в Ватикане с Михаилом Горбачевым. Аудиенция состоялась в тронном зале, но папа почти до ворот проводил генерального секретаря-президента. После беседы, состоявшейся с глазу на глаз без переводчика на русском языке, к ним присоединились митрополит Ювеналий и государственный секретарь, архиепископ кардинал Казароли. На переговорах речь зашла также о разрешении возобновить деятельность украинской католической церкви. Большим успехом является то, что было объявлено о предпринятых шагах по установлению официальных отношений между Советским Союзом и Ватиканом. Решение в перспективе этих вопросов позволило Горбачеву после аудиенции у папы заявить: «Мы беседовали со Святейшим папой о первом посещении папой Советского Союза».

Одно из наиболее ярких впечатлений, которое останется в памяти о времени нынешнего

понтификата — благодаря телевидению, — несомненно, картина того, как стройная фигура Иоанна Павла II в белом одеянии появляется в дверях также белого самолета, Святой Отец широко простирает руки и с хорошо известной улыбкой приветствует сотни тысяч прибывших почтить его... Ни один религиозный руководитель никогда не ездил по всему миру так много, никто не встречался с таким количеством людей, которые могли непосредственно участвовать в религиозных церемониях папства.

Воистину лишь до Иоанна Павла II была справедливой древняя пословица, что «все дороги ведут в Рим», теперь же видно, что путь папы римского пролегает повсеместно. Нет никакой особой необходимости систематизировать поездки папы за рубеж и по стране, их число и количество километров уже теперь явно превышают весь путь, проделанный всеми предшественниками нынешнего папы за пределами Рима. Говорят, что и в Ватикане есть люди, которые с некоторым чувством неприятия относятся к подобным действиям папы, вечно находящегося в пути, в то же время другие, рассуждающие в духе геополитического предназначения церкви, одобряют и расценивают это как евангелизационную миссию, распространяющуюся на весь земной шар. В связи с этим во дворцах Ватикана родилась следующая пословица: «Бог присутствует повсюду, но Иоанн Павел II всюду опережает его».

Поездки папы осуществляются согласно хорошо спланированному и рассчитанному сценарию — исключая непредвиденные инциденты. Самолет папы приземляется на аэродром столицы того или иного государства. Через несколько минут Иоанн Павел II в белой рясе появляется в дверях самолета, улыбаясь, спускается по лестнице, затем совершает благословение и, став на колени, целует землю (то есть ковер, покрывающий бетонную дорожку аэродрома). На торжественную встречу прибывают нунций (если есть дипломатические отношения), представители епископата, руководители государства и правительства. Несмотря на то что поездки папы считаются так называемым паломничеством, следовательно, глава церкви выступает как глава религиозной общины и разъезжает не как правитель Государства Ватикан, тем не менее папу встречают в соответствии с торжественным протоколом, принятым для главы государства. Папа нигде не упускал возможности посетить кварталы бедняков и утешить больных и обездоленных. Он встречается с молодежью, рабочими, спортсменами, специалистами, но также и со священнослужителями церкви, с прелатами, монахами и монахинями. Во время продолжительных полетов папа как профессиональный глава государства или, как его длительное время на Западе, следуя моде, называли, «суперзвезда» часто проводит пресс-конференции. Всегда открытый средствам массовой информации, он готов экспромтом и блестяще ответить на вопрос любого по-французски, по-английски, по-итальянски, по-испански или по-немецки. В большинстве мест его ожидают огромные ликующие толпы людей, в которых живет глубокая вера, и олицетворением этой веры и в настоящее время является папа римский. А епископ Рима, успешно используя свое блестящее знание языков, всегда говорит несколько фраз, обращаясь к присутствующим, на их родном языке, что является самым надежным ключом к их сердцам. (Расходы на поездки папы лишь частично покрываются Ватиканом, местные расходы несет принимающая сторона. На белый самолет компании «Алиталиа», на котором совершает полеты папа, обычно продают для представителей печати, радио и телевидения 60 билетов по таким ценам, которые компенсируют расходы и дают проценты в виде рекламы в связи с популярностью папы.)

Папа Иоанн Павел II выполняет свою апостольскую миссию тем, что, выйдя за стены Ватикана и оставив горы документов, он осуществляет «всемирную евангелическую апостольскую деятельность». Именно эта евангелизационная функция определяет характер и цели необычайно частых поездок папы. Несмотря на чуть ли не безграничные возможности, которыми в настоящее время уже располагают средства массовой информации, чрезвычайно важно то, что папа своим личным появлением и непосредственным высказыванием своего мнения дает наставления, разъяснения и вдохновение. Таким образом, своим личным авторитетом и обаянием он осуществляет функции вероучителя. Поездки по странам мира являются средством евангелизационной миссии папы, с целью распространения веры, укрепления Рима как центра мировой религии, с целью демонстрации и усиления единства церкви. Пожалуй, действительно предназначение «миссионера номер один всемирной церкви» ближе всего относится к Каролю Войтыле, который, проделав путь от подножия Бескид, прибыл в Вечный город, преисполненный духовно-пастырским рвением, истоки которого исходят из польской действительности.

Частичный итог понтификата Кароля Войтылы много раз и многие подводили уже в мировой прессе, в политической публицистике, а также в научных трудах, называющих себя серьезными. Реальное и объективное формирование мнения, которое будет представлять интерес в будущем, еще ждет своего часа для включения в историю церкви, но для этого еще время не пришло. Впрочем, было бы не совсем удачно высказывать окончательное мнение о папе, которому, как следует надеяться, предстоит еще длительная деятельность. Однако уже теперь нельзя не отметить того, что связано с именем нынешнего папы. Для папы-поляка стали характерны следующие черты: он неутомимо объезжает страны мира, пасет свое стадо, несет на своих плечах вселенскую миссию церкви. Занявший папский престол в возрасте 58 лет, моложавый на вид Войтыла теперь уже поседел, его спортивный вид, упругая походка уже не те, что были, но он по-прежнему энергичен и неутомим. И сегодня он разговаривает с миллионами людей на стадионах и проводит богослужения под открытым небом; к каждому он обращается на его родном языке, забыв прежнюю латынь Рима. Очевидно и то, что папа Иоанн Павел II является разносторонней, многогранной и привлекательной личностью. Вряд ли можно его втиснуть в тот или иной отсек церковной истории или истории папства. Повсеместно, где он бывает, он провозглашает мир. Повсеместно выступает в защиту прав человека и его достоинства, ибо в нарушении этого принципа он усматривает глумление над божественным промыслом. Он клеймит и называет позором человечества массовую бедность, голод и нищету. Он открыт для современного мира, призывая совместными усилиями преодолеть все беды, он открыт для технического развития, понимая возможность поставить достижения техники на службу человечеству, при этом по многим этическим и догматическим вопросам, призванным охранять вечные руководящие начала, он неожиданно консервативный и стоящий на страже традиций человек. Хотя многие пытались измерить его деятельность политической меркой, тем не менее он однозначно утверждает, что церковь стоит над политикой, ибо его занимает не власть, политика или идеология, а сохранение вечных человеческих ценностей, их представительство, развитие и осуществление.

В начале Реформации, потрясшей католицизм, для ликвидации кризиса кардиналы в Риме эпохи Ренессанса пригласили из Нидерландов стоявшего во главе буржуазного движения Адриана Утрехтского. Его позднейшего преемника Кароля Войтылу 450 лет спустя пригласили в Ватикан, и

на этот раз с дальних и чужих краев, из культурного центра Польши, ищущей место в современном мире, из древнего города польских королей, с архиепископской кафедры Кракова, призвали в Ватикан управлять кораблем церкви в эпоху не менее сложную, чем была эпоха Реформации. А куда этот корабль в конце концов пойдет, может дать ответ лишь будущее.

Список пап и антипап

Св. Петр, (33)-64(67)

Св. Лин, 67–76(78)

Св. Клет(Анаклет), 76(78)—88(90)

Св. Климент I, 88(90)—97(99)

Св. Эварист, 97(99)—105(107)

Св. Александр I, 105(107)—115(116)

Св. Сикст I, 115(116)—125

Св. Телесфор, 125—136

Св. Гигин, 136—140

Св. Пий I, 140—(154)155

Св. Аникет, (154) — (165)166

Св. Сотер, (165)166—(174)175

Св. Элевтерий, (174)175—189

Св. Виктор I, 189—199

Св. Зефирин, 199—217

Наталис (антипапа) (199—[?])

Св. Каликст I, 217—222

Ипполит (антипапа), (217–235)

Св. Урбан I, 222—230

Св. Понтиан, 230.VII.21—235.IX.28

Св. Антер, 235.XI.21—236.1.3

Св. Фабиан, 236.1.10—250.1.20

Св. Корнелий, 251.III—253.VI

Новациан (антипапа), (251–268)

Св. Луций I, 253.VI.25—254.III.5

Св. Стефан I, 254.V.12—257.VIII.2

Св. Сикст II, 257.VIII.30—258.VIII.6

Св. Дионисий, 259.VII.22—269.XII.26

Св. Феликс I, 269.1.5—274.XII.30

Св. Евтихий, 275.1.4—283.XII.7

Св. Гай, 283.XII. 17—296.IV.22

Св. Марцеллин, 296.VI.30—304.X.25

Св. Марцелл I, 308.V.27—309.1.16

Св. Евсевий, 309(310)IV. 18—309(310)VIII. 17

Св. Мильтиад (Мельхиад), 311.VII.2—314.1.11

Св. Сильвестр I, 314.1.31—335.XII.31

Св. Марк, 336.1.18—336.X.7
Св. Юлий I, 337.II.6—352.IV. 12
Либерий, 352.V.17—366.IX.24
Феликс II (антипапа), (355–358; 365.XI.22)
Св. Дамас I, 366.X.1—384.XII.11
Урсин (антипапа), (366–367)
Св. Сириций, (384.XII.15—399.XI.26)
Св. Анастасий I, 399.XI.27—401.XII. 19
Св. Иннокентий I, 401.XII.22—417.111.12
Св. Зосима, 417.111.18—418.XII.26
Св. Бонифаций I, 418.XII.29-422.IX.4
Евлалий (антипапа), (418.XII.29—419)
Св. Целестин I, 422.IX. 10-432.VII.27
Св. Сикст III, 432.VII.31-440.VIII. 19
Св. Лев I (Великий), 440.1X.29^61.X1.10
Св. Иларий, 461.XI.19—468.11.29
Св. Симплиций, 468.III.3—483.111.10
Св. Феликс II, 483.111.13—492.III.1
Св. Геласий I, 492.III.1-496.XI.21
Св. Анастасий II, 496.XI.24—498.XI. 19
Св. Симмах, 498.XI.22—514.VII.19
Лаврентий (антипапа), (498,501–505)
Св. Гормизд, 514.VII.20—523.VIII.6
Св. Иоанн I, 523.VIII.13—526.V. 18
Св. Феликс III, 526.VII.12—530.IX.22
Бонифаций II, 530.IX.22—532.X. 17
Диоскур (антипапа), (530.IX.22—530.X.14)
Иоанн II, 533.1.2—535.V.8
Св. Агапет I, 535.V.13—536.IV.22
Св. Сильверий, 536.VL8—537.111.11
Вигилий, 537.111.29—555.VI.7
Пелагий I, 556.IV. 16—561.III.4
Иоанн III, 561.VII.17—574.VII.13
Бенедикт I, 575.VI.2—579.VII.30
Пелагий II, 579.XI.26—590.II.7
Св. Григорий I (Великий), 590.IX.3—604.111.12
Сабиниан, 604.IX. 13—606.11.22
Бонифаций III, 607.11.19—607.XI. 12
Св. Бонифаций IV, 608.VIII.25—615.V.8
Св. Адеодат I (Деуседит), 615.X.19—618.XI.8
Бонифаций V, 619.XII.23—625.X.25

Гонорий I, 625.X.27—638.X. 12
Северин, 640.V.28—640.VIII.2
Иоанн IV, 640.XII.24—642.X.12
Теодор I, 642.XI.24—649.V. 14
Св. Мартин I, 649.VII—653.VI. 17
Св. Евгений I, 654.VIII.10—657.VI.2
Св. Виталиан, 657.VII.30—672.I.27
Адеодат II, 672.IV.11—676.VI. 17
Домн, 676.XI.2-678.IV.И
Св. Агафон, 678.VI.27—681.I.10
Св. Лев II, 682.VIII.17—683.VII.3
Св. Бенедикт II, 684.VI.26—685.V.8
Иоанн V, 685.VII.23—686.VIII.2
Конон, 686.X.21—687.IX.21
Теодор (антипапа), (687)
Пасхалий (антипапа), (687–692)
Св. Сергей I, 687.XII.15—701.IX.8
Иоанн VI, 701.X.30—705.I.11
Иоанн VII, 705.III.1—707.X. 18
Сизинний, 708.I.15—708.II.4
Константин, 708.III.25—715.IV.9
Св. Григорий II, 715.V. 19—731.II.11
Св. Григорий III, 731.III. 18—741.XII.10
Св. Захарий, 741.XII.10—752.III.22
Стефан II (антипапа), (752.III.23—752.III.25)
Стефан II, 752.III.26—757.IV.26
Св. Павел I, 757.V.29—767.VI.28
Стефан III, 768.VIII.7—772.II.3
Константин II (антипапа), (767.IV.28—769)
Филипп (антипапа), (768)
Адриан I, 772.II.9—795.XII.25
Св. Лев III, 795.XII.27—816.VI. 12
Стефан IV, 816.VI.22—817.I.24
Св. Пасхалий I, 817.I.25—824.II.11
Евгений II, 824.V.2—827.VIII
Валентин, 827.VIII—827.IX
Григорий IV, 827.X—844.I
Иоанн (антипапа), 844
Сергий II, 844.I—847.I.27
Св. Лев IV, 847.IV. 10—855.VII. 17
Бенедикт III, 855.IX.29—858.IV.17

Анастасий (антипапа), (855.VIII—855.IX)
Св. Николай I (Великий), 858.IV.24—867.XI.13
Адриан II, 867.XII.14—872.XII.14
Иоанн VIII, 872.XII.14—882.XII.16
Марин I, 882.XII.16—884.V. 15
Св. Адриан III, 884.V.17—885.IX.15
Стефан V, 885.IX—891.IX. 14
Формоз, 891.X.6—896.IV.4
Бонифаций VI, 896.IV—896.IV
Стефан VI, 896.V—897.VIII
Роман, 897.VIII—897.XI
Теодор II, 897.XII—897.XII
Иоанн IX, 898.1—900.1
Бенедикт IV, 900.I-903.VII
Лев V, 903.VII—903.IX
Христофор, 903.IX—904.1
Сергий III, 904.1.29—911.IV.14
Анастасий III, 911.IV—913.VI
Ландон, 913.VII—914.11
Иоанн X, 914.III—928.V
Лев VI, 928.V—928.XII
Стефан VII, 928.XII—931.11
Иоанн XI (граф Тускулумский), 931.11—935.XII
Лев VII, 936.1.3—939.VII. 13
Стефан VIII, 939.VII.14—942.X
Марин II, 942.X.30—946.V
Агапет II, 946.V.10—955.XII
Иоанн XII (Оттавиано, граф Тускулумский), 955.XII.16—963. XII.4
Лев VIII, 963.XII.6—965.III.1
Бенедикт V, 964.V.22—964.XII.23
Иоанн XIII, 965.X.1—972.IX.6
Бенедикт VI, 973.1.19—974.VI
Бонифаций VII (антипапа) (в первый раз), (974.VI—974.VIII)
Бенедикт VII (граф Тускулумский), 974.X—983.VII.10
Иоанн XIV (Пьетро ди Павиа), 983.XII.10—984.VIII.20
Бонифаций VII (антипапа) (во второй раз), (984.VIII—985.VII)
Иоанн XV, 985.VIII—996.III
Григорий V (Бруно, герцог Каринтский), 996.V.3—999.11.18
Иоанн XVI (Джованни Филагато) (антипапа), (997.IV—998.11)
Сильвестр II (Герберт д'Ориллак), 999.IV.2—1003.V.12
Иоанн XVII (Секко), 1003.VI—1003.XII

Иоанн XVIII (Фазано), 1004.1—1009.VII
Сергий IV (Пьетро Бука порца), 1009.VII.31—1012.V.12
Бенедикт VIII (Джованни, граф Тускулумский), 1012.V.18—
1024.IV.7 Григорий VI (антипапа), (1012)
Иоанн XIX (граф Тускулумский), 1024.IV—1032.XI.6
Бенедикт IX (в первый раз) (Теофилакт, граф Тускулумский), 1032—1044
Сильвестр III (Джованни), 1045.1.20—1045.111.10
Бенедикт IX (во второй раз), 1045.111.10—1045.V.1
Григорий VI (Джованни Грациано), 1045.V.5—1046.XII.20
Климент II (граф Шидгер, Морслебен и Горнбург), 1046.XII. 25—1047.X.9
Бенедикт IX (в третий раз), 1047.XI.8—1048.VII.17
Дамас II (Поппо фон Бриксен), 1048.VII.17—1048.VIII.9
Св. Лев IX (Бруно, граф Эгисхейм-Дагсбург), 1049.11.12— 1054.IV. 19
Виктор II (Геггард, граф Долленштейн-Гиршберг), 1055.IV. 16— 1057.VII.28
Стефан IX (X) (Фридрих, герцог Лотарингский), 1057.VIII.3— 1058.111.29
Бенедикт X (Джованни, граф Тускулумский) (антипапа), (1058.IV.5— 1059.1.24)
Николай II (Жерар де Шеврон), 1059.1.24—1061.VII.27
Александр II (Ансельмо да Баджо), 1061.X.1—1073.IV.21
Гонорий II (Пьетро Кадало) (антипапа), (1061.X.28—1072)
Св. Григорий VII (Гильдебранд), 1073.IV.22—1085.V.25
Климент III (Виберто ди Парма) (антипапа), (1080.VI.25, 1084.III[24.1100.IX.8])
Виктор III (Дезидерий Эпифани), 1086.V.24—1087.IX.16
Урбан II (Эд де Шатийон), 1088.111.12—1099.VII.29
Пасхалий II (Раньеро ди Бьеда), 1099.VIII.13—1118.1.21
Теодор (Джибер) (антипапа), (1100—1102)
Альберт (антипапа), (1102)
Сильвестр IV (Маджинульфо) (антипапа), (1105.XI.18—1111)
Геласий II (Джованни Каэтани), 1118.1.24—1119.1.28
Григорий VIII (Морис Бурден де Брага) (антипапа), (1118.III. 8—1121)
Каликст II (Ги из Бургундии), 1119.II.2—1124.XII.13
Гонорий IV (Ламберто ди Фьяньяно), 1124.XI.15—1130.11.13
Целестин II (Тибальдо Буккапек) (антипапа),(1124.XII)
Иннокентий II (Грегорио Папарески), 1130.II.14—1143.IX.24
Анаклет II (Пьетро Петри Леонис) (антипапа), (1130.II.24—1138.I.25)
Виктор IV (Григорий) (антипапа), (1138.III—1138.V.29)
Целестин II (Гвидо из Читта ди Каstellо), 1143.IX.26—1144.III.8
Луций II (Джерардо Каччанемичи), 1144.III.12—1145.II.15
Евгений III (Бернардо Паганелли), 1145.II.15—1154.VII.8
Анастасий IV (Коррадо), 1153.VII.12—1154.XII.3
Адриан IV (Николай Брейксспир), 1154.XII.4—1159.IX.1
Александр III (Роландо Бандинелли), 1159.IX.7—1181.VIII.30

Виктор IV (Оттавиано де Монтичелло) (антипапа), (1159.IX.7—1164.IV.20)
Пасхалий III (Гвидо да Крема) (антипапа), (1164.IV.22—1168.IX.20)
Калликт III (Джованни де Струми) (антипапа), (1168.IX—1178.VIII.29)
Иннокентий III (Ландо) (антипапа), (1179.IX.29—1180)
Луций III (Убальдо Алучиньоли), 1181.IX.1—1185.XI.25
Урбан III (Уберто Кривелли), 1185.XI.25—1187.X.20
Григорий VIII (Альберто де Морра), 1187.X.21—1187.XII.17
Климент III (Паоло Сколари), 1187.XII.19—1191.III
Целестин III (Джачинто Бобоне), 1195.III.30—1198.I.8
Иннокентий III (Лотарио, граф Сеньи), 1198.I.8—1216.VII.16
Гонорий III (Ченчио Савелли), 1216.VII.18—1227.III.18
Григорий IX (Уголино, граф Сеньи), 1227.III.19—1241.VIII.22
Целестин IV (Гоффредо Кастильоне), 1241.X.25—1241.XI.10
Иннокентий IV (Синибальдо Фиески), 1243.VI.25—1254.XII.7
Александр IV (Ренальдо, граф Сеньи), 1254.XII.12—1261.V.25
Урбан IV (Жак Панталеон), 1261.VIII.29—1264.X.2
Климент IV (Ги Фулькоди), 1265.II.5—1268.XI.29
Св. Григорий X (Тебальдо Висконти), 1271.IX.1—1276.I.10
Иннокентий V (Пьетро ди Тарантасиа), 1276.I.21—1276.VI.22
Адриан V (Оттобона Фиески), 1276.VII.11—1276.VIII.18
Иоанн XXI (Пьетро Юлиани), 1276.IX.8—1277.V.20
Николай III (Джованни Гаэтано Орсини), 1277.XI.25—1280.VIII.22
Мартин IV (Симон де Брион), 1281.II.22—1285.III.28
Гонорий IV (Джакомо Савелли), 1285.IV.2—1287.IV.III
Николай IV (Джироламо Маши), 1288.II.22—1292.IV.4
Св. Целестин V (Пьетро дель Мурроне), 1294.VII.5—1294.XII.13
Бонифаций VIII (Бенедетто Каэтани), 1294.XII.24—1303.X.11
Бенедикт XI (Никколо Боккасини), 1303.X.22—1304.VII.7
Климент V (Бертран де Го), 1305.VI.5—1314.IV.20
Иоанн XXII (Жак Дюэз), 1316.VIII.7—1334.XII.4
Николай V (Пьетро Райналлуччи) (антипапа), (1328.V.12—1330.VIII.25)
Бенедикт XII (Жак Фурнье), 1334.XII.20—1342.IV.25
Климент VI (Пьер Роже), 1342.V.7—1352.XI.6
Иннокентий VI (Этьен Обер), 1352.XII.18—1362.IX.12
Урбан V (Гильом де Гримор), 1362.IX.28—1370.XII.19
Григорий XI (Пьер Роже де Бофор), 1370.XII.30—1378.III.27
Урбан VI (Бартоломео Приньяно), 1378.IV.8—1389.X.15
Климент VII (Роберт, граф Женевский) (антипапа), (1378.IX.20—1394.IX.16)
Бонифаций IX (Пьетро Томачелли), 1389.XI.2—1404.X.1
Бенедикт XIII (Педро де Луна) (антипапа), (1394.IX.28—1417.VII.26)
Иннокентий VII (Козимо Мильорати), 1404.X.17—1406.XI.6

Григорий XII (Анджело Коррер), 1406.XI.30—1415.VII.4
Александр V (Петр Филарго) (антипапа), (1409.VI.26—1410.V.3)
Иоанн XXIII (Балтазар Косса) (антипапа), (1410.V.17—1415.V.29)
Мартин V (Одцо Колонна), 1417.XI.11—1431.II.20
Климент VIII (Гил Санчес Муньос) (антипапа), (1423.VI.10—1429.VII.26)
Бенедикт XIV (антипапа), (1425–1430 [?])
Евгений IV (Габриэле Кондольмер), 1431.III.3—1447.II.23
Феликс V (Амадей, герцог Савойский) (антипапа), (1439.XI.5—1449.IV.25)
Николай V (Томмазо Парентучелли), 1447.III.6—1455.III.24
Каликст III (Алонсо де Борха) (Борджа), 1455.IV.8—1458.VIII.6
Пий II (Энеа Сильвио Пикколомини), 1458.VIII.19—1464.VIII.15
Павел II (Пьетро Барбо), 1464.VIII.30—1471.VII.26
Сикст IV (Франческо делла Ровере), 1471.VIII.9—1484.VIII.12
Иннокентий VIII (Джамбаттиста Чибо), 1484.VIII.29—1492.VII.25
Александр VI (Родриго де Борджа), 1492.VIII.11—1503.VIII.18
Пий III (Франческо Тодескини-Пикколомини), 1503.IX.22—1503.X.18
Юлий II (Джулиано делла Ровере), 1503.X.31—1513.II.21
Лев X (Джованни Медичи), 1513.III.11—1521.XII.1
Адриан VI (Адриан Флоренс), 1522.I.9—1523.IX.14
Климент VII (Джулио Медичи), 1523.XI.19 — 1534.IX.25
Павел III (Алессандро Фарнезе), 1534.X.13—1549.XI.10
Юлий III (Джованни Мария Чокки дель Монте), 1550.II.7—1555.III.23
Марцелл II (Марчелло Червини), 1555.IV.9—1555.IV.30
Павел IV (Джанпьетро Караффа), 1555.V.23—1559.VIII.18
Пий IV (Джованни Анджело Медичи), 1559.XII.25—1565.XII.9
Св. Пий V (Антонио Микеле Гислиери), 1566.I.7—1572.V.1
Григорий XIII (Уго Бонкомпаньи), 1572.V.13—1585.IV.1
Сикст V (Феличе Перетти), 1585.IV.24—1590.VIII.27
Урбан VII (Джамбаттиста Кастанья), 1590.IX.15—1590.IX.27
Григорий XIV (Никколо Сфондрати), 1590.XII.5—1591.X.16
Иннокентий IX (Джованни Антонио Факкинетти), 1591.X.29—1591.XII.30
Климент VIII (Ипполито Альдобрандини), 1592.I.30—1605.III.5
Лев XI (Алессандро Медичи), 1605.IV.1—1605.IV.27
Павел V (Камилло Боргезе), 1605.V.16—1621.I.28
Григорий XV (Алессандро Людовизи), 1621.II.9—1623.VII.8
Урбан VIII (Маффео Барберини), 1623.VII.6—1644.VII.29
Иннокентий X (Джамбаттиста Памфили), 1644.IX.15—1655.I.7
Александр VII (Фабио Киджи), 1655.IV.7—1667.V.22
Климент IX (Джулио Роспильози), 1667.VI.20—1669.XII.9
Климент X (Эмилио Альтьери), 1670.IV.29—1676.VII.22
Иннокентий XI (Бенедетто Одескальки), 1676.IX.21—1689.VIII.12

Александр VIII (Пьетро Оттобони), 1689.X.6—1691.II.1
Иннокентий XII (Антонио Пиньятелли), 1691.VII.12—1700.IX.27
Климент XI (Джованни Франческо Альбани), 1700.XI.23—1721.III.19
Иннокентий XIII (Микеланджело деи Конти), 1721.V.8—1724.III.7
Бенедикт XIII (Пьетро Франческо, герцог Орсини), 1724.V.29—1730.II.21
Климент XII (Лоренцо Корсини), 1730.VII.12—1740.II.6
Бенедикт XIV (Просперо Ламбертини), 1740.VIII.17—1758.V.3
Климент XIII (Карло Реццонико), 1758.VII.6—1769.II.2
Климент XIV (Джованни Винченцо Лоренцр Ганганелли), 1769.V.19—1774.IX.22
Пий VI (Джованни Анджело, граф Браски), 1775.II.15—1799.VIII.29
Пий VII (Барнаба Луиджи, граф Кьярамонти), 1800.III.14—1823.VIII.20
Лев XII (Аннибале, граф делла Дженга), 1823.IX.28—1829.II.10
Пий VIII (Франческо Саверио Кастильони), 1829.III.31—1830.XI.30
Григорий XVI (Бартоломео Альберто Каппеллари), 1831.II.2—1846.VI.1
Пий IX (Джованни Мария, граф Мастаи-Ферретти), 1846.VI.16—1878.II.7
Лев XIII (Джиоаккино, граф Печчи), 1878.II.20—1903.VII.2
Св. Пий X (Джузеппе Сарто), 1903.VIII.4—1914.VIII.20
Бенедикт XV (Джакомо делла Кьеза), 1914.IX.3—1922.I.22
Пий XI (Акилле Ратти), 1922.II.6—1939.II.10
Пий XII (Эудженио Пачелли), 1939.III.2—1958.X.9
Иоанн XXIII (Анжело Джузеппе Ронкалли), 1958.X.28—1963.VI.3
Павел VI (Джованни Баттиста Монтини), 1963.VI.21—1978.VIII.6
Иоанн Павел I (Альбино Лучани), 1978.VIII.26—1978.IX.29
Иоанн Павел II (Кароль Войтыла), 1978.X.16—

Примечания

1

В связи со значительным обновлением католической теологии II Ватиканский собор (1962–1965) указал на необходимость пересмотра «Codex Juris Canonici». Подписанный Иоанном Павлом II в 1983 г. новый кодекс сохраняет основное содержание прежнего при значительном сокращении количества статей (с 2412 до 1752) и причин для отлучения от церкви (с 37 до 7). — Примеч. ред.

2

Так называются периодически созываемые папами официальные собрания католических епископов и других представителей церкви для решения важных церковных проблем. Начали созываться после разделения христианской церкви на западную и восточную в 1054 г. До настоящего времени состоялся 21 Вселенский собор католической церкви. — Примеч. ред.

3

«Tu es Petrus» (лат.): «Ты — Петр» — начальные слова известной цитаты из Евангелия от Матфея (16:18), приведенной в русском переводе ниже.

4

Этот символ веры был принят I Вселенским собором, проходившим в 325 г. в городе Никея (отсюда название). — Примеч. ред.

5

Петр (Petrus) означает камень.

6

Это первая фраза из процитированного выше отрывка из Нового завета по-латыни.

7

Гече Г. История христианства. Будапешт, 1977. С. 32.

8

Quo vadis? (лат.) — Куда идешь?

9

Via Appia (лат.) — Аппиева дорога.

10

Domine (лат.) — господин, здесь — Господь.

11

Манихейство — религиозно-философское учение, возникшее в III веке в Персии. Названо по имени своего основателя Мани (216 — между 274 и 277). Согласно этому учению мир состоит из двух известных противостоящих друг другу начал: света и тьмы (материи), Добра и Зла. Зло (материя) вторгается в царство света и частично захватывает его. Благой отец, владыка света, создает первочеловека, который вступает в борьбу с сынами мрака, терпит поражение и попадает в плен. Для его спасения Благой отец порождает духа живого и тот, победив сынов мрака, создает космос для очищения поглощенного ими света. После этого наступает время окончательного торжества Добра над Злом. Человек в манихействе — порождение тьмы, дьявола, заключившего душу (искру света) в оковы плоти. Для спасения человеческой души Благой отец послал своего сына Иисуса, обладавшего лишь видимостью человека и даровавшего спасение посредством «знания» («гносиса»), которым является учение манихейства. Евангельский Спаситель был лже-Христом, вторгшимся в дело подлинного Христа, который не воплощался и не сочетал в себе божественную и человеческую сущности. После Христа был послан Мани — параклет (утешитель) — главный из посланцев царства света. В Европе манихейство, сблизившись с христианством, распространилось в III–XI вв., оказав влияние на формирование дуалистических ересей павликиан, богомилов, катаров и альбигойцев. —

Примеч. ред.

12

Primus inter pares (лат.) — первый среди равных.

13

Настоящее имя Пелагия — Морган; он был церковным деятелем из Британии. — Примеч. ред.

14

Ad absurdum (лат.) — до абсурда.

15

Causa finita est (лат.) — дело закончено (завершено).

16

Rex et pontifex (лат.) — король и высший священнослужитель.

17

Пентаподем (пятиградьем) с раннего средневековья назывался район, в который входили 5

восточно-италийских прибрежных городов: Аримин, Пизавр, Фанум, Сена Галлика и Анкона. Со второй половины VI века они принадлежали к сохранившейся части византийских владений в этом районе Италии. — Примеч. ред.

18

Паллий — надеваемая на плечи белая шерстяная лента с вышитыми на ней черными крестами, знак архиепископского достоинства. — Примеч. ред.

19

Victoria domini nostri (лат.) — Победа господина нашего.

20

Septem artes liberales (лат.) — совокупность наук, составлявшая основу светского образования в раннем средневековье и включавшая грамматику, диалектику, риторику, геометрию, арифметику, астрономию и музыку. — Примеч. ред.

21

In nomine Domini» (лат.) — «Во имя Господа».

22

Casus belli (лат.) — формальный повод к объявлению войны.

23

В русскоязычной исторической литературе чаще называется Тевтонским орденом. — Примеч. ред.

24

Богомилы — приверженцы богомилства — ереси, возникшей в Болгарии в X веке и получившей свое название от имени священника Богомила. В XI веке распространилась в Сербии, Хорватии и некоторых других странах. Богомилы отвергали церковные таинства и обряды, считая их действиями, лишёнными мистического смысла, выступали против почитания креста, икон и мощей, но сохранили молитву. Богомилство отражало настроения крепостных крестьян и городской бедноты; повлияло на западноевропейские ереси. — Примеч. ред.

25

Камальдулы — монашеский орден со строгим аскетическим уставом, основанный ок. 1012 г. в селении Камальдоя близ г. Ареццо (Италия) аббатом-визионером Ромуальдом. — Примеч. ред.

26

То есть католический догмат об исхождении Святого Духа не только от Бога-Отца, но и от Бога-Сына. — Примеч. ред.

27

Непотизм происходит от латинского слова nepos племянник. Первое значение nepos — внук, а второе — потомок. Племянник — значение, принятое в латыни нового времени. Под непотизмом понимается чрезмерная любовь пап к своим родственникам, большие поблажки, выгоды, которые предоставляли им папы. — Примеч. ред.

28

XIV век — период интенсивного развития гуманизма в итальянской культуре. — Примеч. ред.

29

В русскоязычной религиозно-исторической литературе этот налог принято называть «грошем Святого Петра». — Примеч. ред.

30

Фратичелли — представители францисканского ордена (минориты). — Примеч. ред.

31

Екатерина Сиенская — монахиня ордена терциариев-доминиканцев — пыталась противодействовать Великому расколу. Ее «Трактат о божественном провидении» и письма передают не только мистическое настроение автора, но и ее тревогу за состояние тогдашнего общества. В 1376 г. Екатерина приехала в Авиньон, чтобы уговорить папу Григория XI вернуться в Рим. — Примеч. ред.

32

Никколо Макиавелли можно считать одним из основоположников политологии Нового времени. Главной причиной бедствий Италии он считал раздробленность, преодолеть которую способна лишь сильная государственная власть. Ради упрочения государства он допускал любые средства, в том числе и пренебрегающие нормами морали. — Примеч. ред.

33

Вульгата (Vulgata — лат.) — латинский перевод Библии, признанный католической церковью подлинным. — Примеч. ред.

34

Аннаты — единовременные сборы в пользу папской казны с лиц, получавших вакантные церковные должности и связанные с ними статьи доходов. — Примеч. ред.

35

Речь идет о знаменитой Сикстинской капелле, в росписи которой позднее принял участие и Микеланджело (потолок, люнеты, распалубки и алтарная стена). Сейчас капелла превращена в музей, но в ней до сих пор проводятся конклавы. — Примеч. ред.

36

Фуггеры — банкирский дом, снабжавший деньгами папскую курию. — Примеч. ред.

37

Сапиенца — название Римского университета (Sapientia (лат.) — мудрость).

38

Sacco di Roma (лат.) — разграбление Рима.

39

Мохач — небольшой город на юге Венгрии. В 1526 году в битве под Мохачом венгерские войска потерпели сокрушительное поражение от турок. — Примеч. ред.

40

Cuius regio, eius religio (лат.) — чье государство (регион), того и религия (тот и определяет религию).

41

Потир — литургический сосуд для освящения вина — Примеч. ред.

42

Надьсомбат — венгерское название города Суботица.

43

Нунциатура — постоянное представительство Ватикана в странах, с которыми он поддерживает дипломатические отношения. Возглавляет нунциатуру — нунций (от лат. nuntius — вестник), посол,

который кроме дипломатических функций осуществляет также наблюдение за деятельностью католической церкви в стране пребывания. В ряде стран нунций является дуайеном (старшиной дипломатического корпуса). — Примеч. ред.

44

Папский Григорианский университет (*Pontificia Universita gregoriana*) был создан в 1552 г. Игнатием Лойолой с одобрения папы Юлия III. Григорий XIII окружил университет заботливой опекой, выделил ему в 1582 г. из папской казны крупную дотацию и отдал ряд зданий. Задачей «Григорианума» является подготовка квалифицированных кадров для центральных и периферийных церковных учреждений. — Примеч. ред.

45

Гугенотами назывались во Франции последователи кальвинизма, среди которых преобладали представители провинциальной буржуазии и ремесленников, но к ним примкнула и часть дворянства Юга и Юго-Запада Франции, недовольная централизаторской политикой королевской власти. Преследования гугенотов со стороны государственной власти прекратились лишь после Великой французской революции. — Примеч. ред.

46

Перевод заключительной части (Победил Лев племя Иудино), может быть, и не точен.

47

Куруцы — участники антигабсбургской освободительной борьбы в Венгрии.

48

Под термином «пиисты» автор подразумевает пап Пия VI и Пия VII и их приверженцев. — Примеч. ред.

49

Рисорджименто — движение за объединение Италии.

50

В 1858 г. 14-летней жительнице Лурда Бернадетте Субиру 18 раз «являлась» в гроте Массамбьель Богородица, представляясь как «Непорочное Зачатие». — Примеч. ред.

51

После I Ватиканского собора группа немецких католиков, руководимая теологом И. Дёллингером, отвергла ряд важных решений этого собора и в 1889 г. присоединилась к так называемой Утрехтской церкви, которая возникла в начале XVIII в. в результате борьбы янсенистов против иезуитов и папства. Их стали называть старокатоликами. Они сами посвящают в сан епископов и не признают верховной власти папы над церковью, догмата о папской непогрешимости и о непорочном зачатии Девы Марии. Основу их вероучения составляют решения первых восьми вселенских соборов христианской церкви и догматы церкви, принятые до раскола христианства в 1054 г. на восточное и западное. Старокатолики, которых сейчас насчитывается около 450 тыс., проживают в Германии, Австрии, Швейцарии, Нидерландах и США. — Примеч. ред.

52

В XVI в. Вульгата, т. е. перевод Библии на латинский язык, выполненный Иеренимом в 384–405 гг., была принята католической церковью в качестве официального текста Библии. Однако это не помешало Пию X принять решение о его пересмотре. — Примеч. ред.

53

Национальная героиня Франции Жанна д'Арк (1412–1431) была обвинена в ереси и колдовстве и сожжена на костре по приговору инквизиции в Руане в 1431 г. При папе Каликсте III (1455–1458) Жанна д'Арк была реабилитирована. — Примеч. ред.

54

Первые сведения о почитании Сердца Иисуса относятся к XI–XII вв. В XVII во Франции возникают культ и братства Сердца Иисуса, а в 1765 г. папа Климент XIII утверждает праздник Сердца Иисуса. В 1873 г. Сердцу Иисуса была посвящена Франция, а в 1875-м — вся вселенная. В католицизме Сердце Иисуса является символом надежды на спасение. — Примеч. ред.

55

Имеется в виду очень чтимый католиками церковный праздник в память установления Иисусом Христом таинства евхаристии (причащения), введенный папой Урбаном VI в 1264 г. — Примеч. ред.

56

Буквально — одинаковое поведение, т. е. приобщение к единой господствующей фашистской идеологии (нем.) — Примеч. пер.

Bottom of Form